
СПА-XIX

BIBLIOTHECA CLASSICA PETROPOLITANA
SAINT PETERSBURG INSTITUTE OF HISTORY
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

A BIOGRAPHICAL
DICTIONARY OF
St PETERSBURG
CLASSICISTS

in the 19th – early 20th centuries

IN THREE VOLUMES

EDITED BY

A. K. Gavrilov (ed. in chief),
E. D. Blashchuk, O. V. Budaragina, N. K. Jijina, D. V. Keyer,
A. I. Ruban, T. V. Shaburina (ed. secretary), A. L. Verlinsky,
Yu. A. Vinogradov, V. V. Zelchenko

Petropoli MMXXI

СЛОВАРЬ ПЕТЕРБУРГСКИХ АНТИКОВЕДОВ

XIX – начала XX века

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ I

А – К

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. К. Гаврилов (отв. ред.),
Е. Д. Блащук, О. В. Бударagina, А. Л. Верлинский,
Ю. А. Виноградов, Н. К. Жижина, В. В. Зельченко, Д. В. Кейер,
А. И. Рубан, Т. В. Шабурина (секретарь редакции)

Санкт-Петербург 2021

УДК 1(091):030
ББК 71.1я2
С48

Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского института истории РАН (30.06.2020, протокол № 6)

Научные рецензенты:
д. ф. н., акад. РАН *С. И. Николаев* (ИРЛИ РАН),
д. и. н. *Е. А. Ростовцев* (Институт истории СПбГУ),
д. и. н. *А. И. Рупасов* (СПБИИ РАН)

Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века : в 3 т. /
С48 редкол.: А. К. Гаврилов (отв. ред.) и др. ; Bibliotheca classica Petropolitana,
Санкт-Петербургский институт истории РАН. — Санкт-Петербург : Bibliotheca
classica Petropolitana, 2021.

ISBN 978-5-4391-0715-5

Том I : А – К. — Санкт-Петербург : Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. —
xxxvi + 426 с. : ил.

ISBN 978-5-4391-0712-4

СПА-XIX предлагает читателю расположенные по алфавиту жизнеописания 250 петербургских или связанных с Петербургом ученых, педагогов, деятелей искусства и литературы, внесших вклад в развитие отечественного антиковедения. Статьи основываются на максимально широком привлечении трудов изучаемых деятелей культуры, биографической литературы о них и архивных материалов. Стремясь к историзму и объективности, авторы статей, сами работающие в различных областях антиковедения, показывают достижения и просчеты своих предшественников путем сопоставления мнений их современников, воздерживаясь от окончательных вердиктов. Составляющие 3-й том справочные материалы (указатели имен, списки учреждений, связанных с антиковедением, и др.) призваны помочь в уяснении исторической обстановки, в которой развивались вошедшие в Словарь деятели, что способствует использованию биографий при изучении отечественной культуры в целом. Статьи снабжены детальной библиографией. Словарь включает портреты антиковедов.

Книга предназначена для антиковедов различного профиля, для историков российской науки, культуры и образования, исследователей литературы и искусства, занимающихся вопросами рецепции античного наследия, а также для более широкого круга читателей, которые дорожат прошлым отечественной, в частности петербургской, культуры и ценят достижения, имевшие место в период ее наиболее динамичного развития.

УДК 1(091):030
ББК 71.1я2

ISBN 978-5-4391-0715-5
ISBN 978-5-4391-0712-4 (Т. I)

© Bibliotheca classica Petropolitana, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Бакланова А. П., дизайн обложки, 2021

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

ОТ РЕДАКЦИИ	vii
<i>FROM THE EDITORS</i>	
ПОЯСНЕНИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ	x
<i>NOTE TO THE READER</i>	
ОБЩЕПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	xiv
<i>GENERAL ABBREVIATIONS</i>	
Сокращения слов	xiv
<i>Common Abbreviations</i>	
Сокращенные названия учреждений и обществ	xvi
<i>Abbreviations for Institutions and Societies</i>	
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	xx
<i>SELECTED BIBLIOGRAPHY</i>	

БИОГРАФИИ (А–К) *BIOGRAPHICAL ENTRIES (A–K)*

Айналов Д. В. – 5; Аландский П. И. – 11; Алексеев В. А. – 15; Андреев И. Д. – 18; Аничков Н. М. – 21; Анненский И. Ф. – 22; Ардашев П. Н. – 28; Астафьев Н. А. – 30
Бауер (Бауэр) В. В. – 33; Бекштрем А. Г. – 36; Белен де Баллю Я. Я. – 41; Бел(л)юстин Н. Ф. – 43; Беляев Д. Ф. – 45; Бенешевич В. Н. – 49; Берент К. Р. – 54; Благовещенский Н. М. – 55; Блуменау Л. В. – 61; Бобринский А. А. – 63; Бого- лепов Н. П. – 65; Болотов В. В. – 69; Брандт И. Ф. – 72; Бриллиантов А. И. – 75; Брок А. А. – 77; Бронзов А. А. – 79; Брут А. И. – 81; Бэр (Бер) К. М. – 83
Вальтер Ф. А. – 87; Варнеке Б. В. – 88; Васильевский В. Г. – 91; Введенский А. И. – 96; Ведров В. М. – 99; Вейсман А. Д. – 101; Вересаев В. В. – 104; Верт Э. А. – 108; Веселовский А. Н. – 111; Веселовский Н. И. – 116; Ветнек Е. И. – 121; Видеман Ф. Э. – 123; Владиславлев М. И. – 124; Водовозов В. И. – 128; Воеводский Л. Ф. – 130; Востоков А. Х. – 134; Вульфийус Г. Г. – 137
Галич А. И. – 139; Гартман Н. – 143; Гар(т)ц Ф. А. – 146; Гаффнер Э. И. – 148; Гедеонов С. А. – 149; Гедике Ф. Ф. – 153; Гельбке Ф. Ф. – 154; Гельвих Н. А. – 156;

Гельд Г. Г. – 158; Ген (Хен) В. – 160; Георгиевский А. И. – 169; Георгиевский Л. А. – 172; Георгиевский М. А. – 174; Гиль Х. Х. – 175; Гинтовт С. И. – 178; Гинцбург Н. С. – 180; Глориантов Н. И. – 182; Глубоковский Н. Н. – 183; Гнедич Н. И. – 188; Гофман А. А. – 193; Граф(ф) Г. В. – 194; Грацилевский И. М. – 195; Гревс И. М. – 196; Грефе Г. Ф. – 201; Грефе Ф. Б. – 201; Григорьев В. В. – 206; Grimm Ал. И. – 210; Grimm Ан. И. – 212; Grimm Д. Д. – 214; Grimm Э. Д. – 216; Гуревич Я. Г. – 219

Давыдов И. И. – 223; Дашков Д. В. – 228; Десянов И. Д. – 231; Дестунис Г. С. – 233; Дестунис С. Ю. – 237; Дмитриевский А. А. – 240; Добиаш-Рождественская О. А. – 242

Ернштедт В. К. – 248

Жданов С. Н. – 253; Жебелёв С. А. – 255; Жил(ль) Ф. А. – 264; Жобар И. К. – 268; Жуковский В. А. – 269

Зелинский Ф. Ф. – 274; Зенгер Г. Э. – 291; Зоргенфрей Г. Г. – 296

Иванов В. И. – 299; Иванов С. А. – 306; Иверсен Ю. Б. – 313; Иконом(ос) К. – 316; Ионин А. О. – 321

Каль А. Ф. – 323; Каринский М. И. – 325; Карпов В. Н. – 327; Касторский М. И. – 330; Кедров К. В. – 334; Кёлер (Келер) Е. Е. – 337; Кёниг (Кениг) И. И. – 341; Кёниг (Кениг) О. О. – 343; Кёппен (Кеппен) П. И. – 344; Кёрбер (Кербер) Э. Ю. – 349; Кесслер Э. Э. – 350; Кизерицкий Г. Е. – 351; Кирхнер Ю. Б. – 354; Клас(с)овский В. И. – 356; Клеменчич О. Ю. – 358; «Козьма Прутков» – 359; Кондаков Н. П. – 365; Константин Константинович, вел. кн. – 372; Коссович И. А. – 375; Коссович К. А. – 377; Кочубей В. В. – 381; Кошанский (Кашанский) Н. Ф. – 382; Краснов П. Н. – 386; Краузе В. М. – 388; Крашенинников М. Н. – 390; Крешев И. П. – 395; Круг Ф. И. – 397; Крылов А. Л. – 400; Кузмин М. А. – 402; Кульман Е. Б. – 408; Куторга М. Сем. – 410; Куторга М. Степ. – 425

ОТ РЕДАКЦИИ

Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века (СПА-XIX) посвящен жизнеописанию 250 петербургских ученых и деятелей культуры, интересы которых были всецело или частично связаны с античностью. Избранные хронологические рамки условны, но не случайны. К началу XIX в. относится второе основание Петербургского университета и открытие сети высших и средних учебных заведений, что стало важнейшей предпосылкой научного изучения античности в России в форме профессиональных занятий. Революция октября 1917 г. и годы гражданской войны не только привели к физическому исчезновению, переквалификации и эмиграции многих российских ученых, но и разрушили систему причастных к антиковедению институтов. Их выборочное восстановление с начала 1930-х гг. означало уже иной этап в развитии старых учреждений и установок на фоне все более обширного, но и менее взискательного культурного строительства.

Важной чертой настоящего издания по сравнению с биографическими словарями по отдельным научным специальностям оказывается то, что здесь представлены не только исследователи античности, служившие в высшей школе и научных учреждениях, но и наиболее влиятельные преподаватели гимназий, поскольку роль средней школы в эпоху становления русского антиковедения не могла не быть чрезвычайно высокой. С тем же подходом связано присутствие в *СПА-XIX* деятелей государственной администрации в лице отдельных министров народного просвещения, предпринимавших те или иные шаги для развития классического образования, а значит, так или иначе определявших судьбу русских занятий античностью. Другая черта настоящего издания — принятие в рассмотрение некоторых представителей смежных специальностей: историков христианской церкви, византинистов, археологов-искусствоведов, собирателей антиков и др., причастных к изучению античности. Еще избирательнее представлены в Словаре писатели и поэты, в творчестве которых античность играла категорически важную роль, например, те, кто, переводя древних авторов, знакомили с ними русскую публику.

Словник *СПА-XIX* в 2000-е годы составляли А. К. Гаврилов, А. Л. Верлинский и О. В. Бударagina (см.: *Prosopographia classica Petropolitana // Hyperboreus*. 2004. Vol. 10. P. 226–231). В. П. Смышляева, энергично взявшаяся за «полевую» работу в архивах и библиотеках по намеченному редакцией плану, подсказала ряд ученых имен, которых следовало бы ввести в *СПА*. Более того, в ходе своей работы В. П. Смышляева, написав примерно половину всех биографий нашего списка и передав их в распоряжение редакции, перешла к собственному отдельному проекту: она решила создать 300 портретов русских ученых той же эпохи, не ограничиваясь Петербургом, зато держась исключительно филологов в тесном смысле слова (*Смышляева В. П. Российские филологи-классики XIX века: «германовское» направление*. СПб., 2015). Приняв с благодарностью весомый и отвечавший

лучшим ожиданиям вклад В. П. Смышляевой, редакция осталась, тем не менее, при своем первоначальном плане — заниматься историей антиковедения в намеченных временных рамках, но прежде всего в Петербурге, не отказываясь от того «энциклопедического» подхода, который описан выше. В исполнении этого плана приняли участие ок. 40 авторов, которые были призваны держаться некоего общего распорядка и установок, гармонично воплощенных в статьях В. П. Смышляевой. Публикуемые статьи всех других авторов часто, как сможет убедиться читатель, разительно отличаются друг от друга по объему и манере изложения. Хотя редакция Словаря изначально стремились к той или иной степени единообразия, в итоге — на фоне растущей справочной роли электронных инструментов — она сочла благоразумным признать ценность за разнообразием и отнестись терпимо к особенностям авторов, лишь бы материал были добротен, а изложение — внятно.

В научный аппарат *СПА* вошел ряд *Приложений*, составляющих 3-й том издания, о назначении и особенности которых сообщается ниже в *Пояснениях для читателя*.

Редакционную коллегию составили: Е. Д. Блащук, О. В. Бударагина, А. Л. Верлинский, Ю. А. Виноградов, А. К. Гаврилов (гл. редактор), Н. К. Жижина, В. В. Зельченко, Д. В. Кейер, А. И. Рубан, Т. В. Шабурина (отв. секретарь). Помимо них в работе над Словарем и в особенности над его научным аппаратом участвовали: С. Э. Андреева, К. И. Корюк, Н. А. Кузнецова, А. В. Павлова, А. А. Пименова. Аффилиация авторов, написавших статьи, составляющие т. 1 (А–К) и т. 2 (Л–Я), представлена наряду с редакторами и помощниками редакции в Приложении «Сведения об авторах статей и редакции *СПА-XIX*», помещенном в т. 3. Т. В. Костылева выполнила английские добавления в нескольких разделах Аппарата: *definitions* в *Алфавитном списке статей 1–250*, англ. перевод в *Сведениях об авторах*, а также английскую версию справки о *СПА-XIX* в целом: *What is SPA-XIX?* В составлении индекса имен приняла участие студентка кафедры классической филологии СПбГУ Ю. М. Батрунова, Н. А. Брыкова, А. Кирносова, Д. А. Сесина и А. Е. Тупицына.

Изначально основополагающим для редакции было сильное обращение к архивам. Почти все авторы в то или иное время работали с архивными материалами; особенно, не говоря о В. П. Смышляевой, это относится к тем из них, которые посвятили биографии одного из рассматриваемых в *СПА* деятелей значительную часть своей жизни (яркий пример — Ж. К. Павлова с ее заботами о всестороннем увековечении памяти Ф. Жиля). Вопросы, связанные с СПбФ АРАН, помогала разрешать Е. Г. Застрожнава. Работу по переписке с авторами, внесению многократной правки, хранению и уточнению данных осуществляла отв. секретарь издания Т. В. Шабурина, а на последнем этапе — Д. В. Кейер. Редактор издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ» Н. Ю. Меньшенина проверяла то, что связано с цитированием, и помогла организовать систему сокращений и сокращенных ссылок, что содействовало единообразию в научном аппарате издания. Вычиткой, исправлением и пополнением всего текста *СПА* или его частей занимались А. К. Гаврилов, Т. В. Шабурина, А. И. Рубан (систематически сверивший, кроме того, даты рождения и смерти ученых по старому и новому стилям), А. Л. Верлинский, а на завершающем этапе — В. В. Зельченко и Д. В. Кейер.

В области археологии редакция располагала участием и помощью Ю. А. Виноградова (ИИМК) как автора и соредактора; Н. К. Жижина (ГЭ) содействовала

в поиске авторов, готовых написать о знатоках античного искусства в Эрмитаже. По отдельным вопросам наших авторов и редакцию консультировали: Ю. П. Калашник (ГЭ) и Е. В. Лепехина (отд. нумизматики, ГЭ). Сплошное и внимательное прочтение текста биографий д. и. н. В. В. Носковым (1953–1921) — отличным знатоком европейской политической истории XIX в. — оказалось полезным для редакции, требуя от последней большего внимания к политической географии Центральной и Западной Европы.

Большое значение редакция придавала иконографии ученых. Этим занималась О. В. Бударagina, отыскивая и отбирая в архивах петербургских научных и образовательных учреждений портреты возможно лучшего качества и примечательные иногда своей редкостью. За содействие в получении доступа к архивным материалам и подбору изображений редакция выражает благодарность Е. Ю. Герасимовой и В. С. Логиновой (Литературный Музей ИРЛИ РАН — Пушкинский Дом), И. В. Тункиной и Е. Г. Застрожной (СПбФ АРАН), Е. А. Сунцовой (ЦГИА СПб), Т. И. Киреевой (ГЭ), Т. Ю. Бровкиной (Музей Николаевской гимназии), И. Б. Ермиловой (Музей Петришуле). Неоценимую дружескую помощь в технической обработке ряда изображений оказала А. С. Соколова.

В создании СПА в качестве авторов, редакторов и консультантов принимал участие ряд сотрудников СПбИИ РАН — кроме А. К. Гаврилова, Д. В. Кейера и В. В. Носкова, это были: Л. А. Герд, Н. А. Павличенко (ныне ИИМК РАН) и Е. К. Пиотровская. Иные помогали справками и указаниями: так, Б. С. Каганович (1952–2021) с его великолепным знанием истории русской интеллигенции, Л. Б. Вольфцун, П. Г. Rogozный, А. Н. Чистиков поделились с редакцией сведениями или соображениями о некоторых ближе им знакомых персонажах. Рукопись была рассмотрена Ученым советом СПбИИ РАН на заседании 30 июня 2020 г. и одобрена по рекомендации рецензентов, в качестве которых выступили: акад. С. И. Николаев (ИРЛИ РАН), д. и. н. Е. А. Ростовцев (ИИ СПбГУ) и д. и. н. А. И. Рупасов (СПбИИ РАН), давшие редакции полезные советы, пригодившиеся на самой последней стадии работы.

Рядом советов по работе с изданиями такого рода редакция обязана С. И. Мишеевой (Санкт-Петербургская классическая гимназия); отдельные биографии с пользой для дела прочли: Е. В. Ревуненкова (МАЭ РАН), А. В. Востриков, хранитель мемориальной библиотеки Музея Высших женских (Бестужевских) курсов, и другие коллеги.

Что касается технической стороны издания и электронной поддержки, то на начальном этапе при формировании базы помогли И. М. Егоров и К. Б. Катенин. Оригинал-макет тт. 1 и 2 выполнила А. Б. Левкина, т. 3 — П. А. Лезников.

От замысла и первых приготовлений к биобиблиографическому изучению истории петербургского антиковедения прошло более двух десятилетий, а непосредственной работе над ней к моменту выхода книги из печати исполняется приблизительно 10 лет. Редакция посвящает *Словарь Петербургских антиковедов XIX — начала XX века* недавно прошедшему 25-летию Античного кабинета: для этой работы почти полусотне участников пришлось понемногу и с переменным успехом возвращать в себе, помимо знаний и умений, свойство, решительно необходимое для сколько-нибудь успешного людского сообщества, — солидарность.

Петербург, июль 2021

ПОЯСНЕНИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

При пользовании *Словарем петербургских антиковедов XIX — начала XX века (СПА-XIX)* нужно иметь в виду особенности этого издания, содержащего наряду с корпусом биографий (тт. 1–2) еще и ряд Приложений и Указателей, образующих его научный аппарат (вступительная часть 1-го тома, т. 3).

Набор лемм, из которых состоит *СПА-XIX* (250 персон), представляет собой собрание имен, которые признаны редакцией неизменными или показательными для истории петербургского антиковедения XIX — нач. XX в. Если преподаватели высших учебных заведений по профильным для Словаря дисциплинам включены с наибольшей полнотой, то преподававшие в кардинально значимых средних учебных заведениях введены в Словарь выборочно. Филологи и историки представлены в равной степени, тем более что граница между этими специальностями в изучаемый период проходила иначе, чем принято думать сегодня — и по образованию, и по местам службы тот же ученый мог именоваться то филологом, то историком. Наравне с этими двумя категориями в словарь включены историки античного искусства, археологи и представители вспомогательных исторических дисциплин, связанные с основными специальностями по характеру своего образования. Напротив, важные для истории Древнего мира разделы востоковедения здесь не охвачены, ввиду их давно сложившегося обособления в системе образования, науки и, соответственно, в справочной литературе. Зато *СПА-XIX* включает представителей некоторых других дисциплин, когда они тем или иным образом соприкасаются с классической древностью: это историки христианской церкви (древний период), византилисты (в той мере, в какой в их работе присутствуют античные темы и грецистика), переводчики с классических языков на русский, деятели народного просвещения (напр., некоторые министры ввиду их роли в развитии системы классического образования) и др. Труды таких деятелей и ученых из смежных областей культуры и знания, как и их карьера, рассматриваются, конечно, только применительно к занимающей нас сфере деятельности.

Читатель не найдет в *СПА-XIX* некоторых видных петербургских антиковедов, научная деятельность которых началась еще до 1917 / 1918 гг., но приходится, в основном, уже на советский период [таковы, напр., С. Я. Лурье, О. О. Крюгер и даже И. И. Толстой (мл.)]. По мнению редакции, их жизнеописания более целесообразны в том или ином продолжении настоящего издания, посвященном XX в. — как в силу своей принадлежности к новой эпохе, так и ввиду своей значимости в ней: наследникам значительной традиции, им довелось довести до менее благополучных поколений хотя бы какую-то ее часть.

Ввиду различия в занятиях и характерах лиц, представленных в Словаре, а также в связи с особенностями подхода авторов к своему материалу, биографии

освещены с различной степенью обстоятельности. Доступность выложенных в сети оцифрованных или электронных биографических сводов делает менее целесообразным, чем прежде, составление статей, к которым обращаются за справками. Разумеется, авторы и редакция *СПА-XIX* заботились о точности; им случалось время от времени корректировать сведения, относящиеся к биографии персонажей; однако если читателей интересуют, напр., подробности их послужного списка, почетных званий, орденов и т. п., то лучше обратиться к другим справочным (книжным или электронным) изданиям. Наш Словарь ориентирован более всего на историю знания, поданную в форме научных биографий и предназначенную для читателя, внимательного как к античности, так и к новейшему времени. При этом стоит иметь в виду, что **объем** статей не мыслится как прямое соответствие значимости ученого, а зависит от ряда обстоятельств: насколько пристально автор той или иной статьи рассматривает труды и научный вклад изучаемого персонажа и в какой степени деятельность последнего реципирована и осмыслена в научной традиции (люди, творчество которых вызывало больше разногласий, разбираются обычно подробнее). В целом от концепции справочного пособия в алфавитной форме издатели иногда сознательно, а иногда и незаметно для себя перешли к представлению о *книге для чтения*, которая способна принести пользу чувствительному как к истории знания, так и к отечественной традиции исследователю.

Что касается степени укорененности персонажей *СПА-XIX* в культурную жизнь Петербурга, то она тоже различна — включены те, кто в ту или иную пору жизни был ощутимо связан с городом на Неве и его институтами. Самое яркое исключение сделано для харьковского профессора В. П. Бузескула, биография которого увенчивает корпус 1–250. Чл.-корр. Петербургской Академии наук с 1910 и академик РАН с 1922, Бузескул настолько глубоко исследовал и внятно представил русскую науку об античности (наряду с историей занятий Византией и Древней Русью), что изучение петербургских ученых не может обходиться без его трудов.

Имена персонажей, получивших отдельное жизнеописание, в леммах (титулах к отдельным статьям) указаны как кириллицей, так и латиницей, иногда с вариантами; это отражено и в *Алфавитном списке статей 1–250*. Латинская транслитерация по возможности соответствует историческому написанию фамилии, которое чаще всего и применялось этим лицом в иноязычных публикациях, и разве что в последнюю очередь — правилам сегодняшней славистической транслитерации (напр., *Nauck* или *Ger'e* вместо *Nauck* или *Guerrier*, которые кажутся несравненно убедительнее; помимо капризов историзма приведение старых форм необходимо и для книжных поисков, в т. ч. в электронных справочных инструментах).

Расположение материала в статье обычно следует схеме: (а) внешние данные о жизни изучаемого лица — дата и место рождения и смерти, сведения о социальном происхождении и образовании; квалификационные сочинения, принесшие ему ученые степени; (б) институты, с которыми он был связан, и должности, в начале и в конце карьеры; (в) возможно полный рассказ о том, под чьим влиянием и в какой обстановке проходило образование и разворачивалось творчество ученого, включая полемику и существенные для судьбы конфликты;

(г) важные направления научной работы и в связи с ними указание этапных и вообще примечательных сочинений этого лица (здесь случается более развернутое, чем в начале статьи, обращение к квалификационным сочинениям ученого); (д) научные симпатии и антипатии, концепция научного знания, академические принципы и девизы; место в научной традиции — положительные и критические отзывы современников; (е) в конце статьи прилагается избранная *литература / библиография* об изучаемом персонаже. Следует иметь в виду, что работы, упоминаемые в основном корпусе статьи, *не повторяются* в избранной библиографии; иначе говоря, пристатейная библиография и та, что дана в тексте биографии, рассматриваются как *взаимодополняющие*. Приводимые в *СПА-XIX* библиографические указания задумывались скорее в рекомендательном смысле, однако в известных пределах не возбранялась и тяга некоторых авторов к их полноте. Здесь, как и во многих других отношениях, *СПА-XIX* ориентируется на приближающийся к завершению словарь *Русские писатели 1800–1917* (М., 1989–).

По причине того, что работа над Словарем растянулась на многие годы, авторы ряда статей не могли учесть научные работы последних лет; в некоторых случаях ссылки на такие работы были, тем не менее, добавлены редакцией в библиографию в конце статьи.

Даты до 1 (14) февраля 1918 года (если речь идет о России или других странах, пользовавшихся в то время юлианским календарем) приводятся по старому стилю, а последующие — по-новому, т. е. так, как они по большей части встречаются в источниках. Даты рождения и смерти в персональных статьях указаны в двух стилях: в старом и — в круглых скобках — в новом. При установлении дат рождения и смерти из-за противоречивых данных источников не всегда удавалось достичь надежного результата. В некоторых случаях приводятся альтернативные даты; в случае сомнений дата сопровождается знаком вопроса.

Названия городов, селений, учреждений приводятся, по возможности, в соответствии с административно-территориальным делением и официальным обиходом того времени, когда имели место описываемые события; это относится как к России, так и к европейским странам, если персонажи *СПА-XIX* родились там.

Жирным шрифтом обозначаются основные сочинения того или иного из 250 персонажей, когда это сочинение выступает в статье *в первый раз*; при внутритекстовом повторении название передается укороченно и прямым шрифтом.

Разрядка в имени ученого делается при *первом* упоминании его в той или иной статье, указывая на то, что этому лицу в *Словаре* посвящена отдельная статья.

Приложения и Указатели тома 3 призваны помочь читателю поместить упоминаемые в статьях *СПА-XIX* отдельные факты и события в исторический контекст.

Алфавитный список статей с латинской транскрипцией имен и самой краткой характеристикой персонажей по-английски (definitions), позволяет, как и раздел *What is SPA-XIX?*, составить представление о словаре читателям, не владеющим русским языком.

Хронологический список биографий по году рождения может способствовать выделению возрастных групп, что бывает полезно в тех случаях, когда интерес исследователя сосредоточен на определенном временном промежутке, а также для выявления роста российского антиковедения в течение более чем столетнего периода.

Даты из истории антиковедческих институтов в России дают возможность ориентироваться в становлении этих учреждений, что имеет значение для выявления причинных связей и динамики в развитии научного знания, будь то в персональном или когнитивном смысле.

Указатель учреждений (прежде всего петербургских), связанных с классическим образованием и с различными антиковедческими дисциплинами, позволяет найти сведенные в одном месте упоминания в *СПА-XIX*, относящиеся к истории развития институтов, а также ориентироваться в менявшихся в разное время названиях учреждений. Московские институты в *СПА-XIX* представлены отрывочно, невзирая на их значительность и на примечательную горизонтальную мобильность того времени: ряд персонажей являются общими для Петербурга, Москвы и других центров. К этому указателю непосредственно примыкает следующий: *Руководители ведомств и учреждений*.

Таблица к *Журналу Министерства народного просвещения (ЖМНП)* призвана помочь читателю ориентироваться в неочевидном для изучающих русскую науку, но громоздком и трудном для поисков издании: здесь указаны соответствия части (выпуска) журнала году и месяцу выпуска; таблица облегчает пользование не только печатной, но и оцифрованной версией журнала.

Послесловие (*Предыстория и история СПА-XIX*) содержит краткий перечень биографических справочников по антиковедению в европейской традиции и обзор важнейших публикаций этого рода в России, включая работу над биографиями классиков в Петербургском Античном кабинете за последние 25 лет.

Раздел об авторах статей и редакции *СПА-XIX* указывает на область научных занятий всех авторов биографий, редакторов и участников редакционного процесса и их аффилиацию на момент окончания работы над изданием; сообщено здесь и о том, в чем состояло их участие в подготовке *СПА-XIX* (к справкам добавлено английское резюме).

Указатель имен, упоминаемых в корпусе биографий, состоит из трех частей: а) деятелей Нового и Новейшего времени; б) имен деятелей той же эпохи в латинской и греческой транслитерации; в) личных имен античности и Средневековья.

ОБЩЕПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

I. Сокращения слов

автореф.	— автореферат	дис.	— диссертация
авториз.	— авторизованный	докт.	— докторский
адм.	— административный	доц.	— доцент
акад.	— академик	д-р	— доктор
академ.	— академический	др.	— другой, другие
альм.	— альманах	древ.	— древний
археогр.	— археографический	древнегреч.	— древнегреческий
археол.	— археологический	древнерус.	— древнерусский
архитект.	— архитектурный	ДС	— духовная семинария
АС	— археологический съезд	ж.	— журнал
бар.	— барон	зав.	— заведующий
б. п.	— без пагинации	зап.	— западный
б-ка	— библиотека	засл.	— заслуженный
библиогр.	— библиографический	зол.	— золотой
биогр.	— биографический		
в т. ч.	— в том числе	е. и. в.	— его (ее) императорское величество / высочество
вел. кн.	— великий князь	европ.	— европейский
визант.	— византийский	избр.	— избранный
вост.	— восточный	изд.	— издание
вступ.	— вступительный	изд-во	— издательство
г.	— город	иконографич.	— иконографический
газ.	— газета	им.	— имени
геогр.	— географический	имп.	— император, императрица, императорский
гл. обр.	— главным образом	иностр.	— иностранный
голланд.	— голландский	ин-т	— институт
гос.	— государственный	исп.	— испанский
гр.	— граф, графиня	ист.	— исторический
грамматич.	— грамматический	ист.-филол.	— историко-филологиче- ский
греч.	— греческий	итал.	— итальянский
губ.	— губерния, губернский	ИТЛ	— исправительно-трудо- вой лагерь
д. стат. сов.	— действительный статский советник	ИФФ	— историко-филологиче- ский факультет
д. чл.	— действительный член		
деп.	— департамент		
дидактич.	— дидактический		

канд.	— кандидатский	пер.	— перевод
каф.	— кафедра	пол.	— половина
кладб.	— кладбище	пр.	— прочее
классич.	— классический	предисл.	— предисловие
кн.	— князь, княгиня	предс.	— председатель
коллек. ас.	— коллежский асессор	преимущ.	— преимущественно
коллек. рег.	— коллежский регистратор	прив.-доц.	— приват-доцент
коллек. секр.	— коллеж. секретарь	прил.	— приложение
коллек. сов.	— коллежский советник	примеч.	— примечание
коммент.	— комментированный; комментарий	проф.	— профессор
корр.	— корреспондент	прус.	— прусский
		псевд.	— псевдоним
лат.	— латинский	психол.	— психологический
лингв.	— лингвистический	ПСС	— Полное собрание сочинений
лит.	— литературный	ПССиП	— Полное собрание сочинений и писем
лит-ведение	— литературоведение	публ.	— публикация
магист.	— магистерский	религ.	— религиозный
мед.	— медицинский	рец.	— рецензия
мин-во	— министерство	римск.	— римский
мифол.	— мифологический	р-н	— район
мл.	— младший	рус.	— русский
н. ст.	— новый стиль	сб.	— сборник
н. э.	— новая эра	св.	— святой, святейший, священный
надв. сов.	— надворный советник	свящ.	— священник
напр.	— например	сев.	— северный
наст.	— настоящий	секр.	— секретарь
науч.	— научный	сельск.	— сельский
неж.	— нежинский	сер.	— серебряный
нем.	— немецкий	сер.	— серия
НИА	— Научно-исторический архив	след.	— следующий
		спец.	— специальный
обл.	— область	сов.	— советник
общ-во	— общество	СС	— Собрание сочинений
ок.	— около	ст.	— старший
опубл.	— опубликованный, опубликовано	стат. сов.	— статский советник
орд.	— ординарный	стлб.	— столбец
отд.	— отдельный	студ.	— студенческий
отеч.	— отечественный		
отт.	— оттиск	т.	— том
офиц.	— официальный	т. е.	— то есть
		т. к.	— так как
п. д.	— пенсионное дело	т. н.	— так называемый
пед.	— педагогический	т. о.	— таким образом

тайн. сов.	— тайный советник	ч.	— часть
техн.	— технический	чл.	— член
тит. сов.	— титулярный советник	чл.-корр.	— член-корреспондент
тов.	— товарищ		
		штат.	— штатный
у.	— уезд		
УО	— Учебный округ	экон.	— экономический
ун-т	— университет	экстр.	— экстраординарный
ун-тский	— университетский	этногр.	— этнографический
урожд.	— урожденный (-ая)		
уч-ще	— училище	юж.	— южный
учеб.	— учебный	юрид.	— юридический
филол.	— филологический		
филос.	— философский		
ф. с.	— формулярный список		
ф-т	— факультет	ad loc. (лат.)	— к приведенному месту
франц.	— французский	GS	— Gedenkschrift
		idem (лат.)	— он же
христ.	— христианский	ibid. (лат.)	— там же
худож.	— художественный	Leipz.	— Лейпциг
		passim (лат.)	— повсюду
ценз.	— цензурный	s. v., sub voce	— под словом
церк.	— церковный	(лат.)	
церк.-приход.	— церковно-приходской	u. a. (нем.)	— und andere

II. Сокращенные названия учреждений и обществ

АВПРИ	— Архив внешней политики Российской империи
АГЭ	— Архив Государственного Эрмитажа
Арх. РНБ	— Архив Российской национальной библиотеки
БАН	— Библиотека Академии наук
Варш. ун-т	— Варшавский университет
ВЖК	— Высшие женские курсы
ВМА	— Военно-медицинская академия
ВОЛРС	— Вольное общество любителей российской словесности
ВОЛСНХ	— Вольное общество любителей словесности, наук и художеств
ВУАН	— Всеукраинская Академия наук (называлась в 1921–1935)
ВФОНО	— Всероссийское Филаретовское общество народного образования
ГААРК	— Государственный архив Автономной республики Крым в Симферополе
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГАОО	— Государственный архив Одесской области
ГА РФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

ГИМ	— Государственный исторический музей
ГНУ св. Петра = Petri-Shule	— Главное немецкое училище (СПб.)
ГПИ	— Главный педагогический институт
ГРМ	— Государственный русский музей
ГТГ	— Государственная Третьяковская галерея
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
Дерпт. ун-т	— Дерптский (Юрьевский, Тартуский) университет
ЗЕС	— Западно-европейская секция (СПБИН РАН)
ИА	— Институт археологии РАН
ИАК = РГАК	— Императорская Археологическая комиссия = Российская государственная археологическая комиссия
ИАН см. Имп. АН	
ИАО	— Императорское Археологическое общество, ср. РАО
ИБ = ИПБ = РПБ = ГПБ = РНБ	— Императорская библиотека = Императорская Публичная библиотека = Российская Публичная библиотека = Государственная Публичная библиотека = Российская Национальная библиотека
ИВМА	— Императорская военно-медицинская академия
ИИИИ см. РИИИ	
ИВР РАН	— Институт восточных рукописей РАН
ИИМК	— Институт истории материальной культуры РАН
ИИРО	— Институт истории рабовладельческого общества
ИЛЯЗВ	— Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока
ИМЛИ	— Институт мировой литературы
Имп. АН	— Императорская Академия наук (СПб.)
ИМХА	— Императорская Медико-хирургическая академия
ИППО = ППО	— Императорское Православное Палестинское общество
ИРЛИ РАН	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
ИР НБУВ	— Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского
ИФО	— Историко-филологическое отделение АН; Историко-филологическое общество
ИФИ	— Историко-филологический институт
Казан. ун-т	— Казанский университет
КДА	— Киевская духовная академия
КФО	— Константинопольское филологическое общество
ЛГПИ	— Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
Лейпц. ФС	— Лейпцигская филологическая семинария при Лейпцигском университете
ЛИФЛИ	— Ленинградский институт истории, философии и лингвистики

ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории АН СССР
МАО	— Императорское Московское археологическое общество
МВД	— Министерство внутренних дел
МДА	— Московская духовная академия
МИД	— Министерство иностранных дел
МИДв	— Министерство императорского двора
МНО	— Московское нумизматическое общество
МНП	— Министерство народного просвещения
Моск. ун-т	— Московский университет
МСБ	— Московская синодальная библиотека
МХТ	— Московский художественный театр
НА ИИМК РАН	— Научный архив Института истории материальной культуры РАН
Наркомпрос	— Народный комиссариат просвещения
Неж. ИФИ	— Нежинский историко-филологический институт кн. Безбородко
НИМ РАХ	— Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств
НИА СПбИИ РАН	— Научно-исторический архив СПбИИ РАН
НБ СПбГУ	— Научная библиотека им. М. Горького (СПбГУ)
Новорос. ун-т	— Новороссийский университет (ныне Одесский)
ОГИЗ	— Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОГН	— Отделение гуманитарных наук АН СССР
ОГПУ	— Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР
ОИДР	— Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОКФ	— Отделение классической филологии
ОКФП	— Общество классической филологии и педагогики
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
ОЛРС	— Общество любителей российской словесности при Московском университете
ООИиД	— Одесское общество истории и древностей
ООН	— Отделение общественных наук АН СССР
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР ГРМ	— Отдел рукописей Государственного Русского музея
ОР ГТГ	— Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи
ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОРК НБ ТГУ	— Отдел редкой книги научной б-ки Томского государственного университета
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности СПб АН
ПАН	— Петербургская АН
ПБ см. ИБ	

ПГУ	— Петроградский государственный университет
ПД	— Пушкинский Дом; см. ИРЛИ РАН
Пед. ин-т им. А. И. Герцена	— Педагогический институт имени А. И. Герцена (ныне РГПУ)
Петерб. ун-т	— Императорский Санкт-Петербургский университет
ПИФИ	— Петербургский историко-филологический институт
ППО	— Православное Палестинское общество
ПФА РАН см. СПбФ АРАН	
РА ИИМК	— Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН
РАИМК см. ГАИМК	
РАИК	— Русский Археологический институт в Константинополе (1888—1920)
РАН	— Российская академия наук
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО	— Императорское Русское археологическое общество, <i>ср.</i> ИАО
РГАК	— Российская государственная археологическая комиссия, <i>ср.</i> ИАК
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РГО	— Русское географическое общество
РИИИ	— Российский институт истории искусств
РО ИРЛИ	— Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
СПБАИ	— Петербургский / Петроградский археологический институт
СПБАН	— Петербургская академия наук
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПбДА	— Санкт-Петербургская духовная академия
СПБII РАН	— Санкт-Петербургский Институт истории РАН
СПБИФИ	— Императорский Санкт-Петербургский / Петроградский историко-филологический институт
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ТГУ	— Томский государственный университет
ФОН	— Факультет общественных наук ЛГУ
Ун-т св. Владимира	— Университет св. Владимира в Киеве
Харьков. ун-т	— Харьковский университет
ЦГАМ	— Центральный государственный архив города Москвы
ЦГАЛИ СПб	— Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб	— Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга
DAI	— Deutsches Archäologisches Institut

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.
- Аничков *Аничков Н. М.* Историческая записка пятидесятилетия Третьей С.-Петербургской гимназии. СПб., 1873.
- Анциферов *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: воспоминания / вступ. статья, сост., примеч. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. М., 1992.
- АРВ *Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / под ред. И. П. Медведева.* СПб., 1995.
- Архив АН СССР. Обзорение *Архив Академии наук СССР: обзорение архивных материалов.* М.; Л., 1933–1986.
- Афанасьев *Афанасьев Н. И.* Современники: в 2 т. СПб., 1909, 1910.
- Багалея *Историко-филологический факультет Харьковского университета за первое столетие его существования. 1805–1905: в 2 ч. / под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея.* Харьков, 1908.
- Барсуков *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 т. СПб., 1888–1910.
- Басаргина 1999 *Басаргина Е. Ю.* Русский Археологический институт в Константинополе (очерки истории). СПб., 1999.
- Басаргина 2004 *Басаргина Е. Ю.* Вице-президент Императорской Академии наук П. В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916). СПб., 2004.
- Басаргина 2008 *Басаргина Е. Ю.* Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков (Очерки истории). М., 2008.
- Баскаковы *Баскаков Н. А., Баскаков Ник. А.* Академик Ф. Е. Корш в письмах современников. К истории русской филологической науки. М., 1989.
- БдЧ ж. «Библиотека для чтения».
- Белинский *Белинский В. Г.* СС: в 9 т. М., 1976–1982.
- Биографика СПбГУ *Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII–XX вв. / ред. коллегия: А. Ю. Дворниченко и др.* СПб., 2012–. URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/>

- Благово *Благово Н. В.* Школа на Васильевском острове: историческая хроника. Ч. 1: Гимназия и реальное училище Карла Мая в Санкт-Петербурге. 1856–1918. СПб., 2005.
- Брокгауз Энциклопедический словарь: в 96 т. / изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 1–41А (кн. 1–82). СПб., 1890–1904. Доп. т. 1–2 (кн. 1–4), 1905–1907.
- БРЭ Большая российская энциклопедия: в 35 т. М., 2004–2017 (электронная версия: URL: <https://bigenc.ru/>).
- БС АН 1889–1914 Императорская Академия наук 1889–1914. Т. 3: Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук: в 2 ч. Пг., 1915, 1917.
- БС ИФФ Харьк. ун-та Историко-филологический факультет Императорского Харьковского университета за первые сто лет его существования, 1805–1905. Ч. 2: Биографический словарь профессоров и преподавателей / под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея. Харьков, 1908.
- БС Казан. ун-та Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского ун-та (1804–1904). За сто лет: в 2 ч. / под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904.
- БС Киевск. ун-та Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884) / под ред. В. С. Иконникова. Киев, 1884.
- БС МАО Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. 2: Биографический словарь членов общества. Список трудов членов общества, помещенных в изданиях общества / под ред. гр. П. С. Уваровой и И. Н. Бороздина. М., 1915.
- БС Моск. ун-та Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку: в 2 ч. / под ред. С. Шевырева. М., 1855.
- БС ОЛРС Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811–1911. М., 1911.
- БС ПМУ Профессора Московского университета. 1755–2004. Биографический словарь: в 2 т. М., 2005.
- БС ПОНУ Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник: в 4 т. Одеса, 2000; ²2005.

- БС СПб. ун-та Биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования (1869–1894): в 2 т. СПб., 1896, 1898.
- БС сотрудников Библиотеки РАН Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук: в 2 кн. / гл. ред. и сост. В. П. Леонов. СПб., 2014.
- БС тюрк. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период / сост. А. Н. Кононов. М., 20189.
- БС Юрьев. ун-та Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902): в 2 т. / под ред. Г. В. Левицкого. Юрьев, 1903.
- БСЭ Большая советская энциклопедия: в 30 т. М., 31969–1978.
- Бударагина *Бударагина О. В.* Латинские надписи в Петербурге = Latin inscriptions in Saint Petersburg. СПб., 32016.
- Бузескул 2008 *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / сост., вступ. статья, подгот. текста, коммент. и биографический словарь-указатель И. В. Тункиной. М., 2008.
- Булахов *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды: биобиблиогр. словарь: в 3 т. Минск, 1976.
- Бывшая 3-я гимназия За сто лет. Петербургская б. третья гимназия, ныне 13-я советская трудовая школа. Пг., 1923.
- Варнеке *Варнеке Б. В.* Старые филологи / вступ. статья, подгот. текста и коммент. И. В. Тункиной // ВДИ. 2013. № 3–4; 2014. № 1.
- Вацуро *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 22002.
- ВВ ежегодник «Византийский временник».
- ВДИ ж. «Вестник древней истории».
- ВЕ ж. «Вестник Европы».
- Венгеров. Источники *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей: в 4 т. СПб., 1900–1917.
- Венгеров. Рус. книги *Венгеров С. А.* Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках (1708–1893): в 3 т. СПб., 1895–1899.
- Венгеров. Словарь *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней): в 6 т. СПб., 21889–1904.

- Венгеров. Список *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): в 2 т. Пг., 1915–1918.
- Веселовский *Веселовский Н. И.* История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб., 1900.
- ВИД ежегодник «Вспомогательные исторические дисциплины».
- ВИЕТ ж. «Вопросы истории естествознания и техники».
- ВЛ ж. «Вопросы литературы».
- Воронков Древняя Греция и Древний Рим: библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895–1959 гг.) / сост. А. И. Воронков. М., 1961.
- Воронов *Воронов А. С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа: в 2 ч. СПб., 1849, 1854.
- Всерос. Археол. съезды *Серых Д. В.* Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX — начале XX вв. Казань, 2014.
- ВУИ Варшавские университетские известия.
- ВФиП ж. «Вопросы философии и психологии».
- Гаврилов 2006 *Гаврилов А. К.* Петербург в судьбе Генриха Шлимана. СПб., 2006.
- Гаврилов 2011 *Гаврилов А. К.* О филологах и филологии: статьи и выступления разных лет / отв. ред. О. В. Бударagina, А. Л. Верлинский, Д. В. Кейер. СПб., 2011.
- Геннади 2006 *Геннади Г.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г.: в 3 т. Репр. воспр. изд. 1876–1908. СПб., 2006.
- Георги *Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного, с планом 1794–1796. СПб., 1794.
- Гермес ж. «Гермес».
- Гимназия ж. «Гимназия».
- ГМ ж. «Голос минувшего».
- Гранат Энциклопедический словарь Товарищества «Бр. А. и И. Гранат и Ко»: в 58 т. М., 1910–1948.
- Граф И. И. Толстой 2009 Во главе Императорской Академии художеств... Граф И. И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898. М., 2009.

Григорьев	<i>Григорьев В. В.</i> Императорский С.-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870.
Двойной портрет	Двойной портрет (филологи-классики о филологах-классиках): сб. статей / сост. М. Н. Славятинская. М., 2011.
Двойной портрет — II	Двойной портрет — II (филологи-классики о филологах классиках): сб. статей / сост. М. Н. Славятинская. М., 2012.
Деятели русской науки	Деятели русской науки XIX–XX веков / сост. Т. В. Андреева и М. Ф. Хартанович. Вып. 1, 2. СПб., 2000; Вып. 3. 2003; Вып. 4. 2008.
Добролюбов	<i>Добролюбов Н. А.</i> СС: в 9 т. / под общ. ред. Б. И. Бурсова, А. И. Груздева, В. В. Жданова и др.; вступ. статья В. В. Жданова. М., 1961–1964.
Древний мир и мы	Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России: альманах. Вып. 1. СПб., 1997; Вып. 2. 2000; Вып. 3. 2003; Вып. 4. 2012; Вып. 5. 2015.
Дроздов и Федорченко	<i>Дроздов Н. И., Федорченко В. И.</i> Министерство народного просвещения Российской империи в лицах. 1802–1917 гг. Красноярск, 2005.
Дюбрюкс	<i>Дюбрюкс П.</i> Собр. соч.: в 2 т. / сост. и отв. ред. д-р ист. наук И. В. Тункина; подгот. текстов И. В. Тункиной и Н. Л. Сухачёва; пер. с франц. яз. Н. Л. Сухачёва. СПб., 2010.
Егунов	<i>Егунов А. Н.</i> Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М., 2001.
ЕРОПД	Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома.
ЖЗЛ	сер. «Жизнь замечательных людей».
ЖМВД	Журнал Министерства внутренних дел.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения.
ЖМЮ	Журнал Министерства юстиции.
Загоскин	<i>Загоскин Н. П.</i> Деятели Имп. Казанского университета. 1805–1900 гг. Опыт краткого биографического словаря профессоров и преподавателей Казанского ун-та за первые 95 лет его существования. Казань, 1900.
ЗАН	Записки Императорской Академии наук.
ЗВОРАО	Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества.
«Звучат лишь письма…»	«Звучат лишь письма…» К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачёва: каталог выставки. СПб., 2012.
ЗИФФ	Записки Историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета.

- ЗКОРАО Записки классического отделения Русского археологического общества.
- ЗНУ Записки Новороссийского университета.
- ЗОР ГБЛ Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.
- ЗРАО Записки Императорского Русского археологического общества.
- ЗРГОЭ Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии.
- ЗООИИД Записки Одесского общества истории и древностей.
- ЗХУ Записки Харьковского университета.
- ИАК Известия Императорской Археологической комиссии.
- ИАН Известия Императорской Академии наук.
- ИАН ОГН Известия Академии наук. Отделение гуманитарных наук.
- ИАН ОЛЯ Известия Академии наук. Отделение литературы и языка.
- ИАН ООН Известия Академии наук. Отделение общественных наук. Сер. истории и философии.
- ИВ ж. «Исторический вестник».
- ИГАИМК Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
- Изв. Неж. ИФИ Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине.
- Изв. РАО Известия Императорского Русского археологического общества.
- Имп. Археол. комиссия Императорская Археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009.
- Иностраные профессора Иностранцы российских университетов (вторая половина XVIII — первая треть XIX в.): биографический словарь / под общ. ред. А. Ю. Андреева; сост. А. М. Феофанов. М., 2011.
- ИРАН Известия Российской Академии наук.
- Ист. кладбища Петербурга Исторические кладбища Петербурга: справочник-путеводитель / сост. А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. СПб., 1993.
- История БАН История Библиотеки АН СССР (1714–1964). М.; Л., 1964.
- История дореволюционной России История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книги публикаций в журналах: в 5 т. / науч. руководство, редакция и введение П. А. Зайончковского. М., 1976–1989.

История ПБ	История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963.
ИПБ 100 лет	Императорская Публичная библиотека за сто лет. 1814–1914. СПб., 1914.
ИТОИАЭ	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КУИ	Киевские университетские известия.
Клейн 2014	<i>Клейн Л. С.</i> История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1: Общий обзор и дореволюционное время. СПб., 2014.
КЛЭ	Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М., 1962–1978.
Книга памяти	Книга памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. Вып. 1. СПб., 1995.
КСИИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
КУИ	ж. «Киевские университетские известия».
Латышев	Пятидесятилетие Петроградского историко-филологического института. Биографический словарь лиц, окончивших курс института. Ч. 1. Вып. 1–23 (1871–1893) / под ред. В. В. Латышева. Пг., 1917.
Летопись РАН	Летопись Российской Академии наук: в 4 т. СПб., 2000–2007.
ЛН	серия «Литературное наследство».
ЛЭ	Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1929–1939.
Любжин	<i>Любжин А. И.</i> История русской школы императорской эпохи. Т. 1–. М., 2014–.
Любкер	<i>Любкер Ф.</i> Реальный словарь классических древностей по Любкеру / под ред. Ф. Гельбке, П. Никитина, М. Пустонского и Ф. Зелинского. СПб., 1883–1885.
Люди и судьбы	Люди и судьбы: биобиблиогр. словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / изд. подгот. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб., 2005.
Малеин 1910	<i>Малеин А. И.</i> Библиографический указатель книг и статей по римской истории на русском языке // Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., ³ 1910.
МАР	Материалы по археологии России: в 37 т. СПб.; Пг., 1866–1918.

- Маркевич *Маркевич А. И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: историческая записка и академические списки. Одесса, 1890.
- Масанов *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1960.
- Маяковский и Николаев С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819–1919: материалы по истории С.-Петербургского ун-та / собр. и изд. И. Л. Маяковский и А. С. Николаев; под ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919.
- МВед газ. «Московские ведомости».
- Медведев 2006 *Медведев И. П.* Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006.
- Милибанд *Милибанд С. Д.* Библиографический словарь отечественных востоковедов: в 2 кн. М., ²1995.
- МРВ Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга / под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004.
- Мурзанов *Мурзанов Н. А.* Словарь рус. сенаторов 1711–1917: материалы для биографий. СПб., 2011.
- Нагуевский *Нагуевский Д. И.* Библиография по истории римской литературы в России с 1709 по 1889 год. Казань, 1889.
- «Наставникам, хранившим юность нашу» «Наставникам, хранившим юность нашу»: памятная книжка Императорского Александровского, бывшего Царскосельского лицея с 1811 по 1911 г. / сост. А. А. Рубец. СПб., 1911.
- Нежин 1900 Историко-филологический институт кн. Безбородко в Нежине. Преподаватели и воспитанники 1875–1900. Нежин, 1900.
- Нежин 1913 Историко-филологический институт кн. Безбородко в Нежине. Преподаватели и воспитанники. 1900–1912. Нежин, 1913.
- Незабытые могилы Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 гг.: в 6 т. / сост. В. Н. Чуваков. М., 1999–2007.
- Никитенко *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. / подгот. текста, вступ. статья и примеч. И. Я. Айзенштока. М., 1955–1956.
- НЛО ж. «Новое литературное обозрение».
- Новосадский *Новосадский Н. И.* Греческая эпиграфика. Ч. 1: Лекции, читанные в Московском Археологическом институте. М., ²1915.
- Носков 2018 *Носков В. В.* Американские дипломаты в Санкт-Петербурге в эпоху Великих реформ. СПб., 2018.
- НР Немцы России: энциклопедия: в 3 т. М., 1999–2006.

НФЭ	Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М., 2001.
НЭС	Новый энциклопедический словарь: в 29 т. СПб.; Пг., 1911–1916.
ОЗ	ж. «Отечественные записки».
ОРЯС ИАН 1841–1891 (2016)	Отделение русского языка и словесности Имп. АН за первые 50 лет его деятельности: 1841–1891 гг. Сборник документов / сост. Е. Ю. Басаргина, О. А. Кирикова; отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2016.
ОАК	Отчеты Императорской археологической комиссии.
Пам. книжки СПБИФИ	Памятные книжки имп. С.-Петербургского историко-филологического института и гимназии при оном: в 6 кн. СПб., 1874, 1887, 1892, 1898, 1902, 1912.
Пантелеев	<i>Пантелеев Л. Ф.</i> Воспоминания / вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. А. Рейсера. М., 1958.
ПБЭ	Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь: в 12 т. Пг., 1900–1911 [незавершенное изд.].
Персональный состав АН	Академия наук СССР. Персональный состав. 1724–1917: в 2 т. М., 1974.
Перчёнок: Список 1	<i>Перчёнок Ф. Ф.</i> К истории Академии наук: снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In memorem: исторический сборник памяти Ф. Ф. Перчёнка. М.; СПб., 1995.
Перчёнок: Список 2	<i>Перчёнок Ф. Ф.</i> Список членов АН СССР, подвергавшихся репрессиям // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995.
Петухов	<i>Петухов Е. В.</i> Имп. Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования: в 2 т. Юрьев, 1902; СПб., 1906.
ПКНО	ежегодник «Памятники культуры. Новые открытия».
Плетнёв	<i>Плетнёв П. А.</i> Первое двадцатипятилетие Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1844.
Плюшар	Энциклопедический лексикон: в 17 т. СПб., 1835–1841.
ПМУ	Профессора Московского университета 1755–2004. Биографический словарь: в 2 т. М., 2005.
Портреты историков	Портреты историков. Время и судьбы: в 4 т. М.; Иерусалим, 2000, 2004.
ППС	Православный Палестинский сборник.
Прозоров	<i>Прозоров П. И.</i> Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России

- с XVII столетия по 1892 г., на русском и иностранных языках. С прибавлением за 1893–1895 гг. СПб., 1898.
- Протоколы Петерб. ун-та Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета.
- Пушкинский Дом Пушкинский Дом: материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005.
- ПЭ Православная энциклопедия. М., 2000 (продолжающееся изд.).
- РА ж. «Русский архив».
- РБС Русский биографический словарь: в 25 т. / изд. под наблюдением пред. Имп. Русского исторического общества А. А. Половцова. СПб.; Пг.; М., 1896–1918. Репринт. переизд.: в 32 т. М., 1999–2003.
- РВ ж. «Русский вестник».
- Река времен Река времен. Книга истории и культуры: в 5 кн. М., 1995–1996.
- РИИ Российский институт истории искусств в мемуарах. СПб., 2003.
- РИЖ Русский исторический журнал.
- РЛ ж. «Русская литература».
- РМ ж. «Русская мысль».
- РНРВ Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / под ред. И. П. Медведева. СПб., 1999.
- РО ж. «Русское обозрение».
- Родосский *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXIII курсов С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1907.
- Рождественский *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.
- Российская академия наук Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1: 1724–1917. М., 2009.
- Ростовцев *Ростовцев М. И.* Избранные публицистические статьи: 1906–1923. М., 2002.
- РП Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь: в 7 т. М., 1989– [продолжающееся изд.].
- РС ж. «Русская старина».
- Рубан, Басаргина 2015 Классическая древность в Журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП): аннотированный указатель статей. 1834–1917 гг. / сост. А. И. Рубан; вступ. статья Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2015.

Румянцев 2016	Граф Н. П. Румянцев и наука его времени. Т. 1: Переписка Н. П. Румянцева и академика Ф. И. Круга / пер. с франц., подгот. изд., сост., вступ. статья и коммент. И. П. Медведева. М., 2016.
Рус. интеллигенция	Русская интеллигенция: автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова: аннотированный указатель: в 2 т. СПб., 2001, 2010.
Русская литература конца XIX — начала XX в.	Русская литература конца XIX — начала XX в.: библиографический указатель: в 2 т. / отв. ред. Е. В. Глухова. Т. 1. М., 2010 [продолжающееся изд.].
Русская литература XX в.	Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: библиографический словарь: в 3 т. М., 2005.
Русская литература 1890–1910	Русская литература XX века. 1890–1910: в 2 кн. / под ред. С. А. Венгерова; предисл. и пер. инояз. текстов С. Б. Джимбинова. М., 2000.
Русская наука в биографических очерках	Русская наука в биографических очерках / сост. Т. В. Андреева и М. Ф. Хартанович. СПб., 2003.
Русские филологи XIX	Русские филологи XIX века: библиограф. словарь-справочник / авт.-сост. М. Е. Бабичева и др. М., 2006.
Русские цивилисты	<i>Шилохвост О. Ю.</i> Русские цивилисты: середина XVIII — начало XX в.: краткий биографический словарь. М., 2005.
РФВ	ж. «Русский филологический вестник».
РШ	ж. «Русская школа».
СА	ж. «Советская археология».
Саитов 2006	Петербургский некрополь: в 4 т. / сост. В. И. Саитов. Репринт. воспр. изд. 1912–1913. СПб., 2006.
Саитов и Модзалевский 2006	<i>Саитов В. И., Модзалевский Б. Л.</i> Московский некрополь. Репринт. воспр. изд. 1907–1908: в 3 т. СПб., 2006.
Сб. статей в честь С. А. Жебелёва	Сборник статей в честь С. А. Жебелёва. Л., 1926 (машинопись: экз. в крупнейших собраниях).
Свиясов	Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX веков: библиогр. указатель / сост. Е. В. Свиясов. СПб., 1998.
СГАИМК	Сообщения гос. Академии истории материальной культуры (ГАИМК).
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа.
Сев. вестн.	ж. «Северный вестник».
Сев. Причерноморье	<i>Жебелёв С. А.</i> Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953.
Серков	<i>Серков А. И.</i> Русское масонство. 1731–2000: энцикл. словарь. М., 2001.

- СИЭ Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. М., 1961–1976.
- Скифский роман Скифский роман / под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997.
- Славяноведение Славяноведение в дореволюционной России: биобиблиогр. словарь. М., 1979.
- Смирнов *Смирнов А. И.* Историческое обозрение первого 25-летия Главного Педагогического института. 1828–1853. СПб., 1853.
- Смышляева 2015 *Смышляева В. П.* Российские филологи-классики XIX века: «германовское» направление. Материалы для биографического словаря. СПб., 2015.
- СО ж. «Сын отечества».
- Солопов *Солопов А. И.* Начала латинской стилистики. М., 2008.
- Сотрудники Имп. Эрмитажа Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Биобиблиогр. справочник. СПб., 2004.
- СПбВед газ. «Санкт-Петербургские ведомости».
- СРГБ Сотрудники Российской государственной библиотеки: биобиблиогр. словарь. М., 2003.
- СРНБ Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь: в 3 т. СПб., 1995, 1999, 2003.
- Тихонов 2009 *Тихонов И. Л.* Императорская Археологическая комиссия: структура и кадровый состав // Российская археология. 2009. № 4.
- Тихонов 2013 *Тихонов И. Л.* История российской археологии: автореф. дис. ... д. и. н. СПб., 2013.
- ТКДА Труды Киевской духовной академии.
- ТОДРЛ Труды Отдела древнерусской литературы.
- Тр. АС Труды Археологического съезда.
- Тр. I съезда Труды I Всероссийского съезда преподавателей древних языков. СПб., 1912.
- Тункина 2002 *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX века). СПб., 2002.
- Тункина 2017 *Жебелёв С. А.* Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: исторический очерк. Приложение: Биобиблиогр. словарь членов РАО (1846–1924) / отв. ред., сост., вступ. статья И. В. Тункиной. М., 2017.
- Тюрина *Тюрина Г. А.* Христиан Фридрих Маттеи и греческая филология в России во второй половине XVIII — начале XIX века // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2006. Вып. 3, № 2.

Тюриня 2012	<i>Тюриня Г. А.</i> Из истории изучения греческих рукописей в Европе в XVIII — начале XIX в. Христиан Фридрих Маттеи (1744–1811). М., 2012.
Университет в Российской империи	Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века / ред. А. Андреев. С. Посохов. М., 2013.
Учен. зап. Казан. ун-та	ж. «Ученые записки Казанского университета».
Учен. зап. Юрьев. ун-та	ж. «Ученые записки Юрьевского университета».
Ученые Московского университета	Ученые Московского университета — действительные члены и члены-корреспонденты РАН (1755–2004): биографический словарь. М., 2004.
Фёдоров	<i>Фёдоров Б. Ф.</i> Третья С.-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники: 1823–1918 гг. СПб., 2011.
ФЗ	ж. «Филологические записки».
Филол. ф-т 2002	Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: материалы к истории факультета / сост. И. С. Лутовинова; отв. ред. С. И. Богданов. СПб., ³ 2002.
Филол. ф-т 2008	Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: материалы к истории факультета / сост. И. С. Лутовинова; отв. ред. С. И. Богданов. СПб., ⁴ 2008.
Философы России XIX–XX столетий	Философы России XIX–XX столетий: биографии, идеи, судьбы / гл. ред. П. В. Алексеев. М., 1995.
ФО	ж. «Филологическое обозрение».
Фондообразователи	Ученые — фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: краткий биографический справочник / науч. ред. и сост. Е. Ю. Барсаргина, И. В. Тункина. СПб., 2018–2019 [продолжающееся изд.].
Формозов. Пушкин...	<i>Формозов А. А.</i> Пушкин и древности: наблюдения археолога. М., 2000.
Формозов. Русские археологи	<i>Формозов А. А.</i> Русские археологи времен тоталитаризма: историографические очерки. М., 2004; ² 2006.
Формозов. Страницы...	<i>Формозов А. А.</i> Страницы истории русской археологии. М., 1998.
Фролов 2006	<i>Фролов Э. Д.</i> Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., ² 2006.
ХЧ	ж. «Христианское чтение».
Цензоры	Цензоры Российской империи. Конец XVIII — начало XX века: биобиблиогр. справочник. СПб., 2013.

- Черняев *Черняев П. Н.* Пути проникновения в Россию сведений об античном мире в связи с краткой характеристикой лиц, пролагавших эти пути // ФЗ. 1910. № 6; 1911. № 1.
- Чехи в С.-Петербурге *Порочкина И. М., Инов И. В.* Чехи в Санкт-Петербурге. СПб., 2003.
- ЧИОНЛ Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца.
- ЧОИДР Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- Шварц *Шварц И. Т.* Биографический словарь профессоров Московского университета. М., 1855.
- Шилов *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917: биобиблиогр. справочник. СПб., 2001.
- Шруба *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 гг.: словарь. М., 2004.
- Языков *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 1–13. СПб., 1885–1916.
- AAWMainz *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz.*
- ADB *Allgemeine Deutsche Biographie.* URL: <https://www.deutsche-biographie.de/>
- Album Dorpat *Hasselblatt A., Otto G.* Album Academicum der kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpati, 1889.
- Ann. *Annali dell’Istituto di corrispondenza archeologica.*
- BCH *Bulletin de correspondance hellénique.*
- BJA = Bursian BJahrbr..
- BM *Baltische Monatschrift.*
- BPhW *Berliner philologische Wochenschrift.*
- Bull. AS *Bulletin de la Classe historico-philologique de l’Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg (= Изв. АН).*
- Bursian *Bursian C.* Geschichte der classischen Philologie in Deutschland von den Anfängen bis zur Gegenwart. München; Leipz., 1883 (Geschichte der Wissenschaft in Deutschland. Bd. 19. T. 1).
- Bursian BJahrbr. *Biographisches Jahrbuch für Alterthumskunde (Beilage zu Bursians JB).* Berlin; Leipz., 1878–1943.
- Bursians JBer. *Bursians Jahresberichte über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft.* Berlin; Leipz., 1873–1944/5.

Busch	<i>Busch W.</i> Horaz in Russland. München, 1964.
BZ	Byzantinische Zeitschrift.
Calder, Kramer	<i>Calder W. M., Kramer D. J.</i> An Introductory Bibliography to the History of Classical Scholarship Chiefly in the XIXth and XXth Centuries. Hildesheim; Zürich; New York, 1992.
CE	Chronique d'Égypte.
CIA	Corpus Inscriptionum Atticarum.
CIG	Corpus Inscriptionum Graecarum <i>cf.</i> <i>IG</i> .
CIL	Corpus Inscriptionum Latinarum.
Cinnella	<i>Cinnella E.</i> Lo zar e il latino. Gli studi classici in Russia tra Otto e Novecento. Pisa, 2018.
Classics and Communism	Classics and Communism. Greek and Latin Behind the Iron Curtain / ed. By G. Karsai, G. Klaniczay, D. Morvin and E. Olechowska. Ljubljana; Budapest; Warsaw, 2013.
Commentationes Nikitinianae	Commentationes Nikitinianae: сб. статей по классической филологии в честь Петра Васильевича Никитина по поводу 30-летия служения его русскому просвещению. 1871–1901. СПб., 1901.
Commentationes philologicae	Commentationes philologicae: сб. статей в честь И. В. Помяловского. К 30-летней годовщине его ученой и педагогической деятельности от учеников и слушателей. СПб., 1897.
DBBL	Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710–1960 / hrsg. W. Lenz. Köln; Wien, 1970; Wedemark, 1998.
DLZ	Deutsche Lit(ter)aturzeitung.
DNP	Der Neue Pauly. Supplemente Bd 6. Geschichte der Altertumswissenschaften. Biographisches Lexikon / hrsg. von P. Kuhlmann und H. Schneider. Stuttgart; Weimar, 2012.
EAD	Erik-Amburger-Datenbank. URL: http://amburger.ios-regensburg.de/ .
Eckstein	<i>Eckstein F. A.</i> Nomenclator philologorum (1871)/Vollständiger, korrigierter Text; bearb. von J. Saltzwedel. Hamburg, 2005. URL: http://www.venturus.de/eckstein.pdf <i>cf.</i> <i>Nomenclator</i> .
Gottzmann – Hörner	<i>Gottzmann C. L., Hörner P.</i> Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Berlin; New York, 2007.
Hausmann	<i>Hausmann G.</i> Universität und städtische Gesellschaft in Odessa. 1865–1917. Stuttgart, 1998.
Hyperboreus	Hyperboreus. Studia classica.

- IG Inscriptiones Graecae.
- Internationales Germanistenlexikon Internationales Germanistenlexikon: 1800–1950 / hrsg. von Ch. König u. a. Bd. 1–3. Berlin; New York, 2003.
- IosPE *Latyshev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli, 1885–1916.
- Jb. f. class. Phil Jahrbücher für classische Philologie.
- Killy Literaturlex. Killy Literaturlexikon: Autoren und Werke deutschsprachigen Kulturraums / hrsg. von W. Kühlmann u. a. Bd. 1–13. Berlin, 2011–2019.
- LIMC Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Zürich; München; Düsseldorf, 1981–1999.
- Lit. Centralblatt Litterarisches Centralblatt für Deutschland.
- Mém. AS Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg (= Записки АН).
- MGR Mélanges gréco-romains, tirés du Bulletin de l'Académie imperiale des sciences de St.-Petersbourg. 1849–1855. SPb., 1855.
- MDAI AA Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.
- MDAI RA Mittheilungen des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abtheilung = Bullettino dell'Imperiale istituto archeologico germanico. Sezione romana. Rom, 1886–1915.
- NDB Neue deutsche Biographie. Berlin, 1953–2010.
- Nomenclator *Eckstein F. A.* Nomenclator philologorum. Leipz., 1871 cf. *Eckstein*.
- Petrischule *Friesendorff E., Iversen J.* Zur Geschichte der St. Petrischule. SPb., 1887.
- Philologia classica ж. «Philologia classica. Исследования по классической филологии и истории антиковедения».
- Philologus Philologus. Zeitschrift für das klassische Altertum.
- Pöckel *Pöckel W.* Philologisches Schriftsteller-Lexikon. Leipz., 1882; Darmstadt, 2¹⁹⁶⁶.
- POxy The Oxyrhynchus Papyri / ed. B. P. Grenfell, A. S. Hunt. London, 1898– (продолжающееся изд.).
- RBI Russischer Biographischer Index / bearb. von A. Frey. München, 2002.
- RE *Pauly A., Wissowa G., Kroll W.* Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1893–2000.

Recke und Napiersky	<i>Recke J. F., Napiersky K. E.</i> Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Estland und Kurland. Bd. 1–4. Mitau, 1827–1832; Nachträge und Fortsetzungen / bearb. von Th. Beise. Bd. 1–2. Mitau, 1859.
Redlich	<i>Redlich M.</i> Lexikon deutschbaltischer Literatur: Eine Bibliographie. Köln, 1999.
REG	Revue des études grecques.
RGA ²	Reallexikon der germanischen Altertumskunde / hrsg. von H. Jankuhn, H. Beck u. a. Bd. 1–35. Berlin, 1973–2008.
RhM	Rheinisches Museum für Philologie.
Sandys	<i>Sandys J. B.</i> A History of Classical Scholarship. Vol. 1–3. New York; London, 1967 (репр. воспр. изд-я 1921 [т. 1 – 3-е изд.]; 1908 [т. 2]; 1908 [т. 3]).
Scythica et Caucasia	Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе: в 2 т. / под ред. В. В. Латышева. СПб., 1893–1906.
Seminarium Kondakovianum	Seminarium Kondakovianum: сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н. П. Кондакова. Прага; Белград, 1927–1940.
Schröder 2013	<i>Schröder W. A.</i> Das russische philologische Seminar in Leipzig: Das Seminar unter Ritschl und Lipsius (1873–1890) und der Versuch der Wiederbegründung (1911–1913) // <i>Hyperboreus</i> . 2013. Vol. 19. Fasc. 1–2.
Wes	<i>Wes M. A.</i> Classics in Russia. 1700–1855. Between two Bronze Horsemen. Leiden; New York; Köln, 1992.
WklPhil	Wochenschrift für klassische Philologie.
ZRG	Zeitschrift für Rechtsgeschichte.
Ἀσπασμός	Ἀσπασμός. Ивану Ивановичу Толстому ученики и друзья. Л., 1928.
Στέφανος	Στέφανος: сб. статей в честь Федора Федоровича Соколова, профессора С.-Петербургского университета, к тридцатилетней годовщине его ученой деятельности. От учеников и слушателей. СПб., 1895.

БИОГРАФИИ

А – К

А

Айналов Д. В.
Аландский П. И.
Алексеев В. А.
Андреев И. Д.
Аничков Н. М.
Анненский И. Ф.
Ардашев П. Н.
Астафьев Н. А.

Б

Бауер В. В.
Бекштрем А. Г.
Белен де Баллю Я. Я.
Белюстин Н. Ф.
Беляев Д. Ф.
Бенешевич В. Н.
Берент К. Р.
Благовещенский Н. М.
Блуменау Л. В.
Бобринский А. А.
Боголепов Н. П.
Болотов В. В.
Брандт И. Ф.
Бриллиантов А. И.
Брок А. А.
Бронзов А. А.
Брут А. И.
Бэр К. М.

В

Вальтер Ф. А.
Варнеке Б. В.
Васильевский В. Г.
Введенский А. И.
Ведров В. М.
Вейсман А. Д.
Вересаев В. В.

Верт Э. А.
Веселовский А. Н.
Веселовский Н. И.
Ветнек Е. И.
Видеман Ф. Э.
Владиславлев М. И.
Водовозов В. И.
Воеводский Л. Ф.
Востоков А. Х.
Вульфийус Г. Г.

Г

Галич А. И.
Гартман Н.
Гар(т)ц Ф. А.
Гаффнер Э. И.
Гедеонов С. А.
Гедике Ф. Ф.
Гельбке Ф. Ф.
Гельвих Н. А.
Гельд Г. Г.
Ген (Хен) В.
Георгиевский А. И.
Георгиевский Л. А.
Георгиевский М. А.
Гиль Х. Х.
Гинтовт С. И.
Гинзбург Н. С.
Глориантов Н. И.
Глубоковский Н. Н.
Гнедич Н. И.
Гофман А. А.
Граф(ф) Г. В.
Грацилевский И. М.
Гревс И. М.
Грефе Г. Ф.

Грефе Ф. Б.
Григорьев В. В.
Гримм Ал. И.
Гримм Ан. И.
Гримм Д. Д.
Гримм Э. Д.
Гуревич Я. Г.

Д

Давыдов И. И.
Дашков Д. В.
Десянов И. Д.
Дестунис Г. С.
Дестунис С. Ю.
Дмитриевский А. А.
Добиаш-Рождественская О. А.

Е

Ернштедт В. К.

Ж

Жданов С. Н.
Жебелёв С. А.
Жиль Ф. А.
Жобар И. К.
Жуковский В. А.

З

Зелинский Ф. Ф.
Зенгер Г. Э.
Зоргенфрей Г. Г.

И

Иванов В. И.
Иванов С. А.
Иверсен Ю. Б.
Иконом(ос) К.
Ионин А. О.

К

Каль А. Ф.
Каринский М. И.
Карпов В. Н.
Касторский М. И.
Кедров К. В.
Кёлер Е. Е.
Кёниг И. И.
Кёниг О. О.
Кёппен П. И.
Кёрбер Э. Ю.
Кесслер Э. Э.
Кизерицкий Г. Е.
Кирхнер Ю. Б.
Клас(с)овский В. И.
Клеменчич О. Ю.
«Козьма Прутков»
Кондаков Н. П.
Константин Константинович,
вел. кн.
Коссович И. А.
Коссович К. А.
Кочубей В. В.
Кошанский Н. Ф.
Краснов П. Н.
Краузе В. М.
Крашенинников М. Н.
Крешев И. П.
Круг Ф. И.
Крылов А. Л.
Кузмин М. А.
Кульман Е. Б.
Куторга М. Сем.
Куторга М. Степ.

А

АЙНАЛОВ

Дмитрий Власьевич

AINALOFF / AINALOV /
AJNALOV D. V.

[8(20).2.1862, Мариуполь —
12.12.1939, Ленинград; Литератор-
ские мостки Волковского кладб.],
*византист, историк
и теоретик искусства*

Родился в мещанской семье греч. происхождения; в 1884 окончил Мариупольскую Александровскую гимназию. До 1888 учился на ИФФ Новорос. ун-та, специализировался по истории искусств у Н. П. Кондакова [Ракин В. Н. Д. В. Айналов // Гермес. 1916. № 10. С. 224; ход ун-тских штудий А. и его занятия по окончании ун-та (1889) известны в подробностях по: Анфертьева. С. 259–264]. Помимо науч. интересов, наставничество Кондакова определило и круг общения А.: так сложилась дружба и тесное сотрудничество с Е. К. Рединым, сверстником и коллегой, несмотря на осложняющее обстоятельство — некоторую ревность к общему учителю (см.: Иодко. С. 314). Диссертационное сочинение, ставшее результатом поездки в Киев, куда А. был командирован РАО в 1886, было выполнено совместно с Рединым. Инициатива соавторства исходила от А., но устраивала

его товарища. В 1888 работа была завершена и снискала положительные отзывы комиссии о работе молодых исследователей (см.: Каргер. С. 3). Год спустя сочинение было удостоено зол. медали и опубликовано (Айналов Д. В., Редин Е. К. **Киевский Софийский Собор** // ЗРАО. Новая сер. 1890. Т. 4, вып. 3–4. С. 231–381; отд. отт.: Айналов Д. В., Редин Е. К. **Киево-Софийский собор: исследования древней мозаичной и фресковой живописи**. СПб., 1889; сокращ. вариант: Айналов Д., Редин Е. **Мозаики и фрески Киево-Софийского собора** // Вестн. изящных искусств. 1890. Т. 8. С. 569–585). В 1914, впрочем, работа вызвала неодобрительный отзыв Ф. И. Шмита, обратившего внимание на недостаточность искусствоведческих описаний, что, по его утверждению, являлось прямым следствием неопытности авторов.

Выбор предмета и самый ход исследования характеризуют науч. пристрастия А.: древнейшее рус. искусство, ставшее для него позднее одной из главных тем изучения, занимало его не само по себе, а в контексте визант., раннехрист. и, как следствие, классич. культуры. По окончании курса и Редин (с 1 янв.), и А. (с 1 марта) были прикомандированы к Петерб. ун-ту, где по-прежнему могли продолжать занятия под руководством Кондакова. Поскольку «приготовление к профессорскому званию по теории

и истории искусств» не предполагало стипендии для А., он вынужден был обратиться в Мариупольскую городскую думу с соответственным ходатайством (РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9020. Л. 2, 4, 5), которое было удовлетворено «с условием возврата этих денег в будущем» (*Божко Р. П.* Историк искусств мариуполец Дмитрий Айналов // Приазовский рабочий. 07.03.2012. URL: <http://pr.ua/news.php?new=17535>).

В последующие годы А. деятельно сотрудничал с РАО и немало путешествовал. Он участвовал в работе VIII Археол. съезда в Москве; летом 1890 был направлен Одесским общ-вом истории и древностей в командировку для изучения классич. памятников на Украине и на юге России. Работал в Киеве, где по поручению РАО экспедиция составляла карту различных, прежде всего монетных, киевск. кладов (ИР НБУВ. Ф. X. Ед. хр. 4763–4764). В Херсонесе были тогда обнаружены три греч. надписи и крест VII в., а в Керчи им выполнены зарисовки найденных ранее предметов (см. об этом: **Три древнехристианских сосуда из Керчи** // ЗРАО. Новая сер. 1891. Т. 5, вып. 1–2.

С. 201–214). В 1890 А. вступил в должность прив.-доц. по каф. теории и истории искусств Казан. ун-та и получил длительную командировку для научной стажировки за границей. Все наблюдения и соображения относительно того, что ему довелось увидеть во время поездок, А. (по примеру Кондакова и как это делал М. И. Ростовцев) тщательно заносил в записные книжки — своеобразные дневники его путешествий (СПбФ АРАН. Ф. 737. Оп. 1); то же обыкновение он передал своим ученикам: византилисты след. поколения (Л. А. Мацулевич, В. К. Мясоедов) систематически вели записки по ходу своих поездок (см.: *Соленикова Е. В.* Л. А. Мацулевич: архив ученого // МРВ. С. 441–442). Одновременно с А. в Европе находился и Редин, общество которого способствовало рождению разнообразных совместных проектов. Так, ими был составлен юбилейный «Сборник статей по истории христианского искусства и археологии в честь Н. П. Кондакова»; но в Россию отправлен только юбилейный адрес (СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 54. Л. 1). Сборник остался неизданным — возможно, к лучшему: в своем дневнике Кондаков, со ссылкой на В. Г. Дружинина, говорит об этих статьях как о «детских» (*Иодко*. С. 318, примеч. 31); впрочем, некоторые главы сборника в 1893–1897 были опубл. отдельно — вероятно, в доработанном виде.

Благодаря стажировкам во Франции, Италии, а в 1893–1894 и 1896 — и в Греции, А. не только оставался в курсе последних событий антиковедческой науки и археол. находок, но и сумел собрать материал для магист., а позднее — и докт. дис.

Помимо собственных науч. занятий А. отдавал немало сил Казан. ун-ту, где с 1890 по 1903 читал курсы по истории антич. и древнерус. искусства; с пед. работой ему приходилось совмещать заведование ун-тским Музеем древностей и изящных искусств, который был открыт в 1886.

По всей видимости, причиной приглашения А. в Казань послужили не только отъезд в Дерпт его предшественника, прив.-доц. В. К. Мальмберга, но и потребность в квалифицированном специалисте, который занимался бы организацией Музея. А. оказался именно тем человеком, который посвящал молодому еще собранию много времени и сил. Он настойчиво консультировался с И. В. Цветаевым и в 1901 полностью реорганизовал Казан. Музей, создав в нем три отдела: «1) отдел слепков античных скульптур, которые он сам же раздобыл; 2) отдел коллекций египетских и микенских древностей, а также русского прикладного искусства; 3) библиотеку, которую Айналов увеличил до 10 000 томов» (Сыченкова. Основатели... С. 98–102). Аналогичную деятельность по комплектованию нового Музея изящных искусств и древностей и наполнению музейной библиотеки на протяжении 11 лет (до 1904) Редин вел в Харькове. Обоим ученикам Кондакова пришлось столкнуться со всеми неудобствами провинциального уклада: гораздо болезненнее, чем недостаток финансирования (на который каждому из них случалось жаловаться своим корреспондентам), ощущалась оторванность от науч. центров и невозможность вести полноценные исследования.

Неудивительно, что, несмотря на успехи, А. стал тяготиться казанским житьем: «Здесь нет ни собрания картин, ни коллекций, не бывает выставок. Здесь нет ни научного, ни художественного движения <...> Нет ни среды, ни европейских мыслей» (цит. по: Сыченкова. Основатели... С. 107). Он не оставлял плана переехать: Кондаков предполагал соединить А. с Рединым в Харькове; Цветаев обещал способствовать устройству А. в Москве (подробнее см.: Анфертьева. С. 274–278).

В 1895 А. защитил в Петерб. ун-те магист. дис. «Мозаики IV и V вв.», основанную на результатах обследования

памятников Рима, Равенны и Неаполя (офиц. оппонентами были И. В. Помяловский и А. Н. Щукарёв; опубли.: ЖМНП. 1895. Апр. С. 241–309; май. С. 94–155; июль. С. 21–71; отд. отт.: СПб., 1895). В обзоре наследия А., подготовленном в 1928 С. А. Жебелёвым, сделан акцент на пунктуальности, с которой было предпринято это «стилистическое и иконографическое» исследование; благодаря аутопсии А. были исправлены «многочисленные ошибки и неточности» публикаций прошлых лет, включая монументальное издание Дж. Б. де Росси; для издания многих мозаик А. выполнил рисунки собственноручно (Тункина И. В. К истории академических выборов 1929–1930 гг.: Академик С. А. Жебелёв. Отзыв о научных трудах Д. В. Айналова // Невский археолого-ист. сб. СПб., 2004. С. 176–183). В этой работе проявилось характерное для А. и отмечаемое всеми его биографами отношение к памятнику не только как к ист. источнику, но и как к произведению искусства, имеющему самостоятельную эстетич. ценность; недаром живость изложения сопутствует подробнейшим иконографич. экскурсам и смелым типологич. параллелям. Наконец, помимо широты охвата материала и квалифицированного стилистич. анализа, отмеченных в отзыве Кондаковым, новизну исследования составлял вывод, к которому приходил диссертант: оценивая принципы развития худож. раннехрист. культуры и «воссоздавая постепенную картину сложения ранневизантийской монументальной живописи» (Алпатов. С. 172–174), А. связывал новый «византийский» стиль италийских мозаик с греко-римск. искусством Востока, а не Рима.

При подготовке докт. дис. «Эллинистические основы византийского искусства» (защита: Моск. ун-т, 1900) А. тщательнейшим образом изучал такие виды антич. и раннехрист. искусства, как древняя живопись и настенные росписи

римск. катакомб. Иконографич. анализ внутреннего декора памятников римск. архитектуры соседствует с их детальным археол. описанием, а между делом А. сообщает читателю выбранные из письменных источников сведения об убранстве дома эпохи поздней античности. Работа состоит из трех глав: 1) история ранней визант. миниатюры; 2) рассмотрение памятников «живописного рельефа» (выражение А.); 3) определение характера ранних визант. памятников монументальной стенной живописи. В заключительной главе формулируется тезис об антич. основах византийского искусства: «Византийское искусство в основе своей есть эллинистическое искусство, изменившееся под влиянием восточных народных искусств» (из речи на докт. диспуте; цит. по: *Анфертьева*. С. 270), который получал теперь очередное подтверждение. А. удалось убедительно показать, что Константинополь доарабского времени составлял достойную конкуренцию Риму как культурному центру раннехрист. мира — или, по крайней мере, сделать считавшееся прежде аксиомой представление о первенстве Рима дискуссионным. Труд «Эллинистические основы византийского искусства» стал толчком к возникновению общеевроп. дискуссии, открывшейся публикацией работы Й. Стржиговского (*Strzygowski J. Orient oder Rom? Leipz.*, 1901; см.: *Этингоф О. Е.* Дмитрий Власьевич Айналов (1862–1939): 125 лет со дня рождения // *Худож. календарь: 100 памятных дат*. М., 1987. С. 53–56). В 1928 Жебелёв высказывается, что за истекшую четверть века не появилось работы, сопоставимой с этим трудом по глубине анализа и охвату материала.

После успешной защиты А. получил в Казан. ун-те звание экстр. проф. (1900). Его кафедра стала полноценным исследовательским и просветительским центром: историко-искусствоведческие курсы читались по обдуманной системе,

в ходе занятий использовались передовые методики — напр., «проекционный фонарь», слайды и др. (см.: *Сыченкова*. Основатели... С. 103). Тем не менее А., несмотря на сопротивление А. В. Прахова, не оставляя хлопоты о переводе в Петербург и осенью 1902 подал на конкурс по приглашению Жебелёва и представлению декана ИФФ С. Ф. Платонова; летом 1903 он был утвержден в должности орд. проф. Петерб. ун-та.

По переезде в Санкт-Петербург А. не оставил казан. каф. своей заботой, ведя переписку с деканом ИФФ Д. А. Корсаковым относительно кандидатов на должность зав. Музеем. При этом даже вполне достойные соискатели, как О. Ф. Вальдгауэр, не только не заслужили авторитетного одобрения А., но и получали от него весьма нелестные характеристики. Вероятная причина пристрастного отношения к преемнику кроется в открыто русофильской позиции А., который ощущал раздражение от «засилья» немцев в академ. жизни России рубежа веков (см.: *Сыченкова Л. А.* О «немецкой колонизации» русской науки: размышления над письмами Д. В. Айналова // *Эхо веков* (Казань). 2007. № 1. С. 137–142). Это было досадное для обеих сторон развитие, о котором можно только сожалеть.

В Петербурге А. продолжил сотрудничество с РАО. Еще в первые годы XX в. он занимался классич. древностями Херсонеса и в 1903 был приглашен гр. П. С. Уваровой (см. переписку 1902–1907 гг.: СПбФ АРАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 93) руководить изданием монументального труда по истории города; в 1904 и 1905 ездил в Херсонес по поручению МАО. В 1905 выходит труд «**Развалины храмов Херсонеса**», заявленный как первая часть масштабного издания «**Памятники христианского Херсонеса. Вып. I: Развалины храмов**» (М., 1905). Судя по всему, это лишь малая доля из подготовленного А. материала, отличающегося

чрезвычайно высоким уровнем археол. точности, осторожностью в реконструкциях и прилежным вниманием к трудам предшественников. Здесь были подведены итоги исследованиям А. в Херсонесе, начиная с конца 1880-х, когда он впервые заинтересовался раскопками на городище и даже предложил новый план, как вести их: вдоль береговой линии, по направлению к центру памятника, «повторяя т. о. путь св. Кирилла с мощами св. Климента» (подробно об исследованиях А. и Редина в Херсонесе в 1903–1904 см.: *Домановская М. Е., Штан Г. В. Е. К.* Редин — первый харьковский исследователь Херсонеса Таврического // *Рωμαϊός*: сб. ст. к 60-летию проф. С. Б. Сорочана. Харьков, 2013. С. 163–169). Упомянуты здесь и обнаруженные А. греч. надписи, которые были опубл. А. Л. Бертье-Делагардом (МАР. 1893. № 12), а также В. В. Латышевым в *IosPE* (см.: *Анфертьева*. С. 272. № 100; ИР НБУВ. Ф. X. Ед. хр. 4764. Л. 5 и об.).

О разнообразии науч. интересов А. можно судить по его публикациям, посвященным технике энкаустики и полемике по этому вопросу с Н. П. Кондаковым и Е. М. Придиком. Несколько странно выглядит переписка А. с Рединым по итогам поездки последнего на Афон (1898), когда тот сопровождал Кондакова на Св. Горе: из писем Редина создается впечатление, будто А. побуждал его заняться совместным изданием полного описания памятников Афона *независимо* от Кондакова; Редин, однако, деликатно отклонил это предложение (*Иодко*. С. 333–334).

Помимо антич. археологии А. занимался и археологией древней Руси: так, в 1911 на XV Археол. съезде в Новгороде он представлял Петерб. ун-т, был избран почетным чл. Новгородского общ-ва любителей древности и Новгородского церковно-археол. общ-ва. Чл.-корр. АН по ОРЯС с 1914; переизбирался дважды, в 1918 и 1925.

Работа А. в Санкт-Петербурге / Петрограде на ниве педагогики велась широко: наряду со службой в ун-те он преподавал на ВЖК (с 1904; с 5 дек. 1906 — избранный проф.), в ИИИ (с 1904 по 1925) и, по приглашению В. М. Бехтерева, в амбициозном Психоневрологич. ин-те (1905–1906). Этой стороне деятельности А. мы обязаны целой плеядой учеников и непрерывностью традиции «кондаковской школы» искусствознания. В 1915 учениками А. был составлен юбилейный сборник «Дмитрию Власьевичу Айналову от учеников к двадцатипятилетию его ученой деятельности. (Со списком трудов)» (Пг., 1915).

О деятельности А. в предреволюционный период и годы Гражданской войны сведения довольно скудны. После перенесенной в 1916 тяжелой операции с 1917 по 1919 он находился в Козельце, не исключая для себя возможности эмигрировать. В письме К. В. Щероцкому от 29 дек. 1918 он выражал обеспокоенность сохранностью церкви и мозаик Киева: не погубят ли их частые взрывы? (то же в статье: **Судьба киевского художественного наследия** // Зап. Русского отделения РАО. 1918. № 12. С. 23–29). Однако науч. занятий А. не оставлял: в 1919, отправившись с Добровольческой армией через Одессу в Симферополь, он какое-то время состоял проф. Таврического ун-та и вынашивал план через Н. И. Петрова устроиться в КДА. По возвращении в Петроград в 1921 А. избран в Совет Эрмитажа, где и служил до 1929 г. (в его хранении находилось собрание голланд. живописи); параллельно занимал пост д. чл. ГАИМК, руководя разрядом западноевроп. и визант. искусства. В 1925 акад. ВУАН А. П. Новицкий приглашал его занять каф. истории искусств. Хотя имя А. было авторитетно, а деятельность так или иначе востребована, с конца 1920-х ученому пришлось пережить немало испытаний: нищенская пенсия, преследования, травля в печати. В 1927–1930 В. П. Бузескул неоднократно выдвигал его кандидатуру

на выборах в д. чл. АН СССР, но ни одна из этих попыток не увенчалась успехом. В 1930-х А. некоторое время находился в заключении.

В определенном смысле невзгоды А. представляют собой отражение судьбы российской византистики рубежа XIX–XX вв. Блестящий взлет карьеры в юности — триумф первой же зрелой работы как на родине, так и за рубежом, — глубокое осознание того, насколько важен для понимания христианской визант. цивилизации единый подход в изучении антич., средневекового и древнерус. искусства, полное и уверенное владение методич. аппаратом всех этих отраслей знания. Хотя А. называл себя «неважным чтецом поздних рукописей», он неизменно являл глубокое понимание как греч., так и лат. авторов, что видно на примерах дискуссий с Кондаковым относительно членения греч. текстов. Близки ему были и приемы археологии, ибо визант. искусствознание возникло как отрасль археологии, изначально развивавшейся именно в искусствознательском русле. К сожалению, жизнь не дала А. подытожить свои исследования.

Очень многое, что было начато им, осталось незавершенным под воздействием внешних обстоятельств: такова, напр., судьба второго, посвященного Херсонесу, тома, где А. планировал издать полное описание херсонесских мраморов. В автобиографии (1930) он говорит об этой работе как о завершенной: «Обширный научно обработанный каталог мраморов, готовый к печати, находится в моем портфеле». Однако ни в СПбФ АРАН, куда 23 июля 1942 Н. Р. Айналова передала архив покойного мужа, ни в архиве ГЭ, который состоит почти исключительно из служебных, а не научных бумаг, этого каталога нет; существует лишь первоначальный вариант рукописи (СПбФ АРАН. Ф. 737. Оп. 1. Д. 101. Л. 713–723). Помимо того сохранился очерк «Уваровская базилика и ее комплекс с крещальней в Херсонесе»

(Там же. Оп. 1. Д. 92). Справедливо отмечают, что эта утрата весьма горестна (Беляев С. А. Новые памятники ранневизантийской мраморной пластики из Херсонеса. К вопросу об интерьере херсонесских базилик // ВВ. 1987. Т. 48. С. 151).

Характерная для А. приглушенная оценка своей работы, какую находим в его переписке с Н. П. Кондаковым и Н. И. Петровым, резко контрастирует с суждениями современников, неизменно носившими печать восхищения творчеством А. Лейтмотив в посвященных А. некрологах звучал так: «труды его составляли византинистов всех стран <...> изучать русский язык» (Алтаов. С. 174; Каргер. С. 5). Одним из первых эту высокую ноту в отношении А. взял Жебелёв (Жебелёв С. А. Памяти Д. В. Айналова // ИАН ОЛЯ. 1940. № 3. С. 133–135), который, впрочем, подразумевал заодно труды Н. П. Кондакова, В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, чьим достойным преемником выступал и А. Известно, что Ш. Диль и Г. Милле предпринимали оперативные попытки издать франц. перевод «Эллинистических основ византийского искусства» (Кызласова И. Л. Письма Г. Милле к Н. П. Кондакову // МРВ. С. 617; Анфертьева. С. 273); это изд. не осуществилось, но в 1961 книга вышла на англ. яз. под эгидой и с предисл. Сирила Манго.

Главным достижением А. является вовсе не «признание за памятником самостоятельной художественной ценности», о чем писали в 1940 Алпатов, Брунов и Каргер, стремясь развести науч. метод А. и эмигранта Кондакова; А. они хвалили за то, что он не впадал в «поверхностное эстетство» (Брунов Н. И. Памяти Д. В. Айналова (1862–1939) // Архитектура СССР. 1940. № 3. С. 66–67). Сам А. в письме к М. В. Нестерову признавал и особость, и ценность артистич. взгляда: «Художники смотрят на живопись иначе, чем историки искусства, и поэтому обмен мнениями для меня очень ценен» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 506. Л. 20, 20 об.).

А. двигался от собирания и определения материала к его истолкованию, прослеживая эволюционный ряд в искусстве и воспринимая конкретный памятник как элемент в череде больших историко-культурных явлений, что полностью отвечало принципам кондаковской школы. Между тем для концепций *искусствознания* советской эпохи было характерно прямо противоположное. «С Д. В. Айналова началось новое отношение к художественной старине: *утомительный разбор* (курсив мой. — В. Ж.-Г.) исторических и иконографических подробностей стал понемногу сокращаться, чтобы дать место *анализу творчества*» (*Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи*. М., 1986. С. 273). Так или иначе благодаря всестороннему анализу ранневизант. искусства А. пришел к выводу, который сформулирован им в некрологе Кондакову: «По нашим условиям, переход от античного мира к средневековому, в особенности византийскому, вполне законен, естествен» (**Академик Н. П. Кондаков как историк искусства и методолог** // *Кондаков Н. П. Воспоминания и думы*. М., 2002. С. 330).

Литература: *Алпатов М. В.* Д. В. Айналов // *Искусство*. 1940. № 1. С. 172–174; *Банк А. В.* Д. В. Айналов (1862–1939) // СГЭ. 1940. Вып. 2. С. 28; *Каргер М. К.* Д. В. Айналов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Вып. 4. С. 3–5; *Анфертьева А. Н.* Д. В. Айналов: жизнь, творчество, архив // *АРВ*. С. 259–312; *Иодко О. В.* Е. К. Редин: жизнь и деятельность // *МРВ*. С. 311–345; *Сыченкова Л. А.* Основатели Музея изящных искусств Казанского университета: Дмитрий Айналов и Алексей Миронов // *Вопр. музееологии*. 2012. № 1. С. 98–112 ♦ БС МАО; БС Каз. ун-та; Брокгауз; Бузескул 2008; Биографика СПбГУ; Тункина 2017; Фондообразователи.

Архивы: СПбФ АРАН. Ф. 737. Оп. 1 (170 ед. хр., рукописи) и 2 (124 ед. хр., переписка); Ф. 155. Оп. 2. Д. 8. Л. 128 (личная карточка); Ф. 729. Оп. 2. Д. 1. Л. 134–159; АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 12, А–Б.

В. Б. Жижина-Гейфтер

А Л А Н Д С К И Й Павел Иванович

ALANDSKIJ P. I.

[17(29).6.1844, Тосно Петерб. губ. — 28.10(9.11).1883, Киев], *филолог*

Сын сельск. священника; отцу обязан начальным воспитанием. В 1857–1865 обучался в Александро-Невском духовном уч-ще и семинарии, с 1866 на ИФФ Петерб. ун-та; по окончании курса оставлен при ун-те для подготовки к магист. экзаменам (1870–1872), одновременно преподавал в Александро-Невском духовном уч-ще лат. язык. Магист. дис. защищена: Петерб. ун-т, 1873. В качестве прив.-доц., заменяя К. Я. Любеля, комментировал «Илиаду» в Петерб. ун-те (1873/74). Основная деятельность А. связана с каф. греч. словесности Киевск. ун-та (штат. доц. с марта 1874); преподавал также на Киевск. ВЖК в 1878–1883. В 1877 стажировался по истории антич. искусства (одновременно лечился) в Италии. Весной 1883 у А. было выявлено тяжелое заболевание, от которого он вскоре скончался.

Несмотря на духовное образование, даже среди своих одаренных однокурсников (в их числе И. В. Цветаев и Л. Ф. Воеводский) А. выделялся эрудицией и склонностью к теоретич. обобщению («философским» складом ума), а в юности и известной самоуверенностью. Эти личностные свойства в разных жизненных ситуациях обеспечили ему как успех, так и провалы. Цветаев вспоминает неудачный студ. доклад своего товарища (А.) по книге Ф. Келлера («Die Pfahlbauten»): живший «одиоко и лишь в мире книг», вместо порученного ему Срезневским реферата А. углубился в критику работы Келлера и, несмотря на неоднократные переносы доклада и раздражение декана, так и не сумел перестроить изложение. Уклонение от стандартных решений и впоследствии не раз обнаруживалось в характере А. (см.: *Цветаев*. С. 16).

А. был неплохо подготовлен к занятиям греч. филологией у К. Люгебиля, которого называл главным наставником (*Кулаковский*. С. 3); помимо древних, хорошо (большей частью самостоятельно) выучил европ. языки (в студ. годы подрабатывал переводами). Интерес к истории и теории языка зародился у него, вероятно, также под влиянием Люгебиля, увлеченного в 1870-е сравнительным языкознанием и историей греч. языка (Г. Курциус). Но природная одаренность А. была иного, чем у его учителя, свойства, филол. «буквоедство» его не привлекало, зато, по его собственному признанию, он «сначала в школе, а потом и в университете, если не занимался философией как специальным предметом изучения, то уделял немало времени на чтение творений великих умов» (**Философия и наука** // КУИ. 1877. № 1. С. 1. Отд. отд.). В филол. работах А., а затем и в лекциях по истории древнего мира заметны следы его увлечения позитивизмом О. Конта, Дж. С. Милля, социальной психологией Г. Штейнтеля и В. Вундта; при изучении поэтич. экспрессивности А. обращался и к трудам по патологич. психологии (А. Курсмауль). Магист. труд **«Синтаксические исследования. Значение и употребление conjunctivī в языке “Илиады” и “Одиссеи”»** представляет собой попытку объединить традиционную грамматич. систематику древнего языка (виды независимого конъюнктива) с достижениями нового психол. направления в языкознании, связанного с интересом к физиологич. аспектам поэтич. восприятия. Древнегреч. склонение представлено А. в качестве психол. категории, лингв. наполнение которой иллюстрируется примерами из Гомера (собранными самостоятельно, как видно из его обиды на неудачное замечание Люгебиля — КУИ. 1883. № 1. С. 18). Семантика конъюнктива в работе описана как «сложное состояние сознания, или сочетание двух актов его: во-первых, представления о действии,

которое в своей простейшей форме будет воспроизведением одного или немногих ощущений, сопровождающих действия; и во-вторых, стремления — акта сознания, соответствующего возбуждению двигательного центра, посылающего импульс к мышцам, принимающим участие в совершении представляемого действия» (**Синтаксические исследования**. СПб., 1873. С. 155).

Оригинальное рассуждение о месте конъюнктива в ряду других наклонений закрепило за А. репутацию «философа» в филол. среде: «Своеобразный труд Аландского отличается многими достоинствами: он показывает в авторе знакомство с важными, существенными задачами, приемами, результатами новейшей греческой грамматики и обнаруживает несомненный ум и способности молодого ученого. Правда, сочинение не свободно и от более или менее крупных недостатков, между которыми на первом месте следует поставить туманность изложения» (*Помяловский И. В.* П. Аландский: некролог // ЖМНП. 1884. Янв. С. 6–7). Необычный исследовательский ракурс у А. сочетался со свободной манерой изложения материала и рассеянным цитированием лишь значимой для него науч. литературы, что вызвало сложности уже на магист. диспуте. «Публичный его диспут, благодаря резкости диспутанта, сопровождался тяжелой сценой раздражения в профессорской среде. А когда наш товарищ после представил новую книгу на степень доктора греческой словесности, наполнивши ее более философским содержанием, чем филологическим материалом, то она была забракована <...>. Эта неудача имела роковое влияние. Он нервно заболел, лечился, но возвратиться к докторской диссертации уже не мог» (*Цветаев*. С. 17).

Темой несостоявшейся докт. дис. А. явилось исследование средств экспрессивности в текстах Софокла («филологическое изучение писателя»), освещенное

в двух объемных работах: «**Филологическое изучение произведений Софокла**» (Киев, 1877) и «**Изображение душевных движений в трагедиях Софокла: опыт для теории поэтического творчества**» (КУИ. 1877. № 7–9; отд. отт.: Киев, 1877). Задачей последней (представленной в качестве докт. дис. и отклоненной Петерб. ун-том) заявлен сбор материала для теории поэтич. творчества, чтобы «затем при свете психологии открыть законы этой сложной деятельности сознания» (То же. Отд. отт. С. V). Выявляя языковые средства, избранные Софоклом для изображения «телесных страданий» и эмоций, А. пытается проследить эволюцию «изображения душевных движений» в языке греч. трагедии (от уровня словесных образов до стилистич. и грамматич. приемов — эллипсиса, повтора, «скучения» синонимов, междометий и др.). В трагедиях Эсхила, по его наблюдениям, «патетические» обороты встречаются реже, чем у Софокла; у первого они вдобавок однообразнее, чаще изолированы и «никогда не употребляются в таких сложных и искусных комбинациях, в каких мы имели случай видеть их в лучших патетических сценах Софокла» (Там же. С. 107).

В обращении А. к проблемам лингв. поэтики, возможно, сыграло роль его близкое знакомство с историком литературы А. А. Котляревским, ставшее, по-видимому, важным фактом науч. и личной биографии А.: Котляревскому посвящены статья «Философия и наука», а также некролог и поминальная речь А. (см. сб.: Поминка по Александре Александровиче Котляревском. Киев, 1881; А. выезжал в Москву на похороны Котляревского).

Наиболее известной работой А. в области лингв. поэтики осталась брошюра по вопросам психологии творчества и поэтич. экспрессивности «**Поэзия как предмет науки**» (Киев, 1875). В последние годы жизни (после рождения дочери)

плотно занятый преподаванием А., по-видимому, оставил науч. исследования. Ю. А. Кулаковский, разбиравший его архив, не обнаружил в нем ничего достойного публикации, кроме литографий ист. курсов (РНБ. Ф. 608. № 905. Л. 59 об.), которые, однако, принесли А. посмертную известность.

Обращение А. к истории было «случайным»: энциклопедизм позволял ему читать весь традиционный спектр классич. дисциплин (греч. и лат. грамматику, греч. и лат. авторов, историю греч. и римск. литературы, греч. и римск. древности), так что с 1878, в отсутствие преподавателя по древней истории, он взялся за чтение и этого курса, чередуя римск. и греч. историю через год. А. обладал лекторским талантом. Его ист. курсы на ИФФ Киевск. ун-та, где он считался штат. оратором в торжественных заседаниях, собирали много слушателей. Им импонировала необычная «историософская» парадигма лекций А.: «отождествление истории с социологией» при ограниченном внимании к внешнеполитическим факторам (*Бузескул В. П.* Введение в историю Греции. СПб., 2005. С. 448). Нравилась и языковая манера лектора: «Рост политических тел идет всегда в двух направлениях: интенсивном и экстенсивном, но при этом так, что в одном направлении он совершается быстрее, энергичнее, чем в другом. Примером роста по преимуществу интенсивного в древней истории могут служить Афины, примером экстенсивного — Рим» (Древнейший период истории Рима и его изучение // КУИ. 1882. № 4. С. 117). Важное место в лекциях А. отводил социол. и психол. осмыслению ист. событий, выявлению внутренних закономерностей и причинно-следственных связей общественной эволюции. Оба ист. курса А. были напечатаны [**Древнейший период истории Рима и его изучение** // КУИ. 1881. № 6–9; 1882. № 1, 4; отд. отт.: Киев, 1882; **История Греции** (по литографиям

лекций) // КУИ. 1884. № 9–12; 1885. № 1–2, 4; отд. отт.: Киев, 1885; М., 2010] и вызвали интерес у современников: «Особенно замечательно первое сочинение, в котором Аландский, основательно ознакомившись с трудами Моммзена, Ничча, Петера, Ниссена, Мадвига и др., благодаря, с одной стороны, самостоятельным работам над источниками, с другой — широкому философскому взгляду на законы исторического развития, представил в высшей степени поучительный анализ методических приемов современного исследования римской древности, весьма метко указав при этом слабые и сильные стороны» (Н. Ш. — РБС. Т. 1. С. 111). В последующие периоды читатели отдавали предпочтение «Истории Греции», в шести главах которой изложены события от разложения племенного строя (обстоятельный геогр. и этногр. очерк) до формирования общинного, с глубоким анализом причин расцвета и «омертвения» афинской демократии: «В своих политических учреждениях афинский народ представил нам решение великой и трудной задачи общежития, исполненное при благоприятных условиях племенем, высокая даровитость которого неопровержимо доказывается оставленными им памятниками» (СПб., 1899. С. 369). Сравнивая лекции по греч. истории разных лет (А. трижды читал этот курс), его коллеги-издатели отметили, что с каждым годом «философское начало» отвоевывало все большее пространство у традиционного хронологич. изложения (Кулаковский Ю. А., Козлов А. А. Предисловие // Аландский П. История Греции. С. II). Сам А., хотя и рекомендовал студентам занятия философией (позитивистской в особенности) для понимания «биографии народа» из общих законов развития (Философия и наука. С. 16), сдержанно оценивал значение философии истории («квинтэссенцию мемуарной истории») для ист. исследований:

«Философское построение истории есть преждевременная попытка разрешить задачу человеческой жизни <...>. Самое глубокое и напряженное размышление не в силах вознаградить недостаток точных и достоверных сведений о предмете» (Там же. С. 14). Себя философом признавал лишь в древнем смысле слова («любитель мудрости»). Филос. теориям, способным «на время утешить два-три десятка последователей», позитивист А. противопоставил строго науч. знание: «Там, где бессильно знание, бессильна и философия. Не могу представить себе в содержании философии, самой совершенной, ничего такого, что было бы недоступно науке в ее многочисленных разветвлениях» (Там же. С. 22).

О том же предпочтении знания остроумной теории свидетельствует его ироничная оценка Положений докт. дис. однокурсника Воеводского (см.: **Народные предания и ученые мифы** // КУИ. 1882. № 6. С. 271–288).

Разделяя просветительский идеализм своего учителя Люгебиля, А. считал долгом ученого делиться знанием с широкой публикой, даже упрощая истину ради ее доступности (рец.: *Hearn W. E. The Aryan Household, Its Structure and Its Development* // КУИ. 1880. С. 43–45), ради чего, не ограничиваясь профессиональным чтением, стремился расширять науч. кругозор положениями смежных дисциплин — психологии, археологии, истории. Ю. А. Кулаковский, комментируя *pium desiderium* коллеги, сожалел по поводу этого «рассеивания» А. тающих сил (Кулаковский. С. 7). Очевидно за то же укорял А. и умирающий в Италии Котляревский в 1881, т. к. в ответном письме А. оправдывается за непомерное число взятых на себя лекций: «Это непростительно, знаю. Но жизнь облегает железным кольцом: чтобы получить больше жалования, надобно написать диссертацию <...>, а работая для денег,

не напишешь диссертации и т. д. Удастся ли справиться, не знаю» (ОР РНБ. Ф. 386. № 12. Л. 7–7 об.). С другой стороны, именно интеллектуальная «рассеянность» А. определила своеобразие его науч. почерка. Самоинтерпретацию А. можно усмотреть в его описании личности Котляревского: «Плоды обширной начитанности и точного, фактического знания предлагались им в живой и остроумной беседе, озаренные светом мысли, обнимавшей общую связь и значение подробности. Сила профессора заключалась не столько в учености его как специалиста, сколько в широте филологического образования, открывавшей ему доступ ко всем источникам сведений и приемам исследования, которыми пользуются филологические науки» (Поминка по Александре Александровиче Котляревском. С. 17).

Сверх этого перу А. принадлежат еще комментированное изложение курса А. Бёка «**Энциклопедия и методология филологических наук**» (Киев, 1879), ряд рецензий в КУИ, преимущ. на зарубежные издания по психологии и языкознанию (Курциуса, Дельбрюка и др.), и статьи по общ.-полит. вопросам в «Киевлянине».

Литература: Мищенко Ф. Г. П. И. Аландский (1844–1883) // КУИ. 1883. № 12; Кулаковский Ю. А. К поминке по П. И. Аландском // КУИ. 1884. № 3; Скроботов Н. А. Памятная записка окончивших курс в С.-Петербургской духовной академии (с 1811 по 1895 г.). СПб., 1896. С. 167–168; Цветаев И. В. Из студенческих воспоминаний об И. И. Срезневском // Памяти Срезневского. СПб., 1915. (Отд. отт.); Лучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время. Из истории антиковедения и византистики в России. СПб., 2004 ♦ Брокгауз; БС Киевск. ун-та; БС проф. СПб ун-та; Бузескул 2008; Венгеров (Словарь, Источники, Список); Прозоров; РБС; Фролов 2006; Черняев; Языков.

Архивы: ОР РНБ. Ф. 386 (А. А. Котляревский); ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петерб. ун-т, в т. ч. студ. — Оп. 5. № 3148); РО ИРЛИ. Ф. 156 (О. Ф. Миллер).

В. П. Смышляева

АЛЕКСЕЕВ Василий Алексеевич

ALEKSEEV V. A.

[13(25).4.1863, (?) — не ранее 1919, Гатчина Петрогр. губ. (?)],
переводчик

Сведения о жизни А. крайне скудны (возможно, он сознательно ограничивал их для печати библиогр. списками — три таких справки разных лет содержатся в фонде С. А. Венгерова). С молодости вел жизнь свободного литератора, т. к. «покладистостью не отличался, а прислуживаться тошно» (А. Н. Майков // ИВ. 1914. № 2. С. 523), сотрудничая преимущ. в изданиях А. С. Суворина — «Историческом вестнике» и «Русской старине». Был знаком с поденщиной и нуждой: в трудные минуты (после серьезной операции 1909) бывал вынужден распродавать б-ку (см. письма к П. Л. Вакселю от 1909–1913: ОР РНБ. Ф. 123. Оп. 1. № 68). Последние годы тяжело болел.

В печати дебютировал объемным прозаич. переводом «**Превращений**» Овидия (СПб., 1885), снабженным краткими комментариями, в предисловии к которому отрекомендовался как переводчик-буквалист («по недостатку времени») и анонсировал собственную серию «Библиотека греческих и римских классиков в русском переводе».

На первый труд молодого А. поощрительно откликнулся И. В. Помяловский, судя по благодарному ответу А. с высокопарным обещанием «довести до конца дело, которому отдает свои лучшие силы» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 511). Поставив А. как переводчика Овидия выше А. Клеванова (1875), Помяловский похвалил его знание лат. языка и серьезную проработку подлинника (неточности перевода порождены, по его мнению, обращением А. к устаревшим рец. текста), нашел недурным и стиль перевода.

В свой наиболее плодотворный переводческий период (1888–1894) А. издал (преимущ. в «Пантеоне литературы» и «Дешевой библиотеке» Суворина) переводы Кебета (**Картина**. СПб., 1888), Эзопа (**Избранные басни**. СПб., 1888), Вергилия (**Энеида. 7 книга**. СПб., 1892–1893), Антонина Либерала (**Превращения**. СПб., 1890), Эсхила (**Прикованный Прометей**. СПб., 1890), Лукиана (**Сочинения**. Вып. 1–3. СПб., 1889–1891), Цицерона [**Речи против Катилины**. СПб., 1888; **Речь в защиту С. Росция Америкского**. СПб., 1891; первый том задуманного с Ф. Ф. Зелинским, но не завершенного **«Полного собрания речей Цицерона. Речи 81–63 гг.»** (СПб., 1901); и др.], Эпиктета (**Основание стоицизма Эпиктета**. СПб., 1888; **Афоризмы Эпиктета с прибавлением нескольких глав из его «Размышлений»**. СПб., 1891), Еврипида

(**Ипполит. Медея**. СПб., 1889; **Ифигения в Тавриде**. СПб., 1890; **Ион**. СПб., 1891; **Вакханки. Неистовый Геракл. Алкестида**. СПб., 1892), Аристофана (**Облака**. СПб., 1894), Плутарха (**Сравнительные жизнеописания**. Т. 1–7. СПб., 1891–1893) и др. Многочисленность и разножанровость переведенных А. текстов свидетельствуют о его хорошем знании древних языков и высокой работоспособности, но вынужденная, вероятно, переводческая «жадность» определила их невысокий худож. уровень даже при «хорошем русском языке» переводчика (см. отзыв А. С. Владимирского: Отчет о деятельности Кружка преподавателей древних языков в Москве // *ФО*. 1893. Т. 5. С. 90). Д. Нагуевский, опустивший переводы А. в библиографии к своей «Истории римской литературы», оправдывал эту «забывчивость» тем, что А. «переводил древних авторов promiscue, переходя от Теренция к Цицерону, от Овидия к Сенеке и даже греческим писателям, а не зрел для перевода одного автора» (*Гермес*. 1909. № 17. С. 527). Убежденный противник облагораживания антич. переводов «высоким штилем» (особенно славянизмами) и «пересаживанием на русскую почву чуждых нашему уху греческих стихотворных размеров» (см. его рец. на выполненный Л. Н. Дурдуфи перевод трагедии Эсхила «Прометей в оковах» — Воронеж, 1893. С. 5–6. Отд. отт.), А. переводил поэзию прозой (возможно, из экономии времени): напр., первые строки **«Трахинянок»** в его переводе: «Вижу, милые подружки, — мое зрение не обмануло меня, — вижу, сюда идут. Здравствуй, вестник, если только ты, хоть и после долгого времени, явился с радостным известием. — Приход мой должен развеселить тебя: я к тебе с хорошими вестями. Награди меня, царица, по заслугам, — за доброе дело надо платить ласковым словом» (**Древнегреческие поэты в биографиях и образцах**. СПб., 1895. С. 485). Вопреки декларируемому

им принципу сохранять в переводе «животворящий дух, а не умерщвляющую букву», сам А. не умел или не успевал передать худож. своеобразие древнего текста. С середины 1890-х его переводы превратились в легкую добычу (благодаря доступности суворинских тиражей) не только журнальных, но и филол. критиков. Но если первые признавали хотя бы просветительский потенциал его буквализма — «переводы г. Алексеева, хотя и не дают представления о произведениях великого трагика, но для знакомства публики с содержанием они не бесполезны» (РМ. 1895. № 7. С. 525), то рецензенты-классики мало церемонились с представителем «литературной улицы», склоняясь к мнению, что «тяжеловесные, неуклюжие» переводы А. «не способны увлечь даже широкого читателя, на которого рассчитаны»: «Перевод его нередко отличается неясностью, негладкостью и иногда не чужд даже простых ошибок против русской словесности» (Мартов А. А. [Рец. на 2-е изд. пер. «Г. Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей»] // ЖМНП. 1904. Окт. С. 459). Редакция ЖМНП, по-видимому, отвергала переводы А. (см. письмо В. К. Ернштедта С. Ф. Платонову от 1894 — РНБ. Ф. 585. Оп. 1. № 2887. Л. 31), а Ученый комитет рекомендовал их лишь для комплектования б-к реальных уч-щ. О доступно и живо написанных вступительных очерках А. высказывались редко.

А. является составителем ценных для своего времени хрестоматий с добротными библиогр. списками (в т. ч. рус. переводов): «Хрестоматия по истории древней Греции в отрывках из древнеклассических писателей» (СПб., 1893), «Избранные эпиграммы Греческой антологии» (СПб., 1896), «Римские поэты в биографиях и образцах» (СПб., 1897. Вып. 1). Рецензенты этих собраний преследовали А. за недостаточность комментария и «механистичность» компо-

всю стилистич. палитру рус. переводов, А. нередко объемные произведения печатал в передаче нескольких переводчиков, от лит. авторитетов до гимназистов [напр., «Скованный Прометей» помещен им в переводе В. Турбина и Л. Дурдуфи (действие I), Д. Мережковского (действие II) и М. Илецкого (действие III)]. Помимо древних авторов А. переводил произведения новой европ. литературы. И. Лециус (ФО. 1895. Т. 8) сурово отзывался о его переводе книги Дж. Гоу «Минерва. Введение при изучении читаемых в классе писателей греческих и латинских» (СПб., 1893): небрежность переводчика лишь увеличила число ошибок сухого, наивного и неточного оригинала.

А. также помещал немало рец. — «около тысячи», по его сообщению (Рус. интеллигенция. Т. 1. С. 47), чаще без подписи. Из личного, вероятно, увлечения (житель пригорода) «подвизался в ботанике», составляя компилятивные руководства по садоводству. В 1900-е много занимался биографией А. В. Суворова, поместив в военно-ист. журнале серию статей по теме (см. также кн.: **Письма и бумаги Суворова из «Суворовского сборника» Имп. Публ. б-ки.** СПб., 1900. Вып. 1; **Суворов поэт.** СПб., 1901; **К биографии Суворова.** Варшава, 1904; и др.; обобщены в изд.: **Письма и бумаги Суворова.** Пг., 1916).

Литература: Успенская А. В. Античность в русской поэзии 2-й половины XIX в. СПб., 2005 ♦ Брокгауз; БС СПб ун-та; Венгеров (Словарь, Источники, Список); Венгеров. Рус. книги; Нагуевский; Прозоров; РБС; Воронков; Свиясов; Фролов 2006.

Архивы: РО ИРЛИ. Ф. 642. 19 ед. хр. (В. А. Алексеев), 13 (И. Я. Агафонов), 252 (Э. Л. Радлов), 377 (С. А. Венгеров), 552 (Н. М. Соколов), 610 (П. Н. Воронов); РГИА. Ф. 1654 (Половцовы); ОР РНБ. Ф. 115 (А. Е. Бурцев), 123 (П. Л. Ваксель), 601 (А. В. Половцов), 874 (С. Н. Шубинский).

В. П. Смышляева

**АНДРЕЕВ
Иван Дмитриевич**

ANDREEV I. D.

[21.6(3.7).1867, с. Малиново, ныне Краснозороенского р-на Орловской обл. — 28.6.1927, Ленинград],
*историк христ. церкви, библиист
и общественный деятель*

Родился в семье священника, внучатый племянник святителя Феофана Затворника (Говорова). Обучался в духовной семинарии в Орле и в МДА у проф. А. П. Лебедева и Е. Е. Голубинского. В 1892 недолго преподавал в Таврич. ДС, затем в МДА (1895–1900), где ему пришлось читать лекции по истории, а временами вести занятия по англ. языку или исполнять обязанности помощника инспектора. В 1902 А., уже побывавший во Франции, был командирован в РАИК, где познакомился с многообразной деятельностью руководимого Ф. И. Успенским учреждения и с «полевыми» исследованиями древностей на христ. Востоке.

Основной темой науч. работы А. были история визант. Церкви и Библия, и в особенности хронология визант. патриаршества наряду с биографиями важнейших церк. деятелей V–IX вв. Его магист. дис. «**Константинопольские Патриархи от времени Халкидонского собора до Фотия**» (Вып. 1–4. Сергиев Посад, 1895, 1904, 1906, 1907) была удостоена премии митрополита Макария (Булгакова). Другое исследование А. — «**Герман и Тарасий, патриархи Константинопольские**» (Сергиев Посад, 1907) — посвящено изучению иконоборчества в Визант. империи. Занимаясь выяснением точных дат, А. исходил из сознания, что «Рим и Константинополь одинаково плохо знали хронологию друг друга, и чем дальше шло время, чем слабее становились политические связи между Востоком и Западом, тем хуже они

были осведомлены друг о друге» (Герман и Тарасий... С. 216).

В 1907, при поддержке своего старого товарища по МДА Н. Н. Глубоковского, А. был приглашен в Петерб. ун-т, где стал (сперва экстр.) проф. по каф. истории церкви; телеграмму с приглашением прислал А. тогдашний декан ИФФ Петерб. ун-та Ф. Ф. Зелинский. Преподавал А. и на Петерб. ВЖК, на курсах Н. П. Раева, Высших курсах П. Ф. Лесафта и в Психоневрол. ин-те; выступал в Религиозно-филос. общ-ве, чл. которого являлся. В 1910–1911 (годы, трудные для ун-тского сообщества) А. был проректором Петерб. ун-та, заняв вполне отчетливую общественную позицию: если еще в МДА А. выступал против увольнения В. О. Ключевского, то теперь, в числе 35 проф. Петерб. ун-та, он подписал письмо в поддержку ок. 130 проф. и преподавателей Моск. ун-та, возражавших против ущемления акад. свобод и одним росчерком пера уволенных министром народного просвещения Л. А. Кассо. В ходе мероприятий по поводу кончины Л. Н. Толстого А. как проректор обращался к священнику Петерб. ун-та с (тщетной) просьбой отслужить панихиду по рус. богоискателе [см.: *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая пол. XIX — нач. XX в.). М., 2017. С. 491, 500 и след.].

Как авторитетный историк церкви А., подобно своим друзьям по Петрогр. ун-ту В. Н. Бенешевичу и М. Д. Приселкову, был избран чл. Священного Собора Православной Российской Церкви, однако в заседаниях Поместного Собора (1917–1918), посвященных восстановлению патриаршества в России, участия не принял. Трудно сказать, действительно ли главной причиной было продолжительное нездоровье, но уж конечно не отсутствие интереса к вопросам об отношениях церкви и государства: А. издавна входил в «профессорскую корпорацию», которая годами обсуждала и без того

сложные вопросы церк. реформы, еще более осложненные глубочайшим кризисом всего общ-ва. Как отметил архиеп. Верейский Евгений: «Парадоксально, что в Духовной академии профессору пришлось больше преподавать светскую историю, а в Университете — церковную» (Андреев. История религий... С. 11).

Науч. деятельность и наследие А. многообразны: он был наставником, исследователем, автором, неутомимым редактором; с 1899 он, среди прочего, постоянно пишет для обновленного «Словаря Брокгауза–Ефрона» — «Нового энцикл. словаря» (всего ок. 250 статей); со временем он стал редактором богословского и историко-церк. отдела «НЭС», где ему принадлежат ведущие статьи: «Апостольские деяния», «Библейская история», «Библия» и др. Редактировал А. (с конца 1906 до окт. 1907) и издававшийся в Сергиевом Посаде «Богословский вестник», куда много писал и сам (Голубцов С. А. Московская духовная академия в революционную эпоху. Академия в социальном движении и служении в начале XX в. М., 1999. С. 153).

Существенно участие А. в «ПБЭ» — (незавершенном) предприятии Н. Н. Глубоковского как главного редактора. Лекции, курсы и семинары А. в ун-те (1907–1917) ежегодно обновлялись [эта импозантная серия расписана год за годом И. П. Потехиной в статье «Андреев Иван Дмитриевич» сетевого биограф. словаря (Биографика СПбГУ)]. Также в послереволюционное время он читал в Петрограде лекции (из них опублик. «История религий: религия Передней Азии...»). Занимался А. и переводами: им опублик. рус. перевод сочинения константинопольского патриарха Никифора «Слово в защиту непорочной, чистой и истинной нашей христианской веры» и «Краткая история со времени после правления Маврикия» (лат. название: *Breviarium*).

Освобожденный от преподавания в 1924 в связи с сокращениями среди проф. и упразднением читаемых им курсов, А. стал архивистом 2-го отделения IV секции Единого гос. архивного фонда (ЕГАФ), в прошлом — Синодального архива. Надежды на некоторое продолжение традиции возникли в связи с образованием Петрогр. Богословского ин-та (1920–1923), располагавшегося в подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры на Фонтанке, а после закрытия ин-та — на открывшихся Высших богословских курсах в Ленинграде (1925–1928). Но и этот ин-т оказался недолговечным (Успенский Н. Д. К истории богословского образования в Ленинграде // Журн. Моск. Патриархии. 1977. № 4. С. 6–13). Скончался А. от солнечного удара, случившегося на похоронах коллеги.

В некрологе, посвященном памяти А. П. Лебедева (1845–1908), А. сформулировал ряд общих для него и для Лебедева жизненных установок и методол. положений (ЖМНП. 1908. Сент.–окт. С. 56–73). Оба эти проф. слыли у консервативной части духовенства либералами. Верно здесь то, что А. был из той плеяды отеч. историков церкви, кто стремился, изучая

христ. церковь, не отступать от строгих требований науки и не смешивать ее с «благонамеренным хламом» (То же. Отд. отт. С. 17). Кроме того А. был уверен, что параллельно с выстраиванием международного в самой своей основе науч. знания должна происходить «бесшумная работа создания публики», способной это знание осваивать (Там же. С. 20).

Прежде всего А. добивался сам и требовал от других при рассмотрении ист. событий четкого установления подтверждаемых материалом фактов. Когда ему надо было писать статью о Константинополе для «ПБЭ», он, хоть и бывал ранее в Константинополе, едет для тщательного и критически взвешенного выполнения своей работы в великий город; приходится добавить здесь с прискорбием, что как раз на этой статье XII тома в 1911 издание «ПБЭ» прекратилось. Как критик А. бывал весьма строг. Когда В. М. Грибовский опубли. свою книгу «Народ и власть в Византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования» (СПб., 1897), А. напечатал в «Богословском вестнике» (1898. № 2. С. 91–124, 310–334) обстоятельнейшую рец., выразив под конец надежду, что новинка послужит для византологов примером того, «как не следует думать по известному вопросу по истории Византии». Известна и полемика А. с К. де Боором, издателем, в частности, тех позднегреч. текстов, переводом которых занимался А. (в этом А. не был одинок — поклонником де Боора не был, как известно, и М. Н. Крашенинников).

От ун-тских курсов А. сохранилось литографированное «Пособие по истории Церкви» (СПб., 1910; ²1914; 763 с.; в б-ке СПбИИ РАН хранится экземпляр курса с авторской надписью В. Н. Бенешевичу). Более половины этого тома посвящено греко-римск. миру. Пособие написано внятным и ярким языком; дан перевод множества иностр. вкраплений, дидактич. силу которых А. ценил. Для подхода А. характерно высказывание

в разделе «Иудейство, значение синагоги для становления религиозных убеждений»: «Тогда каждый рыбак в религиозных переживаниях понимал больше, чем многие утонченные носители культуры в наши дни». Стиль А. афористичен: рассматривая вопрос о соотношении нравственной жизни народа и правовых норм, ученый так поясняет разность между тем и другим: «Право применяет силу; нравственность кончается там, где выступает принуждение» (С. 31–32).

А. — историк и филолог вместе, ответственно занимающийся историей догматики (его семинарий 1912/13: «История догмы Восточной церкви»); он же способен, однако, со вкусом разбираться с таким предметом, как история новогреч. лит. языка (последнее хорошо видно из его остроумного отклика на посвященную этому предмету книгу: *Krumbacher K. Das Problem der neugriechischen Schriftsprache. München, 1903*; рец. см.: Богословский вестн. 1904. № 7–8. С. 550–569).

Ни до, ни после 1917 А. не избегал высказывать свои убеждения по насущным вопросам; его критицизм и критичность бывали задорными (*Мень А. Библиологический словарь. М., 2002. Т. 1. С. 63* и след.; в том же смысле: Аверинцев С. С. — Христианство: энцикл. словарь. М., 1995. Т. 3. С. 464). При этом распространение ист. знания и подготовку специалистов к науч. работе, а остальных — к ее восприятию он считал самой существенной из ун-тских и вообще культурных задач. Как показывает обращение к воспоминаниям современников, «либеральный профессор» по существу занимал взвешенную позицию между мирской и церк. историей, между Университетом и Духовной академией, между консерваторами и общ-вом, когда оно считает необходимым отвечать на вызовы времени. Сам А. не жалел сил, неуклонно ставя вперед интересы общего дела (*Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский: судьба христианского ученого. М.; СПб., 2010. С. 368*).

Среди слушателей А. выделяют А. П. Алявдина (1885–1965), ставшего впоследствии выдающимся семитологом и историком сирийской литературы и языка. Ощутимое влияние А. оказал на становление науч. интересов эмигрировавшего (в 1924) историка христ. искусства В. В. Вейдле (1895–1979): как показали годы, сдержанная манера А. произвела на Вейдле неизгладимое впечатление. Другой заметный эмигрант, занимавшийся у А. на ИФФ Петерб. ун-та, был епископ Кассиан Катанский (С. С. Безобразов).

Литература: Бовкало А. А. И. Д. Андреев // ПЭ. Т. 2. С. 343–344; Андреев И. Д. Пособие по истории Церкви. СПб., 1914 (глава «Греко-римский мир». С. 64–122); Андреев И. Д. История религий: религия Передней Азии и христианство / под ред. игум. Дионисия (Шлёнова). Сергиев Посад, 2015 (с биограф. прилож., библиограф. литературой и указ. на архивы: с. 367–391) ♦ Бузескул 2008.

Архивы: СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 4. (письма к Н. П. Кондакову); Ф. 116. Д. 18. (Успенский Ф. И. О научных заслугах проф. И. Д. Андреева).

В СПбФ АРАН (Ф. 729, арх. С. А. Жебелёва) числится, но не представлен текст заметки С. А. Жебелёва «Памяти И. Д. Андреева» (вопреки указанию в кн.: Архив АН СССР. Обзорение. 1959. С. 185).

Е. К. Пиотровская, А. К. Гаврилов

АНИЧКОВ

Николай Милиевич (Мильевич)

ANIČKOV N. M.

[14(26).2.1844, Тамбов —
10(23).6.1916, Петроград;
Никольское кладб.
Александро-Невской лавры],
филолог, деятель образования

Из дворян Нижегород. губ. Учился в Тамбовской гимназии, а с 1857 — в 3-й Петерб. гимназии; чтобы собрать средства для окончания курса, недолго

преподавал в Хвалынском уездном уч-ще Саратовской губ., выдержав для этого учительский экзамен при Казан. ун-те (Афанасьев. Т. 2. С. 15). По окончании 3-й Петерб. гимназии (1863, зол. медаль; в одном выпуске с И. В. Помяловским и А. В. Праховым) обучался на ИФФ Петерб. ун-та (1863–1867), затем стажировался в Германии и Франции. Вернувшись из-за границы, А. преподавал древние языки в 3-й Петерб. гимназии (1869–1873) и 2-й Петерб. прогимназии (1871 — наставник, 1873 — инспектор). В 1873 направлен в Новгород, где служил директором уч-щ Новгородской губ., директором Новгородского Николаевского детского приюта (с 1875). Спустил пять лет «по семейным обстоятельствам» вернулся в Петербург на должность инспектора Петерб. УО. В 1882 был привлечен министром И. Д. Деляновым в МНП, где и прослужил до своей отставки, успешно продвигаясь по служебной лестнице: директор деп. МНП (1884–1896), тов. министра (1896–1898); после смерти Деянова временно руководил МНП (1897–1898); чл. Ученого комитета (1882); чл. и вице-председатель ППО (в 1899 инспектировал школы и учреждения Общества в Сирии и Палестине); почетный чл. Петерб. Археол. ин-та; чл. Петерб. ОКФП, поч. чл. Первого съезда преподавателей древних языков (Петербург, 1911), сенатор (1898), чл. Гос. совета (1905), тайн. сов. В 1912 (после неудачной операции на глаза) утратил зрение и был вынужден выйти в отставку.

Ученик К. В. Кедрова и Г. И. Лапшина, обладавший лингв. способностями, А. считался в молодости хорошим знатоком древних и европ. языков, но науч. и пед. стезе предпочел карьеру чиновника. Будучи умным и энергичным (в рамках предписанной инициативы) исполнителем, обладая связями при дворе (брат А. — «придворный» генерал-комендант Гатчины, затем зав. гофмаршальской частью МИДв и уделов;

тесть — известный протоиерей И. В. Васильев, основатель собора св. Александра Невского в Париже), А. сделал успешную карьеру при министре Делянове, который весьма считался с мнением своего подчиненного и даже, по впечатлению современников, побаивался его (см.: *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 182; о влиянии А. на «незлого» Делянова упоминает и Е. Н. Водовозова — На заре жизни: мемуарные очерки и портреты. М., 1987. Т. 2. С. 402). Деятельным педагогам (не только коллегам по 3-й Петерб. гимназии — пропагандистам офиц. классицизма) А. охотно покровительствовал: жена В. Я. Стоюнина с благодарностью вспоминает его хлопоты об открытии ее частной гимназии в начале 1880-х (*Стоюнина М. Н.* Воспоминания // Минувшее. Ист. альманах. М., 1992. Вып. 7. С. 396). При содействии А. состоялось также открытие ряда высших учеб. заведений, в т. ч. Томского ун-та и Харьков. технологич. ин-та. Умеренный государственный (близкий по взглядам А. И. Георгиевскому), закрытый для непосредственного общения чиновник, «человек себе

на уме, двуличный», «с темной душой» (С. М. Волконский), А. не снискал симпатий в либеральной и ун-тской среде; в дружеском кругу, несмотря на немногословность, слыл человеком остроумным.

Из сочинений А. известны обзоры «Историческая записка пятидесятилетия Третьей Санкт-Петербургской гимназии» (СПб., 1873) и «Учебные и врачебные заведения Императорского Православного Палестинского общества в Сирии и Палестине» (СПб., 1901). Изредка выступал А. и с рец. (напр., на издание некоторых од Горация К. Олевинским — ЖМНП. 1871. Сент. С. 35–43).

Отец академика и генерал-лейтенанта мед. службы Н. Н. Аничкова.

Литература: *Кусов Н. А.* 25-летие С.-Петерб. 7-й гимназии. СПб., 1893; Отчет о деятельности ОКФП в С.-Петербурге за 1896–1897 учебный год // ФО. 1897. Т. 13; *Лавров С. В.* Памятка бывшим ученикам С.-Петерб. 3-й гимназии. СПб., 1911; Бывшая 3-я гимназия; *Волконский С. М.* Мои воспоминания: в 2 т. М., 1992 ♦ Брокгауз; Бузескул 2008; Венгеров (Словарь, Источники, Список); Воронков; Фролов 2006; Дроздов и Федорченко; Фёдоров.

Архивы: РО ИРЛИ. Ф. 27 (К. Н. Бестужев-Рюмин), 294 (Стасовы), 341 (И. А. Шляпкин), 377 (С. А. Венгеров); РГИА. Ф. 1604 (И. Д. Делянов); ОР РНБ. Ф. 120 (Бычковы), 244 (И. Д. Делянов), 253 (А. А. Дмитриевский), 608 (И. В. Помяловский), 777 (П. Н. Тиханов).

В. П. Смышляева

АННЕНСКИЙ Иннокентий Федорович

ANNENSKI / ANNENSKY /
ANNENSKIJ I. F.

[20.8(1.9).1855, Омск —
30.11(13.12).1909, Петербург;
Казан. кладб. в Царском Селе],
филолог, переводчик, поэт, педагог

Из дворян. Отец (выпускник Царско-сельского лицея) служил начальником отделения в Главном управлении Зап.

Сибирью, а по возвращении семьи в Петербург занимал должность в МВД (1860–1874). После скандальной отставки отца (вследствие открывшихся спекуляций) семья А. нуждалась, что наряду с детской болезненностью отразилось на его обучении: пребывание в гимназиях — частном пансионе (1865–1867), Петерб. 2-й прогимназии (1867–1869), гимназии Беренса (1869–1872) чередовалось с домашней подготовкой. Экзамен на аттестат выдержал в Петерб. гимназии Человеколюбивого общ-ва (1875). По окончании Петерб. ун-та по отделению сравнительного языкознания (1879; канд.) преподавал древнюю и рус. словесность в частной гимназии Бычкова — Гуревича (1879–1891), Павловском женском ин-те (1889–1890), теорию словесности на Петерб. ВЖК (1890). В 1891–1893 занимал пост директора Коллегии П. Галагана в Киеве, оставил должность вследствие конфликта с попечительницей Е. Галаган. Вернувшись в Петербург, преподавал и директорствовал в Петерб. 8-й гимназии (1893–1896), затем Царскосельской Николаевской гимназии (1896–1905), возглавлял пед. совет Покровской женской гимназии (1895–1902) и женской гимназии Е. С. Левицкой; в последний год жизни читал историю греч. литературы на Раевских женских курсах. Отставленный с поста директора гимназии после гимназич. волнений 1905, А. с янв. 1906 и до отставки 1 нояб. 1909 служил инспектором Петерб. УО; чл. Киевск. и Петерб. ОКФП; чл. Ученого комитета (1898–1909) (см. ф. с. 1901 и 1909 — РГИА. Ф. 740. Оп. 20. № 495).

Своим «интеллигентным бытием» считал себя обязанным культурной атмосфере семьи брата Николая Федоровича, известного общественного деятеля (**Автобиография** // Книги отражений. М., 1979. С. 495); жена брата Александра Никитична (сестра народника П. Н. Ткачёва), переводчица, писательница и в 1860-е хозяйка частного пансиона, была, вероятно, первой учительницей

А. «Влюбился в филологию» он в ун-те (Там же); при этом больший, чем классич. филология, интерес А.-студента вызвали курсы поэтики и компаративистики, читавшиеся «окрашенными филологами» (которых А. всегда предпочитал Nurphilolog'am; см.: *Зелинский Ф. Ф.* И. Ф. Анненский как филолог-классик // Аполлон. 1910. № 4. С. 5), — славистом В. И. Ламанским (вероятно, в его семинаре написано канд. сочинение А. «Язык Галицкой и Угорской Руси на основании Сборника песен Галицкой и Угорской Руси Я. Ф. Головацкого») и компаративистом И. П. Минаевым, под руководством которого А. намеревался работать над магист. дис. (см.: Протоколы заседаний совета Имп. С.-Петербург. ун-та за вторую половину 1878–1879 академ. года. № 20. СПб., 1880. С. 66). Вынесенным из юности интересом к лингв. поэтике окрашены многие публикации и рец. А., начиная с отзыва на книгу А. Малецкого «Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego. Lwów, 1879» (ЖМНП. 1881. Март) и статьи «**Из наблюдений над языком и поэзией русского Севера**» (Сб. статей по славяноведению, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883); на антич. материале «музыка слова» (аллитерация) рассматривается в статье «**Из наблюдений над языком Ликофрона (О начальном звукоподобию)**» (Commentationes philologicae. Сб. статей в честь Ивана Васильевича Помяловского, профессора С.-Петербург. ун-та <...> от учеников и слушателей. СПб., 1897. С. 55–80).

Главным вкладом А. в отеч. антиковедение и «нерукотворным памятником» (Ф. Ф. Зелинский) стал его Еврипид, открывший «новую главу в истории русского перевода, связанную с именами символистов» (*Эткинд Е.* [Вступ. ст.] // Мастера русского стихотворного перевода. Л., 1968. Т. 1. С. 5–72). Выбор материала, переводом которого А. мечтал

«заработать себе одну строчку в истории литературы» (из письма 1899 А. В. Бородиной — Книги отражений. С. 447), не был случайным: к Еврипиду его влекли «пристальная мысль, редкость успеха, затворничество, тяга к передовым мыслителям» (*Митрофанов П. П.* Иннокентий Федорович Анненский. С. 76). Работа над переводом была начата в Киеве, а по возвращении в Петербург А. опубликовал первый фрагмент своего «еврипидовского» цикла — **«Вакханки. Трагедия Еврипида»** (СПб., 1894; одобрительные рец. — Сев. вестн. 1894. № 12; Наблюдатель. 1895. № 4. и др.), привлекая внимание не только лит. критиков, но и ун-тских филологов: «Ведь это, пожалуй, первый такой точный и изящный перевод цельного произведения с древнего подлинника. Я ведь сначала относился к Анненскому с некоторым предубеждением за его хлыщеватую внешность и манеры, но, узнав его в заседаниях нашего общества филологии и педагогики, стал искренне уважать» (из письма 1894 Ю. А. Кулаковского — ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 907. Л. 93–93 об.).

В рец. Б. Н. Некрасова на этот «бесспорно принадлежащий к числу наилучших» рус. перевод (ФО. 1895. Т. 8. С. 177–189) намечаются « типовые » похвалы и обвинения будущих критиков А.: «перевод близок к оригиналу <...>, сделан прекрасным русским языком», но оценки персонажей, отраженные в стилистике перевода, слишком субъективны (напр., в Пенфее переводчик видит «грубую натуру» — злого, жестокосердного и даже некрасивого персонажа), снижены речевые характеристики (переводу А. стиха 800 «Вот навязался болтун беспутный» Некрасов предпочел нейтральный вариант Зелинского «С каким невыносимым чужестранцем свела меня судьба»).

Переводу «Вакханок» А. предпослал популярный историко-лит. и эстетич. комментарий (статьи **«Еврипид — поэт и мыслитель»**, **«Дионис в легенде и культе»**, **«“Вакханки” Еврипида»**), включавший биогр. и сюжетно-мифол. заметки, эскизный «психологический» анализ сюжета. Так же прокомментированы последующие переводы, опублик. в «ЖМНП»: приписываемая Еврипиду трагедия **«Рес»** (ЖМНП. 1896. Сент.–окт.), **«Геракл»** (1897. Июль–авг.), **«Ифигения — жертва»** (1898. Март–апр.), **«Электра»** (1899. Апр.–май), **«Орест»** (1900. Янв.–март), **«Алкеста»** (1901. Февр.–март), **«Ипполит»** (1902. Март–май), **«Медея»** (1903. Май–июль); а также **«Финикиянки»** в «Мире Божьем» (1898. № 4). А. планировал собрать свои переводы в трехтомном **«Театре Еврипида»**, но, «закрепощенный» педагогикой, успел подготовить лишь первый том (СПб., 1906), который к тому же плохо раскупался, несмотря на похвалы «плодам самостоятельного труда над критикой текста», во всех отношениях «превосходящим подкрашенные фантазии Д. С. Мережковского» (*Варнеке Б. В.* Рецензия на первый том «Театра Еврипида» в переводе Анненского // Гермес. 1907. № 1. С. 10; др. положит. отклики: *Зелинский Ф. Ф.* Еврипид в переводе И. Ф. Анненского //

Перевал. 1907. № 11–12; *Цыбульский С. О.* — СПбВед. 1907. № 18). В 1916 «Театр Еврипида» попытался в память о коллеге-единомышленнике целиком издать Ф. Зелинский, утверждавший, что некогда он, Вяч. Иванов и А. покаялись перевести трех великих греч. трагиков (*Сабашников М. В.* Воспоминания. М., 1988. С. 328). Издание Зелинского (1916. Т. 1; 1917. Т. 2; 1921. Т. 3) также осталось незавершенным в связи с его отъездом из России; к тому же работа над ним омрачилась полемикой редактора с родными А. (в номерах «Нового времени» за 1917; воспроизведено и в трехтомнике «Еврипид» — Т. 2. М., 1917. С. VII–XXIII) из-за произведенной Зелинским правки переводов, которая в современных изданиях обычно снимается, начиная с двухтомника «**Еврипид. Трагедии**» (М., 1969). Еврипид в переводе А. выходил неоднократно; в подготовленном В. Е. Гитиным издании «Театр Еврипида» (СПб., 2007) впервые опубликованы переводы «**Троянок**» и «**Умоляющих**», найденные после смерти А. в его рукописях, а также фрагмент перевода «Семерых против Фив» Эсхила.

Переводческое кредо А. сформулировано им в ряде рец., в т. ч. в отклике (1897) на перевод «Илиады» Гомера Н. М. Минским (*Анненский И. Ф.* Ученкомитетские рецензии 1907–1909 годов // *Материалы и исследования.* Вып. 4 / под ред. А. И. Червякова. Иваново, 2002. С. 217). А. требует от переводчика древних авторов серьезного предварительного анализа переводимого текста по лучшим изданиям. Сам А. следил за литературой по Еврипиду, как видно по его выступлениям в Петерб. ОКФП 1900-х с разбором новых монографий В. Нестле и А. Веррола, в докладе 20 нояб. 1902 и статье «**Рационализм Еврипида: по поводу нескольких новых книг**» (ЖМНП. 1904. Окт.), и регулярно пополнял свой личный каталог (*Варнеке Б. И. Ф. Анненский*). Текстологич. аргументация принципиальна

для А. и в его ревнивой критике «легких» переводов Мережковского по франц. переложениям (см. рец. А. на перевод Мережковским «Дафниса и Хлои» — *ФО.* 1897. Т. 12).

Второй переводческий принцип А. — требование баланса между «вербальностью» и музыкой стиха — «совокупностью эстетических элементов поэзии» (**Разбор стихотворного перевода лирических стихотворений Горация П. Ф. Порфиорова** // Отчет о 15-м присуждении Пушкинских премий. СПб., 1904. С. 2). Ради выделения этих элементов — образных, лексических, ритмических, эвфонических, — переводчик вправе отступать от смыслового буквализма и традиционной поэтич. эстетики: отвергнув, напр., перевод Порфиоровым оды I, 5 «*Quis multa gracilis te puer in rosa / perfusus liquidis urget odoribus*» («Кто стройный юноша на ложе пышных роз...»), А. предлагает свой — сниженный для передачи презрения зрелого Горация к мальчишке-сопернику — вариант: «Какой воробышек душистый и цветистый к тебе ласкается...» (Там же. С. 9). Подобные стилистич. жертвы на алтарь перевода А. отстаивал твердо и вопреки мнению коллег (см.: *Варнеке Б. В.* Рецензия на трагедию Анненского «Меланиппа-философ» // *ФО.* 1901. Т. 20; *Зелинский Ф. Ф.* Еврипид в переводе И. Ф. Анненского), которых в анахронизмах образца «по сердцу и мыслям провел ты мне скорби тяжелым смычком» раздражало не столько то, что у греков не было скрипок и смычков, сколько то, что А. сам отлично это знал (*Гаспаров М. Л.* Еврипид Иннокентия Анненского. С. 598). Чрезмерной находили филологи-классики и любовь А. к стиховым переносам, искажавшим «дикционную физиономию» греч. подлинника; по шутливому замечанию С. С. Аверинцева, «Анненский должен был испытывать сладострастие, заставляя отмеренные стих в стих фразы Еврипида выламываться по анжамбманам»

(Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2001. С. 168). В целом, характеризуя перевод «по доминанте» (с вольным заполнением контура между отдельными точными и яркими образами) как вполне обычный для символистов начала века, Гаспаров не одобрял «победы» А. над неузнаваемо перелицованным Еврипидом: «В Еврипиде Анненского больше его, чем Еврипида. <...> Еврипида он представляет себе таким, каким сам себе казался: утонченным, одиноким и непонятым, так сказать облагороженным и гармонизированным образом “проклятого” поэта-декадента» (Гаспаров М. Л. Избр. труды. С. 141).

Переводческие новации А. «усугублялись» в глазах коллег многочисленными вводными («лунная ночь на исходе») и психол. («со вздохом», «с горькой усмешкой») ремарками, которые «на опытного читателя Еврипида» действовали «как будто даже немного раздражающе» (Холодняк И. [Рец. на кн.: Анненский И. Ф. Театр Еврипида] // ЖМНП. 1909. Июль. С. 89).

Разделяя идеи Третьего «неогуманистического» Возрождения, которое пропагандировали Ф. Зелинский и Вяч. Иванов, А. опубликовал наряду с переводами много популярных статей и заметок по истории антич. драмы и ее рецепции в литературе нового времени: «Художественная обработка мифа об Оресте, убийце матери, в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида» (ЖМНП. 1900. Июль–авг.; с антитезой «капризного индивидуализма» Еврипида на фоне религиозной концепции Эсхила). Сюда же относится статья «Афинский национализм и зарождение идеи мирового гражданства» (Гермес. 1907. № 1–2) о значении Еврипида как выразителя аттического противостояния варварам, «несмотря на его философскую просвещенность и склонность к экзотизму», и др. работы. Творчеству Еврипида был посвящен и последний доклад А. «Таврическая жрица

у Еврипида, Ручеллаи и Гете» (зачитан на заседании Петерб. ОКФП 15 дек. 1909, опубл.: Гермес. 1910. № 14). Помимо трагедий Еврипида предметами филол. интереса А. становились в разные годы также сочинения Гомера, Геродота, Ксенофонта, Платона, Вакхилида, фрагменты которого А. перевел (ЖМНП. 1898. Май).

Перевод Еврипида стал для А. прологом к оригинальному творчеству — «черным ходом в творческую лабораторию» (Гаспаров М. Л. Еврипид Иннокентия Анненского. С. 591). Лит. образцами А. избрал франц. поэтов, парнасцев и неозеллинистов [от Леконта де Лиля, чей прозаич. перевод Еврипида А. учитывал в своей работе, и Ф. Плесси, автора дис. о Проперции, до Поля Клоделя, «гордой прозой переводящего “Агамемнона”», и Андре Сюареса (восторженный разбор «Ахилла-мстителя» Сюареса как *Nachleben* и одной из неозеллинистич. масок «для вечного гения античности» см. в статье: **Античный мир в современной французской поэзии** // Гермес. 1908. № 7–10]. В 1904 А. опубликовал свой первый сб. «Тихие песни» (СПб., под псевд. Ник. Т-о — т. е. *Никто*, анаграмма, восходящая к гомеровскому «Οὔτις»), издал он и свою лит. эссеистику: «Книга отражений» (СПб., 1906) и «Вторая книга отражений» (СПб., 1909). Наиболее известный поэтич. сборник А. «Кипарисовый ларец» вышел уже после смерти автора (СПб., 1910). Отдавшись стихии слова, молодой А. примкнул в 1909, «не утрущаясь насмешек литературной улицы», к литераторам-модернистам, объединившимся вокруг ж. «Апполон» (Маковский С. Иннокентий Анненский // Серебряный век. Мемуары. М., 1990. С. 128). Синтезируя свой опыт антич. перевода и оригинальной поэзии, А. первым в отеч. поэзии выступил с неозеллинистическими драмами — «Меланиппа-философ» (СПб., 1901), «Царь Иксион» (СПб., 1902), «Лаодамия» (Сев. речь. СПб., 1906) и «Фамира-кифаред» (опубл. посмертно: СПб., 1913). «Царя

Иксиона», стараниями Варнеке, чуть было не поставили на сцене частного театра зимой 1903, но «самолюбивый и привыкший ходить только по прямым путям» А. не желал сделать «несколько отходных шагов» (Варнеке Б. И. Ф. Анненский. С. 42).

А.-педагог по-рыцарски защищал школьный классицизм (см. письмо 1900 А. В. Бородиной — Книги отражений. С. 448), включая его «толстовский» вариант. К благам классич. образования он относил развитие лингв. способностей ученика — от склонности к этимологизированию до науч. представлений о языковом родстве: «Древние языки <...> должны содействовать ценной привычке переносить слова из области полусознательной в сознательную, а также подготовить переводами, анализом и конструированием текстов к той особо тонкой умственной работе, которая лежит в основе филологического метода» (Журн. Ученого комитета МНП. СПб., 1904. С. 38–39). Пед. практика А. долгое время была успешной: ученикам аристократической гимназии Гуревича импонировал облик светски любезного, европейски корректного и остроумного педагога (Гуревич Л. Я. Памяти И. Ф. Анненского: некролог // РМ. 1910. № 1); с симпатией вспоминали о бывшем директоре и ученики Петерб. 8-й гимназии, благодарные за «его гуманное обращение» (по контрасту с суровым Я. Г. Мором) и «стремление к развитию эстетического чувства» (Памятная книжка С.-Петербурга. 8-й гимназии. СПб., 1900. С. 7–9, 22). Постановка в этой гимназии переведенного им «Реса» в 1896 стала пед. триумфом А.: на школьном спектакле присутствовали ун-тские профессора и министр И. Д. Делянов (см. отклик: Трагедия Эврипида «Рес» на ученической сцене // Пед. еженедельник. 1896. № 9–10). В соответствии с характером и своею образовательной парадигмой, А. «частокола из аористов не строил», прежде всего стремясь приобщить школьников к богатству греч. литературы (вспоминания

В. Окса — цит. по кн.: Анненский И. Ф. Письма. Т. 1. С. 179). Свои лекции на Раевских курсах (**История античной драмы: курс лекций**. СПб., 2003), как и поэзию, намеренно насыщал стилистич. фигурами и худож. образами.

Уход А. из педагогики был подготовлен его нараставшим утомлением. По Варнеке, «духовная пропасть» между директором и коллективом Царскосельской Николаевской гимназии росла, так как занятия поэзией «резко обособляли И. Ф., делая его непохожим на громадное большинство людей одинакового с ним общественного и служебного положения»; он везде оставался «слишком сам собою, слишком непохожим и поэтому слишком одиноким» (И. Ф. Анненский. С. 47–48; см. также: Лавров, Тименчик. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях). По свидетельству П. П. Митрофанова, «следить за ремонтом гимназической прачечной, разбираться в сортах говядины, подававшейся к пансионскому столу, сажать в карцер учеников за преждевременное курение ими папирос И. Ф. был не мастер, да и не охотник. Зато он <...> сумел вдохнуть нам любовь к нашему делу и давал нам полный простор в проявлении наших сил и способностей» (Митрофанов. Иннокентий Федорович Анненский. С. 70). Справиться с ситуацией революционного 1905 А. уже не мог: питомцам руководимой им гимназии принадлежали 111 из 790 подписей под резолюциями об изменениях в учеб. деле (Право. 1905. 10 февр.), а на его увещевания бунтующие ученики отвечали «Марсельезой» (Фёдоров А. Иннокентий Анненский. Личность и творчество. Л., 1984. С. 36). Задуманное в последний год бегство из педагогической службы в литературу для немолодого уже А. стало трудным испытанием. По наблюдению близкого к редакции ж. «Аполлон» М. Волошина (Лавров, Тименчик) журнальный дебют А. сопровождался многочисленными «уколами самолюбия» и «недоразумениями,

на которые жалко было смотреть». Первая же статья «**О современном лиризме**» (Аполлон. 1909. № 1) вызвала насмешки лит. критиков (В. П. Буренин) и обиды коллег-поэтов, особенно Вяч. Иванова и Ф. Сологуба. Редакционные волнения осени 1909 дополнились «полной» отставкой по причине «весьма деликатных» отношений с почитателем А. А. Мусиным-Пушкиным, хотя А. надеялся сохранить за собой ради жалования место в Ученом комитете. «Новая жизнь не состоялась, старая не удалась. Для товарищей-филологов он не был ученым, а только талантливым лектором и популяризатором с досадными декадентскими вкусами. Для символистов он был запоздалым открывателем их собственных открытий. Для молодых организаторов “Аполлона” он был декоративной фигурой, которую можно было использовать в литературной борьбе...» (*Гаспаров М. Л.* Еврипид Иннокентия Анненского. С. 599). Внезапная смерть и покаянные речи друзей (четвертый номер «Аполлона» вышел со статьями Ф. Зелинского, Г. Чулкова, М. Волошина, Вяч. Иванова) положили начало посмертному культу А.-поэта. В многочисленных мемуарах отражено своеобразие личности А., контраст его внешнего облика («чуть-чуть сановника в отставке <...> и вычитанного из переводного романа маркиза» — С. Маковский) и глубокого внутреннего демократизма. По воспоминаниям сына (*Кривич В.* Об Иннокентии Анненском. Страницы и строки воспоминаний сына // *Лавров, Тименчик*. С. 98), проведший жизнь за письменным столом А. раздражался, когда его занятия называли «трудом», и был возмущен стихом Бальмонта «Я литейщик — формы лью»: «Какая нелепость, как сметь даже сравнивать!».

Литература: *Анненский И. Ф.* Письма: в 2 т. / сост. А. И. Червяков. СПб., 2007–2009; *Иннокентий Анненский глазами современников* / сост. Л. Г. Кихней и др. СПб., 2011; *Варнеке Б. И.* Ф. Анненский: некролог // ЖМНП.

1910. Март; *Митрофанов П. П.* Иннокентий Федорович Анненский // *Русская литература 1890–1910*. Т. 2; *Архипов Е.* Библиография И. Ф. Анненского. М., 1914; *Лавров А. В., Тименчик Р. Д.* Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // ПКО. 1981. Л., 1983. С. 61–146; Библиография И. Ф. Анненского. Ч. 1. Произведения И. Ф. Анненского, 1881–1990 / сост. А. И. Червяков. Иваново, 2005; *Гаспаров М. Л.* Избр. труды. М., 1997. Т. 2: О стихах; *Гаспаров М. Л.* Еврипид Иннокентия Анненского // Еврипид. Трагедии. М., 1999. Т. 1. С. 591–600; *Шелозурова Г.* Страсти по «Ипполиту». И. Анненский в скрытой полемике с Д. Мережковским // ВЛ. 2009. № 2; Busch ♦ Брокгауз; Прозоров, Венгеров (Словарь, Список); Черняев; КЛЭ; РП; Свяцков; Шруба; *Русская литература XX в.* Т. 1; Дроздов и Федорченко; Фролов 2006; Бузескул 2008.

Архивы: *Личные фонды:* РГАЛИ. Ф. 6 (463 ед. хр.); ОР РНБ. Ф. 24 (9 ед. хр.); ГЛМ. Ф. 33 (23 ед. хр.); *Отд. документы и письма:* ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петерб. ун-т; в т. ч. студ. дело — Оп. 3. № 18333); Ф. 490 (Гимназия Имп. Человеколюбивого общ-ва); СПбФ АРАН. Ф. 35 (В. И. Ламанский), 733 (В. К. Ернштедт), 726 (И. М. Гревс) и др.; РО ИРЛИ. Ф. 45 (А. Н. Веселовский), 377 (С. А. Венгеров), 655 (С. Н. Сыромятников); ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов); и др.

В. П. Смышляева

АРДАШЕВ Павел Николаевич

ARDASCHEFF / ARDACHEFF /
ARDAŠEV P. N.

[22.11(4.12).1865, с. Биляр,
ныне Можгинского р-на
Удмуртии — июнь 1924, Витебск],
историк, публицист

Первоначальное образование получил в Уфимской духовной семинарии (как сын священника) и Уфимской мужской гимназии. В 1885 поступил на ИФФ Моск. ун-та. В ун-те посещал семинар проф. В. И. Герье и под его руководством написал исследование «**Переписка Цицерона как источник для истории Юлия Цезаря**

от начала столкновения последнего с сенатом до его смерти», которое на конкурсе студ. работ 1888 было удостоено зол. медали, а в 1890 напечатано в «Учен. зап. Моск. ун-та» отд. томом (2013) (Цыганков Д. А. В. И. Герье и Московский университет его эпохи. М., 2008. С. 219–221). В предисловии А. скромно сообщает, что «предлагаемая книга представляет собой “плод недолгой науки” автора, проще говоря, его студенческую работу» (Переписка Цицерона... М., 1890. С. 3), хотя при ближайшем рассмотрении это серьезное науч. исследование. Выбор темы А. объясняет тем, что еще в гимназии складывается весьма превратное представление о Цицероне: «О личности Цицерона мы знаем обыкновенно ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы посмеяться над его любословием, тщеславием, трусостью и т. д. <...> Трудно найти другое историческое имя, менее популярное среди нашего образованного общества» (Там же. С. 5–6). Затем А. рассуждает о важности переписки как ист. источника, дает ее подробный разбор с параллельными местами из других авторов, анализирует сходство и различия фактич. материала. В приложениях помещены беглый обзор переписки в алфавитном порядке корреспондентов и хронологич. данные.

В дальнейшем А. к антич. истории не возвращался, посвятив себя истории Европы (в основном Франции), чему свидетельством является и его магист. дис. **«Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774–1789). Провинциальные интенданты»** (Т. 1. СПб., 1900), защищенная в Моск. ун-те.

Докт. дис. **«Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774–1789). Провинциальные интенданты»** (Т. 2. Киев, 1906) А. защищал в Петербурге; сохранилась телеграмма С. А. Желёва с просьбой выслать 95 (!) экземпляров

исследования заранее (РГИА. Ф. 889. Оп. 1. № 76. Л. 1; о защите также см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. № 10020). Труд А. об интендантах был удостоен премии митрополита Макария (1910); его сокращ. франц. версия (1909) принесла автору европ. известность. Много времени А. проводил в архивах Франции, в основном Парижа; в России служил по каф. всеобщей истории в ун-тах Петербурга, Дерпта, Одессы, Киева, а после 1917 г. — Симферополя и Витебска. С 1910-х примыкал к рус. националистам.

А. прекрасно владел латынью. Сохранилась автобиография — 50 с лишним страниц лат. текста мелким аккуратным почерком, каждой главе придан эпитаф из греч., реже лат. автора (РГИА. Ф. 889. Оп. 1. № 70. Л. 1–59); есть и лат. переписка с учеными (Там же. № 104–211), и рус. перевод «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского, сделанный А. в 1902 (до этого на рус. языке существовал только один — А. И. Кирпичникова, появившийся 20 годами раньше, неполный и к началу XX столетия уже ставший библиогр. редкостью). Во введении

А. пишет: «Настоящий перевод может считаться первым полным переводом подлинного текста сатиры Эразма, хотя надо оговориться, что безусловно полного перевода этого произведения не может появиться ни на каком современном языке, ввиду некоторых деталей, недопустимых в печатном произведении при современных литературных нравах» (*Эразм Роттердамский. Похвала глупости* / пер. с предисл., введ. и примеч. П. Н. Ардашева, проф. Юрьевского ун-та. Юрьев, 1902); он благодарит за помощь и консультации М. Н. Крашенинникову, с которым был дружен.

Литература: *Иванова Т. Н., Зарубин А. Н.* Н. И. Кареев и П. Н. Ардашев: к публикации забытого некролога // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* 2011. № 34. С. 236–248 (полный список трудов А. и о нем) ♦ Брокгауз; Бузескул 2008.

Архивы: *Личный фонд:* РГИА. Ф. 889. Оп. 1.

С. Э. Андреева

АСТАФЬЕВ Николай Александрович

ASTAFJEV N. A.

[17(29).3.1825, с. Совет, ныне слобода Советка Неклиновского р-на Ростовской обл. – 17(30).10.1906, Петербург; Смоленское лютеранск. кладб.], *историк, христ. публицист*

Из семьи чиновника (отец на исходе своей карьеры занимал должность председателя Петерб. надворного суда). Начальное воспитание получил в семье (раннее детство провел в имении деда) и пансионе Журдана (Петербург). В 1842–1847 обучался на филос. ф-те Петерб. ун-та (окончил канд. по разряду общей словесности; ун-тский товарищ М. М. Стасюлевича). Магист. дис.

«**О правлении четырехсот в Афинах**» (защищена: Петерб. ун-т, 1850; магистр всеобщей истории). С 1850 на пед. работе: преподавал всеобщую историю во Втором кадетском корпусе (до 1867), Александровском лицее (1859–1861) и Петерб. ун-те: прив.-доц. (1856), штат. доц. (1864–1865; избран одновременно с К. Я. Люгемилем и В. В. Бауером) по каф. всеобщей истории (читал историю Средних веков, а с 1859 новую). В 1867 был приглашен И. Б. Штейнманом в Петерб. ИФИ, где до отставки (1893) занимал должность орд. проф. по каф. всеобщей истории. С 1863 один из деятелей (и организатор наряду с Н. И. Зарембой) Общ-ва для распространения Священного Писания в России (редактор годовых отчетов, председатель общ-ва с 1869).

Интерес А. к греч. истории, как и у его товарищей по privata М. Сем. Куторги рубежа 1840–1850-х (М. М. Стасюлевич, В. М. Ведров, В. И. Захаров, В. В. Бауер), оказался нестойким и угас после получения магист. диплома. Холодность к серийным «игемониям» учеников Куторги со стороны демократич. лит. критики, специализация ex officio по новой истории и, по-видимому, искренняя религиозность А., поощренная успехами консервативно-охранительной программы М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, способствовали его уходу из антиковедения. Единственным печатным памятником антиковедческой молодости (магист. дис. осталась в рукописи) является представленное в ИФФ Петерб. ун-та рассуждение pro venia legendi «**Македонская игемония и ее приверженцы**» (СПб., 1856; рец. С. В. Ешевского — МВед. 1856. № 77, 79; СПбВед. 1856. № 133), написанное по науч. и лит. канонам Куторги (ср. «Жизнь афинского олигарха Критии» Ведрова и «Ликурга Афинского» Стасюлевича). А. дает пространный очерк общественно-полит. жизни Греции и Персии в IV в. до н. э. с характерным для

него акцентом на религиозно-моральных аспектах (упадок нравственности после героического века Перикла) и «объективным» взглядом на деятельность афинских олигархов, сгруппировавшихся, по А., в македонскую партию ради противостояния «дикому своенравию толпы». «Золото Филиппа» — не более чем ораторское преувеличение Демосфена, пристрастным свидетельствам которого противопоставлены у А., как и у Стасюлевича, сожаления о фрагментарности сохранившихся трудов историков IV в. до н. э. — Демофила, Тимея, Филиста и особенно Феопомпа; у царя, готовящегося к войне, денег на массовые подкупы быть не могло, к тому же «македонскую партию составляли самые значительные и почетные, т. е. наименее способные быть подкупленными лица» (Македонская игемония и ее приверженцы. С. 63). Термин «игемония» применительно к ист. ситуации IV в. до н. э., по А., еще не имел отрицательного смысла — это «право предводительствовать союзными войсками в войне, предпринятой с согласия» (Там же. С. 97).

Очень кратко антич. тем А. касается в публичной лекции-обзоре археол. находок Месопотамии **«Древности вавилоно-ассирийские по новейшим открытиям»** (СПб., 1882; опубл. с прил. «образчиков клинописи и картою к летописям ассирийских царей»).

С образованием Общ-ва для распространения Священного Писания А. сосредоточился преимущ. на его «библиологической» деятельности, публикуя в «Церковном вестнике» и др. журналах статьи о благотворном воздействии Слова Божьего на историю и дух народа. Под впечатлением от зарубежных и отеч. (А. Н. Пыпина и И. А. Чистовича) работ по истории Библии попытался систематизировать свидетельства о распространении Библии в России: около шести лет работал над своим наиболее известным сочинением **«Опыт истории Библии**

в России в связи с просвещением и нравами» (СПб., 1889; ²1892), которое даже в богословской периодике оценивалось сдержанно (как «небесполезное для общего ознакомления») за невысокий уровень исполнения, «не отличающегося ни самостоятельностью, ни полнотою и серьезностью изучения предмета» (Странник. 1892. № 2. С. 519–522). В начальной части «Опыта...», представляющей собой обзор рукописной традиции и переводов Священного Писания от времени Кирилла и Мефодия до XIX в., особое внимание автором уделено роли рус. князей в развитии образования и положительному влиянию Слова Божия на нравы рус. народа. Обширный фрагмент работы отведен пропаганде деятельности Общ-ва для распространения Священного Писания («чтобы Слово Божие сделалось животворным источником истинного просвещения и светлой жизни человека» — Опыт... С. 5), вплоть до умильных портретов «старушек с книжками» — деревенских книгонош. Кратко касается автор и влияния греч. языка на становление языков славянских (в связи с переводами Библии на новые языки). А. перевел и переложил многочисленные заметки религиозно-назидательного содержания, в т. ч. **«Краткое руководство к чтению Нового Завета, то есть святого Евангелия и Апостола»** (СПб., 1882), **«О Библии»** (СПб., 1882), **«Дщерь Сиона: размышление на Песнь Песней»** (СПб., 1883), **«Во едину от суббот»** (СПб., 1882), **«Пособие к разумному чтению Библии»** (М., 1899).

Литературно беспомощные и ретроградные по смыслу отклики А. на общественные перемены конца XIX в. собраны в одной из последних его объемных публикаций — сб. **«О духе времени»** (СПб., 1899; ²1900; по материалам спецкурса, читавшегося им в Петерб. ИФИ 1890-х). Обличая с ортодоксально-церк. позиций «заразу материализма», порожденную франц. революцией и усвоенную

германской культурой, А. единственным средством от ужасов наступающей «тирании плоти» (к ним наряду с атеизмом, социализмом, порнографией автором отнесены и игрушечные чертики в витринах) называет Слово Божие.

О содержании лекций А. в Петерб. ИФИ дают представление литографированные курсы: «**Лекции по средней истории**» (СПб., 1883), «**Новая история**» (СПб., 1885), «**Всемирная история, или Повествование о важнейших событиях в мире со времен древнейших**» (СПб., 1887) и др. Темы сочинений для студентов Петерб. ИФИ предлагал предпочтительно из эпохи европ. Средневековья, ориентируясь, очевидно, на изученные в молодые годы монографии и летописи (в 1885–1886 учеб. году, напр., его слушатели писали сочинения из франц. истории эпох Каролингов и Капетингов — см. обзор деятельности Петерб. ИФИ: ЖМНП. 1886. Июль. С. 38). Как лектор интереса у студентов А. не вызывал: иронический портрет молодого А. (выведен под фамилией Кавыляев) присутствует в статье «Наша университетская наука» Д. И. Писарева

(Рус. слово. 1863. № 7), прослушавшего у А. курс истории Средних веков и Реформации. Содержание своих лекций, по впечатлению критика, «доцент Кавыляев» аккуратно переписал (опуская сложные для него теоретич. рассуждения француза) из «Истории цивилизации во Франции» Ф. Гизо, а читал их «с безучастием деревенского дьячка» (цит. по: Писарев Д. ПСС: в 12 т. М., 2002. Т. 5. С. 23).

Литература: Селезнёв И. Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первые его пятьдесят лет. 1811–1861. СПб., 1861; Пам. книжки СПбИФИ. СПб., 1898, 1902, 1912; Астафьев Н. А.: некролог // ИВ. 1906. № 12; «Наставникам, хранившим юность нашу»; Пантелеев; *Мень А.* Библиологический словарь. М., 2002. Т. 1; *Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С.* Российская профессура XVIII — нач. XX в. Гуманитарные науки. СПб., 2013. Т. 1 ♦ Григорьев; Брокгауз; Прозоров; Венгерова (Словарь, Список); ПЭ; Сайтов 2006.

Архивы: ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгерова); РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский); ЦГИА СПб. Ф. 11 (Александровский лицей), 53 (Петербург. ИФИ).

В. П. Смышляева

Б

БАУЕР (БАУЭР)

Василий Васильевич

BAUER Wilhelm Daniel

[13(25).12.1833, Петербург —
6(18).11.1884, там же; Смоленское
лютеранское кладб.], *историк*

Из небогатой дворянской семьи, сын землемера межевого деп. Окончил 3-ю Петерб. гимназию (1844–1851, сер. медаль) и отделение общей словесности Петерб. ун-та (1855; сер. медаль за работу о новейших археол. открытиях в Малой Азии и Ниневии в свете влияния Востока на культуру древней Греции; однокурсник известного слависта О. Ф. Миллера). Студентом последнего курса был приглашен для преподавания в семейство М. А. Корфа, впоследствии рекомендовавшего Б. для службы в коммерческом суде (1855–1858). Завершив магист. дис. «**Об афинской игомнии**» (защищена: Петерб. ун-т, 1858), Б. поступил воспитателем детей к вел. кн. Марии Николаевне, с семьей которой выехал за границу в 1860 на казенный счет (для приготовления к профессорскому званию). Занимался в Берлине, Гейдельберге, Мюнхене, Бонне, Лондоне, Оксфорде и Париже. По возвращении в Петербург (1862) был причислен к Ученому комитету для работы над новым ун-тским уставом. С 1862 приступил к преподаванию

в Петерб. ун-те: преподаватель, штат. доц. по каф. всеобщей истории (1863), экстр. проф. (1864), орд. проф. (1866), декан ИФФ (1880–1883). Докт. дис. «**Эпоха древней тирании в Греции**» (защищена: Петерб. ун-т, 1863). В 1865 занимался историей с сыновьями Александра II. Также читал лекции по древней и всеобщей истории на Петерб. ВЖК (1878–1881, 1884) и в Александровском лицее: преподаватель (1864), экстр. проф. (1867), орд. проф. и чл. Совета лицея, чл. РАО (1866) (см. ф. с. 1881 — ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. № 3437. Л. 2–10).

В историю ун-тской науки Б. вошел оригинальным курсом по европ. истории XV–XVII вв. («его сердце всегда лежало к занятиям новой историей» — *Васильевский В. Г.* Записка... С. 69), но и на поприще древней истории потрудились пять лет «с полным успехом и усердием». Истории антич. Греции посвящены обе диссертации Б., что можно приписать авторитету его ун-тского наставника М. Сем. К у т о р г и, вдохновенного лектора и руководителя домашнего семинара, в котором Б. также участвовал (рано разошедшийся со своенравным наставником М. М. С т а с ю л е в и ч в письмах 1860-х неоднократно называл Б. «креатурой Куторги» в Петерб. ун-те — см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке). У Куторги и Л. Гейссера (о занятиях с последним Б. восторженно отзывался в отчете «**О преподавании**

истории в германских и английских университетах» — ЖМНП. 1861. Окт.) Б. усвоил раскованную манеру ист. изложения, близкую отеч. риторико-моралистич. традиции Карамзина. Был принципиальным противником «исключительности архивного направления»; строгая фактография «без обращения к внутренней философской стороне исторических событий» его мало привлекала, как видно из оценок лекций Л. Ранке, приводимых А. А. Мусиным-Пушкиным в «Воспоминании о В. В. Бауере» (ЖМНП. 1885. Февр. С. 116).

В своем наиболее значительном сочинении по антич. истории **«Эпоха древней тирании в Греции»** (СПб., 1863; анонсы — БдЧ. 1863. № 10; Книжный вестн. 1863. № 19) Б., опираясь, по установке Куторги, на первоисточники, гл. обр. труды Геродота и Аристотеля, стремился оценить роль тираний (Питтака, Клисфена, Писистрата и др.) в «демократизации» греч. общества. Избрание эсимнетов (αἰσιμνήται) рассматривается автором как вторая (после «писанных»

законов) уступка аристократии демосу, открывающая в некоторых случаях путь к демократич. преобразованиям: «Время древних тиранов было переходным от старого к новому; возвышение их не было явлением случайным, а следствием государственных условий того времени <...>. Они, хотя и заслужили ненависть и презрение народа, тем не менее, действовали в его пользу и доставили ему победу над замкнутою корпорацией аристократов» (Эпоха древней тирании в Греции. С. 115). Протестант и горячий поклонник Мартина Лютера, в освещении переломных эпох в жизни общ-ва Б. много внимания уделяет нравственным аспектам власти и характеристикам реформаторов. Падению греч. монархий, олигархий и тираний предшествовало, по его мнению, моральное разложение правителей и их наследников, оскорбительное для народной массы. Касается Б. и некоторых частных вопросов: семантики термина αἰσιμνήτης — «эсимнет», даты смерти Питтака (принимается версия Суды) и др. Вне цеховой критики работа Б. была встречена сдержанно. Рецензент «Современника» острил по поводу ее «серийности» (использования учениками Куторги одних и тех же «первоисточников» при полном игнорировании современных работ): «Наши юные ученые, начавшие упражняться на греческой истории и исследовавшие игемонию по Фукидиду, не имея понятия о Гроде, так и остановились на своих первых опытах <...>. Г. Бауер опять выбирает себе тему, до которой русской публике нет ровно никакого дела, и опять тему из греческой истории, как будто подобные темы были обязательны для петербургских магистров всеобщей истории» (Современник. 1863. № 12. С. 269–270). Ироническая оценка «гегемоний» в трудах учеников Куторги, «написанных под влиянием учителя и по одному шаблону», отражена в мемуарах Л. Ф. Пантелеева (см.: Пантелеев. С. 189).

В 1860-е Куторга с его убеждением, что «единственный историк в мире — Фукидид и что новейшие историки <...> в сравнении с ним дети» (Никитенко. Т. 2. С. 83), воспринимался критично даже в ун-тской среде, о чем свидетельствует его поражение на том же конкурсе (январь 1864), на котором был избран доц. Б. (Там же. С. 401).

Тематически к обеим работам Б. при-мыкает доброжелательный разбор второй части монографии К. Я. Л ю г е б и л я «Историко-филологические исследования», посвященной истории афинского архонта (ЖМНП. 1869. Января. С. 251–258).

С середины 1860-х Б. посвятил себя занятиям историей Нового времени (рец. на сочинение М. Ф. Поссельта о Ф. Лефорте — ЖМНП. 1867. Января). С 1869, когда на каф. пришли молодые доценты В. Г. Васильевский и Ф. Ф. С о к о л о в, сосредоточился на курсах лекций по «истории гуманизации Европы» (в его терминологии) и семинарских занятиях по источникам XV–XVII вв. После смерти Б. его курс лекций был издан А. А. Мусиным-Пушкиным (**Лекции по новой истории профессора В. В. Бауера**. Т. 1–2. СПб., 1886–1888; положит. рец. — ЖМНП. 1886. Апрель; ИВ. 1888. № 8). Главные разделы «Лекций» традиционно для сочинений этой эпохи посвящены истории германо-романского мира XV–XVI вв. и Западной Европы XVIII в. (правление Людовика XIV). Немногочисленные др. статьи и рецензии Б. в науч. периодике 1870–1880-х также навеяны сюжетами из новой истории, прежде всего времен Реформации, рассматриваемой автором как следствие глубокого нравственного кризиса феодализма.

Лекционные курсы Б., его коммент. чтение Тита Ливия и Аристотеля вызывали интерес у разной аудитории — от лицеистов до слушательниц Бестужевских курсов, т. к., «не ограничиваясь изложением внешних фактов древней истории, он давал характеристику как духовной, так и социально-полит. стороне

древней жизни, внося в свое изложение одушевление» (Исторический обзор преподавания научных дисциплин на Высших женских курсах с 1878–1903 гг. // С.-Петербург. Высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903. СПб., 1903. С. 12). Увлечательности лекций Б. не вредили ни «наивные характеристики» ист. деятелей, ни его мучительный для слушателей речевой педантизм: «Василий Васильевич <...> глубоко любил свой предмет и старался читать наиинтереснейшим образом. Порою его слушали с большим вниманием, но Бауеру страшно мешала погоня за точностью и образностью выражений при его скорее теоретическом, чем практическом знании русского языка» (Попов П. Шесть лет в Императорском Александровском лицее. 1870–1875. СПб., 1911. С. 74). Некоторые «оговорки» патетичного Б. (образца «Данте одной ногой стоял в Средневековье, а другой приветствовал зарю Возрождения») цитировались студентами годы спустя (см.: Васенко П. Г. Мелочи прошлого быта. СПб., 2004. С. 54).

Помимо пед. и лекторского дарования, руководство МНП несомненно учитывало лояльность Б. (в 1865 он заменил «неблагонадежного» Стасюлевича в числе учителей будущего имп. Александра III; см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1. С. 225), а коллеги Б. — его моральные качества: «Светлый образ этой высоконравственной и симпатичной личности, конечно, навсегда сохранится в памяти всех нас, имевших случай близко знать его» (из речи директора Александровского лицея Н. Гартмана на заседании Совета 13.11.1884 — ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. № 3437. Л. 50 об.). О возвышенном строе личности Б. упоминает и Васильевский: «Помимо ученой содержательности его лекций, помимо бесспорного дара устного изложения, было в самой его личности и в содержании читаемых им курсов еще нечто особенное, глубокое и важное, что привлекало к нему

благородную и чуткую молодежь» (*Васильевский В. Г.* В. В. Бауер. С. 137). Он также отмечает и независтливое отношение Б. к науч. успехам коллег на фоне вполне серьезных переживаний по поводу собственного отставания; в последние годы Б. даже отказался от части учеб. нагрузки (на Бестужевских курсах и в ун-те), пытаясь вернуться к науч. исследованиям (см.: Там же. С. 139).

О благородстве в отношении к окружающим свидетельствует и веротерпимость Б.: его жена и четверо детей были православными. В записке на случай своих похорон Б. предложил пастору для проповеди тему христ. любви: «Под христианством я всегда понимал только любовь и совершенно бессознательно и инстинктивно любил всякого <...>. От этого много страдал, но зато и много блаженствовал» («Наставникам, хранившим юность нашу». С. 342). Главным объектом любви для Б. стала его семья («идеальный семьянин»). Возможно, одной из причин преждевременной смерти (от сердечного приступа) явились вынужденные чрезмерные преподавательские нагрузки последнего года, вызванные необходимостью поддерживать детей умершего брата.

Литература: *Васильевский В. Г.* Записка об ученых заслугах ординарного профессора В. В. Бауера // Протоколы заседаний Совета Импер. С.-Петербург. ун-та за вторую половину 1880–1881 академ. года. № 24. СПб., 1881. С. 69–71; *Васильевский В. Г.* В. В. Бауер: некролог // ЖМНП. 1884. Дек. С. 137–141; Краткий очерк истории Александровского лицея за 1861–1886 годы // Памятная книжка Александровского лицея на 1886 г. СПб., 1886; *Лавров С. В.* Памятка бывшим ученикам С.-Петербург. 3-й гимназии. СПб., 1911; М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. СПб., 1911–1913; *Вахромеева О. Б.* Духовное пространство университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: исследования и материалы. СПб., 2003; *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб., 2003; *Благово; Бузескул В. П.* Введение в историю Греции. СПб., 2005; Императорский Лицей в памяти его питомцев. Александровский Лицей (1844–1918) / сост.

С. Павлов. СПб., 2011; *Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С.* Российская профессура XVIII — начала XX в. Гуманитарные науки: биограф. словарь. Ч. 1. СПб., 2013 ♦ Григорьев; Языков (вып. 4, библио.); Брокгауз; РБС; БС проф. СПб ун-та; Прозоров; Венгеров (Словарь, Источники, Список); НР; Фёдоров; Фролов 2006; Бузескул 2008.

Архивы: РНБ. Ф. 53. 5 ед. хр. [В. В. Бауер (Бауэр)]; 410 (М. С. Куторгра); ЦГИА СПб. Ф. 11 (Александровский лицей), 14 (Петерб. ун-т).

В. П. Смышляева

БЕКШТРЕМ

Альберт Густавович

BÄCKSTRÖM Albert Johann
Wilhelm

[7(19).1.1872, Петербург — июнь 1919, Воронеж], *историк медицины, папиролог, палеограф, этрусколог*

Отец Б., Вильгельм (Василий) Бекштрем, швед, судьба которого была связана с Финляндией, выпускник ИМХА, служил армейским ветеринаром и вышел в отставку с чином коллеж. ас. Умер молодым за полгода до рождения сына. Имя матери Б. и ее судьба неизвестны, предположительно, она умерла родами. Опекунство над Б. взяла бездетная семья родственника и коллеги его отца — Густав Адольф (Густав Васильевич) Бекштрем (1823 г. р.) и его жена Александра, урожд. Паккайнен (1828 г. р.), дочь финск. купца. 16 марта 1872 Альберт был крещен в шведской церкви св. Екатерины (евангелическо-лютеранский приход) в Петербурге. В нояб. 1876 Густав Бекштрем, тоже выпускник ИМХА, к тому времени ветеринарный врач Гвардейской конно-артиллерийской бригады в чине коллеж. сов., усыновил Альберта, получившего при этом все права личного дворянина (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 28859. Л. 15–16 об.).

Среднее образование Б. получил в 3-й Петерб. гимназии. Во время учебы

получал стипендию «его императорского величества» (Там же. Л. 47), что свидетельствует как о его успехах, так и о скромном достатке его приемного отца, вышедшего к 1892 в отставку в чине стат. сов. (Там же. Л. 11, 17, 19–23). Гимназию окончил в 1892 в возрасте 20 лет, при «достаточной любознательности ко всем предметам и к древним языкам в особенности» (Там же. Л. 11). Имея в аттестате пятерку по лат. и тройку по греч. языку, при отличном знании франц. и нем. и удовлетворительном — остальных предметов, Б. в том же году поступает на ИФФ Петерб. ун-та. На ходатайство вел. кн. Михаила Николаевича к декану ф-та И. В. Помяловскому о предоставлении Б. ун-тской стипендии был получен отказ, так что отец оплачивал его обучение из своей пенсии, дававшей ему 100 руб. в месяц. За время учебы Б. лишь однажды ездил за границу, посетив летом 1896 Австро-Венгрию (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 28859. Л. 2–8). Возможно, это также связано с материальным положением его семьи.

ИФФ того времени блистал разнообразными талантами. Преподавателями Бекштрема были историк и эпиграфист Ф. Ф. Соколов, латинист и переводчик И. И. Холдьяк, палеограф, основатель российской папирологии В. К. Ернштедт, философ А. И. Введенский, грецист П. В. Никитин, универсально одаренный Ф. Ф. Зелинский, латинист И. В. Помяловский, издатель Горация И. А. Шебор. Введение в языкознание и санскрит читал индоевропеист С. К. Булич, рус. историю — С. Ф. Платонов, славянскую филологию — А. И. Соболевский. Среди профессоров Б. отдавал особое предпочтение В. К. Ернштедту, с которым, помимо практич. занятий греч. языком, читал Демосфена, «Афинскую политику» Аристотеля и Псевдо-Лонгина на первом курсе, «Персов» Эсхила и «Ифигению в Тавриде» Еврипида — на третьем и слушал историю греч. прозы на пятом (см. матрикулы Б.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 28859.

Л. 910, 29, 4344, 50, 578, 60). Окончил ун-т в мае 1897 с дипломом II степени, получив на письменном экзамене по греч. языку «весьма удовлетворительно», а по латыни «удовлетворительно» (Ист. архив Эстонии. Ф. 402. Оп. 1. Д. 1767. Л. 7). Универсальное ист.-филол. образование, полученное в ун-те, и особенно интерес к палеографии и папирологии, воспринятый от В. К. Ернштедта («памяти незабвенного учителя В. К. Ернштедта» Б. посвятил статью: **Секстий Нигер и два греческих папируса из собрания В. С. Голенищева** // ЖМНП. 1903. Февр. С. 56–75), позволили ему заниматься дисциплинами, весьма далекими от классич. греч. и римск. литературы, которой в то время отдавали предпочтение на ф-те: сначала это была история эллинистич. и позднеантич. медицины, затем этрускология. «Другом и учителем» Б., укрепившим в нем естественный для сына врача интерес к медицине, был берлинский историк медицины проф. Юлиус Пагель (1851–1912), с которым Б. познакомился ок. 1898 и находился в добрых отношениях вплоть до его смерти [**Пагель Ю. Л. (некролог)** // ЖМНП. 1912. Июль. С. 68–75].

В сент. 1897 поступил на службу сверхштат. преподавателем древних языков в 7-ю Петерб. гимназию и вскоре женился на Люси Алисе Буртон (Lucy Alice Burton, род. 25.12.1875), католич. вероисповедания (ЦГИА СПб. Ф. 136. Оп. 2. № 455. Л. 1, 5). В семье один за другим родились трое детей, крещенных в лютеранство: сын Эрик Оскар (1898–1956), дочери Гризельда Маргарита (1899–?) и Елена Юлия Евгения (1900–?). С авг. 1901, вследствие изменения программы гимназии, Б. преподавал в ней нем. язык. В авг. 1902 зачислен штатным преподавателем древних языков в 6-ю Петерб. гимназию, директором которой был Г. Г. Зорге-Фрей (ЦГИА СПб. Ф. 136. Оп. 2. № 585. Л. 2–7; № 559. Л. 2–3, 14–15). Б. дослужился до чина коллеж. сов. с окладом 900 руб. в год, однако дальнейшая профессиональная

и академ. карьера его не сложилась. В нояб. 1906 ушел в отставку согласно его прошению «по совершенному расстройству здоровья». По представлению МНП, 35-летнему Б. была «назначена по тяжелой неизлечимой болезни за свыше девятилетнюю службу усиленная пенсия по 400 руб. в год» (Ист. архив Эстонии. Ф. 402. Оп. 1. Д. 1767. Л. 8–9). Можно лишь догадываться, была ли эта болезнь наследственная, от которой еще сравнительно молодым умер его отец, или какая-то иная. Во всяком случае, она не сказалась на науч. деятельности Б., которую он продолжал с неослабевающей энергией, публикуя каждый год множество статей и рец. в обл. классич. филологии и за ее пределами. Чл. ОКФП (ок. 1900), чл. РАО (1907).

В 1908 начался новый этап биографии Б.: он переехал в Юрьев (Дерпт) и подал прошение о зачислении на мед. ф-т Юрьевского ун-та. Из-за отсутствия мест он поступил на естественное отделение физ.-мат. ф-та, весной отчислен за неуплату, а осенью 1909 поступил-таки на мед. ф-т (Ист. архив Эстонии. Ф. 402. Оп. 1. Д. 1767. Л. 3, 17, 23–24). Причины решения давно сложившегося ученого вновь пойти учиться остаются неясными; в прошении ректору Б. писал, что его занятиям историей медицины мешает «недостаточность специального медицинского образования». Между тем, судя по публикациям, в предшествующие годы Б. чувствовал себя в истории медицины довольно уверенно, тогда как с 1909 число его публикаций на ист.-мед. темы снижается. В Юрьеве в 1905–1914 должность проф. занимал ученик В. К. Ернштедта Г. Ф. Церетели, с которым Б. был близко знаком, но играло ли это обстоятельство какую-либо роль, неизвестно. Б. значится во всех списках сотрудников петерб. журнала по классич. филологии «Гермес», в котором сам он активно печатался в 1908–1914. В марте 1911 Б. выбыл из числа студентов, сумев окончить лишь два курса.

Осенью 1911 и весной 1912 на ИФФ Петерб. ун-та сдал экзамены на звание магистра, но магист. дис. не представил (Ист. архив Эстонии. Ф. 402. Оп. 1. Д. 1767. Л. 29). С осени 1912 преподавал в известной дерптской классич. гимназии Х. Треффнера. В сент. 1914 избран предс. секции классич. филологии и истории при Юрьевском пед. общ-ве (Гермес. 1914. № 13–14. С. 396). Под псевд. публиковал стихи и рассказы (в т. ч. переводы из И. Л. Рунеберга, И. В. Гёте, Т. Шевченко; пародии на М. Метерлинка) в местной газете «Окраина» (выходила в 1912; список псевд. см.: Масанов, s. v. Бекштрем). Средства Б., по всей видимости, не хватало: сын Эрик учился не в гимназии, а в реальном уч-ще в г. Луге (*Ерёмкин Г. С., Иванов М. Н., Очагов Д. М.* Эрик Альбертович Бекштрем — исследователь природы Центральной Мещеры. URL: <http://www.rbcu.ru/information/272/14638/>). 19 янв. 1918 вновь зачислен студентом мед. ф-та Юрьевского ун-та. Летом 1918 вместе с большинством рус. студентов Б. переехал из Юрьева в Воронеж, куда к тому времени был перемещен ун-т. 15 авг. 1918 подал заявление о желании продолжать обучение на мед. ф-те Воронежского ун-та; постановлением совета мед. ф-та от 7 дек. 1918 зачислен на третий курс. В июне 1919 Б. скончался и был похоронен, вероятно, на лютеранском участке Чугуновского кладб. Могила, как и всё кладб., не сохранилась (*Акинъшин, Немировский*. С. 11).

Главное место в науч. деятельности Б. занимали история медицины в ее связи с папирологией, палеография, позже — этрускология. Первая его крупная науч. статья — описание отрывков из III и IV книги «De re medica libri septem» Павла Эгинского, визант. врача VII в., обнаруженных автором в рукописях МСБ (**Погибшая рукопись Павла Эгинского** // ЖМНП. 1898. Авг. С. 66–112; Сент. С. 113–114), вышла на след. год по окончании ун-та. Последующие работы

продемонстрировали стойкий интерес Б. к самостоятельному поиску и публикации новых текстов. В 1899 он публикует четыре фрагмента врача Руфа Эфесского (I–II в. н. э.) по рукописи МСБ и толкует их содержание (**Неизданные отрывки Руфа Эфесского** // ЖМНП. 1899. Март. С. 121–132). Несколькими годами позже выходит его статья о двух папирусах из собрания египтолога В. С. Голенищева с фрагментами сочинения римск. врача I в. н. э. Секстия Нигера («**Секстий Нигер и два греческих папируса...**»). Авторство этих текстов было позже оспорено (Крюгер О. О., Церетели Г. Ф. Медицинский папирус Музея Александра III в Москве // ИАН. 1918. Сер. 6. Т. 12. С. 1261–1278). Более широкий характер имела публикация папирусных фрагментов сочинения эллинистич. врача Деметрия из Апамеи, в которой излагались главные открытия греч. врачей начиная с Гиппократов (Димитрий Апамейский и его отрывки // ЖМНП. 1904. Дек. С. 546–585). На след. год появилась ее сокращенная нем. версия (**Fragment einer medizinischen Schrift** // Archiv für Papyrusforschung. 1906. Bd. 3. H. 2. S. 158–162), ссылки на которую встречаются и в современных работах по истории медицины. В обширной статье «**Медицинские папирусы собрания В. С. Голенищева**» (ЖМНП. 1909. Ноябрь. С. 443–481) Б. возвращается к своим старым находкам и публикует ряд новых отрывков папируса II в. н. э., посвященных глазным болезням, сопровождая их углубленным ист.-мед. комментарием. Позже изданные им папирусы были включены в изд.: Papyri Russischer und Georgischer Sammlungen / hrsg. von G. Zereteli. Bd. I–V. Tbilisi, 1925–1935.

Хотя сам Б. опубл. в «Literarisches Zentralblatt für Deutschland» множество рец. на книги по самым разным обл. классич. филологии, почти все свои статьи он печатал по-русски. Это не способствовало их известности, поскольку в России было

очень мало папирологов и еще меньше историков антич. медицины. Находки Б. упоминаются в общих историях антич. медицины Ю. Пагеля и К. Зудхофа, но дальнейшего распространения не получили. После переезда в Юрьев Б. перестает публиковать новые папирусы из собрания В. С. Голенищева, хотя несколько появившихся позже статей (**О литературной форме медицинских учебников в древности** // ЖМНП. 1910. Ноябрь. С. 488–508; **Две страницы из учебника глазных болезней середины II в. после Р. Хр.** Юрьев, 1913; **К оценке руководства Павла Эгинского** // ЖМНП. 1913. Май. С. 209–221) основаны на найденных им ранее материалах. В большой статье Б. устанавливает общий источник описанной у Цельса и Павла из Эгины операции по извлечению камней из мочевого пузыря и проверяет свои выводы опытным путем, анатомируя трупы (**Цельс и Сушрута о камнесечении** // Там же. 1914. Ноябрь. С. 449–489; Дек. С. 491–525); любопытно, что автор выражает благодарность проф. Юрьевского ун-та Н. Н. Бурденко (С. 484), будущему главе советской хирургии. Постулируемый Б. эллинистич. источник, по его мнению, был использован классиком индийской медицины Сушрутой (VI в. н. э.) и араб. врачами. Последняя статья Б. посвящена мед. папирусу из Страсбурга, в котором обсуждалось антич. учение о лихорадке (**Ad pap. Argentorat. gr. I** // ЖМНП. 1917. Май. С. 299–303). Вряд ли уместно считать Б. «выдающимся папирологом» (Акиншин, Немировский. С. 36), но в обл. истории антич. медицины в России ни тогда, ни позже не было равного ему по широте интересов и компетентности исследователя, способного читать греч. папирусы и лат. рукописи, квалифицированно толковать их с мед. точки зрения и проверять свои идеи опытным путем. Внешние обстоятельства, с одной стороны, и готовность заниматься совершенно новыми для него обл. науки о древнем

мире — с другой, не позволили Б. в полной мере реализовать себя в истории антич. медицины.

Ответвлением опирающихся на палеографию ист.-мед. занятий Б. была история средневековой медицины. В 1901 он нашел в Берлине рукопись канцлера ун-та Монпелье Раймонда из Мольера (XIV в.), опубл. позже Ю. Пагелем (*Pagel J. Raymundus de Molieris und seine Schrift De impedimentis conceptionis // Janus. 1903. Vol. 8. P. 530–537*). Собственные исследования по истории медицины в этом ун-те Б. изложил в небольшой монографии (**Медицинский факультет в Монпелье до середины XIV века**. СПб., 1908) и статье, основанной на детальном изучении хранящихся в Европе рукописей (**Бернгард Гурдонский и его сочинения // ЖМНП. 1909. Апр. С. 57–58**).

За пределами истории медицины большинство филол. работ Б. также тесно связано с палеографией и папирологией. В одной из ранних статей он предлагал поправки к тексту лат. грамматич. поэмы «Graecismus» Эберхарда из Бетуна (XIII в.) по рукописи ИПБ, в другой пытался определить родство между Моск. и Венской рукописями «Катомиомахии» Феодора Продрома (XII в.). Б. подробно описал петерб. рукописи «Historiae adversum paganos libri septem» Павла Орозия (**Орозий и его петербургские списки // ЖМНП. 1900. Авг. С. 63–70; Сент. С. 71–100. Окт. С. 41–48; Нояб. С. 49–80**; сокращенная нем. версия: **Über den Orosius-Codex F. v. I Nr. 9 in der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg // Neue Heidelberger Jahrbücher. 1900. Jhg. 10. S. 242–248**). Опубл. и истолковал греч. папирус из собрания В. С. Голенищева, посвященный гаданию по печени (**Иероскопия // ЖМНП. 1910. Апр. С. 151–209**; переиздан в: *Papyri Russischer und Georgischer Sammlungen. Bd. V, 1. S. 145–152*); на эту статью неоднократно ссылались в зарубежной науч. литературе.

В 1905 практически первым в России Б. стал заниматься этрускологией, тогда еще находящейся в процессе становления (I том «Corpus inscriptionum Etruscarum» вышел в Лейпциге в 1893). В 1907–1908 опубликовал по этой тематике серию статей, объединенных позже в **«Исследования в области этрускологии»** (СПб., 1908. Вып. 1–2). В 1-м вып. дал обозрение ист. развития этрускологии, ее состояния, успехов и задач, во 2-м — рассматривал характер этрус. языка, следуя в основном за основателем этрускологии К. Паули, и толковал отдельные грамматич. формы и надписи с помощью предложенного Паули комбинаторного метода. Оригинальным вкладом Б. считают его исследование падежных флексий, а также титулатуры этрус. магистратов (*Харсекин А. И. А. Г. Бекштрем как исследователь этрусской эпиграфики // Немировский А. И., Харсекин А. И. Этрусски. Воронеж, 1969. С. 164–165*). Толковал написанный на пеленах Загребской мумии этрус. текст как изложение погребального ритуала для облегчения посмертных странствий души (**Аграмский ритуал // Гермес. 1908. № 15. С. 390–396; № 16. С. 421–425**), что, правда, подтверждения не нашло. В дальнейшем обращался к этрус. материалу лишь в многочисленных рец., в том числе и на нем. языке. Работы Б. по этрускологии упоминались за рубежом лишь в общих обзорах, в России к ним вернулись во 2-й пол. XX в.

Опубликовал первую в России статью о Фестском диске (**Загадочный диск // ЖМНП. 1911. Дек. С. 549–602**), полагая, что язык надписи («минойский») точнее неопределим, а диск мог попасть на Крит как добыча из чужих краев.

Несколько статей посвятил вопросам среднего образования, выступая против часто звучавшего мнения о бесполезности классич. образования (см., напр.: **Эпизоды из борьбы Pro и Contra // Гермес. 1908. № 8. С. 218–220; № 9. С. 243–247**).

Литература: *Архангельский Г. В.* Альберт Густавович Бекштрем // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. 1999. № 1. С. 61–62; *Немировский А. И.* Альберт Густавович Бекштрем как филолог-классик // Норция. Вып. 3. Воронеж, 1999. С. 31–41; *Акиншин А. Н., Немировский А. И.* Этрусколог Альберт Бекштрем // Норция. Вып. 5. Воронеж, 2006. С. 7–12 ♦ Рус. интеллигенция; Фёдоров; Смышляева 2015; Тункина 2017.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 28859; Ист. архив Эстонии. Ф. 402. Оп. 1. Д. 1767.

Л. Я. Жмудь, Н. А. Кузнецова

БЕЛЕН ДЕ БАЛЛЮ Яков Яковлевич (Николаевич)

BELIN de BALLU Jacques Nicolas

[17(28).2.1753, Париж —
16(28).6.1815, Петербург],
филолог, переводчик

Родился в семье адвоката. До приезда в Россию служил на монетном дворе в Париже, преподавал древние языки в Бордо, руководил воен. уч-щем (École militaire préparatoire à La Flèche). Д-р философии Сорбонны и чл. парижской Академии надписей (Académie des Inscriptions et des Belles Lettres) с 1778. Во время якобинского террора подвергся заключению. В Россию был приглашен Н. Н. Новосильцевым (попечителем Петерб. УО, временно курировавшим Харьков. УО), который рекомендовал Б. в открывающийся Харьков. ун-т. Вошел в состав оргкомитета по обустройству ун-та (1803), выступал на акте его открытия (1805). До 1811 занимал должность профессора франц. и греч. словесности; основатель ун-тской б-ки и инспектор студентов; декан словесного отделения в 1809–1810; д-р философии honoris causa (1807) и почетный чл. Харьков. ун-та. В 1811 был переведен в Петербург (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. № 105): профессор лат. словесности ГПИ и преподаватель древних языков в Петерб. губернской гимназии.

Науч. известность приобрел до приезда в Россию, преимущ. как переводчик на франц. язык Еврипида («*Hécube*», 1783), (Псевдо-)Оппиана («*La Chasse*», 1787; переводу предшествовало издание текста: «*Oppiani poemata de venatione et piscatione cum interpretatione Latina et scholiis*», 1785), Феофраста («*Des caractères de Theophraste et de la Bruyère*», 1790) и особенно Лукиана («*Lucien de Samosate. Dialogues des Courtisanes*», 1788; «*Euvres de Lucien, traduites du grec, avec des remarques historiques et critiques sur le texte de cet auteur, et la collation de six manuscrits de la Bibliothèque du Roi*», 1789; сочинения указаны по кн.: *Quérard J.-M.* La France littéraire, ou Dictionnaire bibliographique des savants, historiens et gens de lettres. Paris, 1827. Т. 1. Р. 259). Х. Роммель в своих воспоминаниях «Пять лет из истории Харьковского университета» (С. 62) сообщал о популярности у читающей публики очерков Б. по антич. риторике — «*Histoire critique de l'éloquence chez les Grecs et les Romains*» (Paris, 1803; в полном варианте: «*Histoire critique de l'éloquence chez les Grecs, contenant la vie des orateurs, rhéteurs, sophistes et principaux grammairiens grecs qui ont fleuri depuis l'origine de l'art jusqu'au troisième siècle après J.-C., avec des remarques historiques et critiques*». 1813. Т. 1–2). В Харькове Б. ограничился преподаванием: помимо греч. языка и древностей, периодически читал лат. авторов (предпочитал толковать Цезаря, Цицерона, Вергилия, Горация, Ливия). К «выдающимся ученым» современниками не причислялся (*Багалея*. С. 216), но немало потрудился для обеспечения своих лекционных курсов в Харькове 1800-х. Занимался также формированием фонда и каталогизацией ун-тской б-ки, поместив в «Обзрении публичных чтений Харьковского университета» за 1807 описание греч. рукописей этого собрания: «*Notitia et descriptio aliquot codicum manuscriptorum, qui reperuntur in Bibliotheca*

universitatis Imperialis, quae Charkoviae floret». Грамматику преподавал «по собственному методу» (печатать пособия по греч. языку в Харькове того времени было затруднительно), интерпретировал предпочтительно Гомера, Геродота и Лукиана (*Багалей*. С. 561). Как латинист имел в Харькове оппонента в лице «страстного ненавистника французов» и знатока разговорной латыни И. Шада, доносившего в письме попечителю округа С. Потоцкому о непонимании Б. «духа латинского языка» и грамматич. ошибках в его хрестоматии (*Лавровский*. С. 230). Из методич. изданий Б. ценным для своего времени признавалась «**Chrestomathia poetica sive eclogae poetarum Latinorum in usum studiosae iuventutis Rossicae**» (Т. 1–2. Харьков, 1809), включавшая тексты Теренция, Федра, Овидия, Вергилия, Лукреция, Горация и др. Издал также лат. грамматику (**Systema novum docendi et discendi linguam Latinam**. Харьков, 1806); одновременно представил в совет ф-та рукопись пособия по истории франц. литературы «*De origine et progressu linguae et litterarum Gallicarum*» (не получившую одобрения) и словарь к курсу лат. языка (**Le dictionnaire des primitifs inusités de la langue latine**. Харьков, 1811). Помимо древней и франц. словесности эпизодически преподавал итал. язык. Лекторский успех Б., читавшего чаще по-французски, отчасти объяснялся его природным артистизмом и темпераментом. Запомнились современникам и живые речи Б. на актах 1805 и 1807 — о связи наук и философии с искусством побеждать («**Que l'on doit se préparer par l'étude des sciences au maniement des armes et allier la philosophie à l'art des combats**») и превосходстве лицейского и ун-тского образования над домашним («**Discours sur l'éducation publique, comparée à l'éducation privée**»). Колоритная фигура профессора, который из-за тучности ездил на занятия в повозке, погоняя лошадь кнутом, запечатлелась в памяти

многих харьков. обывателей и коллег Б.: «Его nonchalance (непринужденность) не знала границ. С русским словарем в руках шел он на базар и своим неправильным акцентом, двусмысленными полупонятными словами возбуждал смех торговков; соседскую свинью, ворвавшуюся к нему в сад, представил на санях в уголовную палату как очевидную улику» (*Роммель*. С. 62–63). Оптимизм и живость, по впечатлению кн. И. М. Долгорукого, Б. сохранил до конца дней: «При всей той угрюмости, какой требуют возложенные на него труды и самые его лета, я удивлялся, нашел его в иные минуты таким легким — смею ли сказать и ветреным, как мы привыкли понимать его соотечей. Беспрестанный смех не сходит с его лица; вдруг он заважничает и делается несносным педантом, чтобы тотчас после того над собою рассмеяться» (*Бодянский О. М.* Путешествие кн. И. М. Долгорукого // ЧОИДР. 1869. № 2. С. 51).

В Петербурге 1810-х Б. стал первым профессором-эллинистом, заместив в Петерб. губернской гимназии малоизвестного лектора Псомаса (Воронов. Ч. 1. С. 219). О петерб. периоде жизни Б. сведения скудны; Роммель и Лавровский упоминают об успехе его лекций в ГПИ и хорошем впечатлении, произведенном Б. на «многих почтеннейших здешних особ, имевших случай удостовериться в обширных его сведениях по части греч. и лат. словесности» (*Лавровский*. С. 229). Ф. Б. Г р е ф е (*Epistola critica in Bucolicos Graecos ad S. Ouvvaroff. Petropoli, 1815. P. 2*) вспоминал с должным пиететом об обширной эрудиции, начитанности и уме своего предшественника («*Quam variae eruditionis, quam vastae lectionis, quam felicitis et tantum non nimis subtilis ingenii Belinus noster fuerit*»). Б. является автором ряда беллетризованных биограф. сочинений, в т. ч. «*Mémoires et voyages d'un émigré*» (Paris, 1801); «*Le Prêtre, par un Dr. de Sorbonne*» (Paris, 1802); «*Histoire de la dame invisible...*» (Paris, 1803) и др.

Отпрыски большого семейства Б. (5 сыновей и 3 дочери) внесли вклад в гимназич. образование Южной России: С. А. Венгеров (Рус. книги. Т. 2. С. 179) упоминает о пособиях по французскому языку его сына Николая, преподавателя Одесской 2-й гимназии; в Кишиневской гимназии долгие годы преподавал другой его сын Иосиф; правнучка О. С. Белен де Баллю организовала в Одессе частную гимназию (просуществовала до 1917), а ее сын Евгений Павл. до эмиграции служил хранителем отделения греко-романских древностей Одесского археол. музея, участвовал в раскопках Ольвии (Российское научное зарубежье. М., 2011. С. 91).

Литература: Роммель Х. Пять лет из истории Харьковского университета. Харьков, 1868; Лавровский Н. А. В. Н. Каразин и открытие Харьковского университета // ЖМНП. 1872. Февр.; Курганович А. В. Историческая записка 75-летия Петербургской второй гимназии. Ч. 1. СПб., 1880; Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета по неизданным материалам. Харьков, 1893. Т. 1; Історія Харківського університету (1804–2006). Харків, 2007; Почесні члени Харківського університету. Харків, 2008; Nouvelle biographie générale par Didot frères. Paris, 1857. V. 21 (библ.) ♦ Плюшар; Воронов; Брокгауз; Прозоров; Багалей; Венгеров (Словарь, Источники, Список); РБС; Иностранные профессора; Геннади 2006; Серков; EAD; Eckstein.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ).

В. П. Смышляева

БЕЛЮСТИН (БЕЛЛЮСТИН) Никита Федорович

BELJUSTIN N. F.

[1784, ? — 2(14).4.1841, Петербург],
филолог, педагог

Из духовного сословия. По окончании ГПИ был оставлен губернатором при пансионе Петерб. губернской гимназии (1811–1821). Сотрудником этого учеб.

заведения Б. оставался и после его преобразования — в Высшее уч-ще (1822) и Петерб. 2-ю гимназию (1830); с 1821 (после ухода из гимназии Ф. Ф. Гедике) и до своей отставки — ведущий латинист гимназии. Помимо лат. языка, который Б. преподавал с 1813, читал еще рус. словесность (с 1820 «старший учитель русского языка») и римск. древности, а в кризисные для гимназии годы (1824–1825) и политическую экономию. В разные годы Б. преподавал еще в Благородном пансионе при Петерб. ун-те (с 1823), Горном кадетском корпусе (с 1826) и пансионе Муральта (географию). Вышел в отставку в февр. 1841 («жестокая и упорная болезнь» — ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. № 4869).

«Знаменитый латинист своего времени», Б., по воспоминанию А. Родионова, «был предан своему делу, строго взыскивал за каждое неправильное ударение и приходил в восторг от верной скандовки стихов Вергилия. Знание лат. языка Белюстин в нас довел до того, что мы свободно объяснялись на этом мертвом языке» (Пятидесятилетие 2-й Петерб. гимназии: воспоминания. Ч. 1. СПб., 1880. С. 10). В уровне филол. подготовки уступал ун-тским коллегам (Ф. Б. Грeфe, Гедике), но отсутствие языкового барьера и добродушие (при внешней ворчливости) делали его ближе к воспитанникам. Родионов приводит показательный эпизод с их заступничеством за Б. перед строгим директором Постельсом (возмущенным тем обстоятельством, что Б. не только не перестал при его появлении бранить поставленный на колени класс, но и прямо посоветовал директору не вмешиваться в воспитательный процесс); после урока ученики явились к директору объяснить, что уважают Б. и смотрят на его обращение лишь как на «привычку старого педагога». Можно предположить, что выпускник Благородного пансиона И. И. Панаев в «Литературных воспоминаниях»

запечатлел Б. в образе грубоватого латиниста: «Неблаговоспитанность его доходила до крайних пределов. Если кто-нибудь из нас не знал урока и повторял подсказываемое ему сзади товарищем, то учитель, насупив свои густые брови, восклицал обыкновенно: “Коли будешь слушать чужие речи, то тебе взвалят осла на плечи. Болван!” При таких грубых выходках оскорбленные ученики поднимались со своих скамеек и в один голос говорили: “Покорно прошу обращаться с нами вежливее. Здесь не Высшее училище. Мы дворяне”. “Ах вы, пустоголовые дворяне! — возражал учитель. — Ну какой в вас толк? Да у меня в Высшем училище последний ученик, сын какого-нибудь сапожника, без ошибки проспрягает глагол ато, покуда я его держу на воздухе за ухо”» (*Панаев И. И.* Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 7–8).

Б. немало потрудился для методич. обеспечения курса лат. языка, издав **«Опыт практического руководства в переводах с русского языка на латинский. С предположением правил словосочинения лат. языка, изложенного по Брёдеру и Дёрингу»** (СПб., 1817; ⁶1848). В 1827 был привлечен к составлению новых гимназич. учебников по нем. образцам (Воронов. Ч. 2. С. 330–331); в рамках этого проекта вышли его **«Краткое обозрение греческой истории с фразеологией из латинских историков, для упражнения в переводах с латинского языка на русский»** (СПб., 1833) и **«Начальные основания латинского языка»** (СПб., 1836; ³1842), а также основательная **«Латинская хрестоматия для средних и высших классов гимназии из латинских классических авторов»** (СПб., 1839), которая была рекомендована Грефе в числе пособий для гимназий (Пятидесятилетие С.-Петербургской первой гимназии, 1830–1880: историческая записка / сост. Д. Н. Соловьёв. СПб., 1880. С. 125). Свои

пособия Б. не ленился перерабатывать: при переиздании «Опыта» 1830 дополнил его материалами из учебника К. Цумпта; значительно объемнее ко второму изданию стала и лат. хрестоматия (Ч. 1–4. СПб., 1853–1854), первоначально включавшая лишь две части («Prosa» и «Poesis»). Строгий К. Я. Люг е б и л ь спустя 20 лет положительно оценивал разнообразие ее материалов и даже об устаревшем по ист. оценкам и слогу «Опыте практического руководства» Б. заметил, что при всех его недостатках «лучшей книги в этом роде» до сих пор не появилось (Наши латинские учебники // Журнал для воспитания. 1859. № 5. С. 271). Учебники Б., пережив автора, оставались в употреблении вплоть до 1860-х. (Пятидесятилетие С.-Петербургской Ларинской гимназии. 1836–1886. СПб., 1886. С. 15; Пантелеев. С. 186). В 1819 Б. на короткое время приобщался к лит. среде, став чл. ВОЛСНХ (собравшего тогда немало представителей разночинной интеллигенции). К этому году относятся его опыты худож. перевода с лат. и древнерус. языка (из Тита Ливия — СО. 1819. № 54; плач Ярославны — Благонамеренный. 1819. № 6).

Литература: *Zdekauer N. F., Dalton H.* Réminiscences de la pension du pasteur Jean de Muralt de 1825 à 1831. SPb., 1874; *Курганович А. В.* Историческая записка 75-летия С.-Петербургской Второй гимназии. Ч. 1. СПб., 1880; *Курганович А. В., Круглый А. О.* Историческая записка о 75-летию С.-Петербургской Второй гимназии. Ч. 2. СПб., 1894 (библ.); *Будагов М. Л.* Семидесятилетие Благородного пансиона и Петербургской Первой гимназии. 1817–1892. М.; СПб., 1895; Вторая С.-Петербургская гимназия. 190 лет истории / сост. Н. Е. Воробьев. СПб., 1997; *Чухман А. А.* Очерки по истории 321 средней школы. Ч. 1: Благородный пансион (1817–1829). СПб., 1999 ♦ Венгеров (Словарь, Источники, Список); РБС; Геннади 2006.

Архивы: РГИА. Ф. 733; ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ), 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО).

В. П. Смышляева

БЕЛЯЕВ

Дмитрий Федорович

BELJAEV D. F.

[26.10(7.11).1846, с. Иньякино, ныне Шиловского р-на Рязанской обл. — 10(23).3.1901, Петербург; Смоленское лютеранск. кладб.], *филолог-классик и византист*

Из духовного сословия. К шести годам остался сиротой; воспитывался дядей-священником. Учился в Скопинском духовном уч-ще и Рязанской семинарии. За год до окончания семинарии поступил на ИФФ Петерб. ун-та (1867–1871, канд.). Магистрантом (1872–1875) совмещал науч. занятия с преподаванием в Петерб. 4-й и Мариинской женских гимназиях, в частной гимназии Спешневой. В 1874–1875 учеб. году комментировал Геродота и Лукиана студентам Петерб. ун-та (прив.-доц.), замещая тяжело заболевшего К. Я. Люгебля. После успешной защиты магист. дис. **«Омировские вопросы. I: О зиянии в Одиссее. II: О начальном согласном, отпавшем перед гласным, в Одиссее»** (защищена: Петерб. ун-т, 1875; магистр греч. словесности) был командирован с науч. целями за границу (1875–1877); занимался в Лейпциге, Париже, Италии; «греч. финал» стажировки перечеркнуло начало русско-турецкой войны (Грецию и Малую Азию Б. посетил в 1894). По возвращении в Россию вплоть до отставки (1897) служил в Казан. ун-те: доц. (1877), экстр. проф. (май 1878), орд. проф. по каф. греч. словесности (дек. 1878); декан ИФФ (1883–1897). Читал временно и римск. словесность (1880–1883). Докт. дис. **«К вопросу о мировоззрении Еврипида»** (защищена: Казан. ун-т, 1878). Успешная науч. и адм. карьера Б. была прервана в 1897 тяжелой болезнью (паралич). В 1899 по настоянию жены и при поддержке И. В. Помяловского

(ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 563. Л. 217) семья Б. переехала в Петербург. Был чл. РАО (1890), ИФО Новорос. ун-та, ОЛДП, чл.-корр. АН ОКФ (1893).

В числе ун-тских наставников Б. были И. В. Помяловский, Н. М. Благовещенский, Г. С. Дестунис («своим учителям, профессорам и доцентам СПб. университета» Б. посвятит впоследствии главный труд жизни «Byzantina»), первые шаги в науке сделал под руководством К. Люгебля, увлеченного в те годы ист. грамматикой греч. языка (переводом труда Г. Курциуса) и привнесшего в аудиторный комментарий гомеровских текстов немало лингв. материала. В магист. сочинении Б. не ограничивается традиционным ист.-грамматич. описанием, но привлекает данные сравнительного языкознания (компаративистикой занимался в ун-тские годы под руководством проф. И. П. Минаева) и собственную просодическую статистику. С. П. Шестаков недостатком этой «образцовой работы, делающей честь той филологической школе, из которой она вышла», счел лишь отрицание Б. доводов «разлагающей критики» в вопросе о происхождении гомеровских поэм (Д. Ф. Беляев: некролог. С. 18).

Лингв. направленность молодого Б. просматривается и в выборе изданий для первых рец. — это пособие И. Ф. Шрамека «Этимология греческого языка для гимназий, составленная на основании сравнительного языкознания» (ЖМНП. 1873. Июль. С. 14–19) и труды Курциуса [Исследование Георга Курциуса о греческом глаголе // Там же. 1875. Дек.; позже, очевидно, планируя возвратиться к греч. лингвистике, Б. перевел «Объяснения и дополнения Георга Курциуса к его учебнику греческой грамматики» — Учен. зап. Казан. ун-та. 1880 (прил. № 9–10, 11–12) и отд.: Казань, 1881].

В Казан. ун-те (на конференции в дек. 1876 его представлял И. А. Бодуэн

де Куртенэ) Б. обращается к более перспективным в условиях провинции ист.-лит. темам (творчество Еврипида). В докторском сочинении **«К вопросу о мировоззрении Еврипида: историко-литературные этюды»** (фрагменты: ЖМНП. 1877. Апр.; отд.: Учен. зап. Казан. ун-та. 1878. № 1–2, 3, 4, 5, 6, 7–8), написанном без глубокой проработки проблемы и с привлечением ограниченного числа источников, Б. ставит задачу реконструировать по текстам трагедий изменения в общественном сознании Афин V в. Еврипид, которого Б. защищает от «клеветы Аристофана», представлен в дис. религиозным скептиком (приверженцем космологич. идей Анаксагора, но не атеистом), гуманистом (изображение рабов и женщин) и патриотом Афин (образы изгнанников). Бодуэн де Куртенэ в отзыве на труд Б. (Казань, 1878), извинив тривиальность некоторых положений дис. разработанностью классич. филологии и проблематичностью каких-либо новых открытий в этой области, критиковал ее автора гл. обр. за непоследовательность в «использовании принципа историзма при рассмотрении нравственности греков». К заслугам Б. в отзыве отнесены воздержание от ученого щегольства и самостоятельность мысли («не ограничился одним только пересаживанием цветков с грядки на грядку»). Завершением темы стала объемная статья **«Воззрения Еврипида на сословия и состояния, внутреннюю и внешнюю политику Афин»** (ЖМНП. 1882. Сент.; Окт.; 1885. Сент.; Окт.), в которой мировоззрение драматурга рассматривается как продукт уже укоренившихся в афинском общ-ве V в. до н. э. антиолигархич. и гуманистич. убеждений. Ф. Г. Мищенко (КУИ. 1884. № 5. С. 141) сетует на невнятность критериев при отборе подтверждающих этот тезис цитат (образ мыслей драматурга сливается с фоновым мнением).

В 1880-е, как видно из списка публикаций, Б. возобновил поиск «собственной» темы и попытался обратиться к вопросам славяно-визант. культурных контактов. Написанное под впечатлением от новейших монографий (И. Тейлора и В. Ягича) сочинение Б. о происхождении глаголицы (**История алфавита и новое мнение о происхождении глаголицы. С двумя таблицами греческих и славянских алфавитов**. Казань, 1886), в котором автор обосновывал гипотезу о создании глаголицы славянами, жившими в грекоязычной среде (Кирилл и Мефодий, по его мнению, лишь перенесли ее в Моравию), не вызвало ощущения новизны у рецензента (РФВ. 1886. Т. 15. С. 374–375), отметившего заодно неуверенность автора в славянской палеографии. В эти же годы Б. регулярно выступал с рец. («Учен. зап. Казан. ун-та», «ФО», «ЖМНП»), реже — с популярными антикварными очерками (**Воспитание и обучение у древних греков и римлян** // Заграничный вестн. 1882. № 8).

Подлинное признание принесло Б. обращение к ист.-филол. исследованиям. Предыдущий филол. опыт стал подспорьем в его оригинальной и скрупулезной интерпретации визант. трактата «О церемониях византийского двора», приписываемого Константину VII Багрянородному. Возможно, импульсом к этим занятиям, наряду с официально провозглашенным в 1880-е поворотом к «византийскому эллинизму», послужили статьи Г. С. Дестуниса по топографии средневекового Константинополя (ЖМНП. 1882–1883), на которые Б. неоднократно ссылается, а также научные контакты с членами РАО Н. П. Кондаковым и В. Г. Васильевским. Последние, зная о занятиях Б., предложили в дек. 1889 трактат «О церемониях» в качестве темы конкурсного сочинения, а затем высоко оценили представленный Б. труд **«Byzantina: очерки, материалы и заметки по византийским**

древностям» (других работ к янв. 1891 на конкурс не поступило) как «плод глубокого изучения основного источника для археологии византийского быта» (Веселовский С. 189–190). Первый том «Byzantina» — **«Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. С приложением материалов и заметок по истории византийских чинов, с планом Лабарта Большого дворца, ипподрома и храма Св. Софии»** (ЗРАО. Т. 5; отд.: СПб., 1891) представляет собой «пересмотр всего материала для топографии Большого дворца» (С. 9) на основе самостоятельной интерпретации текста трактата и некоторых дополнительных источников (напр., Павла Силенциария). Анализируя план Большого дворца, составленный Ж. Лабартом (1861), Б. обнаружил в реконструкции франц. архитектора «много погрешностей, неточностей и несоответствий с данными в обрядах и церемониях, совершавшихся во дворце», даже окрестил их «чистым продуктом фантазии» Лабарта. При этом Б. не только критиковал архитектурные заключения предшественника, но стремился «доискиваться причин его ошибок», прежде всего путем уточнения значений лексики (напр., отклоняя толкование Лабартом λαός и δήμος как «масса народа», Б. предлагает для этих существительных в контексте устава суженное значение «димотов», противопоставленных должностным лицам — С. 66–67). Во второй части «Byzantina» — **«Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Св. Софии в IX–X вв.»** (ЗРАО. Т. 6; отд.: СПб., 1893) Б. приводит оригинальные (в т. ч. с опорой на нелингв. источники и параллели из древнерус. быта, как в случае сопоставления «дивитисия» со стихарем рус. патриархов) толкования «специальных римско-византийских слов» — номинаций для предметов ритуала, одежды и быта визант. двора.

Последний третий том «Byzantina» — **«Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя»** (СПб., 1906) появился в печати уже после смерти автора, благодаря хлопотам Ю. А. Кулаковского, которому Б. (после второго инсульта 1899) передал свою незаконченную рукопись (Лучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время. Из истории антиковедения и византистики в России. СПб., 2004. С. 170). Издание снабжено указателями, таблицами и приложениями (разного содержания; напр., первый том завершается рассмотрением функций дворцовых управителей — папия, девтера; рецензенты особо отмечали качество обстоятельного комментария). Работа Б. была отмечена медалями РАО и неполной премией митрополита Макария (за два первых тома — Отчет о шестом присуждении премии митрополита Макария, читанный на публичном заседании Академии наук, 19 сентября 1895 года академиком Н. Ф. Дубровиным. СПб., 1897), единодушно одобрена такими авторитетными византистами и историками, как Ф. И. Успенский (ЖМНП. 1893. Дек.), Ю. А. Кулаковский (РВ. 1893. № 8) и Н. П. Кондаков (ВВ. 1894. № 1). Последний особенно восхищался синтетизмом изложения Б., который, «не будучи археологом, а присяжным филологом», успешно рассмотрел «чисто археологические темы в многочисленных экскурсах, хотя и выведенных в примечания, но составляющих главный фонд книги» (Там же. С. 179). К недостаткам труда Б. относили гл. обр. композиционную хаотичность богатого комментария.

«Byzantina» долгое время оставались образцом сочинений по бытовым древностям: «Д. Ф. Беляев, прошедший основательную школу как филолог-классик, показал своими Byzantina, в каком направлении и как устав Константинопольского двора должен

изучаться» (*Жебелёв С. А.* Введение в археологию. Ч. 1. Пг., 1923. С. 169–170). Частным эпизодам той же темы посвящены статьи: **«Храм Богородицы Халкопратийской в Константинополе»** (ЛИФО. 1892. Вып. 2; содержит возражения к плану Лабарта по вопросу о местоположении этого храма, подкрепленные толкованием соответствующих пассажей из трактата Константина), **«Облачение императора на керченском щите»** (ЖМНП. 1893. Окт.; с комментарием к изображению всадника на сер. блюде из керченских катакомб, ошибочно, как следует из наблюдения автора над деталями одежды, отождествленного эгзегетам с Юстинианом I), **«Евктирий святого Константина при порфириной колонне на форе Константина и совершавшиеся там обряды»** (Одесса, 1893), **«Внешний и внутренний вид храма св. Ирины в Константинополе»** (ВВ. 1895. № 1–2), **«Новый список древнего устава константинопольских церквей»** (ВВ. 1896. № 3) и др.

Б.-педагог, по воспоминаниям С. П. Шестакова (ЖМНП. 1901. Июль. С. 12), был внимателен к индивидуальным способностям и уровню подготовки студентов («вводил осмотрительно неподготовленных учеников в сложный для них мир античности»), устраивал для них на дому консультации и библиографические обзоры. Как декан пользовался уважением коллег и руководства, возможно, получал и предложения занять должность ректора в Юрьеве / Дерпте (см. письмо Ф. Г. Мищенко к И. В. Помяловскому 1892 — ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 1020. Л. 28). Рассматривая классич. образование как превосходный инструмент для интеллектуального развития, Б. считал главной задачей педагога помощь ученику в самостоятельном поиске (**«Еще об элементарном методе начального обучения древним языкам»** // ЖМНП. 1887. Февр.), ратовал

за приоритет «эвристических методик» преподавания (РШ. 1891. № 11). С этих позиций настороженно относился к образовательной политике МНП 1880-х: в его переписке с другим деканом — Помяловским — регулярны критич. высказывания по адресу А. И. Гергиевского, «убивающего своими новшествами филологические факультеты» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 563. Л. 181 об., 203 об., 212 об.).

Сын Б. — Дмитрий (эмигрировал из России в 1920), одновременно с изучением китайской филологии, слушал курс в Петерб. археол. ин-те, которому впоследствии пожертвовал свою коллекцию эламских древностей, собранных за время службы на Востоке (*Сорокина М. Ю.* Российское научное зарубежье. М., 2011. С. 93).

Литература: *Петров Л.* Двадцатипятилетие Шестой С.-Петербургской гимназии (1862–1887). СПб., 1887; Загоскин; *Латышев В. В.* Д. Ф. Беляев: некролог // ИАН. 1901. Т. 14; Д. Ф. Беляев: некролог // ЖМНП. 1901. Июль; *Буткевич К. Ф., Николаев Л. П.* Историческая записка, изданная ко дню пятидесятилетия С.-Петербургской Шестой гимназии (1862–1912). СПб., 1912; *Жебелёв С. А.* Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке // ВДИ. 1938. № 4; *Славяноведение в дореволюционной России.* М., 1979; *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 2. М., 1997; *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. М., 2002; *Бузескул В. П.* Введение в историю Греции. СПб., 2005; *Дружинина И. А.* Изучение античности в Казанском университете (XIX — 20-е годы XX века). Казань, 2006; *Медведев 2006* ♦ *Брокгауз; Прозоров; БС СПб. ун-та; БС Казан. ун-та (биб.); Венгеров (Источники, Список); Черняев; Воронков; Славяноведение; Сайтов 2006; Фролов 2006; Бузескул 2008; Российская академия наук; Тункина 2017.*

Архивы: *Отд. документы и письма:* ОР РНБ Ф. 263 (Н. В. Дризен), 585 (С. Ф. Платонов), 621 (А. Н. Пыпин), 777 (П. Н. Тиханов); СПбФ АРАН. Ф. 733 (В. К. Ернштедт).

В. П. Смышляева

БЕНЕШЕВИЧ

Владимир Николаевич

BENESZEWICZ / BENEŠEVIČ V. N.

[9(21).8.1874, г. Друя, ныне
Браславского р-на Витебской обл.
Беларуси — 27.1.1938, Ленинград;
Левашовская пустошь],
*византинист, палеограф,
историк церк. и гос. права*

Один из крупнейших специалистов в обл. греч. палеографии в России начала XX в., зачинатель научно поставленного дела фотопирования рукописей. Кодиколог, исследователь монастырских б-к Востока, первооткрыватель большого числа неизвестных памятников средневековой книжности, издатель каталога малоизвестных визант. рукописей. Автор неоконченного издания корпуса источников по греко-римск. праву (из печати в 1914 вышла лишь 1-я часть I тома). Каталогизатор греч. рукописей ГПБ в Ленинграде. Секр. Русско-Визант. комиссии АН СССР, инициатор переиздания словаря среднегреч. языка Дюканжа. Автор многочисленных публикаций источников по истории Византии и слав. стран. Ближайший друг и соратник ведущих петерб. антиковедов. Подвергался полит. репрессиям в 1920–1930. Отбывал заключение в 1922, 1928–1933 и 1937. Расстрелян в 1938.

Сын чиновника, внук священнослужителя. Начальное образование получил в Виленской классич. гимназии, которую окончил в 1893 (зол. медаль). Отличное знание древних языков определило дальнейшее направление занятий Б. на юрид. ф-те Петерб. ун-та — история греко-римск. права. В 1897 окончил ун-т с дипломом 1-й степени. Оставлен при каф. церк. права для приготовления к профессорскому званию. С 1897 по 1901 стажировался в Германии. В 1905 защитил магист. дис. «Канонический сборник XIV титулов», сопровождая работу приложением в виде

особой книги с 754 толкованиями к правилам. В 1907 издал том, содержащий текст самого «Сборника». В 1914 защитил и издал докт. дис. «Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви» (далее — *Συναγωγή*). Впервые за все время изучения этих сборников привлек и проработал весь сохранившийся материал. Докт. дис., так же как и магист., была удостоена Уваровской премии.

Был женат на дочери Ф. Ф. Зелинского — Амате (Людмиле). Известно, что именитый тесте лично принимал участие в редактуре лат. предисловия к трудам зятя.

В письме от 12 сент. 1936 Зелинский пишет: «Но чтобы вернуться к твоему "Monitum" (имеется в виду предисловие к мюнхенскому изданию *Συναγωγή* 1937. — А. К.), прямых ошибок в нем мало; все-таки латынь ты знаешь здорово. Больше так называемых по-немецки Härten, неизбежных там, где переводишь на латынь с другого языка; правда, что их-то и труднее всего устранить. Ну, сделал, что мог; хуже всего то, что я не всегда понял, что ты хотел сказать, вследствие незнакомства с самим предметом. Если у тебя хватит времени, то я не прочь бы заняться этим предисловием вторично по исправлении его тобой, но, пожалуй, времени-то и не будет» (СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 1. Д. 4/2. Л. 38–40).

С 1905 по 1921–1922 основным местом службы Б. был Петерб. / Петрогр. ун-т, где он последовательно занимал должности прив.-доц., экстр. и орд. проф. В 1905–1910 вел занятия по греч. палеографии и истории Византии на ИФФ; с 1910 на юрид. ф-те читал церк. и гос. право. Историю канонич. права преподавал также в Александровском лицее (1903–1904), СПбДА (1906–1909), на ВЖК (1909–1917), ВЖК Раева (1910–1911) и в Воен.-юрид. академии (1909–1912). В 1908–1918 был редактором «Обозрения трудов по славяноведению».

Основным направлением науч. деятельности молодого Б. было стремление воссоздать историю греко-римск. права в его поздней визант. и слав. рецепции на основе обширной систематизированной источниковой базы. В 1901–1908, 1911 и 1912 Б. участвовал в археогр. экспедиции по древним религиозным центрам Афона, Синая, Египта, Греции, Малой Азии, Палестины, исследуя слав. и визант. письменные источники и фотокопируя их; ученый получил доступ к самым закрытым рукописным монастырским собраниям. Также работал в крупнейших европ. б-ках Парижа, Вены, Мюнхена, Афин, Рима. Обследовал в общей сложности 49 б-к; просмотрел все известные на тот момент греч. рукописи правового содержания и обнаружил множество неизвестных науке юрид. памятников. Коллекция выписок и факсимиле (более 2000 фотокопий), собранная Б. в дореволюционные годы, даже после разорения ее органами НКВД в 1931–1933 могла обеспечить работой, по его собственным словам, «целый научный институт на годы вперед» [СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 1.

Д. 46. Л. 633–667 (письмо к неперемому секр. АН СССР Н. П. Горбунову от 19 мая 1936 г.)].

Не раз в своей кропотливой работе ученого-археографа Б. оказывался полезен коллегам-классикам, совершавшим экскурсии в обл. источниковедения. Известно, напр., что во время поездки на о. Патмос в 1902 он сверял труднодоступные рукописи «Жития 42 аморейских мучеников» для П. В. Никитина, увлекшегося в ходе своей науч. работы историей визант. книжности. [По поводу какого увлечения тогдашний глава петерб. византиноведческой школы В. Г. Васильевский в письме от 11 февр. 1899 высказал Никитину шутовое одобрение: «Что Вы все более втягиваетесь в византийскую область, этому многие радуются. Да разве, наконец, она уже так враждебна классической прелести? Что Вы скажете?» (СПбФ АРАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 10. Л. 2 об.)].

«Междисциплинарное» сотрудничество классиков и медиевистов, естественно, было взаимным. Впоследствии П. В. Никитин, занимавший должность предс. Комиссии по изданию трудов и зав. капиталом епископа Порфирия Успенского, содействовал Б. в издании каталога греч. рукописей Синайского монастыря. Рукопись «Описание...», хранившаяся в архиве Порфирия и изданная Б. (Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае. СПб., 1911. Т. 1–2), несет на себе следы редакторской работы Никитина (СПбФ АРАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 159). После смерти последнего Комиссию возглавил В. В. Латышев, и под его наблюдением в 1917 г. был издан 3-й том каталога. Научная дружба византиниста Б. и классич. филолога Латышева насчитывала не одно десятилетие. Известно письмо от 12 окт. 1911 (СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 102. Л. 1–2), в котором содержится подробнейшая консультация ведущего отеч. эпитафиста по поводу восстановления текста одной христ. надписи, изданной Б. Работая над монографией «Melanchtoniana: Ein Beitrag zur Literaturgeschichte der byzantinischen Rechts in Westeuropa 1521–1560» (München,

1934), Б. обращался за справкой из антич. истории к С. А. Жебелёву (Там же. Оп. 1. Д. 58. Л. 213) и т. д. Свидетельств подобного взаимодействия с представителями отеч. и зарубежного антиковедения в архиве Б. отыскивается множество.

Будучи беспристрастным человеком науки, оперирующим фактами в «священной» обл. церк. истории, которая, по представлениям того времени, должна была по-прежнему оставаться неподотчетной критич. анализу, Б. испытывал определенное давление со стороны духовного ведомства. В ходе ревизии ДА, произведенной Св. Синодом в 1909, он, вместе с проф. Н. К. Никольским и Д. И. Абрамовичем, был отстранен от преподавания в СПбДА (формальным поводом для увольнения Б. была женитьба на католичке). Визант. империя, благодаря трудам рус. историков-медиевистов, подобных Б., утрачивала статус идеального, незыблемого «православного царства», преемницей которого считала себя Москва.

Интересно, что по этому поводу писал сам Б., размышляя, много лет спустя, о судьбах отеч. византистики начала XX в.: «Византия стала важным и увлекательным предметом исторического исследования и потеряла обаяние недосягаемого образца церковного и государственного строя для “православной России”. Более прозорливые руководители церковной политики уже начали понимать опасность этого положения, и нельзя думать, что дело обошлось бы без попыток серьезных репрессий, если бы не война и революция» [СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 1. Д. 46. Л. 19–122 (Бенешевич В. Н. Лекции по истории византиноведения. Лекция 2: «Научная обработка в России»)].

Пережив гонения со стороны дореволюционных церк. властей, ученый чистосердечно полагал, что при новой власти собранный им материал по истории Вселенского и Поместного церк. соборов «послужит к тому, чтобы историю допетровской Руси освободить от ряда мифов и фетишей и поставить на

совершенно новые пути, идущие вразрез с историографией старого режима и выявляющие ту правду, искание которой, <по авторитетному указанию наших вождей, поставлено в качестве одной из основных задач — зчркн> ставится ныне в основу изучения и преподавания истории» (черновик цит. выше письма к Горбунову). Однако после революции в личной судьбе Б. наметился перелом, переросший со временем в настоящую трагедию не только для самого ученого, но и для всей его семьи.

По словам О. А. Добиаш-Рождественской, Б., страстно увлеченному своим предметом, всегда было свойственно «глубочайшее непонимание мира, в котором он живет, непонимание страшной борьбы, которую нельзя не видеть» (Из переписки О. А. Добиаш-Рождественской 1920–1930-х годов / сост. Б. С. Каганович // Отеч. история. 1992. № 3. С. 114; письмо к акад. Д. М. Петрушевскому, написанное вскоре после печально известного заседания каф. истории Средних веков ЛГУ 10 окт. 1937 г., фактически отрекшейся от своего обреченного коллеги).

В 1921 Б. был отстранен от преподавания в ун-те, в 1922 арестован, проходя по «делу митрополита Вениамина». Вскоре, однако, он был оправдан судом и вернулся к работе, но в 1923, после закрытия Правового ин-та при ун-те, окончательно лишился средств к существованию. Некоторое время работал библиотекарем в ГАИМК (к 1927 стал зав. б-кой) и оставался внештат. сотрудником ИЛЯЗВ.

В дек. 1924 Б. избран чл.-корр. РАН. В февр. 1925 приглашен акад. Н. Я. Марром, зав. ГПБ, в ее штат. Выполнял отд. поручения директора, а в связи с организацией фотокабинета с окт. того же года стал его науч. руководителем. С дек. 1925 по 22 нояб. 1928, состоя в должности главного библиотекаря, Б. был хранителем греч. рукописей ГПБ, продолжая оставаться консультантом по фотографии. В 1928 участвовал от ГПБ

во II конференции науч. б-к. Занимаясь исследованием отд. рукописей, Б. совместно с Ф. И. Успенским подготовил к изданию сб. земельных актов Вазелонского монастыря (Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии VIII–XV веков. Л., 1927). Б. начал готовить печатный каталог всего рукописного греч. собрания ГПБ. Сохранилось множество помет исследователя в т. н. «красном инвентаре» греч. рукописей, составленном еще А. И. Пападопуло-Керамевсом, Х. М. Лопарёвым и А. Ф. Бычковым (РНБ греч. 897); две папки подготовленных Б. описаний (ОР РНБ греч. 849 и 886); обширное авторское «Предисловие» к каталогу, в котором проанализирована история собирания и описания греч. рукописного фонда ИПБ (ОР РНБ греч. 893, машинопись), а также ряд записей Б. на внутренних сторонах переплетов отд. кодексов. Этому начинанию Б. суждено было осуществиться лишь при его ученице Е. Э. Гранстрем, начавшей издавать «Каталог греческих рукописей ленинградских книгохранилищ» с 1959 г.

В стенограмме собрания РО ГПБ от 9 марта 1937, составленной за полгода до последнего ареста Б., читаем: «[Бенешевич:] В 1878 г. за весь год была взята одна рукопись, но с тех пор прошло лет 50, и мы дожили до такого положения, что за весь [1936] год было взято 3 рукописи. За 50 лет нельзя сказать, чтобы это был прогресс. Положение таково, что иной раз можно подумать над этим. <...> Мы пользуемся каталогами 1864 г. (труд Э. Г. Муральта. — А. К.), полными всяких ошибок. Для нашего времени — это никуда не годная работа, и мы должны обращаться к отчетам Библиотеки за много лет, где даны описания, правда, очень хорошие, но с точки зрения каталога этих рукописей они не дают того, что должен давать каталог. <...> Я сижу за столом, как в траншее во время мировой войны, зарывшись в книги, но это положение невыносимое и вследствие этого для описания греческих рукописей еще нужно проделать большую работу» (Архив РНБ. Ф. 12. 1937. Д. 209).

В 1926–1928, одновременно с работой в ГПБ, Б. состоял ученым секр. Русско-визант. комиссии АН СССР под председательством Ф. И. Успенского. Летом 1927, по заданию АН СССР и ГПБ, Б. был командирован на три месяца за границу. По линии Русско-визант. комиссии командировка предусматривала расширение связей АН с учреждениями Франции и Германии, в частности, оживление работ по переизданию «Греческого словаря» Дюканжа. По линии ГПБ предполагалось знакомство и «выбор для нужд Фотокабинета и для работы над карточным каталогом ГПБ новейших фотографических и механических изобретений, применяемых в практике больших библиотек», а также исследование ряда греч. «рукописей Берлина, Дрездена и Мюнхена, происходящих из тех же восточных монастырей, что и рукописи Публичной библиотеки, и, по видимому, представляющих части одних и тех же рукописей» [СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 109. Л. 1–7 (Отчет командированного за границу проф. В. Н. Бенешевича за время с 11 июня по 10 сент. 1927)].

Задумывался ли Б. над тем, как непрочно его положение? В письмах той поры имеются свидетельства того, что и в самый разгар «трудовой горячки» он испытывал острые приступы бессилия от сознания своей ненужности: «Как-то рука не пишет и голова не хочет работать, потому что очень огорчает отношение руководящих сфер Академии и Русско-византийской комиссии ко мне лично. Только и сверлит в голове то, что не раз говорил Д<митрий> К<онстантинович> Петров (филолог-романист, основатель отеч. испанистики, ушедший из жизни в 1925 г. — А. К.): “Умирать надо, В. Н.!” Ниоткуда ни помощи, ни защиты, ни внимания; чувствую себя таким одиноким и бесполезным, что хорошо бы иметь право умереть» [СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 1. Д. 41. Л. 47 (письмо к М. Н. Сперанскому от 16 февр. 1927)].

За границей Б. был тепло принят зап. коллегами, помнящими о его прежних заслугах, а также высокопоставленными

представителями католич. и православной церквей. Как выдающийся исследователь христ. культуры Б. удостоился в Риме аудиенции Папы Пия XI, а патриарх Иерусалимский Дамиан Касатос пожаловал ученому орден Гроба Господня. Перед возвращением в СССР Б. получил предложение от Баварской и Прусской АН (чл.-корр. которых стал, соответственно, в 1927 и 1929) напечатать его большой труд об Иоанне Схоластике. План критич. издания *Συναγωγή* возник еще в 1912, но был отложен из-за войны. Эта книга стала роковой в судьбе Б.

Осенью 1928, после смерти Ф. И. Успенского, Б. баллотировался в д. чл. АН СССР, но был отвергнут отборочной комиссией историков. В нояб. 1928 арестован и обвинен в шпионаже в пользу Ватикана, Германии и Польши. Ученому приписано участие в контрреволюционной организации «евразийского» толка. Сослан в концлагерь на Соловки на три года. С ходатайствами об освобождении Б. к советской власти обратились Ф. Нансен и А. Эйнштейн, а также вернувшийся ранее в СССР акад. В. И. Вернадский. Вместо освобождения в 1930 Б. был повторно арестован в лагере и возвращен для «доследования» в Ленинград, проходя по знаменитому «Академическому делу» как претендент на пост министра вероисповеданий в «правительстве» акад. С. Ф. Платонова. По этому же делу были осуждены его брат Дмитрий и жена. Приговором Коллегии ОГПУ от 8 авг. 1931 Б. осужден к пяти годам Ухта-Печерского лагеря, его жена, Л. Ф. Бенешевич (Зелинская) — на такой же срок Беломоро-Балтийского ИТЛ. Во время ареста и обысков в квартире на Гагаринской ул. почти полностью были уничтожены плоды многолетней и кропотливой работы археографа по сбору копий древних манускриптов, которые посчитали шифрованными посланиями. Погибли многие его работы и почти все фотоснимки. Из 49 томов «досье» Б., содержащих

описания рукописей 6-к разных стран, сохранилось три.

Лишь по ходатайству В. Д. Бонч-Бруевича перед С. М. Кировым Б. был досрочно освобожден в марте 1933. Через год тот же заступник смог спасти Л. Ф. Зелинскую-Бенешевич. После получения в 1934 паспорта, позволявшего ему жить в Ленинграде, Б. возобновил свою деятельность в ГПБ и ЛГУ, где стал читать курс истории Визант. империи. Будучи хранителем греч. рукописей, ратовал за создание при ОР ГПБ Кабинета греч., лат., слав. и вост. палеографии; был первым из советских византинистов, преподающих этот предмет. Вел занятия с аспирантами ГПБ — А. В. Банк и Е. Э. Гранстрем.

В мае 1937 в Мюнхене вышел 1-й том «*Ioannis Scholastici synagoga L titulorum ceteraque ejusdem opera juridica*». В сент. 1937 арестованы оба сына Б., Дмитрий и Георгий — физики, далекие от ист. проблематики; затем, повторно, родной брат Б., горный инженер. 10 окт., после «общественного суда» на каф. Средних веков ЛГУ, Б. был отстранен от профессуры. 11 окт. подал прошение об увольнении в дирекцию ГПБ. Намеревался покинуть Ленинград и оставить науч. деятельность. 26 окт. в «Известиях» появилась заметка о «предательстве» ученого, издавшего труд в фашистской Германии. 23 нояб. Б. арестован органами ОГПУ по обвинению в шпионаже и 17 янв. 1938 приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 27 янв. 1938 [Архив УФСБ РФ по СПб. и ЛО. Д. П-38323 (37899). Т. 1].

По этому же делу были расстреляны его сыновья и брат; впоследствии реабилитированы. В апр. 1938 Б. посмертно был исключен из числа чл.-корр. АН и также посмертно восстановлен в 1958. Реабилитирован в 1958 по делам 1929 и 1938 годов, в 1967 — по делу 1931 года. За честь мужа до конца жизни боролась супруга Б., прошедшая все мытарства советских судебных инстанций.

Осенью 2014 на Левашовском братском кладб. (Горское шоссе, 143) сотрудниками каф. истории Средних веков СПбГУ установлена мемориальная доска с именами всех четырех представителей исторической семьи Бенешевичей.

Литература: *Успенский Ф. И., Бузескул В. П., Крачковский И. Ю., Марр Н. Я.* Записка об ученых трудах В. Н. Бенешевича // Изв. РАН. Сер. 6. 1924. Т. 18, ч. 2. С. 536–538; *Вернадский Г. В.* 25-летие научно-литературной деятельности В. Н. Бенешевича // *Seminarium Kondakovianum*. Vol. 1. Prague, 1927. P. 312–313; *Гранстрем Е. Э.* Владимир Николаевич Бенешевич (К 100-летию со дня рождения) // ВВ. 1973. Т. 35. С. 235–243; Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993 (по указ.); *Герд Л. А.* Фотоархив В. Н. Бенешевича // АРВ. С. 381–388; *Медведев И. П.* В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // АРВ. С. 339–380; *Вольфиун Л. Amata mea* // Звезда. 1997. № 4. С. 178–184; *Медведев И. П.* Судьба ученого: Владимир Николаевич Бенешевич. Сб. статей. М., 2019 ♦ Венгеров (Словарь); НЭС; История БАН; Славяноведение; СРНБ; ПЭ; Люди и судьбы; БС сотрудников Библиотеки РАН; Бузескул 2008; Тункина 2017; Фондообразователи.

Архивы: СПбФ АРАН. Ф. 192 (В. Н. Бенешевич). Оп. 1–3; Архив СПбИИ РАН. Ф. 262; Архив РНБ. Ф. 10/1, 10/4–44, 77 («Личное дело В. Н. Бенешевича»). Ф. 16 (копия следственного дела); ОР РНБ (Греч. 849, 886, 893, 897); Архив ИВИ РАН (Фонд Российского Палестинского общ-ва); Архив СПбГУ. Ф. 1 (Отдел кадров). Оп. 1. Связка 8. № 1606; Архив УФСБ РФ по СПб. и ЛО. Д. П-38323 (37899).

А. Е. Карначёв

БЕРЕНТ (БЕРЕНДТ) Карл Робертович (Романович)

BEREN(D)T K. R.

[6(18).8.1862, Рига — после 1930, Ленинград], *филолог, педагог, библиограф*

Б., как и многие петерб. немцы-филологи, — выпускник Дерпт. ун-та (до этого учился в Рижской городской гимназии).

В 1887 окончил ун-тский курс по специальности древнеклассич. филология, через год успешно сдал экзамены на звание учителя гимназии и переехал в Петербург, где преподавал лат. язык в уч-ще при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины. Б. не сделал пед. карьеры: он прослужил учителем менее 10 лет (1890–1896), а затем был определен на службу в МНП делопроизводителем VIII класса и откомандирован для занятий в Ученый комитет (РГИА. Ф. 734. Оп. 4. № 31. Л. 139; Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. № 87. Л. 4–5). Возможно, такому решению Б. способствовала необходимость обеспечивать большую семью (к 1896 у него было трое детей, вскоре появились еще трое).

За время службы в Ученом комитете Б. написал несколько пособий для гимназий и уч-щ. Пособия по древним языкам (Слова и выражения ко 2-й книге Анабасиса Ксенофонта, расположенные в порядке греческого текста, с алфавитным указателем. СПб., 1900; Слова и обороты к Югуртинской войне Гая Саллюстия Криспа, расположенные в порядке латинского текста. СПб., 1901) составлены след. обр.: сначала идет перечень основных глагольных форм, затем словарь по главам и параграфам (как поурочный словарь в учебнике), в конце перечень всех слов в алфавитном порядке с указанием мест, что удобно для гимназистов, начинающих читать авторов. Эти издания были весьма востребованы в гимназиях. Гимназич. пособия Б. по нем. языку (рассказы В. Гауффа, П. Гейзе и др.) также многократно переиздавались. Все они составлены по одному принципу: введение (на нем. или рус. языке) с краткой и живо изложенной биографией автора; текст с постраничными примечаниями; в конце алфавитный словарь без местоимений, глагола «быть» и «вообще тех слов, которые можно считать известными читателям нашей книжки» (*Вильденбрух Э.* Загородная прогулка: текст с введ. и подстрочн. и алф. слов. Для четвертого года обучения. СПб., 1910. С. 18).

В 1899 Б. поступил на должность регистратора ИПБ, службе в которой он посвятил половину своей жизни. Из сохранившихся документов видно, что Б. на службе ценили. В 1909 его назначают старшим помощником библиотекаря и зав. отделом полиграфии, с 1911 — библиотекарем. Б. производили в чины и вручали ордена, как только это становилось возможным (а иногда и досрочно), о чем ходатайствовал лично директор ИПБ перед министром народного просвещения (Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. № 87. Л. 12 и след.). Когда во время Первой мировой войны старший сын Б. попал в плен, директор ходатайствовал также о том, чтобы можно было к Рождеству отправить пленному посылку (Там же. Л. 41).

Большая семья Б. требовала расходов, которые не всегда покрывало его жалование: сохранилось несколько прошений о предоставлении единовременного пособия, а также запросы в ИПБ из казны о том, что, получив очередной чин или орден, Б. своевременно не уплатил пошлину (Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. № 87. Л. 31 и след.).

В дореволюционное время в отделе полиграфии ИПБ (вероятно, и в др. отделах) систематич. каталог отсутствовал. Его заменял Б. собственной персоной.

«Когда в бывшем отделении “Полиграфии” читатель спрашивал определенную книгу, обслужить его было сравнительно легко: к услугам библиотекаря имелся алфавитный каталог. Когда же необходимо было указать читателю, какая имеется литература по определенному вопросу — скажем, о Шекспире или о средневековом романе, — то обращались к заведующему отделением, старому работнику Публичной библиотеки, Карлу Романовичу Берендту. И тот давал ответ. При этом ему помогал не систематический или предметный каталог, которых не было в готовом виде, а хорошее знание книги и богатая память, а также в ряде случаев толстая, переплетенная в клеенку тетрадь. В этой тетради были записаны у него ответы на наиболее часто встречающиеся вопросы. И еще долгое время после смерти Карла Романовича

приходилось пользоваться его тетрадью» (Зельце Б. Р. Каталоги Публичной библиотеки // Красн. библиотекарь. 1938. № 12. С. 46).

Кроме упоминаний о тетради сохранилась также благодарность франц. ученого Г. Турно за составленный Б. каталог рус. переводов Верлена (*Хотяков Я. И.* Справочно-библиографическая работа Публичной библиотеки в Петербурге в 1814–1917 гг. // Тр. ГПБ. 1958. Т. 7 (10). С. 85, 100).

Известно, что Б. написал и опубликовал по-немецки несколько науч. статей (ИПБ 100 лет. С. 460; Архив РНБ. Ф. 2. № 399. Л. 1–3), однако обнаружить их не удалось.

После революции Б. остался служить в ПБ. Уволился он в 1929 по состоянию здоровья и вскоре умер. Одна из его дочерей, Эрика (Иоганна Шарлотта), также много лет проработала в ПБ.

Литература: Грин Ц. И. Берент К. Р. // СРНБ. Т. 1. С. 85–87.

С. Э. Андреева

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ Николай Михайлович

BLAGOVEŠČENSKIJ N. M.

[2(14).4.1821, Петербург — 1(13).8.1892, там же; Волковское православное кладб.],
филолог, историк литературы, деятель образования

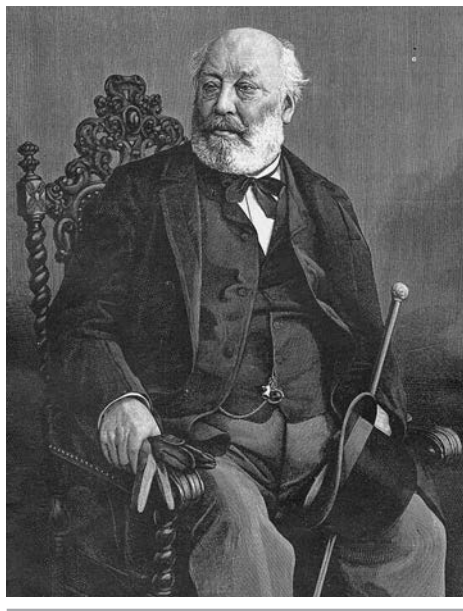
Из духовенства. Начальное образование получил в Мариинском ин-те (в котором отец Б. преподавал Закон Божий), петерб. частных пансионах Титова и Морка. В 1832–1841 обучался в ГПИ (сначала в «малолетнем» отделении). По завершении курса (зол. медаль) был направлен на стажировку в Лейпциг и Гейдельберг (1842–1844), где познакомился с П. М. Леонтьевым. Возвратившись в Россию,

преподавал лат. словесность и римск. древности в Казан. ун-те: адъюнкт (1845), экстр. проф. (1851). Магист. дис. «**De hieratica quae dicitur artis Graecorum statuariae periodo**» (защищена: Казан. ун-т, 1847; РГИА. Ф. 733. Оп. 44. № 137: рукопись). Докт. дис. «**De Romanorum tragoedia**» (защищена: Казан. ун-т, 1851; д-р философии и древней филологии; РГИА. Ф. 733. Оп. 46. № 7: рукопись). В июне 1850 участвовал (наряду с И. Б. Штейнманом) в конкурсе ГПИ, но отложил переезд в Петербург на год по просьбе попечителя Казан. УО, указавшего в записке министру, что Б., «будучи прямо русским и по происхождению, и по воспитанию, незаменим в наст. время для Казани» (РГИА. Ф. 733. Оп. 25. № 140. Л. 43–43 об.). После увольнения в 1852 Ф. К. Фрейтага был вторично приглашен на кафедру лат. языка и словесности ГПИ (экстр. проф., орд. проф. 1853; ф. с. 1859 см.: ЦГИА СПб. Ф. 13. № 4200. Л. 81–84). Ту же каф. занимал в Петерб. ун-те. Преподавал лат. язык еще и в Уч-ще правоведения (1860–1865). С 1872 по 1883 ректор Варшавского ун-та, по увольнению вернулся в Петербург, оставаясь причисленным к МНП (чл. совета министра); чл. Ученого комитета (1861–1872); чл. РАО (1866) и МАО (1892).

Основоположник ист.-лит. направления в российском антиковедении, Б. своими лекциями и популярными публикациями первым привлек интерес студенчества к истории антич. литературы и искусства: «Он ясно сознавал, что все образованное общество, а не одни научные корпорации, имеют право пользоваться плодами науки и что представители научного знания обязаны делиться с обществом своими трудами» (Соловьёв М. П. Винкельман и поздние эпохи греческой скульптуры. Труд Н. М. Благовещенского. СПб., 1891 г. // ЗАН. 1895. Т. 75, кн. 2. Прил. 4. С. 1). Литературно одаренный, увлеченный идеей просветительства, молодой Б. прервал монополию в ун-тской аудитории классич. формализма, который

в рутинном исполнении сводился лишь к переводу и грамматич. анализу: до Б. «русские если и преподавали классическую филологию, то делали это так, как их немецкие учителя, одностронне, сухо и бесплодно» (*Модестов В. И. С. 3*). Из ин-тских наставников на формирование науч. взглядов Б. более других повлияли Ф. Б. Грефе и стоявший у истоков сравнительного изучения литератур О. И. Сенковский, востоковед и литератор (под псевд. барон Брамбеус), ученик Г. Гроддека. Его энцикл. комментарий Б. ставил выше экзегезы Грефе: «Лекции греческого языка я у Грефе не слушал, но на лекции римской словесности ходил к нему постоянно в течение трех лет; все это время он объяснял одного Горация, и объяснял так, что я, сравнивая комментарий его на этого писателя с комментарием, какой давал нам Сенковский на Лебида или Харириа, находил чтение Грефе крайне сухим и нисколько не вводившим в мир римской жизни» (Григорьев. Примеч. 120). Чтение Горация и критич. методики, усвоенные на занятиях Грефе, нашли отражение в работах Б. по истории римск. сатиры, но для успешной самореализации он должен был порвать с германовской школой: «Допуская пользу и даже необходимость такого направления для студентов низших курсов, Б. находил его недостаточным для высших, а потому рядом с объяснением римск. классиков считал своею обязанностью излагать и полный по возможности курс истории римской литературы и римских древностей» (Григорьев. С. 234). Побудительным импульсом для обращения Б. к бёковской филологии стали занятия в период стажировки историей литературы и искусства, археологией и древностями (слушал М. Гаупта, А. Вестермана, В. А. Беккера, Фр. Крейцера, Г. Штальбаума, Ф. Бэра и др.). Отчетная лекция возвратившегося из-за границы Б. перед комиссией была посвящена греч. живописи («De veterum Graecorum pictura parietum»), а в Казани 1840-х, где

«нельзя было найти ни одной картины <...>, перед которою стоило остановиться на пять минут», Б. увлекательно рассказывал студентам (при полном отсутствии иллюстративного материала) о поразивших его образцах антич. живописи и пластики (Семевский М. Н. М. Благовещенский. Полувекковая годовщина его ученой и общественной деятельности // РС. 1892. Т. 73. С. 527). В Петербурге Б. также не раз возвращался к мысли об устройстве музеев для просвещения народа и студенчества (**К вопросу о губернских художественных музеях** // Голос. 1864. № 326). Теме антич. искусства («дофидиевский» период), в т. ч. описаниям антропоморфной пластики в трудах антич. историков и поэтов, посвящена магист. дис. Б., рус. вариант которой («О гиератике в древнем греческом искусстве») опубл. П. М. Леонтьевым (Пропилеи. Кн. 1). В 1862–1863 (период закрытия Петерб. ун-та) Б. посетил Италию для знакомства с историей антич. искусства (под руководством Г. Брунна); по возвращении читал курс топографии Рима и публиковал отклики на худож. произведения с антич. сюжетами [был причислен к вольным общникам Академии художеств за отзыв о картине Ф. Бронникова «Чтение смертного приговора Тразее Пету» в газ. «СПбВед» (1864. № 326)]. В 1880-е Б., пораженный выставленной пергамской гигантомахией, вернулся к теме антич. искусства в «несамостоятельно, но увлекательно изложенных» (С. А. Жебелев) очерках **«Греческая пластика в век диадочов»** и **«О художественном значении поздних эпох античной скульптуры»** (Вестн. изящных искусств. 1883–1887. Т. 1–2, 5; включены в сб. **«Винкельман и поздние эпохи греческой скульптуры»**, СПб., 1891; почетный отзыв комитета по премиям митрополита Макария, 1893). Здесь Б. отошел от периодизации греч. пластики, восходящей к Винкельману, и выделил три этапа ее развития: религиозный («гиератический»), идеалистич. и реалистич.

Ссылаясь на шедевры Родосской и Пергамской школы, возражал против некоторых оценок эллинистич. искусства.

У критики бунт Б. против Винкельмана успеха не имел. Г. Г. Вульфус (ЗРАО. 1891. Т. 5) бережно (с учетом заслуг и нездоровья автора) указал на дилетантизм некоторых оценок, сомнительность объединения в «реалистическом» этапе эллинистич. искусства, которое ценил и Винкельман, с искусством эпохи римск. владычества (подражательным по преимущ.); изумлялся некоторым смелым предположениям Б. (напр., отнесению группы «Умиравший галл» к эпохе Цезаря). Но лит. достоинства работы Вульфуса оценил высоко: «Главная цель труда г. Благовещенского не совсем современна, пожалуй, даже излишняя. Но мы готовы мириться с нею, так как она побудила уважаемого автора написать его живую и интересную книгу» (То же. Отд. отт. С. 5). М. П. Соловьёв также скептически отнесся к термину «реализм» применительно к технике пергамской

гигантомахии: «Исторически правдивые скульптуры — не только поздняя пластика, как думает Благовещенский, — они были и прежде. <...> Реалистические тенденции скульпторов гигантомахии, натурализм, которым Б. отличает пергамских ваятелей, очень условны» (Рец. на труд Благовещенского. СПб., 1894. С. 15–16. Отд. отт.). Протестовал против «нерасположения автора к научной истории искусства» и А. Н. Шварц (ФО. 1891. Т. 1).

Хотя искусствоведческие публикации Б. не нашли отклика у специалистов, вряд ли случаен тот факт, что увлечение историей антич. искусства в той или иной мере унаследовали лучшие его ученики — И. В. Помяловский, В. И. Модестов, В. Г. Васильевский, а И. В. Цветаев даже воплотил в жизнь идею музея антич. пластики. Главным науч. успехом Б. был обязан своим ист.-лит. трудам, начало которым положила докт. дис. (ее проект содержится в первой публикации Б. — **О судьбах римской трагедии** // ЖМНП. 1848. Июнь), написанная под впечатлением от работы А. Ланге «Vindiciae tragediae Romanae», и серия статей об ист. контексте римск. низких жанров, в т. ч. статьи **«Ателланы»** (ПроPILEИ. Кн. 1; в исследовании римск. жанра, за которым Б. признавал «самостоятельное литературное развитие», использована монография Э. Мунка «De fabulis Atellanis», 1840), **«О началах римской комедии»** (ПроPILEИ. Кн. 2; зарождение сатуры и ателланы объясняется автором в т. ч. присущей итальяцам «веселостью и страстью к шуткам»), **«Байи»** — реконструкция жизни известного курорта по сообщениям римск. авторов — и **«Родословие дома Цезарей»** (обе — ПроPILEИ. Кн. 3), **«De carminibus convivalibus eorumque in vetustissima Romanorum historia condenda momento»** (СПб., 1853; речь о значении сколиев для изучения римск. истории), **«Римские пантомимы»** (ПроPILEИ. Кн. 4) и др. Статья **«О литературных партиях в Риме**

в век Августа» (ОЗ. 1855. № 6 и отд. отт.) становится прологом к наиболее известному исследованию Б. о творчестве Горация. Новизна лит.-филол. метода Б., заключающаяся в дополнении экзегезы биогр. и ист. комментарием, была оценена Н. Г. Чернышевским: «С точки зрения, на которую становится г. Благовещенский, история древнего мира приобретает самый живой интерес для нашего времени» (Современник. 1855. № 5). В жанре сатиры Б. нашел тему, позволившую ему органично соединить элементы филол. критики с реальным комментарием, а лит. дарование Б. обеспечило читательский успех его очеркам **«Сабинское поместье Горация»** (РВ. 1856. № 4) и **«Гораций и его время»** (ОЗ. 1857. № 3–4, 6, 10, 12), впоследствии включенным в книгу **«Гораций и его время»** (СПб., 1864; Варшава, 1878). В них Б. набросал психологически приближенный к читателю Нового времени, выгодно отличающийся от бесцветного школьного образа портрет Горация и защитил поэта (идеал грядущего «европеизма») от традиционных обвинений в сервильности: «Гораций более, чем многие другие писатели древности, носит в своей прекрасной личности отблески этого идеала» (Там же. С. 189). Оживляли изложение и субъективные оценки Б., готового, напр., «не задумавшись, отдать всю безжизненную декламацию Сенеки» за высокое нравственное чувство «отцовского» пассажа Горация в Sat. I, 6 (Там же. С. 21).

Горациана Б. вызвала похвалы разных критиков (сам Б. особенно ценил отзыв Цветаева в «Народной и детской библиотеке». — 1879. № 6): «Сочинение ученого профессора отнюдь не какая-нибудь компиляция <...>. Это, во-первых, строгая критическая проверка прежних исследований и выводов <...>, во-вторых, тщательное сличение как между собою, так и с источниками, в-третьих, завершение <...> работы самостоятельными выводами» (ЖМНП. 1864. Апр. С. 15; подпись: И).

Наибольшей своей удачей Б. называл прозаический перевод Персия (**Сатиры Персия** // ЖМНП. 1870. Сент.; 1871. Янв.; Май; Июль; Дек.; 1872. Март; Май; и отд. отт. — 1873): «Я особенно ценю мою систематическую и непрерывную критику Казобона в примечаниях к моему переводу сатир Персия» (Венгеров. Словарь. Т. 3. С. 339). Вероятно, обращением к сложному для толкования автору Б. хотел возразить и недоброжелателям, числившим его по разряду лит. публицистов («фельетонных ученых») и компиляторов [см. отклик К. Ф. Нейлова (Заметка по поводу статьи Н. М. Благовещенского «Римский сатирик Персий» // ФЗ. 1867. № 2. С. 5) на статью Б. «**Римский сатирик Персий**» (РВ. 1866. № 10): «Мы вдруг проникли в самую сокровенную глубину литературной мастерской г. Благовещенского и, к величайшему удивлению, мы увидели, что он не только очень коротко знает Тейфеля <...>. Мы также удостоверились, что вся статья не более, как очень ловко составленное извлечение из предисловия Тейфеля»]. Обвинениями подобного рода взрывался в минуты обиды и В. И. Модестов: «Его статьи — компиляции популярных немецких книг» (Скептицизм в римской истории. Казань, 1869. С. 6). Обращался Б. и к творчеству третьего знаменитого сатирика — Ювенала; его первые лекции о нем (**Ювенал. Две публичные лекции**. СПб., 1860) — «ненаучные и основанные на случайном материале», по мнению А. В. Олсуфьева (ЖМНП. 1886. Май. С. 92), имели необыкновенный успех у публики. Б. опубликовал также прозаические переводы сатир III, VII, VIII, X Ювенала (ЖМНП. 1884. Апр.; 1885. Янв.; 1886. Февр.; 1890. Янв.) и обстоятельную отрицательную рец. на сочинение «Римская сатира и Ювенал» Д. И. Нагуевского (ЖМНП. 1881. Ноябрь.). В ист.-лит. наследии Б. присутствуют и сопоставительные этюды, навеянные знакомством с трудами сравнительно-ист. школы в германском

и отеч. литературоведении: «**Взгляд Нибура и Грота на Александра Велико-го**» (Рус. слово. 1860. № 1) и «**Пермские сказочники и Петроний**» (Там же. № 9). Молодой Б. верил в облагораживающее влияние классицизма на российское общество: «Глубина мыслей, сила, благородство чувствований и красота формы и выражения лучше займут и вознаградят употребленное на них время, чем все эфемерные явления современной литературы» (**О добровольном чтении книг учениками гимназий** // Журн. для воспитания. 1859. № 5. С. 337); как чл. Учен. комитета пропагандировал «всестороннее развитие гимназиста». В 1859 безуспешно добивался возобновления альманаха «ПроPILEи» в Петербурге (на средства гр. Г. А. Кушелева-Безбородко). Входил, наряду с И. И. Срезневским и М. Сем. Кутургой, в число наиболее уважаемых лекторов ИФФ 1850-х, лекции (по-латыни) читал, по воспоминанию Помяловского, «voce viva», лишь изредка заглядывая в конспект (БС СПб. ун-та. Т. 1. С. 56).

Сохранилось много лестных оценок его манеры преподавания: «Единственно живую личность на этом факультете был Н. М. Благовещенский, <...> хороший лектор и в курсе своего предмета — латинской словесности» (Пантелеев. С. 186); «Во всей его личности, в манерах, в дикции — во всем выделялся настоящий блестящий оратор, трибун, призванный говорить толпе и ее импонирующий — и такая манера держать себя с достоинством, такое несколько приподнятое чтение лекций действовало на молодежь очень внушительно» (*Острогорский В.* Из истории моего учительства. СПб., 1914. С. 36–37) и др. Но наиболее талантливые из учеников Б. рано перерастали его науч. эссеистику [Н. Д. Добролюбов, писавший у Б. сочинение «О Плавте и его значении для изучения римской жизни», восхищался им на первом курсе: «Ах, если бы Вы слышали нашего Благовещенского.

Как живо и увлекательно читает он “Энеиду” и делает объяснения на латинском языке» (Добролюбов. Т. 9. С. 53), но три года спустя уже критически противопоставлял его Срезневскому: «В десять раз больше <чем Срезневский> о себе думает и, следовательно, к образованию способен уже во 100 раз менее» (Там же. С. 247)].

Благодарное отношение к Б. сохраняли все, направленные им «идти по ученой дороге». Он привлекал учеников и практической опекой: хлопотал о стипендиях, защитах, командировках, рекомендациях, приглашал домой для обсуждения литературы. Не боялся разделить и ответственность за поведение слушателя: помня о своей критике «формалистов», лично защищал в МНП Модестова, которого отзывали из командировки после публикации критич. отчетов о германских профессорах (*Модестов*. С. 6). Их общение прервалось в 1868 по вине Модестова, грубо возразившего на отзыв Б. о докт. дис. (ЖМНП. 1868. Ноябрь. С. 640–643), после чего Б. уже не отвечал ученику «ради нелюбви к резкостям» (Венгеров. Словарь. Т. 3. С. 335).

Любезный, с изысканными манерами (кто с уважением, кто иронически называл его за эту необычную для разночинца черту *marquis de Blagowestschensky*) и живой речью, Б. любил общество: А. В. Никитенко неоднократно упоминает в дневнике о «средах» Б. (Никитенко, указ.). И в Варшаве Б. и его «богатая жена южного типа, сравнительно молодая и красивая» (Надежда Осиповна, урожд. Лури; о неожиданной женитьбе Б. см. письмо Стасюлевича 1864: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1. СПб., 1911. С. 158) также держали открытый дом (*Тур*. С. 429). Адм. рвением на ректорском посту Б. не отличался: студенты чаще сталкивались с ним на улице, чем в ун-те: «Редко он посещал лекции и главным образом являлся тогда, когда в одной из аудиторий предстояло чтение первой лекции вновь

назначенного профессора» (*Тур*. С. 429). Н. И. Костомаров (Автобиография. М., 1922. С. 314), лично знакомый с Б., высоко ценил его порядочность, называя ложью «либералов» намеки о «пролагании себе дороги» интригами. Н. И. Кареев (Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 157–159) вспоминал Б. как человека, «любившего помпу, но, в сущности, очень доброго», который пытался держать баланс «между русским и польским элементами» (чем заслужил неприязнь «обрусителей» во главе с попечителем А. Л. Апухтиным; К. М. Тресс сообщал Помяловскому о ликовании варшавской «русской партии» в связи с заменой Б. на посту ректора Н. А. Лавровским. — РНБ. Ф. 608. № 1337. Л. 28, 30). Б. лучше всего реализовался как педагог-просветитель. В нем слушатели 1850-х «увидели впервые настоящего профессора древней филологии из природных русских, с широким и светлым взглядом на изучение древнего мира» (Григорьев. С. 235).

Литература: *Помяловский И. В.* Н. М. Благовещенский (некролог) // ЖМНП. 1892. Сент.; *Модестов В. И.* Н. М. Благовещенский // ИО. 1892. Т. 5. Отд. 2; *Тур К. Н.* Студенческие годы // РС. 1912. № 9; *Жебелёв С. А.* Введение в археологию. Пг., 1923; *Михальченко С. И.* Историко-филологический факультет Варшавского университета. 1869–1917 гг. Брянск, 2005; *Gubernatis A.* Dictionnaire international des écrivains du monde latin. Rome; Florence, 1905; Sandys. Vol. 3 ♦ Воронов; Григорьев; Брокгауз; Нагуевский; БС СПб. ун-та; Прозоров; Веселовский; БС Казан. ун-та; Венгеров (Словарь, Источники, Список); Черняев; БС МАО; Языков; РБС; Свясов; Филол. ф-т 2002; Дроздов и Федорченко; Фролов 2006; Сайтов 2006; Бузескул 2008; Тункина 2017.

Архивы: *Отд. документы и письма:* ОР РНБ. Ф. 37 (А. И. Артемьев), 255 (Н. А. Добролюбов), 377 (И. П. Корнилов), 585 (С. Ф. Платонов), 608 (И. В. Помяловский) и др.; ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ), 14 (Петерб. ун-т; Оп. 1. № 5176 — ф. с. 1852), 139 (Канцелярия попеч. Петерб. УО), 114 (Археол. ин-т); РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров).

В. П. Смышляева

БЛУМЕНАУ**Леонид Васильевич**

BLUMENAU L. V.

[8(20).9.1862, Великолукский у. Псковской губ.; по др., с. Шум Новолодожского у. Петербургской губ. — 9(10?).11.1931, Ленинград; Смоленское лютеранск. кладб.], *переводчик, по основной профессии врач-невролог*

Воспитывался в культурной нем. семье; ради обучения сына в Петерб. 1-й гимназии (1872–1880) родители переехали из сельск. усадьбы в Петербург. По окончании гимназии занимался на естественном отделении Петерб. ун-та, затем перевелся в ИВМА. Выпущенный (1886), был оставлен при каф. «для усовершенствования в нервных болезнях», защитил при Академии дис. («**К учению о давлении на мозг**», 1889; д-р медицины), стажировался в клиниках Германии, Италии, Франции (1889–1892). По возвращении в Петербург — прив.-доц. ИВМА. В 1897 как бывший стипендиат воен. ведомства был направлен в Уяздовский госпиталь (Варшава) ординатором психиатрич. отделения. Отслужив положенный срок, возвратился в Петербург (1903), где до последних дней занимал должность проф. (и зав. каф. невропатологии) Клинического ин-та вел. кн. Елены Павловны (далее ЛенГИДУВ, н. СПбМАПО) и руководил клиникой ин-та. Преподавал также на Педагогических курсах (с 1904). Активно участвовал в общественной и науч. жизни Петербурга (Ленинграда): предс. Общ-ва образования и воспитания дефективных детей (1909–1914), чл. Ученого совета Наркомздрава (1918–1920), чл. Совета по нервно-психич. болезням при Губздравотделе (с 1920), предс. Общ-ва невропатологов (с 1924) и др. Состоял в редакциях некоторых мед. изданий.

С детства отличался лингв. способностями, что в совокупности с разносторонним образованием позволило ему со временем читать науч. литературу на девяти языках. Греч. язык в гимназии учил у Э. А. Верта и Э. Ю. Кёрбера. В ун-тские годы продолжил «интересоваться вопросами классической филологии и античной литературы» (**Греческие эпиграммы**. М.; Л., 1935. С. XIV). Лит. переводом, вероятно, увлекся студентом: 1880-е — время расцвета в Петербурге лит. студ. объединений. По воспоминанию Е. Стеблова (Советская психоневрология. 1934. № 4. С. 137), Б. слыл в дружеском кругу «даровитым поэтом», охотно читал собственные стихи (в т. ч. несохранившуюся поэму «Ипатия») и переводы (помимо антич. переводил европ. поэзию; известно его увлечение творчеством Н. Ленау). Возвратившись в Петербург, Б., возможно, еще посещал лит. объединения: первые его поэтич. публикации (в «Русской мысли» и «ВЕ»; под псевд. Леонид Долинин) «благословили» в 1910-х известный народовец и поэт-сциентист Н. А. Морозов. Любитель чтения, обладавший хорошей филол. эрудицией и б-кой, Б. охотно знакомил коллег-медиков с книжными новинками, включал лит. иллюстрации в науч. труды по психоанализу (см. его статью: **К вопросу о Гамлете** // Вестн. психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. № 6). Большая часть лит. наследия Б. осталась неопубликованной. Счастливым исключением стал перевод эпиграмм Палатинской антологии, составлявший частную, но чрезвычайно серьезную сторону жизни Б. Сборник «Греческие эпиграммы» (под ред. и с дополнениями Ф. А. Петровского), изданный, по версии С. Я. Маршака (Собр. соч. М., 1971. Т. 6. С. 351–354), «благодаря стараниям и заботам А. М. Горького», стал для своего времени самым полным собранием рус. переводов этого жанра. Увлеченность

и талант Б. дополнялись ответственным подходом к изучению источника и опыта предшественников, стремлением к точной передаче смысла и ритма. Б. консультировался у ун-тских эллинистов и читал свои переводы на заседаниях Кружка друзей греч. языка при Научно-исследовательском ин-те языков Востока и Запада (1926 и 1928). Рукопись его собрания переводов была просмотрена руководителем кружка Ф. И. Успенским, а при подготовке к изданию отрецензирована по просьбе изд-ва «Academia» М. М. Покровским (Греческие эпиграммы. С. VII). Во вступительной статье к сборнику Б. рассуждал о развитии эпиграмматического жанра и его традиции, обосновал принятую им структуру книги (расположение эпиграмм по авторам) и отбор текстов для перевода: «При выборе эпиграмм отдавалось предпочтение не только стихотворениям, имеющим художественную или идейную ценность, но и представляющим интерес в историческом, бытовом отношении или хотя бы личностью их автора» (Там же. С. XXIV). Выполненные Б. переводы Симонида Кеосского, Иона Эфесского, Платона, Гегесиппа, Эринны, Аниты, Филета Кеосского, Посидиппа, Каллимаха, Гедилы, Асклепиада Самосского, Леонида Тарентского, Диоскорида, Антипатра Сидонского, Филодема, Мелеагра и др. как лучшие, а иногда и единственные, навсегда вошли в отеч. переводческий канон жанра и включались во все хрестоматии и антологии греч. поэзии, в т. ч. «Греческую эпиграмму» (М., 1960), «Античную лирику» (М., 1968), «Парнас» (М., 1980), «Эпиграммы греческой антологии» (М., 1999). Замены переводов Б. новыми вариантами иногда вызваны «техническими обстоятельствами», напр., отсечением части стихотворения в его переводе (АР XII, 43):

«Не выношу я поэмы киклической, скучно дорогой / Той мне идти, где спует в разные стороны люд; / Ласк, расточаемых

всем, избегаю я, брезгаю воду / Пить из колодца: претит общедоступное мне» (Б.), «Кикликов стих ненавижу; дорогой идти проторенной, / Где то туда, то сюда толпы бредут, не хочу. / То что нравится многим, не мило мне; мутную воду / Пить не хочу из ручья, где ее черпают все. / «Ах, как Лисаний красив, ах дружок!» — не успеешь промолвить, / Ахнет и Эхо: «Ах, друг, это другой уж сказал»» (М. Грабарь-Пассек — в кн.: *Александрийская поэзия*. М., 1972).

Е. Стеблов помимо признания мед. и общегуманитарной эрудиции Б. уважительно отзываясь о его человеческих свойствах, в т. ч. патриотизме (в 1919 на совет коллег эмигрировать он ответил декламацией собственного стихотворения, заканчивающегося словами «у русского поэта с родной землей нерасторжимы узы»). Автор 60 науч. трудов, преимущ. по анатомии и физиологии мозга (главный посвящен механизмам функционирования нервной системы: **Мозг человека**. СПб., 1907–1913; ²1925), Б. вплоть до внезапной кончины (от сердечного приступа) сохранял завидную ясность ума и живость восприятия.

Литература: *Будагов М. Л.* Семидесятилетия Благородного пансиона и Петербургской первой гимназии. 1817–1892. СПб., 1895; *Вайнштейн З. М.* Проф. Л. В. Блуменау // Журн. усовершенствования врачей. 1927. № 4; Вопросы неврологии: сборник работ, посвященный памяти проф. Л. В. Блуменау. Л., 1957 (библиогр. работ по медицине); *Шульц Ю. Ф.* Л. В. Блуменау // Журнал невропатологии и психиатрии. 1963. Т. 63. Вып. 1. С. 140; *Ошеров С.* Найти язык эпох. М., 2001; *Волков В. А., Куликова М. В.* Российская профессура. XVIII — начало XX в. Биол. и мед.-биол. науки: биогр. словарь. СПб., 2003; *Русские и российские психиатры, невропатологи и психотерапевты: биогр. справочник*. СПб., 2011 ♦ Брокгауз; Венгеров (Список); Большая мед. энциклопедия. Т. 3. М., 1957; Свиясов; НР.

Архивы: Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров); ЦГИА СПб. Ф. 114 (Петерб. 1-я гимназия).

В. П. Смышляева

**БОБРИНСКИЙ (БОБРИНСКОЙ)
Алексей Александрович, гр.**

BOBRINSKIJ / BOBRINSKOJ A. A.,
comte

[19(31).5.1852, Петербург —
2.9.1927, Ницца; рус. кладб. Кокад],
археолог, предс. Имп. Археол.
комиссии, гос. деятель

Правнук основателя графского рода — Алексея Григорьевича Бобринского (1762–1813), сына Екатерины II и Григория Орлова. Граф Б., как старший сын в семье, по закону не был военнообязанным, а потому его образование сразу было нацелено в область гуманитарных наук. По выражению его сына, Гораций и Вергилий стали для будущего ученого «родными знакомыми» [*Бобринской А. А. Граф Алексей Александрович Бобринской (1852–1927). Сын об отце // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4. СПб., 2003. С. 485*]. Получил домашнее образование под руководством выдающегося педагога В. Я. Стоюнина, затем в г. Вэвэ (Швейцария) окончил школу, основателем которой был Ж.-Ж. Руссо.

В 1870 поступил на юрид. ф-т Петерб. ун-та. В мае 1872, после окончания второго курса, был вынужден оставить ун-т по состоянию здоровья. После лечения и пребывания за границей, в 1873 поступил на гос. службу в канцелярию Комитета министров. В последующие годы занимал высокие посты: предс. ИАК (1886–1918), вице-президент Академии художеств (1889–1890), сенатор (с 1896), чл. Гос. совета (1912), тов. министра внутренних дел (март–июнь 1916), министр земледелия (июль–нояб. 1916). Был избран Санкт-петерб. уездным предводителем дворянства (с 1875), губернским предводителем петерб. дворянства (с 1878), предс. Совета объединенного дворянства (с 1906), депутатом III Гос. думы (1907). Награжден многими

орденами Российской империи, в т. ч. орденом Андрея Первозванного, а также франц. орденом Почетного легиона.

Археологией заинтересовался в детстве. На рубеже 1870–1880-х начал производить раскопки курганов на территории своего имения Смела в Киевской губ., а также в его окрестностях. Эти раскопки продолжались много лет (*Бобринской А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы: в 3 т. СПб., 1887–1901*). В 1882 Б. избран д. чл. РАО; в 1884 был его представителем на VI Археол. съезде в Одессе. В 1885 стал д. чл. Одесского общ-ва истории и древностей.

1 февр. 1886 Б. был назначен предс. ИАК и исполнял эту должность до 1918; после Февральской революции 1917 учреждение стало именоваться Российской гос. археол. комиссией (РГАК). На этом посту Б. сделал очень много полезного для развития отеч. археол. науки: ввел систему выдачи разрешений на проведение раскопок (открытых листов), добился расширения штата ИАК, увеличения ее финансирования, серьезного улучшения издательской деятельности и т. д.

Изучение классич. древностей Северного Причерноморья в это время оставалось одним из приоритетных направлений деятельности Комиссии. Членами ИАК стали такие видные антиковеды, как В. В. Латышев, Б. В. Фармаковский, С. А. Жебелев, с сотрудничеством с ней были привлечены Ю. А. Кулаковский, М. И. Ростовцев и др.

В конце XIX в. Боспор Киммерийский был главной «жемчужиной» в венце антич. археологии России, и не удивительно, что именно здесь Б. провел самостоятельные исследования (*Виноградов Ю. А. Императорская Археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Имп. Археол. комиссия. С. 356–360; Он же. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха*

Императорской Археологической комиссии (1859–1917) // Боспорские исследования. 2012. Вып. 27. С. 259–263). В 1888–1889 он предпринял раскопки на самом зап. кургане некрополя Юз-Оба («Сто холмов») под Керчью, очевидно, т. н. кургане Мирзы Кекуватского, и открыл здесь монументальный каменный склеп IV в. до н. э. Довольно масштабные раскопки были произведены также в самой Керчи (древний Пантикапей) и ее окрестностях. Особого внимания заслуживает открытие в 1891 части аристократич. курганного некрополя Пантикапея V в. до н. э., перекрытого мощным слоем более позднего «пепелища».

В авг. 1887 Б. посетил раскопки Херсонеса Таврического. С 1888 там начались исследования, порученные К. К. Косцюшко-Валюжиничу (после его смерти зав. раскопками стал Р. Х. Лепер, а с сент. 1914 — Л. А. Моисеев). В результате проделанных под руководством Археол. комиссии работ в Херсонесе были изучены постройки, относящиеся к различным этапам истории города,

его фортификационная система, многочисленные погребения городского некрополя (Стоянов Р. В. Императорская Археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Имп. Археол. комиссия. С. 527–555). Б. подготовил объемную монографию, посвященную истории антич. и средневекового Херсонеса, **«Херсонес Таврический: исторический очерк»** (СПб., 1905).

На Ольвию Б. обратил внимание в год своего вступления в должность предс. ИАК (Виноградов Ю. А., Мусин А. Е. Императорская Археологическая Комиссия и исследование древней Ольвии // Имп. Археол. комиссия. С. 493–521). Организация раскопок на памятнике была связана с немалыми трудностями. Во-первых, не хватало квалифицированных специалистов, а во-вторых, требовалось урегулировать взаимоотношения с владельцами земли Мусиными-Пушкиными. Все эти проблемы разрешились лишь в начале XX в. В 1901 раскопки ольвийского некрополя провел Б. В. Фармаковский, а с 1902 началось комплексное изучение памятника, т. е. не только некрополя, но и городища. Благодаря целенаправленным усилиям ИАК, городище Ольвии стало одним из ценнейших памятников классич. культуры на сев. берегу Черного моря.

Граф Б. был хорошим организатором археол. исследований. В 1911 исполнилось 25 лет со дня его вступления в должность предс. ИАК, что было отмечено публикацией сб. науч. трудов «ΠΡΟΕΔΡΩΙ ΔΩΡΟΝ: сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому» (СПб., 1911). В Предисловии между прочим сказано: «Вы, граф, обладаете редчайшей способностью привлекать к себе симпатии всех, кому выпадает на долю вступать в близкое общение с Вами, и неотразимо действовать на них обаянием Вашей личности. Для всех Ваших сотрудников по Комиссии работа в ней под

Вашим благожелательным руководством представляет собой не тяжелый обязательный труд, а истинное наслаждение». Под этими словами подписались многие видные исследователи: В. В. Латышев, Р. Х. Лепер, М. И. Ростовцев, В. В. Шкорпил, Э. Р. Штерн, Б. В. Фармаковский, М. В. Фармаковский и др.

После Февральской революции Б. оставался во главе РГАК, сохранив этот пост и после Октября. Большевистский Петроград он покинул в июле 1918, отправившись в командировку на юг России, как сказано в заявлении, с целью «осмотра древних городищ, на которых Комиссия производит раскопки» [НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1886 г. (sic!) Д. 8. Л. 165]. В числе этих городищ были названы Керчь (Пантикапей), Севастополь (Херсонес) и Парутино (Ольвия). В Петроград из этой командировки Б. уже не вернулся. В 1919 г. на франц. пароходе из Одессы он направился в Константинополь, откуда в 1921 перебрался во Францию и проживал до конца своих дней в Ницце.

Литература: Дневник А. А. Бобринского (1910–1911 гг.) // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 127–150; Воспоминания А. А. Бобринского (1880–1881 гг.) // Каторга и ссылка. 1931. Кн. 3. С. 73–129; *Петрова М.* Из прошлого рода графов Бобринских // *Вопр. истории.* 1993. № 5. С. 171–176; *Тихонов И. Л.* Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог граф А. А. Бобринский // *Знаменитые универсанты: очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета.* Т. 1. СПб., 2002. С. 72–88; *Тихонов И. Л.* Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринский // *Невский археолого-историограф.* сб.: к 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова. СПб., 2004. С. 95–115; Клейн 2014. С. 372–389 ♦ Брокгауз; Шиллов; Имп. Археол. комиссия; Тункина 2017.

Архивы: НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1886 г. Д. 8. Л. 5–12, 146–149, 169–189, 200–213, 216–266 (ф. с.).

Ю. А. Виноградов

БОГОЛЕПОВ Николай Павлович

BOGOLEPOV N. P.

[27.11(9.12).1846, г. Серпухов — 2(15).3.1901, Петербург; Дорогомиловское кладб. в Москве],
юрист, историк права, педагог, гос. деятель

Родился в семье квартального надзирателя П. В. Боголепова и Э. К. Фильгабер. Отец стремился дать ему хорошее образование, для чего нанял лучшего в Серпухове учителя, окончившего филол. ф-т Моск. ун-та. Сам Б. писал о нем: «Помню, что уроки его были прекрасны и интересны. Он систематически восставал против неосмысленного заучивания уроков, которое тогда было в большом ходу» (**Записка о самом себе** // РА. 1906. № 3. С. 369). Среднее образование получил в 1-й Моск. гимназии (1864). Окончил юрид. ф-т Моск. ун-та (1868). Поступил на службу в уголовный деп. Сената, а через год был оставлен при ун-те для подготовки к званию проф. по каф. гражданского права под руководством проф. В. Н. Никольского. С 1870 читал лекции по законоведению в Александровском воен. уч-ще, в 1873 приглашен на юрид. ф-т Моск. ун-та. В 1876 защитил магист. дис. «**Значение общенародно-го гражданского права (jus gentium) в римской классической юриспруденции**», был избран доц. Моск. ун-та и командирован на два года за границу. Во время командировки посещал лекции в ун-тах Германии, Франции и Англии. В 1879 женился на Е. А. Ливен (1849–1915). В 1881 защитил докт. дис. «**Формулы ограничения свободы завещаний в римской классической юриспруденции**» и был назначен орд. проф. Моск. ун-та по каф. римск. права. В 1883 избран ректором Моск. ун-та. С 1885 начал читать в дополнение к лекциям по

истории римск. права курс по римск. гражданскому праву и вести семинар по этому курсу. В 1887 покинул пост ректора. В 1890 издал для своих студентов **«Пособие к лекциям по истории римского права»** (М., 1890), ставшее основой для **«Учебника истории римского права»** (М., 1895). В 1891 — вновь ректор Моск. ун-та, а в 1895 — попечитель Моск. УО. В 1898 занял пост министра народного просвещения и переехал в Санкт-Петербург. 27 февр. 1901 в здании МНП ранен выстрелом бывшего студента Моск. ун-та П. В. Карповича. Умер от заражения крови 2 марта 1901.

Поступление в моск. гимназию на несколько лет оторвало Б. от родителей, а смерть отца в конце его гимназич. обучения вынудила начать давать уроки, с тем чтобы позаботиться о семье. В этот период ему оказал поддержку директор гимназии М. А. Малиновский, который рекомендовал его в качестве учителя в дом сенатора, кн. А. К. Ливена. Видимо, именно этому знакомству Б. был обязан устройством по окончании ун-та на службу в 6-й деп. Сената.

Кроме лекций Б. Н. Чичерина, которые произвели на Б. сильное впечатление, мало что оставило у него воспоминания от учебы в ун-те. Выпускное сочинение Б. «Об обычном праве» было забраковано ф-том, как писал позднее сам автор, «совершенно справедливо», т. к. тема оказалась непосильной для студента, а работал он самостоятельно, без чьего-либо руководства (Записка... С. 372). Тем не менее, весной 1869 по совету специалиста по гражданскому и международному праву проф. М. Н. Капустина Б. оставил службу и приступил к изучению римск. права. Б. особо отмечал требование своего наставника В. Н. Никольского — начинать изучение со знакомства с первоисточником и лишь затем переходить к современной литературе. Этому правилу в дальнейшем он сам будет следовать в своих занятиях со студентами (см.: Записка... С. 372).

Начало преподавания в Александровском воен. уч-ще заставило Б. более глубоко заняться общими вопросами права, в частности, уголовным правом. После сдачи магист. экзамена он начал вести практич. занятия и читать лекции также и в Моск. ун-те. Знакомство с сочинением М. Фойгта (*Das jus naturale: Aequum et bonum und ius gentium der Römer*. Bd. 1–4. Leipz., 1856–1876) навело его на мысль ознакомиться с состоянием *ius gentium* во времена классич. юристов. Ввиду общности многих положений у Фойгта и Б., магист. дис. последнего подверглась обвинениям в заимствовании ряда выдвинутых его нем. предшественником выводов ([Рец.:] Значение общенародного гражданского права (*jus gentium*) в римской классической юриспруденции. Соч. Боголепова. М., 1876 г. // Сборник государственных знаний / под ред. В. П. Безобразова. Т. 3. СПб., 1877. С. 56–59), однако в 1876 она была успешно защищена, после чего Б. получил возможность отправиться за границу. Во время командировки он посещал лекции видных нем. ученых того времени: О. Карловы («История

римского права») и К. Фишера («История новейшей философии») в Гейдельберге, а также Р. фон Иеринга («Пандекты») в Гёттингене. Последний оказал особое влияние на выработку собственного науч. подхода Б., который в предисловии к докт. дис. объявил себя сторонником Иеринга, призывавшего отказаться от восприятия римск. права сквозь призму его многовековой рецепции и практич. применения в Германии, с желанием вернуться к собственно римским корням правовых ин-тов (Венгеров. Словарь. Т. 4. С. 153).

Именно под этим углом зрения была написана докт. дис.: автор старался представить ин-т формальных ограничений свободы завещания в римск. юриспруденции в связи с изучением потребностей римск. жизни и условий времени. В рец. на эту работу указывалось, что она принадлежит к немногочисленным исследованиям, где право не отрывается от жизни, а наоборот, признается за отрасль общественной жизни и рассматривается во взаимодействии с другими ее сторонами ([Рец.:] Формулы ограничения свободы завещаний в римской классической юриспруденции. М., 1881 // Юрид. вестн. 1881. Т. 7 (авг.). С. 651–655).

Ректорство Б. в Моск. ун-те в 1883–1887 пришлось на переходный период в истории рус. высшей школы. В 1884 был введен новый ун-тский устав, который ограничил сферу самоуправления и поэтому был враждебно встречен профессорами и студентами. Б. во времена своей молодости принадлежал к лагерю либералов-конституционалистов. Его супруга вспоминала, что в 1870-е он нередко собирал у себя друзей по ун-ту (*Боголепова*. С. 29–30).

Как указывает В. А. Томсинов, Б. после своего назначения ректором не только не перестал преподавать ист. римск. права, но с 1885 начал читать курс и вести семинар по гражданскому праву эпохи Юстиниана. Этим занятиям он посвящал по девять часов в неделю в течение

всего учеб. года [*Томсинов В. А. Николай Петрович Боголепов (1846–1901): биографический очерк // Боголепов Н. П. Учебник истории римского права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 8].*

Внезапная смерть обоих детей Б. в 1887 лишила его воли к работе. Он покинул пост ректора и прекратил заниматься наукой. Лишь рождение год спустя дочери Марии возродило его к жизни. Уже в 1890 Б. начал издавать исключительно для своих слушателей первое в своем роде «**Пособие к лекциям по истории римского права**»: до этого студенты прибегали к литографированию своих конспектов. В 1895 это пособие Б. было дополнено и переиздано в виде «**Учебника истории римского права**», который положил начало «правильному», т. е. систематическому преподаванию этой дисциплины на юрид. ф-тах в России.

В своем учеб. пособии Б. не ограничивался пересказом общепринятых в науке взглядов, излагаемых им по существующим нем. пособиям, а высказывал и собственные гипотезы. Примером таких спорных утверждений является разделяемое автором убеждение в том, что *lex curiata de imperio* (а вместе и формальное разграничение понятий *imperium* и *potestas* в царской власти) возникает в результате реформы Сервия Туллия (Учебник истории римского права. М., 1895. С. 44–45). В подтверждение приводилось единственно то соображение, что патриции не могли полностью уступить центуриатному собранию право избрания царя и наделения его властью, т. к. в этом собрании они оказывались в меньшинстве. Именно поэтому, полагал Б., часть царской власти, связанная с воен. сферой деятельности царя, была оставлена в ведении куриатного собрания.

Яркую характеристику Б. в этот период оставил его швейцарский знакомый И. В. Видман, который встречался с ним в Берне в 1893: «Этот прозрачно-бледный человек, необыкновенно высокого роста,

с чем-то аскетическим на спокойном, мыслящем лице, казался мне посетителем из другого света, чем-то вроде Зороастра или Платона, который на несколько часов покинул свое в голубой дали лежащее царство, чтобы немного осмотреться в современном нам мире. По этим особенностям он казался мне старше меня, хотя ему было только 47 лет и он был на 4 года моложе меня» (*Видман И. В.* В память о Николае Павловиче Боголепове // РА. 1906. № 2. С. 315).

Напряженная полит. атмосфера 1890-х в Моск. ун-те отразилась в записках Б. Но если студенческие волнения находили сочувствие у большей части либерально настроенной профессуры, то Б., напротив, был уверен, что в ун-те студенты должны в первую очередь учиться, а не заниматься общественной деятельностью. В 1890 студентам вздумалось протестовать против практич. занятий, введенных Б. ранее. Им представлялось, что занятия, где от студентов ожидается самостоятельная работа, принижают их до степени гимназистов. Между Б., студенчеством и коллегами росло недопонимание и отчужденность [см.: **Страница из жизни Московского университета (из записок профессора Н. П. Боголепова).** М., 1911].

С 1895 Б. перестал заниматься наукой и преподаванием. Его деятельность на посту ректора, а затем попечителя Моск. УО вызывала все большее недовольство студенчества. Впрочем, необходимо заметить, что наряду с репрессивными мерами по удалению из ун-та зачинщиков студ. беспорядков (что ставилось ему в вину) именно Б. был одним из авторов идеи студ. общежитий. Первые такие общежития были открыты в Москве, когда он стал министром народного просвещения.

О своем новом назначении Б. узнал из телеграммы тов. министра народного просвещения Н. М. Анчицкова, полученной 18 янв. 1898. В мемуарах его жены сохранились свидетельства того, насколько тяжело ему далось решение

о переезде в Петербург и принятии нового и малознакомого для него поприща (*Боголепова.* С. 156–158). В высших правительственных кругах к Б., по всей видимости, относились как к неопытному в адм. делах человеку, которым будет легко манипулировать. По крайней мере, насколько можно судить, конфликт Б. с министром финансов С. Ю. Витте был вызван нежеланием последнего идти на значительное увеличение финансирования МНП, которого потребовал Б., считавший, что без этого ставить вопрос о каких-либо реформах в системе образования не имеет смысла.

На посту министра Б. успел обнаружить циркуляр о средней школе (ради общественного обсуждения намечавшейся реформы), учредить пед. музеи при дирекциях народных уч-щ, а также пенсионную кассу для учителей и добиться общего увеличения ассигнований на нужды народного просвещения. Будучи принципиальным противником идеи подготовки преподавательских кадров для российских ун-тов за границей, он последовательно выступал против Рус. ин-та римск. права при Берлинском ун-те (расформирован в 1896; РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Ед. хр. 918. Л. 194–197). В то же время в ун-тах было разрешено устройство студ. кружков, которые расцвели в Петерб. ун-те в первые годы XX в.

В воспоминаниях бывших студентов Б. отнюдь не всегда предстал в образе бездушного реакционера. Учившийся на юрид. ф-те в 1880–1884 будущий педагог А. Д. Алфёров вспоминал: «Вступая в университетские аудитории, я уже слышал, что есть среди профессоров некто Боголепов, который безжалостно режет студентов на экзамене, и не без интереса, пожалуй — не без тревоги, всматривался на первой лекции в несколько бледное лицо высокого и худого человека, который спокойно, серьезно и очень понятно излагал свой предмет. Никаких фраз, никакой погони за внешним блеском

в его лекциях никогда не было; но забота о ясности и последовательности изложения, эта добросовестная педагогическая обработка всегда в них чувствовалась» (Боголепова. С. 60).

Вклад Б. в изучение римск. права оказался не слишком значительным. В то же время он оставался педагогом в первую очередь, и в связи с этим важно оценить результаты его деятельности в этой сфере. Следующие слова Б. и в наше время могли бы послужить хорошим руководством для любой реформы системы образования: «Дело преподавания — дело живое: обставлять его различными мелочными правилами по своему усмотрению и вкусу значит губить его» (Боголепова. С. 47). Учебное пособие Б. по истории римск. права стало не только первым подобным опытом, но и одним из лучших по содержанию и ясности изложения. Увеличение доли практич. занятий со студентами было большим шагом вперед в сфере ун-тского преподавания. В целом этот человек трагич. судьбы, девизом которого, согласно утверждению его жены, являлась фраза «быть, а не казаться», заслужил того, чтобы его имя увязывалось не только с действиями, которые представлялись реакционными многим современникам, но и с определенными благими начинаниями в сфере образования, не говоря уже о нововведениях в ун-тском преподавании и собственных исследованиях в обл. римск. права.

Литература: Некрасов П. А. Николай Павлович Боголепов. М., 1901; *Боголепова Е. А.* Николай Павлович Боголепов. М., 1912 ♦ Венгеров. Словарь; Брокгауз; Шилов; *Смердов В.* Сборник биографий бывших юнкеров Александровского военного училища и Александринского сиротского кадетского корпуса. Ч. 1–3. М., 1903–1905; Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897; Любжин.

Архивы: РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Ед. хр. 917. Л. 153; Ед. хр. 918. Л. 194–197, 261–263, 283; Ед. хр. 919. Л. 92, 114–118.

А. В. Васильев

БОЛОТОВ Василий Васильевич

BOLOTOV V. V.

[1(13).1.1854, с. Кравотынь, ныне Осташковского р-на Тверской обл. — 5(18).4.1900, Петербург; Никольское кладб. Александро-Невской лавры], *историк церкви*

Окончил Осташковское духовное уч-ще (1869), Тверскую духовную семинарию (1875), СПбДА (1879). Защитил магист. дис. «Учение Оригена о Святой Троице» (1879). Проф. церк. истории СПбДА (экстр. с 1885, орд. с 1896), чл.-корр. ИАН (1893).

Б. владел рядом древних вост. языков (еврейский, сирийский, арабский), изучал также коптский, армянский, грузинский и персидский языки. Науч. интересы его лежали в обл. истории древней церкви, особенно нехалкидонских церквей, а также хронологии. Наибольшую известность принесли Б. его лекции по истории древней церкви, читанные в СПбДА. Они распространялись в литографированных копиях еще при его жизни; после кончины ученого систематич. изучением архива занялся А. И. Бриллиантов, ученик Б., издавший эти лекции в четырех томах (СПб., 1907–1918; репр.: М., 1994).

История церкви для Б. — это прежде всего история догматов. Исследования Б., которые начиная с 1884 регулярно печатались в виде небольших по объему статей в «Христианском чтении», являются открытиями, во многом опережавшими уровень науки конца XIX в. и до сих пор не потерявшими своего значения. В серии статей «Из церковной истории Египта» Б. доказывает, что рассказ о посольстве архимандрита Виктора в Константинополь — легенда; в приложении о членах братства *παράβαλανεις* или *παράβολᾶνοι* он толкует их функцию ухаживать за больными при общественных банях в Александрии; здесь же уточняет дату кончины

св. евангелиста Марка (4 апреля 63). Ряд небольшихopusов Б. посвятил церк. истории Эфиопии, эфиопскому богослужению и хронологии. Отд. заметку он написал по поводу статьи Б. А. Тураева «Часослов эфиопской церкви».

Изучение вопросов хронологии составляет неотъемлемую часть большинства науч. работ Б., для которого хронология и вообще методы точных наук, в первую очередь математики и астрономии, были универсальным и совершенно необходимым instrumentum studiorum. Использование этих методов ставит Б. в особое положение в среде историков и филологов, ибо они дали ему возможность сделать ряд открытий и выводов, недоступных его коллегам. Спец. исследования в обл. древней хронологии, а также догматики Б. были проведены в связи с его участием в комиссиях по реформе календаря (в ИАН и Святейшем Синоде). В записке **«О введении в России нового стиля»** он определенно выступает против реформы календаря. Свою точку зрения Б. мотивирует как чисто науч., так и церк.-полит. доводами. К работе в комиссии по реформе календа-

ря имеют отношение след. неопubl. статьи из архива ученого: «О пасхальном цикле у грузин и армян», «О несовершенстве астрономических инструментов в Александрии в связи с вопросом о пасхалии».

Б. принимал непосредственное участие в важнейшем церк.-полит. событии конца XIX в. — присоединении несториан-ассирийцев, живших в р-не озера Урмия в Персии, к рус. православной церкви в 1898. По мнению Б., несториан следовало принять через письменное отречение от ереси, как это практиковалось в древности. Результатом подготовки к присоединению явились не только составленные им чины для офиц. церемонии, но и серия статей **«Из истории церкви сиро-персидской»**. Предметом интересного исследования Б. явилась секта мандеев — гностиков, живших около Басры по нижнему течению реки Тигр. Эта статья более чем на 30 лет предваряет единственную монографию, посвященную мандеям. Это явление, писал Б., «представляет интерес как а) архаический остаток движения, в главном своем течении исчезнувшего давным-давно; б) как выпуклый показатель того, что гносис <...> был течением антихристианским, вел борьбу с христианством путем компромисса с ним» (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 421. Л. 7).

Важным исследованием из ранневизант. церк. истории была пространная рец. Б. на сочинение Н. Н. Глубоковского «Блаженный Феодорит епископ Киррский. Его жизнь — литературная деятельность» (М., 1890). **«Theodoretiana»** является одной из самых значительных работ Б. по византистике (опubl. в «ХЧ», 1892). Исследование Глубоковского непосредственно соприкасалось с занятиями самого Б. в обл. богословия и гл. центром его интересов — учением Нестория и полемикой вокруг него. «Сочинение производит впечатление очень выгодное. Уста тех, которым Феодоритово имя неприятно по догматическим основаниям, заграждены уже тем, что на титуле вместо эпископа красуется целое стихотворение Иоанна

Евхаитского в похвалу Феодориту» (письмо В. В. Болотова к И. Е. Троицкому от 2 марта 1890).

Спец. науч. трактатом являются восемь больших писем Б. к свящ. Дмитрию Лебедеву, студенту Вифанской семинарии, впоследствии проф. Моск. духовной академии (1892–1894; ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 27). Эти письма, в свое время подготовленные к печати, но так и не изданные, имеют своим предметом древние хронологич. системы, а также отношение Феодорита Киррского к Несторию и несторианству. Письмо об армянском церк. годе было частично опубл. Лебедевым (Христ. Восток. 1912. Т. 1. Вып. 3. С. 267–276). Кроме теоретич. рассуждений, сопровождающихся графиками и таблицами, Б. в этой переписке дает своему корреспонденту множество практич. советов касательно изучения иностр. языков (их необходимо учить как мертвые, для чтения науч. литературы), покупки книг в букинистич. магазинах, учит Лебедева не зависеть от мнения «ученой публики», так как среди нее мало «аристократов духа», которым только и следует адресовать свои труды.

Проявлял интерес Б. и к лингв. штудиям, хотя для него они играли прежде всего вспомогательную роль. «Я сам не филолог и не ориенталист, мои набегии на восточные литературы всегда имеют утилитарную цель — прочитав какой-нибудь церковно-исторический памятник», — говорил о себе Б. Живой интерес он проявлял и к нумизматике; в его архиве хранятся материалы к работе о древних монетах, основанной на сочинении Епифания Кипрского «О мерах и весах». Автор сопоставляет греч. текст с сирийским и объясняет т. о. некоторые недоразумения у Епифания; использует он также тексты некоторых житий и археол. материал.

Для большинства читателей Б. — ученый, работавший по преимущ. с изданными текстами. Однако он проявлял интерес к рукописям, о чем свидетельствуют опубл. им описания коптских

и сирийских кодексов. В 1880-х он много работал с греч. рукописями как по собственному желанию, так и по поручению своего учителя И. Е. Троицкого. В архиве ученого сохранилась копия кодекса «Церковной истории» Евсевия из Московской Синодальной библиотеки (№ 405).

Интересны наблюдения Б. по части богослужения. Так, в заметке о тропаре «Видехом свет истинный» за литургией св. Иоанна Златоуста он показывает позднее происхождение этого текста (XVI в.), считая, что его пение нарушает стройность литургии. В заметке «Об акафистах» Б. утверждает, что греч. акафист не поддается ни переводу, ни подражаниям.

Б. скончался в самом расцвете творческих сил, потому далеко не все его замыслы были осуществлены. Так и не оконченной оказалась его докт. дис. «Рустик, диакон римской церкви, и его литературные труды». Работа должна была основываться на произведении Нестория против Кирилла Александрийского, которое до тех пор считалось принадлежащим перу др. автора. Б. был убежден в том, что ересь Нестория была не более чем измышление его полит. противников. Однако И. Е. Троицкий считал неуместной попытку «обелить память общепризнанного еретика», и дис. так и не была написана. В своих основных соображениях по вопросу несторианства Б. на несколько десятилетий предварил исследования Ф. фон Лиленфельд.

В переписке Б. с коллегами привлекает внимание одно его письмо к другу и сотруднику по Академии И. С. Пальмову, написанное во время заграничной командировки последнего в 1882 (см.: Герд Л. А. Неизданное письмо В. В. Болотова к И. С. Пальмову // ХЧ. 2000. Т. 19. С. 39–81). Здесь Б. излагает свои взгляды на рус. и нем. науку, оценивает славянофильское и западнич. направления в рус. церк.-ист. науке. «Я — совсем не рыцарского толка, — пишет он. — Я только архивариус торных дорог Патрологии Миня, регистрирующий

то, что другим, вероятно, неизвестно и что нам должно бы быть известно. Никаких глубин духа (ни народного, ни общечеловеческого) я не испытываю, никаких общих вопросов я не решаю, в общие идеи верую тупо, и ищу лишь *ultraconcretissima*. Славянофильский запал Пальмова Б. беспощадно критикует и считает, что прежде чем предпринимать *Drang nach Westen*, рус. богослову следует обратить внимание на работу внутри своей страны и на отеч. науч. исследования. Учиться работать у немцев, считал Б., совершенно необходимо.

Б. поражал современников своей эрудицией и необыкновенным талантом ученого и лектора. Для потомков его ученые труды, иногда устаревшие, остаются источником не только сведений, но и вдохновения для работы.

Литература: *Рубцов М.* Василий Васильевич Болотов (Биографический очерк). Тверь, 1900; *Тураев Б. А.* Василий Васильевич Болотов // ЖМНП. 1900. Окт. С. 81–101; *Бриллиантов А. И.* Профессор Василий Васильевич Болотов: биографический очерк // ХЧ. 1910. Апр. С. 421–442; Май–июнь. С. 563–590; Июль–авг. С. 830–854; *Герд Л. А. В. В.* Болотов: обзор рукописного наследия // МРВ. С. 256–285 ♦ ПЭ.

Архивы: *Личный фонд:* РНБ. Ф. 88. Оп. 1–2.

Л. А. Герд

БРАНДТ

**Иоганн Фридрих
(Федор Федорович)**

BRANDT Johann Friedrich von

[25.5.1802, Ютербог (Бранденбург) — 3(15).7.1879, дер. Меррекуль, под Нарвой; Смоленское лютеранск. кладб. в Петербурге], *зоолог*

Изучал медицину в Берлинском ун-те, где защитил дис. о голосовых связках млекопитающих. В обл. его науч. занятий сперва входила ботаника и сравнительная анатомия. Опубл. в 1829–1831 вместе

с Ю. Т. Ратцебургом (*J. Th. v. Ratzeburg*) труд «**Medizinische Zoologie oder Getreue Darstellung und Beschreibung der Thiere, die in der Arzneimittellehre in Betracht kommen**» (Bd. 1–2. Berlin, 1829–1832) был сразу же признан как *opus magnum* и долгое время оставался каноническим. Поскольку ни эта, ни дальнейшие публикации после защиты дис. не обеспечили Б. постоянного места, он последовал предложению А. фон Гумбольдта и отправился в Санкт-Петербург, где стал адъюнктом АН. В России молодой ученый быстро адаптировался; уже в 1833 он был принят в число д. чл. Академии и стал директором Зоологич. музея, за собрание которого оставался ответственным в течение всей своей жизни. Помимо деятельности в АН преподавал в ГПИ и ИМХА. Публикации Б. по объему трудно обозримы: список работ, составленный по случаю его пятидесятилетия, насчитывает 318 названий, за многими из которых стоят труды объемом более двухсот страниц (**Ioannis Friderici Brandtii index operum omnium**. SPb., 1876). Писал Б. на нем. и лат.; конспекты его лекций выходили также по-русски (**Краткое очертание сравнительной анатомии с присоединением истории развития животных: лекции академика Ф. Ф. Брандта, читанные им в Мед.-Хир. Академии**. СПб., 1858).

В Санкт-Петербурге Б. успешно участвовал в крупных экспедициях вглубь Российской империи: в Сибирь, Центральную Азию и на Аляску — это было продолжение традиции П. С. Палласа, которого Б. особенно чтит. Экспедиции принесли большое количество ископаемых экспонатов. С 1840 к основной обл. исследований Б. относятся зоология ископаемых и доист. млекопитающие, которым посвящена значительная часть его публикаций. Вскоре Б. стал одним из самых замечательных ученых в этой обл.; работы о мастодонтах, мамонтах, шерстистых носорогах и китообразных млекопитающих принесли ему обще-

европ. признание и членство во многих науч. общ-вах. Б. стал близким другом К. М. Бэра, с которым впоследствии разделял многие науч. интересы и воззрения (об этом в особ.: Райков. Русские биологи... Т. 2. С. 145–150; Он же. Предшественники Дарвина... С. 68–71; Микулинский. 1961. С. 331–391, особ. 385–390; и др.).

В последнее десятилетие своей жизни Б., как и его старший коллега Бэр, последовательно оспаривал Дарвина, чью эволюционную теорию в России распространяли такие ученые, как В. О. Ковалевский и Г. М. Зайдлитц (*Vucinich*. С. 34–43, 64–67; *Микулинский*. С. 97 и след., 165, 364 и след.). Б. считал себя эмпириком, занимался стратиграфией наслоений и ограничивался чистым описанием феноменов и находок. С 1860 он решительно выступал против всех попыток причислить случай, естественный отбор и дарвиновскую «борьбу за существование» к факторам, определяющим развитие природы. Заботясь о своем воспроизведении, вид, как постоянно утверждал Б., отбрасывал то, что отклонялось от нормы; не приспособление и отбор сделали возможным развитие видов, а «элементарные праформы» или «пратипы», которые должны были сохраниться в арсенале природы и, несмотря на все разнообразие, не допускали радикальных трансформаций. В природе преобладали не резкие скачкообразные изменения, а континуум живых существ, которые не должны были более преображаться по достижении собственной совершенной формы; последнее, по мнению Б., отчетливо подтверждается на примере морских коров (*Brandt*. 1869. С. 121 f.; 1849–1869. Fasc. 3. С. 368–371; 1873. С. 10 f.).

В качестве альтернативы идее эволюции Б., как и Бэр, отдавал предпочтение телеологич. подходу, опиравшемуся на воззрения Аристотеля (*Бэр К. М. Автобиография* / пер. и комм. Б. Е. Райкова. М.; Л., 1950. С. 515). Ф. Шеллинг и Х. Штеффенс, а также такие россияне, как А. М. Таушер, А. А. Каверзнев

или Я. К. Кайданов, оказали влияние на Б. в Петербурге (см.: Райков. Предшественники Дарвина... С. 32–42; Он же. Русские биологи... Т. 1. С. 194–272). Некий «всеобщий закон развития» порождал, по мнению Б., различные жизненные формы, которые оставались всегда верны своему естественному предназначению. Чтобы доказать, как это делают последователи Дарвина, что многообразие видов происходит исключительно из постоянно продолжающегося эволюционного процесса, управляемого случаем, в природе не хватает переходных форм. Никто не мог, как считал Б., убедительно показать, каким образом такой гибрид, как капский даман, *hydrax*, мог появиться на свет просто в результате череды разных видов — палеонтологич. данных слишком мало, чтобы подтвердить подход Дарвина. В последние годы жизни Б. работал над насыщенным науч. материалами обширным опровержением дарвинизма, которое призвано было объединить все его возражения. Однако это сочинение так и не увидело свет (*Rütimeyer*. С. 395–400).

Труды Б. свидетельствуют о необычайно глубоких познаниях в классич. литературе, которые заходили гораздо дальше того, что можно было ожидать у зоолога,

образованного и в гуманитарном отношении. Уже «Medizinische Zoologie» изобиловала сведениями, взятыми Б. и Ратцебургом из антич. и средневековых энциклопедий, естественнонауч. трактатов и историографии. Аристотель, Плиний, Солин, Элиан, Страбон постоянно привлекаются Б. наравне с Альбертом Великим, Винсентом из Бове или Закарией Аль-Казвини. Многие из работ Б. посвящены определению существ из антич. зоологии, для которых на первый взгляд невозможно найти однозначного соответствия в природе. О каком могучем звере, с которым будто бы вынуждены были вступить в ожесточенное сражение войска Александра Великого (ὄρνιθότῳρανος — Ps.-Callisthenes III, 10; ср. LSJ s.v.), идет речь у Плиния, Элиана и других авторов? Mastodont это, как считали многие коллеги Б., либо мамонт? Б. не мог присоединиться к сторонникам теории, что речь здесь идет о давно вымершем животном, сохранившемся лишь по имени. По его мнению, в одних описаниях за этим необычным именем скрывался индийский слон (возможно, в период спаривания), в других — невероятных размеров речной крокодил (Brandt. 1861, passim). Кроме того, Б. сумел подробно обосновать мнение, что описанный Плинием ускользящий от точного определения *nabus* или, напротив, недвусмысленно описанный *camelopardus* — одно и то же животное. При этом Б. не только с готовностью обращался к антич. текстам, но и использовал в качестве источников произведения искусства и др. памятники: учет изображений на антич. мозаиках подтвердил его гипотезу (Brandt. 1861, passim).

Особенной обл. исследований, которая занимала ученого в течение всей жизни и оказалась поводом к его углубленным занятиям лат. и греч. литературой, стало изучение *ист. ареала* распространения видов. Какие территории занимали когда-то те или иные гигантские млекопитающие и какую роль играл человек

в их постепенном исчезновении? Только основательная работа с антич. источниками, поддерживаемая данными раскопок и образцами окаменелостей, могли дать Б. ответ на этот вопрос. В ряде статей петерб. академик обследовал историю распространения оленей, туров, лосей и евразийского тигра. Б. постоянно привлекает длинный ряд антич. авторов, чтобы обосновать значительное распространение этих животных в античности и Средние века и постепенное их исчезновение в Новое время.

Многие древние авторы описали пастухов-оленеводов: Феофраст, Геродот, также авторы SHA; обл. распространения оленей вплоть до раннего Средневековья должна была охватывать широкие территории, выходящие за пределы Скандинавии и Северо-Востока, т. к. средневековая литература об охоте на зверей помещает их даже в Пиренеи (Brandt. 1867. S. 6–39). Туры встречаются у Цезаря, Плиния, Павсания, Марциала и Сервия, которые, как заметил Б., часто рассказывают о крупных стадах европ. парнокопытных. Не только у такого позднеантич. поэта, как Венанций Фортунат, но и у многих авторов Средневековья и начала Нового времени (Григорий Турский, Эккехард IV) говорится о крупных популяциях этих животных в Средней Европе, на которых велась массовая охота (Brandt. 1867. S. 167–195). О лосях, с которыми можно было столкнуться в Альпах, сообщает не только Полибий, но также и писатели эпохи Каролингов. Как и олень, это млекопитающее повсеместно было предметом охоты, и к концу Средних веков территория его обитания сузилась до Швеции (Brandt. 1870. S. 50–54, 60–69). Такое же оскудение Б. считал несомненным и в случае с *тигром*, историю постепенного истребления которого зоолог сумел восстановить, опираясь в основном на литературу об Индии различных эпох, — ведь еще Плиний, Солин и Страбон сообщали о широком распространении тигра в Индии и на Цейлоне (Brandt. 1856. S. 35–38).

Сведения о потере гигантской фауны, почерпнутые из антич. литературы и подтвержденные массой обнаруженных при раскопках скелетов животных, позволили

Б. к концу жизни сформулировать отчетливый тезис: со времени своего появления в истории природы антропогенное воздействие стало губительным фактором. «Страсть к разрушению» и потребность человека в мясе уже в каменном веке сделали некоторые виды гигантских млекопитающих первой жертвой homo sapiens. Сперва добычей стали мастодонты и мамонты, как это можно понять по наконечникам стрел, находимым в их костях; затем пошли гиены и крупные кошки (Felidae), а далее, с заметным ускорением — засвидетельствованные еще для античности и уже тогда исчезнувшие стада зубров, оленей, туров и лосей; затем наступил черед пушных зверей, стремительное истребление которых Б. мог наблюдать в свою собственную эпоху. Когда за ними последуют другие, это вопрос времени (Brandt. 1866. S. 602–604; 1867. S. 220–223).

Б. полагал, что антич. мифы также свидетельствуют о ходе этих потерь. За Немецким львом, по предположению Б., мог скрываться саблезубый тигр, а сирены, так часто описываемые в антич. мифах, могли намекать на морских коров, истребление которых началось уже в классич. эпоху (Brandt. 1887. S. 23–26, 110 f.; 1846–1869. Fasc. 3. P. 299 sq.). Последние в силу несколько антропоморфного внешнего облика и в раннее Новое время бывали принимаемы за русалок и по этой причине долго носили науч. название *sirenae* (см.: Roling B. Drachen und Sirenen: Die Aufarbeitung und Abwicklung der Mythologie an den europäischen Universitäten. Leiden, 2010. S. 17–288).

Именно благодаря междисциплинарному взаимодействию зоологии и палеонтологии, с одной стороны, и классич. филологии, лингвистики и истории антич. искусства — с другой, существует, как показывает работа Б., возможность написать историю древнего животного мира, от которой эти обл. знания получили бы ощутимую пользу.

Избр. сочинения: Symbolae Sirenologicae quibus praecipue Rhytinae historia naturalis illustratur. Fasc. 1–3. SPb., 1846–1869; Untersuchungen über die Verbreitung des Tigers (*Felis tigris*) und seine Beziehungen zur Menschheit. SPb., 1856; Ist der *Nabus* des Plinius identisch mit seinem *Camelopardalis*? // Bull. AS. 1860. T. 3. P. 353–357; Untersuchungen über die zoologische Bedeutung des *odontotyrannos* und des *skolex* der alten griechischen und römischen Schriftsteller // Ibid. 1861. T. 4. P. 335–346; Zur Lebensgeschichte des Mammuth // Ibid. 1866. T. 5. P. 595–605; Zoogeographische und paläontologische Beiträge. SPb., 1867; Untersuchung über die Gattung der Klippschliefer in anatomischer und verwandtschaftlicher Beziehung, nebst Bemerkungen über ihre Verbreitung und Lebensweise // Mém. AS. VII s., 14, 2. SPb., 1869; Beiträge zur Naturgeschichte des Elens, in Bezug auf seine morphologischen und paläontologischen Verhältnisse, so wie seine geographische Verbreitung, nebst Bemerkungen über die miocäne Fauna und Insectenfauna des Hochnordens // Ibid. 16, 5. SPb., 1870.

Литература: Микулинский С. П. Развитие общих проблем биологии в России. М., 1961; Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина: в 4 т. М., 1952–1959; Он же. Предшественники Дарвина в России: из истории русского естествознания. Л., 1956; Rüttemeyer L. Bericht über einen Theil des im Manuscript vorhandenen Nachlasses von Herrn Geheimrath J. F. Brandt // Bull. AS. 1881. T. 27. P. 393–400; Vucinich A. Darwin in Russian Thought. Berkeley, 1988 ♦ Брокгауз; РБС; Сайтов 2006; Фондообразователи (со справкой об архивах); ADB.

Б. Роллинг (пер. Д. Д. Кондаковой)

БРИЛЛИАНТОВ Александр Иванович

BRILLIANTOV A. I.

[10(22).8.1867, с. Цыпино, ныне Кирилловского р-на Вологодской обл. — 1933 или 1934, Тамбов], богослов, историк церкви

Родился в семье свящ. Цыпинского гостя Кирилловского у. Ивана Михайловича Бриллиантова, возглавлявшего местную церковно-приходскую школу.

В 1881 окончил Кирилловское духовное уч-ще, в 1887 — Новгородскую духовную семинарию. В 1887–1891 учился в СПбДА, после ее окончания получил степень канд. богословия. В 1891/92 оставлен при Академии профессорским стипендиатом. Там же в 1898 защитил магист. дис. **«Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены»**. С мая 1900 доц. на каф. общей церк. истории СПбДА, с дек. 1903 — экстр. проф. В июле 1914 удостоен степени докт. церк. истории по совокупности трудов. С сентября 1914 вплоть до закрытия СПбДА в 1918 орд. проф. Читал курсы: «Введение в церковную историю», «История церкви до Константина Великого», «История догматич. споров на греческом Востоке в эпоху вселенских соборов», «История расколов в Зап. церкви», «История грековосточной церкви в эпоху после разделения церквей». Курс лекций Б. по общей церк. истории сохранился в рукописях и литографированных изданиях (переизд.: **Лекции по истории древней Церкви**. СПб., 2007). В течение ряда лет состоял предс. Библиотечной комиссии СПбДА. Сотрудничал с РАИК.

В окт. 1918 — июле 1922 служил преподавателем, затем проф. церк. истории в Петрогр. 1-м высш. пед. ин-те; в 1920–1923 — в Петрогр. богословском ин-те. Предпринимал усилия к сохранению б-ки СПбДА, из фондов которой 18 дек. 1918 был образован филиал ГПБ. В начале 1919 подготовил «Справку о библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии». В декабре 1919 избран чл.-корр. РАН по разряду ист.-полит. наук отделения ист. наук и филологии, являлся чл. Комиссии АН по истории знаний и Русско-византийской комиссии. С 22 мая 1921 д. чл. ППО. В 1919–1921 работал во 2-м отделении 4-й секции Единого гос. архивного фонда (ЕГАФ, бывший архив Святейшего Синода) в качестве архивариуса, затем старшего архивариуса, помощника управляющего и зав. фондом. С 15 ноября

1921 библиотекарь 1-го филиального отделения ГПБ, с 1925 гл. библиотекарь.

В мае 1929 Б. обратился в Правление б-ки с просьбой возбудить ходатайство о назначении ему академ. пенсии «ввиду не вполне удовлетворительного состояния здоровья и ввиду возраста». В направленном в соответствующие органы ходатайстве дирекция ПБ указывала, что «усиливающееся болезненное состояние Бриллиантова лишает его возможности столь же продуктивно продолжать свою работу» и просила, «принимая во внимание его научные заслуги», назначить ему академ. пенсию, «тем более что совместительства по службе Бриллиантов не имеет, и академическая пенсия явится единственным источником его существования». Однако Ленинградское бюро Секции науч. работников (СНР) не поддержало ходатайство библиотеки на том основании, что Б. «права на академическую пенсию не имеет, поскольку до революции он преподавал в Духовной академии историю церкви, т. е. богословский предмет», что не может быть включено в стаж, дающий право на эту пенсию. Неоднократные обращения директора б-ки Н. Я. Марра не дали положительного результата.

1 марта 1930 вышел на пенсию. 10 июня 1930 арестован и привлечен по «Академическому делу» в числе многих др. академ. работников (С. В. Бахрушин, Н. П. Лихачёв, Е. В. Тарле), обвинен в причастности к «контрреволюционной организации, возглавляемой Платоновым и ставившей целью свержение власти, восстановление монархического строя и сокрытие от советского правительства важных архивных фондов государственного значения». В февр. 1931 приговорен к «высшей мере», которая была заменена пятью годами лагеря с конфискацией имущества. Точная дата и обстоятельства смерти в Тамбове надежно не известны; некоторые называют 1.07.1933. Реабилитирован в 1989.

В магист. дис. **«Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены»** Б. рассмотрел вопрос о древних источниках

богословия Иоанна Скота Эригены (Псевдо-Дионисий Ареопагит, Августин, Григорий Нисский и Максим Исповедник) и пришел к выводу о принципиальном отличии зап. богословия, основные идеи которого изложены Августином, от вост., наиболее отчетливо выраженного в «Ареопагитиках» и творениях Максима Исповедника. С точки зрения Б., в зап. богословии основное внимание обращено на внутреннюю, психол. жизнь человека, а в вост. — на онтологич. темы.

Др. направлением науч. деятельности Б. была история древней церкви. Считая себя учеником и последователем В. В. Болотова, Б. подготовил к печати и издал (1907, 1910) два тома его «Лекций по истории древней церкви». Перевел с франц. и издал книгу Л. Дюшена «История древней церкви» (СПб., 1912).

Частные статьи Б. по церк. истории посвящены в основном догматич. спорам и ересям. В работе «**К истории арианского спора до Первого Вселенского Собора**» (СПб., 1913) Б. рассмотрел вопрос о датировке Антиохийского Собора (324); в исследовании «**Происхождение монофизитства**» (СПб., 1906) попытался показать зависимость монофизитства от арианства (переизданы в кн.: **К вопросу о философии Эригены. К истории арианского спора. Происхождение монофизитства.** СПб., 2006). В сочинении «**Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г.**» (СПб., 1916; ²2006) Б. пришел к выводу, что источником союза Церкви с государством на Востоке было не законодательство Константина, а предшествовавшие ему греч. и римск. национальные и полит. традиции. По заказу Святейшего Синода Б. написал очерк «**О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника**» (СПб., 1918; ²2006; перераб. вариант записки, представленной в Синод 16 дек. 1913).

Получив степень д-ра богословия по совокупности трудов (1914), Б. тем не менее начал собирать материалы для докт.

дис., которую хотел посвятить истории монофелитского спора (сохранились рукописные отрывки).

Наряду с «Лекциями по истории древней церкви» Болотова, следует отметить работы Б., в которых благодарный ученик отдает дань памяти великому учителю. К ним в первую очередь относится биограф. очерк «**Профессор В. В. Болотов**» (ХЧ. 1910. № 4–8), а также заметки о науч. трудах наставника: «**К характеристике ученой деятельности проф. В. В. Болотова как церковного историка**» (Там же. 1901. Ч. 2, № 4), «**Труды В. В. Болотова по вопросу о Filioque и полемика о его тезисах о Filioque в русской литературе**» (Там же. 1913. № 4; отд.: СПб., 1914).

Литература: Грушевой А. Г. А. И. Бриллиантов (1867–1933): история Церкви и византистика в трудах ученого // МРВ. С. 286–310 ♦ ПЭ; СРНБ.

Архивы: ОР РНБ. Ф. 102; Архив РНБ. Ф. 10/1, 10/4.

Е. А. Дружинина

БРОК

Артур Александрович

BROCK Arthur Heinrich von

[17(29).6.1867, Дерпт, ныне Тарту — не ранее 1935, Алма-Ата],
филолог, педагог

Из прибалтийских немцев. Отец — предприниматель, затем директор Псков. коммерческого банка. По окончании Псков. гимназии (зол. медаль) поступил на ИФФ Дерпт. ун-та (1884–1889). В 1889–1891 стажировался в Боннском и Берлинском ун-тах. В 1891, выдержав в Дерпте экзамен на звание учителя древних языков и магист. экзамен, преподавал в частных гимназиях Треффнера и Цеддельмана. После защиты магист. дис. «**Quaestionum grammaticarum capita duo**» (защищена: Киевск. ун-т, 1897;

магистр римск. словесности) недолго читал в Юрьевском ун-те ист. грамматику (прив.-доц. 1897–1898). В марте 1898 избран экстр. проф. римск. словесности Неж. ИФИ; также ученый секр. Совета («конференции»). С сент. 1901 служил в Петербурге: директор Реформатского уч-ща (в разные годы преподавал древние языки, логику и историю; предс. совета Реформатской женской гимназии). Чл. Ученого комитета (1912) и ряда пед. комиссий, в т. ч. предс. Комиссии по вопросам эстетич. воспитания. После 1917 — преподаватель курсов при РИИИ (читал курс худож. воспитания с 1918) и проф. нем. филологии в Пед. ин-те им. А. И. Герцена (также декан нефилологического ф-та, зав. иностранным отделением в 1922–1931). Чл. Комиссии по улучшению быта ученых. Был арестован в 1930-е и приговорен к ссылке в Казахстан.

Направление науч. деятельности Б., ученика Л. Мендельсона, Г. Лешке и В. Гершельмана, было подсказано традициями Дерпт. школы и семинарами германских проф. Ф. Бюхелера, Г. Узенера, О. Гиршфельда. Самым заметным науч. трудом Б. осталась его дис. по ист. фонетике «*Quaestionum grammaticarum capita duo*» (Dorpat, 1897), когда-то отвергнутая после отзыва М. Н. Крашенникова в Юрьевским ун-том. Б. обсуждал в ней варьирование гласных (-u/-i) в суффиксах превосходной степени (ч. I) и стяжения перфектных форм в языке Плавта и Теренция (ч. II). Нем. филологами дис. Б. была принята в целом благосклонно как значимое для исследователей лат. грамматики и критики текста сочинение. Одобрялся прежде всего собранный материал, удачно подтверждающий отд. выводы, напр., о смещении в течение многих столетий суперлативов на -imus и -imus, но увязывание Б. подобных дублетов с неточностями римск. орфографии (а не особым звучанием гласного перед -mus) воспринималось иронически (К. Ziemer — ВPhW. 1898. № 18. S. 495). А. Грушка в строгой рец. (ФО. 1898.

Т. 14), похвалив начитанность, навыки критики текста и редкое для современного филолога «владение латинским стилем», также нашел непоследовательным различение автором вопросов орфографии и фонетики: «Предположение г. Брока, будто колебания в орфографии превосходной степени, наблюдаемые в рукописях <...>, должны быть отнесены <...> на счет самих древних писателей, едва ли может быть принято <...> во всем его безнадежном объеме». Более снисходителен Грушка ко второй части дис., находя вполне убедительным (при некоторой невнятности выводов) ее главный тезис о позиционном различии в ямбическом стихе кретических и спондеических исходов перфекта.

В Нежине Б. читал курсы по ист. грамматике лат. языка, комментировал римск. авторов, преимущ. классич. периода, как можно судить по опубл. фрагментам лекций и речей, в т. ч. «**О шестой песне Энеиды Вергилия**» (Изв. Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине. 1899. Т. 17) и «**Религия Лукреция**» (Там же. 1901. Т. 19).

Большее, чем науч. публикации, признание Б. принесла его пед. деятельность. В период его директорства Реформатское уч-ще превратилось в своеобразный полигон новых учеб. методик, прежде всего «франкфуртского метода» (в гимназии им. Гёте г. Франкфурта-на-Майне регулярно стажировались подчиненные Б.). Открытые занятия и внеклассные мероприятия уч-ща в 1907–1908 привлекали многих педагогов и методистов МНП (Гермес. 1908. № 10. С. 295). Во взглядах Б. тех лет помимо официального пафоса теплилась еще утопическая концепция «эллинизации» современных гимназий, родственная гумбольдтовскому «*Bilde dich griechisch*» и идеям отеч. неоэллинизма, полно изложенная в докладе Б. на заседании Петерб. ОКФП (**О гуманитарном образовании** // Гермес. 1908. № 17–19). Идейной базой современной классич. гимназии должны стать, по мнению Б., греч. культура и язык,

т. к. избыток дисциплин в программе превращает учеников в «утомленных туристов» (а впоследствии, когда они убедятся, как мало вынесли из гимназии, — даже врагов классицизма). Поворот гимназии к изучению эллинской культуры казался Б. перспективным уже потому, что греч. язык обаятельнее латыни: «красив, изящен и эластичен, в нем сияет улыбка Харит» (Там же. № 18. С. 470) и завещан школе аристократами духа Гердером, Лессингом, Вольфом, Гумбольдтом и Гёте, не решившимися в свое время на радикальное ущемление прав средневековой латыни. Идеи докладчика, поддержанные временной модой на педагогику И. Гербарта, вызвали возражения даже у коллег Б. по Петерб. ОКФП — Ф. Ф. Зелинского, И. Ф. Анненского, Г. Г. Зоргенфрея, В. В. Латышева и А. И. Малеина (Гермес. 1908. № 16. С. 434).

Большее понимание коллег встречали усилия Б. по популяризации античности в русле того, что теперь называется культурологич. направлением (см. рец. Б. на кн.: *Ильинский Н.* Софокл в обработке для школы // ЖМНП. 1914. Июль. С. 92) и шире — призывы к эстетич. воспитанию школьников, которое должно было привить детям чувство гармонии [см. заметку «**Kunsterziehung**» в прил. к отчету Реформатского уч-ща за 1902/03 учеб. год, статью «**Об эстетическом воспитании**» (Гермес. 1912. № 2) и др.]. В выступлениях Б. сочетались высокопарное цитирование нем. классиков с практич. рекомендациями по приобщению детей к европ. искусству посредством продуманного худож. оформления школы (стены уч-ща в годы его директорства были расписаны «наивными фресками»), экскурсий, организации театральных, лит. и музыкальных кружков. Б. — автор многочисленных рец. на учеб. пособия по древним языкам («ЖМНП», «Гимназия», «Гермес»). О сломленном состоянии духа Б. во время следствия (по «Академическому делу»?) вспоминал его сокамерник

М. Ф. Коссинский (Первая половина века. Paris, 1995. С. 249–250); вероятно, на поведении Б. отразился уже обретенный его семьей опыт репрессий, в т. ч. расстрел брата Эдуарда в 1918 «за активное участие в белогвардейской авантюре». Б. кончил свою жизнь, предположительно, в Алма-Ате.

Литература: Петухов; Наука и научные работники СССР. Ч. 5: Научные работники Ленинграда. Л., 1934; Профессора Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в XX в. СПб., 2000; Роденный в Пскове // Псковская губерния. 2004. 8–14 дек. № 46 (216) ♦ Нежин 1900; БС Юрьев. ун-та; Венгеров (Список); Воронков; НР; Album Dorpat; DBBL.

Архивы: Отд. документы и письма: ЦГИА СПб. Ф. 499 (Уч-ще при Реформатских церквях).

В. П. Смышляева

БРОНЗОВ Александр Александрович

BRONZOV A. A.

[7(19).8.1858, с. Верхний Чужбой, ныне д. Новая Старина Бабаевского р-на Вологодской обл. — 1936/37 (?), Ленинград], *православный писатель, историк церкви, публицист*

Родился в многодетной семье псаломщика. В 1873 окончил Белозерское духовное уч-ще, в 1879 — Новгородскую духовную семинарию, а в 1883 — СПбДА. С 1883 по 1886 преподавал нем. и древнееврейский языки, библейскую историю в Курской духовной семинарии. В 1885 защитил в Санкт-Петербурге магист. дис. «**Аристотель и Фома Аквинат в отношении к их учениям о нравственности пред лицом Евангелия**», в которой подробно рассмотрел этич. учение Аристотеля и Фомы Аквинского и попытался сопоставить их с точки зрения последовательности и христ. этики.

В 1886 Б. был принят на каф. греч. языка Петерб. духовной семинарии, где преподавал древнегреч. и лат. языки, а также Священное Писание. Для студентов семинарии составил учеб. пособие по геродотовскому диалекту (**Краткая этимология геродотовского наречия**. СПб., 1888), а также перевел с нем. пособие по греч. синтаксису Курциуса и Гартеля, адаптировав его для студентов семинарии (**Синтаксис греческого языка, с приложением очерка грамматики гомеровского диалекта / Curtius и Hartel**. СПб., 1891). В этот период Б. также переводил на рус. язык с греч. Иоанна Златоуста (*Св. Иоанн Златоуст. Письма к диакониссе Олимпиаде*. СПб., 1892; **Точное изложение православной веры**: пер. с объяснит. примеч. СПб., 1894) и Иоанна Дамаскина (*Иоанн Дамаскин. Три защитительных слова против порицающих святые иконы или изображения*. СПб., 1893). С 1894 был избран на каф. нравственного богословия СПбДА доц., с 1897 экстр. проф., с 1902 орд. проф., в окт. 1903 — июне 1906 чл. Правления СПбДА.

В 1901 Б. представил дис. «**Преподобный Макарий Египетский**», в которой рассмотрел источники по биографии Макария, а также вопрос о подлинности приписываемых ему сочинений, высказавшись в пользу их аутентичности. В СПбДА дис. была подвергнута строгой критике: на основании отзывов В. В. Болотова и Т. А. Налимова, Совет СПбДА не признал работу Б. достойной степени д-ра богословия. Положительное решение относительно дис. Б. было принято только Святейшим Синодом после ходатайства Петерб. митрополита Антония (Вадковского) и отзыва Киевск. митрополита Феогноста (Лебедева). Но если первый том исследования уже был издан (**Преподобный Макарий Египетский**. Т. 1: Жизнь и творения прп. Макария Египетского. СПб., 1899), то второй, подготовленный автором к печати, так и не вышел.

За время службы в СПбДА Б. читал лекции по греч. литературе (**Конспект лекций по истории греческой литературы**. СПб., [1896]. Литогр.) и по нравственному богословию (**Лекции по истории учения о нравственности**. СПб., 1889; **Лекции по нравственному богословию, читанные студентам 3-го курса СПбДА в 1895/96 учеб. г.** СПб., 1895. Литогр.; **Православно-христианское учение о нравственности: лекции, читанные студентам 3 курса (53 вып.) СПбДА**. СПб., 1895). Многие из его курсов по христ. этике были позже переработаны в отд. этюды (**Вопрос о «безубойном питании» человека, решаемый с «христианской» точки зрения**. СПб., 1902; **Нравственно-безразличное и «дозволенное»** // ХЧ. 1897. № 1. С. 108–126; **Сущность христианского учения об отношениях человека к ближним** // Там же. 1898. № 12. С. 761–810; **При каких условиях мог бы наступить «вечный мир» между людьми?** СПб., 1904; **Христианство и жизнь: по поводу 1600-летия христианского юбилея (313–1913 гг.)**. СПб., 1913; и др.).

Выйдя в отставку (1913), Б. остался сверхштат. орд. проф. СПбДА. Почетный член Казанской и Моск. духовных академий (с 1914), и Археол. ин-та в Петрограде. Чл. Миссионерского совета при Святейшем Синоде (1915–1917). Старший архивист Главархива (1919–1923) после закрытия СПбДА. Впоследствии служил в архивах Леноблисполкома и Гл. управления НКВД.

По свидетельству С. М. Зарина, лекции Б. воодушевляли слушателей, а каким интересом пользовались его статьи, видно по тому, что он получал письма с вопросами от читателей. Многие хотели писать у него диссертации: иногда он руководил более чем 15 канд. дис. в год (*Зарин*. Стлб. 1335). В. В. Болотов, напротив, высказывался о Бронзове как лекторе весьма критично, утверждая в одном из писем к И. С. Пальмову, что он «не ученый, а только переводчик» (*Герд Л. А.*

В. В. Болотов: обзор рукописного наследия // МРВ. С. 284).

Основным предметом науч. интересов Б. была христ. этика. В своих работах он стремился представить этич. учение христиан в чистом виде, отделив его от примесей «еретических» и «языческих» и оградив от будто бы имевших место нападок. Так, в своей магист. дис., сопоставляя нравственное учение Аристотеля и Фомы Аквинского, Б. пытался определить, в какой мере они соответствуют или противоречат христианским принципам.

Как показывает его работа об Аристотеле и Фоме Аквинском, а также рец. на книгу Н. Я. Грота о Платоне (*Грот Н. Я. Очерк философии Платона* // ХЧ. 1897. № 1. С. 197–203) и серия статей об Эпиктете и Ниле Синайском (**Охристианизированный Энхиридион стоика Эпиктета: страница из истории христианской этики** // Там же. 1904. № 7. С. 59–74; № 8. С. 180–203), он был хорошо знаком с историей классич. греч. философии и, в частности, с этич. воззрениями древних философов.

Критикуя очерк Грота о философии Платона и упрекая автора в поверхностности, Б. обнаруживает глубокое знание науч. литературы о Платоне, указывая на сочинения и переводы, упущенные Гротом.

В серии статей, посвященной христианской редакции «Энхиридиона» Эпиктета, которую некоторые исследователи связывали с именем Нила Синайского, Б. доказывает, что это сочинение, в котором обнаруживается множество ошибок и неточностей, не могло принадлежать Нилу.

Безусловно заслуживает интереса и критич. этюд Б. о Еврипидовом Ипполите (**«Нужно» ли «учиться христианству из Ипполита» — Еврипидовой трагедии?** // ХЧ. 1903. № 4. С. 614–628; № 5. С. 760–786; № 8. С. 173–199), написанный под впечатлением от речи Д. С. Мережкова с к о г о, посвященной представлению «Ипполита» на сцене

Имп. драматич. театра осенью 1903, где тот объявил Еврипида предвестником христианства. Подробно разбирая религ. и этич. воззрения Еврипида, а также качества Ипполита, которые позволили сравнивать его с Христом, Б. доказывает всю несостоятельность тезиса Мережковского. Эту работу Б., несмотря на всю ее ученость, можно назвать скорее просветительской, а не научно-исследовательской. Автор обращается здесь к широкому кругу читателей и пытается убедить их в том, что древнегреч. языческая мораль настолько далека от морали христианской, что «христианам у Ипполита учиться нечему».

Литература: *Зарин С. М.* 30-летие учено-богословской и духовно-учебной деятельности проф. А. А. Бронзова // Церк. вестн. 1913. № 43. Стлб. 1332–1338 ♦ ПЭ.

Архивы: ОР РНБ. Ф. 194.

Е. А. Дружинина

БРУТ

Александр Иванович

BRUT A. I.

[15(27).8.1800 (?) — 4(16).4.1873, Петербург; Смоленское правосл. кладб.], *филолог, историк и статистик*

Питомец Воспитательного дома имп. Марии Федоровны. В 1817 был направлен в ГПИ, преобразованный вскоре в Петерб. ун-т. По окончании курса (1823, канд.; сер. медаль и шпага) был оставлен на каф. для преподавания лат. языка; с 1825 читал еще курс географии древних и средних веков (адъюнкт с 1828). Уволен в связи с преобразованием Петерб. ун-та по новому уставу (1835), согласно которому адъюнктам полагалось иметь магист. степень (заменен Ф. К. Фрейтагом). До полной отставки (1841) служил секр. правления ун-та. Помимо ун-та преподавал лат.

язык в Петерб. 1-й гимназии (1830–1833), лат. язык, географию и историю в Уч-ще правоведения (1838–1853).

Принадлежал к первому ун-тскому выпуску (однокурсник И. М. Грацилева), которым спешно залатали кадровые прорехи после «дела профессоров». В февр. 1823 на экзамене выступил с сочинением «De utilitate legendi scriptores Graecos et Latinos» и «De successiva orbis terrarum cognitione» (Маяковский и Николаев. С. LXVI). Как и многие филологи его поколения, был вынужден ради заработка обращаться к преподаванию «непрофильных» дисциплин — географии, истории и статистики; держал на квартире пансионеров, что было редкостью в ун-тской среде (Григорьев. С. 103). Из двух адъюнктов Ф. Б. Грефе 1820-х Б. выгодно отличался, на взгляд современников, от Соколова ответственным отношением к преподаванию: «Брут, самый добросовестный и трудолюбивый из тогдашних преподавателей исторических наук, составил, по крайней мере, и очень недурно, учебник древней географии, но читал этот предмет усыпительно монотонным голосом» (Григорьев. С. 72). Упомянутое пособие (**Землеписание известного древним света...** Ч. 1–2. СПб., 1828–1829) одобрялось также П. А. Плетнёвым в отчете «Первое 25-летие Императорского Санкт-Петербургского университета» (СПб., 1844. С. 60). Издал еще пособия по статистике, наиболее значительное из которых, «**Учебная статистика или этнографико-статистическое обозрение пяти первоклассных держав Европы, до 1848 года**» (Ч. 1–2. СПб., 1853), было хлестко раскрытиковано в «ОЗ» (1853. № 11. С. 23–24) за «необыкновенную странность языка» и невнятность терминологии. Языковые казусы и неловкая демонстрация эрудиции, часто с комич. эффектом («метода статистики бывает скучивательная и раздробительная»; «они <французы> крайне животолюбивы во время мира, но

презирают смерть и опасности во время сражения») — свидетельства трудной борьбы бывшего семинариста с недостаточной пока разработанностью рус. науч. лексикона. Не обладая лекторскими дарованиями, Б. пользовался расположением учеников, в т. ч. воспитанников престижного Уч-ща правоведения: «добрый старик, но читал лекции убийственно» (Тютчев И. А. В Училище правоведения, в 1847–1852 гг. // РС. 1885. № 11. С. 15).

Впрочем, юный К. П. Победоносцев (Отрывки из школьного дневника. СПб., 1885) заинтересованно конспектировал лекции Б., а учившийся позже К. К. Арсеньев даже назвал его единственным преподавателем, который «возвышался над уровнем посредственности»: «Он относился к своему предмету в высшей степени серьезно, читал его весьма интересно, но, к сожалению, не обладал даром слова. В его манере говорить было что-то смешное» (Воспоминания К. К. Арсеньева об Училище правоведения в 1849–1855 // РС. 1886. № 4. С. 204).

В отличие от задававших тон педагогов-немцев был снисходителен к детям, расшумевшихся воспитанников лишь кротко увещевал: «Господа, дверь свободно отворяется».

Литература: *Фортунатов Ф. Н.* Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 годы // РА. 1869. № 2 (отд. отд.); *Соловьёв Д.* Пятидесятилетие Санкт-Петербургской 1-й гимназии. 1830–1880: ист. записка. СПб., 1880; Статистические сведения о личном составе, воспитанниках и хозяйственной части Императорского Училища правоведения за пятидесятилетие его существования. СПб., 1885 (список); Пятидесятилетний юбилей Императорского Училища правоведения. 1835–1885. СПб., 1886; *Сюзор Г.* Ко дню LXXV юбилея Имп. Училища правоведения. 1835–1910 г. СПб., 1910 (библ.); *Чухман А. А.* Очерки по истории 321 средней школы. Ч. 1: Благородный пансион (1817–1829). СПб., 1999 ♦ Воронов; Григорьев; Брокгауз; Венгеров (Словарь, Источники, Списки); РБС; Сайтов 2006.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ).

В. П. Смышляева

БЭР (БЕР)**Карл Максимович**

BAER / BÄR Karl Ernst von

[17(28).2.1792, имение Пип (Пийб), Эстляндия, ныне уезд Ярвамаа, Эстония — 16(28).11.1876, Дерпт, ныне Тарту; кладб. Раади],
отец эмбриологич., палеонтолог, антрополог, этнограф и географ, путешественник и систематизатор знания, уделявший внимание также ист.-филол. науке

Обучался дома, затем в Ревельской (Таллин) гимназии, проявляя разительные успехи в ботанике и менее яркие — в древних языках. Студент мед. ф-та Дерпт. ун-та (1810–1814), Б. во время нашествия Наполеона был врачом в рус. лазарете под Ригой. Усовершенствование в ряде дисциплин, все дальше уводивших Б. от медицины, произошло в Вене, Вюрцбурге и Берлине (до 1817). Вплоть до 1834 был орд. проф. зоологии Кёнигсбергского ун-та. Свои эмбриологич. открытия Б. отразил в сочинении, которое в 1827 послал в Имп. АН, «**De ovi mammalium et hominis generis. Epistola ad Academiam Imperialem scientiarum Petropolitanam**», после чего он был избран д. чл. этой Академии по каф. зоологии (1828). В 1834–1835 Б. перебирается в Петербург и читает лекции по сравнительной анатомии и физиологии в Медико-хирургич. академии; тогда же становится директором Иностр. (II) отделения БАН (1835–1862), занимаясь описанием книг по собственной системе, направленной на систематизацию знания вообще.

В бытность свою проф. сравнительной анатомии в Медико-хирургич. академии (1841–1852) Б. вместе с Н. И. Пироговым создал Анатомич. ин-т и Антрополог. музей, привел в порядок и образовал несколько коллекций, позволивших подытожить его краниологич. исследования

(о создании музеев на основе старой Кунсткамеры см.: Носков 2018. С. 41). Чл.-учредитель РГО, его первый вице-президент и предс. Этногр. отдела Общ-ва. Участник ряда академ. экспедиций на Север вплоть до Новой Земли; на Каспийском (1853–1856) и Азовском морях (1862) Б. исследовал гидробиолог., гидролог., а заодно и хозяйственно-экон. вопросы (напр., обмеление Азовского моря или качество каспийской сельди, что помогло рус. армии избежать голода в пору Крымской войны).

В авг. 1864, когда праздновался 50-летний докт. юбилей Б., ему была поднесена медаль с текстом акад. А. К. Наук а: «*organs ab ovo hominem homini ostendit*». Тогда же по почину эстляндского дворянства были изданы автобиогр. записки Б. (доведены им до времени его переезда в Петербург) «**Nachrichten über Leben und Schriften des Herrn Geheimraths Dr. Karl Ernst von Baer, mitgeteilt von ihm selbst**» (SPb., 1865, ²1866; Braunschweig, 1886 и др.; рус. перевод издан АН в 1950). Как можно было столько успеть сделать для науки, объясняют до некоторой степени слова Б.: «То, что делает человек в течение жизни, больше зависит от его характера, чем от богатства его познаний» (Райков. С. 121). Кроме преданности науке им двигало стремление способствовать процветанию того народа, с которым его связала судьба. Наряду с уважением к истине, то, что Б. сделал для России, давало ему право высказывать и критику: «В России вечно сеют, да ничего не жнут (In Russland wird nur gesät und nichts geerntet)».

Занятия Б. краниологией и географией, также антрополог. интересы в сочетании с философским умом, способствовали заостренному вниманию великого натуралиста к ист.-филол. дисциплинам. Неудивительно, что «северный Гумбольдт», как иногда именовали Б., не мог (подобно Ньютону и Лейбницу, Р. Вирхову и Н. И. Пирогову) не соприкасаться с вопросами ист.-филол. знания. В итоге со

временем целый ряд его работ оказался связан то с сев.-европ., то с классич. древностью (**Geographische Fragen aus der Vorzeit**. Dorpat, 1874; **О древнейших обитателях Европы** // Зап. РГО. 1863. Кн. 1; *Бэр К. М., Шифнер А. А. О собирании доисторических древностей в России для этнографического музея* // ЗАН. 1862. Т. 1, кн. 1; **Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности**. СПб., 1846). Под редакцией Б. вышел и перевод основополагающего в отношении доист. эпохи (Prähistorie) науч. труда Й. Я. Ворсо «Северные древности Королевского музея в Копенгагене» (СПб., 1861). В предисловии рус. читателю представлена появившаяся в Скандинавии «теория трех веков»: каменного, бронзового и железного.

После Азовского моря Б. провел ряд исследований в Крыму (1863). Поскольку как путешественник и географ он при всякой возможности учитывал сочинения древних писателей, а греч. Гомер сопровождал ученому в этом путешествии, поразительным показалось Б. сходство Балаклавской бухты

с описанием бухты Лестригонов в «Одиссее» Гомера (X, 81 и след.). Помимо этой (конечно, гипотетич.) локализации, интересен тезис Б. о том, что спуск Одиссея в загробный мир (Od. XII) описан ранним греч. поэтом, который, по мнению Б., *видел* характерные местности на Таманском полуострове: по Б. выходило, что вообще местности, описанные в X–XII сказочных песнях «Одиссеи», суть те самые, которые он как натуралист изучал на вост. побережье Черного моря. Свою точку зрения Б. проводил настойчиво, притязая на то, чтобы рациональные доводы либо принимались, либо оспаривались с помощью рациональных же возражений. Ему отвечал Г. Э. Караулов (1824–1883), высказавший похожие соображения чуть раньше. Впрочем, сходные мысли еще ранее посетили многообразно связанного с эллинизмом В. В. Капниста (СС. Т. 2. С. 238 и след.); высказывал их также франц. путешественник и геолог Ф. Дюбуа де Монперё (*Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Vol. 1–6. Paris, 1839–1843). Мнение это оспаривалось, но стало широко известно в Крыму, так что трудно определить, через кого традиция попала в цикл А. И. Куприна «Листригоны». Наталкиваясь на глухое неприятие со стороны филологов (в частности, Эд. Каммера, кёнигсбергского ученика К. Лерса), Б. продолжал высказываться на эту тему, напр., в статьях: **«Homer's Kenntnis von der Nordküste des Schwarzen Meeres»** (Petersburger Zeitung. 1875. № 184. 14/26 Juli), **«Wo ist der Schauplatz der Fahrten des Odysseus zu finden?»** (Historische Fragen mit Hülfe der Naturwissenschaften beantwortet. SPb., 1873. S. 19–61; рус. перевод в изд.: *Караулов Г. Исторические вопросы, решаемые натуралистом* // ЗООИИД. 1877. Т. 10. С. 522 и след.). Уже после кончины Бэра Л. Штида, проф. анатомии в Дерпте и друг Б., представил публике эти исследования

еще раз: *Baer K. E. v. Über die Homerische Lokalitäten in der Odyssee* / hrsg. von L. Stieda. Braunschweig, 1878.

В 1870-е в Дерпте опыты Б. на ист.-филол. темы были объединены (*Baer K. E. von. Reden und kleinere Aufsätze. Т. 3: Historische Fragen mit Hülfe der Naturwissenschaften beantwortet*. SPb., 1873; anast. Hildesheim, 2004). Неудивительно, что серия публикаций Г. Шлиманна, начиная с книжки «Ithaque, le Peloponnèse, Troie» (Paris, 1869), вызвала, как свидетельствует Ф. Шли, поклонник и друг Г. Шлимана, живой отклик у Б. (см.: *Mitteilungen des Schliemann-Museums in Ankershagen*. 1995. Н. 3. S. 140). Надменной иронии и фундаментального недоверия к Шлиману как (всего лишь) любителю Б. не разделял; скорее неодобрение вызвали у него филологи: чем критиковать, сидя в кабинете, не лучше ли пособить в работе с новым материалом, которым странно не интересоваться? Стихийный «реализм», естественный для археологов, а более всех — для Шлимана с его гомерической наивностью, до некоторой степени поддержали и Б., и Р. Вирхов, не оставшиеся равнодушными к деятельности энтузиаста. От аналитически настроенных филологов дожидаться сочувственных откликов на новый материал было трудно, откуда понятно, почему Б. начал величать их «грекологами» (Gräkologen). Б. считал, что в своей сосредоточенности на «чужой мысли» (шибболет филологов) и следуя своему призванию «познавать (только) известное» (Kenntnis des Gekannten — знаменитая, хоть и апокриф. формула Авг. Бёка по поводу филол. знания), филологи заходят слишком далеко, когда, сосредоточиваясь всецело на словах и идеях греков, отказываются изучать их жизнь как *объект* с помощью современных методов, выработанных «положительными» науками. Иначе говоря, Б. не сомневался, что необходимо постигать истины о греках, а не повторять мнения,

хотя бы и эллинские, что и грозит превратить эллинистов в — всего лишь — «грекологов» (эта критика философичнее, чем тирады Дм. И. Менделеева против «гнилого Аристотеля»). Примером науч. анализа мифолого-экзегетич. вопроса может служить написанный Б. в последний год жизни этюд «*Was ist von den Nachrichten der Griechen über den Schwanengesang zu halten* (Что следует думать о свидетельствах греков по поводу лебединого пения?») (пер. с нем. Е. Д. Начинкиной): Древний мир и мы. Вып. 5. С. 122–129).

Выявление этой ситуации, вскрывающей чаще всего опасную специфику ист.-филол. знания, занятого капризной стихией субъективности, гуманитариям полезно; учтем, правда, и то, что в зеркальном отражении ист.-филол. подход в свою очередь мог бы указывать на опасность излишней умиротворенности естественнонауч. мышления: не возникает ли у них под влиянием связности и, так сказать, простодушия природы опасность преуменьшать индивидуальную (эстетич., жанровую, психол. и пр.) специфику человеческих высказываний или артефактов, недооценивая силу богатейшей феноменологии субъективности — фантазии, гротеска, иронии, заблуждения, ошибок или лжи, которых всегда стоит ожидать в человеческих речах и текстах.

Понимая важность среднего образования как для общ-ва, так и для науки, Б. принял участие и в споре о месте классич. школы в системе образования, ее достоинствах и недостатках. Еще в ходе собственного обучения у него появился опыт, существенный для выработки суждений в этой обл., которых он не скрывал в жарких дискуссиях в пору Великих реформ. В ограниченном — по Бэру — признании ценности классич. образования есть кое-что личное: у него с ранней юности осталось несколько травматич. впечатлений от прохождения древних языков (особенно греч.) и древней истории (см.:

Бэр К. М. Автобиография / ред. акад. Е. Н. Павловского, пер. и коммент. проф. Б. Е. Райкова. [Л.], 1950. С. 5, 77); между тем своими успехами в естественных науках он доказал, что кое-какой ум можно нажить и без иступленных занятий грамматикой и даже без профессиональных приемов в толковании текстов. Б. безусловно признает, как важна основательная, притом ранняя школа при подготовке к занятиям наукой, о чем свидетельствует один из его афоризмов: «В научной работе время — не только деньги, но и значительно дороже денег» (Райков. С. 235). Тем не менее, Б., пожалуй, правильно понял, почему он имеет право спорить с таким светилом классич. филологии, как переехавший в ту пору в Россию А. К. Наук. При всем уважении к ученому филологу Б. понимал, что вопрос о роли древних языков в средней школе не находится исключительно в компетенции классич. филологии: в этом деле требуется ответственно понимать существенные социальные процессы и отношения (см. об этом в кн.: Из эпистолярного наследия К. М. Бэра в архивах Европы / сост. Т. А. Лукина. Л., 1978. С. 100, 102). Между тем выпускник знаменитой Пфорты под Наумбургом А. Наук не знал еще, кто и как обычно проводит реформы в России и к чему способно привести внедрение идеалов, выхватываемых из чуждого культурного контекста. Наук стоял, конечно, за перво-классную гимназию с творческим изучением обоих классич. языков и классич. литератур на манер прославленных нем. Fürstenschulen. А ведь ясно, что много таких школ устроить невозможно нигде, а в России особенно.

Или еще: Наук предлагал считать греч. язык опорным в России из-за несомненной весомости визант. традиции для рус. истории, а Б., хоть и не отправлялся на Эвксинский Понт без Гомера,

наверное, понимал, что предпочтение греческого на деле обернулось бы в рус. контексте не возрожденческим культом эллинизма, а новыми проклятиями «латинству» и заодно — тому зап.-европ. знанию, которому удалось «воскресить» эллинизма в его творческом значении. Вместо гениальных эллинов мы получили бы на этом пути элладско-рус. православие, целью которого было бы не одолевать, а преодолевать зап.-европ. культуру. По существу, и Науку, и Б. было ясно, что наряду с классич. гимназиями заслуживают всяческой поддержки и те, что основаны на усиленном внимании к естественным наукам, а помимо тех и других необходимо как реальное, так и техн. образование; решение проблемы, т. о., лежало (и лежит) не в альтернативности, а в диверсификации.

Если оценивать Б. не как великого натуралиста, а по линии универсального энциклопедизма, включающего классич. древность, то у него был великий предшественник в той же Империи — Петр-Симон Паллас (1741–1811), который важен и при исследовании причерноморских древностей (*Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 1–2. Leipzig, 1799–1801*); были у него и последователи, например, акад. Ф. Ф. Брандт и чл.-корр. Э. И. Эйхвальд — исследователи нем. происхождения, но, по всей видимости, петерб. чекана.

Литература: *Stieda L. C. E. von Baer: Eine biographische Skizze. Braunschweig, 1877; Холодковский Н.* Карл Бэр, его жизнь и научная деятельность. СПб., 1893 (Берлин, 1923); *Райков Б. Е.* К. М. Бэр. Его жизнь и труды. М.; Л., 1961; *Karl Ernst von Baer. K 100-letiu. Tallinn, 1976; Клейн 2014.* С. 261–280.

Архивы: см.: Архив АН СССР. Обзорение. 1933. С. 92–93; Фондообразователи.

А. К. Гаврилов

В

ВАЛЬТЕР

Федор Андреевич (Яковлевич)

WALTHER Theodor Christoph
Friedrich Ludwig

[20.5.1808, Арнштадт (Тюрингия) —
20.11(2.12).1886, Петербург;
Смоленское лютеранск. кладб.],
филолог, библиограф,
новолатинский поэт

Из семьи купца. Окончил Лейпц. ун-т (д-р филос.). В Петербурге с 1834, в российском подданстве с 1858. Занимался частной пед. практикой, одновременно преподавал нем. и древние языки в пансионе Э. Г. Муральта, ГНУ св. Петра (1834–1839), Петерб. 3-й гимназии (1838–1840) и ИМХА. Адъюнкт каф. римск. словесности ГПИ (1839–1848); в 1850 снова участвовал в конкурсе на должность адъюнкта ГПИ, но предпочтение было отдано И. Б. Штейнману и Н. М. Благовещенскому, поскольку В. «не имел ученой степени от одного из российских университетов и не известен никакими учеными сочинениями по греческой и латинской словесности» (РГИА. Ф. 733. Оп. 25. № 140. Л. 39–39 об.). В 1859, выслужив пенсию и оставаясь причисленным к МНП, оставил преподавание, сосредоточившись на службе в ИПБ, где с 1848 занимал должность

библиотекаря отделения полиграфии (позже — правоведения). Оставил б-ку лишь незадолго до смерти (п. д. 1885 — РГИА. Ф. 733. Оп. 130. № 180). Тайный советник. Почетный чл. Лат. общ-ва Йены.

Из филол. трудов В. в доступных источниках упомянуто лишь «критическое сочинение о Квинтилиане» (СПб., 1839. — Воронов. С. 172; в фондах РНБ не сохранилось). Антич. дисциплины (преимущ. лат. грамматику и римск. древности) читал на лат. или нем. языке (Аничков. С. 127–128), но воспитанники вспоминали его с симпатией как серьезного и увлеченного предметом наставника (*Zdekauer N. F., Dalton H. Réminiscences de la pension du pasteur J. de Muralt de 1825 à 1831.* SPb., 1874. P. 8; в этом же издании помещена лат. ода В., посвященная директору уч-ща — *viro illustrissimo* Муральту). Добрую память сохранил о В. его приватный ученик И. С. Тургенев, которого тот «репетировал» по древним языкам в 1835–1837, судя по любезному отклику русского писателя на преподнесенный ему В., «немцем по эрудиции» и русским «по патриотическим чувствам», сборник стихов: «Я не забыл о том времени, когда был вашим учеником — и если я на всю жизнь сохранил любовь к античности и классической литературе и поклонение им, то этим отчасти обязан вам» (*Тургенев И. С. ПСС.* М.; Л., 1966. Т. 12, кн. 1. С. 483). Увлекался

В. парадной версификацией, вероятно, не из одних прагматич. соображений, хотя среди адресатов его посланий (см. перечень заглавий в кн.: *Catalogue de la section des Rossica*. SPb., 1873. Т. 2, р. 4. P. 509–511) преобладают члены царского дома. Судя по некоторым отзывам (см., напр., заметку Н. С. Лескова об элегич. стихотворении, посвященном 400-летнему юбилею Мартина Лютера, «борца против папской тирании» — *Новости и Биржевая газета*. 1884. № 85. 30 марта), нем.-лат. «классическую музу» В. благосклонно воспринимали и за границей. Из библиогр. публикаций В. ценность представлял каталог коллекции эльзевиров **«Die Elzevir-Sammlung in der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St.-Petersburg»** (SPb., 1862; франц., SPb., 1864) и прилагаемый к нему список исследований по эльзевирам в фондах ИПБ **«Catalogue méthodique des dissertations ou thèses académiques imprimées par les Elzévir de 1616 à 1712...»** (*Bulletin du Bibliophile belge*. 1864. Vol. 17–19 и отд.).

Литература: Двадцатипятилетний юбилей Третьей С.-Петербургской гимназии. СПб., 1848; *Смирнов А.* Краткое историческое обозрение действий Главного педагогического института. 1828–1859. СПб., 1859; Отчет Императорской публичной библиотеки за 1864 г. СПб., 1865; *Малеин А.* Латинские клаузарные работы И. С. Тургенева // Гимназия. 1893. № 3–5; ИПБ 100 лет; Бывшая 3-я гимназия; *Petrishule*; *Дмитриев А. П.* Н. С. Лесков и остзейский вопрос. Треволнения этнорелигиозной неангажированности // Христианство и русская литература. Сб. 6. СПб., 2010. С. 153–154 ♦ Воронов; Брокгауз; РБС; Венгеров (Источники, Список); НР; Немцы в России. Петербургские немцы: сб. статей / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб., 1999; СРНБ (библ.); EAD.

Архивы: Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 531 (А. С. Норов), 608 (И. В. Помяловский), 991 (Общ. собр. иностр. авторов), 1000 (Собр. отд. поступлений), 380 (М. А. Корф) и др.; ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ).

В. П. Смышляева

ВАРНЕКЕ (ВАРНЕК) Борис Васильевич

WARNE(C)KE B.

[3(15).6.1874 (по др. сведениям 13(15).7.1874), Москва — 31.7.1944, Киев], *филолог, историк театра, мемуарист*

Из мещан. Обучение начинал в Моск. 2-й прогимназии, пока как незаконнорожденный сын актрисы не попал под дяляновский циркуляр о «кухаркиных детях» (1887), однако, продолжал заниматься древними языками самостоятельно. Подрабатывал на жизнь корреспондентскими в «Московском листке» и участием в театральных постановках. Аттестат получил в Моск. 1-й гимназии, куда был зачислен по протекции Ф. Е. Корша. В 1894–1898 студент ПИФИ. Оставленный для науч. занятий, стажировался в Гёттингене и Лейпциге (1898); после 1904 также неоднократно выезжал за границу. С 1899 преподавал древние языки в Петерб. 5-й, с 1902 — в Царскосельской Николаевской гимназии. Прив.-доц. Петерб. ун-та в 1901–1904. Чл. Петерб. ОКФП. После защиты магист. дис. **«Очерки из истории древнеримского театра»** (защищена: Петерб. ун-т, 1903) был приглашен в Казан. ун-т: экстр. проф. (1904), орд. проф. (1906), секр. ИФФ в 1905–1907. Докт. дис. **«Наблюдения над древнеримской комедией»** (защищена: Моск. ун-т, 1905). В 1910 перешел в Новорос. ун-т (орд. проф.). Был чл. ООИИД и зав. музеем этого общ-ва (1913–1919), чл.-корр. Германского археол. ин-та и ряда науч. общ-в; чл. пед. совета женской гимназии С. А. Верцинской (1912–1917). После 1917 продолжил науч.-пед. деятельность в Одессе: читал лекции по римск. литературе и истории искусств в Одесском ун-те (неоднократно менявшем названия в 1920-е) и Ин-те изобразительных искусств. С 1936 заведовал каф. истории мировой литературы Одесского

пед. ин-та. В годы оккупации преподавал в Румынском королевском ун-те Транснистрии (1942–1944); после освобождения Одессы был арестован и осужден. Этапированный в Киев, скончался там в тюремной больнице (реабилитирован в 1955).

«Один из немногих главных преподавателей» изучения истории римск. литературы в первой трети XX в. (Бузескул 2008. С. 216). Зарождением любви к античности был обязан ярким профессорам Моск. ун-та — А. Н. Шварцу (директору Моск. 2-й прогимназии в 1885–1887), Ф. Е. Коршу, консультировавшему его урывками за кулисами театра, и И. В. Цветаеву, чьи выступления на заседаниях МАО произвели сильное впечатление на В.-гимназиста (см. воспоминания В.: **Старые филологи** // ВДИ. 2013. № 3. С. 191–198). Начальный этап науч. деятельности В., посвященный изучению языка и стиля Теренция, хранит следы влияния формально-критич. традиции ПИФИ и наставничества О. А. Шебора и Л. А. Миллера. Контакты с Миллером не прерывались вплоть до смерти учителя (см. прочувствованный некролог Миллеру: ФО. 1898. Т. 14), который, умирая, просил К. В. Кедрова о магистратуре для В. (Варнеке. № 4. С. 147). Первые публикации В. посвящены преимущ. экзегезе и лингв. стилистике архаич. лат. текстов: статьи **«К Теренцию»** (ФО. 1898. Т. 14; защита рукописных чтений и небольшая полемика — «при всем благоговении» — с Миллером); **«Заметки к Теренцию»** (ФО. 1898. Т. 15; интерпретация синтаксиса в стихе Andr. 403 и необычного *prehendit* в стихе Andr. 353, появление которого В. объяснил двумя авторскими редакциями); **«De sententiarum temporalium usu Catoniano»** (ФО. 1900. Т. 19; сопоставления временных придаточных в текстах Катона и паллиаты); **«К вопросу об именах действующих лиц Плавта и Теренция»** (ЖМНП. 1906. Окт.; о ж. именах греч. происхождения в римск. комедии) и др. Но с юности

увлеченный «реальными» темами, слушавший параллельно с филологами лекции А. В. Прахова и А. Н. Щукарёва по истории искусств, В. от грамматики и критики текста вскоре переходит к ист.-лит. темам, более соответствовавшим его театральным увлечениям и лит. дарованию. Кристаллизации магист. темы способствовал круг общения в Петерб. ОКФП (Ф. Ф. Зелинский) и в Царском Селе (И. Ф. Анненский, с которым, несмотря на некоторые эстетич. разногласия, В. сохранял связь и после своего отъезда в Казань; В. — рецензент пьес и переводов Анненского, опубликовавший и некролог поэта: ЖМНП. 1910. Март).

С начала 1900-х публикует многочисленные статьи по истории римск. театра (в сопоставлении с практикой аттического театра) и «связанного по рукам и ногам литературным преданием» жанра комедии-паллиаты: **«Как играли древнеримские актеры»** (ФО. 1900. Т. 19); **«Античная декламация»** и **«Римское государство и актеры»** (Там же. 1901. Т. 20); **«К истории древнеримского театра»** (Там же. 1902. Т. 21); **«Из наблюдений над древнеримской комедией»** (ЖМНП. 1904. Апр.); **«Роль adulescens в древнеримской комедии»** (Там же. 1908. Авг.); **«Костюм актеров римской комедии»** (Там же. 1910. Март) и др. Опираясь на толкование текстов Плавта и Теренция, худож. свидетельства об антич. театре (вазовая живопись и терракоты), а также на практическое знакомство с современным театром, В. реконструирует некоторые черты римск. представлений, состав и положение актерского цеха, обсуждает использование актерами костюма (*pallium*, *palla*, *tunica*, *chlamys*) и аксессуаров, театральных приемов (в т. ч. *καταλόγη*, жестикуляцию, движения), описывает типы римск. комедии, их предысторию и рецепцию новой европ. традицией [маску «хвастивого воина» от архетипич. сатира греч. драмы В. через Менандра и Плавта доводит

до лукиановского Леонтиха и шекспировского Фальстафа (**К истории типа «Хвастливый воин»** // Сб. статей в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914)]. Интересовался В. и мимом — наиболее свободным жанром римск. сцены, особенно творчеством Лаберия: **«Политическая роль древнеримского театра»** (Воронеж, 1905), **«Новейшая литература о мимах»** (Казань, 1907) и др.

Наиболее значительным ист.-лит. трудом В. о паллиате явилась дис. **«Наблюдения над древнеримской комедией. К истории типов»** (Учен. зап. Казан. ун-та. 1905. № 9–10 и отд. отт.), в которой он систематизировал мотивы жанра, подробно исследовал типические персонажи комедии (прежде всего женские: *hetera meretrix*, кормилица, сводня, матрона) в сопоставлении с типами новоаттич. комедии, а также в связи с поздними элегич., романич. и эпистолярными (о последних см. также: **Письма Аристенета** // ЖМНП. 1905. Сент.) реминисценциями. Утверждение нового («более положительного») взгляда на женщину и некоторых производных от него мотивов «слезной» комедии В. связывает с просветительской деятельностью Сократа и Еврипида в Афинах и (недооцененного современниками реформатора жанра) Теренция в Риме (Там же. С. 308–312). Д. П. Шестаков в благожелательном отзыве на труд В. (ЖМНП. 1906. Май) укорял автора за недооценку фольклорной стихии в формировании комич. жанра: многие мотивы и формулы комедии, которые диссертант связывает с литературным преданием, привнесены, по мнению рецензента, в нее из живого языка [напр., *militat omnis amans* могло быть заимствовано Теренцием и Овидием из солдатского фольклора (Там же. С. 201)]. В последующие годы, привлеченный обсуждением в печати папирусных находок Менандра, В. обращался к истории новоаттич. комедии: **«Новый сборник документов по истории аттического театра»** (Учен.

зап. Казан. ун-та. 1908. № 1); **«Актеры древней Греции»** (Ежегодник императорских театров. 1914. № 5–7) и др. В сб. **«Новые комедии Менандра»** (Казань, 1909) ист.-лит. свидетельств эволюции греч. драмы дополнены В. прозаич. переводами фрагментов комедий «Третьейский суд», «Герой», «Домовой», «Девушка с обрезанными косами», «Самиянка» (одобрительные рец. с указанием на небольшие огрехи перевода: С. П. Шестаков — ЖМНП. 1909. Март; А. Ф. Семёнов — Гермес. 1909. № 7; замечания последнего, впрочем, вызвали крайнее раздражение В.: **По поводу рецензии А. Ф. Семёнова** // Гермес. 1909. № 9). В статьях и очерках по истории антич. театра В., отчасти следовавший практике Зелинского и Анненского, стремился обсуждать судьбу антич. сюжетов и образов в новой традиции, иногда посвящая «транспозициям» сюжетов и героев отд. заметки: **«Новейшее подражание Плавту»** (Гермес. 1911. № 8; плавтовский сюжет о близнецах в пьесе Т. Бернара «Брайтонские близнецы»); **«Plautinum»** (Одесса, 1919). В 1929 В. обобщил свои исследования по истории греч. и римск. театра в книге **«Античный театр»** (Харьков, 1929; перераб. вариант: История античного театра. М.; Л., 1940). Разработка театральной темы, включавшая эпизодич. интерпретации сюжетов живописи и пластики, постепенно привела В. к археол. и искусствоведческим занятиям, чему способствовал и его переезд в Одессу. Отсюда его статьи **«Античные терракоты»** (Изв. Общ-ва археологии, истории и этнографии при имп. Казан. ун-те. 1906. Т. 22), **«Новые домыслы о происхождении греческой комедии»** (Одесса, 1912; полемика с Г. Шнабелем по поводу трактовки изображения танцоров на вазе из Корнето: В. находил надуманной интерпретацию этого танца как «кордака» и предположение о связи комедии с культом Артемиды), **«Новые древности из Керчи»** (ЗООИИД. 1915. Т. 32), **«Кристьяне Еврипида»** (Гермес. 1917. № 9–10;

с реконструкцией еврипидовского сюжета по рисунку этрусской вазы). Не чуждался В. и приемов мифол. школы: «**Легенды о происхождении скифов**» (ИТУАК. 1920. Т. 57), «**Театр в греческих колониях северного побережья Черного моря**» [ИТОИАЭ. 1927. Вып. 1 (58)].

В 1910-е гг. В., почти два десятилетия преподававший в различных драматических объединениях, начинает систематизировать свои лекционные материалы по истории российского театра. Его наиболее известный труд в этой области — «**История русского театра**» (Т. 1–2. Казань, 1908–1910; СПб., 21913, М.; Л., 31939), где внимательно рассмотрены различные стороны театральной жизни: от становления отеч. драматургии до роли в истории театра отд. актеров. В. хвалили не только за обстоятельность, но и за новизну (Н. Дризен — ИВ. 1908. № 8; Н. Петровский — ЖМНП. 1908. Окт.) и др. Основную задачу этого сочинения И. Анненский (со слов самого В., состоявшего с рец. в переписке, — РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. № 304) определял как исследование «зависимости форм драмы от условий сцены» (Анненский И. Ф. Учено-комитетские рецензии. Вып. 4. Иваново, 2002. С. 200–203). Отд. главы «Истории...» печатались также в периодике: П. Потапов (ЖМНП. 1914. Февр.) к наиболее удачным относил очерки, посвященные драматургии Фонвизина, Островского и Тургенева. Среди полтораэта публикаций В. немало рец. и популярных заметок: со студ. лет он регулярно печатался в науч., пед. и лит.-общественных изданиях. В. — острому наблюдателю человеческих типов — принадлежат также (часто субъективные и не лишённые едкости) воспоминания о его современниках, литераторах и ученых — Д. Н. Мамине-Сибиряке, Н. П. Кондакове, И. Ф. Анненском, П. П. Гнедиче, К. Д. Бальмонте, И. И. Холодняке и др. (частично опубл. И. В. Тункиной: Варнеке). С начала 1900-х издавал и гимназические пособия (**Овидий. Избранные**

метаморфозы. СПб., 1901; совместно с М. М. Михайловским). И. М. Тронский называл В. своим наставником.

Литература: Пам. книжки СПБФИ. 1898 (см. также изд. 1902 — списки); Черняев П. Н. Успехи изучения римской драмы в России. Воронеж, 1910; Библиографический список научных трудов профессора Б. В. Варнеке. 1889–1924. Одесса, 1925; Тункина И. В. Б. В. Варнеке: страницы биографии // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 441–452; Никитюк Е. В. Историк античной культуры Б. В. Варнеке // VII Жебелёвские чтения. СПб., 2005; Паньков Н. Керченские терракоты и проблема «античного реализма». Книга М. М. Бахтина о Рабле и русская наука об античности конца XIX — первой половины XX в. // НЛО. 2006. № 79. С. 101–119; Кулишова О. В., Никитюк Е. В. Борис Васильевич Варнеке — историк античного театра // Новый Гермес. 2018. Вып. 10. С. 220–234; Hausmann ♦ Григорьев; Брокгауз; Венгеров (Список); КЛЭ; Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. 1905–1917 / сост. Е. М. Мишина и др. Казань, 1986; РП; БС ПОНУ; Фролов 2006; Бузескул 2008.

Архивы: ПЦТМ. Ф. 45 (19 ед.); РО ИРЛИ. Ф. 327 (А. А. Чебышев), 377 (С. А. Венгеров); ОР РНБ. Ф. 124 (П. Л. Ваксель), 615 (Н. И. Привалов), 874 (С. Н. Шубинский); СПбФ АРАН. Ф. 115 (Н. П. Кондаков), 116 (Ф. И. Успенский) и др.; ЦГИА СПб. Ф. 53 (ПИФИ; в т. ч. студ. дело — Оп. 1. № 2343).

В. П. Смышляева

ВАСИЛЬЕВСКИЙ Василий Григорьевич

WASSILIEWSKY / VASIL'EVSKIJ V. G.

[21.1(2.2).1838, с. Ильинское Любимского у. Ярославской губ. — 25.5.1899, Флоренция; Cimitero degli Allori], историк-антиковед и византинист

Родился в семье сельск. священника. Начальное образование получил дома, затем обучался в Ярославском духовном уч-ще и Ярославской семинарии.

В 1856 поступил на ИФФ ГПИ. После его закрытия в 1859 перешел на последний курс ИФФ Петерб. ун-та. Учителями В. были в ГПИ — М. Сем. Курторга, И. И. Срезневский, Н. М. Благовещенский, в ун-те — М. М. Стасюлевич. Окончив курс со званием старшего учителя гимназии, В. еще на два года остается в Петербурге, проходя пед. практику в средних учеб. заведениях столицы и готовясь к сдаче магист. экзаменов. По ее завершении В. едет в командировку в Европу (1862–1864), где слушает курсы в ун-тах Берлина (у И. Дройзена и Т. Моммзена), Женевы и Йены (у А. Шмидта). Моммзена В. всегда особенно ценил; еще до поездки в Германию он даже делал перевод на рус. язык отрывков из «Римской истории». В. испытал большое влияние взглядов и самой личности нем. ученого, его своеобразной манеры преподавания. В одном из писем (январь 1863) он так отзывался о Моммзене: «Ну, а что это за человек, и что за ученый Моммзен — что об этом и говорить! <...> Я от него просто без ума. Такого соединения громадной специальной учености

и живого понимания, представления дела я, конечно, не встречал, да едва ли и встречу» (цит. по: *Модестов*. С. 159). Дройзен, по мнению В., «читает хорошо», однако глубокого воздействия на него этот ученый не оказал. Насколько можно судить, именно история Рима в тот период наиболее привлекала В., и солидная подготовка в данной обл. чувствуется в его более поздних, уже византиноведческих, работах. Возвратившись в Россию, В. вплотную занялся своей магист. дис. о Полибии. Однако из-за разногласий с науч. руководителем М. С. Курторгой, которому тема категорически не нравилась своей «широтой», он принужден был отказаться от первоначального замысла. Из-за материальных затруднений В. на время покинул Петербург; в 1867–1870 преподавал историю, географию и древние языки в Виленской классич. гимназии. В итоге дис. на тему **«Политическая реформа и социальные движения в древней Греции в период ее упадка»** была защищена В. в Петерб. ун-те лишь в 1870 (напечатана первоначально по частям в «ЖМНП» в 1868–1869, затем вышла отд. книгой). После этого он работал на каф. всеобщей истории Петерб. ун-та: прив.-доц. (1870–1879), экстр. проф. (1879–1984), орд. проф. (1884–1895), засл. орд. проф. (1895–1899). Секр. ИФФ Петерб. ун-та (1880–1885). Проф. (1878–1889) и декан (1882–1889) ист.-филол. отделения ВЖК. Чл. Ученого комитета МНП (с 1871). Чл.-корр. (1876) и д. чл. (1890) АН по рус. и визант. истории. Действительный (1874) и почетный (1896) чл. РАО, д. чл. МАО (1893). Чл.-учредитель и почетный чл. Имп. ППО. В 1879 Моск. ун-т присвоил В. за его рус.-визант. исследования докт. степень по рус. истории *honoris causa*.

В. не отличался крепким здоровьем. Болезни, преследовавшие ученого с молодых лет, неоднократно надолго отрывали его от науч. и пед. занятий. Незадолго до смерти, в марте 1899, по настоянию

врачей он, наконец, предпринял поездку на лечение в Италию. Однако лелеемая В. мечта посетить Рим так и не осуществилась. Очередной приступ болезни почек остановил его во Флоренции, где он скончался. Похоронен был В. в присутствии лишь семьи и немногочисленных друзей, волею случая оказавшихся в Италии; надгробную речь произнес друг его юности и сокурник по ГПИ В. И. Модестов.

В общественной деятельности В. практически не принимал участия и не испытывал к ней влечения; политикой он также мало интересовался. Как пишет Модестов, «он считал возможным ограничить свою роль в общественной жизни исключительно ролью ученого, которая и на самом деле всего более отвечала его вкусам и его, в сущности, флегматической, натуре» (Модестов. С. 155). В. также был резким противником проецирования современных полит. идей на древность. Никакие полит. симпатии и антипатии, с его точки зрения, не должны оказывать воздействия на науч. работу историка: «Ложь не может быть оправдана любовью к родине или ненавистью к врагу» (Взгляд Грота на историю афинской демократии // ЖМНП. 1867. Апр. С. 91).

Несмотря на то, что мировое признание В. получил как выдающийся историк-византист, свой путь в науке он начинал с занятий античностью. Среди первых его работ обращает на себя внимание названная выше статья о взглядах англ. историка Дж. Грота на историю афинской демократии (С. 87–145). Магист. дис. В. была посвящена социальной и полит. истории Греции периода эллинизма: с 245 г. (первая стратегия Арата) по 222 г. (битва при Селласии). В этой работе В. сосредоточился на двух основных сюжетах. Первый из них — история создания Ахейского союза, его полит. и воен. организация, деятельность наиболее выдающегося его стратега Арата; второй — реформы двух спартанских царей III в. до н. э., Агиса IV и Клеомена III. Самый выбор темы

оказался большой удачей исследователя, т. к. социальная история Греции эллинистич. эпохи была очень плохо изучена в мировой историографии. Большинство авторов рассматривали этот период как время безусловного упадка Эллады и ее ин-тов, с чем В. отнюдь не согласился: «Греция Перикла и Фукидида не воскресла более; но и Греция времен Арата и Полибия сохранила и нашла в себе достаточно живых сил, чтобы сделать новые попытки к разрешению основных вопросов политической и общественной жизни» (**Политическая реформа и социальные движения в древней Греции в период ее упадка**. СПб., 1869. С. 1). В., несомненно, можно отнести к историкам-позитивистам, и некоторые отличительные черты направления проявляются уже в этой его работе. Одним из первых в отеч. антиковедении он рассматривает полит. события в тесной связи с социально-экон. историей. Дис. отличается использованием возможно более широкого круга источников, тщательностью их критич. анализа, максимально беспристрастной интерпретацией фактов, глубиной проникновения в изучаемую тему и вместе с тем — живым и ярким языком изложения. Анализируя спартанские реформы, В. указывал на связь этих преобразований с развитием греч. полит. философии, хотя подчас и преувеличивал степень ее воздействия на деятельность царей-реформаторов (см.: Фролов 2006. С. 236). В. высоко оценил федеративные принципы устройства и полит. потенциал Ахейского союза. Однако «дело политического возрождения Греции было разрушено, можно сказать, социальной революцией», т. е. Клеоменовой войной (**Политическая реформа и социальные движения...** С. 326).

Вместе с тем, занимаясь античностью, В. всегда испытывал устойчивый интерес к истории Средних веков. В период преподавания в Виленской гимназии он изучал архивные материалы по истории

Литовского княжества и г. Вильно. Результаты этого труда стал цикл статей [напр.: **Письма Гедимины и католическое посольство в Вильне (1324 г.)**] // Виленский вестн. 1869. № 62–67; **Обращение Гедимины в католичество** // ЖМНП. 1872. Февр. С. 135–196; и др.], а также общая работа **«Очерк истории города Вильны»** (Памятники старины в западных губерниях империи, издаваемые Батюшковым. 1872. Вып. 5; 1874. Вып. 6). После защиты магист. дис. В. отошел от антиковедческих штудий и никогда уже более к ним не возвращался, хотя, читая в ун-те общий курс средневековой истории, неизменно посвящал первый его раздел Римск. империи, раннему христианству, а также древней истории кельтских и германских народов Европы; часть этих лекций он позднее опубликовал в виде статьи (**Вопрос о кельтах** // ЖМНП. 1882. Сент. С. 103–184; 1883. Авг. С. 221–250; подробный обзор лекционного курса В., посвященный Римск. империи и раннему Средневековью, см.: *Гревс*. С. 47–53). В. полностью посвятил себя византиноведению — науч. дисциплине, на тот момент только делавшей первые шаги как в России, так и за рубежом. В 1872 появился первый его труд по визант. тематике — статья **«Византия и печенеги (1048–1094)»** (ЖМНП. 1872. Ноябрь. С. 116–165; Дек. С. 243–332). Особое внимание в своих исследованиях В. уделял рус.-визант. отношениям. Среди его работ в этой обл.: **«Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков»** (ЖМНП. 1874. Ноябрь. С. 105–144; 1875. Февр. С. 394–451; Март. С. 76–152; после этой публикации В. был избран чл.-корр. АН); **«Русско-византийские отрывки»** (ЖМНП. 1875–1878). В. много занимался социально-экон. историей Византии, в первую очередь — историей аграрных отношений, налоговой системы и законодательства (**Законодательство иконоборцев** //

Там же. 1878. Сент. С. 258–309; Ноябрь. С. 95–129; **Материалы для внутренней истории византийского государства** // ЖМНП. 1879–1880).

Велики заслуги В. в обл. источниковедения. С переводом на рус. язык, вступ. статьями и обширными комментариями он издавал такие визант. и древнерус. рукописные памятники, как «Стратегикон Кекавмена» XI в., два послания имп. Михаила VII Дуки к кн. Всеволоду Ярославичу, жития св. Стефана Нового, Иоанна Готского, Стефана Сурожского, «Хождение в Св. Землю» Епифания и др. В. мечтал создать общий труд по истории Византии, который подвел бы некий итог его многолетним изысканиям, но замысел этот так и не был осуществлен (*Гревс*. С. 39; подробнее о многочисленных достижениях В. в изучении визант. истории см., напр.: *Жебелёв* С. А. В. Г. Васильевский и изучение византийских древностей // ВДИ. 1939. № 1. С. 217–222; *Литаврин* Г. Г. Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербург. центра византиноведения (1838–1899) // ВВ. 1994. Т. 55, ч. 1. С. 11–21). Хотя свои труды В. публиковал только в России и исключительно на рус. языке, они получили признание — притом очень рано — и за рубежом. Поддерживавший тесные связи с иностранными византинистами, В., по приглашению К. Крумбахаера, стал чл. редакции первого в мире спец. византиноведческого ж. «Byzantinische Zeitschrift», созданного в Мюнхене в 1892. По инициативе В. с 1894 при АН начинает издаваться «Византийский временник»; редакторами его стали сам В. и его ученик В. Э. Регель. Кроме того, с 1864 В. являлся сотрудником, а с 1890 — редактором «ЖМНП».

Почти 30 лет В. читал в Петерб. ун-те общий курс средневековой истории Зап. Европы. В преподавании он руководствовался собственным оригинальным методом, который его ученик И. М. Гревс называет аналитико-критич. Он никогда

не стремился дать студентам краткий общий обзор средневековой истории, полагая, что основные факты они могут изучить самостоятельно при помощи учебников. Вместо этого В. сосредотачивался на ограниченном числе проблем, которые рассматривал детально, со всех сторон, обращаясь к анализу источников и историографии и подробно аргументируя сделанные им выводы. Целиком курс он обычно прочитывал за четыре года (см.: *Гревс*. С. 40–47). Как отмечают его ученики, В. не терпел повторений и каждый год видоизменял свои лекции. Кроме того, он разработал и читал несколько спец. курсов по истории Византии и рус.-визант. отношениям, а также по истории стран Зап. Европы. Лекции В. пользовались любовью у студентов, даже у тех, которые не испытывали сильного влечения к ист. науке. Так, В. В. Вересаев, рассказывая о своей учебе на ИФФ Петерб. ун-та и весьма критически отзываясь о многих своих преподавателях (напр., проф. древней истории Ф. Ф. Соколов а он описывает как «совершенно гротескную, мольеровски-карикатурную фигуру ученого-педанта»), пишет: «С теплым чувством вспоминаю проф. А. В. Прахова <...> и проф. В. Г. Васильевского, известного византиста, читавшего среднюю историю; читал он тихо и монотонно, не ослеплял широкими картинами и обобщениями, которые приходилось бы брать на веру; но умел заставить слушателей самостоятельно думать и разбираться в исторических данных» (Автобиографическая справка // *Вересаев В. В.* Сочинения: в 4 т. Т. 1. М., 1990. С. 35). В 1870 — начале 1880-х В. также был одним из немногих профессоров ИФФ, придававших едва ли не решающее значение семинарским занятиям. Будучи чл. Ученого комитета при МНП, В. прилагал немало усилий для улучшения преподавания истории в средней школе и совершенствования пед. литературы по этой дисциплине. Он всегда живо

и оперативно откликался на труды др. ученых, посвященные интересующим его проблемам. Свидетельством этому служат многочисленные рец. В., которые порой перерастают в оригинальные исследования: такова, напр., рец. на кн. Ф. И. Успенского «Образование Второго Болгарского царства» (ЖМНП. 1879. Июль. С. 144–217; Авг. С. 318–348).

В. стал основоположником российской школы византиноведения. Его учениками были все византинисты и медиевисты, закончившие Петерб. ун-т в 1870–1890-х (В. Э. Регель, П. В. Безобразов, Х. М. Лопарёв, А. А. Васильев, И. М. Гревс и др.).

Библиография трудов В.: *Безобразов П. В.* Список трудов В. Г. Васильевского // ВВ. 1899. Т. 6, вып. 3–4. С. 652–658.

Литература: *Гревс И. М.* Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки // ЖМНП. 1899. Авг. С. 27–84; *Безобразов П. В.* В. Г. Васильевский // ВВ. 1899. Т. 6, вып. 3–4. С. 636–652; *Успенский Ф. И.* Академик В. Г. Васильевский // ЖМНП. 1899. Окт. С. 291–342; *Модестов В. И.* В. Г. Васильевский: время высшего образования и приготовления к кафедре // ЖМНП. 1902. Янв. С. 134–168; *Курбатов Г. Л.* В. Г. Васильевский и начало византиноведения в Петербургском университете // Проблемы отечественной и всеобщей истории: сб. ст. к 150-летию Ленингр. ун-та / отв. ред. В. Г. Ревуненков. Л., 1969. С. 133–152; *Заливалова Л. Н.* В. Г. Васильевский: материалы к биографии. Кострома, 1998; *Герд Л. А.* В. Г. Васильевский: портрет ученого в свете его неизданной переписки // РНРВ. С. 52–67 ♦ БС МАО; Брокгауз; Славяноведение; Портреты историков. Т. 3; ПЭ; Фролов 2006; Бузескул 2008; Тункина 2017; Фондообразователи.

Архивы: *Личные фонды:* ЦГАЛИ СПб. Ф. 1656 (12 ед. хр. за 1873–1899); СПбФ АРАН. Ф. 96 (375 ед. хр. за 1861–1899); *Отд. документы и письма:* ЦГАЛИ СПб. Ф. 87. Оп. 1 (Н. П. Барсуков); ОР РНБ. Ф. 119. Карт. 6 (В. И. Герье); ОР РГБ. Ф. 239. П. 6. Карт. 8. Л. 1–1 об. (Н. А. Попов); СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 62 (Ф. И. Успенский); Ф. 107. Оп. 2 (Х. М. Лопарёв); Ф. 726. Оп. 2. Д. 41 (И. М. Гревс); Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 1, 2, 20–22, 52–74, 81–99 (Л. Н. Майков; копии Гревса).

В. К. Хрусталёв

**ВВЕДЕНСКИЙ
Александр Иванович**

VVEDENSKIJ A. I.

[19(31).3.1856, Тамбов — 7.3.1925, Ленинград; Смоленское правосл. кладб.], *философ, логик, историк философии*

По окончании в 1876 Тамбовской гимназии В. поступает на матем. ф-т Моск. ун-та; в 1877 переходит на матем. ф-т Петерб. ун-та, а через год — на 2-й курс ИФФ. По окончании учебы в 1881 В. оставлен при ун-те для приготовления к проф. званию; М. И. Владиславлев предложил ему специализацию по философии, а К. Н. Бестужев-Рюмин — по рус. истории; В. выбрал философию (*Грузенберг*. С. 25). До 1884 В. готовился к сдаче магист. экзамена по философии и одновременно преподавал историю и географию в Петерб. гимназиях. С 1882 до последних дней жизни проживал по адресу: Васильевский остров, 9-я линия, д. 46. С янв. 1885 до мая 1887 В. был командирован за границу для занятия философией в германских ун-тах, где слушал лекции в Лейпциге, Берлине и Гейдельберге (у Куно Фишера). С осени 1887 В. начал читать в Петерб. ун-те лекции по философии в звании прив.-доц., которым стал с 30 сентября 1887. 9 мая 1888 защищает магист. дис. **«Опыт построения теории материи на принципах критической философии»** (СПб., 1888). С 1888 преподает на ВЖК. По словам Н. О. Лосского, В. так и не удосужился написать и защитить докт. дис. Обремененный многочисленным семейством, он был вынужден постоянно читать лекции в нескольких учеб. заведениях Петербурга.

Уже в 1889 М. И. Владиславлев в одной из официальных записок назвал В. («наш А. Введенский») наряду с К. Я. Гротом в числе выпускников Петерб. ун-та,

заявивших заметное место среди философов (отметим, что и москвич В. С. Соловьёв защитил — это было в 1874 — магист. дис. в Петербурге). После кончины М. И. Владиславлева (1890) В. унаследовал каф. философии в Петерб. ун-те и в ИФИ. В ун-те (и др. учеб. заведениях Петербурга) В. читал логику, психологию, введение в философию, историю философии. Среди его учеников — Н. О. Лосский, И. И. Лапшин, С. И. Поварнин, С. О. Грузенберг и др. Однако отношения В. с учениками были далеко не безоблачными, поскольку они не столько следовали теориям своего наставника, сколько создавали свои собственные. Кроме того, В. предпочитал сам читать все положенные курсы, поэтому он долго не допускал учеников, защитивших докт. дис., к проф. званию: И. И. Лапшин стал проф. только в 1913, а Н. О. Лосский — в 1916.

В. — строгий последователь Канта; его теоретич. интересы были связаны с проблемами критич. философии. Однако на протяжении всей своей преподавательской деятельности он постоянно читал и обновлял курсы по истории философии, в т. ч. древней. Сохранился ряд литографированных курсов лекций В. по древней философии, прочитанных в Петерб. ун-те и ИФИ.

Записки по истории греческой философии / составлены по лекциям А. И. Введенского, читанным студентам II и III курсов Имп. Ист.-филол. ин-та в 1890–1891 ак. г. (СПб.: Литогр. Д. Руднева; издатель Ф. Видеман. [Б. г.]. 194 с.); Лекции по истории древней философии, читанные студентам III курса Ист.-филол. ин-та проф. А. И. Введенским в 1891–1892 ак. г. (СПб.: Литогр. Д. И. Руднева; издатели И. Рождественский, А. А. Турчинович. [Б. г.]. 140, 48 с. Содержание: «Метафизика» Аристотеля — пер. и коммент.; «Федон» — диалог Платона); История древней философии проф. А. И. Введенского. 1892/3 г. [СПб.: Литогр. Руднева; издатель А. Раевский; переписывал Ф. Посников. [Б. г.]. 330 с. На с. 330 примеч.: «Курс составлен по запискам (со слов

профессора) гг. Нарбута и Ястребова по курсу Филолог. Инст. 1890/91 г., изданному г. Видеманом (от сего отличается главн. обр. при изложении периода до софистов»); Лекции по истории древней философии (СПб.: Экономич. типо-литогр. [Б. г.] <1910?>. 254 с.; литогр. машинописный текст); Лекции проф. А. И. Введенского по истории древней философии. Издание 1911/1912 г., вновь пересмотренное проф. А. И. Введенским (СПб.: Литогр. Богданова. [Б. г.] 374 с.; литогр. машинописный текст. В предисловии указано: «Это — единственное просмотренное мной издание записей действительно моих лекций, записей, составленных не кем попало, а лицами, назначенными мной же из числа прослушавших раньше эти лекции, сдавших экзамен и обнаруживших способности к философии»; в послесловии на с. 374 сказано: «Я категорически запрещаю самовольные издания каких бы то ни было моих лекций, в том числе и перепечатку этого издания лекций древней философии»). В 1910, 1913 и 1914 выходил и краткий «Конспект лекций проф. А. И. Введенского по древней философии» (20 с.).

В. редактирует в широко понимаемых им учеб. целях, ряд сочинений по истории философии. Так, по его

инициативе и под его редакцией вышел перевод «Geschichte der alten Philosophie» (München, 1888; Handbuch der classischen Alterthums-Wissenschaft / hrsg. v. Iwan Mueller. Bd. 5, Abt. 1, Tl. 1) В. Виндельбанда (*Виндельбанд В.* История древней философии. С приложением: Виндельбанд «Августин и средние века» и Фуллье «История схоластики» / пер. слушательниц ВЖК под ред. проф. А. И. Введенского. СПб., 1893; 41908). В предисловии к переводу В. писал: «...я посоветовал своим слушательницам ВЖК и университетским слушателям составить общими усилиями под моей редакцией переводы подходящих сочинений по истории философии. Слушательницы ВЖК перевели «Историю древней философии» Виндельбанда и сначала, еще два года назад, издали ее в литографированном виде, так что можно было на деле удостовериться, насколько она пригодна для наших целей <...> Делая для перевода выбор из сочинений по истории древней философии, я потому остановился на книге Виндельбанда, что она как будто бы для того и составлена, чтобы как можно полней удовлетворить нашим потребностям. Кроме строгой научности и ясности изложения, мастерского выбора более важных фактов и подробных, но тщательно обдуманых, литературных указаний, книга Виндельбанда имеет еще такие особенности, которые делают ее полезной для очень большого круга читателей» (С. III–IV). Все средства, полученные от выпуска этого издания, пошли на пополнение философского отдела б-ки ВЖК [см. об этом: *Востриков А. В.* Вильгельм Виндельбанд как жертвователь библиотеки Бестужевских курсов, или История одного перевода // *Материалы научно-практич. чтений «...По утрам я читал, упражнялся в переводах...» («Библиотека в усадьбе»)*. 22–26 апр. 2015 г. Михайловское, 2016. С. 180–191].

Под руководством В. выпускницами ВЖК был выполнен перевод др. известного труда В. Виндельбанда по истории философии, выдержавшего также несколько изданий (*Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / пер. со 2-го нем. изд. Е. И. Максимовой, В. М. Неvejeиной и Н. Н. Платоновой; под ред. проф. С.-Петербург. ун-та А. И. Введенского: в 2 т. СПб., 1902–1905; ²1908; ³1913).

Книга П. Таннери, посвященная раннему периоду греч. философии, была издана по распоряжению Совета Филос. общ-ва при Петерб. ун-те, предс. которого со времени его основания в 1897 (до февраля 1921) был В. (*Таннери П.* Первые шаги древнегреческой науки / пер. Н. Н. Польшовой, С. И. Церетели, Э. Л. Радлова, Г. Ф. Церетели; с предисл. проф. А. И. Введенского. СПб., 1902). Инициатором и редактором издания несомненно выступил сам В., отметивший в предисловии ряд бесспорных достоинств этого труда: «...Эта книга тем ценнее, что ее автор не ограничился одним лишь изложением своих взглядов на первые научные построения греков, а для проверки своих мнений постоянно отсылает читателей к первоисточникам, обширные выдержки из которых и присоединил к своей книге в переводе на родной язык. Эти выдержки, в состав которых вошли и все сохранившиеся отрывки первых философов, в русском издании, конечно, переведены прямо с греческого текста. Ввиду всего этого книга Таннери оказывается крайне ценной и при изучении греческой философии по какому-то ни было другому пособию» (С. VI). Перевод основного текста вновь был выполнен выпускницами ВЖК, тогда как перевод текстов доксографов и ранних философов в обширном приложении сделан с греч. языка такими знатоками, как Г. Ф. Церетели и Э. Л. Радлов.

Несколько позднее под редакцией В. был переведен коллективный труд по истории философии (*Общая история философии В. Вундта, Г. Ольденберга, И. Гольдциэра, В. Грубе, Тетуджиро Инуи, Г. фон Арнима, К. Бэймкера, В. Виндельбанда / пер. И. В. Постмана и И. В. Ящунского, под ред. А. И. Введенского и Э. Л. Радлова: в 2 т. СПб., 1910–1912*). Большую часть первого тома занимает перевод раздела «Европейская философия древнего мира» Г. фон Арнима (С. 111–272).

Последняя статья В. «**Судьба веры в Бога в борьбе с атеизмом**» была напечатана во втором номере ж. Филос. общ-ва «Мысль», три номера которого появились в 1922 в издательстве «Academia». Архив В. утрачен во время блокады Ленинграда.

[От редакции: не смешивать с Алексеем Ивановичем Введенским (1861–1913), философом и богословом].

Сочинения: О пределах и признаках одушевления. СПб., 1892; Философские очерки. СПб., 1901; Логика, как часть теории познания. СПб., 1909; ²1912; ³1917; ⁴1922; Психология без всякой метафизики. Пг., 1914; ²1915; ³1917; «...При том замкнутом образе жизни и абстрактных наклонностях моего ума...» (Письма А. И. Введенского Э. Л. Радлову) / публ. А. В. Малинова // Вече: альм. рус. философии и культуры. Вып. 17. СПб., 2006. С. 240–253.

Литература: *Грузенберг С. О.* Очерки современной русской философии: опыт характеристики современных тенденций русской философии. СПб., 1911; *Лосский Н. О.* История русской философии. М., 1994. С. 177–180 (только в этом издании и его переизданиях впервые напечатан аутентичный рус. текст книги Н. О. Лосского; все предшествующие издания и их перепечатки содержат несовершенный рус. перевод текста, впервые изданного на англ. яз. в Нью-Йорке в 1951); *Он же.* Воспоминания: жизнь и философский путь. СПб., 1994. С. 95, 108–109, 126, 128–131, 134, 140–143, 145, 213, 233; *Геллер И.* Проф. А. И. Введенский как философ-учитель // Введенский А. И. Статьи по философии. СПб., 1996. С. 211–214 (впервые: Русская школа за

рубегом. Прага, 1925. Кн. 13–14. С. 143–145); Малинов А. В. А. И. Введенский в ист.-филос. литературе // Вече: альм. рус. философии и культуры. Вып. 16. СПб., 2004. С. 283–306; А. И. Введенский в студенческом фольклоре / публ. А. В. Малинова // Там же. Вып. 17. СПб., 2006. С. 254–258; Малинов А. В. А. И. Введенский как историк философии // Александр Иванович Введенский и его философская эпоха: к 150-летию со дня рождения. СПб., 2006. С. 36–72; Тихонова Э. В. Хроника жизни и творчества А. И. Введенского (1856–1925) // Неокантианство в России. Александр Иванович Введенский. Иван Иванович Лапшин. М., 2013. С. 201–211; Попова В. С. Библиография трудов А. И. Введенского // Там же. С. 212–223 ♦ БС проф. СПб ун-та; НЭС; Биографика СПбГУ.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 2191. Д. 1348/6 (Письма к М. И. Владиславлеву, 1885–1889).

Н. И. Николаев

ВЕДРОВ

Владимир Максимович

VEDROV V. M.

[13(25).6.1824, по др. сведениям 13(25).7.1824, Петербург — 2(14).3.1892, там же; Никольское кладб. Александро-Невской лавры], историк античности, цензор

Из семьи учителя Введенского уездного уч-ща. По окончании Петерб. 3-й гимназии (1833–1842) обучался на филос. ф-те Петерб. ун-та (окончил в 1846 по разряду общей словесности), был оставлен для подготовки к профессорскому званию по каф. всеобщей истории. Магист. дис. «Жизнь афинского олигарха Крития» (защита: Петерб. ун-т, 1848; магистр всеобщей истории). В течение нескольких лет преподавал историю в Дворянском полку, Главном инженерном уч-ще, Павловском корпусе и Военно-аудиторском уч-ще; также занимал должность адъюнкта истории и географии в Александровском лицее (1853–1857). В апреле 1857 В. был допущен к испытаниям на степень д-ра,

но сочинение «Поход Афинян в Сицилию и осада Сиракуз», представленное как докт. дис. в ИФФ Петерб. ун-та, было отклонено. В. переехал в Казань (орд. проф. Казан. ун-та), но через два года (апр. 1859), не перенеся «изгнания студентами» в дни студ. беспорядков, вернулся в Петербург. Был причислен к МНП, принимал участие в работе Ученого комитета и комиссии по ун-тскому уставу. Последующая деятельность В. связана преимущ. с Ценз. комитетами Москвы (1865–1872) и Петербурга (1872–1892). Чл. МАО (1870).

В гимназии (учился казеннокоштным) проявил интерес к изучению древних языков и заслужил немало похвальных листов, в т. ч. «четвертую награду» по греч. языку на конкурсе петерб. гимназий. Выбором ист. специализации в ун-те был обязан впечатлению от лекций М. Сем. К у т о р г и. Две ист. монографии В., однако, не принесли ему признания ни в ун-тском сообществе, ни среди журнальных критиков. Магист. сочинение «Жизнь афинского олигарха Крития» (СПб., 1848), полемически обращенное к работе Э. Вебера о Критии (1824), представляет собой полит. портрет тирана (изложение В. ведет в хронологич. порядке) — по свидетельствам Платона, Плутарха, Фукидида, Ксенофонта и др. историков, на фоне общественно-полит. жизни Афин V–IV вв. до н. э. Критий — традиционно для учеников Куторги (см. портреты греч. олигархов в трудах Н. А. Астафьева, М. М. Стасюлева и ча) — охарактеризован как лидер, порожденный эпохой религ. безверия («ум далеко зашел в своих разъяснениях»), упадка нравственности и буйства черни; «гордый аристократ», который «видел унижения знати» и «сам каждую минуту должен был или льстить народу, или сделаться олигархом», и предпочел второе (Там же. С. 66). Основное положение дис.: Критий, сын Каллесхра (он же софист и «автор ямбов, цитируемых Секстом Эмпириком»), «честный противник

самолюбивого Ферамена», в продолжение всей жизни оставался «верен олигархическому началу», сформированному в его сознании ист. ситуацией и средой (Там же. С. 109). Попытка В. осветить полезные стороны деятельности «умного и талантливого» тирана была воспринята в годы николаевской реакции как желание услужить власти, что и определило холодное отношение к ней демократической критики и части читателей. С. А. Венгеров (Словарь. Т. 1. С. 256) «отголоском той неприязни, которую возбудила в передовых кругах первая диссертация», объясняет также провал второй дис. В. «**Поход афинян в Сицилию и осада Сиракуз с мая 415 до сентября 413 года до Р. Х.**» (СПб., 1857): мнения о ней «в факультете разделились, произошел разрыв с М. С. Куторгою и диссертация не была принята». С язвительной критикой этого труда выступил Н. А. Добролюбов (Современник. 1857. Т. 65), порицавший в «quasi-самобытном» сочинении В. банальность (при внешней учености) содержания и вялость изложения, а также неразборчивость в источниках и нелогичность суждений (мнение критика, несомненно, опиралось на устные отзывы о работе В. ун-тских профессоров). Хотя из письма Добролюбову А. П. Златовратского (Добролюбов. Т. 9. С. 142) видно, что такое «уничтожающее» мнение разделялось не всеми, основания для него несостоявшаяся дис. В. несомненно дает. Ее основной текст — пересказ событий похода по Фукидиду, Плутарху («Алкивиад», «Никий»), Андокиду («Речь о мире с лакедемонянами») при редких обращениях к новой литературе (А. Бёк) и с оценками образца «в этом мнении Никия выразилась вполне его боязливость и осторожность» или «это мнение Алкивиада явно говорит в пользу его обдуманности и уступчивости планам умеренного Никия» (Там же. С. 60, 61). Самостоятельные положения В. о некоторых деталях осады, выведенные из сопоставления

ее описания антич. историками и плана древних Сиракуз, выполненного архитектором Каваллари (он дан в приложении), напр., трактовка κύκλος (Thuc. VI, 98) как «операционного пункта в виде круга» или уточнение первого укрепления сиракузян («шло по северной стороне стены Теменита к Епиполю»), тонут в изложении общеизвестного.

Отказ В. от преподавания и ученой деятельности, как и некоторые другие его поступки, в поздних оценках предстает свидетельством его врожденной честности: задетый охлаждением к его лекциям по всеобщей истории со стороны студентов-юристов Казан. ун-та, В. сам созвал недовольных, изложил им свои взгляды на задачи преподавания и, публично отказавшись от кафедры («раз слушатели не находят его на высоте своего призвания»), мнения своего уже не изменил, несмотря на уговоры членов совета. Выпускники Александровского лицея Д. Ф. Кобеко и А. Л. Соколовский упоминают, впрочем, что молодой и пылкий В. не производил впечатления на слушателей: «трещал с кафедры без умолку», но «настоящего исторического содержания в его, хотя и изустных, лекциях не было» (Императорский Лицей в памяти его питомцев: Александровский Лицей. 1844–1918. СПб., 2011. С. 84, 128).

В качестве цензора положительно оценивался многими авторами и издателями (нес «светильник свободного слова», защищал авторов от несправедливых притеснений и не возражал против их обращения к др. цензорам, «если это поможет делу»; см. об этом подробнее у Венгерова, «Словарь» которого В. цитировал до своей смерти: Словарь. Т. 1. С. 257–258). Стасюлевич, товарищ В. по ун-ту и *privatissima* Куторги, из-за неординарного поведения В. («наивности характера») подозревавший в нем тайного интригана [«я очень не любил Ведрова, будучи студентом, но вы объяснили мне его странный характер», — писал он

Куторге в 1850 (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1. СПб., 1911. С. 238)], став издателем либерального «ВЕ», дорожил старым знакомством с умным и нераболепным В., который цензурировал журнал в течение 20 лет. Л. Ф. Пантелеев, которому «не трусивший косых взглядов коллег» по комитету В. разрешил к печати перевод «Истории материализма» Ф. А. Ланге, благодарно отозвался о терпеливом обращении В. с авторами (Пантелеев. С. 256). Впрочем, к злободневной сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина В. не был столь снисходителен и писал в отзыве: «Сатира со времен Ювенала и Персия действовала разрушительно, но она имела предметом общечеловеческие недостатки. Салтыков же, видите ли, “бичует” вполне определенные обществ. явления» (цит. по кн.: Тюнькин К. И. Салтыков-Щедрин. М., 1989. С. 328).

В число личных друзей В., по свидетельству его сына Сергея В. Ведрова (проф. полицейского права в Петерб. ун-те), входили видные деятели российского образования — И. Е. Андреевский, А. С. Воронов, В. С. Порошин (Рус. интеллигенция. Т. 1. С. 220).

Литература: Селезнёв И. Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первые его пятьдесят лет. 1811–1861. СПб., 1861; Загоскин; Михайловский А. И. Преподаватели, учившиеся и служившие в императорском Казанском университете (1804–1904): материалы для истории университета. Вып. 1–3. Казань, 1901; Бобров Е. А. Борис Иванович Ордынский. Варшава, 1904; «Наставникам, хранившим юность нашу»; БС МАО; Скворцов А. М. М. С. Куторга и В. М. Ведров: конфликт учителя и ученика // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2009. № 37. С. 162–168 ♦ Воронов; Языков; Григорьев; БС Казан. ун-та; Венгеров Словарь, Список; Черняев; Сайтов; Фёдоров; Цензоры.

Архивы: РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров); ОР РНБ. Ф. 391 (А. А. Краевский), 621 (А. Н. Пыпин); ЦГИА СПб. Ф. 11 (Александровский лицей).

В. П. Смышляева

ВЕЙСМАН Александр Давидович (Давыдович)

VEJSMAN A. D.

[1834, Виленская губ. (?) — 28.10(10.11).1913, Петербург],
филолог, лексикограф

Родился в семье прусского подданного. Окончил Петерб. 3-ю гимназию и ГПИ (выпуск 1855). Пед. службу начинал учителем лат. языка в Вологодской губернской гимназии (1855–1859), затем учительствовал в Казани (1859–1863): Казан. 1-я гимназия (1859–1860), Родионовский ин-т (1860) и Казан. ун-т (1861, адъюнкт каф. римск. словесности). В 1861–1863 выезжал для науч. занятий за границу, по возвращении (апр. 1863) занимал должность старшего учителя в Петерб. 3-й (1863–1864; сверх штата) и 2-й (1864–1865) гимназиях. С весны 1865 до лета 1866, причисленный к МНП, стажировался в Берлинском ун-те. В 1867 основным местом службы В. становится Петерб. ИФИ: наставник и преподаватель греч. словесности, экстр. проф. (1871); при увольнении от службы в 1893 был утвержден орд. проф. (ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. № 2238). В 1869–1880 курировал занятия по греч. языку славянских стипендиатов МНП. Чл. Петерб. ОКФП.

Выпускник ГПИ эпохи И. И. Давыдова, поощрявшего науч. занятия студентов, В. был также учеником И. Б. Штейнмана и Н. М. Благовещенского (последнего одобрительно противопоставил «нерадивому» в преподавании Штейнману: **Парижская Нормальная школа** // ЖМНП. 1908. Апр.). Из германских профессоров выделял М. Гаупта, филол. семинар которого посещал с интересом (лекциям прочих берлинских светил предпочитал домашние занятия, если судить по отчету: ЖМНП. 1866. Ч. 129. Февр. С. 158). Склонности к науч. изысканиям, по-видимому, не обнаружил, хотя (по рекомендации Благовещенского?)

пытался заняться критикой текста Ювенала (в контексте более общей ист.-лит. темы о жанре римск. сатиры). В. познакомился с рукописной традицией сатирика, наметил возможные «крупные и мелкие филологические работы» в этом направлении, даже включился в дискуссию о подложности некоторых сатир Ювенала (ЖМНП. 1865. Ч. 132. Окт. С. 39), но единственным печатным плодом этих занятий стала поздняя статья **«О некоторых местах в сатирах Ювенала»** (ЖМНП. 1879. Сент.; в полемике с «эстетической критикой» О. Риббека В. обсуждает текстологич. и интерпретационные трудности сатир, предлагает собственные поправки). Филол. потенциал и недюжинное трудолюбие В. реализовались в его лексикографич. opus magnum — **«Греческо-русском словаре»** (СПб.; Leipz., 1879; ок. 40 000 слов), об источниках которого автор так сообщил в предисловии: «Пользовался я при составлении словаря следующими пособиями: большими греческо-немецкими словарями Пассова и Папе, а также специальными словарями к избранным писателям <...>. Немалое пособие оказал мне также учебный <...> словарь Шенкля, особенно при выборе материала. Кроме того, приняты были мною во внимание лучшие издания и комментарии к авторам, входившим в круг этого лексикона». Работу над словарем В. начал по окончании ГПИ и продолжал вплоть до последнего прижизненного издания (1899), пополняя его гл. обр. прозаич. лексикой (Лукиана, Исократ и др.). Усердие В. подкреплялось вниманием к его труду Петерб. ОКФП: рукопись словаря неоднократно обсуждалась членами Общ-ва и комиссией во главе с А. К. Наумом (ЖМНП. 1878. Апр. С. 5), а по окончании работы предс. Общ-ва А. И. Георгиевский выхлопотал составителю 1000 руб. и годичную командировку в Лейпциг для печатания словаря (*Малеин А. И.* Краткий очерк деятельности ОКФП за первое 25-летие его существования // ФО. 1899.

Т. 17. С. 59). Э. А. Верт (ЖМНП. 1879. Апр. С. 137–50), рецензируя «долгожданный» для российских гимназий словарь, хвалит составителя за то, что тот позаимствовал у Шенкля не только выбор слов, но и «тщательность, добросовестность труда, полное знание дела, строгую выдержанность и последовательность в соблюдении положенных в основание принципов, устранение лишнего для учащегося материала». Кроме наследованных достоинств, рецензент отмечал и личный вклад В.: полноту отобранного лексич. материала (применительно к гимназич. программе), точность перевода (включая трудности с разграничением вида рус. глагола), наличие реального комментария к словам, не имеющим эквивалента в современном языке, включение в «алфавитный порядок» глагольных форм с супплетивными основами и др. К недостаткам первого издания Вертом отнесена «экономия» на геогр. названиях (В. ограничился преимущ. поэтич. топонимами, тогда как, по мнению рецензента, знание топонимов куда важнее для читателя ист. прозы), некоторая непоследовательность орфографии и пропуск ряда важных глагольных форм (напр., перфекта ἐώρακα наряду с приведенным ἐώρακα) — «незначительные неправильности, которые решительно теряются в массе во всех отношениях безупречного материала». К 1899 словарь В. выдержал пять изданий (2-е удостоено Большой Петровской премии в 1882), переиздается и в наше время как лучший отеч. словарь в своем классе. Многолетний труд В. снискал к нему всеобщее уважение (исключением выглядит пренебрежительная оценка неамбициозного труженика В. как «ничтожества в научном и человеческом отношении» Ф. Ф. Зелинским — Автобиография // Древний мир и мы. Вып. 4. С. 122). Как чл. Петерб. ОКФП привлекался В. и к работе над переводом «Реального словаря классических древностей по Любкеру» (СПб., 1883–8186; под ред. Ф. Ф. Гельбке

и др.). Среди публикаций В. есть комментированные учеб. издания Еврипида (**Ипполит**. СПб., 1884) и Софокла (**Антигона**. СПб., 1885, 21891; **Аякс**. СПб., 1886; **Филоктет**. СПб., 1888), экзегетич. этюды к текстам греч. драмы (**Заметки к Медее Еврипида** // ЖМНП. 1883. Авг.; **Заметки к трагедии Еврипида** Ἰππόλυτος // Там же. 1884. Июль). К формальной критике текста В. относился с некоторым скептицизмом: «В громадном большинстве случаев конъектуры не восстанавливают оригинал <...>. Поправки эти, по всей вероятности, столь же далеки от оригинала, как и самые ошибки и искажения сохранившихся копий» (из рец. В. на сочинение С. Н. Жданова «Грамматические наблюдения и критико-экзегетические заметки» — ЖМНП. 1890. Апр. С. 421). В. — компетентный критик иностр. и отеч. изданий по классич. филологии, особенно лингвистич. тематики (лексикология, ист. грамматика, сравнительное языкознание и антич. стихосложение). В 1880-е он даже планировал написание ежегодных обзоров отеч. изданий по греч. словесности, но первый опыт (**Обзор книг по греческой филологии, вышедших в России в 1879 г.** // ЖМНП. 1880. Июль, окт.) вызвал полемику с некоторыми авторами (в т. ч. Г. К. Шмидом), и В. отказался от своего намерения. В. участвовал в журнальных дискуссиях о судьбе отеч. школьного классицизма; чл. Клуба почитателей Я. Коменского и Пед. музея (ИВ. 1893. № 5. С. 560). Как и большинство педагогов-классиков, В. был разочарован неудачей толстовского классицизма в преодолении «застоя в греческих делах» (**Успехи греческого языка и литературы в России за последнее 25-летие** // РВ. 1880. № 4. С. 462) и защищал классич. языки в программах гимназий, признавая их объективно неравные шансы в соперничестве с реальным знанием (см. рец. В. на «Историю педагогики» Т. Циглера — ФО. 1895. Т. 10. С. 127–128). Взывая к здравому смыслу и личному опыту, критиковал

преподавательскую косность, убивающую интерес школьников к античности, и призывал видеть в древних языках не инструменты «гимнастики ума и речи», а способ приобщения школьников к антич. литературе: «**К вопросу о преподавании греческого языка в гимназиях**» (ЖМНП. 1889. Апр.); «**Как преподавать древние языки в гимназиях, чтобы они принесли наибольшую пользу для учащегося юношества**» (Там же. 1884. Июнь); «**О педагогической семинарии Шиллера в Гисене**» (Там же. 1895. Апр.); «**О современном устройстве народных школ в Пруссии**» (Там же. 1905. Янв.) и др. Комментируя (в контексте гимназич. преобразований С. С. Уварова, П. А. Ширинского-Шихматова и Д. А. Толстого) проект новой реформы, предложенный ведомством Н. П. Боголепова, соглашался с необходимостью сокращения числа гимназий («реальных училищ требуется гораздо больше»), но не до полного искоренения гуманитарного направления средней школы: «Пять классических гимназий на всю Российскую империю! Это капля в море!» («**Об учебных планах проекта общеобразовательной средней школы**». СПб., 1902. С. 26).

Литература: Пам. книжки СПбИФИ. 1887, 1892, 1898; *Курганович А. В., Круглый А. О.* Историческая записка 75-летия С.-Петербургской Второй гимназии. СПб., 1894. Ч. 2 (библ.); *Георгиевский А. И.* К истории Ученого комитета МНП. СПб., 1902; Загоскин; *Черняев П. Н.* А. Д. Вейсман: некролог // ЖМНП. 1914. Февр.; Бывшая 3-я гимназия; *Григорьева А., Мороз Е.* Что мы знаем о Вейсмане? // Абарис. 2005. № 5; *Максимова С. Н.* Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX — начала XX века. М., 2005 ♦ Прозоров; Брокгауз; БС Казан. ун-та; Венгеров (Словарь, Источники, Список); Воронков; Фёдоров.

Архивы: РГИА. Ф. 733. Оп. 225. № 74 (ф. с. 1881); ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов); ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петерб. ИФИ), 439 (Петерб. 3-я гимназия); РО ИРЛИ Ф. 377 (С. А. Венгеров).

В. П. Смышляева

ВЕРЕСАЕВ**Викентий Викентьевич**

VERESAEV V. V.

[наст. фам. — Смидович;
4(16).1.1867, Тула — 3.6.1945,
Москва; Новодевичье кладб.],
*врач, писатель, литературовед,
переводчик*

Из многодетной семьи врача и общественного деятеля, потомка польских дворян, мать — русская. Учился в Тульской гимназии (1875–1884, сер. медаль) и на ИФФ Петерб. ун-та (1884–1888). Завершив ист. образование, поступил на мед. ф-т Дерпт. ун-та (1888–1894). После недолгой врачебной практики в Туле поступил ординатором в Боткинскую больницу Петербурга (1894–1901). В эти годы В., с юности увлеченный идеями народничества, сблизился с социал-демократами и марксистами, занимался революционной пропагандой среди рабочих, сотрудничал в изд-ве «Знание». В 1901 (за осуждение разгона студ. демонстрации) был выслан в Тулу, где также завязал знакомства с представителями РСДРП, устраивал литературно-музыкальные вечера для сбора средств на революционные нужды. После окончания двухлетней ссылки перебрался в Москву и включился в литературно-общественную деятельность (участник «Суббот Свентицкой», «Среды», «Литературно-художественного кружка», ОЛРС и др. объединений). В 1912–1918 чл. и редактор «Книгоиздательства писателей в Москве». От лит. занятий отвлекался лишь в период мобилизации: военный врач в 1904–1905 (на Дальнем Востоке) и 1914–1917 (руководил военно-санитарным отрядом на Моск. железной дороге). Неоднократно выезжал за границу, посещал Египет и Грецию (1909–1910). Послереволюционные годы провел в Крыму (с 1919 зав. отделом

литературы и искусства в Комитете образования г. Феодосии), в 1921 возвратился в Москву. До начала 1930-х участвовал в лит.-общественной жизни столицы: председатель худож.-просветительской комиссии при Совете рабочих депутатов и лит. подсекции Гос. ученого совета Наркомпроса, редактор худож. отдела журнала «Красная новь» и др. Литературные заслуги В. были отмечены Гос. премией в 1943.

Способности к древним языкам, которые В. «честно зубрил» (при полном непонимании одноклассников), проявились еще в Тульской гимназии, где он стал любимцем «грозного», задававшего «огромные уроки по толстенному Кюннеру» латиниста О. Петрученко (**Воспоминания**. М., 1982. С. 156). Здесь же В. попробовал себя в сочинительстве и переводах (предпочтительно нем. поэзии). Впоследствии не мог себе объяснить, каким образом оказался на ист. отделении: литература всегда волновала его сильнее истории (Там же. С. 228–229). Древнюю историю слушал у Ф. Ф. Соколова («гротескной молюберовски-карикатурной фигуры ученого-педанта»); среднюю — у особенно почитаемого им В. Г. Васильевского (Там же. С. 294; мечтал писать у него канд. сочинение, но после мелкого конфуза на экзамене «не решился показаться на глаза» и выпускной проект «Известия Татищева, относящиеся к XIV в.» выполнял у проф. Е. Е. Замысловского); новую историю — у Н. И. Кареева. Помимо лекций Васильевского и Кареева, яркое впечатление на В. произвели лекции по истории искусств А. В. Прахова. Студентом В. не оставлял попыток сочинительства (к 1885–1887 относятся первые публикации его стихотворений и рассказов), участвовал в ун-тских лит. объединениях, в т. ч. (с шедшим курсом старше Д. С. Мережковским) в кружке «выдающегося руководителя юношества» О. Ф. Миллера («маленького

горбуна с напыщенной речью», бессребреника и либерала, уволенного в 1887 за публичное порицание деятельности Каткова). Мед. практика подсказала темы первых значительных публикаций, отразивших мироощущение «хорошей русской интеллигенции» в эпоху безвременья и крушения народнических идеалов: «**Без дороги**» (Рус. богатство. 1895. № 7–8), «**Очерки и рассказы**» (СПб., 1898), «**Записки врача**» (СПб., 1901), «**На повороте**» (1902). Они (особенно «Записки врача», выход которых ознаменовался началом многолетней дискуссии о профессионализме и этике российских врачей) имели общественный резонанс [к теме интеллигенции В. вернется после 1917 романами «В тупике» (М., 1923–1924) и «Сестры» (М., 1933)]. Как человек неукоснительной честности («да, на это я имею претензии, — считаться честным писателем») и демократич. убеждений [в телешоу «Среде» за регулярную инициацию протестов «против неправильных действий правительства» получил прозвище «Каменный мост» (Моск. Парнас. М., 2006. С. 38)], в периоды политич. разочарований или разгула цензуры В. уходил от писательства к переводам греч. поэзии. Греч. «художество» любил «горячо, до восторга»: «Каким неотесанным самоучкой кажется Гомер рядом с Вергилием! <...> И все-таки просто смешно ставить их рядом. <...> Когда я читаю Гомера, вокруг меня начинает волноваться сверкающая стихия жизни, и я чувствую молодую бодрость в каждом мускуле, я не боюсь никаких ужасов и бед жизни» (**Невыдуманные рассказы**. М., 1999. С. 333). Первая подборка переводов греч. поэзии вышла в его СС (СПб., 1913. Т. 3). Внимание В. привлекли Архилох и Саффо, которых наряду с Пиндаром он причислял к лучшим греч. лирикам: «Бурно совершает свой быстрый бег Архилох, подобный кроваво-пламенному Марсу. Нежно и ярко светится Сафо, как Венера, ее любимая звезда» (**Архилох**.

Стихотворения и фрагменты. М., 1915. С. 5). С чтением своих переводов выступал в лит. кружках, заслужив одобрение В. Брюсова, который рукопись В. «прочел очень внимательно, сверяя с подлинником, дал много ценных указаний» (Воспоминания. С. 489). Сочетавший лит. талант со склонностью к науч. анализу, В. легко принял буквализм нового филол. перевода с его требованием баланса художественности и точности при передаче смысла и формы. Свои переводческие принципы объяснил в отклике на перевод В я ч. И в а н о в а (ВЕ. 1915. № 2): высоко оценив ритмическое новаторство поэта («неудачи здесь редки»), В. подверг критике его стиль за «пересыпанность» языка славянизмами, неологизмами и просторечной лексикой — «неизменно велеречив, темен и приподнят», противореча «простоте, ясности и сдержанности» подлинников Саффо и Алкея. Особенно В. порицал вольные версии Иванова, вроде «расширения» фрагмента «Геллы детолюбивее» оригинала в законченный поэтич. этюд: «Есть преданье на Лесбосе, / Дева, рано умершая, / Гелла чадолюбивая, / К детям по душу крадется». В. стремился к точной передаче смысла оригинала, для чего углублялся в комментарии и науч. интерпретации; переводы проштудированных им статей о греч. поэзии Т. Рейнака, Г. Дильса, Э. Роде и др. он включил в ПСС (М., 1929. Т. 10: **Эллинские поэты в переводах**; ²1930; дополненное изд.: **Эллинские поэты**. М., 1963); при необходимости он обращался за консультациями и к русским филологам-классикам — Ф. Зелинскому, В. Клингеру, М. Покровскому.

Ср. переводы фрагмента Алкея, выполненные Ивановым и В.:

«Святая Сафо! / С нежной улыбкой Сафо! / С кудрями цвета / Темной фиалки Сафо! / Слететь готово / С уст осмелевших слово... / Но стыд промолвить / Мне запрещает слово» (Иванов);

«Саффо фиалкокудрая, чистая, / С улыбкой нежной! Очень мне хочется, / Сказать тебе кой-что тихонько, / Только не смею: мне стыд мешает» (В.).

Тем не менее ун-тская цеховая критика, сопоставляя «переложения» Саффо в изданиях Иванова и В. (Сафо. Стихотворения и фрагменты. М., 1915), на первых порах отдавала предпочтение «прекрасным стихам» известного поэта: «Многие отрывки он <В.> переводит гораздо ближе к подлиннику, чем В. Иванов, нередко с документальной точностью», «но иногда кажется, что переводчику не под силу поэтическая передача стихов Саффо» (Э. Диль — ЖМНП. 1916. Янв. С. 403; в рец. критикуется и неполнота подборки В., в которой отсутствуют переводы папирусных отрывков и некоторых фрагментов); А. Захаров (Гермес. 1916. № 7–8. С. 139) укорял В. и «тяжелым для русского языка» метрическим буквализмом, который

«мешает насладиться смыслом и чувством стихотворения». Однако в современных изданиях переводов [напр., в подготовленном М. Л. Гаспаровым, О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо сборнике «Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э.» (М., 1999)] переводам В. отдается предпочтение.

Свои переводы, сгруппированные тематически, В. сопровождал еще «живыми и яркими» историко-биографическими очерками (напр., желая избавить Саффо от «грязной легенды, сальным пятном легшей на ее имя», подробно останавливался на положении и воспитании женщин о. Лесбос) и комментариями. Помимо Саффо, удачей В. считались переводы Архилоха и Алкмана («Стихотворения и фрагменты»), где, по Э. Дилью, «нередко чувствуется та же стремительность и тот же пыл, которые так захватывают при чтении подлинника» (ЖМНП. 1916. Янв. С. 401). Большинство выполненных В. переводов греч. лирики (Саффо, Архилоха, Алкмана, Ивика, Алкея, Эринны, Праксиллы, Анакреонта, Симонида Аморгского, Стесихора, Феогнида Мимнерма, Стесихора, Коринны) вошли в фонд избранных переводов и воспроизводятся в современных хрестоматиях (начиная с Н. Ф. Дератани). После лирических опытов В. обратился к переводам гомеровских поэм, которые были напечатаны уже после его смерти: «Илиада» (М., 1949), «Одиссея» (М., 1953). Наряду с «Гомеровскими гимнами» (М., 1926) В. перевел и Гесиода — за эту работу В., по отзыву Зеллинского, был удостоен Пушкинской премии еще в 1919, а опубликована она была позже: «Работы и дни: земледельческая поэма» (М., 1927). За правкой перевода «Теогонии», фрагменты которого включались им уже в том «Эллинские поэты», В. застала смерть: он прилегал отдохнуть от занятий — и не проснулся.

В переводах Гомера, не соперничая с Н. И. Гнедичем, В. задался целью приблизить язык к читателю XX в. Он исходил из посыла ученого о необходимости интеграции всей переводческой

традиции того или иного памятника ради достижения «максимально точного и максимально художественного перевода»: стыдливое убеждение в «святости собственности», вынуждающее переводчика подменять удачи предшественников своими слабыми вариантами, лишь вредит делу. «Игнорировать при переводе “Илиады” достижения Гнедича — это значит заранее отказаться от перевода, более или менее достойного памятника. В основу своего перевода я кладу перевод Гнедича везде, где он удачен, везде, где его можно сохранять» (Предисловие переводчика // *Гомер. Илиада*. М., 1949. С. 6). Основаниями для редакции Гнедича является, по В., перенасыщенность текста элементами высокого стиля и ее побочный эффект — смысловые искажения, для устранения которых В. позволяет буквализмы: «что за слова у тебя чрез ограду зубов излетели» («что за слова из уст у тебя излетели» — Гнедич), «гнева в груди не вместивши» («гнева в душе не сдержавши» — Гнедич), «увидел глазами», «однокопытные кони», перевод χαίρετε как «радуйтесь» даже в диссонирующих с семантикой рус. «радости» контекстах.

Ср. переводы Гнедича и В. (Илиада I, 1–7):

«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, / Грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал: / Многие души могучие славных героев низринул, / В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным, / Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля), / С оного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою / Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный» (Гнедич);

«Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына, / Гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам, / Много сильных душ героев пославший к Аиду, / Их же самих на съеденье отдавший добычею жадным / Птицам окрестным и псам. Это делалось, волею Зевса, / С самых тех пор, как впервые, поссорясь, расстались враждебно / Сын Атрея, владыка мужей, и Пелид многосветлый» (В.).

Переводы Гомера получили положитель. оценки еще до появления в печати (ВДИ. 1941. № 1. С. 137) и переиздаются в наши дни, т. к., «сделанные знатоком греческого языка, отличающиеся точностью поэтического слова и образа, простотой и сдержанностью стиля, стремлением передать в современных языковых нормах сложность гомеровского эпоса» (*Тахо-Годи А. А. Предисловие // Гомер. Илиада. Одиссея / пер. с древнегреч. В. В. Вересаева*. М., 1987. С. 19). «Для человека, обладающего вкусом, не может быть сомнения, что перевод Гнедича неизмеримо больше дает понять и почувствовать Гомера, чем более поздние переводы Минского и Вересаева. Но перевод Гнедича труден, он не сгибается до читателя, а требует, чтобы читатель подтягивался до него; а это не всякому читателю по вкусу» (*Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм // Поэтика перевода*. М., 1988. С. 60–61).

В 1930-е после публикации романа «Сестры» В. отходит от худож. творчества в обл. лит.-ведения, сближаясь с пушкинистом М. А. Цявловским. В. — автор основанных на документальных свидетельствах трудов: «**Пушкин в жизни**» (Вып. 1–4. М., 1926–1927), «**Спутники Пушкина**» (Т. 1–2. М., 1934–1936; сухие отзывы Ходасевича о «Пушкине без творчества» В. см.: *Ходасевич В. Ф.* СС: в 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 140–146), «**Гоголь в жизни**» (М., 1933), «**Как работал Гоголь**» (М., 1934). «Лаконичный, сухой протоколист» жизни, подводя итоги своей литературной деятельности, В. лучшей и наиболее дорогой для себя книгой называл, однако, философско-критическое исследование «**Живая жизнь**» (М., 1910–1915), в котором декадентскому культу пессимизма и страдания противопоставил мужество и волю к жизни героев антич. эпоса, прозы Толстого и Ницше. Из откликов современников вырисовывается привлекательный образ В. — интеллигента и труженика: «Было что-то добротное во всем его облике

старого врача и революционера» (*Белозерская-Булгакова Л. Е.* Воспоминания. М., 1990. С. 105; цена талант М. А. Булгакова и опасаясь, чтобы писатель не «погиб от нищеты», В. «просто» приходил в трудные дни к Булгаковым с крупной суммой; В. и Булгаков работали вместе над пьесой о Пушкине, но из-за возникших расхождений в трактовке биограф. материала В. попросил снять его имя).

Литература: *Боцяновский В. Ф.* В. В. Вересаев. СПб., 1904; *Вржосек С.* Жизнь и творчество Вересаева. Л., 1930 (библ.); Наука и научные работники СССР. Ч. 4: Научные работники Москвы. Л., 1930; *Фохт-Бабушкин Ю. У.* Русская литература рубежа веков (1890-е — нач. 1920-х гг.). Кн. 1. М., 2001 ♦ Брокгауз; Венгеров (Список); Воронков; КЛЭ; РП; Свиясов; Шруба; Русская литература XX в.

Архивы: *Личные фонды:* ИМЛИ. Ф. 45 (32 ед. хр.); РГАЛИ. Ф. 1041 (80 ед. хр.); РГБ. Ф. 82 и 178 (в составе коллекции Лит. музея и Музейного собрания — № 3919; 6 ед. хр.); ГЛМ. Ф. 56 (39 ед.); *Отд. документы и письма:* РО ИРЛИ. Ф. 224 (Л. Ф. Пантелеев), 369 (М. А. Булгаков), 377 (С. А. Венгеров), 562 (М. А. Волошин) и др.; ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петербург. ун-т; в т. ч. студ. дело — Оп. 3. № 23899).

В. П. Смышляева

ВЕРТ

Эдмунд Альбертович

WERTH Edmund
Reinhold-Alexander

[16.11 (по др. данным 19.11; н. ст.). 1839, Магдебург — 31.10(13.11).1907, Петербург; Смоленское лютеранск. кладб.], *филолог, эпиграфист*

Из дворян. Родился в семье придворного врача, но из-за болезни отца и необходимости заботиться о братьях (один стал затем проф. медицины, другой — дирижером Лондон. консерватории) после окончания Магдебургской гимназии не сразу мог продолжить обучение. В 1863–1866 занимался в Гёттингенском ун-те,

затем приехал в Петербург (в российском подданстве с 1892). Выдержав экзамен на звание домашнего учителя нем. языка при Петерб. ун-те, преподавал древние (также нем. и англ.) языки и естествознание в уч-ще Видемана (с 1866), Петерб. 1-й гимназии (1870–1905, до 1880 по найму; засл. учитель 1886), Уч-ще правоведения (до 1892), Реформатском уч-ще (1892–1904) и Петерб. ИФИ (1871–1872; см. ф. с. — РГИА. Ф. 740. Оп. 22. № 874). Редактор отдела классич. филологии «ЖМНП» (1875–1890). Чл. и библиотекарь Петерб. ОКФП (1874), участвовал в работе ряда комиссий МНП.

Филол. интересы молодого В. были очерчены традиционной экзегезой и критикой текста. Своим «учителем кат' ἔξοχήν» он называл Г. Зауппе, у которого слушал интерпретации Платона, Эсхила, Плавта и Горация, курсы по греч. эпиграфике и ист. грамматике; высоко оценивал также ун-тские занятия греч. поэзией и стихосложением в семинаре Э. Лейча (Leutsch). После переезда в Петербург на темы его науч. занятий влияли дружеские и профессиональные связи с кружком К. Я. Люгебля (А. К. Наук, В. К. Ернштедт и др.), рекомендательными письмами к которому его снабдил Зауппе. В. обладал отличными лингв. способностями, прекрасно говорил по-латыни, в России достаточно освоил рус. язык (судя по его письмам 1890-х к С. Ф. Платонову — ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. № 2493). Замечание П. Н. Черняева (Черняев. С. 15) «Верт несмотря на свои обширные знания античной литературы <...> фактически так и остался лектором немецкого языка», возможно, объясняется обращением В. в конце жизни к преподаванию нем. языка (для чего он уже немолодым выдержал экзамен в Петерб. ун-те).

В 1870–1880-е регулярно выступал в «ЖМНП» с экзегет. заметками, в т. ч.: «По поводу коньектуры Гальма в *Cic. Cat. II, 21*» (1873. Дек.); «По поводу *Pind. Nem. II, 6–12*» (1877. Май); «*Nihil aliud*

nisi у Цицерона» (1878. Апр.); **«По поводу Juven. Sat. VII, 88–89»** (1880. Май); **«По поводу Sophocl. Aiac. 650–652»** (1886. Февр.) — разбор толкований указанных мест в трудах схолиастов и новых издателей, с предложением собственных конъектур. Наиболее значимые публикации В. относятся к обл. ист. грамматики и диалектологии. Статья **«Аттическое наречие по надписям и рукописному преданию»** (ЖМНП. 1888. Февр.; Март-апр. и отд.), тема которой подсказана книгой К. Майстерганса «Grammatik der attischen Inschriften (Berlin, 1885), а методика, возможно, — кропотливым трудом К. Люгебиля над переводом Г. Курциуса, представляет собой критич. (с учетом эпиграфич. данных) обзор искажений аттической грамматики и орфографии, накопившихся в рукописной традиции под влиянием позднего койне. В. не ограничивает свою задачу ревизией выводов Майстерганса, собравшего воедино разрозненные наблюдения германских, французских и голландских эллинистов, но дополняет его сведения примерами из новых или не замеченных предшественником работ. Аргументы и иллюстрации к четырем информативным разделам «Аттического наречия» («Алфавит», «Фонетика», «Этимология» и «Синтаксис») В. заимствует из собрания надписей и «лучших рукописей». В статье **«Местомимение ollus»** (ЖМНП. 1901. Май–июнь) он обращается уже к истории лат. языка, комментируя примеры употребления архаич. формы *ille* в трудах Варрона, Феста и некоторых поэтов. По В., *ollus* появляется в лит. латыни лишь в составе древних сакральных и военных формул, реальный контекст для которых (особенно «*olla centuria dicit*» и «*ollus Quiris leto datus*») реконструирован им весьма тщательно. На основательную эпиграфич. и лингв. эрудицию В. (в ун-тские годы занимался санскритом у Т. Бенфея) указывает и его полемика с В. И. Модестовым по поводу доклада последнего (с попыткой

обоснования слав. происхождения имени *Jarinus* в надписи СІІ IV, 821). В. убедительно возражал против этой гипотезы, отстаивая греч. происхождение имени (от прилагательного *ἔαρινός* в его ионийской форме). Необычно язвительные, по меркам В., оценки статьи **«По поводу одного мнимо-славянского имени, открытого г. Модестовым в помпейских надписях»** (ЖМНП. 1876. Март) и **«Г. Модестов как критик и ученый»** (Там же. 1876. Май; продолжение их диалога — Там же. 1876. Июнь; Июль; Сент.–окт.) были спровоцированы не столько небрежностью «филологических доказательств» Модестова, сколько его регулярными «антигерманскими» репликами в печати, в т. ч. по адресу классич. отдела «ЖМНП» и Люгебиля (в свое время раскритиковавшего Модестова за оценки германских профессоров). В. весьма пристрасно разбирает статьи и переводы оппонента: «Стремлением г. Модестова угодить вкусу публики объясняется фельетонный характер его книги, нередко поверхностное отношение к делу, умалчивание о многих, для филологов необходимых вещах» (ЖМНП. 1876. Май. С. 25). Отдаленным отзвуком того же спора выглядит заметка **«О слове *epodus*»** (ЖМНП. 1878. Март), поводом для которой послужила непоследовательность употребления термина «эпод» в «Лекциях по римской литературе» Модестова. Десятилетие спустя, однако, Модестов, возражая на критику Ф. Ф. Зеленского, утверждал, что замечания, предъявленные ему В., «обличали в их авторе несомненно лучшую школу филологического образования» (ЖМНП. 1890. Янв. С. 214). Увлечение естествознанием и историей делало В. открытым и для антикварных наблюдений. Он обращался к ним уже в ранней (незавершенной) статье об одной из трех форм римск. брачного союза *coemptio* в связи с трактовкой этого термина А. Россахом — **«De coemptione matrimonii Romani forma, uter, vir an**

femina, emisse videatur» (ЖМНП. 1875. Июль). В конце жизни, отказавшись от намеченного в статье «Местоимение *oHus*» плана изучения языка Плавта, В. окончательно отошел в ист.-филол. область. Увлечшись трудом Т. Моммзена «*Römisches Strafrecht*», он поставил перед собой «грандиозную задачу изложить подробную историю римского уголовного права до Моммзена, проверить его выводы и указать, что нового внес знаменитый историк в эту спорную и сравнительно мало исследованную область» (Малеин А. Э. А. Верт: некролог // ЖМНП. 1908. Февр. С. 99). Посвятив изучению вопроса восемь лет жизни, подготовить результаты своей работы к печати В. уже не смог. Принимал участие и в разработке некоторых гимназич. учебников. Переработал третье (посмертное) издание пособия Люгебиля «Различные жизнеописания Корнелия Непота» (СПб., 1889), добавив к биографиям, обработанным Люгебилем, семь своих и поправив стиль, так что «по большей полноте и по языку изложения книга в настоящем своем виде значительно выиграла» (из рец. Z <Г. Э. Зенгера?> — РФВ. 1889. Т. 22. С. 76; см. также положит. отзыв: РМ. 1890. № 12). Совместно с коллегой по Петерб. 1-й гимназии Э. Ю. Кёрбером перевел с нем., значительно переработав, пособие Э. Курца и Э. Э. Фризендорфа «Греческая грамматика для гимназий» (СПб., 1890; ²1895; отклики: ЖМНП. 1891. Февр.; ФО. 1892. Т. 2). Выступал с рец. в «ЖМНП» и «Гермесе» (его редактор Малеин называл В. своим «незабвенным другом» — Гермес. 1911. № 7. С. 165). Среди значимых его отзывов — рец. на «долгожданный» словарь коллеги по Петерб. ОКФП А. Д. Вейсмана (ЖМНП. 1879. Апр.; отмеченные В. «незначительные неправильности, которые решительно теряются в массе во всех отношениях безупречного материала», были учтены Вейсманом) и отклик на пособие Н. В. Санчурского «Краткий

очерк римских древностей» (ЖМНП. 1900. Сент.). Участвовал В. также в переводе «Реального словаря классических древностей по Любкеру» членами Петерб. ОКФП (СПб., 1883–1886). Жизненная и науч. позиции В., как и близких ему Люгебиля и В. К. Ернштедта (ученика В. по училищу Видемана), опирались на идеалы труженичества и честности. В., «человека чистой души, прошедшего всю свою жизнь, как отшельник, среди книг и детей», тоже окружала своего рода моральная аура: «Еще более, чем своими познаниями, Э. Верт действовал на окружающих влиянием своих поистине редких и высоких нравственных качеств. Это был человек, чуждый всякого искаательства, человек безукоризненной до педантизма честности, выше всего ставивший исполнение “долга” <...>, строгий к другим, но прежде всего и больше всего к себе»; когда А. И. Георгиевский предложил ему желанное для многих членство в Ученом комитете, В. отказался «просить себе повышения» (Сokolov П. Э. А. Верт: Некролог // Гермес. 1907. № 6. С. 153; здесь же библи.).

Литература: Соловьёв Д. Н. 50-летие Санкт-Петербургской 1-й гимназии. 1830–1880: историческая записка. СПб., 1880; Статистические сведения о личном составе, воспитанниках и хозяйственной части Императорского Училища правоведения за 50-летие его существования. СПб., 1885 (список); 50-летний юбилей Императорского Училища правоведения. 1835–1885. СПб., 1886; Отчеты о состоянии училища при Реформатских церквях (за 1893–1904 гг.). СПб., 1893–1904; Будагов М. Л. 75-летие Благородного пансиона и Петербургской 1-й гимназии. 1817–1892. СПб., 1895; Императорское училище правоведения в 1885–1910 гг.: памятная записка / сост. В. И. Соболевским. СПб., 1910 ♦ Нагуевский; Брокгауз; РБС; Прозоров; Венгеров (Источники, Список); Черняев; Сайтов 2006.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733; ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петерб. ИФИ), 355 (Уч-ще правоведения).

В. П. Смышляева

**ВЕСЕЛОВСКИЙ
Александр Николаевич**

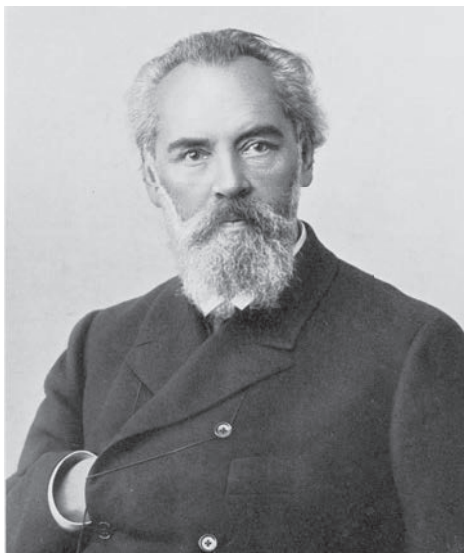
WESSELOFSKY / VESELOVSKIJ A. N.

[4(16).2.1838, Москва —
10(23).10.1906, Петербург;
Новодевичье кладб.], *филолог,
историк и теоретик литературы,
фольклорист, переводчик*

Из дворянского рода (происходил из Малоярославецкого у. Калужской обл.). Отец — генерал-майор, воен. педагог; благодаря матери, обрусевшей немке, В. с детства изучал иностр. языки (нем., франц., итал., англ., исп.). Окончил 2-ю моск. гимназию. С 1854 по 1858 обучался на ИФФ Моск. ун-та (окончил со степенью канд. словесного ф-та). В ун-те слушал Ф. И. Буслаева (история литературы), П. Н. Кудрявцева (история), О. М. Бодянского (славистика). Посещал лекции П. М. Леонтьева, впервые в Моск. ун-те читавшего курс по сравнительной грамматике классич. языков (сохранилась тетрадь с записью его лекций 1854–1855: РО ИРЛИ. Ф. 45. Оп. 2. Ед. хр. 145). По окончании ун-та В. получил зол. медаль за сочинение «**De lupi et canis in mythologia Graeca et Romana symbolis**», поданное проф. П. М. Леонтьеву (в рукописи 1857 в названии вместо последнего слова стояло *partibus* — РО ИРЛИ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2). По завершении курса был оставлен для усовершенствования в классич. филологии, а в 1859 преподавал теорию поэзии в Моск. 3-м Кадетском корпусе. В том же году В. поступил домашним наставником к 16-летнему сыну кн. М. А. Голицына, рус. посла в Мадриде (перипетии служения описаны в «**Diarium Russi cujusdam magistri, quum in Hispania docuit, scriptum**»): «Принимаясь опять за свой дневник, я переворачиваю начальные листы, и странно поражает меня их серый тацитовский тон. <...> В нашем обществе, я разумею русское, положение учителя

всего менее гарантировано, он не завоевал еще прав гражданства, и на нем лежит печать идиотизма» [Памяти акад. А. Н. Веселовского: по случаю десятилетия со дня его смерти (1906–1916). Пг., 1921. С. 47].

В след. годы В. много путешествует по Европе, побывав в Испании, Германии, Италии, Франции, Англии, Сербии. Осенью 1862 отправлен Моск. ун-том в командировку с науч. целью в Берлинский ун-т, где слушал лекции по общей и германской филологии, изучал древнегерманский, древнескандинавский, провансальский, баскский языки. В 1863–1864 в Праге занимался западно-европ. литературой и славистикой. Затем (1864–1867) изучал итал. литературу и рукописи в Италии (Милан, Пиза, Болонья). В 1868 работал в Британском музее и в том же году вернулся в Москву. В 1867 защитил дис. на соискание степени магистра истории всеобщей литературы (**Вилла Альберти. Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV–XV столетия**. М., 1870). Полный 4-томный вариант на итал. языке вышел ранее в Болонье в 1867. Публикация рукописи, обнаруженной В., принесла ему европ. известность. После защиты В. получает приглашение в Моск. и Петерб. ун-ты и, стремясь «выбрать, где лучше и политически светлее» (*Ровда К. И.* Страницы большой жизни: новые материалы об акад. А. Н. Веселовском // РЛ. 1974. № 3. С. 140), останавливается на последнем. Избран штат. доц. каф. истории всеобщей литературы (1870). В 1872 в Петерб. ун-те защищена докт. дис. «**Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине**» (СПб., 1872). После защиты он — экстр. проф. (1872), орд. проф. (с 1879), засл. орд. проф. (1895). В АН: чл.-корр. (1876), адъюнкт по С.-Петербур. отделению (1877), экстр. акад. (1880), орд. акад. (1881) по ОРЯС,

в 1901 назначен председательствующим ОРЯС и Разряда изящной словесности ИАН. В 1888 избран д-ром Болонского ун-та, чл.-корр. Венской и Баварской АН, а в 1895 — чл. королевской АН в Белграде. В 1878–1892 читал лекции по всеобщей литературе на ВЖК. Был предс. Неофилол. общ-ва при Петерб. ун-те, чл. Имп. Археол. общ-ва, Моск. ОЛРС и проч.

В. определяет сферу своих обширных науч. интересов след. обр.: «Занимаясь западно-европейскими литературами, предпринимал преимущественно исследования по историко-культурному изучению памятников литературы средневековой и эпохи Возрождения, по историко-сравнительному изучению международных сказаний, по фольклору (поверия, обычаи и предания у разных народов) и истории развития поэтических родов» (БС СПб. ун-та. Т. 1. С. 141). В. стоит у основ создания ист. поэтики и является крупнейшим представителем сравнительно-ист. направления в отеч. филологии. «Одним из первых указал В. на значение Византии как транзитивного пункта, через который на Запад и в

славянский мир проникали восточные сюжеты» (Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 193).

Обладая солидной подготовкой в обл. древних языков и литературы, В. хотя и не делает классич. филологию основной сферой своих занятий, но всегда с успехом применяет ее инструментарий. Важное направление исследований В. — история греч. романа и особенно его трансформация в христ. эпоху. «Греческий роман, плод поздно разлагавшейся языческой культуры, нашел в христианскую пору двойное отражение: чисто формальное — в византийском романе, идеальное — в небольшой группе памятников, которое позволено объединить под названием — романа христианского» [Из истории романа и повести. Материалы и исслед. А. Н. Веселовского. Вып. 1 (Греко-византийский период) // Сб. ОРЯС. 1886. Т. 40. № 2. С. 29]. «Греческий роман не досказался до конца: он явился слишком поздно, когда иссякли живые поэтические силы нации. Римляне его не досказали, подражатели, как всегда. <...> Византийский роман явился внешним, школьным подражанием греческому: те же положения и типы, те же идеалы, которые жизнь давно оставила позади себя; нового — стихотворная форма, которая указывает на забвение стиля, да стремление к простым сказочным сюжетам» (Там же. С. 12). В приложении к работе впервые полностью опубликован греч. текст сербской «Александрии» по рукописи XIV–XV вв. из Вены (Lambecius, cod. theol. CCXCVII = Nessel CCXLIV; установление текста, в основном, принадлежит Г. С. Дестунису с уточнениями В.). В. предлагает стемму и подробно останавливается на некоторых эпизодах романа: юность и первые подвиги Александра до пришествия в Иерусалим (139–217); Александр в Египте и война с Дарием (235–263); эпизод о нагомудрецах (брахманах) (265–279); св. Макарий и οί Μάκαρες (305–329); Λόγοι Ἀλεξάνδρου (405–424);

его кончина и др. Со старшим коллегой Г. С. Дестунисом В. связывало многолетнее сотрудничество в обл. занятий визант. романом (сохранилось 49 писем Дестуниса к В., относящихся к 1879–1890, в которых отражена совместная работа по подготовке к публикации текстов и обсуждение палеограф. вопросов — РО ИРЛИ. Ф. 45. Оп. 3. Ед. хр. 320).

В. живо откликается на новые публикации по близкой ему тематике. Так, появляется одобрительная рец. (ЖМНП. 1876. Ноябрь. С. 99–151) на книгу Э. Роде «Der griechische Roman und seine Vorläufer» (Leipz., 1876). Он приветствует обращение к теме, которая была не очень популярна в науке той эпохи. Отмечая, что вопрос о предшественниках романа разработан у Роде подробнее, чем сами романы, В. признает, что такова и была цель монографии: «вопрос генезиса представился ему более интересным» (Там же. С. 99, 100). Солидарен он с утверждением автора, что «происхождение греческой романтики никогда нельзя будет объяснить иначе, как из истории греческой же поэзии» (Там же. С. 102). Более критич. отзыв заслужила книга А. И. Кирпичникова «Греческие романы в новой литературе. Повесть о Варлааме и Иоасафе» (Харьков, 1876). По мнению рецензента, тот не смог уяснить «культурного и стилистического значения греческого романа», сделав «из вопроса влияния, единственного существенного, вопрос заимствования» — категории, которые В. всегда строго разводит (**Беллетристика у древних греков. Греческие эротические романы** // ВЕ. 1876. № 12. С. 691). «Греческий стиль (подразумеваемая под этим не одни имена и мелочные эпизоды) возможен был на расстоянии XIV–XVII вв., вне непосредственного влияния греческих романов. Разъяснения этого факта мы вправе были ожидать от книги, задавшей целью проследить влияние греческого романа на литературы новой Европы. Г. Кирпичников этого не сделал; исполнение его

книги не отвечает надеждам, которые вызывает ее заглавие» (Там же). Резко полемически высказывается В. по поводу книги Л. Ф. Воеводского «Введение в мифологию “Одиссеи”» (Одесса, 1881): **Новая книга о мифологии** (ВЕ. 1882. № 4. С. 757–775). Он возражает против солярно-лунарно-звездной теории, которой автор пытается объяснить греч. мифы. Переход от мифа к эпосу для Воеводского — «нечто, не подлежащее сомнению», а между тем этот переход хотелось бы видеть мотивированным, так как эпос не является «непосредственным истечением религиозного мифа» (Там же. С. 759, 760), поскольку у него есть свои законы. «Пусть мы никогда не дознаемся, что такое Троянская война; но я едва ли ошибусь, приравняв это движение к тому великому переселению народов, на почве которого вырос эпос германский, а если взятие Агамемноном Трои означает только “восход солнца над землею”, то я ничего не понимаю. В гомеровских поэмах есть масса мифов, но не всё есть мифология. <...> Нельзя весь эпический язык разрешать в иносказание, заподозрив Гомера в том, что он не мог сказать слова, привести картинного оборота без аллюзий» (Там же. С. 761).

Отд. статья В. посвящена истории эпитета в различных европ. языках (**Из истории эпитета** // ЖМНП. 1895. Ноябрь. С. 179): «Если я скажу, что история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании, то это не будет преувеличением». В числе прочих рассматриваются примеры на разные типы эпитетов из древнегреч. и лат. литературы, напр., «обобщение зеленого цвета в смысле свежего, юного, сильного, ясного» (Там же. С. 190–191).

Латинистика в наследии В. представлена ранней рец. на перевод «Анналов» Тацита А. И. Кронеберга, вышедший в 1858 [**Летопись Кая Корнелия Тацита. Пер. Алексея Кронеберга**. Ч. 1–2. Москва // ОЗ. 1859. № 4. Ч. 3 (Русская

литература). С. 71–97; подписано: *Шир.*]. Хотя в издании значится имя Алексея Кроненберга, в действительности текст был подготовлен двумя братьями, первый из которых, Андрей, перевел немногим больше половины текста, но не успел закончить труд из-за своей кончины в 1855. В. останавливается на разборе именно этой, с его точки зрения, наиболее удачной части рус. «Анналов». Определяя состояние «переводческой науки» в 1850-е, В. констатирует, что переводы классич. текстов в России остаются единичными явлениями: «Между тем как в Германии литература переводов и комментариев образования, провела в нем новые пути, вызвала в отечественной словесности эпоху славы и расцвета, у нас она осталась отдельным, сторонним фактом» (Там же. С. 76). В. приветствует обращение к творчеству этого автора, т. к. «перевод Тацита поравняется в трудностях с иным поэтическим переводом. У римлян он единственный историк-поэт» (Там же. С. 77). В рец. отмечаются слова, стилистически выпадающие из общей тональности перевода: *femina* — «баба» (I, 5), *muliercula* — «бабенка» (I, 59), «бунтующие солдаты отвечают Друзу страшным русизмом “не бось”» (I, 26). «Как-то не совсем ловко слышать классическую речь Тацита, одетую в диссонансы русской народной песни. Полно нам смешивать народность с простонародностью: уже давно канула в вечность пора Ордынских, когда Гомер протягивал руку Кирше Данилову, и оба были в зипунах, и от обоих несло сивухой!» (Там же. С. 82). Наряду с любовью к народности, В. указывает и на «несовместимую страсть к варваризмам, неологизмам и подобным разным разностям», напр., в I, 28 (Там же. С. 91). Отмечаются прямые ошибки в переводе словосочетаний и отд. слов — о последних говорится кратко, т. к. «неверности в переводе слов не влекут за собой таких важных последствий, как предыдущие»

(Там же. С. 88). В то же время, отдавая должное сильным сторонам перевода, В. завершает рец. цитированием удачных, с его точки зрения, глав 41–43.

В более поздней статье «**Боккаччо и Овидий**» (ЖМНП. 1892. Апр. С. 370–381) речь идет о том, что «едва ли кто иной из классических авторов был так сочувствен молодому Боккаччо, как Овидий» (Там же. С. 370). Обсуждая это влияние, В. впервые выделяет ряд не отмеченных ранее параллелей: так, он видит их во «Фьямметте», где главная героиня напутствует свою книгу словами в духе начала «Тристий» (I, 1 sq.), а также в конце «Декамерона», где Боккаччо, подражая Овидию (Trist. II, 243 sq.), защищает пристойность новелл (Там же. С. 374–375). «Во всех этих овидиевских мотивах, рассеянных у Б., я вижу не заимствование, не подыскивание цитат, а то, что я назвал бы встречностью, сочувствием. При таких условиях впечатления прочитанного так живы, что от них приходится отбиваться, чтобы спасти свою оригинальность» (Там же. С. 376).

Помимо публикаций, тема античности и древних языков в том или ином преломлении возникает и в переписке В. Так, обращаясь в 1892 к И. В. Помяловскому (сохранилось 56 писем к нему — ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ед. хр. 643), он высказывает предположение, почему овидиевские «Тристии» в Средние века в рукописях назывались «*Sine titulo*» — по мнению В., это могло быть связано с разным пониманием Trist. I, 1, 109–110 (Там же. Л. 41). В другом письме 1888 г. он не вполне одобряет лат. текст адреса, сочиненного А. К. Наумов от имени АН по случаю 800-летия Болонского ун-та (текст составлен «латинской корректной фразой», но «соку нет» — Там же. Л. 26), опасается, как бы та же участь не постигла поздравление от Петерб. ун-та, и даже прилагает (вряд ли вполне серьезно) собственный краткий набросок текста (Там же. Л. 25 об.). В РО ИРЛИ имеется переписка В. с В. К. Ернштедтом

(10 писем В. — Р. I. Оп. 4. Ед. хр. 125; 18 писем Ернштедта — Ф. 45. Оп. 3. Ед. хр. 345), относящаяся к 1887–1897. В одном из писем В. осведомляется у Ернштедта о биографии Гомера по Каллимаху, сообщенной греч. учителем Боккаччо Леонтием Пилатом, а также об источнике рассказа о неверности Пенелопы, которым тот же Леонтий «смутил бедного Боккаччо» (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 4. Ед. хр. 125. Л. 3, 3 об.). В ответном письме Ернштедт поясняет, что биографии Гомера, составленной Каллимахом, не существует (Там же. Ф. 45. Оп. 3. Ед. хр. 345. Л. 17), и посылает выписки из комментария Ликофрона на Od. II, 84 о неверности Пенелопы, родившей Пана от Гермеса (Там же. Л. 17 об.). Об авторитете В. в сфере византистики свидетельствует и тот факт, что Ернштедт в письме 1897 обсуждает с ним издание поэмы о Дигенисе Акрите И. Мюллера, которое АН взялась напечатать полностью (при жизни Мюллера было подготовлено шесть листов, однако полное издание так и не осуществилось). Ернштедт, которому после смерти Мюллера была поручена подготовка корректуры, высказывает определенное недовольство работой предшественника: «Препровождаю корректуру к Вам как к *πατρι τοῦ λόγου*, выражаясь по-платоновски. Я сделал все, что мог, но чужую работу обезличить не полагается: все-таки это издание И. Мюллера» (Там же. Л. 20 об., 21). «*Le vin est tiré, il faut le boire*. Про издание Мюллера можно будет сказать то же, что некогда сказал покойный Наук о гимназ Синезия в издании Флаха: после издания Криста и Параники нового изд. гимнов покуда не требовалось; но после того как вышло изд. Флаха, новое изд. стало настоятельно необходимым» (Там же. Л. 22 об.).

В. состоял в переписке и с младшим поколением филологов-классиков. Так, напр., И. Ф. Анненский в 1905 пригласает В. в Царское Село на чтение своего перевода «Геракла», «...сохраняя память о том лестном внимании,

которым Вы почтили “Реса”» (*Анненский И. Ф. Письма*. Т. 1. СПб., 2007. С. 198). В письме 1897 Ф. Ф. Зелинский обращается к В. с вопросом об озадачивающих его разночтениях в «*Dialogi ad Petrum Paulum Gistrum*» Л. Бруни и о том, какой из вариантов находит поддержку в рукописи (РО ИРЛИ. Ф. 45. Оп. 3. Ед. хр. 362. Л. 1–2).

В. Н. Перетц, вспоминая студ. годы под руководством В., отмечал, что «как профессор А. И. сразу вводил слушателей в научную работу, не спускался до них, как это бывает порой с ищущими популярностью преподавателями, а старался поднять слушателей до себя. Первою его задачей было создать учеников» (ЧИОНЛ. 1908. Кн. 20, вып. 2. С. 28). Перетц называет учителя «неугомонным разыскателем истины, строгим и придиричвым прежде всего к самому себе» (Там же). «Это был, по своему складу, как бы человек эпохи Возрождения, сверкавший какою-то ясной, вечной молодостью духа» (Там же. С. 29).

Супруга В., Елена Александровна (урожд. Ген), вела переводческую деятельность. Дочь Мария Александровна (в замуж. Х о л о д н я к) в течение ряда лет преподавала классич. филологию на ВЖК, возглавляла частную женскую гимназию св. Евфросиньи Суздальской в Санкт-Петербурге и была чл. Филос. общ-ва при Петерб. ун-те. Зять — И. И. Х о л о д н я к (1857–1913), филолог-классик, переводчик, педагог.

Карьера младшего брата и обладателя тех же инициалов, Алексея Николаевича В. (1843–1918), тоже проф. и почетного акад., была связана с Моск. ун-том. Он был специалистом по истории западно-европ. литературы; известность ему принесли работы о Мольере и о байронизме.

Литература: *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. 2. СПб., 1891. С. 252–282, 423–427 (автобиогр. Веселовского); *Браун Ф. А.* А. Н. Веселовский (1838–1906): некролог // ЖМНП. 1907. Апр. С. 74–88; *Перетц В. Н.*

А. Н. Веселовский как профессор и преподаватель // ЧИОНЛ. 1908. Кн. 20, вып. 2. С. 27–29; Памяти А. Н. Веселовского: сб. статей и дневников. Пг., 1921; *Симони П. К.* Библиогр. список учено-литературных трудов А. Н. Веселовского с указанием их содержания и рец. на них 1859–1906 гг. Пг., 1922 (Сб. ОРЯС; т. 99. № 9); *Энгельгардт Б. М.* Александр Николаевич Веселовский. Пг., 1924; *Виноградов Г. С.* Архив А. Н. Веселовского // Бюллетени рукописного отдела ПД. Вып. 1. М.; Л., 1947; *Горский И. К.* Александр Веселовский и современность. М., 1975; Историческая поэтика / вступ. статья И. К. Горского; коммент. В. В. Мочаловой. М., 1989; Наследие Александра Веселовского: исследования и материалы / редкол.: П. Р. Заборов и др. СПб., 1992; *Веселовский А. Н.* Избранные труды и письма / редкол.: П. Р. Заборов и др. СПб., 1999 ♦ ВС СПб ун-та; ВС АН 1889–1914; КЛЭ; Булахов; Славяноведение; РП; Русские филологи XIX; Бузескул 2008; Тункина 2017.

Архивы: Личные фонды: РО ИРЛИ. Ф. 45; ОР РНБ. Ф. 608.

О. В. Бударagina

ВЕСЕЛОВСКИЙ Николай Иванович

VESELOVSKIJ N. I.

[12(24).11.1848, Москва или
Вологда — 30.3.1918, Петроград],
историк-востоковед, археолог

В., выходец из малосостоятельной мещанской среды (*Бартольд. Н. И. Веселовский как исследователь...* С. 652), родился в Вологде либо Москве (ср.: *Лунин. С. 24*); в Вологде закончил в 1867 гимназию и в 1869 поступил в Петерб. ун-т на ф-т вост. языков (арабско-персидско-турецко-татарский разряд), который окончил в 1873. За студ. сочинение на тему «**О податях и повинностях, налагавшихся монголами на побежденные народы**» удостоился факультетской зол. медали и чрезвычайно лестного отзыва о своей работе. В. был ближайшим учеником виднейшего рус. востоковеда В. В. Гр и г о р ь е в а, которому

был обязан пробуждением интереса не только к истории Средней Азии и сопредельных обл., но и к памятникам материальной культуры и археологии. Тем не менее, по воспоминанию В. В. Бартольда, В. иногда предостерегал «...оставленных при университете по кафедре истории Востока от увлечения археологией, чтобы археологические разыскания не отняли у них времени, необходимого для научно-исторических трудов...» (*Бартольд. Н. И. Веселовский как исследователь...* С. 663).

По окончании курса В. был оставлен при ун-те на каф. истории Востока со степенью канд., где, после защиты магист. дис. «**Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего**» (СПб., 1877), в 1878 получил должность штат. доц., а чуть позднее занял кафедру истории Востока. В 1884 В. был утвержден в должности экстр. проф., а в 1890 стал исправляющим должность орд. проф. В начальный период науч. карьеры им были написаны такие работы, как «**Манкытская династия, ныне царствующая в Бухаре**» (Туркестанские ведомости. 1878. № 28), «**Русские невольники в среднеазиатских ханствах**» (Там же. 1879. № 34, 35), «**Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях**» (ЖМНП. 1884. Июль), «**Первое подданство туркмен России**» (ИВ. 1884. Май) и др.

С 1892 В. читал лекции по первобытной археологии в Археол. ин-те в Санкт-Петербурге, который возглавлял в последние годы жизни (**Первобытные древности. История Южной России: пособие к лекциям, читанным в С.-Петербурге. археол. ин-те.** СПб., 1901). Молодежь всегда относилась к В. с полным уважением, хотя «...его университетские лекции не принадлежали к числу таких, которыми могут увлекаться студенты» (*Бартольд. Н. И. Веселовский как исследователь...* С. 662).

В 1881 В. был утвержден чл.-корр., а в 1889 избран д. чл. РАО. В 1892 назначен сверхштат. чл. ИАК, а с 1895 стал ее старшим членом. В., кроме этого, был председателем разряда воен. археологии и археографии Рус. воен.-ист. общ-ва, чл. РГО, чл.-корр. АН по ист.-филол. отделению. Деятельность В. в различных ученых учреждениях и общ-вах, по признанию В. В. Бартольда, «благодаря его отзывчивости, широте его научных интересов и общему уважению, которым он пользовался, далеко выходила за пределы его собственных работ» (Бартольд. Николай Иванович Веселовский. С. 646).

Первым проявлением интереса В. к археологии было участие в 1882 в работе подготовительного комитета Шестого археол. съезда, проходившего в Одессе в 1884. В 1884–1885 В. был направлен в Среднюю Азию в годичную командировку для археол. исследований городища Афрасиаб — древнего Самарканда. Прежде чем начать раскопки на городище, В. совершил ознакомительную поездку по Туркестану для осмотра памятников и приобретения предметов древности, а затем приступил к незначительным раскопкам на городищах Той-тепе, Чорлен-тепе, на тепе Туди-Калян, Туди-хурд, а также «курумов» и «курганов». Лишь в след., 1885 В. приступил к раскопкам в нескольких местах на Афрасиабе, где обнаружил остатки архитектурных и инженерных сооружений, различные предметы, прежде всего керамические. В целом В. определил находки на Афрасиабе как свидетельство существования здесь не только мусульманской, но также древнегреч. и др. древних культур, а само городище как вероятную антич. Мараканду. В отношении древней среднеазиатской культуры особый интерес он проявил к фрагментам «глиняных гробов» — оссуариев домусульманского времени и их ornamentации, полагая, что некоторые изображения имеют «греческую основу

в позднейшей переработке сасанидской эпохи» (**Греческие изображения на туркестанских оссуариях** // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 59–68). Помимо этого, в Туркестане В. был собран не только археол., но этногр. и даже лингв. материал. Он также обратил внимание на необходимость изучения архитектурных памятников, и эти работы проводились под его наблюдением до 1908. Весь материал поступал в ИАК, под эгидой которой в 1905 был опубликован один выпуск альбома «Мечети Самарканда» (Альбом архитектурных рисунков и чертежей. Вып. 1: Мечеть Гур-Эмир. СПб., 1905). На протяжении всей жизни В. не переставал следить за исследованиями в Туркестане, а свой последний доклад по этой теме сделал в Вост. отделении РАО в 1916.

После археол. работ в Туркестане В. продолжил исследования истории Средней Азии и ее взаимоотношений с Россией, введение в оборот письменных источников, публикацию этногр. и историограф. трудов, очерков и рец.: **«Посольство к зюлгарскому хунтайчи Цеван-Рагтану капитана**

от артиллерии Ивана Унковского» (ЗРГОЭ. 1887. Т. 10, вып. 2), «Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам» (СПб., 1887), «Рамазан в Самарканде и курбан-байрам в Бухаре» (ИВ. 1888. Июль), «Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией» (Т. 1–3. СПб., 1890, 1892, 1898), «Иван Данилович Хохлов, русский посланник в Персии и в Бухаре в XVII веке» (ЖМНП. 1891. Янв.) и др.

Одновременно с работой историка-востоковеда В. все же пришлось заняться совсем другой областью ист. науки, которой он в итоге отдал 30 лет жизни — археол. раскопками на территории юга России, принесшими ему мировую известность и славу (о его ежегодных раскопках в Кубанской обл. и Таврической губ. см. «ОАК» за 1882–1917). С 1887 В. начинает раскопки в Таврической губ. и в Обл. Войска Донского. В 1889 им были раскопаны кочевнические «Рясные курганы» близ Ногайска, курган «Первый» IV в. до н. э. у с. Шульговка близ Мелитополя. Далее последовали исследования скифских курганов V–IV вв. до н. э. в Крыму — Золотого (1890), Дорт-Обы, Талаевского и др. (1890–1895) и огромного, высотой около 20 м, скифского «царского» кургана Огуз IV в. до н. э. на левобережье нижнего Днепра (1891–1894), под насыпью которого была открыта грандиозная каменная гробница.

С 1894 основное поле науч. деятельности В. сместилось на Северный Кавказ, в Кубанскую обл., где он приступил к многолетним ежегодным раскопкам памятников, принадлежавших в древности различным народам — племенам эпохи бронзы, скифам, сарматам, средневековым кочевникам.

Среди наиболее значительных открытий В. в это время следует отметить исследование в 1897 знаменитого Майкопского кургана IV тыс. до н. э. Под курганом находилась гробница с захоронением «вождя», которого сопровождали еще два

погребенных, и разнообразный богатейший погребальный инвентарь (сер. и зол. сосуды, украшенные изображениями гор и шестью зверей, литые фигурки бычков и стержни от штандартов, бусы, пронизи и бляшки, кольца, украшения головного убора, различные медные орудия труда, глиняные сосуды). Помимо этого, В. было раскопано несколько «Разменных» курганов эпохи бронзы у станицы Костромской, а также скифское захоронение VII в. до н. э. в Первом Разменном (Костромском) кургане, где было найдено знаменитое украшение горита — золотая бляха в виде лежащего оленя.

Однако кубанская земля оставалась не единственной территорией, где разворачивалась деятельность В.: для него вообще была характерна удивительная мобильность и способность проводить раскопки (на которые ИАК ассигновала ему немалые суммы) почти одновременно в разных обл. России. Так, за пять месяцев полевого сезона 1895 — с мая по октябрь — он побывал на раскопках в Крыму, на Кубани, снова в Крыму и снова на Кубани, затем в Самарканде и вновь вернулся на Кубань. В это же время он заезжал и на свою дачу в Анапе (ныне дом-музей). В весьма удачном для него 1897 В. работал не только на Кубани — в станицах Андриюковской и Белореченской, осматривал курганы у станиц Бесленевской, Баталпашинской, Царской и на реке Зеленчук, — но успел побывать в Приднепровье и Самарканде (*Рябкова Т. В.* 1-й Разменный (Костромской) и 10-й Разменный курганы // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., 2013). И так было многие годы. Разумеется, эти поездки не всегда позволяли В. лично присутствовать на всех раскопках и вести наблюдение и документацию: ему приходилось поручать это разным людям, иногда даже сомнительным личностям (*Каменецкий*. С. 129). Здесь будет уместным кратко охарактеризовать методику

проведения раскопок В., демонстрирующую очевидную непоследовательность и противоречивость. С одной стороны, он обнаруживает правильное теоретическое понимание науч. задач археол. исследования, которые одновременно являются и безвозвратным уничтожением любого памятника: «Ведение археологических раскопок <...> требует соблюдения известных научных приемов как со стороны техники, так и описания. <...> Отсюда понятно, что нужно дать самое точное описание произведенных работ и сделанных находок <...> необходимо приложить к описанию чертежи, рисунки, фотографии <...> надо вести дневник или журнал...» (цит по: *Тихонов И. Л.* Археологические исследования Н. И. Веселовского на Кубани // Пятая Кубанская археол. конф. Краснодар, 2009. С. 362–365). С другой стороны, на практике сам В. игнорировал эти установления: все раскопанные им курганы были исследованы лишь частично, большинство не имеет удовлетворительной графич. и фотографич. фиксации; описания и отчеты, как правило, чрезвычайно лаконичны и не всегда ясны (*Каменецкий*. С. 129).

В 1898 (а также в 1908 и 1909) В. производил раскопки курганов близ станицы Царской (ныне Новосвободной) и Ульско-го аула (ныне аул Уляп), где им был исследован в т. ч. большой курган-святилище конца VI–V вв. до н. э. с деревянными конструкциями под насыпью и гигантскими конскими жертвоприношениями. Правда, впоследствии М. И. Ростовцев с сожалением писал об этих раскопках: «...приходится, однако, отметить здесь неудовлетворительность и неполноту исследования, вызванную тем, что курганы, погребения которых были разграблены, не показались достаточно интересными производившему раскопку Н. И. Веселовскому <...> Еще небрежнее расследован был второй курган той же группы: проведена была только одна узкая траншея» (*Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Пг.,

1925. С. 312–316). Тем не менее, раскопав за свою жизнь сотни курганов, В. продемонстрировал чрезвычайную энергичность и науч. удачливость, обогатив историю исследования южнорус. древностей антич. эпохи выдающимися находками.

В 1901 В. обнаружил огромный могильник, протянувшийся более чем на 70 км вдоль правого берега Кубани от станицы Казанской до Тифлисской, названный им «Золотое кладбище». Им было раскопано ок. сотни курганов, принадлежавших местному романизированному варварскому населению, которые он в целом верно датировал приблизительно II в. н. э. (*Гуцина И. И., Засецкая И. П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994). В 1904 В. раскопал несколько курганов возле станицы Келермесской, в т. ч. две гробницы с многочисленными конскими захоронениями раннескифского времени, ставшими хрестоматийным источником для скифологии.

В 1906 были исследованы курганы в станицах Калужской и Афипиской, в 1911 — в Брюховецкой и Новождерелиевской, а в 1912 — в Роговской, Марьянской и Тульской. Это были годы небывалого расцвета не только профессиональной археологии, но и грабительских раскопок на юге России, и В. постоянно участвовал в борьбе с незаконным кладоискательством. Беспokoило его и др. опасное для науки криминальное направление — подделки древностей, о чем свидетельствуют некоторые его работы (**Существует ли в Средней Азии подделка древностей // ЗВОРАО. 1887. Т. 1; О тиаре Сайтафарна // Новое время. 1896. № 7263; 7313).**

В 1909–1910 В. доследовал в Мелитопольском у. скифский «царский» курган IV в. до н. э. Чмырева Могила, раскапывавшийся первоначально в 1898 Ф. А. Брауном. Одной из самых замечательных находок в этом кургане оказались десять сер. сосудов разнообразных

форм, обнаруженные В. в нише-тайнике бокового погребения.

На юге России В. исследовал множество памятников. Одним из самых замечательных его открытий являются раскопки скифского «царского» кургана Солоха (совр. Запорожская обл.), где были обнаружены две гробницы рубежа V–IV вв. до н. э., позднейшая из которых оказалась нетронутой древними и современными грабителями. В этом погребении были найдены многочисленные глиняные амфоры, парадная серебряная и золотая посуда, предметы вооружения и конского снаряжения, различные украшения; но самой удивительной находкой оказалась уникальный золотой гребень со скульптурной композицией с фигурками сражающихся скифов, поражающий не только техникой изготовления, тонкостью и точностью проработки деталей, но и возможностями историко-культурной интерпретации.

В последние годы жизни В. исследовал несколько грандиозных скифо-меотских курганов IV в. до н. э. у станицы Елизаветинской на Кубани, последний из которых был им раскопан в 1917. В след. году В. умер от болезни, не оставив никакого крупного обобщающего труда по исследованным южнорус. археол. памятникам; однако за все время науч. работы В. было опубликовано более 150 статей на различные темы, в т. ч. и о найденных им древностях (напр.: **Дольмен на древнем кладбище в верховьях р. Кифара** // ЗРАО. 1898. Т. 10; **Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе** // Тр. XII Археологического съезда в Харькове, 1902. Т. 1. М., 1905; **Танаис младший** // Гермес. 1909. № 6; **Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе** // ИАК. 1910. Вып. 35; **Чмырев курган** // Гермес. 1910. № 11–12; **Серебро скифского царя из кургана Солоха** // Старые годы. 1913. Кн. 3; **Из находок в кургане**

Солоха // ИАК. 1914. Вып. 52. Прибавление 22; **Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы** // ИАК. 1918. Вып. 65; полный список трудов Н. И. Веселовского см.: *Лунин*. С. 160–167).

В некрологе, написанном другим выдающимся российским востоковедом, о жизни В. и его трудах, в частности, сказано: «Несомненно, что движение русской науки во многих отношениях пойдет иными путями, чем пути, которыми шел Николай Иванович. Успехи науки неразрывно связаны со специализацией и с переходом от экстенсивной работы к интенсивной; археологическими открытиями в Китайском Туркестане истории Средней Азии как науке поставлены новые задачи; представление об археологии как самостоятельной науке все более уступает место представлению об археологии как неразрывной части общей исторической науки. Но будущие историки и археологи, конечно, не забудут, чем они обязаны трудам своих предшественников, в том числе и их ошибкам. Независимо от благодарности покойному Н. И. Веселовскому за его долголетнюю научную и преподавательскую деятельность, его образ останется в памяти тех, кто имел счастье его знать, как образ человека культуры и человека долга в лучшем смысле этого слова» (*Бартольд*. Николай Иванович Веселовский. С. 647).

Литература: *Бартольд В. В.* Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Сочинения. Т. 9. М., 1977. С. 648–665; *Он же*. Николай Иванович Веселовский: некролог // Там же. С. 642–648; *Лунин Б. В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент, 1979; *Каменецкий И. С.* История изучения меот. М., 2011; *Клейн* 2014. С. 467–491 ♦ БСМАО; *Брокгауз*; БС Тюрк; *Бузескул* 2008; *Имп. Археол. комиссия*; *Колесников А. А., Камалов И. Х.* Биобиблиографич. словарь тюркологов Евразии. Т. 1, кн. 1. Анкара, 2011; *Тункина* 2017; Библиография СПбГУ (со справкой об архивах).

А. Ю. Алексеев

ВЕТНЕК

Евгений Иванович

WEETNEEK Eugen

(латыш. VIETNIEKS Eižens)

[26.2(10.3).1870, Лифляндская губ. —

9.6.1923, Даугавпилс, Латвия],

филолог, педагог

Латыш по отцу. С 1875 семья жила в Риге. До 1878 В. занимался под руководством отца, затем после годичной подготовки в частной нем. школе поступил в Рижскую Александровскую гимназию (1879–1887, зол. медаль). Выйдя из гимназии, подал документы в Петерб. ИФИ, но вскоре получил предложение заниматься в Лейпц. ФС (1887–1891; студ. дело — РГИА. Ф. 733. Оп. 234. № 22). Вернувшись в Россию, преподавал древние языки в Ревельской гимназии имп. Николая I (1891–1896) и в учеб. заведениях Одесского УО: Одесской 4-й (с 1897) и 2-й (с 1903; инспектор) гимназиях, Одесской женской гимназии Е. С. Пашковской (нем. язык). Экзаменатор по лат. языку Одесского УО в 1900-е. В 1905 В. занимал должность директора Севастопольской гимназии, но во время восстания был отставлен с поста городской думой по требованию лейтенанта (в этот момент адмирала) П. Шмидта за «постыдную антипедагогическую» деятельность (вызов солдат для подавления гимназич. волнений) и оставил Севастополь. До июля 1908 занимал должность директора Кишиневской 2-й гимназии. В 1908–1918 директор Петерб. 1-й гимназии. Участник I съезда преподавателей древних языков (1911). Вернулся на родину, в 1922–1923 служил директором пед. семинара в Даугавпилсе (с 1923 — Даугавп. гос. учит. ин-та).

Директор Рижской Александровской гимназии высоко оценил способности к древним языкам и «нравственно-безукоризненную» позицию гимназиста В., рано потерявшего отца и с 12 лет

поддерживавшего частными уроками семью. В карьере В., вероятно, сыграл роль ревельский педагог Г. Янчевецкий, обладавший связями в МНП: до переезда в Одессу В. не только служил под его началом, но и опубликовал в изданиях Янчевецкого (ж. «Гимназия» и «Педагогический еженедельник») почти все свои филол. и методич. статьи. Из них выделяется выпускное сочинение **«Xenophon in effingenda Persicae civitatis imagine quatenus Lacedaemoniorum instituta expressit?»** (Гимназия. 1893. № 8–12), в котором, опираясь на первоисточники, В. обсуждал изображение Ксенофонтом («Киропедия») гос. устройства, воен. организации и системы воспитания древней Персии; сходство Персидского государства из «Киропедии» с полисной структурой древней Спарты объясняется не только плохой осведомленностью Ксенофонта в истории Вавилона и древней Персии, но и преклонением ученика Сократа перед идеализированной Спартой. Как гимназич. педагог В. тяготел к умеренно официозному классицизму как источнику «разумного, доброго, вечного» в душах школьников, разделяя распространенное убеждение конца XIX в., что «недостатки классицизма не органические, а случайные, внешние», вызванные лишь его «мертвым преподаванием» (**Отрывок из методического комментария к «Метаморфозам» Овидия** // Гимназия. 1893. № 3–5. С. 93; статья содержит переложение некоторых рекомендаций из нем. пособий с комментариями и «концентрирующими вопросами» к первой книге «Метаморфоз»). Молодой В. печатал также заметки культурологического рода (**Значение музыки в древнегреческом воспитании** // Гимназия. 1892. № 8), рец. [напр., на перевод книги Р. Менге «Итака» (Гимназия. 1897. № 3–4), выполненный его сестрой (?) Августой Ветнек] и небольшие методические пособия. Из последних внимание критики привлек **«Краткий очерк мифологии греков и римлян»**

(Ревель, 1897; СПб., 21900) с лапидарным изложением «всей мифологии» образца: «Убив около Марафона быка, привезенного Гераклом из Крита и выпущенного в Микенах на свободу, Фезей участвовал в походе Геракла на амазонок и женился на царице их Гипполите. Сыном ее и Фезея был Гипполит. По смерти Гипполиты, Фезей женился на сестре Ариадны, Федре, которая оклеветала своего пасынка перед Фезеем и тем стала виновницей его смерти». Озабоченность В. только «атмосферическими толкованиями» в разделе о богах и бесцветность его рассказов о героях («сведены к одной номенклатуре») была встречена иронически рецензентом «ФО» (1898. Т. 14; подп.: Х.). В. В. Розанов (Новое время. 1897. № 7785), небезучастный к судьбе гимназич. классицизма, отнесся к автору методически «запоздалого» опуса еще строже: «Г. Ветнек, видимо, не подозревает, что “ученики старших классов”, для которых он составил свою книжку, читают, худо это или хорошо, — вещи очень серьезные <...>. Между тем его “Краткий очерк мифологии” не только заботливо избегает мысли в общем течении своем, но, по возможности, устраняет ее и в каждой порознь главке. Получился не “краткий очерк мифологии”, как думает автор, но словарь — и тоже “краткий” — мифологических слов и речений со всеми недостатками словаря: отсутствием связующей мысли, общего воззрения на предмет и нужной характеристики при изложении отдельных мифов. <...>. У г. Ветнека в древней мифологии умерло воображение, исчезла живость, отлетела мысль» (Розанов В. В. Во дворе язычников. М., 1999. С. 9–10). Среди публикаций В. есть и 100-страничный отчет «Французская, американская и русская средняя школа на Парижской Всемирной выставке 1900» (Одесса, 1901). В своей адм. практике был типичным педагогом-«чиновником», стремившимся более всего к поддержанию внешнего порядка и дисциплины («холодный немец

с двумя парами очков» — Вишневецкий В. В. СС: в 5 т. М., 1954. Т. 2. С. 649), поэтому, несмотря на ответственность и энергию (в гимназии учредил собственную стипендию — ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. № 11086; поощрял кружковые начинания молодых педагогов В. Г. Янчевецкого и П. П. Соколова), симпатией подчиненных не пользовался.

Во время восстания в Севастополе, когда гимназисты, при поддержке реалистов, взяли штурмом здание гимназии, запертое по его приказу, В. был вынужден бежать: «Под высокими потолками коридоров и классных комнат гимназии раздалось роковое: “К Ветнеку! Бей!”. Были выломаны двери кабинета директора, и толпа на мгновение замерла <...>. Ветнека в помещении не было. <...>. Не дождавшись помощи, директор скрылся через окно» (Шмидт-Очаковский Е. Лейтенант Шмидт. Красный адмирал: воспоминания сына // К. Г. Паустовский. Материалы и сообщения. М., 2007. Т. 4, кн. 2. С. 67).

Вторично клич «Долой Ветнека!» прозвучал уже в классах Петерб. 1-й гимназии. Из воспоминаний композитора Д. Б. Кабалевского о феврале 1917: «В классе стоял невообразимый шум <...>. В класс вошел ненавидимый нами директор — немец Ветнек. Воцарилась абсолютная тишина <...>. Несколько человек, и я в том числе, истошными голосами крикнули: “Долой Ветнека!” <...>. В. побагровел и пулей вылетел из класса».

Литература: Памятные книжки Одесского учебного округа. Одесса, 1897–1904; Григорьев А. Очерк двадцатипятилетия Одесской четвертой гимназии. 1873–1898. Одесса, 1898 (библ.); Чухман А. А. Очерки по истории 321 средней школы. Ч. 2: С.-Петербургская Первая гимназия (1830–1918). СПб., 2007; Назарова Е. Л. Латышские педагоги в России. Интеллигенция в многонациональной империи. М., 2009; Vecvagars M. Antikā filozofija Latvijā. Apgāds MSV, 2015. L. 61–62 ♦ Прозоров; Венгеров (Список); Воронков.

Архивы: Отд. документы и письма: ЦГИА СПб. Ф. 114 (Петерб. 1-я гимназия).

В. П. Смышляева

ВИДЕМАН Фридрих (Вильгельм) Эрнестович

WIEDEMANN Friedrich

[25.6 (7.7).1869, Уржум, ныне Кировской обл. — конец 1918 или начало 1919, Петроград?],
филолог, эпиграфист

Сын коллеж. секр. Учился год в Моск. 2-й и шесть лет в Петерб. 6-й гимназиях (окончил последнюю в 1888 с зол. медалью). Студент Петерб. ИФИ в 1888–1892 (однокурсник А. И. Маленина и А. М. Ловягина), был оставлен для подготовки к магист. экзамену по греч. словесности (выдержал его в 1896). С 1893 до 1895, причисленный к МНП (учитель в семье посла П. А. Шувалова), находился за границей, слушал лекции в Берлинском ун-те. В 1897 переехал с Шуваловыми в Варшаву, но после недолгого зачисления на службу (Варшавская 4-я гимназия) был вторично командирован для науч. занятий за границу (май 1897), в Берлине слушал курс палеографии у В. Ваттенбаха. Вернувшись в Петербург, занял место преподавателя греч. словесности в Петерб. ИФИ (сент. 1898), также служил в Ин-тской гимназии (с 1905 по найму). В разные годы преподавал еще в Петерб. 3-й гимназии (1895–1902), Уч-ще Видемана (с 1905) и Уч-ще св. Екатерины. Магист. дис. «**Начатки истории греческого письма**» (защищена: Новорос. ун-т, 1912). В июне 1914 был утвержден экстр. проф. Нежин. ИФИ, но, так и не приступив к преподаванию (вследствие взрыва антигерманских настроений в Нежине), в августе того же года вышел на пенсию «по болезни» (п. д. 1914 — РГИА. Ф. 740. Оп. 28. № 640). После отставки проживал, по-видимому, в Петербурге (упомянут в справочнике «Весь Петроград на 1916»). Сообщение о кончине В. содержится в последнем выпуске ж. «Гермес» (1918. № 8–12. С. 235).

В выборе науч. темы В. руководствовался, очевидно, рекомендациями своих наставников — П. В. Никитина и В. В. Латышева. Латышев — лектор курса по истории греч. алфавита — возможно, был науч. руководителем В., хлопотал о его публикациях в «ЖМНП», на редактора которого, В. К. Ернштедта, молодой В. производил неблагоприятное впечатление старательного и недалекого исполнителя (*Куклина И. В. В. К. Ернштедт: обзор переписки с учеными современниками* // МРВ. С. 426). В немногочисленных статьях В. (как правило, предварительных публикациях к его opus magnum — будущей дис.) ощутил дух «германской науки» с ее фактографичностью, осторожностью выводов и скрупулезным библиогр. оснащением. В. обсуждает обычно частные эпиграфич. и палеограф. вопросы в контексте происхождения греч. и европ. письменности: «**О начале греческой письменности**» (ЖМНП. 1898. Июнь; Июль–авг.; 1899. Янв.–февр.; Авг.; Сент.; разбор антич. свидетельств и новых теорий о первоначальном 16-буквенном греч. алфавите); «**Архаическая надпись с о. Сикина**» (ЖМНП. 1899. Апр.); «**О последних раскопках Гиллера на о. Фере**» (ФО. 1899. Т. 16); «**Неизданная надпись на амфорной ручке из Тамани**» (*Commentationes Nikitinianae*). Реже В. обращался к толкованиям лит. текста: в статье «**О значении имени Посидона в формулах клятв у Аристофана**» (ФО. 1894. Т. 6) систематизировал три типа клятв в комедиях Аристофана «для выражения удивления чем-либо чудовищным, необытно-великим», включающих имя Посидона. В небольшой, но с качественными иллюстрациями и таблицами монографии «**Начатки истории греческого письма. Опыт исследования в области древнейшего греческого алфавита**» (Лейпциг, 1908), сравнивая графику надписей из разных греч. обл., В. стремился уточнить место, время и способы заимствования финикийского алфавита жителями Греции

и Италии. Знакомство греков с алфавитной письменностью отнесено им к XI в. до н. э.: среди документальных тому подтверждений рассматриваются и стихи VI, 168–169 «Илиады» (Там же. С. 31; в современной трактовке — глухие воспоминания о микенском или восточном письме; см. прим. А. И. Зайцева в изд.: Гомер. Илиада. Л., 1990. С. 465). В дифференциации греч. алфавитов на западные и восточные следует за А. Кирхгофом («*Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets*»), которого, вероятно, также слушал в Берлине; Н. И. Новосадский назвал этот обзор В. «ценным дополнением» к труду Кирхгофа (Новосадский. С. 13). Большая вариативность зап. греч. алфавита объясняется автором как итог соперничества двух культурных центров — Халкидики и Коринфа (Начатки... С. 55). Вторая часть сочинения представляет собой обзор древнейшей письменности в Малой Азии и на островах Крит, Фера, Мелос; вслед за В. И. Модестовым В. допускает раннее проникновение алфавитного письма в древнюю Италию. Некоторые выводы дис. суммированы в статьях: «*Zur Geschichte des ältesten griechischen Alphabets*» (*Zeitschrift f. die österreich. Gymnasien*. 1908. Bd. 59, № 8–9) и «*Zu Kirchhoffs Karte der griechischen Alphabeten*» (*Klio*. 1908. Bd. 8; 1909. Bd. 9). По-видимому, дис. В. была отклонена Петерб. ун-том, т. к. в медицинском свидетельстве п. д. 1914 (Л. 11) упомянута «бредовая идея» В. о преследовании его со стороны ун-та. В. также рецензировал (*Larfeld W. Handbuch der griechischen Epigraphik*. Bd. 1, Abt. 5 Leipzig, 1907 — Гермес. 1907. № 5) и переводил труды нем. ученых (Амелунг В. Одежда древних греков и римлян. СПб., 1904); помещал в германской периодике отзывы на издания отеч. антиковедов, в т. ч. довольно пространные (см. его отклик на «Дохмий у Эсхила» Я. А. Денисова: *WkIph*. 1899. № 37–38). В 1890-е участвовал в обсуждении перспектив школьного классицизма (главной

целью преподавания древних языков полагал «развитие в юноше вкуса к изящному и благородному»), выступая с докладами и учеб. программами на заседаниях Петерб. ОКФП (Лютер Ф. О деятельности ОКФП // ЖМНП. 1904. Янв. С. 14). Был, видимо, не чужд сочинительства: в ФО (1897. Т. 13. С. 89–90) помещена его элегия на греч. языке, посвященная 30-летнему юбилею Петерб. ИФИ. Отставке В. (см. дело об увольнении директора Нежин. ИФИ И. Лециуса: РГИА. Ф. 740. Оп. 43. № 110. Л. 10 об.) предшествовала в 1914 какая-то его «враждебная России демонстрация».

Ф. Э. Видемана не следует смешивать с Ф. И. Видеманом (1805–1887), петербургским академиком, специалистом по финно-угорским языкам.

Литература: Пам. книжки СПБИФИ. 1867–1898; 1902–1912; Васильев Я. Историческая записка по случаю пятидесятилетия Варшавской 4-й мужской гимназии. 1862–1912. Варшава, 1912; Известия Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине. 1916. Т. 31; Годовые отчеты С.-Петербург. гимназии и реального уч-ща д-ра Видемана за 1904–1905 гг. СПб., 1905 (и далее) ♦ Брокгауз; Венгеров (Словарь); Прозоров; Латышев (библ.); Воронков.

Архивы: Отд. документы и письма: ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петербург. ИФИ), 439 (Петербург. 3-я гимназия); СПбФ АРАН. Ф. 214; Ф. 733. Оп. 2. Д. 43 (переписка с В. К. Ернштедтом).

В. П. Смышляева

ВЛАДИСЛАВЛЕВ Михаил Иванович

VLADISLAVLEV M. I.

[9(21).11.1840, с. Залучье Старорусского у. Новгородской губ. — 24.4(6.5).1890, Петербург], философ (историк философии, логик, психолог), ректор Петерб. ун-та

Сын священника, окончил духовное уч-ще в Старой Руссе (1853), затем Новгородскую духовную семинарию (1859)

и тогда же поступил в СПбДА. В 1861 за участие в бойкоте нового преподавателя греч. языка был исключен из Академии и отправлен домой. Оттуда он шлет в издававшийся М. М. Достоевским ж. «Время» статьи, вызвавшие одобрение братьев Достоевских. Вскоре В., возвратившись в Петербург, становится постоянным автором «Времени» (1861–1863), а затем и его продолжения — ж. «Эпоха» (1864–1865). Весной 1862 МНП решает послать на два года для обучения за границу большую группу молодых ученых с послед. замещением ими вакансий на ун-тских каф. Благодаря рекомендации СПбДА, летом того же года В. с др. стипендиатами уезжает в Европу для приготовления к профессорскому званию. Он посещает лекции в Гейдельберге, особенно отмечая в отчетах курс истории греч. философии Э. Целлера. Затем переезжает в Гёттинген, где с апр. 1863 по март 1864 слушает с особым вниманием Р. Лотце, приверженцем философии которого остался до конца своих дней. В 1864 В. посылает из Гёттингена свой фотопортрет с дарственной надписью Ф. М. Достоевскому (воспроизведен: ЛН. 1973. Т. 86. С. 391). С апр. 1864 В. занимается психологией в Лейпц. ун-те. В авг. 1864 возвращается в Петербург и весной 1865 в Петерб. ун-те сдает экзамены на степень кандидата.

Весной 1866 В. сдает магист. экзамены (ЖМНП. 1866. Июль. С. 351–352) и защищает 14 мая того же года в качестве магист. дис. книгу **«Современные направления в науке о душе»** (СПб., 1866). В мае В. избирается доц. ун-та и 24 июля 1866 сочетается браком с любимой племянницей Ф. М. Достоевского Марией (1843–1888), дочерью его к тому времени скончавшегося брата. В 1867 В. издает свой перевод «Критики чистого разума» Канта; в конце 1868 — книгу **«Философия Плотина, основателя новоплатоновской школы»**, которую и представляет для защиты в качестве докт. дис., состоявшейся в Петерб. ун-те 12 янв. 1869.

Обстоятельства защиты отразились в периодич. печати. После выступления офиц. оппонентов (Ф. Ф. Сидонского, К. Я. Люгебиля и Г. С. Дестуниса) и неофиц. (прежде всего, А. Д. Градовского), выступления из публики собирался продолжить К. Д. Ушинский, который отказался выступать после того, как председательствующий И. И. Срезневский отвел ему на это пять минут. Подобное прекращение докт. диспута вызвало протесты в печати (ВЕ. 1869. № 2. С. 963–964). Сразу после этого К. Д. Ушинский напечатал в «СПбВед» статью «Философский диспут в Петербургском университете», где с иронией изложил ход защиты и прекращение прений (*Ушинский*. С. 598–604). Тогда же в своем ответе газ. «Голос» К. Д. Ушинский не без раздражения назвал героя книги В. «полусумасшедшим мистиком» (Там же. С. 336). В ученой среде существовало иное мнение о дис.: «труд по истории философии, какого еще не являлось у нас». При анализе, изложении и цитировании «Эннеад» Плотина В. пользуется изданием Крейцера (*Plotini opera omnia / ed. F. Creuzer. T. 1–3. Oxonii,*

1835), отбирая для прояснения темных мест текста варианты критич. аппарата издания. В. называет Плотина последним из великих греч. философов, который попытался спасти греч. классицизм от гибели. Особое внимание он уделяет оригинальному психол. учению Плотина. Что же касается понятий «новоплатонство» и «новоплатоновский», то в такой именно форме они были введены в книгу, вероятно, по чьему-то совету накануне отправки рукописи в типографию, хотя на протяжении всего текста то и дело сохраняются первоначальные варианты «неоплатонизм» и «неоплатонический». В передаче некоторых греч. слов и собственных имен В. придерживается семинарского (рейхлиновского) произношения: ифика, Омир, Нуминий и т. д.

В рус. традиции изучения Плотина книга В. оставила свой след. П. П. Блонский в 1918 замечает, что, хотя работа «производит, в смысле научной внешности, прекрасное эстетическое впечатление», ей, как и другим монографиям 1860-х о Плотине, свойственны крупные недостатки; одним из таких недостатков являлось, по мнению Блонского, «недостаточно тщательное отношение к тексту Плотина» (Блонский П. П. *Философия Плотина*. М., 1918. С. 270–271). А. Ф. Лосев, упомянув крайне благожелательный отзыв В., произнесенный 24 нояб. 1874 во время защиты магист. дис. В. С. Соловьёвым, замечает: «Этого М. И. Владиславлева у нас тоже плохо помнят и мало ценят. На самом же деле это была для своего времени довольно крупная фигура. Он, несомненно, хорошо разобрался в философии такого крупного автора, как Плотин, который в те времена почти никем не изучался, произвел анализ целого ряда важных проблем по Плотину и дал ценные переводы непосредственных предшественников последнего, весьма важных для теории происхождения всего неоплатонизма» (Лосев А. Ф. *Владимир Соловьёв и его время*. М., 2009. С. 34).

А. Ф. Лосев воспроизвел в переводе В. два отрывка поздних платоников Нумения и Аммония, сохранившихся в трактате Немесия Эмесского «О природе человека» (Лосев А. Ф. *История античной эстетики. Поздний эллинизм*. М., 1980. С. 135–140). А. С. Гагонин прямо утверждает, что В. во всем зависит от Целлера, Кирхнера, Рихтера (Гагонин А. С. *Эмиль Брейе. Философия как способ жить* // Брейе Э. *Философия Плотина*. СПб., 2012. С. 17–19, 32, 38–41). В 1990-е четыре отрывка из книги В. были воспроизведены в хрестоматии переводов Плотина (*Плотин. Сочинения: Плотин в русских переводах*. СПб., 1995. С. 27–49).

В 1869 В. был избран экстр. проф. ун-та по каф. философии; в ИФИ он читал философию уже с 1867 (экстр. проф. с 1869, орд. проф. с 1871); с 1878, после открытия ВЖК, он в течение нескольких лет читает филос. курсы и там. В 1871, в период реформы гимназич. образования на основах классицизма, В. включился в полемику о целесообразности введения классич. гимназий. В статье **«По вопросу о классическом и реальном образовании. Письмо к г. редактору “Биржевых ведомостей”»** (Биржевые ведомости. 1871. № 129) он утверждал: «Опыт Европы доказал, что наилучшим средством для образования умов зрелых и развитых служат классические языки и математика». После возвращения в Россию из-за границы Ф. М. Достоевский несколько раз в 1871–1872 посетил вечера у В., где подолгу общался с ун-тскими профессорами.

Сначала В. намеревался заняться изучением поздней неоплатонич. традиции. В отчете ун-та за 1869 о нем сказано: «В настоящее время занимается изучением сочинений Никифора Хумна, одного из позднейших византийских писателей» (Протоколы заседаний совета Имп. С.-Петербург. ун-та за вторую половину 1869–1870 академ. года. СПб., 1870. С. 106). Никифора Хумна (1250–1327)

В. упоминает в книге о философии Плотина (С. 142). Однако затем В. принимается, наряду с публикацией статей, посвященных критич. обозрению новых филос. сочинений (Дарвин, Милль и др.), за составление объемистых пособий по философии. В 1867 В. напечатал статью **«Положение философии в нашей системе образования»**, где доказывал необходимость преподавания философии не только в ун-тах, но и в гимназиях (ЖМНП. 1867. Февр. С. 372–385). Вскоре им была выпущена **«Логика. Обзорение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной»** (СПб., 1872; ²1881), содержащая в особом приложении историю логики, которая долго оставалась в рус. филос. литературе единственным сочинением такого рода. Несколько позднее В. издал **«Учебник логики: руководство для гимназий»** (СПб., 1882; ³1901). В самом начале 1880-х выходит его **«Психология: исследование основных явлений душевной жизни»** (Т. 1–2. СПб., 1881), в первом томе которой помещен «Исторический очерк психологии» с обозрением, в частности, психологии Платона, Аристотеля и Плотина (Т. 1. С. 61–86). Предполагавшийся третий том «Психологии» так и не был закончен. В 1879 В. С. Соловьёв назвал В. «единственным в русских университетах профессором философии». В окт. 1879 В. был забаллотирован при избрании на должность орд. проф., хотя декан ИФФ И. И. Срезневский представил подробную записку о его ученых занятиях (Протоколы заседаний совета Имп. С.-Петербург. ун-та за первую половину 1879–1880 академ. года. СПб., 1880. С. 55–62). В. тут же подал прошение об увольнении (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6383. Л. 75). Решением МНП В. был оставлен в ун-те и в дек. 1879 назначен сверхштат. орд. проф. (Там же. Л. 77).

В. регулярно читал историю философии, которая известна по литографированным курсам, изданным по запискам слушателей с его разрешения, причем в двух вариантах: одни — прочитанные в ИФИ, другие — в ун-те. В ун-тском курсе один академ. год отводился для древней философии, следующий — для христианской: от отцов церкви (патристики) до XIX в. При этом в каждом таком издании курс истории философии открывался подробным обозрением источников и пособий. В. проводил особые занятия в ун-те (чтение «Метафизики» и «Этики» Аристотеля) и у себя на дому (комментирование «Критики чистого разума» Канта и «Микрокосма» Лотце). Его учениками были А. И. Введенский, Н. Я. Грот, Я. Н. Колубовский, Н. Н. Ланге, Э. Л. Радлов и др.

В 1885 В. назначается деканом ИФФ. В 1887, после ареста студентов ун-та, готовивших 1 марта покушение на Александра III, В. подает записку о мерах предупреждения подобных инцидентов. Вскоре после этого, 28 мая 1887, он назначается ректором ун-та. Ректорство В. навсегда испортило его репутацию в глазах либеральных кругов (*Вересаев В. В.* СС: в 5 т. М., 1961. Т. 5: Воспоминания. С. 204, 289–292). Однако предпринятые В. жесткие меры дали о себе знать, и студ. беспорядки на некоторое время прекратились. А. И. Георгиевский, предс. Ученого комитета МНП, один из самых ревностных деятелей во внедрению классицизма в учеб. заведения, в 1889 выступил с планом еще большего подчинения ист.-филол. ф-тов изучению классич. предметов. Однако ректор В., декан ИФФ И. В. Помяловский и проф. П. В. Никитин решительно выступили против этого плана, указывая на то, что его реализация нанесет непоправимый ущерб изучению специальных дисциплин и не пойдет на пользу занятиям классич. филологией. Этот обоснованный протест вынудил МНП

не только отказаться от нового плана, но и восстановить отмененную уставом 1884-го специализацию на двух старших курсах ист.-филол. ф-тов.

В 1888 В. остался вдовцом с семьей детьми на руках, из которых старшему было двадцать лет, а младшему — шесть. В. тяжело заболел и вскоре скончался, незадолго до этого передав чтение лекций в ун-те и ИФИ др. лицам. По общему мнению тогдашних ун-тских профессоров, он умер «от ректорства», взяв на себя непосильную ношу.

Сочинения: Извлечения из отчетов лиц, отправленных МНП за границу для приготовления к профессорскому званию: в 4 ч. СПб., 1863–1864. Ч. 1. С. 200–209; Ч. 2. С. 43–46, 323; Ч. 3. С. 151–165, 466–475; Ч. 4. С. 335–353 (отчеты М. И. Владиславлева); Курс истории философии, составленный по лекциям проф. Владиславлева для студентов III и IV курса С.-Петербург. ун-та в 1879/80 академ. г. Ч. 1–2. [СПб., 1879]. Ч. 1: Литогр. Пазовского. 264, 397 с.; Ч. 2: Литогр. Л. Альвард. 215 с.; Курс истории философии проф. Владиславлева. 1883/4 г. [СПб.]: Литогр. Гробовой, [1884]. 321 с.; История христианской философии: лекции проф. М. И. Владиславлева, читанные им в С.-Петербург. ун-те в 1884/5 [г.] / сост. студентами Г. Дорофеевым и Я. Колубовским под ред. проф. М. И. Владиславлева. [СПб.]: Литогр. Гробовой, [1885]. 392 с.; Лекции по истории философии, читанные студентам II курса Имп. Ист.-филол. ин-та в 1884/85 академ. г. [СПб.]: Литогр. Гробовой, [1885]. 234 с.; Курс истории христианской философии. [СПб.]: Литогр. Гробовой. [Б. г.]. 192, 4, 4 с.; История философии. Ист.-филол. ин-т. [СПб.]: Литогр. Курочкина, [Б. г.]. 208 с.; Заметки на записку А. И. Георгиевского о нынешнем устройстве наших ист.-филол. ф-тов. [СПб., 1889]. Литогр.; Помяловский И. В. В ответ на записку А. И. Георгиевского о нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. Владиславлев М. И. Заметка на записку М. Н. Каткова. [СПб., 1889].

Литература: Георгиевский А. И. Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. С. 166–173, 225–226 (с грифом: «Совершенно конфиденциально»); Некрологи:

П. Б. // Всемирная иллюстрация. 1890. № 1113. 19 мая. С. 349–350. С портр.; Колубовский Я. Н. // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 4. С. 195–200; ИВ. 1890. Июнь. С. 711–712; Странник. 1890. Т. 2. Июнь–июль. С. 411–412; Введенский А. И. Научная деятельность М. И. Владиславлева // ЖМНП. 1890. Июнь. С. 181–211 (отд.: СПб., 1890); Радлов Э. Л. Очерк истории русской философии. Пб., ²1920. С. 20, 48, 61; Ушинский К. Д. СС. М.; Л., 1948. Т. 3; Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., 1972. С. 65–67, 142–144, 149–150, 206–208, 273; Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975. С. 85, 105–108, 197; Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение». СПб., 2001. Т. 1. С. 151–152; Басаргина 2004. С. 64–67, 70; Тихонова Э. В. У истоков создания школы философской психологии в Санкт-Петербургском университете: Михаил Иванович Владиславлев (к 170-летию со дня рождения) // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, вып. 2. С. 100–114 ♦ Григорьев; Брокгауз; БС СПб. ун-та; Биографика СПбГУ.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6383 (преподавательская деятельность); Оп. 3. Д. 1602 (об оставлении при ун-те); Ф. 2191 (Письма разных лиц к М. И. Владиславлеву).

Н. И. Николаев

ВОДОВОЗОВ Василий Иванович VODOVOZOV V. I.

[27.9(9.10).1825, Петербург — 17(29).5.1886, там же; Смоленское правосл. кладб.], педагог, писатель, переводчик

Родился в купеческой семье; отец В. рано ушел из жизни, семья находилась в крайне стесненном материальном положении. В 1835 В. поступил (по прошению матери) в Коммерческое уч-ще, учебой в котором тяготился, но окончил успешно и принял твердое решение продолжить обучение на ИФФ Петерб. ун-та. Это, однако, оказалось нелегко, т. к. для

поступления требовался древнегреч. язык, которого в Коммерческом уч-ще не преподавали. В. поступил на юрид. ф-т, посещал лекции также на филол. ф-те и занимался древнегреч. языком; через год ему удалось сдать все необходимые экзамены (*Ельницкий*. С. 1–2; *Семевский*. С. 4–9).

Преподавателями В. в Петерб. ун-те были проф. Ф. Б. Грефе, Ф. К. Фрейтаг, М. Сем. Куторга. Большое влияние на В. оказал проф. по каф. рус. словесности А. В. Никитенко, принявший участие в его судьбе. По окончании ун-та (1847) В. получил место учителя в Варшавской мужской гимназии. Преподавание «по учебнику» тяготило В., после Петербурга Варшава казалась ему провинцией. Свободное от служебных обязанностей время он занимал частными уроками (чтобы отсылать хоть немного денег матери и сестрам в Петербург), чтением и переводами — в основном с древнегреч. языка (ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. № 1415. Л. 16; *Семевский*. С. 10–17).

Как только появилась возможность, Никитенко нашел для В. место учителя

рус. словесности в Первой петерб. гимназии, ходатайствуя за него перед строгим попечителем Петерб. УО М. Н. Мусиным-Пушкиным. Тот тотчас написал латинисту В. В. Игнатовичу, директору Первой гимназии: «Учитель русской словесности Реальной Варшавской гимназии Водовозов подал мне лично прошение об определении его на открывающуюся вакансию старшего учителя русской словесности в вверенной Вам гимназии. Г. ординарный проф. Никитенко рекомендует Водовозова отлично со стороны познаний и способностей к преподаванию, а г. инспектор Студентов со стороны его нравственных качеств» (Там же. Л. 1). Это письмо и приложенная к нему характеристика Никитенко сделали возможным переезд В. в Петербург (1851). Здесь, в совершенно иных условиях, В. с увлечением занялся преподаванием. Кроме Первой гимназии, он в разное время преподавал в Елизаветинском, Александровском, Константиновском воен. и Аудиторском уч-щах, а также в Смольном ин-те, где познакомился с К. Д. Ушинским и со своей будущей женой, писательницей Е. Н. Водовозовой, урожд. Цевловской (ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. № 1415. Л. 16; *Ельницкий*. С. 1).

В. всю жизнь боролся со схоластич. методами в преподавании словесности и даже изучение древних языков в гимназии предлагал заменить курсом древнегреч. и римск. литературы, истории и культуры (**Древние языки в гимназии** // ЖМНП. 1861. Авг. С. 105–120).

При Первой мужской гимназии В. открыл женскую воскресную школу, лично составил для нее программу и сам подобрал учителей (из гимназистов старших классов и выпускниц Смольного ин-та). В середине 1860-х воскресные школы были закрыты, т. к. правительство видело в них угрозу религии и основам государства.

Со временем В. и вовсе вынужден был уйти с гос. службы и заняться переводами,

составлением учебников и лит. трудами. Частным преподаванием, как правило совершенно безвозмездным, В. занимался до последних дней. Ученики разных лет (начиная с варшавских гимназистов) вспоминали о своем учителе с большой теплотой. «Не красно говорил Василий Иванович, он и мыкал, и повторялся, и зачастую крикливо произносил: “Понимаете?”... но его все как-то совестились, именно — СОВЕСТИЛИСЬ, а не боялись, и если некоторые не считали нужным “внимать учителю”, то эти некоторые все-таки вели себя благопристойно, т. е. тихонько читали что-нибудь пикантное или, прислонив к физике Ленца карманное зеркальце, перочинным ножиком торопили выход усов на свет божий» (Василий Иванович Водовозов в воспоминаниях... С. 408).

В. переводил Софокла, Еврипида, Анакреонта, Пиндара, Лукиана, Горация, Катулла. Его переводы были высоко оценены современниками (Василий Иванович Водовозов в воспоминаниях... С. 416; *Семевский*. С. 37 слл.). В. публиковал много пед. и лит.-ведческих статей в «ЖМНП», «Современнике», «БдЧ», «ОЗ», «Учителе», «Народной школе» и др. Рецензенты его работ отмечали прекрасное знание предмета, лит. вкус и любовь ко всему живому: «г. Водовозов обладает большим искусством — совершенно проникаться той эпохой, которую изображает, с удивительной верностью и наглядностью воспроизводя ее перед читателями» (ЖМНП. 1862. Февр. С. 90–92; *Семёнов Д.* [Рец. на:] *Водовозов В. И. Женские типы в греческой поэзии. Навзикая и Пенелопа* // Рассвет. 1861. № 4. С. 5–40).

Наибольшую известность В. принесла «**Книга для первоначального чтения в народных школах**», выдержавшая с 1870 более 20 переизданий.

В. умер в возрасте 60 лет от онколог. заболевания; до последних дней он находился в себе силы писать и преподавать.

Дети В. (Василий Васильевич, 1864–1933; Николай Васильевич, 1870–1896) занимались науками и были видными общественными деятелями; ученики до конца жизни с благодарностью вспоминали своего учителя, многие из них продолжили его дело.

Литература: *Семевский В. И.* Василий Иванович Водовозов: биографический очерк. СПб., 1888 [Полн. список трудов в приложении. С. I–VIII]; Василий Иванович Водовозов в воспоминаниях В. Р. Щиглева // РС. 1886. Т. 52. С. 405–424; *Ельницкий К.* Василий Иванович Водовозов. СПб., 1904 ♦ Брокгауз; Венгеров (Источники); Языков; Масанов; РП (со справкой об архивах); Свиясов; Смышляева 2015.

С. Э. Андреева

ВОЕВОДСКИЙ Леопольд Францевич (Францович)

WOJEWÓDZKI Leopold

[15(27).11.1846, Вильна, ныне Вильнюс — 21.4(4.5).1901, Одесса],
филолог, историк литературы, мифолог

Из польск. дворянской семьи (сын станового пристава). Обучался в Либавской гимназии и Петерб. ун-те (1865–1870, кандидат; начинал обучение на физ.-мат. ф-те, затем перешел на ИФФ; однокурсник П. И. Аландского и И. В. Цветаева), «профессорант» (1870–1873). Магист. дис. «**Каннибализм в греческих мифах**» (защищена: Петерб. ун-т, 1875). С 1875 до отставки преподавал в Новорос. ун-те: доц., орд. проф. (1882); секр. ИФФ (1874–1876, 1882–1884). Во время зарубежной командировки 1878–1879 (Йена, Лейпциг, Берлин) слушал курс эпич. поэзии у Г. Штейнталя и интерпретацию «Одиссеи» у А. Кирхгофа, завершал докт. дис. «**Введение в мифологию Одиссеи**» (защищена: Петерб. ун-т, 1881). За два года до смерти оставил службу по болезни (туберкулез).

В науку В. вводил К. Я. Люгебиль. Отношения наставника и ученика, сложившиеся на ун-тских и домашних семинарах («люгебильевская тема» канд. сочинения **«Время введения и политическое значение выборов по жребию в Афинской республике»** — КУИ. 1880. № 10), не прерывались до смерти учителя, на которую В. откликнулся прочувствованным некрологом (К. Н. Lugebil // Bursians JBer. 1888. Bd. 57 = Bursians VJahrb. Jg. 11. S. 26–32). Внимательный к науч. новациям Люгебиль одобрил междисциплинарный поиск ученика; о высокой науч. оценке свидетельствует и его поддержка кандидатуры В. в конкурсе Петерб. ун-та 1879 (по большинству голосов освободившаяся с уходом Г. С. Дестуниса вакансия досталась тогда П. В. Никитину). На темы В. повлияли теоретики ист. и мифол. направления в литературоведении (М. Мюллер, Ф. И. Булаев, А. А. Котляревский, А. Н. Веселовский), связавшие образность эпич. языка с народным мышлением и бытом и охотно использовавшие для «этимологизирования» древнего мифа данные современной этнографии, психологии и фольклористики. Уже в магист. дис. **«Каннибализм в греческих мифах. Опыт по истории развития нравственности»** (ЖМНП. 1873. Дек.; 1874. Янв.–март; отд.: СПб., 1874; тезисы в ст.: **Этическое значение мифов** // ЖМНП. 1875. Май) В. вышел за границы традиционного антиковедческого исследования. От классич. греч. этики, которой была посвящена студ. работа В. (**«К развитию нравственных понятий у греков до Платона»**), он обратился к реконструкции моральных представлений архаической Греции. Опираясь на тексты Гомера и труды Э. Тейлора, Г. Шафгаузена, В. Вундта и др. ученых, В. отверг существование в раннегреч. обществе нравственности в ее традиционном понимании. Тезис о «первобытной грубости» греч. нравов он иллюстрировал различными эпизодами

обмана, каннибализма и человеческих жертвоприношений, сохраненными мифологией и Гомером (мифы о Гермесе, Автолике, Эдипе, сюжеты о лестригонах и киклопах, жертвоприношения на могиле Патрокла и др.). Исходя из постулата, что божеству не могут приписываться поступки, «которые считаются в данное время непозволительными» (Каннибализм в греческих мифах. С. 26), В. заключил, что антич. мифология отразила древнейшие стадии развития общества, когда поедание людей, приносимых в жертву, воровство и обман еще не считались преступлениями или даже носили обрядовый характер. Утверждение В. о «первоначальной адекватности» греч. мифа «действительности» и игнорирование его поэтич. функции шокировали ун-тских антиковедов. Ф. Г. Мищенко (КУИ. 1875. Июль) нашел тенденциозным отбор автором материала: с одной стороны, дикари относятся к богам без пиетета цивилизованных людей, приписывая им пороки, даже наказывая своих фетишей («нравственный элемент религии слабо проявляется на ее низших ступенях»), с другой — у Гомера немало примеров кары за обман и убийство («всякий знакомый с греч. мифологией найдет в прочих личностях греч. богов и героев множество черт совершенно противоположных» — Там же. С. 5). Протестовал Мищенко и против неколебимости главного вывода В.: каннибализм знали все древние народы, но нужно отличать обычай от случайных жертв (голода, гнева, суеверия), особенно если речь идет о Балканах, куда греки пришли, уже «изжив каннибальские пиршества» (Там же. С. 14). С претензиями к «новомодному европейскому исследователю» выступил историк В. Надлер, шокированный некоторыми интерпретациями гомеровских сравнений в работе В. (напр., из сравнения бросаемых о землю Циклопом, как щенков, спутников Одиссея В. сделал вывод о соответствующем способе убийства

греками собак и об употреблении их в пищу): «Греческая мифология есть самая богатая и разносторонняя из всех известных нам; стоит лишь подойти к ней с предвзятою мыслию и с произвольной системой толкования — и широкий путь к всяким нелепостям открыт» (ЗХУ. 1876. № 4. С. 36. Отд. отт.).

А. А. Потенбя, напротив, о «Каннибализме» отзывался одобрительно и поддержал кандидатуру В. в конкурсе Харьк. ун-та 1875: «К общему направлению автора я не могу отнести иначе, как с полным сочувствием <...>. Теория М. Миллера и других об упадке религии и языка, о существовании какого-то особого периода образования мифов и языка ошибочна: мифы, говорит автор, могут появляться во все времена» (цит. по: Багалеи. Ч. 1. С. 108). Веселовский в письме редактору «ИВ» М. М. Стасюлевичу также рекомендовал В. положительно — как «человека несомненно талантливого и не буквоеда» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1911. Т. 2. С. 264). Лингвокультурологич. методы исследования греч. эпоса В. отстаивал во вступ. лекции **«О так называемых гомеровских поэмах»** (ЗНУ. 1876. Т. 19) и очерке **«Этологические и мифологические заметки. I: Чаши из человеческих черепов и тому подобные примеры утилизации трупа»** (Одесса, 1877), призывая рассматривать гомеровские поэмы не как поэтич. памятник (их метрич. форма — лишь следствие неразвитости письма; в перечне кораблей не больше поэзии, чем в сочинении Геродота), а как мифологическую (логическую в своей основе) форму общественного сознания. Ссылаясь на известный труд Э. Тейлора о примитивной культуре, В. усмотрел следы каннибализма и «утилизации трупа» даже в русской песне «Я из рук, из ног кровать смощу» (протест одобрившего в целом интерес В. «к бытовой стороне мифа» В. Миллера: упоминаемые в этой песне свечи, кровати, пираги — приметы

ее позднего происхождения: Критич. обозрение. 1879. № 1. С. 27–32). В докт. дис. **«Введение в мифологию “Одиссеи”**» (ЗНУ. 1881. Т. 33; и отд. отт.), завершенной под сильным впечатлением от интерпретаций Гомера Кирхгофом (см.: **О занятиях по критике и мифологии гомеровского эпоса: отчет за время заграничной командировки.** Одесса, 1880. С. 34), В., декодируя фактич. основу эпоса — свода древней науки в мнемонически удобной стихотворной форме, поставил задачу заменить «простое собрание греческих мифов с примесью некоторых субъективных толкований» науч. описанием мировоззрения гомеровской эпохи. Сюжет «Одиссеи» интерпретируется им в парадигме «солнечно-лунарно-звездных» образов М. Мюллера, провозгласившего истоками мифологии древнейшее обожествление солнца и светил. Перенеся представление о «всепоглощающем значении солнца» в греч. и европ. культуры (в типологич. сравнениях «Введения» к «солнечным героям» отнесены Макбет, Дон Кихот и др. лит. персонажи), В. отыскивает следы солярного монотеизма на разных уровнях гомеровского текста — от сюжета (возвращение Одиссея к Пенелопе как слияние солнца с луной) до языковых сравнений (в сравнении Одиссея с бросающимся на ограду львом ограда трактуется, напр., как небо, коровы как звезды, непогода как ночь, лев как солнце — С. 114). Новый труд В. нашел не меньше критиков, чем предыдущий. С вескими возражениями выступил А. Н. Веселовский (Новая книга по мифологии // ВЕ. 1882. № 4), упрекнувший автора в антиисторичности переноса первобытного мифа в эпос гомеровской эпохи: герои не сменяют богов, а поселяются рядом с ними при выходе народа «из родового прозябания в историю», «гомеровский эпос не является непосредственным истечением религиозного мифа, <...> он имеет свой особый *raison d'être*, вызванный

новыми бытовыми условиями» (С. 760). Усомнился Веселовский также в целесообразности «разрешения всего эпического языка в иносказания», некоторых этимологиях диссертанта и «чрезмерной широте» использованных источников (от Гомера и сонника Артемидора до Вед и рус. сказки) — «практически подобные сближения могут дать любопытные результаты, теоретически они так же мало мыслимы, как непосредственные сравнения замоскворецкого говора с ведийским» (С. 770). П. Аландский (Народные предания и ученые мифы // КУИ. 1882. № 6. С. 276), оценив эрудицию и остроумие В., возражал против изъятия им поэтич. функции у эпоса, хронологич. перекосов («с порога греческой истории г. Воеводский мгновенно переносит нас в эпоху близкую к детству человечества») и тотальности солярной интерпретации: «Все эти воюющие люди и животные, эти бесчисленные представители, субституты и эквиваленты звезд, луны и солнца ему [автору] очень хорошо известны <...> как плод его собственной фантазии, его смелого остроумия, которое в погоне за мифами лишь на мгновение и то слегка касается почвы фактов».

С защитой ученика от «цеховых филологов» (без оценок принципиальных выводов В., но с частными замечаниями по этимологиям, напр., данайцев — Δαναοί — как солнечных героев) выступил К. Люгебиль, подчеркнувший в рец. (Новые взгляды на мифологию // ЖМНП. 1882. Март) методологич. значение обновленных подходов В. к традиционному материалу и его сопротивление «квиетизму», этой «vis inertiae органического мира», которая «недолюбливает ученых, ищущих истину <...> как бы suo Marte». Прогрессирующая болезнь (уже в 1896 декан А. Н. Деревницкий был смущен состоянием В., который «ослабел до того, что малейшее движение вызывает одышку и кашель» — ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 743. Л. 140 об.) и длительная жизнь

в провинции [сочувственно о судьбе В. отзывался Н. П. Кондаков (Воспоминания и думы. М., 2002. С. 144): «Очевидно, его талант держался только под условием работы среди просвещенного и сочувствующего кружка, а этого он найти в Одессе не мог»] не способствовали продолжению интенсивных науч. занятий В. Солярную интерпретацию он до последних дней считал главным делом своей жизни и даже на смертном одре пытался диктовать С. А. Селиванову заметки по этой теме. «Нужды нет, что и здесь и там он стоял в зависимости от мыслей, высказанных раньше другими <...>, он имел полное право считать созданную гипотезу своим неотъемлемым достоянием, столько в ней было лично ему принадлежащего» (Деревницкий А. Н. Л. Ф. Воеводский: некролог // ЖМНП. 1901. Июль. С. 35).

Неотъемлемым свойством «нервной и впечатлительной» природы В. была разносторонняя увлеченность: от классич. штудий он обращался то к занятиям математикой, то к рус. орфографии (**Опыт упрощения русского правописания**. Одесса, 1898), то к картографии (**О происхождении названия Черного моря** // Тр. VI Археол. съезда. Т. 2. Одесса, 1888). Участвуя в дискуссии о задачах антиковедения, указывал на ограниченность формальных методик, сохраняющих ценность лишь для исследования редкого в наши дни нового материала, и призвал искать новые подходы к изучению антич. текста (**Мимиамбы Герода и реализм в греческой литературе** // ЗНУ. 1895. Т. 13).

Литература: Маркевич (библ.); Памятные книжки Одесского учебного округа. Одесса, 1883–1901; Черняев; Лучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время: из истории антиковедения и византистики в России. СПб., 2004; Бузескул В. П. Введение в историю Греции. СПб., 2005; Hausmann ♦ Брокгауз; Прозоров; Венгеров (Словарь, Источники, Список); Воронков; БС ПОНУ; РБС; Фролов 2006; Бузескул 2008.

Архивы: Одесская гос. науч. б-ка; *Отд. документы и письма:* РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров); РГИА. Ф. 733; ОР РНБ. Ф. 1000 (Собр. отд. поступлений); ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петербург. ун-т; в т. ч. студ. дело — Оп. 5. № 2937).

В. П. Смышляева

ВОСТОКОВ Александр Христофорович

VOSTOKOV A. Ch.

[16(27).3.1781, Аренсбург, ныне Курессааре, Эстония) — 8(20).2.1864, Петербург; Волковское лютеранск. кладб.], *филолог, поэт, переводчик*

Незаконнорожденный сын барона Х. И. Остен-Сакена, В. при рождении получил имя Александр Вольдемар Остенек; впоследствии (около 1799 или чуть позднее), уже живя в Петербурге, он перевел свою фамилию на рус., став Востоковым. Рус. язык В. знал с детства. Упоминают (*Срезневский*. С. II) о сержанте Савелии, который рассказывал мальчику рус. сказки. По окончании гимназии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса В. был направлен в Академию художеств, где после завершения курса оставлен на три года пансионером (1794–1802). Под конец своего пребывания в Академии вступил в ВОЛСНХ (1801). В 1803 В. в силу стесненного положения, не позволявшего ему заниматься наукой и поэзией (в частности, вследствие недостатка книг), поступил библиотекарем и переводчиком в Академию художеств, где прослужил недолго. Уже в 1804 он становится переводчиком при Комиссии по составлению законов (до 1824), с 1811 совмещая эту должность с переводческой работой в Герольдии. Постепенно, однако, В. возвращается к библиотечарской работе: с 1815 поступает помощником хранителя рукописей в ПБ, а с 1824 эта служба становится его основной; в 1828 В. назначен хранителем

рукописей. Параллельно со службой в ПБ В. был библиотекарем у гр. Н. П. Румянцева, а после его смерти в 1828 стал хранителем и старшим библиотекарем Румянцевского музея, созданного на основе обширного собрания рукописей, грамот, редких книг и инкунабул (впоследствии легло в основу РГБ). Кроме того, В. был главным редактором Археографич. комиссии (1839–1845); в 1844 он вышел в отставку.

Избранный чл.-кор. АН в 1826, орд. акад. В. стал в 1841. Помимо того, В. был поч. проф. Тюбингенского ун-та (с 1825), докт. Пражского Карлова ун-та (с 1848), поч. чл. Моск. и Харьков. ун-тов (с 1855 и 1857), чл. рус. отделения Копенгагенского Королевского общ-ва северных антиквариев (1843) и др. (полный список наград и званий В. см.: *Срезневский*. С. XLII–LIII).

Серьезный изъясн речи в значительной степени определил и выбор достаточно уединенных профессиональных занятий, и бедную событиями биографию В., но был компенсирован богатством его интеллектуальной жизни. Рано проявившиеся науч. интересы В. (с 1803) лежали в обл. славяноведения, изучения памятников древнерус. литературы и языка, а также описания и издания рукописей (в частности, в 1843 увидело свет первое издание Остромирова Евангелия, им подготовленное). Особенно прославило В. **«Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка»** (написано в 1820; часть работы издана в 1856, а целиком — Срезневским в 1865), прочтя которое известный славист Й. Добровский хотел уничтожить свой собственный начатый труд «*Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris*», над которым работал в то время. Г. Кайперт показал, что именно В. принадлежит авторство термина «церковнославянский язык». Стихovedы до сих пор ценят **«Опыт о русском стихосложении»** (СПб., 1812; ²1817), в котором В. впервые описал принципы построения рус. народного стиха.

С точки зрения антиковедения большой интерес представляют стихотворные опыты и размышления В. при переводе антич. поэтов. Стихи писать он начал еще в гимназич. годы (с 13 лет); позже интерес к поэзии дополнился науч. изысканиями. Взаимное влияние этих двух сфер деятельности, творческой и науч., оказалось исключительно плодотворным: как «Опыт о русском стихосложении» замечателен живым восприятием стиха и артистич. осмыслением принципов стихосложения, так и поэзия В. несет в себе, помимо худож. составляющей, следы теоретич. размышлений автора о природе стиха, что придает ей своеобразный экспериментальный характер.

Прежде всего, важен вклад В. в становление рус. гекзаметра, ставшего предметом оживленных споров в период, предшествующий Отеч. войне 1812 года. Уже в первом издании «Опыта о русском стихосложении» В. указал на связь между строем языка и системой стихосложения, выделив три основных вида: в частности, он подсчитал, что если в антич. поэзии возможны 28 типов стоп, то в рус. стихе удастся выделить лишь 9, и потому передача антич. поэзии неизбежно будет неполной. Кроме того, во втором издании «Опыта» В. добавил спец. раздел, посвященный гекзаметру, в котором разбирает недостатки его передачи в современной поэзии; отзыв Н. И. Гнедича показывает, что «Опыт» оказал на него сильное влияние. В. указывает, что идея о внедрении гекзаметра в рус. поэзию принадлежала уже Третьяковскому, замечая, впрочем, что тот «имел отвагу затевать новое, только не имел вовсе дарования и вкуса к учинению нового своего привлекательным» (Опыт... ²1817. С. 29). Для обозначения размера, которым передается греч. гекзаметр в рус. стихосложении, В. использует термин «дактилохореический экзаметр». Он также уточняет особенности структуры размера, подчеркивая, что конечные две

стопы должны быть представлены дактилем и хореем, тогда как первые четыре могут быть как дактилич., так и хорейч. Это ограничение оправдано, поскольку согласуется с редкостью использования т. н. спондеических гекзаметров в греч. и римск. поэзии, и в стихах и переводах самого В., написанных гекзаметром, оно строго соблюдается.

Переводы и переложения В. из антич. поэзии отличаются изяществом и внимательным воспроизведением образов и особенностей стиля оригинала, однако не чуждаются вольностей, когда те могли добавить живости рассказу и приблизить его к читателю: напр., в переложении из Катюлла «На смерть воробья», в целом близко копирующем Cat. 3, возлюбленная поэта именуется «Дашинькой».

С точки зрения размера можно выделить две категории переводов В.: переводы размером подлинника и переложения иными типами размеров.

К первой категории относятся переводы од Горация, выполненные с использованием логэдиич. стиха: «Похвала Вакху» (перевод второй пол. Carm. II, 19) и «К Меценату, о спокойствии духа» (перевод Carm. III, 29) выполнены алкеевой строфой; «К Мельпомене» (перевод Carm. III, 30) написан размером, воспроизводящим асклеиадов стих оригинала (хотя М. Ю. Лотман справедливо отмечает, что на деле В. использует разновидность четырехстопного анапеста с цезурным усечением на два слога). Переводы, относящиеся ко второй категории, размера подлинника не придерживаются, но вдохновляются им. Так, при переводе Ног. Carm. III, 4 В. подражает строению алкеевой строфы оригинала, передавая первые две строки пятистопным ямбом, а третью и четвертую строки — укороченным четырехстопным ямбом (с женским и дактилич. окончаниями соответственно). Одиннадцатисложник Катулла в стихотворении «На смерть воробья» передается экспериментальным размером, науч. описание которого не без труда давалось самому В.: «Следующие стихи состоят из 3х амфибрахий с кратким на конце слогом, или по другому размерению из 3х дактилей с кратким на переди слогом» (Опыт... С. 42–43). Большой асклеиадов стих, которым написана 28-я идиллия Феокрита, В. передает гекзаметром. Таким образом, видно, что отступление от размера подлинника у В. вовсе не означало отказа от метрич. экспериментов.

Среди разнообразия лат. и греч. стихотворений, привлечших внимание В.-переводчика, следует отметить «Гимн к Негодованию», представляющий переложение ямбом «Гимна к Немезиде» Месомеда, поэта эпохи Антонинов (метр гимна основан на сочетании апокротич. и паремич. стихов). Сам В. ничего о Месомеде не знал, как можно судить по его комментарию к данному переводу: «Сочинителем оного почитается *некто*

Мезодим». Выбор столь редкого произведения был в первую очередь обусловлен науч. занятиями В.: три гимна Месомеда замечательны тем, что сохранились с музыкальной нотацией, опираясь на которую можно судить в т. ч. и о метрике; сам В. несомненно узнал этот гимн из работ по антич. стихосложению.

Интерес В. к антич. логэдиич. стиху связан не в последнюю очередь с тем, что в начале XIX в. его разновидности воспринимались как народные размеры. Поэтому переводы алкеевой и сапфической строфами или асклеиадовым стихом не должны рассматриваться отдельно от переводов из различных славянских (и иных) поэтич. традиций («Чехиня», «Смерть любовников», «Марко кралевич в темнице», «Вафтруднер: отрывок из баснословных преданий скандинавских, изданных под названием “Эдды”»; и др.). Среди переводов из антич. поэзии В. числятся следующие произведения: «Аполлону, или Желание поэта» (Ног. Carm. I, 31); «К Лицинию, о средственности» (Ног. Carm. II, 10); «К Меценату, о спокойствии духа» (Ног. Carm. III, 29); «Каллиопе» (Ног. Carm. III, 4); «Мельпомене» (Ног. Carm. III, 30); «К Венере» (Ног. Carm. I, 30); «Похвала Меркурию» (Ног. Carm. I, 10); «Похвала Вакху» (Ног. Carm. II, 19); «К Иулу Антонию, о Пиндаре» (Ног. Carm. IV, 2, начало); «К кораблю» (Ног. Carm. I, 14); «На смерть воробья» (Cat. 3); «К возлюбленной: эпиграмма из Антологии»; «Пряслица» (Theocr. 28); «Гимн Негодованию» (Mesomed., εἰς Νέμεσιν), отрывок из начала третьей книги «Георгик» (Verg. Georg. III, 1–112); также можно упомянуть «Седьмую оду Сафы», основанную на франц. переводе, и «Сафо», представляющую переложение «Ode à Phaon» из «Bibliothèque universelle des dames» (3e classe. Vol. VIII: Mélanges. Paris, 1785. P. 112–130).

Эксперименты В. повлияли не только на становление искусства перевода, но и на собственно рус. поэтич. традицию:

отмечается, что В. одним из первых вел в рус. поэзию пятистопный ямб без рифмы, используя его в своем переводе «Ифигении» Гёте. И если в целом науч. наследие В. имело большее значение, равно как и большую известность, чем его стихотворные опыты, для рецепции антич. метрики в России последние оказались весьма важными.

Литература: Гнедич Н. И. Замечания на Опыт о Русском Стихосложении г-на Востокова и нечто о Просодии древних // ВЕ. 1818. Ч. 99. № 10–11. С. 99–146, 187–22; Греч Н. И. Памяти Александра Христофоровича Востокова. СПб., 1864; Срезневский И. И. Обзорение научных трудов Востокова // Филологические наблюдения А. Востокова. СПб., 1865. С. 1–LXXXIII (Сб. ОРЯС Имп. АН; т. 70); Петухов Е. В. Несколько новых данных из научной и литературной деятельности Востокова // ЖМНП. 1890. Март. С. 63–118; Розанов И. Н. Русская лирика. М., 1914. С. 319–329; Сергеевский И. В. Востоков и Гнедич // Лит. обозрение. 1936. № 11. С. 35–36; Гаспаров М. Л. Народный стих А. Востокова // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 437–443; Баевский В. С. А. Х. Востоков — стиховед // Рус. речь. 1972. № 4. С. 154–155; Лотман М. Ю. Метрика и строфика Востокова // Русское стихосложение XIX в. / под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1979. С. 115–144; Выдающийся филолог-славист России академик Александр Христофорович Востоков (1781–1864): библиограф. указатель / сост. А. И. Богданов, Н. С. Трофимова. СПб., 2001; Лотман М. Ю. Становление античных размеров в русском стихе (аспекты когнитивной метрики) // Russian Text (19th Century) and Antiquity. Русский текст (19 век) и античность / под ред. К. Кроо, Р. Торор. Budapest; Tartu, 2008. С. 24–53; Brown W. E. A History of Russian Literature of the Romantic Period. Vol. 1. Ann Arbor, Michigan, 1986. P. 173–179; Keipert H. Востоков и Шлёцер. О началах сравнительно-исторического метода в славянском языкознании // Russian Linguistics. 2006. № 30. P. 303–319 ♦ Брокгауз; Венгеров (Источники); КЛЭ; Славяноведение; РП; СРНБ; Фондообразователи; Busch.

Архивы: СПбФ АРАН. Ф. 108; РГАЛИ. Ф. 1237; ЦГИА СПб. Ф. 1349. Оп. 4. 1839. Д. 44 (ф. с.); Арх. РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1815. № 14; Literární archivě Národního muzea (Praha).

М. Н. Казанская

ВУЛЬФИУС

Герман Германович

WULFFIUS Hermann Immanuel

[27.9(9.10).1865, Петербург — 17(29).3.1893, там же; Волковское лютеранск. кладб.], археолог, искусствовед, филолог

Семья Вульффиусов была огромной. Отец В. родился в Риге в 1820 и переехал в С.-Петербург не позже 1860, когда женился на девице Ольге-Марии Эльманн (Oehlmann), дочери учителя, в браке с которой родились 10 детей (в их числе — младший Александр, крупный историк-медиевист). Сын Герман в 1877 был определен в Петерб. 7-ю гимназию, курс которой окончил в 1885 с зол. медалью. Благодаря своим успехам он был рекомендован и принят в Русский археол. ин-т при Лейпц. ун-те. Своей трудоспособностью и увлеченностью В. обратил на себя внимание профессоров и в 1889 был вторично командирован МНП за границу для занятий по каф. классич. филологии. Занимаясь в течение двух лет, сначала в Берлинском и Боннском ун-тах, затем в Италии и Греции, В. определил как поле своей деятельности преимущ. археологию искусства. В этот период он подготовил три печатные работы: «**De Quintae Heroidis Ovidianae fontibus**» (ЖМНП. 1891. Янв. С. 1–15; автор предлагает и обоснованно доказывает оригинальную гипотезу, согласно которой главным источником письма Эноны к Парису послужила поэма Эвфориона «Александр»; содержание последней он, вопреки мнению А. Мейнеке, соотносит с киклич. поэмами). В статье «**Александрийские этюды (ч. 1 и 2)**» (Там же. 1892. Март. С. 104–124) разбираются два отд. сюжета: 1) «Биография Феокрита» (самостоятельным достижением автора является отнесение переезда поэта из Александрии в Сиракузы

и написания 16-й идиллии к 271 до н. э.); 2) «Заметки к Антонину Либералу» (автор приходит к заключению, что Никандр и Бой были единственными источниками Антонина). Рец. на книгу Н. М. Благо-вещенского «**Винкельман и поздние эпохи греческой скульптуры**» (ЗРАО. 1892. Т. 5. С. 390–406), подготовленная в июле 1891 в Афинах, развивает уже опубл. рец. И. В. Цветаева (РВ. 1891. Апр.) и содержит полемику с автором и старшим рецензентом. Эта статья особенно выказала обширную эрудицию и вкус молодого ученого [см. в некрологе В. («ФО»): «Обзор Вульфиуса» принадлежит к тем немногим рецензиям, чтение которых может быть рекомендовано наравне с изучением хороших самостоятельных исследований по древнему искусству, каковыми не слишком богата наша литература)]. В. воздает должное стилю Благовещенского, но находит несправедливым упрек, сделанный им зап. науке в «смутном понятии относительно поздних эпох греческой скульптуры». Напротив, по мнению В., западноевроп. археологи (Г. Брунн, И. Овербек, П. Вольтерс и др.) вполне признают высокое значение эпохи диадохов; что же касается римск. эпохи, то она совершенно правильно оценена в зап. науке, а рус. ученый ставит ее слишком высоко, не отличая строго от предшествующего периода. В. исправляет всякого рода мелочи при обсуждении различных памятников, упомянутых в книге Благовещенского, проявляя смелый ум и обширную эрудицию, а также тонкий вкус. Подробно анализирует В. версии о датировке бронзовой статуи «Мальчика, вынимающего занозу» («Капитолийский мальчик»); разбирает полемику вокруг

статуи Аполлона Бельведерского и различные возможности реконструкции.

Во всех работах В. наибольший интерес и ценность представляет интерес дисциплинарный подход, неизменно являемый автором: помимо солидного искусствоведческого и археол. анализа, В. владеет приемами, необходимыми для работы с лит. и эпиграфич. материалом. При этом В. опирается на разнообразные источники: так, напр., изваяния Пергамского алтаря сопоставляются с описаниями титаномахии у Аполлодора Афинского и Нонна Панополитанского и т. д.

По возвращении в С.-Петербург (предположительно 29 сент. 1891) В. усердно принялся за магист. дис. («Греческое искусство VI в. до Р. Х.»). С 1891 он по поручению Археол. комиссии занят исследованием терракотовой группы Ниобид (обнаружена в том же году).

26 янв. 1892 помолвлен с Надеждой Всеволодовой (см.: St. Petersburgisches evangelisches Sonntagsblatt. 1892. № 104). Брак не оказался ни счастливым, ни долгим: В. умер после продолжительной и тяжелой болезни.

В своих завершенных работах В. сочетает данные археологии, филологии и искусствоведения, умело применяя методологию подлинной *Altertumswissenschaft*.

Литература: Некрологи: Н. Р. // ФО. 1893. Т. 4, кн. 2. С. 231–232; расширенная версия: ИВ. 1893. Т. 52. Май. С. 562–563; перепеч.: Новое время. 1893. 21 марта (3 апр.). № 6128; St. Petersburgisches evangelisches Sonntagsblatt. 1893. № 32; Ibid. 1892. № 104; Тр. ГИМ. Вып. 25. М., 1955; Архив АН СССР. Обзорение архивных материалов. Т. 4. М.; Л., 1959 ♦ Саитов 2006; НР; Смышляева 2015; EAD.

В. Б. Жижина-Гейфтер

Г

ГАЛИЧ Александр Иванович

GALIČ A. I.

[4(15).7.1783, Трубчевск, ныне Трубчевского р-на Брянской обл. — 9(21).9.1848, Царское Село; Царкосельск. Казанское кладб.],
*философ, эстетик,
преподаватель лат. языка*

Сын дьячка (фамилия при рождении Говоров). По окончании Севской духовной семинарии (1803, учился под фамилией Никифоров) поступил в Петерб. учительскую семинарию за год до ее преобразования в ГПИ. По окончании курса ГПИ (1808) был направлен за границу: занимался философией в Гельмштедте и Гёттингене; посетил Англию, Францию, Австрию. В 1811 возвратился в Петербург, по представлении сочинения *pro venia legendi* был допущен к преподаванию дисциплин филос. цикла в ГПИ. Адъюнкт, экстр. проф. (с 1817), затем проф. (с 1819, после преобразования ГПИ в Петерб. ун-т). Периодически вел занятия по лат. и рус. словесности в средних учеб. заведениях Петербурга: Уч-ще св. Петра (1813), Царкосельск. лицее (1814–1815) и Благородном пансионе (с 1817). В 1821 в связи с «делом профессоров» был отстранен Д. П. Руничем от преподавания в ун-те

(с сохранением оклада и квартиры). От вакансий архивариуса и секр. Училищного комитета отказался, надеясь на возвращение к преподаванию; вел для желающих «философские беседы на дому» за скромный гонорар, участвовал в издании «Летописи факультета». Хотя совет Петерб. ун-та поддерживал неоднократные ходатайства Г. об учреждении каф. древности и теории изящного, дело затянулось до 1835, когда новый Устав ун-та поставил в нем точку. Уволенный из ун-та без пенсии, Г. был определен друзьями в Провиантский деп. (переводчик с нем., польск. и франц. языков, с 1839 — начальник архива). Науч. занятия оставил в конце 1830-х после гибели во время пожара «начисто переписанных» рукописей сочинений по всеобщему праву и «философии истории человечества». Умер во время эпидемии холеры.

Любознательный семинарист, с хорошими способностями к древним языкам, Г. рано предпочел филологии философию. Студентом участвовал в инициированном лектором по эстетике И. И. Мартыновым сб. «Сочинения студентов С.-Петербург. пед. ин-та по части эстетики» (СПб., 1806) со статьей «**О простосердечном**» («Das Naive» Ф. Шиллера); эту категорию Г. понимал как сочетание естественности выражения с изяществом мысли, страсти или чистой истиной (Там же. С. 49, 51). Антич. примеры «простосердечия»

заимствованы им из поэм Гомера (поведение Астианакта в сцене прощания Гектора с Андромахой) и Вергилия. В Германии Г., вопреки рекомендациям своего ин-тского наставника деиста П. Д. Лодия, увлекся учением Шеллинга и, вернувшись в Петербург, стал одним из первых его пропагандистов в России. О его дис. в форме назидательных писем к юноше Агафону, по впечатлению знакомившегося с ней А. В. Никитенко, более похожей на «пламенный витиеватый дифирамб в честь истины, нежели на строгую ученую разработку» (*Никитенко А. В. А. Галич, бывший профессор СПб. ун-та // ЖМНП. 1869. Янв.-февр. С. 17; отд. отд.: СПб., 1869*), с одобрением отозвались петерб. профессора Кайданов, Герман, Орлай, Велланский. Но «по множеству содержащихся в ней новых и либо никем, либо самым малым числом философов принятых умозрений» печатать ее не разрешили. Первой значительной публикацией Г. стало пособие **«История философских систем»** (Т. 1–2. СПб., 1818–1819; положит. отклики: СО. 1818. Ч. 49; ВЕ. 1819. Ч. 24), составленное по материалам филос. сочинений проф. Й. Сохера, Ф. Аста, И. Буле и др. Развитие греч. философии Г. представил как движение от стихийного (ионийского) материализма к идеализму и религиозности; в пособии выделены пять этапов, разграниченных деятельностью Фалеса, Сократа, Аристотеля, представителей эллинистич. школ (Пиррона, Эпикура, стоиков, Новой Академии) и философов эпохи упадка (эллинизированные иудеи, неопифагорейцы и др.). Начиная с Анаксагора, «первого чистого деиста», признавшего существование независимого от материи разума, Г. отмечает противоборство идеализма и материализма, выказывая больше симпатии к идеализму и религии, чем материализму (*Каменский. С. 86*). В пособие включены библиогр. списки (в т. ч. рус. трудов), «таблицы» знаменитых мыслителей и конспективные резюме. Так,

о деятельности Сократа автор заключил: «Сии заслуги его отчасти отрицательные: например, поборание дерзновенного всеведения; отчасти положительные: указания на человека, на стройность свободы и натуры, привязанность к народной вере, отвращение от сельской жизни»; этич. учение Эпикура названо «весьма вразумительным и годным к наблюдению людей, как они есть <...>, но крайне одно-сторонним и недостаточным, ибо вовсе не берет внутреннего чувства в счет, не знает кроме удовольствия ничего доброго по себе, разумеет худо существо добродетели» (*История философских систем. Т. 1. С. 72, 115*). В разделе о новой философии подробнее других изложены системы Канта и Шеллинга. К «Истории» прилагался 40-страничный «Опыт философского словаря» с 217 филос. терминами (переизд. А. А. Шевцовым — *Галич А. И. Опыт философского словаря. СПб., 2008*).

В речи на «процессе» 1821 Рунич уподобил «Историю» Г. тлетворному яду и обвинил автора в пропаганде «распутной философии», т. к., излагая системы разных философов, Г. тут же «не опровергал» их. Г. ответил покаянной запиской («Сознавая невозможность отвергнуть вопросные пункты, отвечаю желанием не помянуть грехов юности и неведения»), которая смягчила Рунича, но вызвала негодование коллег Г. по несчастью, посчитавших, что ему «легче других было оправдаться — он излагал чужие философские системы» (Маяковский и Николаев. С. LI). З. А. Каменский (С. 39–40) замечает, что инкриминировавшиеся Г. «вольные» суждения, выписанные комиссией из студ. конспектов, ничем не отличались от положений уже изданного в России учебника Ф. С. Карпе. Непоследовательность поведения Г. на процессе породила у современников толки об угрозах попечителя заключить его в сумасшедший дом.

Наиболее известным сочинением Г. является **«Опыт науки изящного»** (СПб.,

1825; ²1907), написанный под впечатлением от трудов Канта и Шеллинга. Г. в нем развивал, в тесной связи с понятиями худож. идеи и образа, романт. концепцию изящного как единства истинного, доброго и приятного, воплощения прекрасного как идеала в Боге, человеке, природе («первообраза, самообраза» вещи), в котором случайные черты стерты ради выявления черт типовых. Здесь же намечена классификация искусств: «натуральные», реализующиеся в пространстве и(ли) времени (скульптура, зодчество, живопись, театр, музыка), и «идеальные» (литература во всех ее видах и жанрах). «Опыт» получил благоприятные отзывы, хотя автора обычно укоряли за «нефилософический язык» (Н. А. Полевой — Моск. телеграф. 1826. № 6–8, 10; <П. Свиньин?> — ОЗ. 1826. № 73). Эстетики разных эпох, от И. Кронберга до Э. Л. Радлова, оценивали «Опыт» как первый заслуживающий уважения российский труд в этой обл. и «наиболее оригинальное и законченное произведение» Г. (Радлов Э. А. И. Галич // Пушкин А. С. СС. Т. 1. СПб., 1907. С. 245). Продолжая разрабатывать эстетич. темы, Г. издал сочинение **«Картина человека. Опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий»** (СПб., 1834; половинная Демидовская премия), в котором, следуя идеям филос. антропологии, Г., вслед за Кантом, разделит духовную жизнь человека на неразрывно связанные мышление, хотение, сердце и фантазию («Не есть ли духовность только возгонка натуральной жизни, утончение нервной системы, крайняя степень превращения общего эфира?»), а целью их представил достижение гармонии, в т. ч. через привнесение справедливости и любви в общественные отношения. Высокая филос. тема традиционно для Г. снижена юморист. интонациями, жаргонными выражениями и бытовыми иллюстрациями, т. к. источником своей

антропологии он видел «жизнь, которая при всем многообразии форм остается сама себе равною, нераздельною» (Там же. С. 35). Воззрения Г. остались «отдельным феноменом в истории русской мысли», попыткой создания антропологич. концепции, пронизанной идеей единства духовного и телесного (Философы России XIX–XX столетий. М., 2002. С. 209), но его трактаты, поднявшие «вопросы эстетики до философской высоты», оставили след в истории философии 1820–1830-х (Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1, ч. 1. Л., 1991. С. 133–134). Многие современники Г. были обязаны интересом к Шеллингу именно его трудам (Барсуков. Т. 1. С. 279). Последним большим трудом Г. явился **«Лексикон философских предметов»** (СПб., 1845), статьи которого отразили разнообразие интересов Г., касавшегося в течение жизни вопросов логики и метафизики, морали, естественного права, истории, эстетики, «житейской философии» и т. п. С филос. статьями («Абсолютное») в «Лексиконе» соседствуют статьи: «Аборигены», «Автобиография», «Актер», «Барин», «Береговое право», «Блуд» и др. Белинский в сочувственно-иронич. рец. на этот «самобытный отпрыск» не привившейся на Руси философии критикует автора за «старческое велеречие» и пафос прописных истин: «Манилов Гоголя прослезился бы, читая эту приятную книжицу» (Белинский. Т. 8. С. 501). Традиционно озадачил критиков «Лексикона» и витиеватый («варварский и темный» — Н. Греч) слог Г., склонного к образному изложению филос. проблем.

Напр., в статье «Взбаламученный (взбаламученный)»: «...человек, которого характер состоит в одной суетности, который не делает ничего по правилам и склонностям, а только из хвастовства или для виду <...>. Короток с барамы, важен с равными, дерзок с подчиненными <...>. Вы приветствуете его — он вас не замечает, вы обращаете свои речи к третьему — он вас перебивает» (С. 318–319).

Помимо «книг для души», Г. выпустил несколько компиляций «для денег»: **«Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений, извлеченная из немецкой библиотеки словесных наук»** (СПб., 1830); **«Логика, выбранная из Клейна»** (СПб., 1831). Галич-словесник также произвел впечатление на многих учеников, оценивших в нем не столько преподавателя, сколько благородного старшего друга с необычным образом мыслей. Вынужденный задерживаться в ожидании своих часов в Царскосельском лицее (приезжал из Петербурга), Г. не уклонялся от внеурочного общения с лицеистами. Он — адресат посланий юного Пушкина «Пирующие студенты» и «Послание к Галичу» («Поклону ты не сроден. / Друг мудрости прямой / Правдив и благороден»); Г. подарил юному поэту идею стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» и был упомянут уже зрелым поэтом в его «программе автобиографии» (*Черейский*. С. 93). Сочувственно следил за судьбой наставника и В. К. Кюхельбекер (*Кюхельбекер*. С. 271). С преобладающими сочувственными отзывами диссонирует лишь суждение М. А. Корфа (Дневники 1838–1839 гг. М., 2010. С. 233–234) о Г. как «бездарном труженике» со всеми недостатками нем. ученого, но без его достоинств (Корфу принадлежит и недобрый миф о нищете отставленного Г., тогда как его оклад в Провиантском деп. превышал прежний профессорский). С дисциплиной и учеб. программами «по слабости добрый (чтоб не сказать более)» Г. справлялся, однако, плохо: на занятиях лат. языка вместо Корнелия Непота читал с лицеистами то Коцебу (*Кюхельбекер*. С. 387), то Канта (*Грот Я. К.* Пушкин и его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1870. С. 297); фраза, с которой наставник переходил от свободной беседы к чтению Непота («Ну, господи, теперь потреплет старика»), осталась в памяти всех лицестов. С симпатией вспоминали о разных фарсах с Г. «заодно» и выпускники

Благородного пансиона (*Соболевский С.* — Сб. ОРЯС. 1872. Т. 9. С. 12). Н. Греч (РА. 1871. С. 261) и А. Никитенко (А. Галич... С. 21) единодушно заключили, что роль Г. «была роль академического преподавателя», а не гимназич. учителя. Никитенко неоднократно хлопотал о кафедре для Г. и еще в 1843 пытался рекомендовать его проф. философии в Римско-католич. академию (Никитенко. Т. 1. С. 259). Несмотря на длительные неудачи, Г. долго сохранял вкус к жизни и размышлению. Не расположенный к «дисциплинарности», беззаботный и добродушный, «со значительной долей юмора и иронии», супруг весьма деспотичной «Ксантиппы», для многих современников он олицетворял образ истинного философа.

Литература: Плетнёв; Смирнов; Барсуков. Т. 3; *Кобеко Д. Ф.* Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811–1845. СПб., 1911; *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии. Ч. 1. Пг., 1922; *Косачевская Е. М. М. А.* Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л., 1971; *Соболев П. В.* Очерки русской эстетики первой половины XIX в. Ч. 1. Л., 1972; *Кюхельбекер В.* Путешествие. Дневник. Статьи. М., 1979; *Введенский А. И.* Судьбы философии в России // А. И. Введенский. А. Ф. Лосев. Э. Л. Радлов. Г. Г. Шпет: Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991; *Каменский З. А. А. И. Галич.* М., 1995 (с библи.); *Любавин М. А.* Лицейские учителя Пушкина и их книги. СПб., 1997; *Грот К. Я.* Пушкинский Лицей. СПб., 1998; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988; *Руденская С. Д.* Царскосельский — Александровский лицей. 1811–1917. СПб., 1999; *Смирнов В. В.* St. Petrischule: школа, что на Невском проспекте за кирхой. СПб., 2006; Императорский Лицей в памяти его питомцев. Александровский Лицей (1844–1918). Кн. 2 / сост. С. Павлова. СПб., 2011 ♦ Григорьев, БС СПб. ун-та; Прозоров; Брокгауз; Венгеров (Словарь, Источники, Список); КлЭ; РБС; РП; ПЭ; НФЭ; Серков; Геннадии 2006; Бузескул 2008.

Архивы: РО ИРЛИ. Ф. 205 (А. В. Никитенко); ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ), 272 (ГНУ), 1349 (Провиантский комитет, в т. ч. ф. с. 1842 — Оп. 4. № 68); ОР РНБ. Ф. 391 (А. А. Краевский); РГИА. Ф. 735 (Канцелярия МНП).

В. П. Смышляева

ГАРТМАН

Николай

HARTMANN Paul Nicolai

[7(19).2.1882, Рига —
9.10.1950, Гёттинген],
философ, историк философии

Родился в Риге в семье инженера Карла Августа Гартмана и его жены Хелены (урожд. Хакманн; Hackmann). Получил домашнее образование в Риге; учился в четырех старших классах нем. гимназии при церкви св. Екатерины на Васильевском острове в С.-Петербурге (1897–1901, аттестат зрелости получен весной 1901). В 1901–1902 домашний учитель в Лифляндии. Осенью 1902 поступил на мед. ф-т Дерпт. ун-та, но уже в 1903, «следуя влечению к философии» (Lebenslauf), перешел на ИФФ Петерб. ун-та, где «до весны 1905 посещал лекции по философии, истории и филологии» (важную роль в повороте сыграла появившаяся в 1903 книга П. Наторпа о платоновском учении об идеях). Позднейшие труды Г. показывают вместе с тем стойкий интерес к естественным наукам и математике и солидную эрудицию в этих областях.

Основным преподавателем Г. в Петерб. ун-те был выдающийся философ-кантианец А. И. Введенский (каф. философии); среди своих филос. учителей Г. числил и Н. О. Лосского, в то время прив.-доц. Петрогр. ун-та; из классиков он посещал занятия Ф. Зелинского и Ф. Ф. Соколова, по всеобщей истории Э. Д. Гримма и И. М. Гревса. Вместе с Г. учились молодые философы, впоследствии, как и он, продолжившие свое образование в Германии, — А. В. Вейдеман, В. Э. Сеземан (товарищ по гимназии и по Марбургу), С. И. Гессен. Во время прекращения занятий из-за революции Г., уже ранее испытывавший влияние трудов марбургских философов-неокантианцев Г. Когена и его ученика П. Наторпа, поступил в Марбургский ун-т. Здесь он учился

в течение четырех семестров в 1905–1908 (с перерывом на зимний семестр 1907/08, во время которого вернулся в Петербург, где преподавал древние языки в гимназии и посещал лекции в ун-те, а также выступал с филос. докладами). Г. продолжал изучать классич. дисциплины в Марбурге: в «Lebenslauf» он упоминает о посещении лекций Т. Бирта, Э. Маасса (известные филологи-классики) и К. Кальбфляйша (специалист по греч. науке и философии, ученик Г. Дильса). Товарищами Г. по ун-ту были Э. Кассирер, В. Татаркевич, Х. Ортега-и-Гассет. В 1906/07 учеб. году Г. получил премию филос. ф-та в Марбурге за конкурсное сочинение о проблеме бытия в греч. философии, написанное по инициативе и под руководством Когена и Наторпа, которое защитил в 1908 в качестве докт. дис. «**Über das Seinsproblem in der griechischen Philosophie vor Plato**» (докт. экзамен — 31.7.1907, защита — 3.4.1908). Работа опубликована в 1909 как вводная часть обширной монографии «**Platos Logik des Seins**» (Gießen, 1909 = Philosophische Arbeiten / hrsg. von H. Cohen, P. Natorp. Bd. 3). В 1909, после представления квалификационной работы (Habilitationsschrift) «**Des Proklos Diadochos philosophische Anfangsgründe der Mathematik nach den ersten zwei Büchern des Euklidkommentars dargestellt**» (Gießen, 1909 = Philosophische Arbeiten / hrsg. von H. Cohen, P. Natorp. Bd. 4), Г. был оставлен при Марбургском ун-те в качестве прив.-доц. по каф. философии; по-видимому вскоре он принял германское подданство.

Б. Л. Пастернак во время недолгого пребывания в Марбургском ун-те в качестве студента Когена и Наторпа (апр. — авг. 1912) попал в семинар по Лейбницу «симпатичнейшего Гартмана», знакомого семьи Пастернаков, ради чего ему понадобилось углубиться в интегральное исчисление (Письмо Б. Л. Пастернака К. Г. Локсу, 6/19 мая 1912 г. // *Сергеева-Клятис А. Пастернак в жизни. М., 2015.*

С. 67). В 1911 Г. женился на Алисе Стефаниц, дочери петерб. акад. архитектуры И. А. Стефаница. Дружеские и родственные связи с Россией, сохранявшиеся все это время, были прерваны мировой войной.

В 1914–1918 Г. был призван на военную службу в Германии и проходил ее в качестве переводчика, знающего по-русски, воен. цензора и офицера связи. В 1919 вернулся к преподаванию в Марбурге в качестве прив.-доц.; в 1920 стал экстр. и в 1922 орд. проф. Марбургского ун-та в качестве преемника Наторпа. Впоследствии преподавал в Кельнском (1925–1931), Берлинском (1931–1945) и Гёттингенском (1945–1950) ун-тах.

В 1921 в книге «**Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis**» (Berlin; Leipz., 1921) Г. отверг основные принципы неокантианства — субъективность категорий познания и непознаваемость «вещей в себе», хотя признавал по-прежнему ценность неокантианской проблематики. С этого времени он стал развивать собственную филос. систему, которая охватывала все области классич. филос.

знания — теорию познания, онтологию, натурфилософию, этику, эстетику. В системе Г. видят последнюю попытку создания всеобъемлющей филос. теории в западноевроп. мысли. В ней кантовский критич. и антропоцентрич. подход получает развитие в духе «реалистической онтологии»: кантовские категории являются не только условиями познания, но и объективно существуют в самих вещах; мир представляет собой иерархию субстанций, с человеком на вершине. Этич. и эстетич. ценности, обладание которыми обеспечивает людям это высшее положение, не существуют вне человеческой деятельности, но объективны и имеют абсолютный характер — положения, к которым Г. пришел благодаря влиянию не только Гегеля, но и чтимой им платоновской и аристотелевской традиций. На «Этику» Гартмана сочувственно ссылался его бывший петерб. наставник Н. О. Лосский в своем христианском обосновании безусловных нравственных норм [*Лосский Н. О. Условия абсолютного добра*. М., 1991. С. 24 (1949)].

Интерес к историко-филос. тематике, который в ранний период творчества у Г. преобладал над собственно философией, он сохранил и тогда, когда стал систематическим по преимущ. философом. Подобно своим марбургским учителям, он усматривал в современных филос. идеях ключ к лучшему пониманию философии прошлого, а к истории философии обращался в поисках проблематики, сохраняющей интерес, и решений, не теряющих актуальности. В этом же смысле высказался Б. Пастернак в «Охранной грамоте»: «Не подчиненная терминологической инерции Марбургская школа обращалась к первоисточникам, т. е. к подлинным распискам мысли, оставленным ею в истории науки» (*Пастернак Б. ПСС: в 11 т. Т. 3. М., 2004. С. 168*).

Основатель «неокантианства» Г. Коген (1842–1918), ученик Ф. А. Тренделенбурга и Г. Штейнтала, был по образованию не

только философом, но и филологом-классиком. Он посвятил несколько работ платоновскому учению об идеях. Филологом-классиком до своего поворота к философии был и его ученик П. Наторп (1854–1924). Как философ, он стремился «углубить Канта посредством Платона»; его книга «Forschungen zur Geschichte des Erkenntnisproblems im Alterthum. Protagoras, Demokrit, Epikur und die Skepsis» (Berlin, 1884), посвященная его боннскому учителю, великому филологу Г. Узенеру, остается по сей день важнейшим трудом по антич. эпистемологии. Наторповская антиметафизич. интерпретация платоновского учения об идеях как «гипотезах», «бесконечных задачах» для исследования, согласно которой Платон оказывается основным предшественником Канта (Platos Ideenlehre. Leipz., 1903; в изд. 1921 важное «метакритическое» приложение), несмотря на ее в целом ошибочный характер, указывала на неоспоримые трудности в понимании платоновской теории и стимулировала ее дальнейшее изучение.

В книге, посвященной логике бытия у Платона, Г., следуя в основном Наторпу, рассматривал платоновские идеи в их логико-науч. аспекте (как априорные понятия) и стремился освободить их от «метафизическо-мифологического» элемента, т. е. понимания их как субстанций, существующих объективно (Г. считал присутствие этого второго аспекта в учении Платона несомненным, но имеющим «биографическое», второстепенное значение). В ряде случаев Г. в своих интерпретациях неоправданно стремится ослабить то, что противоречит «научному» облику Платона: так, доказательство бессмертия индивидуальной души в «Федоне», угрожающее неокантианской трактовке платоновских идей, рассматривается как относящееся к «мифологическому» плану. Концепция Г. вряд ли может найти сегодня серьезную поддержку. Стоит, однако, помнить, что в то время многие ученые, отвергавшие неокантианскую интерпретацию платоновских идей, полагали, что «поэтические картины» диалогов среднего периода («Федон», «Государство»,

«Федр»), в которых мир идей представлен как объективно существующий, не составляют существенной части платоновской философии. По мнению современного исследователя Платона Т. Эберта, труд Г. недооценен историками философии, которые, критикуя неокантианскую интерпретацию Платона, были сосредоточены исключительно на взглядах Наторпа. Эберт усматривает у Г. преодоление наторповской интерпретации идей как «задач» для исследования и понимание их как априорных понятий в духе Лейбница (*Ebert Th. Meinung und Wissen in der Philosophie Platons*. Berlin, 1974. S. 17–18). В известном смысле отклонения Г. от позиции Наторпа в истолковании Платона предвзвешивают, видимо, его дальнейшее, собственно филос. развитие прочь от неокантианства.

В небольшой монографии о философии математики у Прокла (1909), которая до сих пор учитывается в работах по неоплатонизму, Г. обнаруживает у Прокла предвосхищение неокантианского «логического идеализма». В статье «*Zur Methode der Philosophiegeschichte*» (1909; *Kleinere Schriften*. Bd. 3. *Vom Neukantianismus zur Ontologie*. Berlin, 1958. S. 1–22) Г. дал теоретич. обоснование своих историко-филос. работ, противопоставляя «биографической» истории персоналий изучение филос. проблем, по образцу Аристотеля. Для этого он рекомендует положить в основу систематич. философию — для нашей эпохи кантианскую — и возрождать гегелевский подход к истории идей как к непрерывному процессу, освободив его от ложной трактовки этого развития как неизменно прогрессивного (в современной науке Г. в плане методологии отдает предпочтение трудам по истории филос. понятий кантианца из Дерпта Г. Тейхмюллера, очевидно, в противоположность не упомянутому в статье признанным корифеям Э. Целлеру и Г. Дильсу). Значение, которое Г. отводит истории филос. проблематики

по сравнению с изучением индивидуальных филос. систем, — это оправданная для его времени, пусть и несколько преувеличенная тенденция. Сам Г. признает важность историко-филол. анализа, обращая внимание на лакуны в традиции, препятствующие восстановлению непрерывного процесса в развитии идей. Но по существу он все же односторонне рекомендует превращение истории философии во вспомогательную филос. дисциплину, своего рода пропедевтику при обсуждении актуальных проблем, возникающих внутри одного, «истинного» направления.

Впоследствии, обратившись к истории философии Нового времени, в особенности к нем. идеализму и Канту, Г. не оставлял занятий антич. философией. Его статьи на эту тему — преимущ. о Платоне и Аристотеле — собраны в одном из томов его сочинений (*Kleinere Schriften*. Bd. 2. *Abhandlungen zur Philosophie-Geschichte*. Berlin, 1957). Но и в сугубо филос. трудах Г. также находился в постоянном живом и критич. диалоге с учениями своих отдаленных филос. предшественников. Так, в «Этике» он ориентируется в значительной мере на «таблицу» добродетелей Аристотеля, считая его феноменологию нравственной сферы крупнейшим достижением в этой обл. философии (*Ethik*. Berlin, 1926; ²1935). В стремлении Г. защитить с филос. позиций достижения мировой цивилизации, науки, искусства, сделав их предметом осмысления, но не радикальной критики, можно усмотреть влияние не только Гегеля, но и Аристотеля, с трудами которого он не расставался в течение всей жизни. Повидимому, начальные занятия классич. филологией в Петербурге, продолженные затем в Марбурге, сыграли немалую роль в направлении и манере не только его историко-филос., но и прямо филос. творчества. 20–21 дек. 2017 в СПбГУ прошла большая международная конференция «Философия Николая Гартмана».

Краткая автобиография: *Hartmann N.* Über das Seinsproblem in der griechischen Philosophie vor Plato. Marburg, 1908. S.76: Lebenslauf.

Литература: *Гессен С. И.* Мое жизнеписание // *Вопр. философии*. 1994. № 7. С. 156; *Ковальчук С.* «Взыскую Истину...» (Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю. Ф. Самарин, Е. В. Чешихин, К. Ф. Жаков, А. В. Вейдеман. Сер. XIX в. — сер. XX в.). Рига, 1998; *Яковенко Б. В.* Мошь философии. СПб., 2000; *Дмитриева Н. А.* Русское неокантианство. «Марбург» в России: историко-философские очерки. М., 2007; *Inwood M.* Hartmann, Nicolai // *Routledge Encyclopedia of Philosophy*. Vol. 4. London, 1998. P. 240–242 (библ.); *Nemetz T.* Russian Neo-Kantianism // *Routledge Encyclopedia of Philosophy*. 1998. Vol. 6; *Harig W.* Nicolai Hartmann: Leben, Werk, Wirkung. Würzburg, 2000; *Morgenstern M.* Vom Idealismus zur realistischen Ontologie. Das Frühwerk Nicolai Hartmanns // *Philosophia: E-Journal of Philosophy and Culture*. 5/2013. URL: <https://philosophia-bg.com/archive/philosophia-5-2013/vom-idealismus-zur-realistischen-ontologie-das-fruhwerk-nicolai-hartmanns/> ♦ NDB; DBBL.

А. Л. Верлинский

ГАР(Т)Ц Федор Андреевич

GARTZ / HARTZ F. A.

[15(27).12.1880, ? – 1920, Луга],
педагог

Родился в семье военного. Отец Г., Андрей Федорович Гартц, дворянин, имевший 555 десятин земли в Могилёвской губ., служил во 2-м Кубанском пластунском батальоне (на момент рождения первого сына — есаулом, к середине 1890-х — войсковым старшиной). Младшие братья Г., как и отец, пошли по воен. части. Видимо, к карьере военного готовили и Г., но он по окончании 6-й Петерб. гимназии поступил на ИФФ Петерб. ун-та и, прослушав курс наук, в 1904 вернулся служить в родную гимназию (ЦГИА СПб. Ф. 451. Оп. 1. № 1081. Л. 18, 23, 39–40).

В 6-й гимназии Г. официально числился помощником классных наставников, но сверх того преподавал ряд предметов: древнегреч. язык (дополнительно к программе по желанию гимназистов, среди которых оказались и близнецы Яков и Григорий Марковичи Боровские), историю, филос. пропедевтику (Отчеты о состоянии 6-й С.-Петербург. гимназии за 1906–1907 учеб. год. СПб., 1907; за 1907–1908. СПб., 1908; за 1908–1909. СПб., 1909; за 1909–1910. СПб., 1910; за 1910–1911. СПб., 1911).

О тщательном отношении Г. к своим служебным обязанностям свидетельствует ряд документов, напр., характеристика, данная ему в 1912/13 учеб. году директором Г. Г. Зоргенфре-ем — ходатайство попечителю петерб. УО утвердить Г. «в звании учителя гимназий и прогимназий без особого на сие звание испытания, <...> принимая во внимание, что г. Гартц заявил себя преподавателем достаточно опытным, серьезно относящимся к преподаванию своего предмета» (ЦГИА СПб. Ф. 451. Оп. 1. № 1081. Л. 61–62), а также отказ самого Г. от представления к след. чину, пока он не сдаст экзамены (Там же. Л. 70).

Находясь в 1908 на лечении за границей, Г. не отвлекался от забот гимназии и готовил материалы для поездки учеников старших классов в Рим (Там же. Л. 32–36). Это путешествие вместе с коллегами и гимназистами состоялось в 1909–1910 по маршруту Петербург — Варшава — Вена — Венеция — Флоренция — Рим — Неаполь — Генуя — Милан — Цюрих — Мюнхен — Прага — Варшава — Петербург.

«Стоимость всего путешествия определена в 140 рублей на каждого участника. Незадолго до отправления в путь профессор А. И. Мален прочел в гимназии в высшей степени поучительную лекцию об исторических достопримечательностях Рима, иллюстрируя ее диапозитивами, специально выбранными и заказанными в Риме Ф. А. Гартцем

в количестве больше 100» (Отчет о состоянии 6-й С.-Петербург. гимназии за 1909–1910. С. 40).

Очевидно, Г. не был создан для военной карьеры, но, в силу семейных традиций или в силу обстоятельств времени, был военнообязанным и ежегодно представлял в Присутствие по воинской повинности справки о том, что он состоит на службе в гимназии, характеристики и пр. (ЦГИА СПб. Ф. 451. Оп. 1. № 1081. Л. 37, 41 и др.).

В самом начале Первой мировой войны Г. забирают в действующую армию, откуда он пишет письмо Зоргенфрею, объясняя невозможность присутствия на экзаменах и описывая свой быт.

«Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Я не могу явиться к предстоящим экзаменам, так как по случаю мобилизации запаса армии призван на действительную службу и сейчас нахожусь здесь, в 1-м пехотном запасном батальоне, в 3-ей роте. Этот запасный батальон служит как бы проходными казармами, и отбывавшие раньше воинскую повинность люди здесь не задерживаются: каждый день отправляются большие партии в действующую армию. Из учителей в каждой роте образовали целые взводы человек по 100; преобладают народные учителя, но много и подобных мне, сверхштатных средней школы. Учителя все, конечно, не проходили раньше военной службы, и нас теперь обучают. Вообще наш батальон сам никуда не уйдет, но будет служить для пополнения убыли в полках действительной армии, а в ожидании будет нести здесь гарнизонную службу. <...>

В гимназии я был 2 раза, застал только В. П. Дрбоглава и просил сообщить Вам и Константину Александровичу (К. А. Тюлелиев, преподаватель древних языков и инспектор 6-й гимн. — С. А.), что я призван на военную службу.

Книги из библиотеки гимназии доставлены в канцелярию гимназии. Если порешите что-либо спросить у меня, напишите по адресу: С.-Петербург, 1-ый запасный пехотный батальон, 3 рота. Сейчас мы в Политехническом институте, но завтра переводят на Охту, в казармы 145 Новочеркасского полка. Прилагаю удостоверение

на случай, если понадобится подложить к моему делу.

Прошу Вас, глубокоуважаемый Густав Густавович, принять уверение в самом полном уважении и искренней преданности к Вам и ко всем дорогим сослуживцам.

Благодарный за все, до сих пор мне сделанное. *Ф. Гартц*

P. S. Если мне будет сохранено что-либо из содержания, то прошу производить все вычеты и отчисления, какие будут у других, также и подписки. Напр., помню, предполагалась осенью подарок А. А. Эккерману» (ЦГИА СПб. Ф. 451. Оп. 1. № 1081. Л. 68).

Г. Г. Зоргенфрей очевидно высоко ценил Г. как преподавателя, понимал абсурдность создавшейся ситуации и предпринимал все возможное для того, чтобы вернуть его из армии в школу. Это было непросто ввиду различных бюрократич. трудностей, однако дело кончилось успехом. По возвращении Г. продолжал преподавать: перед самой революцией он устроился также учителем лат. языка в женскую гимназию А. П. Никифоровой (ЦГИА СПб. Ф. 451. Оп. 1. № 1081. Л. 75–82; здесь же его ходатайство о назначении пенсии для матери по смерти отца).

Личное дело Г. оканчивается телеграммой заведующего школой от 4 сент. 1920:

«В Отдел народного образования 2-го городского совета, в стол личного состава. Преподаватель вверенной мне 9-й трудовой школы (быв. питомец 6-й гимназии) Федор Андреевич Гартц погиб в Луге, спасая жизнь двух тонувших девочек» (ЦГИА СПб. Ф. 451. Оп. 1. № 1081. Л. 84).

Благородная личность Г., его глубокие познания и педагогический талант надолго остались в памяти его учеников (в частности, Я. М. Боровского).

Один из братьев Г., Анатолий Андреевич (1885–1977) — крупный ученый-конструктор броневой снарядов.

Литература: *Боровский Я. М.* Opera philologica. СПб., 2009. С. 566.

С. Э. Андреева

ГАФФНЕР

Эдуард Иванович

HAFFNER Johann Samuel Eduard

[15(27).8.1804, Рига — 13(25).1.1889, там же], *филолог, педагог*

Из купеческого сословия. Окончил Рижскую гимназию (1823) и богословское отделение Дерптского ун-та (1827; действительный студент, сер. медаль). По окончании ун-тского курса служил домашним учителем в Курляндии (1827–1830), преподавал в частных школах Риги (1830–1832). Д-р философии Ростокского ун-та (1831). С осени 1832 получил место учителя нем. языка (позже преподавал также лат. язык) в Петерб. воспитательном доме; одновременно поступил законоучителем в Практический технологический ин-т. С февр. 1834 — адъюнкт по каф. римск. словесности ГПИ. В мае 1838 занял пост директора училищ в Дерпте, в окт. 1849 перемещен на ту же должность в Риге; предс. Рижского временного цензурного комитета. В 1850–1857 ректор Дерпт. ун-та; в 1854 недолго управлял Дерпт. УО. Уволенный с поста ректора (1857; причислен к МНП), вернулся в Ригу: директор Рижской реальной гимназии и городского уч-ща, глава училищной дирекции (1860–1877); чл. Прибалтийского общ-ва истории и археологии и Учеб. комиссии Рижского ремесленного общ-ва.

Сведения о публикациях Г. отсутствуют; исключение — актовая речь «**Историческое сообщение о Дерптском университете**» (сб.: Das zweite Jubelfest der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1853), в которой он оправдывает официальную идею приобщения прибалтийских народов к рус. культуре и языку в т. ч. необходимостью решения образовательных задач в западных губ. Г. характеризуется Е. Петуховым как «весьма достойный уважения по своим нравственным качествам человек» (Петухов. С. 395), не

получивший необходимого признания коллег (в должности ректора Дерптского ун-та) лишь ввиду отсутствия у него ученой степени и профессорского звания.

Литература: Обзор деятельности Императорского Дерптского ун-та на память о 1802–1865 гг. Дерпт, 1866; *Album der Landsleute der Fraternalitas Rigensis 1823–1898*. Riga, 1898 ♦ РБС; Венгеров (Источники, Список); *Album Dorpat*; DBBL.

Архивы: Отд. документы и письма: ЦГИА СПб. ф. 13 (ГПИ).

В. П. Смышляева

ГЕДЕОНОВ Степан Александрович

GEDEONOV S. A.

[1816 (возм., 1815), Петербург — 15(27).9.1878, там же; Лазаревское кладб. Александро-Невской лавры], историк, искусствовед, коллекционер

Младший сын Александра Михайловича Гедеонова, участника Отеч. войны 1812 года, впоследствии директора Имп. театров обеих столиц (1833–1858). В 19(20) лет Г. закончил ИФФ Петерб. ун-та, пройдя ун-тский курс за два года и получив степень кандидата. В том же 1835 поступил секретарем к президенту ИАН гр. С. С. Уварову. Г. пробыл в этой должности до 1848, когда стал помощником кн. Г. П. Волконского, возглавлявшего высочайше утвержденную в Риме археол. комиссию с целью поиска и закупки предметов искусства для Имп. музея (Эрмитажа). В 1859 на короткое время Г. сам возглавил комиссию (согласно ф. с. С. А. Гедеонова 1872 — *Питровский Б. Б.* История Эрмитажа: краткий очерк, материалы и документы. М., 2000. С. 219–220; в науч. литературе, по-видимому, ошибочно, указан 1861). В 1861 приобрел коллекцию маркиза Кампаны, после чего был переведен в Петербург, где ему было поручено

обустроить экспозицию новоприобретенной коллекции в Эрмитаже (Носков 2018. С. 33). После введения должности директора музея 2 июня 1863 Г. был назначен первым директором Имп. Эрмитажа (до 1877). С 1867 по 1875 также занимал должность директора Имп. театров. Почетный чл. ИАН (1863), д. чл. МАО (1864) и Имп. общ-ва истории и древностей Российских; гофмейстер и тайн. сов., удостоен многочисленных наград.

Современники описывают Г. как полную противоположность отцу, отличавшемуся вспыльчивостью, а также любовью к картам и женщинам (известно, что после отставки от должности директора Имп. театров А. М. Гедеонов последовал в Париж за франц. актрисой, где и умер в апреле 1867). Г. славился сдержанностью, даже некоторой сухостью; замечательным дипломатич. чутьем; щепетильностью в вопросах долга; умением сохранять ровные отношения со своими критиками (как в случае с И. С. Тургеневым и с А. А. Куником). Имел склонность к науч. и лит. занятиям. Убедительным кажется предположение Н. С. Никитиной, что прототипом образа больного приятеля в тургеневском стихотворении в прозе «Мои деревья» был Г. (*Никитина Н. С.* О реальной основе «стихотворения в прозе» И. С. Тургенева «Мои деревья» // РЛ. 1982. № 1. С. 176–180).

Можно выделить три сферы деятельности, интересовавшие Г. на протяжении всей жизни: история Древней Руси, античность (особенно антич. искусство) и театр. В каждой из этих трех сфер он оставил свой след, который в науч. литературе оценивают, как правило, обособленно. Между тем есть и следы взаимного влияния этих сфер: напр., для своих театральных произведений Г. брал сюжеты из истории Древней Руси, а на заведование гардеробом и декоративной частью постановок Имп. театров он назначил Н. А. Лукашевича, до того служившего под его началом в Эрмитаже.

С театром Г. был связан в силу семейных обстоятельств, а позднее (1867–1875) по служебным обязанностям. Кроме того, он сам без особого успеха стремился писать для театра: драма «Смерть Ляпунова» была поставлена в 1846 и шла два сезона; черновой вариант драмы «Василиса Мелентьева» (1867) Г. передал А. Н. Островскому, который в корне переделал пьесу; в 1871/72 Г. предложил композиторам «Могучей кучки» создать коллективную оперу «Млада» на либретто, которое он составил совместно с В. Крыловым по мотивам сказаний полабских славян. Несмотря на высокое положение Г. в театральном мире, сочинения его имели весьма средний успех. Так, Тургенев, знавший Г. еще с ун-тских лет, отозвался анонимной разгромной рец. на «Смерть Ляпунова» (ОЗ. 1846. № 8. Отд. VI. С. 88–96 = *Тургенев И. С.* ПССиП: в 28 т. Т. 1. М.; Л., 1960. С. 257–271), а позже подшучивал в письме к Л. Виардо (№ 256 от 28 янв. 1853) над «неизлечимой манией (Гедеонова. — М. К.) к литературной деятельности» — «une incurable manie de faire de la littérature».

Интерес Г. к истории Древней Руси (возможно, изначально связанный с карьерными соображениями — Из записок сенатора К. Н. Лебедева // РА. 1910. № 7. С. 335) восходит к 1840-м, когда он пишет оставшийся неопубл. отзыв на книгу М. П. Погодина «Исследования, замечания и лекции о русской истории» (1846). По возвращении из Италии в 1862 Г. публикует «Отрывки из исследований о варяжском вопросе» (ЗАН. Т. 2. Прил. 3), труд, который произвел впечатление в науч. общ-ве: за него Г. был удостоен Уваровской премии ИАН, а годом позже избран почетным чл. Академии. Позднее, под влиянием науч. полемики, переработанные «Отрывки» вошли в виде двух глав в книгу «Варяги и Русь» — причем Г. поясняет, что они были «изменены и переработаны, ввиду возникших со времени их появления новых взглядов на варяжский вопрос; вместе с тем они и сокращены, вследствие вынужденных ими капитальных уступок норманнской школы» (Т. 1. С. XVIII). В труде «Варяги и Русь. Историческое исследование» (Т. 1–2. СПб., 1876) он стремился показать, что «норманны не основной, а случайный элемент в нашей истории» (Т. 1. С. 55). Исследование древнерус. истории Г. продолжал до самой смерти, успев завершить еще одну часть своего труда и завещав ее своему главному оппоненту — норманисту А. А. Кунику с просьбой издать ее (рукопись хранится в СПбФ АРАН; опубл. в 2005 под ред. В. В. Фомина).

Древними языками Г. владел хорошо: рассказывали, что в студ. годы он перелагал Шиллера на греч. язык; разумеется, древние языки бывали востребованы и в пору его секретарства у гр. С. С. Уварова. Труд «Варяги и Русь» также показывает основательное знание древнегреч. и латыни: Г. не только ссылается на визант. и средневековые источники, но и цитирует древнегреч. тексты от Гомера до Гезихия и Евстафия, в основном, в качестве параллелей. Несмотря на строгость

изложения, очевидно живое ощущение древних языков (ср. перевод гомеровского эпитета ἀκρόκομοι как «чубоносные». — Т. 1. С. 364) и хорошее знание антич. реалий. Так, Г. объясняет происхождение слова «коляда», а также используемое в качестве рефрена слова «каліодушка» в народной песне через греч. καλή ᾠδή и καλαοῖδια, спартанское песенное соревнование в честь Артемиды, упоминаемое Гезихием (Там же. С. 20–22). Если предложенная этимология совершенно неверна, то использование наблюдений над рефренной структурой рус. и греч. народных песен несомненно оригинальны.

Уже в первые годы пребывания в Риме в составе Археол. комиссии по приисканию древностей (1848–1851) Г. добился приобретения для Эрмитажа значительного числа антич. скульптур. Несомненно, наибольший успех в его карьере представляет приобретение для России лучших предметов из коллекции маркиза Джампьеро Кампаны, директора папского банка Monte di Pietà и увлеченного коллекционера. Покупая иногда целые коллекции, чтобы получить несколько шедевров, устраивая раскопки, но и не чураясь покупки предметов с чужих раскопов (как в случае «царицы ваз», найденной на раскопе Леопольда, графа Сиракузского), маркиз Кампана в период с 1832 по 1857 собрал огромную коллекцию, включавшую предметы антич. искусства (вазы, бронзы, украшения и монеты, терракоты, стекло, этрусскую, греч. и римск. живопись, скульптуру), а также итал. живопись (с визант. времени до XVIII в.) и итал. майолику XV–XVI вв. (полный каталог коллекции см.: *Sarti*. P. 149–209). Чрезвычайно привлекательно предположение Сарти (*Ibid.* P. 126) о том, что кажущаяся «неразборчивость» маркиза объясняется мечтой о музее, в котором отразились бы все эпохи итал. искусства от античности до современности. Однако в 1857 при проверке банка Ватикана обнаружилась

серьезная растрата: оказалось, что на коллекцию Кампана истратил 3 млн франков из своих собственных средств и 5 млн из средств понтифика. Маркиз был осужден на 20 лет заточения, а коллекция перешла во владение Ватикана, правительство которого изначально надеялось оставить ее в Италии, но потом было вынуждено отказаться от этой идеи из-за нехватки средств. Поиски покупателя затруднялись величиной коллекции, которую решено было не дробить; в течение трех лет музеи и дипломатич. представительства вели за нее настоящую войну, однако в конце 1860 папское государство втайне начало распродавать коллекцию по частям.

В точности неизвестно, как именно Г. удалось добиться права отбора и покупки (впрочем, показали ему далеко не все. — *Reinach*. P. 375), но 21 февр. 1861 он заключил сделку, по которой Эрмитаж приобретал выдающиеся предметы (в основном антич. искусства) за достаточно умеренную сумму в 75 тыс. франков. Именно эта покупка положила начало эрмитажному собранию этрусского искусства, апулийских ваз, антич. бронзы — не говоря уже о том, что она во много раз увеличила коллекцию древностей как таковую. Д. В. Григорович писал: «Я помню еще очень хорошо, когда собрание Эрмитажа помещалось в залах старого здания; главную роль играли картины; античных предметов было так мало, что они не составляли даже особого отдела. Теперь им тесно в обширных залах нижнего этажа, специально для них устроенных» (*Григорович Д. В. Прогулка по Эрмитажу*. СПб., 1865. С. 22–23).

Уже через два месяца Г. издал первое описание 765 предметов, приобретенных Эрмитажем, — «*Notice sur les objets d'art de la galerie Campana à Rome acquis pour le musée impérial de l'Ermitage à Saint-Pétersbourg*» (Paris, 1861), указав, в частности, что при отборе вынужден был ограничиться «только предметами

первого сорта» (Р. 2). Эта брошюра, в первую очередь имевшая целью заявить об Эрмитаже как о музее мирового уровня, обладающем богатой антич. коллекцией, вызвала негодование европ. музеев, особенно Лувра, который купил за значительно бóльшую сумму предметы, представлявшие меньшую ценность.

Г. курировал доставку приобретенных сокровищ в Петербург, где ему была вверена забота об их экспозиции; позже, по учреждении музея Эрмитажа в 1863, он стал его директором. На этом посту он сделал еще несколько важных приобретений (в основном, предметов западноевроп. искусства). При Г. Эрмитаж открылся для широкой публики: было отменено требование являться в вицмундире; упростилось получение входных билетов; были сняты препоны, с которыми ранее сталкивались художники-копиисты. Впрочем, сделав музей более доступным, Г. лишь следовал общей тенденции: в начале 1860 открылся для публики музей Академии художеств и, по инициативе МНП, ряд науч. музеев при АН — минералогич., ботанич., зоологич., анатомич. Г. реформировал структуру музея, подразделив его на пять отделений, каждое из которых возглавлялось хранителем: отделение греч. и римск. древностей возглавил Л. Э. Стефани. Г. также ревностно охранял целостность эрмитажной коллекции: ср. письмо, в котором он возражал против передачи музейных дублетов Эрмитажа Одесскому музею (Тункина 2002. С. 332–333). В. Ф. Левинсон-Лессинг отмечал, что «для Эрмитажа было важно, что во главе стоял человек, ясно понимавший задачи научной работы в музее и хорошо ориентировавшийся в основных вопросах археологии и истории искусства» (Левинсон-Лессинг В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа. 1764–1917. Л., 1986. С. 196–197).

Г. прекрасно понимал важность незамедлительного науч. описания коллекций;

это видно и по римск. периоду, когда сразу после приобретения ряда скульптурных изображений муз он издал их описание: «**Groupe des Muses antiques**» (Annales archéologiques. 1852); в приписке к письму своего мужа от 18(30) янв. 1853, которое тот адресовал И. С. Тургеневу, П. Виардо едко замечает: «Степан все тот же, язвительный и малопрятный. Имейте в виду, что он высокопарно называет совсем маленькую брошюру по археологии *своим трудом* (бог весть о какой статуе, привезенной им из Италии...)». Сходным образом первый каталог приобретенных предметов из коллекции Кампаны вышел в свет уже через два месяца после заключения сделки. При его составлении Г. пользовался своими записями с осмотров коллекции в прежние года, а кроме того, опирался на каталоги самого маркиза, однако успевал снабдить наиболее значимые предметы собственным комментарием. На посту директора Эрмитажа Г. продолжил уже начатое описание коллекции музея (антич. собранием занимались Кёлер, Стефани, Жиль), как привлекая специалистов, так и принимая личное участие: в 1865 он издает каталог антич. скульптуры «**Ermitage impérial. Musée de sculpture antique**» (СПб., 1865). Г., с расчетом на самый широкий круг как рус., так и иностранных читателей, прагматично предпочитал для таких описаний франц. язык. Однако для науч. описания он пользовался и рус., напр., в статье «**Мертвый ребенок на дельфине, группа из мрамора, приписываемая Рафаэлю**» (ЗАН. 1872. Т. 21. Прил. 1), в которой доказывал, полемизируя с Доббертом и Дженоералли, что эта скульптурная группа в самом деле принадлежит Рафаэлю.

Несмотря на то, что каталоги вскоре потребовали пересмотра (ср.: Кизирицкий Г. Е. Музей древней скульптуры. СПб., 1901. С. VII–VIII), к концу своего директорства Г. добился того, что

Эрмитаж стал одним из наиболее полно описанных музеев Европы того времени.

Литература: *Неверов О. Я.* Отдел античного мира. История собирательства // Эрмитаж, история и современность / под ред. В. А. Суслова. М., 1990; *Искюль С. Н.* Гедеонов Степан Александрович // Три века Санкт-Петербурга. Т. 2. СПб., 2003. С. 61–63; *Фомин В. В.* Жизнь С. А. Гедеонова — подвиг высокого служения отечеству (биограф. очерк) // Гедеонов С. А. Варяги и Русь: в 2 ч. М., 2005; *Давыдова Л. И.* Первый директор Эрмитажа Степан Александрович Гедеонов // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...»: в 5 кн. Кн. 2. СПб., 2014. С. 5–11; *Дмитриева Е. Н., Трофимова А. А.* Мечта об Италии. Коллекция маркиза Кампаны: исторический очерк. СПб., 2019; *Vitet L.* La collection Campana // *Revue des deux mondes*. 1862. 1 sept. P. 164–188; *Reinach S.* Esquisse d'une histoire de la collection Campana // *Revue archéologique*. 1904. Т. 4. P. 179–200, 363–384; *Ibid.* 1905. Т. 5. P. 57–92, 208–240, 343–364; *Giglioli G. Q.* Il Museo Campana e la sue vicende // *Studi Romani*. 1955. № 3. P. 292–306, 413–434; *Sarti S.* Giovanni Pietro Campana, 1808–1880: The Man and His Collection. Oxford, 2001 ♦ БС MAO; РБС; РП (со справкой об архивах); Тункина 2002; Сотрудники Имп. Эрмитажа; Имп. Археол. комиссия; Тункина 2017.

М. Н. Казанская

Г Е Д И К Е

Федор Федорович

GAEDICKE Johann Friedrich

[1783, Руппен (Аппенцельские Альпы) — не ранее 1822, ?], *филолог, преподаватель древних языков*

Сын пастора из Пруссии. Биограф. сведения о Г. (Григорьев. С. 19, 32) восходят преимущ. к его послужным спискам. Преподавал нем. язык в I кадетском корпусе (с 1810), лат. язык в Петерб. губернской (позднее 2-й) гимназии (с 1811), «известен был попечителю по своим познаниям и поведению» (*Курганович А. В.* Историческая записка 75-летия С.-Петербургской 2-й гимназии. Ч. 1. СПб., 1880. С. 42; «д-р философии» — С. 74). В 1817 без

испытаний был принят адъюнктом каф. лат. языка (на место Ф. И. Миддендорфа) в ГПИ (экстр. проф. 1818). В 1819 вместе с сослуживцами Ф. Б. Грефе и Д. П. Поповым был переведен вновь основанный Петерб. ун-т, где прослужил год в должности экстр. проф. лат. словесности. Преподавал не только на ист.-филол. отделении, как видно по итогам проведенного в февр. 1820 «годового испытания», выявившего «нерадение» студентов о лат. языке и объективные трудности его преподавания (Маяковский и Николаев. С. 54–55). В июле 1820 уволился по прошению («за слабостью здоровья») с присвоением чина надворного советника (ЦГИА СПб. Ф. 13. № 3012). Надежных сведений о его судьбе после 1820 нами не обнаружено. В прошении о доплате квартирных и профессорских денег (авг. 1820) упоминал о скором отъезде из Петербурга (ЦГИА СПб. Ф. 13. № 3015. Л. 3), вероятно, в качестве домашнего учителя. Косвенным подтверждением нашему предположению могут служить упоминания в письмах парижского эллиниста Газе о его частых встречах в Париже весной 1821 с неким проф. Гедике из Петербурга («Gädicke, Professor aus Petersburg»), достаточно образованном, но увлеченном скорее политикой, чем филологией (*Медведев И. П.* Письма К. Б. Газе в архиве академика Ф. И. Круга // МРВ. С. 567, 569). Возможно, Г. ненадолго возвращался на пед. службу (в 1821/22 акад. г.): из списков Петерб. 2-й гимназии был исключен окончательно в 1822. В то же время приводимая в некоторых источниках запись «профессор лицея в С.-Петербурге, титулярный советник» выглядит сомнительной для 1822 — из-за «понижения» в чине и неясности с местом службы (в списках преподавателей Царскосельского лицея 1822 Г. не значится). По вариативности рус. транслитераций его фамилии (Гедике, Гейдеке, Едике и др.) в переписке семейства Муравьевых можно

предположить в качестве исходной нем. фамилии и Gedicke (Gädicke, Goedicke) и Heidecke. Искажения в направлении второго варианта возникали, вероятно, по аналогии с фамилией известного моск. пастора и педагога В. Гейдеке (Benjamin Heidecke). Науч. публикаций (в России?) не имел, как можно судить по рапорту С. С. Уварова министру Голицыну в 1818 (по поводу профессуры Г.): «Хотя гг. Гедике и Сахаров не приобрели знаменитости в ученом свете своими сочинениями, но весьма известны преподаванием наук; сверх того, что оба они состоят старшими учителями при здешней гимназии, оказали истинный талант в преподавании» (ЦГИА СПб. Ф. 13. № 1806. Л. 9 об.).

Дружелюбное описание пед. манеры Г. оставил выпускник Петерб. губернской гимназии К. Фишер (Записки сенатора. М., 2008. С. 210): «Гедике знал все школьные проделки и, чтобы не быть жертвою обмана, принял странные обряды: садился на стол кафедры, свесив ноги, приказывал всем опустить руки под стол и прислониться грудью к столу; все это по смешной команде, дурным русским выговором: “Книги в стол! Руки под стол! Тело к столу!” Когда обряды были исполнены, он приказывал переводить слово в слово подлинник <...>. Он не допускал перевода Manlius Torquatus словами “Манлий Торкват” или “Манлий, украшенный золотой цепью”, но требовал, чтобы переводчик непременно приискал русское прилагательное. Я из шалости сказал: “Манлий золотоцепной”. “Так есть”, — с восторгом повторил Гедике. Когда все засмеялись, объяснив ему, что цепными называют только собак, то он прехладнокровно отвечал: “Пусть лучше Манлий будет собака, чем учитель — осел” <...>. Зато от него выходили очень дельные латинисты».

В качестве домашнего учителя А. Муравьева, сына тов. министра М. Н. Муравьева и будущего декабриста, Г. упоминается в переписке семейства Муравьевых 1817–1819: «Если Гейден (в совр. изданиях “Гейдеке”. — В. С.) у вас и возьмется

за его [Александра] воспитание, то можно вас поздравить» (из письма Батюшкова к Е. Ф. Муравьевой от 1818 — *Батюшков К. Сочинения*. Т. 3. СПб., 1886. С. 505); «Усердно кланяюсь г. Гедике» (из письма Н. М. Карамзина к Е. Ф. Муравьевой от 1819 — Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах. XVIII–XX вв. Т. 2–3. М., 1992. С. 13) и др. Само решение пригласить Г. в качестве домашнего учителя Муравьевых свидетельствует о его хорошей репутации: до переезда в Петербург место учителя древних языков в этом семействе занимал проф. Моск. ун-та Ф. Я. Эванс.

Литература: Плетнёв; *Жордания О. К. Декабрист А. М. Муравьев и его записки «Мой журнал»*. Тбилиси, 1990; *Муравьев Н. Письма декабриста. 1813–1826*. М., 2001 ♦ Григорьев; РБС; БС СПб. ун-та; Венгеров (Источники, Список); НР; Серков; Иностранные профессора.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ), 14 (Петерб. ун-т).

В. П. Смышляева

Г Е Л Ь Б К Е Фридрих Фердинандович

GELBCKE Carl Friedrich

[1(13).3.1842, Петербург —
2.4.1922, Липпштадт (Германия)],
филолог, педагог

Из семьи гимназич. учителя. По окончании Уч-ща св. Анны в Петербурге (1857), не имея возможности (из-за юного возраста) поступить в ун-т, отправился в Германию: закончив Unterprima Виттенбергской гимназии, с 1860 занимался в течение трех семестров на филос. ф-те Гёттингенского ун-та, затем перешел в Берлинский ун-т: слушал Э. Лейча (Leutsch), Г. Зауппе, Г. Тейхмюллера, И. Дройзена, Г. Штейнталля и др. По завершении дис. «**Quaestiones Valerianae**» (защищена: Берлинский ун-т, 1865; д-р филос.) на практике осваивал

пед. систему Песталоцци, преподавая в пансионе под Берном (1865–1867). В 1867 возвратился в Петербург и поступил учителем древних языков в Уч-ще св. Анны и Петерб. 3-ю гимназию (сначала по найму, а после выдержанного при Петерб. ун-те экзамена на звание учителя древних языков — штат. преподавателем: 1871–1878). Одновременно инспектор и учитель древних языков в Петерб. 2-й гимназии (1874–1879). С 1879 чиновник МНП: инспектор Петерб. УО (помощник попечителя). В 1880-е входил в окружение министра И. Д. Делянова наряду с А. И. Георгиевским и Н. М. Аничковым, чл. Учен. комитета (с 1884). Чл. Петерб. ОКФП. С 1893 директор Нежинского ИФИ; предс. и почетный чл. Неж. ИФО. После отставки (июнь 1907) на короткое время вернулся в Петербург, затем переехал в Финляндию, где еще некоторое время занимал ответственные адм. должности.

Дис. «Quaestiones Valerianae» (Berlin, 1865) представляет собой краткий критико-экзегетич. комментарий к изданию Валерия Максима (К. Кемпф, 1854). После обзора издательской традиции Г. останавливается на характеристике идиостиля автора (излюбленных образах, фигурах, игре слов) и с учетом выявленных стилистич. характеристик предлагает около 20 поправок к тексту. После Берлина науч. штудиями, очевидно, не занимаясь («ученых трудов не издавал, кроме мелких рец., печатавшихся в “ЖМНП”, и диссертации» — Нежин 1900. С. 18), сосредоточившись на адм.-пед. карьере. Как чл. Учен. комитета выступал в печати с отзывами на учеб. пособия (напр., руководство по греч. языку Н. Ф. Фокова — ЖМНП. 1873. Окт.) и метод. статьями: «**О применении результатов сравнительного языкознания к преподаванию грамматики древних языков в гимназиях**» (ЖМНП. 1875. Окт.), «**О постепенности в письменных**

упражнениях по древним языкам» (Там же. 1878. Дек.). Считая, с одной стороны, недостаточной для качественного преподавания филол. дисциплины подготовку выпускников Петерб. ИФИ, с другой — неудовлетворительным и преподавание иностр. педагогов (вследствие слабого владения рус. языком), Г. поддержал организацию Лейпц. ФС (см. заметку И. Смирнова — Там же. 1879. Июль. С. 247). Активно участвовал в деятельности Петерб. ОКФП, в т. ч. редактировал переведенный силами его чл. «Реальный словарь классических древностей по Любкеру» (СПб., 1883–1885); в рец. на первый выпуск И. В. Помяловский (ЖМНП. 1884. Март) отметил удовлетворительное исполнение словаря, хотя указывал на погрешности стиля («местами встречаются фразы неловкие»), непоследовательную орфографию и перевод некоторых статей не с заявленного редакцией издания, а с более ранних и менее научных. Инициатор издания «Календаря для учителей» (с 1880; выходил более 30 лет), Г. редактировал его первые выпуски. В аудиторий предпочитал комментировать римск. писателей — Тибулла, Ливия, Курция Руфа, Овидия. На посту директора Неж. ИФИ, заменив спорного предшественника Н. Е. Скворцова, умиротворил пед. коллектив, поощрил науч. и лит. занятия сотрудников, в т. ч. в рамках организованного им ИФО.

Литература: Курганович А. В., Круглый А. О. Историческая записка о 75-летию С.-Петербургской Второй гимназии. Ч. 2. СПб., 1894 (библ.); Отчет о деятельности Общества классической филологии и педагогики в С.-Петербурге за 1896/97 учеб. год // ФО. 1897. Т. 13; Состояние и деятельность Нежинского Историко-филологического общества при институте кн. Безбородко за 1908–1909. Нежин, 1910 ♦ Брокгауз; Прозоров; Венгеров (Источники, Список); Нежин 1900; Фёдоров; ЕАД.

Архивы: РГИА Ф. 733, 744 (высочайшие указы по МНП); ОР РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский); ЦГИА СПб. Ф. 439 (Петерб. 3-я гимназия).

В. П. Смышляева

ГЕЛЬВИХ

Николай Августович (Карлович)

HELLWIG N.

[24.2(7.3).1868, Витебск — не ранее 1929, Ленинград (?)], *филолог, лексиколог*

Из многолетней семьи гимназич. учителя (отец — из прибалтийских немцев, выпускник Дерпт. ун-та). Из-за частых переездов семьи учился в гимназиях Витебска, Вятки (1881–1884) и г. Петрокова (1885; зол. медаль). Окончив в 1889 Петерб. ИФИ по разряду древних языков (студ. д. — ЦГИА СПб. Ф. 53. № 1687; однокурсник С. А. Селиванова), был причислен к МНП для подготовки к магист. экзамену (РГИА. Ф. 733. Оп. 122. № 4) и сдал его в сент. 1890. Магист. дис. защищена: Петерб. ун-т, 1893; магистр римск. словесности. Преподавал на Петерб. ВЖК (1893–1894), в Петерб. 5-й гимназии (1894–1901) и в Петерб. ИФИ (с 1896 — заменил уехавшего за границу О. А. Шебора): экстр. проф. (1900), орд. проф. римск. словесности (1913; ф. с. 1913 — РГИА. Ф. 740. Оп. 8. № 626). Прив.-доц. Петерб. ун-та (1898–1904). После 1917 продолжил преподавание лат. языка в Петрогр. ун-те (Ленингр. гос. ун-т): проф. ф-та общественных наук, после 1927 — доц. ф-та языкознания и материальной культуры.

Период активной науч. деятельности Г., любимого ученика О. Шебора (Варнеке. 2013. № 4. С. 143), ограничился 1890-ми. Определяющим при выборе науч. темы Г. явилось руководство Шебора, признанного знатока Плавта. Магист. сочинение **«Наблюдения над именами прилагательными у Плавта. С приложением Указателя встречающихся у Плавта имен прилагательных»** (предварительная публикация части дис. в статье: **Имена прилагательные на -bilis у Плавта и Теренция** // ФО. 1892. Т. 2) включало два раздела. В первом рассматривались словообразовательная

и грамматич. характеристики прилагательных римск. комедии, включая субстантивированные и причастные формы (*amicus, bonum, adparatus* и т. п.), с эпизодическим семантич. комментарием; второй раздел представляет собой составленный Г. «указатель» прилагательных (около 2000 лексич. единиц), без рус. перевода, но с краткой информацией о месте и определяемом слове (напр., «*acutus — a. culter — Epid. 185, Mil. 1397, nasus — Capt. 647, oculi — Pseud. 1219*»). Именно индекс снижал расположение критиков и решил судьбу дис. («Эта кропотливая работа — наглядный образец немецкого ученого труда <...>. Г. задался целью собрать полный материал для специального словаря Плавта» — *Черняев П.* Успехи изучения римской драмы в России. Воронеж, 1911. С. 19), т. к. диспут Г. протекал сложно и даже переносился в связи с отрицательным отзывом проф. А. И. Соболевского.

На первом заседании Соболевский смял защиту Г., как видно из письма В. Кернштедта: «А. И. Соболевский предупредил, что находит книгу ничего не стоящую и будет говорить против принятия <...>. Он не давал даже дочитать Шебору, а почти с начала чтения отзыва прерывал его своими архи-энергетическими возгласами <...>. Еще в передней Шебор твердил, что «он <Гельвих> отлично знает Плавта», а Соболевский отвечал, что «он не знает, что такое прилагательное»» (ОР РНБ. Ф. 608. № 779. Л. 36). Шебор готовил к второму заседанию дополнительные аргументы в пользу «знающего всего Плавта почти наизусть» Г. и требовал приглашения ради объективности еще одного лингвиста — С. К. Булича.

Работа Г., по отзыву Соболевского (ФО. 1894. Т. 6), абсолютно лишена теоретич. фундамента, вследствие чего автор не решил и даже и не заметил «вопросов общего характера», ограничиваясь сбором примеров (в анализе которых рецензентом также замечены промахи, вроде причисления к отглагольным производным *barbatus, oculatus*), не познакомился

с новейшими лингв. исследованиями по семасиологии и лат. грамматике: «Все сведения автора по латинской грамматике ограничиваются каким-то старым руководством вроде Кюнерова». Шебор в своей рец. (Там же. С. 3–9), признав, что Г. «не усвоил себе в достаточной степени основных положений новейшего историко-сравнительного языкознания», делал упор на его трудолюбии и увлеченности темой. В защиту Г. выступил в печати молодой моск. лексиколог М. М. Покровский (ФО. 1894. Т. 7).

О необычном знании Плавта свидетельствуют уважительная оценка Г. как «человека выдающихся способностей» коллегой по Петерб. ИФИ В. В. Латышевым (ОР РНБ. Ф. 608. № 907. Л. 77 об.) и воспоминания Я. М. Боровского: «Начав слепнуть, Гельвих обходился без книги, читая <Плавта> наизусть, а затем обсуждая текст по-латински» (Гаврилов А. К. Наследие Я. М. Боровского // Боровский Я. М. Opera philologica. СПб., 2009. С. 569).

После защиты Г. получил предложение из Неж. ИФИ занять каф. лат. словесности, освободившуюся после смерти А. М. Фогеля (письмо Ф. Ф. Гельбке 1897 — ОР РНБ. Ф. 608. № 690. Л. 2), которое отклонил. Некоторое время после защиты дис. Г. публиковал заметки, посвященные экзегезе и лингвистике плавтовского текста: «К Плавту. **Mostell. 573–617**» (ФО. 1898. Т. 14); «К Плавту. **Asin. 108–126**» (Там же. 1900. Т. 19); обращался к истории жанра паллиаты в статье «К вопросу о контаминации в комедии “**Miles gloriosus**”» (ЖМНП. 1892. Апр.), защищая мнение о том, что «Хвастливый воин» составлен из двух комедий: интриги (похищение любимой) и нравов (попытка соблазнения чужой жены). В 1890-е Г. регулярно выступал как рецензент «ФО» (предпочтительно изданий по истории лат. языка и римск. литературы, переводов римск. авторов). После 1900 науч. публикации Г. иссякают и этот «прекрасный человек,

очень благожелательный, презиравший всякую фальшь и интригу» (Варнеке. 2013. № 4. С. 143), перестал читать что-либо кроме Плавта. Как педагог Петерб. ВЖК был традиционен и снисходителен, особенно на фоне строгой В. В. Петуховой (Нестерова О. Отрывки воспоминаний о Высших женских Бестужевских курсах // Наша дань Бестужевским курсам. Paris, 1971. С. 91). Сохранившиеся в фонде РНБ литографированные лекционные курсы Г. с толкованием отд. произведений (см. напр.: **P. Terenti Afri Phormio**. СПб., 1896) представляют собой краткий ист.-лит. и формальный комментарий к текстам. Изложение Г. тем сравнительного языкознания и эпиграфики также не выходило за границы учеб. сопоставления лат. и греч. грамматики (**Лекции по исторической грамматике латинского языка**. СПб., 1916. Литограф.). Конец пед. карьеры Г., совпавший с вузовскими преобразованиями в 1927, судя по некоторым свидетельствам, был тяжким. В письме 1927 Г. Ф. Церетели сообщал: «Там [в ун-те] полный разгром. Удалены Платонов, Жебелев, Карский,

Приселков и мн. другие <...>, выгнаны Гельвих и Петухова» (цит. по: *Фихман И. Ф. Г. Ф. Церетели в петербургских архивах: портрет ученого* // АРВ. С. 232, примеч. 26). Тем не менее в альманахе «Весь Ленинград на 1930» Г. еще упомянут как преподаватель.

Младший брат Г. — Петр Августович стал известным воен. инженером, генерал-майором артиллерии (подвергся репрессиям), сестра Аделина Августовна — в 1920-е сотрудница Гос. археогр. комиссии (работала под руководством С. Ф. Платонова).

Литература: *Иванов К. А.* Пятидесятилетие С.-Петербургской Пятой гимназии. 1845–1895. СПб, 1896 (список. С. 45); Отчеты о состоянии С.-Петербургских Высших женских курсов (за разные годы); Пам. книжки СПбИФИ 1898, 1912; *Вахромеева О. Б.* Духовное пространство университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: исследования и материалы. СПб., 2003 ♦ Нагуевский; Брокгауз; Венгеров (Источники, Список); Латышев (библ. С. 338); Воронков.

Архивы: ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов), 1000 (собр. отд. постановлений); ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9121, Ф. 53 (Петерб. ИФИ), 113 (Петерб. Высшие женские курсы); РО ИРЛИ. Ф. 431 (И. А. Шляпкин).

В. П. Смышляева

ГЕЛЬД

**Герман Готфридович
(Соломонович)**

HELD Hermann (Arminius)

[30.3(11.4).1875, Рига — 1938?,
Белозерск, Вологодская обл.?],
филолог, искусствовед

Из купеч. сословия (рано потерял отца, в студ. годы пользовался поддержкой родни). Окончил ГНУ св. Петра в Петербурге (1884–1893; премия зол. кольца) и Петерб. ИФИ по разряду древних языков (1893–1897; студ. дело — ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. № 2246). По окончании

курса был направлен преподавателем древних языков в Ревельскую Александровскую гимназию (1897), затем учительствовал в Рижской городской гимназии. С 1911 в Петербурге: учитель лат. языка и библиотекарь в ГНУ св. Петра. После 1917 некоторое время преподавал (преимущ. нем. язык) в средних учеб. заведениях Петрограда, также был занят на Курсах усовершенствования командного состава Военно-топографич. школы (1920–1923) и в Пед. ин-те им. А. И. Герцена (1921–1930 ассистент). С июля 1924 служил в иностр. отделе БАН: библиотекарь, науч. сотрудник I разряда, ст. библиотекарь, учен. секр. (1929–1930). В марте 1935, при «очистке города от социально чуждых элементов», был уволен и выслан в Вологодский край.

Слушатель и поклонник Ф. Ф. Зеллинского, Г. пользовался расположением учителя (*Гаврилов А. К.* Наследие Я. М. Боровского // *Боровский Я. М. Opera philologica.* СПб., 2009. С. 569–70), тяготел к эстетич. интерпретации лит. и пластических образов. Увлеченный с молодости историей искусства, помимо петерб. музеев, вероятно, имел возможность познакомиться с европейскими: в студ. деле сохранились ходатайства о его вступлении в наследство и о заграничной поездке 1897. Сведения по истории антич. искусства Г. включал в свою гимназич. практику и методич. брошюры, чаще — описания скульптурных памятников с примеч. лит., мифол. и музееведческого характера: «**Памятники древней скульптуры в музеях Рима и Флоренции**» (Ревель, 1904), «**Помпея**» (Ревель, 1904), «**Алтарь Зевса в Пергаме**» (Ревель, 1905). Гимназич. педагогам адресована и статья «**Imagines virorum illustrium: к рисункам в наших учебниках**» (Гермес. 1916. № 2) — характеристика портретов антич. деятелей и поэтов в отеч. изданиях (с указаниями некоторых ошибочных атрибуций в пособиях Н. В. Санчурского, М. А. Георгиевского и др.),

с лапидарными эстетич. оценками (образца: «Бюст римлянина с грубыми мужиковатыми чертами лица, хранящийся в Ватиканском музее, раньше считали портретом Мариа. Ныне это произвольное толкование оставлено» — Там же. № 7–8. С. 159). Г. — автор ист. записок гимназий, в которых он служил: «**Краткая летопись Рижской городской гимназии со времен ее зарождения до наших дней**» (Рига, 1911) и «**Verzeichnis der Schüler und Schülerinnen der Schulen zu St. Petri 1862–1912**» (SPb., 1913). С юности публиковался и в литературно-общественной периодике, начиная с «*Revalsche Zeitung*» (подписывался обычно «НН»), в 1910-е деятельный сотрудник ж. «Гермес»: анонсировал преимущ. литературоведческие и искусствоведческие издания, в т. ч. путеводители по петерб. и зарубежным музеям (*Guida illustrata del Museo Nazionale di Napoli* // Гермес. 1908. № 11–12; «**Императорский Эрмитаж. Краткое описание собрания античных расписных ваз**» О. Вальдгауера // Там же. 1915. № 4; «**Художественные сокровища Императорского Эрмитажа**»

Н. Макаренко // Там же. 1917. № 20, и др.). В некоторых случаях «дополнял» рецензируемые издания полезной для читателя информацией, напр., расшифровкой авторских цитат в рец. на перевод М. Гершензона и Вяч. И. Иванова «Петрарка. Автобиография. Исповедь. Сопетры» (Там же. 1915. № 16), уточнением местонахождения скульптур в отклике на «Краткий очерк древности» Санчурского (Там же. 1916. № 5–6. С. 107), оценками бюста Еврипида в анонсе второго тома «Театра Еврипида» И. Ф. Анненского (Там же. 1918. № 1–7. С. 4). С 1910-х, особенно со времени его поступления в БАН, постоянной темой публикаций Г. становится анализ антич. образов, мотивов и скрытых цитат в текстах Нового времени. Хорошее знание франц. и нем. языков позволяло ему широко привлекать сопоставительный материал из европ. литературы: «**Анатоль Франс и Вергилий**» (Там же. 1915. № 7; 9–10), «**Оды Горация в переложении Леконта де Лиля**» (Там же. 1916. № 1) и др. Создал Г. и свою скромную «пушкиниану», помещая заметки в выпусках альманаха «Пушкин и современники». Здесь он пытался отыскать «античное» в пушкинском стихе, определяя, напр., степень влияния на поэта анакреонтики Н. А. Львова и И. И. Мартынова: «**По поводу замечаний Пушкина на “Анналы” Тацита**» (Пушкин и его современники. Вып. 36. Пг., 1923), «**Пушкин и Афиней**» (Там же. Вып. 31–32. Л., 1927) и др. Членство в Общ-ве друзей Пушкинского заповедника и знакомство с пушкинистом Б. Модзалевским открыло Г. доступ к рукописному наследию поэта (Пушкинский Дом. С. 54), в котором его привлекали греч. и лат. цитаты. В статье «**Пушкин и Сафо**» (Пушкин и его современники. Вып. 38–39. Л., 1930) Г. оспаривал интерпретацию А. И. Незеленова, прочитавшего заглавие прозаич. перевода из Сафо, записанного рукой поэта, как «Дионизии» в смысле дательного падежа

женского имени; сам Г. предлагал трактовать Dionusiū пушкинской рукописи как «не совсем правильную транскрипцию» греч. Διονυσίου (родительный падеж мужского имени) с отсылкой к автору риторич. трактата «О возвышенном», в составе которого сохранилась ода Сапфо.

В 1934 из печати вышла совместная с А. И. Малениным работа Г. «**Новое известие о времени Ивана Грозного**», для которой Г. выполнил перевод нем. текста.

Литература: Наука и научные работники СССР. Л., 1934. Ч. 5: Научные работники Ленинграда ♦ Венгеров (Список); Воронков.

Архивы: РО ИРЛИ Ф. 302 (Толстовский музей); ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петерб. ИФИ).

В. П. Смышляева

ГЕН (ХЕН)

Виктор (Евстафьевич)

НЕНН Victor (Viktor) Amandus
[в ряде источников ошибочно:
Amadeus]

[26.9(8.10).1813, Дерпт, ныне
Тарту — 21.3.1890, Берлин; Старое
кладб. св. Матфея], *филолог-классик
и германист, историк культуры,
индоевропеист, библиограф, эссеист*

Предки Г. были франконскими крестьянами. Его дед Иоганн Мартин (1743–1793), ректор объединенной казенной и городской школы в Дерпте, а затем пастор, автор первого образчика повествовательной литературы на эст. языке (сб. басен; не сохр.), был зятем и сотрудником дерпт. бургомистра Ф. К. Гадебуша (1719–1788), пионера лифлянд. историографии. Отец Г., Густав Генрих (1775–1823), по убеждениям оставив пасторское место, окончил ф-т права в Эрлангене и до конца жизни служил по юрид. части; с 1809 — секр. Дерпт. земельного суда. Его сын от первого брака Юлиус (1807–1889), многолетний конфидент Г. и основной адресат его ранних

писем, в 1829, будучи студентом-медиком Дерпт. ун-та, в качестве ботаника принял участие в экспедиции И. Ф. Паррота на Арарат. В интеллектуальной биографии Г. находят отклик и энциклопедич. устремления прадеда (впрочем, об ист. значении трудов «старого Гадебуша» Г. отзывался иронически, см.: Aus dem Briefwechsel zwischen V. Hehn und G. Berkholz / hrsg. von H. Diederichs // ВМ. 1897. Bd. 44. S. 55), и внимание деда к «варварским» языкам и культурам, и религиозный скептицизм отца вкупе с его широкими лит. интересами, и естественнонауч. занятия сводного брата.

Рано потеряв мужа, мать Г., дочь дерпт. бургомистра Амалия Вильде (1785–1854), сумела дать сыновьям первоклассное образование. После частных школ «мадам Берг» и Б. Диттлера, где воспитывали по прогрессивной методе Песталоцци и куда Г.-студент вернется преподавать, Г. в 1822–1830 учился в Дерпт. гимназии (его ближайший школьный друг — К. Н. фон Штерн, отец рус.-нем. филолога-классика и археолога Э. фон Штерна), а в 1830–1835 на филос. ф-те (филол.-ист. класс) Дерпт. ун-та. В числе наставников Г. — ученик Ф. А. Вольфа К. С. Моргенштерн, демонстративно сочетавший традиционные классич. штудии с занятиями новейшей нем. словесностью и эстетикой; исследователь антич. и средневековых древностей Ф. К. Г. Крузе; известный грамматик К. Ф. Нойе и др. В вольнолюбивой обстановке ун-та Г., помимо основных занятий, изучает новые языки, пишет стихи и прозу, музицирует, романтически интересуется политикой; в то же время бедность удерживает его в стороне от студ. корпораций.

Окончив ун-т со степенью канд. философии за сочинение «Quaestiones Homericae» (след. и последняя работа Г. на этот сюжет — доклад 1857 о Гомере как выразителе греч. души, «индивидуальном гении как органе общего гения»), опубл. посмертно: *Deichgräber*. S. 58–85; обзор

гомеровской темы в трудах Г. о Гёте см.: Ibid. S. 93–94), Г. в 1835–1836 исполняет тяготящие его обязанности домашнего учителя в семье генерал-адъютанта барона Ф. К. фон Гейсмара: переезжает в Могилёв, Житомир и затем Вильну, откуда совершает первую поездку в Петербург — «каменный город, лишенный циркуляции живой горячей крови <...>»; если российская империя падет, он так же скоро исчезнет вместе с нею» (письмо брату Юлиусу: *Schiemann*. S. 25). В 1836–1838 — домашний учитель в лифлянд. семействе фон Лиленфельдов — фон Торклусов.

В июне 1838 Г. отправляется в долгожданное двухлетнее путешествие по Европе, которое становится (тщательно спланированным) важнейшим этапом его формирования как ученого и мыслителя. В Берлинском ун-те Г. слушает А. Бёка, К. Лахмана, К. Г. Цумпта, увлеченно занимается гегельянской философией, историей религий и искусств. В этом стандартном наборе главных берлинских «звезд» выделяются лекции основателя сравн.-ист. языкознания Фр. Боппа и занятия физиогномией растений по гумбольдтовскому методу (в мировоззренческом смысле Г. можно назвать наследником обоих братьев Гумбольдтов). После пешего путешествия вдоль Эльбы Г. в 1839–1840 пересекает Италию с севера на юг и обратно, а затем через Францию возвращается в Берлин (дневник поездки издан посмертно: **Reisebilder aus Italien und Frankreich** / hrsg. von Th. Schiemann. Berlin, 1894; ²1906). Традиционная для европ. культуры концепция «образовательного и эстетич. путешествия» наделается у Г. универсальным смыслом: путешествие — основа познания мира [«Земля — дом воспитания человека, его школа. Мы пилигримы», — писал Г. брату Юлиусу в 1836 (*Schiemann*. S. 31)], а путевые заметки — «самый желанный и самый поучительный жанр, поскольку автор не только отображает страну, по которой

странствует, но и помимо своей воли выражает себя и свою среду» (*Petersburger Correspondenzen* // *BM*. 1863. Bd. 9. S. 101). Несмотря на обилие худож. впечатлений и гердерянского внимания к географическим условиям национальным характеристам, главный интерес Г. в итал. поездке связан с исследовательской темой его жизни — «физиогномией ландшафта», наблюдениями над сосуществованием природы и человека с древнейших времен до современности как частью истории культуры.

По возвращении Г. выдерживает в Дерпт. ун-те экзамен на звание ст. учителя нем. и лат. языков и в 1841 назначается учителем Высшего Перновского уезд. уч-ща в чине тит. сов. В программах школы Г. печатает работы, уже названия которых показательны: «Zur Charakteristik der Römer» и «Über die Physiognomie der italischen Landschaft» (*Einladungsschreiben zu dem Examen der höheren Kreisschule in Pernau*. Pernau, 1843, 1844); в рукописи остаются эссе об использовании лат. языка в современной филологии (Г. склоняется в пользу новых языков, указывая на

омертвелый и неорганичный характер «ученой латыни») и реплика в споре об аутентичности речей Фукидида, в которых Г. видит не конспекты подлинных выступлений ораторов, но полноправные части авторского текста, связанные, с одной стороны, с софист. и ритор. традицией, а с другой — с худож. опытом эпоса и трагедии (опубл.: *Deichgräber*. S. 32–58). В июле – авг. 1843 Г. предпринимает поездку в Петербург для занятий в ИПБ и в Эрмитаже.

С 31 июля 1846 Г. — лектор нем. языка и литературы в Дерпт. ун-те: читает о гот. и нем. грамматике, «Нибелунгах», Шиллере и особенно о Гёте, которым занимался всю жизнь, снискав репутацию крупнейшего знатока (перечень ун-тских курсов Г. и подробный обзор их сохранившихся рукописных текстов см.: *Schiemann*. S. 116–136). Лекции Г., частично изданные посмертно (*Über Goethes Gedichte / <...> hrsg. von E. v. der Hellen*. Stuttgart; Berlin, 1911 и др. публикации), выдержаны в далеком от гелертерства духе свободной эстетич. критики. Г. входит в круг либеральных профессоров и литераторов, редактировавших еженедельник «Das Inland», где сам он отвечает за лит. отдел, публикует эссе и рец. Еще служа в Пернове, он стал чл. Ученого эст. общ-ва, в чьих «Записках» впервые ввел в науч. оборот идентифицированную им в 1840 в Ватиканской б-ке рукопись «Livoniae commentarius» А. Поссевина (Possevino, 1583) — важный источник по истории Контрреформации в Прибалтике (*Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat*. Bd. 2. H. 2. Dorpat; Leipz., 1848. S. 33–43).

В 1851 размеренная академ. карьера Г. была навсегда прервана. Расследуя обстоятельства побега Г. Кинкеля, героя революции 1848 года, из берлинской тюрьмы Шпандау, прусская полиция арестовала в Гамбурге бумаги баронессы М. фон Брюнинг (Mégu v. Bruiningk, урожд. фон Ливен; 1818–1853), которая

содействовала побегу деньгами. Бумаги навели на след Г., частого посетителя дерпт. салона баронессы и ее корреспондента. 18 июля он был арестован и препровожден в Петербург, в тюрьму III отделения (об обстоятельствах дела см.: *Зельченко*. С. 130–163). Как заключал о Г. анонимный сотрудник III отделения, «он демократ, мечтатель о реформах политических и религиозных, одним словом, человек, зараженный в сильной степени новыми идеями Запада» (Там же. С. 156). Г. был приговорен к трехмесячному заключению в Петропавловской крепости, а затем к ссылке во внутренние губ. под строгий надзор полиции; Николай I оставил на деле резолюцию: «За ним смотреть надо и после; должен быть умен, может быть, и исправится» (Там же). Неожиданно суровое наказание Г. находится в контексте целого комплекса охранительных мер, предпринятых рус. властями по отношению к Дерпт. ун-ту в начале «мрачного семилетия» [подробнее см.: *Dhondt P., Tamul S.* The University of Dorpat as a(n) (Inter)national Institution at its 50th Anniversary in 1852 // *National, Nordic or European?: Nineteenth-Century University Jubilees and Nordic Cooperation*. Leiden, 2011. P. 39–69]. О реакции ун-тского сообщества на этот арест информировал Л. В. Дубельта Ф. В. Булгарин: «Народ страшился, чтобы <...> не закрыли вовсе университета» (Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / изд. подгот. А. И. Рейтблат. М., 1998. С. 578).

Местом ссылки Г. выбирает Тулу, где служил врачом зять его матери К. Л. Мориц. Формально состоя чиновником по особым поручениям при покровительствовавшем ему тульском губернаторе П. М. Даргагане, Г. зарабатывал на жизнь уроками музыки; с 23 мая 1852 он назначен канд. (без жалования) в комиссию губ. правления для разбора старых дел. Не оставляя науч. работы, Г. в Туле пишет монографию о «Германе и Доротее» Гёте — теме

его последнего ун-тского курса (опубл. посмертно: **Über Goethes «Hermann und Dorothea»** / hrsg. von A. Leitzmann, Th. Schiemann. Stuttgart, 1893) и задумывает биографию поэта, занимается рус. языком, составляет заметки о индоевроп. этимологии ряда рус. слов (*Schrader*. S. 22). Безрадостные наблюдения над рус. действительностью, впоследствии отразившиеся в дневниках Г. (**De moribus Ruthenorum. Zur Charakteristik der russischen Volkseele: Tagebuchblätter aus den Jahren 1857–1873** / hrsg. von Th. Schiemann. Stuttgart, 1892; записи периода ссылки не сохранились), в то же время наводят его на размышления о предьстории европ. народов: «в сердце России <...> внимательный, знающий язык наблюдатель будет на каждом шагу вспоминать о Гомере и об изображенной у Гомера жизни» (Italien. Berlin, 1879. S. 236, Anm.).

Смерть Николая I приносит Г. поминовение; 11 апр. 1855 ему дозволяется «свободно проживать и служить, где он пожелает, но не по ученой части». В конце 1855 директор ИПБ М. А. Корф привлек Г. и его близкого друга историка Г. Беркгольца к работе комиссии по собиранию материалов к истории предыдущего царствования. «Это люди столько же ученые и умные, сколько усердные и добросовестные, — писал Корф в 1856 В. Ф. Одоевскому. — Ce sont les perles de la Bibliothèque» (ИПБ 100 лет. С. 213). В марте 1857 Г. составляет для Александра II очерк внешней политики николаевской России, «в большей степени идеальной политики принципов, нежели реальной политики интересов», — выдержанную в официозных тонах заказную работу, отмеченную, однако, типичным для Г. вниманием к ист.-геогр. и этнопсихологич. построениям (опубл. посмертно: *Schiemann*. S. 233–257). Служба Г. в ИПБ продлилась 18 лет (ст. библиотекарь сверх штата с 22 нояб. 1856; штат. ст. библиотекарь с 16 апр. 1864, после смерти

Д. П. П о п о в а); он заведует отделением истории, участвует в разборе книг Эрмитажной б-ки (СРНБ. Т. 1. С. 155–156); живет в принадлежащем б-ке здании на Садовой ул. (д. 20) на казенной квартире, которую когда-то занимал И. А. Крылов. Организация и составление каталога отделения «Rossica», любимого детища Корфа, соединили директора и тесный круг его помощников «узами таких культурных и личных привязанностей, которым нет места в служебной сфере» (ИПБ 100 лет. С. 275; ср. неизменно теплые отзывы о Корфе в письмах Г.: ВМ. 1897. Bd. 44. S. 46; *Schiemann*. S. 138). Г. перевел на нем. язык книгу Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» (*Die Thronbesteigung des Kaisers Nikolaus I. von Rußland im Jahre 1825* / <...> hrsg. von M. von Korff. Deutsche Ausg. Berlin, 1858; без имени переводчика) и дал пространный реферат его труда о М. М. Сперанском (ВМ. 1861. Bd. 4. S. 373–406; 479–516). По поручению ИАН рецензировал кн. А. Б. Лакиера «Путешествие по Северо-Американским Штатам, Канаде и острову Кубе» (1859) и Д. А. Хвольсона «О некоторых средневековых обвинениях против евреев» (1861), представленные на соискание академ. премий. Служебные обязанности (в ведении Г. находилась часть «Rossica», посвященная Прибалтийскому краю) возродили его интерес к прошлому Лифляндии (Karl Petersen // ВМ. 1860. Bd. 2. S. 383–408).

В первое петерб. десятилетие ближайший круг общения Г. и Беркгольца составляя участники «Middendorff-Abende» — в число которых входили, помимо знакомого Г. еще с перновских времен географа и естествоиспытателя, неперменного секр. ИАН А. Ф. фон Миддендорфа [см.: *Сухова Н. Г., Таммиксаар Э. А. Ф. Миддендорф (1815–1894)*. СПб., 2015. С. 100–101], акад. К. Э. фон Бэр, индолог О. Бётлинг, востоковед Ф. А. фон Шифнер, исследователь финно-угорских языков Ф. И. Видеман, А. К. Наук

и др. нем. ученые Петербурга (*Ambus A. Middendorff* öhtud: Peterburi haritlaskonna seltskonnaelust XIX sajandi teisel poolel // Keel ja Kirjandus. 2005. № 3. L. 171–181; Гаврилов 2006. С. 102–103); сохранился прочитанный им на одном из «вечеров» доклад о Гомере (см. выше). Выразительный портрет Г. дал в мемуарах посетитель «вторников у Миддендорфа», пастор петерб. реформатской общины Г. Дальтон: «Под выпуклым широким лбом мыслителя — остро-наблюдательные, пронзительно глядящие сквозь очки глаза; плотно сжатые губы, скрывавшие все то, что чуткие взгляд и слух узнавали об окружающем мире. Как ни старался он благо-разумно хранить свои впечатления при себе, насмешливое выражение в уголках рта выдавало его. Г. имел достаточно оснований, чтобы в России держать язык за зубами. <...> Холостяк, он жил в узком замкнутом кругу старых друзей и нелегко позволял новым знакомым туда проникнуть» (*Dalton H. Lebenserinnerungen*. Bd. 2. Berlin, 1907. S. 286). Симбиоз естествознания, этнографии и филологии, характерный для целого ряда чл. кружка во главе с его патриархом Бэрром, послужил питательной средой, в которой возникли главные книги Г. Между др. завсегдастями петерб. Нем. клуба на Исаакиевской пл. Г. встречался с Г. Шлиманом: в 1873, когда слава открывателя Трои уже гремела, он писал брату Юлиусу: «Не вздумай принимать слишком всерьез его раскопки и умо-заключения. Это дилетант, комический персонаж, и ученые пожимают по его поводу плечами» (*Schiemann*. S. 286). Впоследствии Г. будет бурно приветствовать «разоблачительную» статью Л. Э. Стефани, который пытался передатировать находки Шлимана III в. н. э.: «она сняла у меня камень с души» (*Briefe V. Nehns <...> an seinen Freund H. Wichmann*. Stuttgart, 1890. S. 69); к предубеждению цехового ученого против парвеню здесь примешалось подмеченное О. Шрадером

у Г. как исследователя (*Schrader*. S. 43) недоверие к любым далеко идущим праисторическим реконструкциям. Беркгольц вводит Г. в круг посетителей салона вел. кн. Елены Павловны в Михайловском дворце и, в частности, знакомит с ее фрейлиной, энергичной общественной деятельницей и меценаткой Эдитой фон Раден.

В цикле фельетонов «Petersburger Correspondenzen» (BM. 1864. Bd. 9. S. 97–105, 257–266, 555–567; 1865. Bd. 10. S. 161–180, 343–352, 435–450; б. п.) Г. представлял остзейским читателям жизнь рус. столицы — от колоритных описаний ярмарок, театральных представлений и суровой зимы до обзора коллекций Эрмитажа и Зоол. музея, социол. очерка петерб. немцев или полемики западников со славянофилами; подробно и, как правило, без сочувствия рецензировал науч. и лит. новинки — в т. ч. «Записки из мертвого дома» и «Отцов и детей». Главный упрек Г. современным рус. писателям сводился к недостатку идеализма; поэтому он оказался чуть ли не единственным критиком в России и за границей, давшим высокую оценку «Призракам» Тургенева. С этими замечками язвительного, но при этом внимательного аналитика контрастируют, в качестве своеобразной *historia argana*, личные дневники Г. «De moribus Ruthenorum»: «знаменитая книга де Кюстина в сравнении с этими записками кажется рекламным проспектом туристического агентства» (*Laqueur W. Russia and Germany: A Century of Conflict*. Boston, 1965. P. 44). Европеизация России, вновь и вновь повторяет Г., не принесла плодов; русские изначально неспособны к самоуправлению, науч. и худож. творчеству, зато отзывчивы к деспотич. власти и телесным наказаниям; сам их этнич. тип неприятен; ничего не давшие цивилизованному миру, они представляют для него грозную опасность; это неисторическая нация, не переживавшая ни Средневековья, ни Ренессанса и потому, в частности,

не способная постичь ценности древних языков — этого европ. «патента на благородство». Записи Г. включают множество острых наблюдений и анекдотов, не известных из др. источников; в то же время их ист. значение снижают совершенно не свойственные Г. как ученому наивный апломб (Батюшков и Карамзин «ни слова не понимали по-латыни; о Ломоносове нечего и говорить»: *De moribus...* S. 73) и навязчиво-однообразная тенденциозность, превращающие эти заметки «к психологии рус. народной души» в документ национально-культурных стереотипов (*Thiergen P. Viktor Hehns «De moribus Ruthenorum»: Zu Einordnung, Struktur und Wirkung einer xenophoben Schrift // Balten — Slaven — Deutsche: Festschrift für F. Scholz. Münster, 1999. S. 309–336; Schütz S. Victor Hehn und Russland // Sankt Petersburg — «der akkurate Deutsche»: Deutsche und deutsches in der anderen russischen Hauptstadt. Frankfurt a. M., 2006. S. 125–139).*

С 1860 Г. из года в год проводит летний отпуск за границей — в Германии, Швейцарии, Франции и особенно часто в Италии. Плодом этих путешествий стала книга эссе **«Italien: Ansichten und Streiflichter»** (СПб., 1866 [Berlin, ¹1887]; рус. перевод — Италия: взгляды и беглые заметки. СПб., 1872), журнальный вариант которой печатался в «ВМ»: согласно шуточной автохарактеристике Г. в письме к Беркгольцу, «вещь полубеллетристическая, полученная, с лат. и греч. цитатами, т. е. ни рыба ни мясо» (ВМ. 1898. Bd. 46. S. 389), а по оценке Виламовица — «книга, которую должен прочесть каждый, кто собирается посетить эту страну» (*Wilamowitz-Moellendorff U. von. Erinnerungen: 1848–1914. Leipz., ²1929. S. 173*). В 1870 появляется opus magnum Г. **«Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa: Historisch-linguistische Skizzen»** [Berlin, 1870, ⁵1887; начиная

с 6-го изд. (1894), книга выходила с актуализирующими дополнениями О. Шрадера и А. Энглера; авторизованный рус. перевод: Культурные растения и домашние животные в их переходе из Азии в Грецию и Италию, а также в остальную Европу: ист.-лингв. эскизы. СПб., 1872]. Очевидная связь книги с главами «Италии», посвященными земледелию, фауне и флоре, позволила уже современникам говорить о едином направлении трудов Г., объединяющем данные географии, биологии, истории и лингвистики под знаком гегелевской *Geistesgeschichte* (*Delbrück B. Viktor Hehn // Preussische Jahrbücher. 1890. Bd. 66. S. 38*).

Работая над монографией, Г. пользуется консультациями ученых миддендорфского кружка (см.: О. Böhtlingk an R. Roth: Briefe zu Petersburger Wörterbuch, 1852–1885. Wiesbaden, 2007. S. 374; 378) и богатым книжным собранием ИПБ; сохранился анекдотич. рассказ о том, как он конфузил директора И. Д. Делянова, не любившего вспоминать о своем происхождении, на людях прося его перевести тот или иной пассаж из армянских источников (*И. Ам. [И. А. Линниченко]. Патриархальный министр // ГМ. 1916. № 7–8. С. 269–270*). Своего рода продолжением «Kulturpflanzen...» стала небольшая монография **«Das Salz: Eine kulturhistorische Studie»** (Berlin, 1873), показывающая, как производство и распространение соли влияли на расселение народов, формы государственности и пр.

Возражая против обывательского представления о неизменности природного мира и против ученых реконструкций, которые механически проецируют современный состав и ареал флоры и фауны на отдаленное прошлое, Г. начинает свой главный труд с констатации: «Природою даны: полюсная высота, формация почвы, географическое положение; все остальное есть дело созидательной, сеющей, вводящей, искореняющей, устраивающей, облагораживающей человеческой культуры»

(Культурные растения... С. 1). В серии глав-очерков устанавливается история распространения, одомашнивания, селекции десятков растений и животных на громадном геогр. и хронол. пространстве от Древнего Египта до колонизации Америки, с преимущ. вниманием к антич. миру. Главным материалом для выводов Г., наряду с текстами древних авторов и отчетами естествоиспытателей, служит этимология: к примеру, на основе одной лишь филиации именовании абрикоса в различных языках вычерчивается путь распространения фрукта (Армения — Рим — араб. мир — возвращение утраченной на средневековом Западе культуры через арабов). В истории языкознания за Г. закрепилась репутация не только классика лингв. палеонтологии, но и ее первого методич. критика: он предостерегает от произвольных сопоставлений, указывая на возможность переноса исходного значения слова на совершенно др. растение и настаивая на необходимости отличать случаи исконого языкового родства от *Wanderwörter*. Систематически прослеживается роль и символика тех или иных растений и животных в антич. мифологии, религии, искусстве; гуманистич. пафос книги определяет оригинальная философия культуры, в которой последовательное изменение окружающей природы оказывается ключевой формой деятельности человеческого духа [See K. von. Victor Nehns Kulturtheorie (1990) // See K. von. Barbar, Germane, Arier: Die Suche nach der Identität der Deutschen. Heidelberg, 1994. S. 161–185, 375–377]. Хотя многие положения Г. были опровергнуты новыми данными (открытие памятников крито-мик. и хетт. культур, прогресс индоевропеистики, появление генетич. анализа и др.), его труд доныне сохраняет первостепенное науч. значение. Выдвигнутая Г. во втором издании книги теория о кочевом образе жизни индоевропейцев и их степной прародине, поддержанная

О. Шрадером, возродилась после археол. открытий XX в. («курганная гипотеза» М. Гимбутас).

Своеобразен взгляд Г. на эволюцию языка, причины которой он по-гумбольдтовски мыслит в психол. категориях; к примеру, переход от синтетич. строя к аналитич. описывается им так: «После долгого исторического развития, при столкновениях или сношениях с духом чуждых народов, вследствие потрясающих обстоятельств и т. д. полудремота сменяется большею духовною возбужденностью; это ведет к более быстрой, подвижной речи; последняя приносит с собой сокращение относительных форм <...>. При этом у более возбужденного, нервного поколения усиливается ударение, главный разрушитель флексии...» (Италия. С. 155). В языке, как и в архитектуре, Г. ценит в первую очередь гармонию с природой, отвергая любые попытки схоластич. консервации, отрицающей естественное развитие: так, он защищает итал. язык от высокомерия классицистов [«романские языки представляют собой обратно принятую в лоно природы латынь» (Там же. С. 179)] и, напротив, клеймит кафаревусу — «язык-homunculus, появившийся на свет без естественного рождения» (Там же. С. 196). В ярком эссе «**Humanismus**» (ВМ. 1866. Bd. 14. S. 1–33; под псевд. Justus Moller, позаимствованным у нем. ученого медика XVI в.) живое отношение итал. Ренессанса к классич. древности противопоставлено педантизму XVII в., чья «антикварно-грамматическая филология, ученость параграфов и цитат», по мнению Г., определила развитие франц. культуры. Этой последней он ставит в укор предпочтение имп. Рима — позднего и наименее творческого извода античности — животворному влиянию эллинизма; напротив, по его убеждению, подлинными наследниками гуманистов стали в Германии конца XVIII в. Гёте, Винкельман и Ф. А. Вольф.

«Kulturpflanzen...» встретили восторженный прием как в ученом мире, так и в более широких читательских кругах, оценивших смелость ист.-культ. обобщений и стилистич. мастерство автора: «Язык Г. — плод благородного труда» (*Grimm H. Victor Hehn's Reisebilder // Deutsche Rundschau*. 1894. Bd. 80. S. 159). Г. был избран почетным д-ром Марбургского (1870), а затем и Дерпт. (1888) ун-тов. 15 авг. 1873 он подает в отставку в ИПБ и, получив чин д. стат. сов., дворянский титул, пенсию (с 1871) и орден св. Станислава 2-й ст., уезжает в Берлин ученым с мировой известностью. В последний период жизни Г. много путешествует (в первую очередь по-прежнему в Италию), входит в среду берлинских интеллектуалов, где окружен вниманием индоевропейцев и антиковедов младшего поколения — Б. Дельбрюка, О. Шрадера, Г. Бузольта, чей труд «Die Lakedaimonier und ihre Bundesgenossen» (1878) выходит с двойным посвящением А. фон Гутшмиду и Г. (*Chambers M. H. Georg Busolt: His Career in His Letters*. Leiden, 1990). Г. пишет новые главы для «Italien» и «Kulturpflanzen...», выпускает итоговую монографию «**Gedanken über Goethe**» (Berlin, 1887; ²1888), которая повлияла, в частности, на Вёльфлина и Ницше. Взгляды Г. эволюционируют в сторону полит. консерватизма и юдофобии. В его кабинете рядом с портретом Гёте и бюстом Гегеля появилась фотография Бисмарка (*Semel H. Viktor Hehn: Eine Studie // VM*. 1907. Bd. 63. S. 42); поучительно сравнить призывы к гражданскому равноправию для евреев в петерб. статье Г. «Blick an die Geschichte der Juden in Europa» (*VM*. 1862. Bd. 6. S. 93–112), а также предложение распространить книгу Д. А. Хвольсона, опровергающую кровавый навет, «по отдаленным губерниям, по деревням и уездным городам, между мелким чиновным миром» (31-е присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1862. С. 176), с антисемит. выпадами в «Gedanken über Goethe».

Главным пропагандистом трудов Г. в России стал В. В. Стасов: коллега Г. по ИПБ, он рекомендует его в письме С. А. Давыдовой как «человека милого, умного, образованного, по наружности как будто холодного, но в сущности горячего и всем интересующегося» (Незабвенному В. В. Стасову: сб. воспоминаний. СПб., 1908. С. 103). Откликнувшись на выход «Kulturpflanzen...», а затем на инициированные и отредактированные им самим переводы двух книг Г. энтузиастич. отзывами (*Стасов В. В.* СС. Т. 3. СПб., 1894. Стлб. 1371–1391; 1398–1414), Стасов ставит универсализм Г., связывающего античность с современностью и новой наукой, в пример поборникам школьного классицизма: «Книги Г. — это рука помощи, протянутая поклонникам лат. склонений и греч. спряжений <...>. “Вот книга так книга!” — должны говорить классики, радостно потирая руки и улыбаясь друг другу при встрече» (Там же. С. 1399). Выводы Г. обогатили излюбленную стасовскую концепцию об определяющем азиатском влиянии на рус. культуру — круг идей, питавший ориентализм в рус. искусстве и музыке конца XIX — нач. XX в.

В России установился было взгляд на Г. как на блестящего представителя отеч. науки: «Г. — ученый, принадлежащий России, хотя и пишущий по-немецки, и вполне чужд немецкой исключительности: взгляд его широкий, многообъемлющий, чуждый всяких пристрастий» (анонимная рец. на кн. «Италия»: *ВЕ*. 1872. № 8. С. 859). Однако с выходом «De moribus Ruthenorum» эта оценка сменилась отповедями, а имя Г. возглавило перечни русофобов. Н. К. Михайловский оценил «патологическую» книгу Г. как предостережение рус. шовинистам (*Михайловский Н. К.* Литературные воспоминания и современная смута. Т. 2. СПб., ²1905. С. 210–216; ср.: *Он же.* Отклики. СПб., 1904. С. 5–6). Репутацию «De moribus Ruthenorum» во многом определили

обстоятельства, от автора не зависящие: заметки, которые сам Г. не предназначал для печати, отобрал и предал огласке эксперт по вост.-европ. политике, историк и публицист Т. Шиман — курлянд. уроженец и выпускник Дерпт. ун-та, покинувший Россию в период «русификации» Александра III. Собеседник Г. в 1887–1890, а затем кропотливый биограф и публикатор его наследия, Шиман написал к книге апологетич. предисловие, включив ее в ксенофобский контекст нем.-рус. противостояния (*Meyer K. Rußland, Theodor Schiemann und Victor Hehn // Ostseeprovinzen, Baltische Staaten und das Nationale. Münster, 2005. S. 251–288*). Итог этого противостояния, Первая мировая война, задним числом превратила давно умершего Г. в демонич. фигуру: «Ген водил рукою Вильгельма I, когда тот благожелательно предостерегал в письме русского императора от введения в России народного представительства; Ген произнес, забравшись в канцлера Бюлова, гнусно-игривую речь о развращенности русских курсисток; Ген похвалялся в июле 1914 отбросить Россию в Азию; Ген бесчинствовал в Калише, и от Гена, будем надеяться, избавит теперь Европу тот самый русский народ, который так многообразно и долго от него терпел» [*Тарле Е. В. К истории русско-германских отношений в новейшее время. Без маски (1914) // СС. Т. 11. М., 1961. С. 421; см. также: Виноградов П. Г. Россия и Европа (1916) // Избр. труды / сост., автор вступ. ст. и коммент. А. В. Антощенко. М., 2010. С. 407–411; Виграб Г. И. Прибалтийские немцы. Юрьев, 1916. С. 100, 182–183*].

Особая глава в рус. рецепции наследия Г. связана с акад. Н. И. Вавиловым и его учением о мировых центрах происхождения культурных растений. Отмечая уязвимость археолого-филол. подхода к проблеме, Вавилов тем не менее высоко ценил «классический лингвистический и исторический труд» Г. (*Вавилов Н. И. Избр. произведения. Л., 1967. С. 306*) и не

раз называл его в числе предшественников и вдохновителей; готовясь к афг. экспедиции 1924, он пишет П. П. Подъяпольскому: «Перечитываю в десятый раз Декандоля, Дарвина, Гена» (*Вавилов Н. И. Из эпистолярного наследия: 1911–1928 гг. М., 1980. С. 136*).

Литература: *Schrader O. Victor Hehn: Ein Bild seines Lebens und seiner Werke. Berlin, 1891 (отд. отт. из: Bursian B Jahrb. Bd. 14); Schiemann Th. Viktor Hehn: Ein Lebensbild. Stuttgart, 1894; Deichgräber K. Aus Victor Hehns Nachlaß. Mainz, 1951 (= AAWMainz, Geistes- u. sozialwiss. Klasse. № 9); Зельченко В. В. Дело Виктора Гена // Древний мир и мы. Вып. 5. С. 130–163.*

Библиографии литературы о Г.: *Mallory J. P., Korner F. Selected Bibliography of Hehn // Hehn V. Cultivated Plants and Domesticated Animals in their Migration from Asia to Europe. Amsterdam, 1976 (= Amsterdam Classics in Linguistics. Vol. 7). P. XVII–XX; Gottzmann – Hörner; Killy Literaturlex.; Eesti vanema kirjanduse digitaalne tekstolu / Электронная библиотека старинной литературы Эстонии (URL: <https://utlib.ut.ee/eeva/>). Помимо названных там работ см.: *Влад. Каренин [В. Д. Комарова]. Владимир Стасов: очерк его жизни и деятельности. Ч. 1. Л., 1927. С. 341–342; Шютц С. К вопросу об образе России в дневниковых записях Виктора Гена // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб., 2005. С. 449–456; Battafarano I. M. La «Fisionomia del paesaggio italiano» secondo Viktor Hehn (1843) // Viaggi in utopia e altri luoghi. Milano, 1989. P. 129–141; Hohoff C. Der Glanz des Wirklichen. Gelehrte Prosa als Kunst: Essays. Wien, 1998. S. 136–154; Donnert E. Die Universität Dorpat-Jurev 1802–1918: Ein Beitrag zur Geschichte des Hochschulwesens in den Ostseeprovinzen des Russischen Reiches. Frankfurt a. M., 2007. S. 138–141 и по указ.; Schwidtal M. Landschaft bei Victor Hehn // Umweltphilosophie und Landschaftsdenken im baltischen Kulturraum. Tallinn, 2011. S. 60–73; Idem. Victor Hehn. Heidelberg, 2020 ♦ Брокгауз; НЭС; РБС; БС Юрьев. ун-та; ИПБ 100 лет. С. 211–212; СРНБ; АDB; NDB; DBBL; RGA²; Redlich; Internationales Germanistenlexikon; Gottzmann – Hörner (с поправками в рец.: *M. Schwidtal // Nordost-Archiv. 2007. N. F. Bd. 16. S. 447–448*); EAD; Schüler-Albums des Dorpatschen Gymnasiums von 1804 bis 1879. Dorpat, 1879; Album Dorpat.**

Архивы: Deutsches Literaturarchiv (Schiller-Nationalmuseum, Марбах-на-Некаре),

Cotta-Archiv / Nachlaß Hehn (рукописи, дневники, переписка); Eesti Ajaloo Keskarhiiv (Тарту). Ф. 402 (док-ты о службе в Дерпт. ун-те); Tartu Ülikooli Raamatukogu (мат-лы экзамена на должность ст. учителя, переписка); Latvijas Nacionālā Bibliotēka (Рига). R X/57 и др. (переписка, в т. ч. письма Г. Беркгольцу); ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848 г. Д. 491. Ч. 3 (следственное дело); Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1856. № 66 (ф. с. и документы о службе в ИПБ).

В. В. Зельченко

ГЕОРГИЕВСКИЙ Александр Иванович

GEORGIEVSKIJ A. I.

[31.7(12.8).1830, Москва —
15(28).4.1911, Царское Село;
Царскосельск. Казанское кладб.],
историк, педагог, гос. деятель

Отец Л. А. Георгиевского и М. А. Георгиевского. Сын врача. Окончил Моск. дворянский ин-т (где служил его отец) и ист. отделение Моск. ун-та (1850, канд.). В 1851–1854 преподавал историю в Моск. сиротском ин-те и Александровском кадетском корпусе, сотрудничал в периодич. изданиях П. М. Леонтьева и М. Н. Каткова. В 1854 переехал в Одессу: проф. всеобщей истории и статистики Ришельевского лицея, редактор газ. «Одесский вестник» (1854–1862) и «Новороссийский литературный сборник» (1859, совместно с А. Богдановским). В 1862 привлекался министром А. В. Головинным для обсуждения нового ун-тского устава, но карьеру сделал в министерство Д. А. Тольстого. Избранный после защиты магист. дис. «Галлы в эпоху Каия Юлия Цезаря» (защищена: Моск. ун-т, 1865; магистр всеобщей истории) доц. по каф. всеобщей истории Моск. ун-та, не вступая в должность, переехал в Петербург (1866) и включился в деятельность МНП по реформированию образования. Чл. Совета министра (с 1871)

и предс. Ученого комитета (1873–1898), Г. участвовал в разработке важнейших образовательных реформ 1870–1880-х: гимназич. устава 1871, устава реальных уч-щ 1872, устава начальных народных школ 1874, ун-тского устава 1884 и др. При энергичном содействии Г. был создан ряд новых учеб. заведений, призванных обеспечить кадрами продвижение школьного классицизма, в т. ч. Ин-т славянских стипендиатов (1869–1883) и Лейпц. ФС (1873–1888). В 1866–1871 Г. возглавлял редакцию «ЖМНП». В 1873 выступил инициатором пед. общ-ва — ОКФП (бессменный предс. его Петерб. отделения до 1896; в 1870-е квартира Г. служила местом собраний чл. общ-ва). Тайн. сов. 1877, д. тайн. сов. 1896, сенатор 1901.

Г. — идейный «насадитель катковского классицизма в русской школе» (определение С. А. Венгерова), прежде всего в его формальном (германовском) варианте. Убеждение Г. в пользе изучения классич. языков формировалось под влиянием молодых Леонтьева (см. его «Речь о П. М. Леонтьеве» — ЖМНП. 1875. Май) и Каткова, деловые и дружеские контакты с которыми Г. не прерывал вплоть до их смерти. Катков ценил принципы и энергию Г.: в письме 1883 Победоносцеву он аттестовал Г. как «испытанного, благонадежного и несомненно сведущего, лично объяснявшегося почти с каждым из преподавателей всех университетов» сотрудника МНП (цит. по: Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 2001. С. 155).

Моск. наставники Г. (среди них талантливые историки Т. Н. Грановский и П. Н. Кудрявцев) рано приобщили его к лит. работе: в 1851 Леонтьевым опублик. его перенасыщенный цитатами из Шиллера и Гёте биогр. очерк «Винкельман» (ПроPILEI. Кн. 1; Г. напечатал рец. на кн. 2 и 3 этого альманаха — Современник. 1852. Т. 36; ОЗ. 1853. № 11); в «МВед» Г. с успехом начал вести отдел иностр. политики, печатал и свои переводы.

Успешной карьерой в МНП, помимо моск. публицистики и рекомендаций Каткова, был обязан и своим светским связям. За него, напр., активно хлопотал Ф. И. Тютчев, с которым Г. был знаком через свою жену (сводную сестру Е. А. Денисьевой): поэт вел «решительные атаки» в Петербурге на И. Д. Делянова и Толстого, добиваясь перевода Г. в столицу и, «бывая во всех высших светских кругах, встречаясь со всеми министрами и высш. сановниками империи <...>, при всяком подходящем случае прославлял» деятельность Г. в «МВед» (Лит. наследство. 1989. Т. 97, кн. 2. С. 117). Несмотря на студ. увлечение лекциями Леонтьева по римск. гос. древностям и археологии искусства, Г. предпочитал заниматься новой историей (во время ревизии 1848 Моск. ун-та С. С. Уваровым читал публичное рассуждение «О предшественниках Реформации»; канд. сочинение написал о Макиавелли). Его дис., однако, с учетом веяний времени была посвящена римск. истории (Галлы в эпоху Каия Юлия Цезаря. М., 1865); еще некоторые

время Г. заявлял о своих планах занятий антич. историей и даже собирался издать четыре книги Фукидида (см. его письмо И. В. Помяловскому 1873 — ОР РНБ. Ф. 608. № 693. Л. 8; А. И. Малеин упоминал о его комментированном переводе надгробной речи Перикла — ФО. 1899. Т. 17. С. 70). Но главное печатное наследие Г. как чиновника — его очерки и доклады по проблемам образования: «О реальном образовании в Пруссии, Саксонии, Австрии, Баварии и Швейцарии» (ЖМНП. 1871. Дек.); «О государственных экзаменах в Германии и Австрии» (Там же. 1878. Янв.; Март); «Доклад члена Комиссии тайного советника А. И. Георгиевского по вопросу о мерах относительно образования евреев» (СПб., 1889); «Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков» (СПб., 1890); «К истории Ученого комитета МНП» (СПб., 1902; отд. отт. из ЖМНП за 1900–1902) и др. Деловые качества Г. не вызывали у современников сомнений: «...был честен, и трудолюбив, и умен, но ум его был чересчур тяжеловесный, а по натуре своей уже с молодых лет представлял собой тип порядочного педанта <...>. Он отстаивал свои мнения с замечательной твердостью, отстраняя всякие соображения о том, может это повредить ему или нет» (Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. Л., 1929. С. 174–175). Взгляды Г. на классич. образование были сильно направлены официозным православием и убеждением в «необходимости воспитания юношества, в противоположность материалистическому и практическому направлению, на началах научности и идеализма» (Гермес. 1911. № 10. С. 260). Борьба МНП с нигилизмом и материализмом в адм. деятельности Г. проявлялась в неуклонной регламентации учеб. программ; опасные для молодых умов теоретич. предметы были оттеснены

в них чтением древних авторов и грамматик: «Твердая вера в спасительность принципов, принятых им за основу деятельности, и удивительная настойчивость в проведении этих принципов <...> помогли А. И. Георгиевскому довести до конца дело реформы» (*Радлов*. С. 59). Из охранительных же побуждений Г. долго выступал против «транжирства» казенных денег на зарубежные командировки, полагая более безопасной и экономичной для воспитания молодых профессоров приват-доцентуру в родных университетах (*Стаферова Е. Л.* А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении. М., 2007. С. 344). Для ограждения от разрушительного влияния европ. идей под началом Г. были строго «сертифицированы» (оценками «рекомендуется», «одобряется», «допускается») все учеб. пособия. Как редактор «ЖМНП» он изменил структуру и направленность журнала, превратив его в науч.-пед. издание (О. А. Иванов — Русский консерватизм середины XVIII — начала XX в.: энциклопедия. М., 2010. С. 182); по указанию Г. в «ЖМНП» был создан классич. отдел, имевший немалое значение для развития классич. филологии в России. В неколебимой уверенности, что «классическая филология — альфа и омега всех гуманитарных дисциплин», Г. переоценивал воспитательную роль древних языков и крайне узко понимал ричлевское «lesen, immer lesen, sehr viel lesen». По свидетельству С. Волконского (Воспоминания. Т. 2. М., 2004. С. 52), поглядев на часы, Г. мог самодовольно сказать: «В данную минуту в пятом классе всех гимназий Российской империи проходят лат. неправильные глаголы». Адм. победы Г. над университетскими инициативами по корректировке программ раздражали профессоров, и эта неприязнь еще усугублялась «крайним самомнением» Г. (см. иронич. замечания А. В. Никитенко о «чувстве своей высоты вице-министра» Г. и его университетской политике: Никитенко. Т. 2–3, указ.).

С годами охранительная жесткость Г. только нарастала, угнетая даже опекаемых им классиков: Ю. А. Кулаковский в переписке 1880–1890-х регулярно возмущается «медвежьими услугами» классицизму надменного в «представлении о своей абсолютной компетентности» Г. и антидемократизме его предложений (ОР РНБ. Ф. 608. № 906. Л. 17; № 908. Л. 119 и об.). Декан Д. Ф. Беляев в письме 1896 (ОР РНБ. Ф. 608. № 563. Л. 203 об.) сетовал, что Г. «лучше бы сделал, если бы, вместо борьбы с Кедровыми и Латышевыми, занялся бы борьбой со своими новшествами, убившими филологические факультеты».

К концу XIX в. с политикой (в т. ч. кадровой) Г. в ун-тском сообществе связывались почти все провалы МНП (см. письмо 1898 Д. Григоровича в кн.: Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л., 1927. С. 45). Суворин упоминает об обструкции, устроенной Г. на экзамене петерб. студентами (*Суворин А. С.* Дневник. М., 2000. С. 326). Но крушение «толстовской школы» не изменило убеждений Г., который продолжал отстаивать приоритет классич. гимназии еще в брошюре «**Предположенная реформа нашей средней школы**» (СПб., 1901; произвела «в свое время значительное впечатление» — *Радлов*. С. 67). В конце жизни Г. обратил к написанию «**Воспоминаний**» (доведены до 1867, публиковались в «РС» за 1915–1916) и церк.-археол. рефератов; чтобы «с филологической акрибией» читать Библию, Г. в семьдесят лет пытался изучать еврейск. язык. В его архиве сохранились толкования евангельских текстов и рассуждения о бессмертии души (*Ф. Л <ю т е р?>*). Александр Иванович Георгиевский: некролог // *Гермес*. 1911. № 10. С. 259–262).

Литература: Мищенко Я. Отчет о деятельности Киевского отделения Общества классической филологии и педагогики. Киев, 1890; Барсуков. Кн. 9; Отчет о деятельности Общества классической филологии и педагогики в С.-Петербурге за 1896/97 учеб. г. // *ФО*. 1897. Т. 13; *Радлов Э. Л.* А. И. Георгиевский:

некролог // ЖМНП. 1911. Июнь; Афанасьев. Т. 1; *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 182; *Макимова С. Н.* Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX — начала XX века. М., 2005; Hausmann ♦ Нагуевский; Маркевич; Прозоров; Венгеро (Список), Воронков; Дроздов и Федорченко; Саитов 2006; Бузескул 2008; Мурзанов.

Архивы: *Личные фонды:* РГИА. Ф. 846 (Георгиевские; 187 ед. хр.); РГАЛИ. Ф. 162 (30 ед. хр.); *Отд. документы и письма:* ОР РНБ. Ф. 120 (Бычковы), 377 (И. П. Корнилов), 391 (А. И. Краевский), 585 (С. Ф. Платонов), 608 (И. В. Помяловский); РО ИРЛИ. Ф. 252 (Э. Радлов); РГИА. Ф. 733.

В. П. Смышляева

ГЕОРГИЕВСКИЙ

Лев Александрович

GEORGIEVSKIĬ L. A.

[28.8(9.9).1860, Одесса — не ранее 1926, Ленинград?],
филолог, педагог, гос. деятель

Сын А. И. Георгиевского, брат М. А. Георгиевского. В 1870 (вместе с братом Владимиром) поступил в Лицей цес. Николая, по окончании которого недолго занимался в Петерб. ун-те. С 1878 слушатель Лейпц. ФС (окончил курс с отличием в 1882, учился в одно время с Ф. Ф. Зелинским, С. А. Манштейном; студ. дело — РГИА. Ф. 733. Оп. 234. № 28). По возвращении в Петербург начал пед. службу преподавателем древних языков в Петерб. 1-й (в 1885–1887 также инспектор) и Петерб. 6-й гимназиях. Чл. и секр. (в 1880-е) Петерб. ОКФП. В 1887–1896 занимал должность директора Царскосельск. Николаевской гимназии, в 1896–1908 возглавлял Лицей цес. Николая в Москве. Тов. министра нар. проsv. при А. Н. Шварце (1908–1910). Тайн. сов. и сенатор 1911. Чл. Рус. собрания, первый предс. Всероссийского Филаретовского общ-ва народного

образования (1914–1916), созданного В. М. Пуришкевичем для постановки «образования по всей России на исконных началах преданности Церкви Православной, Самодержавию Царскому и народности Русской». Чл. правой фракции Гос. совета (с янв. 1917). После 1917 продолжал службу: одно из последних свидетельств о Г. относится к 1925–1926: заведовал кабинетом иностр. языков в Гос. ин-те науч. педагогики.

Главным науч. трудом Г. осталась выпускная работа в Лейпц. ФС — коммент. издание (с переводом) надгробной речи (Леосфену) Гиперида «**Hyperidis oratio funebris**» (ЖМНП. 1883. Март и отд.) с несколькими примыкающими к ней этюдами (в т. ч. статья: **Об элизии и ν ἐφέλκυστικόν у Гиперида** // ЖМНП. 1883. Сент.; о приемах устранения зияния и роли переписчиков в изменении рукописной традиции). Греч. текст речи Гиперида по изданию Ф. Бласса Г. дополнил собственными конъектурами и сопроводил крит.-эзегет. комментарием, с актуальным для того времени акцентом на защите рукописных чтений. Рецензент катковского «РВ» (1883. № 4. С. 809) хвалил соответствие сочинения Г. современной филол. практике, компетентность молодого издателя в его «иногда весьма удачной полемике» с авторитетами уровня Кобета, Зауппе и Бласса: «Видно, что он прошел строгую методологическую школу, вполне знаком со всеми приемами современной критической техники и привык работать с самой тщательной аккуратностью». Но обиженный на Георгиевского-отца Ф. Мищенко в строгой рец. (КУИ. 1884. № 5. С. 138–39) отозвался о знакомстве Г. с литературой по вопросу сдержанно, редакцию текста нашел «эклетиической», а заявленные издателем конъектуры («не всегда принадлежащие ему») субъективными («правдоподобие по смыслу»). Г., в полной мере унаследовавший от отца энергию, «прямоту и твердость»

(Ф. Зелинский), рано сосредоточился на адм. карьере. Энергичной рукой Г. реформировал Царскосельск. Николаевскую гимназию: заручившись поддержкой вел. кн. Владимира Александровича и министра И. Д. Делянова, ввел в ней курс греч. языка с чтением авторов, продлил обучение до восьми лет и ужесточил правила приема; поощрял внеклассную деятельность (кружки, оркестр и театр) и учредил образцовый пансион (при материальной поддержке почетного попечителя И. В. Рукавишникова). Возглавивший эту гимназию в 1896 И. Ф. Анненский в актовой речи характеризовал Г. как инициативного администратора (Сведения об Имп. Николаевской гимназии в Царском Селе. 1896–1897. СПб., 1897. С. 5). Столь же твердо руководил Г. и Лицеем цес. Николая (единственное учеб. заведение в Москве, ни разу не прекратившее занятия в бурном 1905). Существенной поддержкой гимназич. классицизму стало предпринятое Г. совместно с С. А. Манштейном (и при содействии Учен. комитета) издание 50 выпусков гимназич.

серии «Иллюстрированное собрание греческих и римских классиков с объяснительными примечаниями». Утверждая принцип доступного отеч. издания, призванного вытеснить из гимназий тейбнеровские томики, друзья-издатели в разосланном директорам «рекламном» циркуляре сообщали, что приглашенные к сотрудничеству в «Иллюстрированном собрании» авторы будут опираться на лучшие зарубежные издания текстов, а комментарии приводить в соответствие с практикой рус. школы. Разделение текста и комментариев по отд. выпускам мотивировалось запретом на пользование примеч. во время ответов в классе.

В раздраженном отклике Ю. А. Кулаковского (ЖМНП. 1890. Февр. С. 108; ответная реплика Г. и Манштейна — Там же. Март), адресованном не столько молодым издателям, сколько Учен. комитету Георгиевского-отца, это ужесточение названо методически бессмысленным: беда не в постраничном коммент. нем. изданий, а в традиции отеч. гимназии, где доминирует учитель — «inquisitor, а не praeseptor» (результаты деятельности Г. — директора Царскосельск. Николаевской гимназии названы автором «паразитально малоуспешными», т. к., напр., в 1888 были переведены в след. класс лишь 115 из 208 ее учеников).

Сам Г. выпустил в этой серии «разумно исправленные» и снабженные «грамматическими, реальными, лексическими, логико-аналитическими и художественно-эстетическими примечаниями» тексты Ксенофонта (**Анабасис**. Вып. 1–2. СПб., 1890; ⁶1913) и Корнелия Непота (**Избранные биографии**. СПб., 1890; ⁵1908). Моск. оппоненты (напр., С. Н. Муромов — ФО. Т. 9. 1895) критиковали в них многословие и «гнет комментария» наряду с отбором фрагментов и рисунков (не всегда мотивированных содержанием). Совместно с Ф. Ф. Гельбке, Зелинским и др. членами Петерб. ОКФП Г. участвовал в редактировании изданного под эгидой этого общ-ва перевода

«Реального словаря классических древностей по Любкеру» (СПб., 1883–1885); вел в «ЖМНП» (при Л. Н. Майкове) отдел «Учебно-литературные новости по классической филологии», выступал в пед. дискуссиях. Считал средством спасения классич. образования правильное преподавание древних языков и отказ от одиозных экстемпоралий (**О причинах нареканий на гимназию, степени их основательности и мерах к их устранению** // Циркуляр по Моск. УО за 1899. М., 1899. С. 98). Как многие питомцы Катковского лицея, Г. был убежденным монархистом: в революционное десятилетие выступал как ультрапатриот, доходя до открытой проповеди национализма. Вошел в число членов Гос. совета, которыми Николай II заместил сенаторов-либералов при «чистке» 1916 (А. А. Иванов — Русский консерватизм...: энциклопедия. М., 2010. С. 379). Современники воспринимали Г. гл. обр. как достойного «сына своего отца», не слишком щепетильного в вопросах этики карьериста. И. И. Толстой при известии о назначении Г. товарищем министра записал в своем дневнике 8 апр. 1908: «Можно поздравить Шварца с выбором чистейшей воды мерзавца, господина, ради карьеры способного на все и едва ли не члена “Союза русского народа” или подобной патриотической организации», а 9 мая с удовлетворением добавил свежий слух, что «прохвост 96-й пробы» Г. уже интригует против Шварца при дворе (*Толстой И. И.* Дневник 1906–1916. Т. 1. СПб., 2010. С. 451, 464).

Литература: *Будагов М. Л.* Семидесятипятилетие Благородного пансиона и Петерб. первой гимназии. 1817–1892. СПб., 1895; *История Имп. Лицея в память цесаревича Николая за XXX лет.* М., 1899; *Лицей в память цесаревича Николая в Москве:* списки бывших и настоящих воспитанников. М., 1900; *Афанасьев Т. 1; Максимова С. Н.* Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX — начала XX века. М., 2005; *Черная сотня:* ист. энциклопедия. 1900–1917. М., 2008; *Зелинский Ф. Ф.* Автобиография // *Древний мир*

и мы. Вып. 4 ♦ Прозоров; Брокгауз; Венгеров (Список); Дроздов и Федорченко.

Архивы: Личный фонд: РГИА. Ф. 846 (Георгиевские).

В. П. Смышляева

ГЕОРГИЕВСКИЙ Михаил Александрович

GEORGIEVSKIJ M. A.

[3(15).10.1863, Петербург? — 1903, Мариамполь, Сувалкская губ.],
филолог

Сын А. И. Георгиевского, брат Л. А. Георгиевского. Аттестат о среднем образовании получил в Петерб. 3-й гимназии (1873–1881; в гимназич. списках указан Михаилом Павловичем: Фёдоров. С. 134), тогда же поступил в Лейпц. ФС (1881–1885), учился одновременно с С. И. Любомудровым и Ф. А. Лютером. По возвращении в Петербург преподавал древние языки в Петерб. 6-й гимназии (поступил на место своего брата Л. Георгиевского), с 1887 преподавал также в 10-й гимназии (вне штата? в ф. с. 1903 запись отсутствует: РГИА. Ф. 740. Оп. 139. № 252. Л. 9). Осенью 1893 был перемещен в Варшавский УО на должность учителя древних языков и инспектора Варшавской 5-й гимназии (1893–1895), затем преподавал в Сувалкской (1895–1898) и Мариампольской (1898–1903) гимназиях Варшавского УО. Скончался от болезни сердца.

Несмотря на «особую склонность и замечательную способность к филологическим и историческим занятиям», отмеченную в рекомендации В. Х. Лемонюса (РГИА. Ф. 733. Оп. 234. № 29. Л. 2), оказался наименее успешным из сыновей А. Георгиевского: после обустроенного отцом начала не сделал ни пед., ни чиновной карьеры. От его лейпц. юности остались две публикации

по творчеству Аристофана: перевод комедии «Ахарняне» (ЖМНП. 1885. Ноябрь–декабрь) и выпускное сочинение **«De chori in Aristophanis Ecclesiazusis partibus»** (Там же. 1886. Сент.) — композиционно-метрич. анализ комедии (по изданиям Т. Бергка и А. Мейнеке; не под влиянием ли защиты Ф. Ф. Зелинского?) с уточнением границ диалоговых и хоровых партий на основании формально-критич., логич. и метрич. критериев (напр., стихи 1–29 отдаются автором Праксагоре, стих 30 корифею хора, а начало песни хора отнесено к стиху 285). Исполнить желание отца и выдержать магист. экзамен (см. письмо 1891 г. к И. В. Помяловскому — ОР РНБ. Ф. 608. № 697. Л. 3) не смог и к науч. занятиям после Лейпцига, видимо, не возвращался. Из методич. публикаций Г. известны краткий справочник (по образцу учебника М. Вольраба) **«Древне-классические реалии»** (Ч. 1–2. СПб., 1893; рец.: ЖМНП. 1893. Дек.; Филол. 6-ка. 1894. № 2) и сб. **«Темы для переводов с греческого языка на русский в VII и VIII классах гимназий»** (СПб., 1900). «Древне-классические реалии»

(4-е изд. / под набл. А. Маленина. СПб., 1914) наряду с главами о гос. устройстве, суде, воен. деле и быте Греции (гомеровской и классич.) и Рима (преимущ. эпохи Юлиев) содержат основательный очерк греч. и римск. литературы, этюды о древней философии и искусстве. Изложение Г. при неизбежной для школьного пособия сжатости свидетельствует о начитанности и филол. наклонностях автора. Из «Ведомостей о числе пропущенных уроков» (Циркуляр Варшавского УО за 1899–1902) следует, что Г. ежегодно пропускал до 17–20 % учеб. часов. Отъезду в Варшаву предшествовали его бракосочетание в 1893 «с крестьянской девицей С. Бурцевой» и очевидный разлад с семьей (ЦГИА СПб. Ф. 458. № 593. Л. 46–47).

Литература: *Петров Л.* Двадцатипятилетие Шестой С.-Петербургской гимназии (1862–1887). СПб., 1887; *Чевакинский А. И.* Двадцатипятилетие С.-Петербургской Десятой гимназии. 1871 г. — 1896 г.: ист. записка. СПб., 1897; *Лавров С. В.* Памятка бывшим ученикам С.-Петербургской 3-й гимназии. СПб., 1911; *Буткевич К. Ф., Николаев Л. П.* Историческая записка, изданная ко дню пятидесятилетия С.-Петербургской Шестой гимназии. СПб., 1912 ♦ *Прозоров; Венгеров* (Словарь, Список); *Воронков; Мурзанов.*

Архивы: ОР РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский); ЦГИА СПб. Ф. 44 (Петерб. 10-я гимназия), 458 (Петерб. 6-я гимназия).

В. П. Смышляева

ГИЛЬ Христиан Христианович

GIEL Chr.

[5.12.1837, Висбаден —
27/28.9.1908, Вайсер-Хирш,
Дрезден; похоронен там же],
нумизмат

Учился в Висбадене. После окончания курса гимназии слушал лекции по химии К.-Р. Фрезениуса и занимался в его лаборатории. В 1867 прибыл в Россию,

поступил воспитателем «при внуках» кн. А. М. Дондукова-Корсакова; через год стал воспитателем при И. И. (1858–1916) и Д. И. (1860–1941) Толстых. С этого времени целиком посвятил себя нумизматической деятельности, с успехом приобщив к ней своих подопечных и до конца жизни оставаясь хранителем их собрания. По словам М. Г. Деммени, «в 1869 г. в имении гр. Толстых в Воронежской губернии были найдены два елисаветинских рублевика. Находка эта заинтересовала Христиана Христиановича и дала толчок его нумизматической деятельности» (Деммени. С. 148).

Д. чл. РАО (10.12.1881), чл.-корр. ОЛДП (28.02.1886), чл.-корр. Ученого эстонского общ-ва при Имп. Дерпт. ун-те (02.04.1886), чл.-корр. Общ-ва для изучения истории и древностей Остзейских губерний (14.05.1886), почетный чл. Комитета Ростовского музея церк. древностей (11.1887), д. чл. Имп. ООИИД (21.12.1887), д. чл. МНО (21.10.1888, с 16.11.1898 — почетный чл.), чл. Таврич. ученой архивной комиссии (03.11.1890), пожизненный чл. Владимирской губернской ученой архивной комиссии (05.03.1900).

В 1880 подготовил первую печатную работу: «**Quelques remarques sur la collection Shubert**» (СПб., 1880) на основе изучения приобретенного им собрания генерала Ф. Ф. Шуберта.

Г. был в курсе состава всех значительных нумизматич. коллекций, постоянно переписывался с их владельцами, занимался покупкой и продажей монет, изучал и систематизировал их, формируя т. о. собрание Толстых. Многие монеты поступали в собрание Эрмитажа через Г. (см.: АГЭ. Ф. I. Оп. V: за 1885, 1887, 1889, 1895, 1896, 1903 гг.; преимущ. антич. и рус., хотя иногда упоминаются вост. монеты, а также медали).

Г. деятельно участвовал в подготовке первых нумизматич. работ И. И. Толстого: «Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского:

нумизматический опыт» (СПб., 1882); «Русская допетровская нумизматика. Вып. 1: Монеты Великого Новгорода» (СПб., 1884); «Русская допетровская нумизматика. Вып. 2: Монеты псковские» (СПб., 1886), систематизируя материал.

В 1883 Г. издал книгу «**Таблицы русских монет двух последних столетий: практическое руководство для собирателей**» (СПб., 21898), ставшую наиболее популярным каталогом для коллекционеров конца XIX — начала XX в. В ней автор обобщил свой опыт по описанию рус. монет XVIII–XIX вв. Описания были переданы в виде таблиц «по форме сочинения Панснера» (Цит. соч. С. III), однако заимствована была только форма. Для своего руководства Г., по собственному выражению, «внимательно пересмотрел, за редкими исключениями, все более замечательные собрания русских монет и внес в свое издание лишь такие монеты, которые были у меня на руках» (Там же. С. IV). Основные элементы каталога Г. стали классическими: в частности, их использовал В. В. Уздеников при подготовке своего определителя. В 1898 книга была переиздана в дополненном виде.

С 1880-х Г. участвует в многотомном издании «Корпуса русских монет» вел. кн. Георгия Михайловича, готовя нумизматич. часть — подбирая и систематизируя монеты для таблиц. «Большую услугу своими практическими знаниями Х. Х. оказал великому князю Георгию Михайловичу при его замечательных изданиях монет, о чем августейший автор заявляет в предисловиях каждого тома, которые, при содействии Гиля, доведены от нашего времени до царствования имп. Екатерины I включительно» (Орешников. С. 621).

Параллельно с рус. монетами Г. пристально изучает античные, прежде всего — Боспорского царства. В 1886 при деятельной помощи А. В. Орешникова он издает труд «**Kleine Beiträge zur antiken**

Numismatik Südrusslands» (М.), где излагает свою точку зрения на отд. вопросы боспорской нумизматики, а также нумизматики Ольвии и Тиры на основе знакомого ему нумизматич. материала, прежде всего собственной коллекции. В 1891 в коллекции Г. было 1309 монет городов и 2383 монеты царей Боспора и Понта (**Новые приобретения моего собрания.** М., 1891. С. 1–2).

В 1885 Г. приобрел коллекцию антич. монет А. М. Подшивалова, а в 1889 — кн. А. А. Сибирского (ОР РНБ. Ф. 904. Ед. хр. 258. Л. 1, 2, 8; ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 13. Л. 200 об.). Обе коллекции были приобретены при посредстве А. В. Орешникова. Собрание А. А. Сибирского от Г. перешло к вел. кн. Александру Михайловичу, который в 1917 увез его за границу (*Monnaies grecques antiques provenant des collections de S. A. I. le Grand-duc Alexandre Mikhaïlovitch... Genève, 1922*).

Многие первоклассные монеты кн. Сибирского точно опознаются в собрании ГЭ. Небольшая часть их была уступлена в 1899 самим Г., а купивший коллекцию вел. кн., не питая особо интереса к своему приобретению, сразу же передал ее на хранение в Эрмитаж, разрешив хранителю Е. М. Придику работать над ней в связи с подготовкой корпуса монет Сев. Причерноморья. В 1914 вел. кн. Александр Михайлович получил только часть своих монет, которая и была увезена за границу, тогда как все остальное осталось в Эрмитаже (АГЭ. Оп. V. 1917. № 28. Л. 11) и после 1920 было включено в собрание А. Н. Зографом.

В 1890-х Г. подготовил два небольших по объему описания монет Сев. Причерноморья, поступивших в его собрание в конце 1880-х — начале 1890-х (**Новые приобретения...**) и в 1892–1893 (**Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг.** СПб., 1895 [на обл. 1896]). Гл. обр. это монеты Боспорского царства, Ольвии, Тиры, Херсонеса.

С начала 1890-х Г. начал страдать болезнью глаз и в 1898 признавался: «Болезнь настолько серьезна, что я боюсь за потерю глаза и необходимости покончить всякие занятия по нумизматике» (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 14. Л. 182). Однако периодич. улучшения позволяли Г. иногда работать с монетами, а в 1904 издать совместно с А. А. Ильиным практич. руководство для коллекционеров рус. монет XIX — начала XX в. (*Гиль Х. Х., Ильин А. А. Русские монеты, чеканенные с 1801—1904 г.: практическое руководство для собирателей.* СПб., 1904).

Летом 1908 Г. уехал за границу на лечение, где и умер от воспаления легких в пригороде Дрездена. Из дневника И. И. Толстого: «Вечером около 10 часов получил вдруг телеграмму из Weissshirsch под Дрезденом от некоей Hanna Kiessin о кончине Х. Х. Гиля. Всех нас ужасно поразило и опечалило, хотя мы и знали, что он болен, и уговаривали его в свое время не ехать за границу, боясь именно возможности внезапной смерти, относительно которой предупреждали врачи. Гиль в последнее время был, конечно,

не прежний, но тяжело терять человека, с которым прожил под одним кровом более 40 лет... Отношения были совершенно, конечно, родственные, и смерть Х. Гиля совершенно меняет весь уклад нашей жизни. Хороший был человек: мир праху его» (*Толстой*. С. 500).

Похоронен на местном кладб. 20 сент. 1908 в присутствии И. И. Толстого, оставившего описание похорон в своем дневнике (Там же. С. 503).

Труды: Über die Bosphoranischen Münzen mit den Monogrammen ΒΑΕ, ΒΑΥ und ЮР. SPb., 1884; Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands. М., 1886; О босфорских монетах с монограммами ΒΑΕ, ΒΑΥ и ЮР // Тр. VI Археол. съезда в Одессе (1884 г.). Т. 2. Одесса, 1888. С. 104–113.

Литература: Х. Х. Гиль [Некролог] // ИВ. 1908. Т. 114. С. 1179; Деммени М. Г. Христиан Христианович Гиль [Некролог] // Записки нумизматич. отделения Имп. РАО. Т. 1. СПб., 1909. С. 148–158; Орешников А. В. Х. Х. Гиль [Некролог] // Нумизматич. сб. Т. 1. М., 1911. С. 621–624; Толстой И. И. Дневник: в 2 т. Т. 1: 1906–1909. СПб., 2010; Богданов А. А., Гайдуков П. Г. Переписка А. В. Орешникова и Х. Х. Гиля. Письма А. В. Орешникова // Нумизматич. чтения [ГИМ] 2011 г.: памяти А. В. Фомина. Москва, 21–22 нояб. 2011 г.: тез. докл. и сообщ. М., 2011. С. 141–146; Богданов А. А., Гайдуков П. Г., Зубова М. В. Переписка П. В. Зубова и Х. Х. Гиля // Нумизматич. чтения [ГИМ] 2012 г.: к 150-летию П. В. Зубова. Москва, 4–5 дек. 2012 г.: материалы докл. и сообщ. М., 2012. С. 207–209; Слепова Т. И. Христиан Христианович Гиль и Императорский Эрмитаж // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...»: в 5 кн. Кн. 2. СПб., 2014. С. 131–135; Гайдуков П. Г., Захаров Е. В., Богданов А. А. Переписка А. В. Орешникова и Х. Х. Гиля как источник формирования нумизматических коллекций в России в конце XIX века // Конференция «Нумизматика в России. Вел. кн. Георгий Михайлович и его эпоха». Москва, 2–3 окт. 2019 г.: тезисы докл. и сообщ. М., 2019. С. 6–7 ♦ Брокгауз; Тункина 2017.

Иконография: [Кастелли К. К., де] Любители русских древностей: [альбом гравированных портретов. СПб., 1880]. Л. [8]; Медаль в честь 25-летней нумизматической деятельности Г. 1894 (описание: Смирнов В. П.

Описание русских медалей. СПб., 1908. С. 521. № 1032); медаль в память Г. 1908 (описание: Дьяков М. Е. Медали Российской империи. М., 2007. Ч. 7: 1894–1917. № 1456.1).

Архивы: Личный фонд: ОР РНБ. Ф. 904 (566 ед. хр.: личные документы, материалы к нумизматич. работам, 549 ед. хр. переписки с К. В. Болсуновским, Э. Гуттен-Чапским, И. И. Горнунгом, П. В. Зубовым, А. В. Орешниковым, И. И. Толстым, П. С. Уваровой, Н. П. Черневым и др.); Отд. документы и письма: ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 13–14 (письма А. В. Орешникову; в наст. время переписка Орешникова и Г. готовится к публикации).

Т. И. Слепова, А. А. Богданов

ГИНТОВТ Степан Иванович

GINTOVT S. I.

[21.8(2.9).1861, Гродно — не ранее 1918, Москва?],
филолог, лексиколог, педагог

Из дворян польско-литовского происхождения (отец — гимназич. учитель, дядя — митрополит и литератор А. К. Гинтовт-Дзевалтовский); Г. воспользовался аллонимом С. Дзевялтовский для одной из своих последних публикаций «Империализм в древнем мире» (М., 1919). Учился в Петерб. 1-й гимназии (1871–1879, зол. медаль) и Петерб. ИФИ (1879–1883); в автобиограф. заметке для С. А. Венгерова (см.: Рус. интеллигенция. Т. 1) упоминал еще о занятиях в Петерб. археол. ин-те (входил в число его членов). По окончании курса получил направление в Ковенскую гимназию, но предпочел преподавание вне штата в Кронштадтской (с 1883 читал рус. и древние языки). Служил учителем в Петерб. 4-й прогимназии, Петерб. 5-й и Введенской гимназиях. Наставник (1893) и преподаватель лат. языка (1895) гимназии Петерб. ИФИ (п. д. 1908 — РГИА. Ф. 740. Оп. 22. № 1259). В авг. 1910 занял должность инспектора Моск. УО.

Из любимцев Л. А. Миллера [Г. — автор памятки о профессоре в «Гермесе» (1908. № 8)], олицетворенная мечта наставника о «дельном» гимназич. латинисте (*tüchtiger Latinist*). Очевидно, унаследовал пед. энергию и дарование отца — преподавателя математики Петерб. 1-й гимназии, которого П. П. Гнедич (Книга памяти: воспоминания. 1855–1918. М., 2000. С. 34) единственного выделил среди педагогов своих лет за влюбленность в предмет, объективность и пед. такт: «Это был грубоватый поляк, рябой, сумрачный, но преподававший необычайно вразумительно».

Был отлично подготовлен по лат. языку («один из лучших знатоков лат. языка своего времени», по оценке однокурсника. — *Новосадский Н.* К юбилею С. И. Гинтовта // *Гермес*. 1913. № 11–12. С. 324), интересовался и современными методиками его преподавания (в течение жизни напечатал немало статей и заметок просветительского и пед. характера). Не занимаясь науч. исследованиями, подготовил несколько статей по лексикологии и римск. древностям. Наиболее значительная — **«Q. Horatii Flacci deminutiva collecta et usu scriptorum, qui ante Horatium floruerunt, illustrata»** (ЖМНП. 1904. Июль-авг.; переделка выпускного сочинения 1883): Г. собрал (в алфавитном порядке) и проанализировал деминутивы Горация (в одах, эподах, сатирах и посланиях), указал на их использование предшественниками (гл. обр. Плавтом), в некоторых случаях проследил ближайшую этимологию (*capillus* < *caput*) и синонимию. О студ. варианте этой работы Миллер заключал: «Гинтовт изложил тему вообще старательно и разумно» (Известия о состоянии и деятельности наших учебных заведений. Имп. СПбИФИ // ЖМНП. 1883. Апр. С. 27). В антикварных «гастрономических» статьях Г. (**Из области римской кухни** // ЖМНП. 1906. Июнь; **Римская гастрономия** // *Гермес*. 1910. № 1–3;

и др.), написанных по лит. источникам (Гораций, Марциал, Плиний и др.) и документам императорской эпохи, реконструируются меню, рецепты, цены продуктов, роль для римск. гастрономии греч. кулинарных пособий и т. п. Загравиваются некоторые смежные темы (устройство усадьбы, сада, птичника). Среди других публикаций Г. большое место занимают заметки (с обильным цитированием лат. и греч. авторов), предназначенные гимназич. преподавателям: **«Музей и библиотека древней Александрии»** (Гимназия. 1893. № 10), **«Несколько слов о военной гимнастике древних народов»** (*Гермес*. 1910. № 13) и др. Г. — регулярный рецензент школьных пособий по древним языкам. Сам издал несколько коммент. текстов, в т. ч. **«Вергилий. Энеида. Песнь IV»** (Ч. 1–2. СПб., 1895; 1917) и упражнения по лат. фразеологии **«Сборник статей для перевода с русского языка на латинский, с приложением стилистических примечаний и словаря синонимического и фразеологического»** (СПб., 1889; рец.: ЖМНП. 1890. Авг.),

«Фразеология Корнелия Непота для учеников 3 класса гимназий» (СПб., 1890), «Фразеология Юлия Цезаря для учеников 4 класса гимназий» (СПб., 1892) и др. «Ценным приобретением» пед. мысли названы в рец. Новосадского (Гермес. 1911. № 10) проникнутые идеей единства обучения и воспитания «Беседы по методике латинского языка» (СПб., 1910); Г. Г. Зоргенфрей в обзоре указывал, однако, на бессистемность этих «легко и живо написанных» очерков (Гермес. 1917. № 6. С. 113). Пед. критика (членов Петерб. ОКФП) в целом хвалила Г.-методиста за использование им новой науч. литературы и меру в разъяснении текста, благодаря которой школьникам оставалось поле для самостоятельной работы (см. рец. Зоргенфрея на 2-е изд. IV песни «Энеиды» — ФО. 1897. Т. 12); претензии высказывались гл. обр. к лапидарному комментарию Г. Возможно, они стали поводом (наряду с пед. занятостью Г.) для привлечения опытных редакторов С. А. Манштейна и А. И. Маленина к переработке некоторых его изданий: «Тит Ливий. 2-я Пуническая война» (СПб., 1914; ³1916), «Вергилий. Энеида в сокращении» (СПб., 1896; ³1917). В своих пед. воззрениях, излагаемых регулярно в ж. «Гимназия», «Пед. вестник», «Рус. школа», «Гермес», Г. оставался умеренно консервативным классицистом, отстаивающим приоритет древних языков в гимназич. образовании и традиционные методики их преподавания (**Возможность и польза параллельной грамматики пяти изучаемых в гимназиях языков** // Гимназия. 1891. № 7–9). Вообще он держался приемов работы ИФИ — своей alma mater, возражая на проекты реорганизации ин-та (**Заметки педагога о заметках графа И. И. Толстого** // Гермес. 1908. № 3; Толстой посчитал «совершенно необудительными» эти расуждения своего постоянного визитера; см.: Толстой И. И. Дневник 1906–1916.

СПб., 2010. Т. 1. С. 433). Г. 1910-х — автор многих заметок для специализированных «экскурсионных» изданий Моск. УО; редактировал (вместе с И. Н. Бородиным) ж. «Экскурсионный вестник».

Литература: Пам. книжки СПБИФИ 1895, 1898, 1912; Иванов К. А. Пятидесятилетие С-Петербур. 5-й гимназии. 1845–1895. СПб., 1896; Максимова С. Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX — начала XX века. М., 2005 ♦ Брокгауз; Венгеров (Словарь, Источники, Списки); Латышев (библ.); Воронков.

Архивы: Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров); РГИА. Ф. 733; ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петерб. ИФИ, в т. ч. студ. дело — Оп. 1. № 1205), 114 (Петерб. 1-я гимназия), 303 (Введенская гимназия).

В. П. Смышляева

ГИНЦБУРГ Николай Семенович (Соломонович)

GINZBURG N. S.

[22.4(4.5).1867, Вильна — не ранее 1932, ?], филолог, переводчик

Из небогатой еврейской семьи; в 1899 принял православие. Отец — счетовод. В 1886 с аттестатом Петерб. 5-й гимназии (закончил в ней восьмой класс) поступил на ИФФ Петерб. ун-та (окончил курс в 1890 с дипломом 2-й степени). После выхода из ун-та в гос. службу вступил не сразу: в студ. деле (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 25563. Л. 44) сохранилось его — удовлетворенное — прошение 1895 «об освобождении от обязанностей гос. службы за пользование стипендией в 1889/90 учеб. г.». По окончании курса жил, по-видимому, в Прибалтийском крае (по паспорту 1900 «мещанин г. Нарвы» — ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. № 4915. Л. 1). На пед. службе с 1900. В 1900–1912 занимал должности помощника наставника, воспитателя при пансионе, сверхштат.

преподавателя древних языков и истории в Петерб. 2-й гимназии (без установленного оклада и «пятилетних прибавок»). В 1913 был принят в штат Петергофской гимназии им. Александра II. В разное время недолго преподавал еще в уч-ще св. Екатерины, Коммерческом уч-ще, женской гимназии Лохвицкой-Скалон и др. После 1917, видимо, также продолжал (с перерывами?) заниматься преподаванием.

Римск. словесность слушал на лекциях Ф. Ф. Зелинского, В. В. Латышева, О. А. Шебора, И. И. Холодняка и И. В. Помяловского; Горация читал на первом курсе с В. И. Модестовым. К главному филол. делу своей жизни — переводу Горация — обратился в годы сближения (1908–1917) с редакцией ж. «Гермес», в котором и опубликовал свои первые опыты перевода: из Вергилия — «Энеида, песнь I, 84–147» (1908. № 10; в примеч. сообщалось, что Г. перевел всю поэму Вергилия, но «редакция может уделить лишь незначительное место для отрывка из этого прекрасного перевода, надеясь, что труд Н. С. Гинцбурга найдет в скорейшем времени издателя» — С. 291); и Горация (1909. № 17; 1910. № 15–16; 1912. № 6; 1913. № 10; 1914. № 10–11; 1915. № 15–16, 20). Актуальность филол. переводов римск. классиков — с точной передачей смысла и метрич. формы — обсуждалась в 1910-е на страницах «Гермеса» (к этому же времени относятся публикации в журнале переводов из Горация ряда переводчиков-любителей, в т. ч. А. П. Семёнова-Тянь-Шанского). Г. при переводе од, эподов, сатир и юбилейного гимна Горация ориентировался на требования филол. буквализма, пропагандируемого окружением журнала «Гермес» и ун-тскими наставниками.

Образцы перевода (оды Горация):

III, 9: «Мил откуда я был тебе, / К шейке белой твоей рук не тянул пока / С лаской юный соперник мой, / Жил счастливее я персов царя тогда...»;

IV, 9: «Поверь, погибнуть рок не судил словам, / Что я, рожденный там, где шумит Авфид, / С досель неведомым искусством / Складывал в песни под звуки лиры...».

Г.-переводчик получил признание в профессиональной среде: О. М. Фрейденберг в период реставрации 1932 каф. классич. филологии (первоначально в составе ЛИФЛИ) предоставила ему возможность небольшого заработка: «Я специально привлекала к работе всех, несправедливо затертых жестокой академической средой <...>. Так у меня получали работу и становились на ноги Мих. Карл. Клеман, Ал. Ник. Зограф, Гинцбург (голодный переводчик Горация)» (*Плестернак Б. Л. Пожизненная привязанность: переписка с О. М. Фрейденберг. М., 2000. С. 186*). О материальных трудностях Г. этой поры свидетельствует, по-видимому, и его участие в песенном конкурсе, организованном Наркомпросом: в архиве А. Гидаша (ИМЛИ. Ф. 171) сохранился присланный текст «Школьного гимна» Г. (см.: *Путеводитель по фондам ОР ИМЛИ РАН. Вып. 1. Личные фонды. М., 2000*). Достоинствами переводов Г. объясняется

включение значительной их части (всех сатир, эподов и многих од) в издание «К. Гораций Флакк. ПСС» (М.; Л., 1936; под ред. Ф. А. Петровского); соавторами Г. по этому сб., ставшему канонообразующим для «русского Горация», выступили Г. Ф. Церетели и А. П. Семёнов-Тянь-Шанский. В фонде ОР РНБ сохранились еще методич. брошюры Г. «**Систематические конспективные таблицы по русской истории. 1462–1881**» (СПб., 1906) и «**Летом у дедушки: рассказ из слов с буквой “ять” в корне**» (СПб., 1910).

Литература: Тихомиров П. К. Историческая записка Второй С.-Петербург. гимназии. СПб., 1905; Успенская А. В. Античность в русской поэзии второй половины XIX века. СПб., 2005; Busch ♦ Воронков; Свиясов.

В. П. Смышляева

ГЛОРИАНТОВ Никандр Иванович

GLORIANTOV N. I.

[2(14).6.1828, Салдоманово Нижегородской губ. — 7(19).1.1898, Нижний Новгород; кладб. Крестовоздвиженского монастыря], богослов, преподаватель лат. языка

Из семьи сельск. священника (фамилия по отцу Колосов). Обучался в Арзамасском духовном уч-ще (1836–1842), Нижегородской духовной семинарии (1842–1848), из которой как лучший студент был направлен в СПбДА (1849–1853). По окончании Академии был оставлен в ней для преподавания: наставник, бакалавр по классу физики (1853), экстр. проф. (1860), проф. лат. языка и словесности (1869–1877). Магист. дис. «**Историческое исследование о возведении Фотия на патриарший константинопольский престол**» (защита: СПбДА, 1855; магистр богословия). Во время ревизии СПбДА в 1875 получил ряд замечаний, на которые резко возражал (в т. ч. в печати). Конфликт

с начальством завершился отставкой Г. «по состоянию здоровья» и приглашением на его место В. И. Модестова.

Как и Е. И. Ловягин, Г. принадлежал к «филологам поневоле» (устав 1869 упразднил в академии курс физики, которую Г. увлеченно преподавал). Хорошо знавший лат. язык еще с семинарии, Г. переквалифицировался из физика в филолога, добросовестно проштудировал грамматич. пособия и тексты школьных авторов (науч. литература по классич. древности в б-ке Академии отсутствовала). «При классных занятиях со студентами читал он Цицерона, Ливия, Тацита, Овидия, Вергилия, Горация, Лукреция, Сенеку; излагал правила латинского стихосложения, предлагал курсы истории римской литературы <...>. Воспитанник старой духовной школы, в которой латинский язык был отчасти языком преподавания, <...> и сам владевший латинской речью, Никандр Иванович при своих занятиях со студентами временами предлагал и им устно передавать некоторые русские фразы по-латыни, чем <...> ставил слушателей в затруднение» (Садов А. И. Профессор Н. И. Глориантов. СПб., 1911. С. 10; также библи.). Спустя годы после отставки еще удивлял бывших учеников длинными лат. цитатами, которые с удовольствием сам переводил и комментировал. Помимо литографированных конспектов лекций по лат. языку, сохранились опубликованные Г. в «ХЧ» за 1877 (в качестве прощального «аргумента» руководству Академии) несколько статей сравнительно-лит. тематики (сопоставления космогонич. сюжетов римск. поэзии и библейской мифологии — о сотворении мира из хаоса, золотом веке, потопе и т. п.): «**Происхождение мира и человека и их последующая судьба: по изображению древних римских поэтов. Сивиллины книги**» (№ 1–2), «**Превращения Овидия: рассказ его о творении**» (№ 3–4), «**Повествование Овидия: рассказ о первобытном состоянии человечества и всемирном потопе**

вместе с предсказанием о последнем конце мира» (№ 5–6), «**Виргилиевы Буколики и предсказание Виргилия о возвращении золотого века**» (1877. № 9–10); собраны автором также в отд. издание (СПб., 1877). Все публикации (скромные в библиогр. и источниковед. отношении, с опорой на самобытное авторское осмысление лат. текстов) объединены идеей заимствования римск. поэтами сюжетов и образов из Библии — через Сивиллины книги или греч. перевод Библии (Овидий). Как экс-физик Г. с особенным увлечением толкует описания природных стихий в этих эпизодах (напр., хаоса как смеси воды, земли, неба и огня в поэме Овидия «с его слабыми понятиями о природе» — Превращения Овидия. С. 411 и след.). Г. принимал также участие в подготовке к печати «**Собрания древних литургий восточных и западных в переводе на русский язык**» своими переводами лат. литургий апостола Иакова и св. Василия Великого (Западно-римские литургии. СПб., 1878).

Преподавателем Г. слыл отличным — излагал предмет понятно и остроумно. Будучи живым и смешливым человеком, он располагал слушателей к внеаудиторному общению, уделяя этим беседам немало личного времени. В отставке увлекался техническим моделированием и оригинальными поделками; изредка выступал в печати с интерпретациями библейской мифологии: «**Шестоднев и потоп**» (ХЧ. 1883. № 7–8), «**Богословие и естествознание: мысли старого профессора**» (Там же. 1898. № 11).

Литература: *Чистович И. А. С.* — Петерб. духовная академия за последние 30 лет (1858–88), СПб., 1889; *Скроботов Н. А.* Памятная записка окончивших курс в С.-Петербург. духовной академии (с 1811 по 1895). СПб., 1896; *Елеонский Ф. Г. Н. И. Глориантов:* некролог // Церк. вестн. 1898. № 5 ♦ Брокгауз; Родосский; Венгеров (Список).

Архивы: РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров).

В. П. Смышляева

ГЛУБОКОВСКИЙ Николай Никанорович

GLUBOKOVSKIJ N. N.

[6(18).12.1863, Кичменгский Городок, ныне Кичменгско-Городецкого р-на Вологодской обл. — 18.3.1937, София], *богослов, историк церкви, библеист, экзегет, публицист*

Из бедного духовенства. Родился в семье свящ. Никанора Петровича Глубоковского (1819–1866). В два года лишился отца. Первоначальное образование получил в семье старшей сестры Анны (1845–1922), вышедшей замуж за свящ. В. М. Попова, посещал занятия в местной церк.-приходской школе, грамоте учился у отставного солдата Дмитрия Шубина, который «знал совсем мало», зато «искусно чинил и расщеплял птичьи перья для письма» (Автобиографические воспоминания // Церковь и время. 2003. № 23. С. 163). В своих записках Г. признавался, что по условиям своего горького детства мог бы быть просто деревенским пастухом; однако мать Г., сама неграмотная, настаивала на учении: «Колька, учись, чтобы не погибнуть» (Там же. С. 161). В 1873 Г. был определен в подготовительный класс Никольского духовного уч-ща, которое закончил в 1878 первым учеником. В 1878–1884 учился в Вологодской духовной семинарии, после ее окончания был направлен в МДА (1884–1889) на казенный счет. Отчисленный на год из Академии, в 1888 Г. был восстановлен, а в 1889 с отличием закончил ее, представив канд. сочинение о жизни и деятельности блаженного Феодорита Киррского. Г. был оставлен профессорским стипендиатом на каф. общей церк. истории МДА под руководством А. П. Лебедева. Места в МДА Г., однако, не получил, а с ноября 1890 был назначен в Воронежскую духовную семинарию преподавателем Священного Писания. В 1891 защитил магист.

дис. (рец. А. П. Лебедев и Н. И. Субботин) **«Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Его жизнь и литературная деятельность: церковно-историческое исследование»**, за которую получил премию митрополита Макария.

В окт. 1891 по предложению ректора Антония (Вадковского) Г. был приглашен на каф. Священного Писания СПбДА, однако Советом Академии утвержден не был (против проголосовал В. В. Болотов, считавший Г. историком, а не экзегетом). Вопреки решению Совета Г. был утвержден на эту каф. митрополитом петерб. Исидором (Никольским) и занимал ее до закрытия Академии в 1918.

Дальнейшая акад. карьера Г. складывалась успешно: с 1894 — экстр. проф., с 1898 — орд., с 1916 — засл. орд. проф. За время службы прошел путь от надворного (1892) до д. стат. сов. (1910), награжден несколькими орденами и медалями. В 1904 Г. был утвержден редактором и цензором «ПБЭ», выходящей с 1900 под ред. проф. А. П. Лопухина. В 1909 по представлению акад. Н. П. Кондакова и А. И. Соболевского

избран чл.-корр. ИАН по ОРЯС, где участвовал в подготовке «Словаря русского языка». Переписывался с такими учеными, как Г. Э. Зенгер, П. К. Коковцов, Н. П. Кондаков, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. Я. Марр, А. И. Соболевский, Б. А. Тураев, А. А. Шахматов. С. А. Жебелев и др. В 1918 выступил одним из инициаторов присоединения СПбДА к ПГУ, осенью 1918 по приглашению проканцлера Упсальского ун-та архиепископа Натана Сёдерблума посетил Швецию. В дек. 1919 по предложению Н. Я. Марра Г. был избран младшим ассистентом по разряду Христ. Востока и армяно-грузинской филологии ПГУ. В 1918–1921 состоял архивариусом в IV секции II Отделения единого гос. архивного фонда, читая лекции в Петрогр. Богословском ин-те.

В начале 1919 окончательно решил покинуть Россию («если бы достались мне все блага мира и утвердился теперешний безбожный насильнически-социалистический строй, — для меня невозможно будет жить при нем, и я обязательно уйду умирать в другое место. Такова для меня моральная необходимость»; цит. по: ПЭ. Т. 11. С. 607). В июне того же года большевики расстреляли его старшего брата Александра. Только 29 августа 1921 Г. получил возможность уехать за границу вместе с женой и после двухлетних скитаний (Выборг, Прага, Белград) с июля 1923 поселился в Софии, где вплоть до смерти в 1937 служил проф. богословского ф-та Софийского ун-та.

В магист. дис. «Блаженный Феодорит, епископ Киррский» Г. обстоятельно и критически рассмотрел свидетельства о жизни Феодорита (т. 1) и корпус его сочинений (т. 2). Подчеркивая несомненные достоинства работы, Болотов упрекал Г. в необъективности, утверждая, что чувство благоговения перед Феодоритом помешало автору беспристрастно его оценить (*Болотов В. В.* Отзыв о соч. Н. Глубоковского «Бл. Феодорит, еп. Кирский. Его жизнь и лит. деятельность:

церк.-ист. исслед.» // ХЧ. 1892. № 7/8. С. 58–164). В целом работа была высоко оценена не только в России, но и за рубежом. В частности, ее отметил А. Гарнак, назвавший труд Г. одной из самых выдающихся монографий по патристике того времени: «Чем больше нужно приветствовать Рус. Церковь за то, что из ее среды вышел такой труд, тем более нужно сожалеть, что автор написал свое соч. по-русски, почему его работа не найдет такого распространения, какого она по праву заслуживает» (*Harnack A. von // Theologische Literaturzeitung*. 1890. № 20. S. 502–504 = МВед. 1890. № 298).

Заняв в 1891 каф. Священного Писания в СПбДА, Г. перешел от церк.-ист. занятий, намеченных в работе о Феодорите, к библейско-экзегетич. Основным полем его науч. деятельности можно назвать исследование сочинений апостола Павла. Переход к этой сложной теме знаменовала речь, произнесенная им на ежегодном акте в СПбДА в февр. 1896: **«Обращение Савла и “Евангелие” св. Апостола Павла в связи с вопросом об отношении веры и богословия»**. Уже в след. году в «ХЧ» (№ 2–4) была опубл. статья **«Благовестие св. Апостола Павла и иудейско-раввинское богословие»**, которая легла в основу книги **«Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу: библейско-богословское исследование»** (СПб., 1897. 289 с.). За этот труд совет МДА присвоил Г. степень д-ра богословия (рец. М. Д. Муретов, Д. Ф. Голубинский). В 1902 Г. опубл. труд **«Благовестие христианской свободы в послании св. ап. Павла к Галатам: сжатый обзор апостольского послания со стороны его читателей, условий происхождения, по содержанию и догматически-историческому значению»**. Наконец, итогом многолетних исследований явилось трехтомное сочинение объемом ок. 2500 с. **«Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу»** (СПб.,

1905–1912), выпущенное на средства автора тиражом чуть более 200 экз. Полемизируя с представителями ново-тюрбингенской школы (Баур, Штраусс, Ричль, Гарнак), которые считали, что учение Павла впитало в себя многие элементы различных филос. и богословских школ, Г. последовательно доказывает, что ап. Павел является прямым учеником Иисуса, а его учение по происхождению никак «не зависит от естественных условий и обычных факторов, а постулирует к причинам высшим и имеет божественную природу» (Цит. соч. Т. 3. С. 3).

Наряду с богословским исследованием сочинений ап. Павла и Иоанна Богослова, Г. придавал значение и разностороннему ист.-филол. и источниковедческому анализу Евангелий и книги Деяний св. апостолов. На основе лекций по Священному Писанию, которые он читал студентам СПбДА, в эмиграции им были написаны две книги: **«Евангелия и их благовестие о Христе Спасителе и Его искупительном деле»** (София, 1932) и **«Святой апостол Лука, евангелист и деесписатель»** (София, 1932). В первой из названных работ рассмотрены общие вопросы, касающиеся термина «Евангелие», синоптическая проблема с подробным критич. обзором различных ее решений, предлагавшихся в то время, а также описано, как изображен Иисус и его «искупительное дело» в различных Евангелиях. Во второй работе Г. подробно останавливается на личности ап. Луки и освещает проблемы, связанные с происхождением, авторством, лит. обработкой и содержанием «третьего Евангелия» и книги Деяний св. апостолов, а также связи между ними.

Г. занимался и переводами Священного Писания на рус. яз. В 1892 по инициативе обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева и ректора СПбДА, епископа Выборгского Антония (Вадковского) ему было поручено пересмотреть и отредактировать славяно-рус. перевод

Нового Завета. Уже в конце 1892 Г. представил рукопись с замечаниями на Евангелие от Матфея, в 1893 — на Евангелие от Марка и Луки и, наконец, после некоторого перерыва, в 1897 — на Евангелие от Иоанна. Рукопись объемом ок. 1000 с. содержала замечания и исправления к Синодальному переводу.

Обдумывая поправки к тексту Нового Завета, Г. разработал и теоретич. аспекты перевода. С его точки зрения, «всякий перевод должен быть научным» (Общие указания по вопросу об исправлении славянского и русского перевода Нового Завета // ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 55. Л. 1) и поэтому обязательно должен включать в себя «критику текста оригинала по существу дела» (Там же). Издания греч. текста, которые были под рукой у Г., не представляя собой *textus receptus*, по его мнению, не могли служить образцами для перевода: «...и посторонний глаз при особенном внимании легко подметит, что греч. текст намеренно приспособлялся к славянскому, а иногда наоборот. В результате получился вид, по малой мере, настолько оригинальный, что вполне доверять ему невозможно и потому необходим постоянный пересмотр» (Общие указания по вопросу об исправлении... Л. 2). Для того, чтобы найти более точный тип греч. текста, Г. предлагал провести «восстановление первоначальной кирилло-мефодиевской редакции с точным изображением ее дальнейшей истории» (Соображения касательно исправленного греко-славяно-русского издания Нового Завета // ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 59. Л. 233), что позволит отыскать и соответствующий ему греч. прототип (Общие указания по вопросу об исправлении... Л. 11).

Г. считал, что при переводе Нового Завета на рус. язык следует отказаться от экзегетики и чрезмерной художественности: «Я желаю только, чтобы новый русский перевод не был перифрастическим (как у проф. А. А. Некрасова) и продолжал

пользоваться богатствами славянской речи без внесения славянизмов» (Соображения касательно исправленного... Л. 234). По мысли Г., «русский перевод должен держаться славянского: к этому обязывает решительно все: неподражаемая точность славянского перевода в передаче греч. речи во всех ее оттенках решительно не имеет соперников и навряд ли когда-нибудь будет превзойдена, а богатство выработанной терминологии, общие приспособления образов сообщают особую величавость» (О переводе Нового Завета // ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 53. С. 4).

Г. считал необходимым снабдить перевод подробными комментариями: «Вторым качеством научного перевода должно быть то, чтобы неясное в столь древних книгах раскрывалось для читателя и ему было дано все способствующее к уразумению слова Писания. Прежде сказать: я разумею примечания — археологические, исторические, хронологические, нумизматические и т. д., которые иногда очень сложны» (Общие указания по вопросу об исправлении... С. 4).

Будучи богословом и экзегетом, Г. понимал ценность классич. образования и неоднократно высказывался за создание каф. библейского греч. языка, причем не только в духовной академии, но и в духовной семинарии [Начало организованной духовной школы (Комитет об усовершенствовании духовных училищ) // Богословский вестн. 1917. Т. 2. № 6–7. С. 82]. Сам Г. не только отлично владел древнегреч. языком, но также внимательно следил за новейшими исследованиями в обл. библейской текстологии и новозаветного языкознания, словарями и справочниками, постоянно публикуя на них рец. в «ХЧ» и «Гермесе».

Так, в 1901 появились его рец. на монографии К. Р. Грегори и Э. Нестле по текстологии Нового Завета (С. R. Gregory. *Textkritik des Neuen Testaments*. Bd. 1. Leipz., 1900 // ХЧ. 1901. № 12. С. 988–995; E. Nestle. *Einführung in das griechische*

Neue Testament. Göttingen, 1899 // Там же. С. 995–1002), а спустя 10 лет — на сопоставительное исследование Р. Бульманна о стиле Павла и диатрибы (Гермес. 1911. № 6. С. 121–123). В 1910–1914 опубликован ряд рец. на грамматики и словари Нового Завета: фундаментальную грамматику Нового Завета Ф. Бласса в обработке А. Дебруннера он критиковал за отсутствие экзегетич. комментария (Гермес. 1914. № 6. С. 171–172). Дж. Мультона Г., напротив, хвалил за полноту охвата материала и за сочетание филологии, лингвистики и экзегетики (Там же. 1911. № 18. С. 447–448). Граматику Л. Радермахера рассматривал как работу, описывающую койне, но не имеющую ничего общего с языком Нового Завета (Там же. 1912. № 10. С. 259–261). Наконец, в одобри- тельной рец. на пособие по элементарной грамматике Г. Нанна (*Nunn H. P. V. A Short Syntax of New Testament Greek*. Cambridge, 1912) Г. отмечал, что подобные издания представляют «для России жизненную потребность» (Гермес. 1914. № 9. С. 253–254). Разбирая грамматику Септуагинты, Г. подверг суровой критике труд Р. Гельбинга, а грамматику Г. Теккерера, напротив, оценил высоко (Там же. 1910. № 6. С. 263–265). Говоря о словарях Нового Завета, Г. отметил, что словарь Г. Эбеллинга не учитывает материал церк. литературы (Там же. 1913. № 3. С. 47–48), а в словаре Э. Прёйшена (Там же. 1910. № 13. С. 331–333) и вовсе «нет научности», так как там не учтены папирусные источники, которые Г. считал важными для изучения текстов Нового Завета (ср. рец. на хрестоматию Дж. Миллигана: *Selections from the Greek Papyri*. Cambridge, 1910 // Гермес. 1910. № 19. С. 488–489).

Высоко оценив масштабное исследование Дайсмана «*Licht vom Osten. Das Neue Testament und die neuentdeckten Texte der hellenistisch-römischen Welt*» (рец.: Гермес. 1908. № 18. С. 461–468), Г. перевел на рус. язык и снабдил своими примеч. небольшое его сочинение «*Die*

sprachliche Erforschung der griechischen Bibel, ihr gegenwärtiger Stand und ihre Aufgaben» (Giessen, 1898), где были изложены основные принципы его метода (Современное состояние и дальнейшие задачи изучения греческой Библии в филологическом отношении // ХЧ. 1898. № 9. С. 356–400). Также в рус. переводе Г. вышла статья А. Тумба «*Die sprachgeschichtliche Stellung des Biblischen Griechisch*» (Theologische Rundschau. 1902. Н. 5. S. 85–99) под названием «Греческий язык Библии, особенно в Новом Завете, по современному состоянию науки» (ХЧ. 1902. № 7. С. 3–36); статьи Ж. Вито и Дж. Тейера под общим названием «Библейский греческий язык в писаниях Ветхого и Нового Завета» (Киев, 1914) (*Viteau J. Le grec biblique // Dictionnaire de la Bible / publ. par F. Vigouroux*. Т. 3. Paris, 1903. Col. 312–331; *Thayer J. H. Language of the New Testament // A Dictionary of the Bible / ed. by J. Hastings*. Vol. 3. Edinburgh, 1905. P. 36a–48b) и др.

Др. направлением науч. деятельности Г. было изучение Септуагинты. Еще студентом 3-го курса МДА под руководством И. Н. Корсунского он написал учеб. сочинение о соотношении перевода 70 толковников и еврейских текстов. К этой важной филол. проблеме Г. возвращался на разных этапах своей науч. карьеры: еще в 1894 он опубликовал статью «**К вопросу о взаимном отношении греческого перевода LXX-ти**» (ХЧ. 1894. № 3–4. С. 341–362), однако итог многолетних раздумий был подведен Г. почти через 40 лет в статье «**Славянская Библия**» [Сб. в честь на проф. Л. Милетич: за седемсетгодишнината отъ рождението му (1863–1933). София, 1933. С. 333–349], где он пришел к выводу о текстуальном превосходстве Септуагинты над масоретским текстом, обосновывая это тем, что текст Септуагинты, в отличие от масоретской редакции, «не подвергся ревизионному досмотру иудейских цензоров» и потому представляет более древний и менее поврежденный источник.

Творчество Г. было исключительно разносторонним: только в трудах по библиистике и церк. истории у него наряду с экзегетикой и богословием, которые он считал основными направлениями изучения Священного Писания, присутствует ист.-филол., источниковедческий, текстологич. и лингв. анализ. Поздравляя Г. с 35-летием ученой деятельности, Н. Бонвеч писал: «Вы сумели также установить живую связь и с западным ученым миром. Вы сделали своим для русского богословия то, что там было выработано в области богословия, и постарались также доставить русскому богословию доступ в западный мир. При этом Ваш интерес был направлен не только к тому, чтобы представлять чистую науку, но и к тому, чтобы оказывать услуги в церковной и религиозной жизни» (35-летие ученой деятельности проф. Н. Н. Глубоковского. София, 1925. С. 31). Сам Г. был весьма сдержан в оценке собственных трудов, как и в оценке отеч. библейской науки в целом: «Мы никак не можем похвалиться, — писал он, — приобретениями русской экзегетики <...> Достаточно констатировать, что мы доселе не имеем систематических опытов научного комментария на всю Библию и, по-видимому, не замечаем этого страшного пробела» (Церк. вестн. 1909. № 49. С. 1502).

Литература: Юревич Д. В., диак. Проф. Н. Н. Глубоковский. Библиист, опередивший время (к 140-летию со дня рожд.) // Церк. вестн. СПб., 2003. № 12. С. 29–33; 2004. № 1–2. С. 43–48; Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский. Путь церковного ученого (по архивным материалам) // МРВ. С. 119–171; Грилихес Л., прот., Юревич Д., свящ. Библейско-богословская деятельность профессора Н. Н. Глубоковского в эмиграции // Глубоковский Н. Н. Библейский словарь. Сергиев Посад; Джорданвилль, 2007. С. 6–18; Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.; СПб., 2010 (библиогр. указатели к соч. Н. Н. Глубоковского на с. 954; библиография соч. о нем — с. 947–954); Савич Д. Н., прот. Ординарный профессор Н. Н. Глубоковский и его «Замечания на славяно-русский перевод Евангелия Матфея, Марка,

Луки и Иоанна» (история рукописи) // Скрижали: новозаветные исследования. Вып. 4 / сост. и гл. ред. В. В. Акимов. Минск, 2012. С. 10–20; Сборник в памет на проф. д-р Николай Никанорович Глубоковский. София, 2016 (Forum Theologicum Sardicense, prius Богословская мысль. 2014. № 2. An. 19) ♦ Брокгауз; ПЭ; БРЭ; Бузескул 2008; Биографика СПбГУ.

Архивы: ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1 и 2; ШИА СПб. Ф. 2162; РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 1067, 1068, 1069; РГИА. Ф. 802. Оп. 17. № 263; Архив МДА; Архив Св.-Троицкого монастыря и духовной семинарии в Джорданвилле; София, частное собрание [см. опись: *Иеромонах Петр (Еремеев)*. Софийский архив Н. Н. Глубоковского // Церковь и время. 2003. № 23. С. 140–156].

Е. А. Дружинина

ГНЕДИЧ Николай Иванович

GNEDIČ N. I.

[2(13).2.1784, Полтава — 3(15).2.1833, Петербург; Некрополь мастеров искусств Александро-Невской лавры], переводчик «Илиады», поэт

Из древнего казацкого рода, получившего дворянство при Екатерине II (тогда же фамилия Гнедёнко изменена на Гнедич). Мать умерла вскоре после рождения Г., отец не занимался сыном. В раннем детстве Г. переболел оспой, которая изуродовала его лицо и лишила правого глаза. Учился в Полтавской духовной семинарии (1793–1797), Харьков. коллегииуме (1797–1800) и Моск. ун-те (начиная с Благородного пансиона). Несмотря на «отменное прилежание и успехи», ун-тского курса не окончил из-за отсутствия средств. В дек. 1802 перебрался в Петербург, где занимал мелкие должности (1803 — писец, 1805–1817 — младший помощник столоначальника) в департаменте МНП (под руководством И. И. Мартынова) и канцелярии Гос. совета (1814–1827; письмоводитель, экспедитор). Положение Г. поправилось с получением в 1809

«пенсiona на совершение перевода» Гомера (1000 руб. годовых по ходатайству кн. И. И. Гагарина и вел. кн. Екатерины Павловны, которой посвящен перевод VII песни «Илиады») и началом службы в ИПБ (был приглашен А. Н. О л е н и н ы м для разборки книг и рукописей в 1810, с 1811 состоял помощником библиотекаря, с 1826 — библиотекарем). Чл. Российской академии (с 1811); чл.-корр. АН (1826). Почетный вольный общник Академии художеств (1830), участник ряда лит. объединений, в т. ч. ОЛРС. В последние годы тяжело болел; с янв. 1831 находился в отставке.

Лит. дарование Г. было замечено уже учителями семинарии, которые и рекомендовали его в коллегиум (с серьезной программой по словесности и древним языкам). Из моск. наставников на Г. повлиял (в т. ч. комментариями к антич. авторам) П. Сохацкий, однако настоящей школой Г.-переводчика «Илиады» стали лит. кружки Петербурга. Его недолгий со-служивец по МНП и друг поэт К. Н. Батюшков, увлеченный античностью и трудами Винкельмана, ввел Г. в дом своего влиятельного родственника М. Н. Муравьева и в ВОЛСНХ, членом которого Г. не стал, но неоднократно печатался в близких Общ-ву альманахах «Северный вестник» и «Цветник». Со временем отличный декламатор, вежливый, хотя «несколько чопорный» (П. А. Вяземский) собеседник и «усердный данник моды» (с появлением к тому средств), Г. стал желанным гостем петерб. лит. салонов (см.: Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX в. М., 2001, по указ.), находился в приятельских отношениях с И. А. Крыловым, В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, Е. А. Баратынским, А. А. Дельвигом, П. А. Плетнёвым и др. В печати дебютировал переводами и подражаниями европ. поэтам, прежде всего Шиллеру — анонимно выпущенный сб. «**Плоды уединения**» (М., 1802). Читательский успех, по воспоминанию С. П. Жихарева (*Жихарев*. С. 191), принес

Г. перевод «Заговора Фиеско в Генуе» Шиллера (СПб., 1803); либерально настроенная молодежь оценила и одические вариации Г. «**Общежитие**» (Сев. вестн. 1804. № 5) и «**Перуанец к испанцу**» (Цветник. 1805. № 11), вольнолюбивые мотивы которых резонировали с распространявшимися в России антитираническими настроениями. Прозаические дебюты Г. прошли незаметно, за исключением кровавого романа «**Дон Коррадо де Геррера, или Дух мщения и варварства гишпанцев**» (М., 1803), иронически разобранного в «Московском Меркурии» (1803. № 10). После этого отзыва Г. долго публиковался под различными криптонимами (*Голубева О. Д. Н. И. Гнедич*. СПб., 2000. С. 6) и со временем вынес себе честный приговор (сохранился на копии романа в РНБ): «Простить можно, а посечь бы надобно».

На лит. вкусах Г. отразился его интерес к народной поэзии (из детства вынес воспоминания об импровизациях кобзарей) и увлечение декламацией: участвовал в семинарских «вертепах» и ун-тских спектаклях, «проходил роли» с актрисой Е. Семёновой, для которой переложил на рус. язык трагедии Шекспира и Вольтера (*Леар*. СПб., 1808; *Танкред*. СПб., 1810). Пафос эпохи и трудности личной судьбы предопределили тягу Г. к гражданской поэзии (см.: **О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора»** // СО. 1816. № 27), а его человеческим идеалом надолго стал полководец (и ценитель костровского перевода Гомера) А. В. Суворов (*Тиханов П. Н. И. Гнедич: несколько данных для его биографии по неизданным источникам*. СПб., 1884. С. 73). Первые переводы из Гомера Г., по совету дружески расположенного к нему земляка В. В. Капниста, показал Державину на заседаниях «Беседы любителей русского слова». Хотя мелкотемье и сословная спесь «Беседы...» со временем стали раздражать Г. (см. его пародию: «Верую во единого Шишкова, отца и вседержателя языка славянонорвежского...») и даже привели

к столкновению с Державиным, он до распада кружка оставался его «клеветом»; у Шишкова и Державина встречался с И. М. Муравьевым - Апостолом, М. М. Сперанским, А. С. Стурдзой и другими известными современниками. «Университетом» же Г. стал лит. салон Оленина, рассматривавшего «немаловажные труды в пользу русской словесности» своего сотрудника как часть библиотечной службы и не скупившегося на поощрения. Археолог-любитель, Оленин разъяснял Г. некоторые реалии гомеровского текста и привлекал для консультаций петерб. эллинистов С. Ю. Дестуниса, Ф. Б. Грефе (см. разд. «Переписка с разными лицами по поводу предпринятого Н. И. Гнедичем перевода Гомеровою Илиады» в кн.: *Оленин А. Н. Археологические труды*. СПб., 1877. Т. 1). Благодаря его покровительству Г. смог завершить свою «Илиаду», начало работы над которой относил к 1806–1807: по воспоминанию С. П. Жихарева (С. 424), на вечере у Шишкова 17 марта 1807 Г. уже с «необыкновенным одушевлением и напряжением голоса» читал переводы из VIII песни. До Г. «Илиада» была переведена прозой на рус. язык П. Екимовым: «хотя Г. нигде не упоминает о Екимове, он, несомненно, читал его и притом очень усердно» (Егунов. С. 55), а отд. ее части появлялись и в стихотворных переложениях (М. В. Ломоносова, В. Г. Рубана, Е. И. Кострова, А. Х. Востокова). Вначале Г. лишь планировал завершить принятый публичкой перевод Кострова (1787; песни I–VI), выполненный по франц. переложениям поэмы; но уже при переводе VII песни (опубл. в «Прибавлении» к «Драматическому вестнику» за 1808 и «Чтениях в Беседе...» за 1812) ощутил несоответствие ямбической передачи эпоса. Вскоре вышли (посмертно) и переводы Кострова VII, VIII и части IX песни, которые окончательно убили интерес Г. к «ямбическому» Гомеру: он хуже Кострова владел alexandрийским стихом, был не всегда точен в рифмах,

не мог достичь эквилинейности перевода, к тому же заимствовал у Кострова некоторые неудачные образования вроде «началовождь» (Егунов, Зайцев. С. 421).

Спасительному отказу от alexandрийского стиха предшественников способствовали еще напечатанный в 1811 «Памятник дактило-хореическому вятю» А. Н. Радищева (с апологией «Тилемахиды» и «шестистопов» Тредиаковского) и поддержка С. С. Уварова, опубликовавшего «Письмо к Н. И. Гнедичу о русском гексаметре» (Чтения в Беседе любителей русского слова. 1813. № 13; там же см. ответ Г. и фрагменты его нового перевода, на который «ополчились все старообрядцы», по словам Д. В. Дашкова — см.: Арзамас. Кн. 1. С. 212). Развернувшаяся в печати дискуссия о перспективах рус. гексаметра взамен «скудного и сухого alexandрийского стиха, рифмою прикрашенного» и подобного «Ахиллу во французском платье» (Арзамас. Кн. 2. С. 82), рус. аналог спора Ф. Клопштока и И. Г. Фосса (*Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха*. М., 1984. С. 125), прекратилась сама собой после публикации уже уверенных гекзаметров Г., которые Уваров (Чтения в Беседе... 1815. № 17), возражая Капнисту, защищавшему былинный хорей, назвал «блистательными». Преимущества гексаметра, раскрепостившего строку для знаменательной лексики, сложных эпитетов и перифраз, можно заметить, сравнив переводы Г. 1808 и 1828 (VII, 233 и след.):

«Великий вождь Троян возвысил голос свой: / “Божественный Аякс, преславный меж вождями! / Не испытай меня, как отрока, словами, / Или несведущу кровавых битв жену; / И я могу творить и битву и войну”»;

«Но ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий: / “Сын Теламонов, Аякс благородный, властитель народа, / Тщетно меня ты, как будто ребенка, испытывать хочешь / Или как деву, которая дел ратоборных не знает. / Знаю доволья я брань и кровавое мужеубийство”».

К обсуждению частных проблем рус. гекзаметра, в т. ч. использования хореев (Г. допускал их умеренно — в 2549 из 15 690 стихов, что, напр., Востоковым, склонным к буквальному калькированию греч. ритма, воспринималось как ритмическая бедность), безударных частиц и союзов в начальной позиции и т. п., Г. возвращался еще в статье **«Замечания на опыт о русском стихосложении г-на В. и нечто о прозодии древних»** (ВЕ. 1818. Ч. 99) и предисловии к полному изданию перевода (1829), доказывая естественность «русского гекзаметра», существовавшего «прежде, нежели начали им писать»: «мы только заняли имена греческие для стоп русских» (Гнедич Н. И. Стихотворения. М., 1956. С. 317). Из письма Г. 1813: «Благодарение богу, что он мне дал добрую совесть. Она жестоко начала упрекать меня за Гомера. <...>. Как ты можешь стих Гомера, состоящий из 17 слогов, вместить в 12 и сохранить его достоинство? <...> Я поклонился г-же Совети, закрыл Илиаду и начал рассуждать с рассудком <...>. Наконец он заставил меня заглянуть в Эфестиона <...>, и я увидел, что героический гекзаметр имеет до 17 вариаций» (Овен О. Н. Известные письма Н. И. Гнедича И. М. Муравьеву-Апостолу // РЛ. 1978. № 2. С. 117–118).

Параллельно Г. экспериментировал с приемами передачи гомеровского идиолекта, для чего использовал церковнослав., диалектные, фольклорные источники, создав в итоге «небывалый язык, в котором соседствовали славянизмы “риза” и “дондеже”, древнеруссицизмы “сулица” и “гридня”, диалектизмы вроде “господыня”, грецизмы вроде “скимн” и “фаланга”, неологизмы вроде “охап” или “избава”» (Гаспаров М. Л. Еврипид Иннокентия Анненского // Еврипид. Трагедии. М., 1999. Т. 1. С. 596). Гаспаров же назвал перевод Г. одной из двух главных удач рус. антич. перевода наряду с «Золотым ослом» М. А. Кузмина (Гаспаров М. Л.

Записи и выписки. М., 2001. С. 320). Заявив себя сторонником «буквального» перевода («обуздания собственного духа» ради «выгод Гомера»), Г. двигался к идеалу филол. перевода, хотя и разрешал себе некоторые «романтические» анахронизмы вроде мотива святости свободы [XVI. 831: «Наших супруг запленишь и, лишив их священной свободы...» — этот эпитет в передаче формульного стиха раздражал еще И. Ф. Анненского (ФО. 1896. Т. 11. С. 63)]. В целом современные исследователи признают перевод Г. достаточно точным: «Подходя к переводу Г., вооруженные более чем 150-летним опытом дальнейшего развития гомеровской филологии, мы находим лишь единичные случаи, когда понимание Г. гомеровского текста представляется несомненно ошибочным» (Егунов, Зайцев. С. 422).

Датой окончания своего главного труда Г. называл 15 окт. 1826, но доработка перевода продолжалась еще около полутора лет. Долгожданная публикация **«Илиады» Гомера, переведенной Н. Гнедичем** (СПб., 1829), стала общественно-лит. событием. Из восторженных рецензий

(Моск. вестн. 1830. № 4; Моск. телеграф. 1830. № 12 и др.), назвавших его труд «сокровищем языка», Г. выделил «несколько строк» Пушкина в «Лит. газете» (1830. № 2; без подп.), поставив их выше пожалованного царского перстня; поэт посвятил переводу-эпохе еще известное двустишие «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...». С выходом 2-го издания «русской Илиады» (1839; с поправками, внесенными Г. в экземпляр 1829) возобновился более резкий, чем при жизни переводчика, спор о его стиле. В. Г. Белинский, назвавший в письме труд Г. вторым для себя после стихов Пушкина источником наслаждения (Белинский. Т. 9. С. 243), страстно защищал его от критики «невежд» (ОЗ. 1839. № 11). Между тем были предприняты первые попытки превзойти «тяжелый Гнедичев перевод», в т. ч. Б. Ордынским, который заслужил скептическую отклику М. Н. Каткова (Несколько слов о попытках переводить Гомера на простонародный русский язык // Пропилеи: сб. статей по классич. древности. Кн. 4. М., 1854. С. 561).

Понимавший, какая «мгла лежит на рощах русского Ликеея», Г. занимался и комментарием к переводу, но не закончил его. Плодом его чтения комментариев к Гомеру (Ф. Вольфа, Х. Гейне, И. Г. Фосса, П. Битобе и др.) стали еще поэтич. раздумье «**Рождение Гомера**» (СПб., 1817) и статья «**О тактике ахейн и троян, о построении войск, о расположении и укреплении станов у Гомера**» (СО. 1826. № 20). В свой последний прижизненный сб. «**Стихотворения Н. Гнедича**» (СПб., 1832) автор включил и ранние (1809–1810) переложения гомеровских гимнов [«одни из самых изящных стихотворений Гнедича» (Езунов. С. 151)], хрестоматийного «Кузнечика», идиллии Феокрита «Сиракузянки», живой речью которой, возможно, хотел возразить адептам салонной версии этого жанра. Данью Г. идиллической моде стали еще стихотворения «Циклоп» (1813;

в пародийном образе циклопа представлен сам Г.) и «Рыбаки» (1822). Любовью к народной поэзии проникнуты и переводы Г. из новогреч. поэзии «**Простонародные песни нынешних греков**» (СПб., 1825), напр., песня о бойце Кальякуде (X): «Зачем я не птица! Взлетел бы, взвился бы высоко, / Взглянул бы на франков, на остров Итаку печальный, / Подумал бы я, как младая жена Кальякуда / Тоскует, горюет и черными плачет слезами...». Цензор А. Л. Крылов извинял их вольнодумство слишком близким знакомством переводчика с «духом классических творений» (РС. 1904. № 1. С. 208).

Признанный лит. мэтр 1820-х, Г. оказал влияние на многих молодых поэтов, охотно посещавших его квартиру при ИПБ (по словам Н. И. Греча, «приют благородной и изящной простоты, тишины, кротких бесед и дружеских излияний»). Наивное менторство, к которому он имел склонность, — за «страстишку к афоризмам» еще в ун-те был окрещен «ходульником» (Жихарев. С. 422) — воспринималось друзьями не без иронии (см. послание Баратынского «Гнедичу, советовавшему сочинителю писать сатиры»), но гражданская честность, отзывчивость («ходячая душа») и самоотверженность Г. не могли не вызывать уважения. В. К. Кюхельбекер (Путешествие. Дневник. Статьи. М., 1979. С. 351) вспоминал в ссылке общение с Г. как «одно из сильнейших впечатлений своих светлых лет». Поражение декабристов (среди них — товарищ юности А. П. Юшневский), смерть любимых сестры и племянницы запустили всегда дремавшие в Г. болезни и депрессию. Завершивший труд своей жизни и находивший человеческие «притязания на вечность слишком преувеличенными» (Записные книжки // Сб. ОРЯС АН. 1884. Т. 33. С. 74; отд. отт.), он «перестал слушать врачей, бросил лекарства и спокойно ждал смерти» (СО. 1842. № 11. С. 28). Надпись на его надгробии гласила: «Гнедичу, обогатившему

русскую словесность переводом Омира. Речи из уст его вещей сладчайшие меда лилися».

Литература: Письма декабриста А. П. Юшневского. Киев, 1908; *Георгиевский Г. П.* А. И. Оленин и Н. И. Гнедич // Сб. ОРЯС АН. 1914. № 1; *Толстой И. И.* Гнедич как переводчик «Илиады» // Гомер. Илиада. Л., 1935; *Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955; *Медведева И. Н.* И. Гнедич // Гнедич Н. И. Стихотворения. Л., 1956; *Эткнд Е.* Русские поэты-переводчики от Третьяковского до Пушкина. Л., 1973; *Егунов А. Н., Зайцев А. И.* «Илиада» в России // Гомер. Илиада. Л., 1990; Арзамас. Сб.: в 2 кн. М., 1994; Егунов; *Майофис М.* Воззвание к Европе. Литературное общество «Арзамас». М., 2008; *Ермолаева Е. Л.* Заметки о переводе «Илиады» Н. И. Гнедичем // Древний мир и мы. Вып. 4. С. 326–349; *Burgi R.* A History of Russian Hexameter. Hamden, Connecticut, 1954 ♦ Брокгауз; Прозоров; Черняев; *Павловский И. Ф.* Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии. Полтава, 1912; Воронков; КЛЭ; Свясов; СРНБ; РП; Серков; Геннади 2006; Российская академия наук.

Архивы: Личные фонды: РГАЛИ. Ф. 1225 (11 ед.); ОР РНБ. Ф. 197 (55 ед.). Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Ф. 244 (А. С. Пушкин), 525 (С. Г. Краснокутский), 475 (В. А. Жуковский); РГИА. Ф. 733; ОР РНБ. Ф. 18 (В. Г. Анастасевич).

В. П. Смышляева

ГОФ(Ф)МАН Август Адольфович

HOFFMANN Johann Jakob
Karl August

[12.8.1829, Ганновер (Германия) — 3(15).1.1897, Петербург; Никольское кладб. Александро-Невской лавры], филолог, педагог

По окончании гимназии в г. Оснабрюк занимался филологией в Гёттингенском и Эрлангенском ун-тах (д-р философии). В России с 1859; в 1867 принял рос. подданство. После недолгого преподавания

древних языков в Выборге (частная гимназия Бема, 1859–1860) был приглашен домашним учителем в семейство попечителя Киевск. УО Н. И. Пирогова (1860–1861; жил в его подольском имении), при содействии которого сдал в Киевск. ун-те экзамен на право преподавания нем. языка в российских гимназиях (1861); там же через три года был удостоен степени кандидата (1864). Пед. службу в России начинал в Нежинском лицее (1861), затем был назначен учителем нем. языка в Киевск. 1-ю гимназию (1862–1868; с 1863 — надзиратель пансиона, с 1866 — учитель лат. языка). В 1868 Г. был приглашен для преподавания древних языков в Петерб. 3-ю гимназию; с 1873 — инспектор Петерб. 2-й прогимназии, с 1879 — директор образованной на ее базе Петерб. 7-й гимназии (см. п. д. 1896 — РГИА. Ф. 733. Оп. 135. № 348). Преподавал также нем. язык в Рождественской женской гимназии (1880–1886), возглавлял пед. советы ряда женских гимназий (Спешневой, Стоюниной и Стеблин-Каменской). В 1870–1880-е — деятельный участник объединения преподавателей древних языков при МНП (с 1873 — Петерб. ОКФП).

Педагог-практик, в печати Г. выступал преимущ. с лит. обзорами и рецензиями на учебно-методич. издания: «Критический обзор учебников по истории древней греческой литературы, появившихся в новое время» (ФЗ. 1864. № 5), «Разбор руководств по латинскому языку, составленных Мадвигом и Тишером» (Циркуляры Киевск. УО за 1866) и др. Издал для гимназич. нужд несколько речей Цицерона, в т. ч. «О назначении Кнея Помпея полководцем» (СПб., 1869; см. положит. рец. Р. А. Фохта: ЖМНП. 1869. Ч. 144. Июль; 2-е изд. удостоено в 1877 Малой Петровской премии), «За Секста Росция Америкского» (СПб., 1881; ⁵1913), «Первая и вторая речи против Катилины» (СПб., 1894. Ч. 1–2; см. рец. П. Перлова: ФО. 1895. Т. 9). И. В. Помяловский

в рец. на 2-е изд. «О назначении Кнея Помпея...» (ЖМНП. 1877. Июль) хвалил Г. за использование при подготовке текста качественных изданий и обстоятельных комментариев; у более строгого рецензента Э. А. Верта (ЖМНП. 1877. Авг.–сент.) труд Г. вызвал много нареканий орфографич. («quum» вместо «cum», «j» вместо «i», «Кай» и «Кней» в рус. тексте) и стилистич. толка. В гимназич. программах Г. публиковал, возможно, тексты и др. авторов: так, в 1873 он приглашает А. И. Георгиевского на свой доклад по поводу издания Цезаря (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 693. Л. 8). Г. — автор ряда пособий по нем. языку: **«Немецкая грамматика, изложенная сравнительно с русскою»** (СПб., 1883–1886. Ч. 1–2), **«Синтаксис немецкого языка, изложенный сравнительно с синтаксисом русского языка»** (СПб., 1883–1886. Ч. 1–2), **«Начальная хрестоматия немецкого языка для мужских гимназий и прогимназий»** (СПб., 1897–1899. Ч. 1–3); он принимал участие и в работе над «Кратким очерком римских древностей» Н. В. С а н ч у р с к о г о. По воспоминаниям учеников Петерб. 7-й гимназии, которых очень развлекал акцент директора («выковаривание»), Г. был знатоком древних языков и справедливым наставником (*Васенко П. Г. Мелочи прошлого быта. СПб., 2004. С. 98*). После смерти Г. («паралич сердца») его наследники передали в дар б-ке Петерб. ун-та более тысячи томов изданий по филологии и десять рукописей.

Л и т е р а т у р а: Аничков; *Георгиевский А. И.* К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб., 1902; *Кусов Н. А.* Двадцатипятилетие С.-Петербургской Седьмой гимназии. СПб., 1893; Столетие Киевской Первой гимназии. Киев, 1911. Т. 1 (библ.) ♦ Прозоров; Венгеров (Источники, Список); Воронков; Сайтов 2006; ЕАД.

А р х и в ы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733, 740; ЦГИА СПб. Ф. 72 (Петерб. 7-я гимназия).

В. П. Смышляева

Г Р А Ф (Ф) Герман Вильгельмович (Александрович)

GRAFF Hermann
Wilhelm Alexander

[5(17).4. 1829, усадьба Радалка, с. Кокнесе (*нем.* Glauenhof b. Kokenhusen), ныне Кокнесский край, Латвия — 26.4(8.5).1879, Петербург; Волковское кладб.], *филолог, педагог*

Из семьи портного. По окончании Рижской гимназии занимался классич. филологией в Дерпт. ун-те (1847–1850, кандидат), там же выдержал экзамен на гимназич. учителя древних языков (1852). В 1852–1853 преподавал частным образом в Лифляндии, с января 1854 по 1867 — старший преподаватель в Дерпт. гимназии. Магист. дис. **«De Romanorum laudationibus commentatio»** (защита: Дерпт. ун-т, 1862; магистр филологии); в 1864–1868 прив.-доц. по каф. древнеклассич. филологии, истории литературы и педагогики Дерпт. ун-та: читал энциклопедию филологии, историю римск. литературы, мифологию, греч. и лат. авторов. В 1868 был приглашен в Петербург, где до скорострительной смерти (инсульт) занимал должность директора ГНУ св. Петра (л. д. — ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. № 316).

Г. — представитель ист.-лит. направления. Для его сочинения о жанре римск. похвальной речи «De Romanorum laudationibus» основным материалом послужила проза классич. эпохи и несколько эпиграфич. текстов. При обсуждении *laudatio iudicalis* и *laudatio funebris* Г. большое место уделит обсуждению положений «Риторики для Герения», авторство которой Г. приписывал Атею Филологу. Эту тему развивал еще в статье **«De Ateio Philologo, nobili grammatico Latino»** (Bull. AS. 1860.

Т. 3. Р. 112–151; перепеч.: MGR. Т. 2. Р. 274–320), рассмотрев в связи с этим необычный для римлянина когномен, биографию и творчество Атея Филолога (по Г., афинского грека, захваченного сулланскими солдатами, ученика Гермы, друга Саллюстия и наставника Азиния Поллиона).

Вторая академич. публикация Г. «*Mittheilung aus einer Pariser Handschrift*» (Bull. AS. 1864. Т. 7. Р. 21–45; перепеч.: MGR. Т. 2. Р. 549–584) — коммент. издание анонимного астрономического и физического фрагмента, помещенного в конце рукописи с астрологическим трактатом (этот текст по сей день остается почти не изученным, хотя представляет интерес для истории античной доксографии).

В петерб. период Г., видимо, отошел от науч. занятий. В должности директора ГНУ св. Петра он основательно реформировал программы преподавания, произвел реконструкцию здания, увеличив число классных помещений. За годы его директорства количество учащихся выросло почти вдвое (с 711 до 1254). Его преемник Э. Э. Фризендорф, продолживший реформирование ГНУ св. Петра, весьма положительно оценивал деятельность Г. на посту директора (см. его «*Erinnerungen eines alten Pädagogen*»: *Baltische Lebenserinnerungen* / hrsg. v. A. Eggers. Neilbronn, 1926). В 1859/60 учеб. году, возможно, временно преподавал также в Уч-ще св. Анны (см.: *Jahresbericht der St.-Annenschule*. SPb., 1860. S. 5).

Литература: Обзор деятельности императорского Дерптского университета на память о 1802–1865 годах. Дерпт, 1866; Петухов; *Смирнов В. В.* St. Petrischule: школа, что на Невском проспекте за кирхой. СПб., 2006; *Petrischule* ♦ Нагуевский; БС Юрьев. ун-та (библ.); Венгеров (Словарь, Список); НР; Саитов 2006; *Album Dorpat*; DBBL.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 272 (ГНУ св. Петра; в т. ч. ф. с. разных лет: Оп. 1. № 314, 370).

В. П. Смышляева

ГРАЦИЛЕВСКИЙ Иван Михайлович

GRACILEVSKIJ I. M.

[1794, Владимирская губ.? — 8(20).2.1838, Петербург; Смоленское кладб.], *филолог-ориенталист, преподаватель лат. языка*

Из духовного сословия. Окончил Владимирскую духовную семинарию и Петерб. ун-т (1823, кандидат по отделению вост. словесности; начинал обучение в ГПИ). Ученик известных ориенталистов той поры — Ж.-Ф. Шармуа и М. Топчибашева, Г. специализировался в арабской и персидской филологии. Считался одним из наиболее даровитых филологов своего курса (Григорьев. С. 77), по окончании был оставлен (с учетом успехов и благонравия) в ун-те для преподавания персидского языка (1823–1828); секр. Училищного комитета при Петерб. ун-те (1825–1830, без жалования). Одновременно преподавал рус. язык в Ин-те глухонемых (1823–1827; также надзиратель), географию в Петерб. 3-й гимназии (1827–1829), занимал должность делопроизводителя в Особом комитете по устройству приходских уч-щ. В 1829 был командирован попечителем Петерб. ун-та в Лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон (под командованием Азамат-Гирея) для преподавания рус. языка. По возвращении (1831) служил учителем лат. языка в Петерб. 2-й гимназии и Петерб. Владимирском училище (1836–1837). Уволившись «по состоянию здоровья» в июне 1837, вскоре скончался от чахотки.

Судьба Г., способного лингвиста, типична для эпохи становления отеч. ун-тского образования. Его годы учения совпали с разгромом Петерб. ун-та («дело профессоров» 1821–1822), от которого пострадал и его руководитель — ученик знаменитого С. де Саси, проф. Ф. Шармуа («чадо революции и бунтовщик»),

по определению Д. Рунича), фактически прекративший на год занятия в знак протеста (Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982. С. 42–43). В период службы в Гвардейском взводе Г. составил на основе кириллицы алфавит и элементарную грамматику бесписьменного в то время черкесского языка, что в 1830, по представлению А. Х. Бенкендорфа, было отмечено бриллиантовым перстнем. Филол. наклонности Г., который еще в студенчестве написал учеб. пособие «**Опыт персидской грамматики**» (не издано, но заслужило одобрительный отзыв О. И. Сенковского и награду в 300 руб.), остались не подкрепленными серьезной теоретич. подготовкой, хотя он, не будучи специалистом по классич. филологии (греч. язык изучал в меньшем, чем студенты-классики, объеме), показал очень хорошие результаты в изучении лат. языка. Г. был, по-видимому, талантливым и ответственным педагогом: в его ф. с. 1837 (РГИА. Ф. 733. Оп. 23. № 44) перечислено немало поощрений за «отлично усердную и ревностную» службу. Г.-латинист оставил по себе добрую память среди учеников 2-й гимназии: помимо классов он занимался с малоуспешными дополнительно (без жалования). Один из них, А. Родионов, вспоминал Г. как отличного методиста и отзывчивого наставника: «Хотя он, вероятно, по духу того времени, зачастую являлся в класс, особенно в послеобеденное время на уроки, в нетрезвом виде, тем не менее умел приохотить учеников к занятиям, всегда разъяснял задаваемый урок и заставлял нескольких учеников повторить, чтобы удостовериться, что его поняли» (Пятидесятилетие Второй С.-Петербургской гимназии: воспоминания. СПб., 1880. Вып. 1. С. 80). Заметив серьезные проблемы у воспитанников с рус. грамматикой, Г. попутно объяснял и ее основы, с оговоркой «ведь я вас не русскому языку учу, а объясняю вам общую грамматику».

Столь же деликатен был Г. и в порицаниях: желая пристыдить лентяя, лишь советовал ему обратиться за консультацией к своей дочери (на момент смерти Г. ей было 11 лет): «Моя Евгеньюшка тебе объяснит».

Литература: Плетнев; Аничков; *В е с е л о в с к и й Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879; *Курганович А. В., Круглый А. О.* Историческая записка 75-летия С.-Петербургской Второй гимназии. СПб., 1894 ♦ Григорьев; Венгеров (Источники, Список); Воронов; Маяковский и Николаев.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 439 (Петерб. 3-я гимназия).

В. П. Смышляева

ГРЕВС Иван Михайлович

GREVS / GREAVES I. M.

[4(16).5.1860, с. Лутовиново, ныне Волоконовский р-н Белгородской обл. — 16.5.1941, Ленинград; Волковское лютеранск. кладб.], *историк-антиковед и медиевист, педагог, краевед*

Из старинной дворянской семьи, родоначальник которой переехал в Россию из Англии при Петре I (англ. написание фамилии — Greaves). Отец — Михаил Михайлович Гревс, офицер, участник Крымской войны и герой обороны Севастополя. Детство Г. провел в небольшом имении отца близ с. Лутовиново в Воронежской губ. В 1873–1879 обучался в Ларинской мужской гимназии в С.-Петербурге. О гимназии у Г. впоследствии остались не самые хорошие воспоминания; однако один из преподавателей, учитель рус. языка и словесности В. П. Острогорский, оказал на него большое влияние, пробудив в юноше интерес к гуманитарным наукам (см.: *Скржинская. С.* 225–226).

В 1879–1883 обучался на ИФФ Петерб. ун-та. Являлся одним из основателей и деятельных участников студ. науч.-лит. общ-ва при Петерб. ун-те (1882–1887).

Гл. сфера науч. интересов Г. — история европ. Средневековья — сформировалась не сразу и во многом под влиянием одного из его ун-тских учителей, известного византиниста проф. В. Г. Васильевского (см. очерк Г.: **Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки** // ЖМНП. 1899. Июль. С. 27–74). Занявшись изучением истоков европ. феодализма, Г. обращается также к исследованию соц.-экон. истории Римск. империи. За выпускное сочинение «**Римско-Византийское государство в VI в., по новеллам Юстиниана и другим законодательным сборникам христианских императоров**» удостоен зол. медали и звания кандидата. По окончании курса оставлен при ун-те для подготовки к проф. званию. Успешно сдав в 1888–1889 магист. экзамены, Г. отправляется в зарубежную командировку по Германии, Франции, Швейцарии и Австрии. Путешествие (особенно — посещение Парижа) произвело на молодого ученого сильное и глубокое впечатление. Впоследствии он еще несколько раз проходит науч. стажировку за границей — в 1890–1891 и 1894–1895, гл. обр. в Италии и Франции (об этих поездках см., напр.: *Рутенбург В. И.* Встречи Гревса с Италией // Россия и Италия. М., 1993. С. 306–315). Гл. целью командировок был сбор материала для будущей магист. дис., посвященной истории крупного римск. землевладения, но параллельно Г. также изучал антич. и средневековую архитектуру и живопись, топографию Рима и археологию древнейшей Италии, посещал лекции и занимался в семинариях видных зарубежных антиковедов, медиевистов и археологов. Широка интересов и многочисленность науч. занятий в какой-то степени сыграли с Г. злую шутку: работа над дис. затянулась и неоднократно прерывалась. В итоге магист.

дис. Г. «**Очерки из истории римского землевладения, преимущественно во время империи**» была защищена в Петерб. ун-те лишь в 1900. Оппонентами на магист. диспуте Г. выступили проф. Ф. Ф. Зелинский и Ф. Ф. Соколов (см. интересные воспоминания: Варнеке. 2014. № 1. С. 150–152).

С 1884 Г. преподавал в средних учеб. заведениях С.-Петербурга (гимназия Э. П. Шаффе и др.), а с 1899 занял в Петерб. ун-те место прив.-доц. по каф. средней истории. В 1899, во время первой все-российской студ. забастовки, распоряжением министра народного просвещения Н. П. Боголепова Г. (наряду с прив.-доц. С. А. Венгеровым, проф. Н. И. Каревым и некоторыми др.) был отстранен от преподавания в Петерб. ун-те и на ВЖК за сочувствие требованиям студентов как «политически неблагонадежный». Восстановлен в ун-те в 1902, работал в качестве прив.-доц. (1902–1903), исполняющего должности экстр. (1903–1907) и орд. (1907–1918) проф.

Еще в период обучения в ун-те Г. включается в полит. деятельность: он состоял чл. нескольких студ. народовольческих кружков, собиравшихся на конспиративных квартирах (1881–1883). В 1884 арестован и привлечен к дознанию при Петерб. жандармском управлении по делу о рабочей группе партии «Народная воля» (дело М. Орлова, Н. Воронцовой и др.). По освобождении поставлен под особый надзор полиции (до 1886); с 1886 по 1903 — под негласным надзором. В 1903–1904 Г. участвует в создании «Союза освобождения», в 1905 вступает в кадетскую партию.

После Окт. революции Г. принимает решение остаться в России. Проф. каф. всеобщей истории (1918–1923, 1934–1935) и каф. истории Средних веков (1935–1941). Проф. (1892–1899, 1901–1918) и декан (1906–1918) ИФФ ВЖК. В 1921–1924 возглавлял Гуманитарный отдел Петрогр. научно-исследовательского экскурсионного ин-та.

В 1920-е, в период преобладания ист. школы М. Н. Покровского, Г. и некоторые его близкие ученики подверглись нападкам за «идеализм». В связи с этим в 1923 Г. был уволен из ун-та; он занимается лит. трудом и включается в петерб. краеведческое движение. С 1925 является сотрудником Центрального бюро краеведения. В 1927–1930 — зав. 6-кой ГАИМК. В 1930 ненадолго арестован. В 1934, после восстановления ист. ф-тов, Г. возвращается в ун-т; ему без защиты дис. присуждена степень д-ра ист. наук. Скончался в Ленинграде, в своем рабочем кабинете.

На науч. взгляды Г. в наибольшей степени повлияли его учитель В. Г. Васильевский и заочно Н. Д. Фюстель де Куланж — перу Г. принадлежит несколько работ о науч. творчестве знаменитого франц. ученого (**Новое исследование о колонате** // ЖМНП. 1886. Ноябрь. С. 118–165; Дек. С. 307–354; **Фюстель де Куланж** // Брокгауз. 1902. Полутом 72. С. 936–944). Под его ред. вышли рус. переводы гл. трудов Фюстель де Куланжа: «Происхождение общественного строя древней Франции»

(Т. 1–6. СПб., 1901–1916) и «Римский колонат» (СПб., 1908). В ходе своих командировок во Францию Г. познакомился с учениками Фюстель де Куланжа (П. Гиро, К. Жюллианом) и др. крупными учеными (Г. Буассье, Р. Канья). Сам Г. признавался, что «среди всеобщих историков в России я — один из немногих — являюсь последователем французской, а не немецкой школы. И это связано с французскими симпатиями, выросшими у меня из самого детства (отзвуки франко-прусской войны), а потом из увлечения мною книгами Фюстель де Куланжа по истории древней Франции, которые стали появляться во время моего студенчества, и из впечатлений моего первого путешествия в Париж» (цит. по: *Скржинская*. С. 233). Вслед за Фюстель де Куланжем Г. признавал эволюционный характер перехода от античности к Средневековью; истоки средневекового феодализма он находил в соц.-экон. истории Римск. империи. Среди других ученых, оказавших на него определенное, хотя и не столь сильное, воздействие, Г. сам называл также Т. Моммзена, Вяч. И. Ивана (об их взаимоотношениях см. подробнее: *Бонгард-Левин, Ляпустина*. С. 178–209), а также итал. историков Дж. де Росси и П. Виллари (*Скржинская*. С. 233). Помимо этого, Г. испытал влияние «эволюционной» теории экон. развития человечества, предложенной нем. экономистом К. Бюхером. С трудами Бюхера он познакомился во время создания своей магист. дис., когда значительная часть текста уже была написана. Как вспоминал сам Г., «его *ойкосное хозяйство* поразило меня совпадением с собственными моими частными выводами. Я тогда пересмотрел весь свой материал и свои выводы и стал “бюхеристом” в том особом смысле, который выразился в моей диссертации и основываясь на котором я могу сказать, что существует “гревсовская” теория, выросшая из бюхеровской» (цит. по: *Бонгард-Левин, Ляпустина*. С. 206).

Книга «**Очерки из истории римского землевладения**» (Т. 1. СПб., 1899), защищенная Г. в качестве дис., стала гл. его науч. исследованием по истории античности. Этот труд состоит из двух очерков, первый из которых посвящен воссозданию общей картины римск. землевладения Ранней империи по произведениям Горация, второй — истории земельной собственности Тита Помпония Аттика. По итогам исследования Г. делает вывод о господстве домовых, ойкосных форм хозяйства в Древнем Риме. Публикация дис. Г. стала заметным явлением в науч. жизни России; на нее был опубл. ряд рец., в которых труд получил высокую оценку (*Ростовцев М. И.* Рец. на магистерскую диссертацию И. М. Гревса // *Мир Божий*. 1900. № 4. С. 95–99; *Зелинский Ф. Ф.* Рец. на магистерскую диссертацию И. М. Гревса // *ВВ*. 1900. № 4. С. 586–588; *Кареев Н. И.* Книга г. Гревса о римском землевладении // *Русское богатство*. 1900. № 11. С. 1–10; № 12. С. 1–7). Второй том этого сочинения Г. намеревался представить в будущем в качестве докт. дис. Он должен был включать общий очерк образования и распространения латифундий в Римск. республике и исследование организации латифундии на примере хозяйства Плиния Младшего. Однако задуманный второй том так никогда и не вышел; Г. опубл. из него лишь отдельный очерк «**Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического расцвета римского мира (данные Петрония по аграрной истории I века Империи)**» (ЖМНП. 1905. Сент. С. 42–93). Причиной этого стал тот факт, что в 1902 нем. ученый О. Гиршфельд опубл. большую статью на схожую тему (*Hirschfeld O.* *Der Grundbesitz der römischen Kaiser in den ersten drei Jahrhunderten* // *Klio*. 1902. Bd. 2. H. 1. S. 45–72; H. 3. S. 284–315). Разочарованный тем, что его опередили, что новизна исследования, как ему показалось, утрачена, Г. забросил неоконченный труд (о чем впоследствии сожалел) и надолго

отошел от науч. занятий античностью, обратившись сначала к раннему, а затем классич. Средневековью.

Тематика его исследований в обл. медиевистики весьма разнообразна: проблемы феодализма во Франции; история и культура итал. городских коммун; творчество Данте, которое всегда особенно привлекало его (об этих штудиях см., напр.: *Каганович Б. С.* И. М. Гревс — историк средневековой городской культуры // *Городская культура. Средневековье и начало Нового времени*. Л., 1986. С. 216–235). Лишь в конце жизни Г. возвращается к антич. сюжетам. По предложению ИИ АН СССР, он занялся подготовкой к переизданию «Очерков из истории римского землевладения». Первый том был существенно переработан, а второй — написан заново. Г. практически полностью завершил эту работу, однако труд так и остался в рукописи. Увидел свет лишь небольшой очерк из второго тома [**Эпизод из истории развития земельной собственности римских императоров и ее социальной роли. Земельное состояние Ливии, второй жены Августа** // *Уч. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук*. 1941. Вып. 12. С. 27–45, подробнее см.: *Каганович Б. С.* Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И. М. Гревса // *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.)* / под ред. В. И. Рутенбурга, И. П. Медведева. Л., 1990. С. 198–216]. Уже после смерти Г. была издана его научно-популярная книга о Таците (*Тацит*. М.; Л., 1946), к творчеству которого ученый всегда испытывал особый интерес.

Много времени Г. уделял пед. работе. Помимо собственно преподавания истории в высших и средних учеб. заведениях, он являлся чл. и предс. комиссий, организовавших в С.-Петербурге несколько частных школ (Тенишевское уч-ще, Коммерческое уч-ще в Лесном, школа Балаева), предс. пед. совета женской гимназии Л. С. Таганцевой. Взгляды Г.

на проблемы современной школы нашли отражение в целом ряде его печатных работ [**Очерки современного исторического преподавания в высших учебных заведениях Парижа** // ИО. 1893. Т. 4 (совместно с П. Д. Погодиным); **Долгая трудовая жизнь на пользу детей и учителей. Памяти Э. П. Шаффе** // РШ. 1906. № 5/6. С. 238–254]. Бывшие студенты Г. вспоминают его блестящее мастерство лектора (см.: *Скржинская*. С. 244–245). Г. внимательно относился к практич. занятиям со студентами в семинарах и подготовительных просеминариях. В ун-те он много занимался организацией медиевистич. кабинета с богатой б-кой, приспособленного для самостоятельной науч. работы студентов. Особое значение в преподавании истории он отводил экскурсионному методу, выступая за то, чтобы экскурсионная практика стала обязательной частью образовательной программы не только в средних, но и в высших учеб. заведениях (см. его работы по этому вопросу: **Научные прогулки по историческим центрам Италии**. М., 1903; **К теории и практике экскурсий как орудия научного изучения истории в университетах**. СПб., 1910). Г. был также деятельным практиком в обл. проведения образовательных ист. экскурсий: готовил программу поездок, читал дополнительные лекции для их участников, сам проводил экскурсии; в 1907 и 1911 вместе со студентами своих семинариев совершил большие экскурсионные поездки в Италию. После Окт. революции, когда путешествия в Европу с учениками оказались невозможны, Г. много ездит с ними по территории Советской России, посещая древние рус. города.

Показательно, что именно пед. деятельности сам Г. отводил первое место в своих ученых занятиях. Если о собственном вкладе в науку он часто выражался скептически, во многом недооценивая значение и результаты своих исследований, то о преподавательской работе

всегда говорил и писал с удовольствием, видя в ней истинное призвание: «Все самые главные мои силы уходили на профессорство, но в работе над курсом и над семинарием я всегда действовал, как при исследовании <...> В своем преподавании и в своих учениках я был счастлив, но несчастно слагалась исследовательская работа» (*Скржинская*. С. 243–244). Подтверждением этому служит тот факт, что за годы преподавания Г. подготовил целую плеяду крупных историков, прежде всего медиевистов (О. А. Добиаш-Рождественская, Е. Ч. Скржинская и др.), навсегда сохранивших благодарную память о своем учителе.

Литература: *Скржинская Е. Ч.* Иван Михайлович Гревс (биограф. очерк) // Гревс И. М. Тацит. М.; Л., 1946. С. 223–248; *Анциферов Н. П.* Иван Михайлович Гревс / публ. Б. С. Кагановича // ПКНО. 1986. М., 1987. С. 59–69; *Бонгард-Левин Г. М., Ляпустина Е. В.* Вячеслав Иванов и диссертация И. М. Гревса по истории римского землевладения // ВДИ. 2003. № 4. С. 178–209; *Свешников А. В.* Иван Михайлович Гревс // Портреты историков. Т. 3. С. 336–360; *История и поэзия: переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова* / изд. текстов, исслед. и коммент. Г. М. Бонгард-Левина, Н. В. Котрелёва, Е. В. Ляпустиной. М., 2006; *Каганович Б. С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007; *Иван Михайлович Гревс и петербургское краеведение: сб. к 150-летию со дня рождения* / сост. Б. С. Каганович, А. В. Кобак. СПб., 2010 ♦ *Фролов 2006*; *Бузескул 2008*; *Фондообразователи*.

Архивы: СПбФ АРАН. Ф. 726 (1872–1941). 698 ед. хр. (описание фонда см.: *Архив АН СССР. Обзорение архивных материалов*. Т. 4 / под ред. Г. А. Князева, Г. П. Блока, Т. И. Лысенко. М.; Л., 1959. С. 175); ОР РНБ. Ф. 1148; ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 123. Д. 1301. Л. 6; Оп. 14. Д. 505. Л. 5–6; *Архив Музея истории СПбГУ*. Ф. ИУ. Д. 617. Л. 3 (воспоминания о Г. Е. Ф. Церетели-Тураевой, в монастыре после смерти мужа — Иулианы, бывшей ученицы Г. на Бестужевских курсах, жены акад. Б. А. Тураева), Д. 4586. Л. 7 (записная книжка Гревса 1917? г.), Д. 1282. Л. 1–8 (мемуары Н. Скрипко, бывшей ученицы Г. на ВЖК), Д. 2170. Л. 1–2 об. (запись о Г. из дневника А. Зарецкой, бывшей ученицы на ВЖК).

В. К. Хрусталёв

ГРЕФЕ**Герман Федорович**

GRAEFE Hermann

[4(16).11.1830, Петербург —

4(16).3.1873, там же], *филолог*

Сын Ф. Б. Грефе. Учился в Реформатском уч-ще, Петерб. 3-й гимназии и на филос. ф-те Петерб. ун-та (окончил в 1852; кандидат по I отделению, однокурсник К. Я. Люгебиля). По завершении ун-тского курса продолжал занятия филологией и археологией в Берлинском и Гёттингенском ун-тах. Магист. дис. «**De Concordiae et Fidei imaginibus**» (защищена: Петерб. ун-т, 1859; магистр древней словесности; в один год с Люгебилем). Возможно, недолго (1859) преподавал греч. язык в ун-те. Основная пед. деятельность Г. была связана с Петерб. 3-й гимназией (1859–1867), Уч-щем св. Петра (1859–1873) и Уч-щем правоведения (1867–1873). Служил также хранителем музея АН (с 1855). 3 марта 1873 Г. подал прошение об отставке «по совершенно расстроенному служебными занятиями здоровью» и через день скончался (ЦГИА СПб. Ф. 355. № 3844. Л. 17).

Науч. работой после ун-та Г. не занимался; по-видимому, с молодости отличался слабым здоровьем. Н. Г. Чернышевский, учившийся курсом старше Г., в сентябре 1848 записал в дневнике: «Наши переведены все, а в первом курсе оставлен Грефе» (*Чернышевский Н. Г. ПСС*: в 16 т. М., 1939. Т. 1. С. 104): из-за хронич. «катара легких» он выезжал на лечение за границу. В своей дис. «**De Concordiae et Fidei imaginibus**» (СПб., 1858) Г. обсуждает связь римск. культов Согласия (основная часть работы) и Веры с представленными в греч. литературе — от Гесиода и Пиндара до Аполлония Родосского и Павсания — образами Ὁμόνοια и Πίστις. Материалом исследования служат в основном лит. источники (Цицерон, Ливий, римск. поэзия) и изображения на монетах имп. Рима. Г. склоняется к мысли о самостоятельном

развитии у римлян обоих культов из характеристик (virtutes) Юноны, Венеры и Юпитера, причем уточняет некоторые детали их почитания, доказывая, напр., существование одного храма Веры в древнем Риме, реставрированного в разное время Атилием Калатином и Эмилием Скавром, а не трех, как утверждал И. А. Гартунг («*Die Religion der Römer*»). Помимо дис. в источниках упоминается еще программа Г. по древним языкам для воспитанников Уч-ща св. Петра: «**Einige Worte über das Studium der alten Sprachen**» (СПб., 1861). Свидетельства о преподавательской манере Г. невыразительны: его метод обучения древним языкам «основан был на постоянном повторении, чем ему и удавалось достигать блистательных результатов; ученики его всегда с благодарностью вспоминают о неутомимом преподавателе, старавшемся путем всегдашнего переспрашивания всего предмета облегчить труд запоминания грамматических форм» (Аничков. С. 136).

Литература: Статистические сведения о личном составе, воспитанниках и хозяйственной части Имп. Училища правоведения за пятидесятилетие его существования. СПб., 1885 (список); Пятидесятилетний юбилей Имп. Училища правоведения. 1835–1885. СПб., 1886; Бывшая 3-я гимназия; Фёдоров; Petrischule ♦ Воронов; Григорьев.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 355 (Уч-ще правоведения). № 3844; Ф. 439 (Петербург. 3-я гимназия). Оп. 1. № 104.

В. П. Смышляева

ГРЕФЕ**Федор Богданович**

GRAEFE Christian Friedrich

[1.7.1780, Хемниц, Саксония —

30.11(12.12).1851, Петербург;

Смоленское лютеранск. кладб.],

филолог, эпитафист

Отец Г. Грефе. Из семьи пастора. После обучения в Хемницком лицее (1792–1799)

поступил в Лейпц. ун-т (1799), где изучал геологию и классич. филологию (под руководством Г. Германа; участвовал в его Греч. общ-ве) в одно время с Пасовым, Зейдлером и Тиршем. Кандидат геологии (Дрезден, 1803); магистр свободных искусств и философии (Лейпциг, 1805; в России признан как д-р философии: Иностранные профессора. С. 73). Завершив образование, служил домашним учителем сначала в Лейпциге, с 1806 в Лифляндии (в семье ландрата К. Г. Самсон фон Гиммельшерны, на дочери которого затем женился). С 1810 служил в Петербурге. Начинал преподавателем греч. и нем. языков СПбДА (1810–1819; приглашен, видимо, М. М. Сперанским), но уже в окт. 1811 благодаря знакомству с С. С. Уваровым был утвержден орд. проф. лат. словесности ГПИ, с 1815 преподавал там греч. словесность (в возобновленном ГПИ также занимал каф. греч. словесности в 1829–1851). С основания Петерб. ун-та (1819) и до конца жизни — орд. проф. греч. словесности (одновременно каф. лат. словесности в 1822–1836); декан I отделения филос. ф-та (1836–1839, 1848), засл. проф. 1837 (см. п. д. 1837: РГИА. Ф. 733. Оп. 23. № 33). Преподавал еще в Петерб. губернской гимназии (1815–1822). Чл. Комиссии для рассмотрения учеб. книг МНП (1827). Чл.-корр. АН (1818), орд. акад. (1820, отделение греч. и римск. словесности); зав. Нумизматич. кабинетом АН (1821). С 1814 занимал различные должности в Эрмитаже: помощник библиотекаря, помощник хранителя антич. коллекции и почетный директор кабинетов антиков и медалей.

Науч. авторитет Г. в Петерб. ун-те первой половины XIX в. был очень высок: «изучение классических языков держалось единственно энергиею, требовательностью и авторитетом Грефе, на которого смотрели как на гиганта учености» (Григорьев. С. 73). Единственный в городе эллинист европ. уровня, «истолкователь

классического мира» и «столп учености», неистово преданный науке и пользующийся покровительством Уварова, которого Г. наставлял в антич. дисциплинах (вступление чувствительного к лести Уварова на пост министра в 1833 приветствовал одой «*Nos erat in votis*» как начало «золотого века» рус. классицизма). Его послужной список 1848 (ЦГИА СПб. Ф. 13. № 3989. Л. 31–39) изобилует свидетельствами необычайной щедрости к нему от учреждений и со стороны особ царского дома: бриллиантовые перстни, тысячные вознаграждения, и пособия на издание сочинений и т. п.

В науч. наследии Г., блестящего эллиниста (сочинял на греч. и поэмы «на случай»), можно выделить два тематич. цикла. Первый генетически связан с усвоенной им практикой школы Х. Гейне и Германа («*praeseptor amatissimus*»): Г. начинал с экзегезы греч. поэзии. Среди его ранних работ участие в издании 1802 А. Шнейдера «*Μουσῶν ἀνθῆ sive Selecta poetiarum Graecarum carmina et fragmenta*» (см.: Геннади 2006). Известность пришла с изданиями 1810-х: «**Meleagri Gadareni epigrammata, tamquam specimen novae recensionis Anthologiae Graecae cum observationibus criticis**» (Lipsiae, 1811); «**Observationes criticae in Meleagrum et universam Anthologiam Graecam**» (СПб., 1813); «**Epistola critica in Bucolicos Graecos ad S. Ouvaroff**» (СПб., 1815); «**Observationes criticae in Tryphiodorum**» (СПб., 1817); «**Conjecturae in Coluthum et Museum**» (СПб., 1818). Эти работы, по оценке К. Бурсиана, обнаруживают в Г. «весьма основательное знание греческого языка и исключительно счастливый талант конъектурального критика» (ADB). Последнему фундаментальному изданию Г. «**Nonni Panopolitae Dionysiacorum Libri XLVIII**» (Vol. 1–2. Lipsiae, 1819, 1826) предшествовал ряд предварительных публикаций о творчестве Нонна Панополитанского [в т. ч.: **Des Nonnos Hymnos und Nikaea**. Spb., 1813; с греч. текстом,

комментарием и поэтич. переводом на нем. язык; критика метрич. и стилистич. упрощений этого труда со стороны И. Буле частично отражена в ответе Г., включенном в изд.: *Buhle J. Des Nonnos Hymnos und Nikäa: Eine Beylage zu des Herrn Professor Graefe in St.-Petersburg deut. metr. Übersetzung dieses Gedichts* (SPb., 1813) и годы чтения Нонна с Уваровым: «Посвятив со мной несколько лет прилежному чтению огромной поэмы Нонна, Г. приступил к окончательному собранию всех материалов» (Уваров С. С. Воспоминания об академике Ф. Грефе // Учен. зап. АН по I и III отд. 1852. Т. 1, вып. 1. С. 50). Уваров по итогам этих занятий напечатал в 1817 сочинение «Nonnos von Pannopolis der Dichter», которое некоторые современники приписывали также перу Г.

Краткая оценка критич. дарования Г., который «при жизни был переоценен и недооценивается после смерти», содержится в воспоминаниях Г. С. Де ст у н и с а: «С замечательным мастерством доказывает он читателю, почему в данном случае нельзя допустить такое-то чтение и почему между поправками <...> можно и должно принять ту или другую. <...> Такой прием употреблен им при издании “Эпиграмм” Мелеагра (1810), отрывка из Нонна об “Имне и Никее” и некоторых др. отрывков в “Послании к Уварову «О греческих буколиках»” (1815). К сожалению слишком малочисленны те страницы греческой литературы, которые объяснены им по этому способу: его издания “Описания Великой церкви” Павла Силенциария <«Pauli Silentiari descriptio magnae Ecclesiae» (Lipsiae, 1822)> и всей поэмы Нонновой “Дионисиака” не сопровождаются уже таким отчетливым комментарием» (Григорьев. Примеч. 371).

В 1820-е, отойдя от серьезных текстологич. штудий, обремененный различными служебными обязанностями, Г. оставил издательскую деятельность, оправдываясь, по воспоминаниям его ученика В. С. П е ч е р и н а (*Печерин*. С. 270), невозможностью в Петербурге ученой жизни, «потому что там все

поглощается официальностью или чиновническим честолюбием». В последние десятилетия науч. интересы Г., насколько это позволяла его занятость, переместились в области греч. лингвистики в ее филос. и сравнительно-ист. освещении. Помимо науч. любознательности им двигал и просветительский интерес: сближение древнего и рус. языка могло, по его мнению, сделать более очевидной для студентов пользу изучения древних языков. Для «переходного» периода Г. показательна лекция «*Antiquitatis Graecae et Romanae loca quaedam e Russorum lingua et usibus illustrata*» (Объявление публичного преподавания наук в имп. С.-Петерб. ун-те на 1825), в которой он комбинирует традиционную критику текста с индоевроп. лексич. сопоставлениями: напр., сравнив со славянским «пегий» гомеровское прилагательное πηγός (*иплос*), предлагает для последнего новое цветочное значение — *bicolor*, «пятнистый» (Там же. С. 46); завершается лекция перифразой Цицероновского периода о «питающих науках» (см. также статью: *Lingua Graeca et Latina cum Slavicis dialectis in re grammatica comparatur*. СПб., 1827).

Об интересе «позднего» Г. к сравнительно-ист. языкознанию свидетельствуют и темы его компилятивных докладов в Академии 1830–1840-х, в т. ч.: «О глаголе и некоторых сходных грамматических формах в классических языках», «Об образовании и родстве языков», «Рассуждение о дигамме как диалектной особенности, характерной для индоевропейской языковой группы», «К разъяснению имен числительных индогерманской языковой семьи», «Готский глагол в его отношении к индоевропейской языковой семье» и др. (Летопись РАН. Т. 2. Указ.).

«Не удовлетворенный сравнительной грамматикой Боппа», Г. попытался освоить санскрит, чтобы обратиться самостоятельно к индоевропейскому контексту греч. языка (*Über griech. Verbal-Formen, die nur aus dem Sanskrit zu erklären* // MGR.

Т. 1. С. 88; там же статья: **Die Zufälligkeit der verbalen Flexions-Reihen und ihres grammat. Gebrauchs in dem Indo-Europ. Sprachstamme**). К специалистам в обл. индоевропеистики себя не причислял (*Фортунатов Ф. Н.* Воспоминания о С.-Петербур. ун-те за 1830–1833 // РА. 1869. № 2. С. 322) и редко выносил плоды своих увлечений, «мало обращавших на себя внимания за границу», в аудиторию: «метод преподавания его оставался прежним Гейневским» (Григорьев. С. 228). Как «придворный академик» отдал щедрую дань сочинениям *captandae benevolentiae causa*: «**Ad imaginem Alexandri I in museo numismatico Imp. Academiae Scientiarum**» (СПб., 1824); «**Carmen Saeculare, Graece**» (СПб., 1826), «**Imperatori Augustissimo Domino suo clementissimo quid pro tot ac tantis beneficiis universitas litteraria debeat**» (СПб., 1838) и др.

Как сотрудник Эрмитажа и помощник Е. Е. Кёлера, не испытывая личного интереса к «реальной филологии», занимался описанием музейных коллекций и археол. находок, приобретает со временем достаточный эпиграфич. опыт. Из занятий с Г. развился интерес к археологии у молодого А. С. Уварова (*Тихонов И. Л.* Археология в С.-Петербур. ун-те. СПб., 2003. С. 26). Н. И. Новосадский говорит даже о вкладе Г. в отеч. эпиграфику: «Обладая обширными сведениями по греческому языку, он, с большим знанием дела, издавал их по чужим снимкам и присоединял к ним объяснения. Так, он издал по копии Кёппена и объяснил относящиеся к правлению боспорского царя Тиверия Юлия Ининфимея (234–240) таманскую надпись “**Steinschrift aus der Zeit des Bosporanischen Königs Ininthimaios**” (MGR. Т. 1)» (Новосадский. С. 166). Отмечалась специалистами и ценность его коммент. издания греч. посвященных надписей из д. Недвиговки «**Inscriptiones aliquot Graecae, nuper repertae, restituantur et explicantur a F. Graefio**» (СПб., 1841).

В рец. на это издание И. П. Боричевский (СПб., 1842), хваля удачные дополнения Г. к хорошо сохранившимся двум первым надписям, оспаривает произвольность его реконструкций испорченных третьей и четвертой; делает также некоторые возражения по хронологии и ист. интерпретациям, осуждает также его библиогр. минимализм (небрежность ссылок на недоступные рус. читателю иностр. труды).

Отзывы о пед. деятельности Г., комментировавшего авторов на старших курсах (предпочитал Гомера, Фукидиду, Демосфена, Софокла, Феокрита, Цицерона, Горация, Вергилия, Саллюстия) противоречивы. Привлекавший слушателей своей страстью к древней поэзии, Г. до конца дней преподавал «в духе Г. Германа».

«Моя вера в пользу изучения филологии заключается вот в чем: конечная цель филологии не реальная сторона памятников древней письменности, которую передаст даже безжизненная рука переводчика, а также не формальная практика ума <...>, нет, не такова цель филологии: она состоит в открывающейся нам посредством древнего слова и классической мысли картине высокообразованного человечества» (цит. по: *Шмид Е.* История средних учеб. заведений в России. СПб., 1878. С. 247, примеч. 1).

Число его учеников в гимназии и ун-те редко превышало три-пять человек — беглое общение с профессором на лат. и нем. языке оказывалось не по силам даже лучшим выпускникам гимназий (*Чумиков А.* Петерб. ун-т полвека назад // РА. 1888. № 9. С. 130), а к пестованию учеников Г. не был расположен. Уровень получаемых от него знаний целиком зависел от инициативы студента. Фортунатов, сохранявший связь с Г. до его смерти, высоко оценивал «филологические объяснения» Г. на фоне сугубо «этимологического анализа» его адъюнктов И. Я. Соколова и Д. П. Попова: при чтении трудных мест Г. указывал,

как он исправил эти места, радовался и студ. эмэндациям, даже неудачным: «hoc per se speciosum est, tamen...» (Там же. С. 321). Н. М. Благовещенский, напротив, отзывался о преподавании Г. (лат. словесности) сдержанно: «Все это время объяснял он одного Горация, и объяснял так, что я, сравнивая комментарий его на этого писателя с комментарием, какой давал нам Сенковский на Лебида или Харирия, находил чтение Грефе крайне сухим и нисколько не вводящим в мир римской жизни. Эстетическая критика его казалась мне ничуть не выше толмачёвской, а трепет, который ощущали перед ним студенты, — происходившим единственно от незнания ими другого порядочного знатока древности» (Григорьев. Примеч. 120). Скептически с высоты прожитых лет вспоминал о бывшем наставнике и Печерин: «Хоть академик и немец, а все же едва ли бы годился быть маленьким доцентом в Оксфорде» (Печерин. С. 166). При внутреннем добродушии (любил и милостыню подавать) Г. славился необыкновенной раздражительностью («бич всех малосведущих в латыни студентов». — Никитенко. Т. 1. С. 23): рядовая ошибка в употреблении артикля в классе могла привести к погоне гневливого академика за гимназистом (Фишер К. И. Записки сенатора. М., 2008. С. 22).

По причине «горячности» Г. оставил попытки обучения греч. языку своей жены, но сумел внушить почтение к древним языкам сыну Герману. Позитивной стороной характера Г. была некоторая независимость: в «деле профессоров» 1821 он выступил с «особым мнением», за что был помечен Д. Руничем как «неблагонадежный» (Маяковский и Николаев. С. LVIII), но на правах «близкого друга Уварова» репрессий, конечно, избежал. Г. не создал значительной науч. школы, окружая себя подчас не самыми талантливыми сотрудниками и легко подавляя их (Там же. С. XC; Григорьев.

С. 73), но многие из петерб. антиковедов не без пользы прошли его критическую школу (в т. ч. Г. И. Лапшин, К. Ф. Нейлисов, К. Я. Люгемиль, И. Б. Штейнман). Единомышленник Уварова, Г. деятельно занимался методич. обеспечением образовательных программ МНП: написал несколько пособий, руководил в 1820–1830-х изданием гимназич. учебников (Воронов. Ч. 2. С. 330–331); составленное им по уставу Дерпт. ун-та «Распределение преподавания латинского и греческого языков» было прогрессивным для 1830-х и надолго определило преподавание древних языков в гимназиях. Сохранял до конца жизни завидную энергию. А. Н. Пыпин, слушавший Г. в последний год его жизни, отмечал, что и тогда он «не был похож на большинство своих немецких коллег <...>. Его собственная древность не уменьшала его горячих интересов к науке, а также к преподаванию» (Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1963. Т. 1. С. 46). Деятельная жизнь Г. оборвалась неожиданно (инсульт) и в буквальном смысле на ходу: после лекции по Софоклу (завершенной разбором пассажа о непредсказуемости смерти из «Аякса», ст. 801–802) и работы в Эрмитаже он направлялся в Академию.

Литература: Плетнёв. С. 21, 57; Отчет Имп. Академии Наук по I и III отделениям за 1851 г. // Учен. зап. АН по I и III отд. 1852. Т. 1, вып. 1 С. 38–41 (библ.); Смирнов. С. 7, 39, 51, 105; Смирнов А. Краткое историческое обозрение действий Главного педагогического института. 1828–1859. СПб., 1859. С. 33; Павлова Ж. Императорская библиотека Эрмитажа. 1762–1917. СПб., 1988. С. 62, 73, 98 и др.; Печерин В. С. Замогильные записки // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: мемуары современников. М., 1989; Харитонович М. Ф. Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб., 1999; Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. «Единым вдохновением»: очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII — первой половине XIX в. СПб., 2000; Измestьева Г. П. Классическое образование

в истории России XIX века. М., 2003; Фролов Э. Д. У истоков русского неоклассицизма: А. Н. Оленин и С. С. Уваров // Деятели русской науки. Вып. 4. С. 293–330; Ermolaeva E. L. Friedrich Schiller and Gavriil Derzhavin in Greek: translations by Christian Friedrich Graefe (1780–1851) // Philologia classica. 2018. Vol. 13. P. 160–175; Sandys. Vol. 3; Wes ♦ Воронов; Григорьев; Брокгауз; Прозоров; Венгеров (Источники, Список); РБС; Черняев; НР; Иностранные профессора; Серков; Филол. ф-т 2002; Геннади 2006; Фролов 2006; Российская академия наук; ADB; EAD; Eckstein.

Архивы: Личные фонды: РНБ. Ф. 217; Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 124 (П. Л. Ваксель). № 1330, 1389; Ф. 608 (И. В. Помяловский). Оп. 1. № 4802, 4803; ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ). Оп. 1. № 1015, 1513, 1686, 1693, 2997, 3577, 3989 (ф. с. 1848: Л. 30–39); Ф. 14 (Петерб. ун-т). Оп. 1. № 3168; Оп. 3. № 1224, 4251; РО ИРЛИ. Ф. 234 (П. А. Плетнёв). Оп. 1. № 62; Ф. 263 (Д. П. Рунич). Оп. 3. № 43. Л. 80–83; Ф. 265 (ж. «РС»). Оп. 2. № 3633, 3643; РГИА. Ф. 733; Ф. 1349.

В. П. Смышляева

ГРИГОРЬЕВ Василий Васильевич

GRIGORJEV V. V.

[15(27).3.1816, Петербург — 19(31).12.1881, там же; Новодевичье кладб.], востоковед, филолог, нумизмат, исследователь истории Сев. Причерноморья и Средней Азии в антич. эпоху

Родился в дворянской семье. Предки Г. происходили из Суздаля и, возможно, принадлежали к знаменитому роду кн. Пожарских (см.: Веселовский. С. 4). Его отец, Василий Иванович, служил мелким чиновником в различных учреждениях С.-Петербурга. Г. получил домашнее образование. В 1831 в возрасте 15 лет поступил на вост. отделение филос. ф-та Петерб. ун-та, где занимался изучением араб., перс. и турец. языков под руководством О. И. Сенковского. В эти годы Г. завязал дружеские отношения со своими

однокашниками по ун-ту: П. С. Савельевым, Т. Н. Грановским, П. П. Ершовым и др. По окончании курса в 1834 поступил на службу в Учеб. отделение вост. языков Азиатского деп. МИД; в 1836 привлечен к Петерб. ун-ту для приготовления к проф. званию и преподавания перс. языка. В этот период он занимается также нумизматикой под руководством акад. Х. Д. Френа. Разногласия Г. с Сенковским и ректором ун-та И. П. Шульгиным привели к тому, что в 1838 он переезжает в Одессу и занимает там место проф. на каф. вост. языков Ришельевского лицея. В 1839 совершает поездку в Стамбул для усовершенствования в турец. языке. После защиты магист. дис. «**О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству: историко-филологическое исследование**» (Моск. ун-т, 1842) Г. получил предложение от попечителя Моск. УО гр. С. Г. Строганова занять каф. истории Востока в Моск. ун-те, но решил возвратиться в Одессу. В 1844 переезжает в С.-Петербург и поступает на службу чиновником в МВД. Занимает также должность помощника редактора «ЖМВД». Принимает участие в деятельности РГО (с 1846; д. чл. и редактор периодич. изданий) и РАО (с 1848; чл-сотрудник и секр. вост. отделения). Карьера Г. в МВД продвигалась медленно, и в 1851 по предложению генерал-губернатора Оренбургского края В. А. Перовского он уезжает в Оренбург. В 1851–1853 занимает различные должности в канцелярии генерал-губернатора; в 1854–1859 — предс. Оренбургской Пограничной комиссии; в 1859–1862 — начальник Областного управления оренбургскими «киргизами» (т. е. казахами). Организует и возглавляет первую фундаментальную библиотеку по изучению Оренбургского края (1851–1854; подробнее об этом периоде жизни Г. см.: Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. 2000. Vol. 59. P. 74–100). В 1862 из-за

разногласий с местной администрацией выходит в отставку и возвращается в С.-Петербург. В 1863 становится ординатором вновь созданной кафедры истории Востока на филологическом восточном языковом факультете Петербургского университета (до 1878) и получает степень доктора восточной словесности *honoris causa*. В 1873–1878 — декан филологического восточного языкового факультета. В 1869–1870 — главный редактор «Правительственного вестника». В 1874–1880 — начальник Главного управления по делам печати. Член-корреспондент ИАН по разряду восточных языков (с 1873). Организатор III Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге в 1876. К этому съезду Г. приурочил издание собрания своих ранних статей по истории, географии и этнографии «**Россия и Азия**» (СПб., 1876). Член Общества любителей истории (1839–1845) и МАО. В 1878 уходит из университета по состоянию здоровья и переселяется в Гатчину. В 1880 оставляет службу в Главном управлении по делам печати, рассчитывая посвятить остаток жизни завершению своих научных трудов, однако тяжелая болезнь помешала осуществиться этим планам.

Еще будучи студентом, Г. печатает свой первый науч. труд: перевод отрывка из всеобщей истории персидского автора XVI в. Хондемира (**История монголов. От древнейших времен до Тамерлана**. СПб., 1834; с предисл. и коммент.). По окончании университета Г. под руководством Сенковского в течение нескольких лет принимает участие в составлении «Энциклопедического лексикона» А. А. Плюшара (по подсчетам его ученика Н. И. Веселовского, Г. подготовил 52 оригинальных и 165 переводных статей по отделу востоковедения; см.: *Веселовский*. С. 0104–0105). В этот период исследовательские интересы Г. связаны, главным образом, с историей Волжской Булгарии и Хазарского каганата, а также их взаимоотношениями с древнерусским государством. После переезда в Одессу в 1838 он приступает к изучению языка и истории крымских татар, работает над грамматикой арабского и персидского языков (так и не были окончены).

Много времени Г. посвящает нумизматическим штудиям, исследуя восточные монеты, обнаруженные на территории России. Он регулярно печатается в местных периодических изданиях («ЗОИИД», «Одесский альманах», «Новороссийский календарь») и в «Москвитянине» (изд. М. П. Погодиным), помещая там небольшие заметки и рецензии на новую литературу. В Одессе же Г. начинает исследование ярлыков золотоордынских и крымских ханов, которое легло в основу его магистерского диссертационного сочинения. Нем. востоковед В. Шотт в своей рецензии на этот труд отмечал, что он «бесспорно принадлежит к лучшим монографиям ученого содержания, какие когда-либо написаны были русским ученым» (*Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*. 1844. № 96; цит. по: *Коссович К. А.* Об ученых трудах профессора Григорьева // *ЖМНП*. 1868. Ноябрь. С. 651; подробнее о жизни Г. в Одессе см.: *Веселовский*. С. 35–90).

В Оренбурге, наряду с исполнением служебных обязанностей, Г. обращается к занятиям историей и этнографией Туркестанского края (переводит и публикует ряд важных источников), а также изучению местных языков. Однако главные свои труды по истории и географии Средней Азии Г. создает уже в период профессорства в Петербургском университете. Им была переведена с немецкого языка часть монографии К. Риттера «**Землеведение Азии. География стран Азии, находящихся в непосредственных отношениях с Россией. Кабулистан и Кафаристан**» (СПб., 1867; с критич. примеч.). Дополнения к этой книге (**Восточный Туркестан**. Т. 1. СПб., 1869; Т. 2. СПб., 1873) составили первое в мировой науке детальное исследование древней, средневековой и новой истории Востока Туркестана.

Отдал дань Г. также и историографическим штудиям. Его перу принадлежит историческая записка «**Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования**» (СПб., 1870), составленная по поручению совета университета. Это один из первых капитальных трудов

по истории ун-та, которым широко пользовались след. поколения исследователей. Кроме того, Г. написал биографию своего близкого друга и однокашника по Петерб. ун-ту востоковеда, археолога и нумизмата П. С. Савельева, умершего в 1859 (**Жизнь и труды П. С. Савельева**. СПб., 1861).

Хотя антич. сюжеты не занимали гл. места в науч. занятиях Г., время от времени он обращался к ним в разные периоды своей жизни. В годы проживания в Одессе внимание Г. привлекает антич. история Сев. Причерноморья, и он публикует несколько статей по этой тематике. В заметке **«Археологические поиски в Керчи»** (ЖМВД. 1845. Дек. С. 425–449) даются обзор раскопок А. Б. Ашиком Золотого кургана и опись важнейших находок. Вновь открытым антич. памятникам Крыма посвящена также статья **«О древних статуях, найденных в последнее время в Керчи»** (Там же. 1851. Ноябрь. С. 297–308). Важное значение для изучения древней истории Сев. Причерноморья имел очерк **«Цари Боспора Киммерийского,**

преимущественно по современным им надписям и монетам» (Там же. 1851. Окт. С. 110–146; Ноябрь. С. 267–296; Дек. С. 413–483; отд. изд. — СПб., 1851), посвященный памяти акад. Е. Е. Кёлер а. В нем были впервые собраны и систематизированы все имевшиеся на тот момент данные археол. раскопок и нумизматич. источников по истории Боспорского царства. Г. также поддерживал знакомство и переписывался с известным исследователем крымских древностей акад. П. И. Кёппеном.

Несколько работ Г. посвящены древней истории Средней Азии. Еще в Оренбурге его внимание привлекают бактрийские монеты, которые находили на территории Бухарского эмирата местные жители и продавали рус. коллекционерам. Статья **«Греко-бактрийское царство»** (ЖМНП. 1867. Ноябрь. С. 321–359), представляющая собой извлечение из лекций, прочитанных на ф-те вост. языков, стала одной из первых в отеч. науке работ, посвященных этому эллинистич. государству. Г. рассматривает историографию вопроса, делает обзор свидетельств антич. и вост. авторов, а также известных на тот момент нумизматич. источников и на основании этих данных дает краткий очерк хронологии и истории, гл. обр. полит., Греко-Бактрии. Проблеме греко-бактрийской истории посвящена также статья **«О новом экземпляре монеты Антимаха Теоса с именем Диодота»** (Древности: археол. вестн. МАО. 1867. С. 165–168). Наконец, крупнейшей работой Г., исследующей древнюю историю Туркестана, стала монография **«О скифском народе саках»** (СПб., 1871). В книге на основании сообщений антич. авторов и археол. данных рассматриваются происхождение, язык и история этого кочевого племени. Г. опровергает теорию о тюркоязычности саков, приводя доводы в поддержку их принадлежности к арийцам, т. е. индоиранским народам. Более того, автор считает саков далекими предками славян. Античному сюжету был посвящен и один

из последних опубликованных трудов Г. — статья **«О походах Александра Велико-го в Западный Туркестан»** (ЖМНП. 1881. Сент. С. 24–67; Окт. С. 175–208).

Еще одним важным направлением деятельности Г. всегда была публицистика. В 1847–1848 он пытался издавать лит. журнал религиозно-патриотич. направления «Северное обозрение», но без особого успеха. В 1850–1880-е Г. публикует большое количество публицистич. статей по актуальным вопросам общественно-полит. жизни. По своим взглядам Г. был близок к славянофилам, хотя не все их взгляды разделял. Он регулярно переписывался с М. П. Погодиным, который намеревался передать Г. свой ж. «Москвитянин», но тот от переезда в Москву отказался. Славянофильские симпатии Г. нашли отражение в его воззрениях на предназначение российской науки и на перспективы ее развития. Не ставя под сомнение необходимость науч. связей со странами Европы, Г. считал, однако, что отеч. ученые должны работать в первую очередь для блага самой России. Поэтому, например, он считал излишним прилагать усилия для знакомства зап. специалистов с достижениями российской науки, выступал против публикации науч. работ рус. ученых на иностр. языках и критиковал за это АН: «Я никогда не понимал, какая польза нам, русским, хлопотать о просвещении на наш счет западной Европы; какая нужда нам, знает или не знает она нас? <...> Вообще рабочих сил и средств у нас немного; поэтому, чем дробить их и хотя часть из них тратить для Европы, лучше, мне кажется, было бы употребить их безраздельно на изучение самих себя. <...> Кто написал превосходное сочинение на русском языке, тот двинул и европейскую науку: разве Россия не часть Европы? О том надо позаботиться, чтобы на русском языке печатать дельные вещи, а там иностранцы и без наших хлопот не преминут усвоить их своим литературам»

(из заявления в совет РГО, 1846; цит. по: *Веселовский*. С. 96–97). Именно востоковедение Г. рассматривал как область науки, в которой российские ученые не уступают западным и даже имеют преимущество перед ними благодаря геогр. положению России. На страницах периодич. изданий Г. неоднократно вступал в дискуссию с «западниками». Так, неоднозначный отклик вызвала статья Г. о недавно умершем друге его юности Грановском, в которой он поставил под сомнение значение вклада покойного в ист. науку (**Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве** // Рус. беседа. 1856. Кн. 3. С. 17–46; Кн. 4. С. 1–57). В полемике по этому поводу приняли участие Н. Ф. Павлов, К. Д. Кавелин, К. С. Аксаков, А. И. Герцен, П. С. Савельев и др. [см: Т. Н. Грановский: библиография (1828–1967) / под ред. С. С. Дмитриева. М., 1969. № 793; см. также: *Веселовский*. С. 147 и далее]. Некоторые свои мысли, изложенные в очерке о Грановском, Г. развивает в статьях: **«Заметка»** (Молва. 1857. № 18), **«О значении народности»** (Там же. 1857. № 24) и **«О воспитании в духе народности»** (Там же. 1857. № 27). Неоднократно Г. высказывал в печати и свои взгляды на политику Российской империи в Туркестане, выступая против завоеваний и новых территориальных приобретений в этом регионе [напр.: **О русских интересах в подвластных нам оседлых странах Средней Азии** // Москва (газ.). 1867. № 23, 24, 32, 53, 54].

Следует отметить способности Г. к изучению языков. К моменту поступления в ун-т он прекрасно знал франц. и латынь, на которой даже писал впоследствии письма. Вероятно, Г. имел некоторые познания и в древнегреч.; во всяком случае, вскоре после окончания ун-тского курса он мог читать антич. авторов в оригинале, хотя в ун-те едва ли имел много времени для серьезных занятий древними языками. В студ. годы Г. основательно изучил перс., араб. и турец., а также англ. и нем.

языки (см. подробнее: *Веселовский*. С. 11–15). Помимо этого, он занимался монгол., в Одессе — татарск., в Оренбурге — казах., тадж. (составил первые науч. заметки об этом языке) и некоторыми др. местными наречиями.

Несмотря на то, что Г. публиковался почти исключительно по-русски, его ученые труды получили широкое признание в Европе. Он был избран почетным чл. целого ряда науч. общ-в: Парижского азиатского, Лейпцигского нем. ориенталистов, Лондонского королевского азиатского и др. В европ. печати регулярно появлялись рец. на его новые работы, а некоторые статьи по истории и географии Туркестана были переведены на англ. и нем. языки.

Сочинения: Список трудов Г. см.: *Веселовский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам. 1816–1881. СПб., 1887. С. 085–0105.

Литература: *Vesselovsky N. Basile Gregorieff et ses œuvres // Revue des sciences et des lettres.* 1882. Т. 1. Fasc. 1. P. 609–617 ♦ БС МАО; Брокгауз; Масанов; БС тюрк.; Бузескул 2008; Тункина 2017.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 159. 256 ед. хр. (1836–1881); РГИА. Ф. 853. 320 ед. хр. (1834–1880); ИВР РАН. Ф. 61. 51 ед. хр. (1851–1881); ОР РНБ. Ф. 224. 41 ед. хр. (1850–1876).

В. К. Хрусталёв

ГРИММ

Александр Иванович

GRIMM Al. I.

[20.3(1.4).1819, Петербург — 2(14).1.1884, там же; Смоленское лютеранск. кладб.], *нумизмат*

Г. окончил Петришуле, как и его младший брат Давид (Namensverzeichnis der Schüler und Schülerinnen der Deutschen Hauptschule St. Petri. 1763–1862: Zur Saecularfeier am 1. October 1862, s. v. Grimm).

В 1838–1842 обучался в Дерпт. ун-те, по окончании которого служил переводчиком в Деп. внутренних сношений МИД; с 1852 — столоначальник. В 1860, не оставяя службы в деп., поступил в Имп. Эрмитаж на освободившееся место хранителя зап.-европ. монет и медалей (АГЭ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 27). Годом ранее он начал работу в Эрмитаже вне штата. На деле Г. занимался прежде всего антич. монетами, находившимися в хранении Л. Э. Стефани. Когда в 1863 директором Эрмитажа был назначен С. А. Геденон, заботившийся об издании каталогов и путеводителей по музею, структура музея была вновь изменена — впервые Минцкабинет получил статус самостоятельного Отделения медалей и монет (до 1879 Отделение возглавлял М. И. Броссе). В 1864 Г. определен на должность помощника хранителя.

Г. был дважды женат. Первый раз на Леонтине Авроре Луизе, урожд. Гейст, на которой женился в Дерпте. От этого брака остался сын Рихард Александр, родившийся в 1849 (Там же). Вторым браком Г. был женат на Генриетте Федоровне (Эмилии Паулине), урожд. Мейков. Сам он, обе его жены и сын принадлежали евангелическо-лютеранскому вероисповеданию (Там же).

Предложив «План к составлению указаний для нумизматического кабинета Императорского Эрмитажа и материалы к нему», Г. намеревался издать четыре брошюры, которые освещали бы четыре раздела Минцкабинета, составленные «смотря по надобности в более или менее просторном виде»: 1) греч. и римские монеты; 2) рус. с включением в этот раздел монет польских и прибалтийских губерний; 3) монеты Средних веков и новых времен; 4) вост. монеты (АГЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 4). Напечатаны эти указатели не были. Неудачное освещение в отведенных под Минцкабинет залах затрудняло обзор мелких экспонатов, а из-за высоких, в рост человека, витрин, расставленных рядами в зале

монет, невозможно было наблюдать за посетителями. Поскольку нумизматич. экспозиция в Новом Эрмитаже, за исключением собрания вост. монет в Лоджиях Рафаэля, вскоре после 1863 оказалась надолго закрытой для посетителей, подготовка каталогов-путеводителей перестала быть насущной. Помимо названных сохранилась рукопись подготовленного Г. путеводителя: «**Древние монеты: греческие и римские**» и «**План каталога греч. и рим. монет Имп. Эрмитажа**» (АГЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1, 3).

Что касается Академ. Минцкабинета, то Г. еще в 1859 занял место, освобожденное А. А. Куником (1814–1899), который служил там с 1840 г. после Ф. Б. Грефе. В 1859 Г. начал работу над каталогом римск. монет, составив к 1862 десять томов. По смерти Г. академ. собрание рус. монет вновь перешло на хранение к А. А. Кунику, который занимался им, не оставляя работу в Эрмитаже.

В 1871 Г. был назначен советником Придворной канторы и зав. комнатными е. и. в. вещами и суммами, а с 1876 заведовал Собственными е. и. в. Библиотеками и Арсеналами (в частности, Арсеналом в Царском Селе) с оставлением в занимаемых ранее должностях. В 1876 получил благодарность от Кабинета как чл. комиссии за труды по составлению инвентаря Арсенала. Во время отсутствия директора (май и июль 1883) Г. исполнял обязанности зав. Имп. Эрмитажем, а после увольнения М. И. Броссе (1879) до своей смерти служил ст. хранителем Монетного отдела Эрмитажа; некоторое время руководил отделом, где его помощником был Ю. Б. Иверсен. Являясь чл.-корр. РАО, Г. составил каталог монет также и этого собрания.

Писал Г. немного; тем более следует отметить его «**Керченские заметки. Вновь открытые памятники древности**» (Полицейский листок. Керчь-Еник. градонач. 1861. № 37) или «**Отзыв о сочинении академика И. Горностаева**

под заглавием: “**История искусства и костюма у народов древнего мира**”. Т. 1» (Тридцать первое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 25 мая 1862 года. СПб., 1862. С. 91–101). Ценен также обзор: «**Минцкабинет**» (ЗАН. 1864. Т. 5. С. 175–176) и реферат «**О Петербургской нумизматической коллекции и в особенности о находящихся в ней Боспорских монетах**» (Тр. II АС. СПб., 1881. Вып. 2. С. 30–31).

Обладатель мелкого без украшений почерка, Г., по-видимому, принадлежал к тому роду людей, которые без шума проделывают титаническую работу. В данном случае это — систематизация коллекций Минцкабинета, разработка систематич. каталога и забота о пополнении собрания, на которое впоследствии могли бы опираться преемники (см.: Numerische Übersicht der Münzen der griechischen Städte und Fürsten // АГЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6).

В «Записке о работе и обязанностях помощника хранителя» определены те задачи, которым Г. посвящал свое время: запись новых поступлений, приобретение

и систематизация монет и медалей древнегреческих, древнеримских и относящихся к Новому времени, а также заботы о пополнении, описании и систематизации отдельной нумизматической библиотеки (АГЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 5).

Результаты трудов подобных исполнительных работников зачастую не находят выражения в печатных изданиях или сколько-нибудь известных произведениях того или иного рода, создавая ложное впечатление, что всю жизнь кропотливо трудившийся человек не сделал ничего выдающегося. Между тем хранящиеся в архиве проекты Г., неизданные, а теперь уже и устаревшие в практическом отношении в силу ист. изменений нумизматич. коллекции Эрмитажа, тем не менее представляют немалую ценность для изучения как формирования самой коллекции, так и истории развития Минцкабинета, а также культурной и интеллектуальной жизни Петербурга XIX века.

Младший брат Г. Давид Иванович Гримм (1823–1898), окончив Петришуле, поступил в Имп. Академию художеств; архитектор, один из создателей «рус. стиля». По его проекту строился известный чуть ли не всем русским Свято-Владимирский кафедральный собор в Херсонесе. В Петербурге он строил усыпальницу вел. князей в Петропавловской крепости; памятник, составленный из турецких орудий на Измайловском пр. перед Троицким собором (разобранный в 1930 г., он восстановлен в 2005); архитектурную часть монумента Екатерины II и др. (Брокгауз. Т. 9А. С. 730). Старший и младший его сыновья — Д. Д. и Э. Д. Г р и м м ы, известны как ректоры Петерб. (Петрогр.) ун-та; средний сын Герман Д. (1865–1942) был, как и отец, архитектором (модерн и неоклассицизм), в 1920–1930 работал в системе Наркомата путей сообщения, умер в блокадном Ленинграде.

Литература: Щеглов В. В. Собственные Его Императорского Величества библиотеки и арсеналы: краткий исторический очерк. 1715–1915. Пг., 1917. С. 60–61, 65–69; Веселовский; *Снасский И. Г.* Нумизматика

в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела Нумизматики. 1764–1964 // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8. С. 123–234; Эрмитаж. История и современность. М., 1990. С. 201; *Пиотровский Б. Б.* История Эрмитажа. СПб., 2000; *Лепехина Е. В.* К истории нумизматического собрания Эрмитажа. 1764–1941 годы // Минцкабинет в Новом Эрмитаже: каталог выставки. СПб., 2002. С. 5–33 ♦ Прозоров; Сайтов 2006; Сотрудники Имп. Эрмитажа. С. 55–56; Тункина 2017; Album Dorpat.

Архивы: АГЭ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 27 (личное дело); Ф. 49. Оп. 1. Д. 1–24 (1864, 1881, личный фонд).

Иконография: *Морозов А. В.* Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Т. 1. М., 1912. Стлб. 369. Ср. также: *Иверсен Ю. Б.* Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1877–1896.

Т. И. Слепова, Е. Д. Блащук

ГРИММ

Антон Иванович

GRIMM Johann Anton Joachim

[17.8.1792, Любек (вольный город) — 18(30).12.1846, Петербург; Смоленское лютеранск. кладб.], филолог

Из купеческого сословия. Воспитывался в культурной «интернациональной» среде (дом отца — генерального консула Швеции — часто посещали иностранцы), рано обнаружил склонность к занятиям литературой и языками (кроме древних знал английский, новогреч., исп., франц.). После обучения в гимназии занимался теологией, философией и классич. филологией в Гёттингенском и Берлинском ун-тах, слушал лекции Х. Гейне и Ф. Вольфа. Докт. дис. «*De epistolis Platonicis, utrum genuinae sint an suppositae*» (защищена: Берлинский ун-т, 1815; д-р философии). По завершении ун-тского курса был приглашен в Петербург домашним учителем — семейством Бётлингков (Voethlingk), давнишних

выходцев из Любека (по-видимому, родственниками санскритолога О. Бётлинка); с 1822 служил воспитателем детей другого земляка — барона Л. Штиглица, с семейством которого выезжал за границу и в зап. губернии. В 1820-е жил преимущ. в Риге, где с начала века уже обосновались его братья (DBBL. S. 259), продолжавшие фамильное занятие коммерцией; рижанкой была жена Г. (урожд. фон Гуйкельговен). С 1830 как «сведущий латинист с хорошими рекомендациями» был приглашен в ГПИ, где заменил временно преподававшего лат. язык романиста Р. А. Жилле (ЦГИА СПб. Ф. 13. № 1934; ф. с. 1836 см.: Там же. № 3585): экстр. проф. (1830), орд. проф. (1833). Служил также в Уч-ще правоведения (1835–1846). Скончался от «повреждения легких» (пневмонии?).

Коллега Г. по Уч-щу правоведения, написавший ему некролог, Р. А. Штёткгардт подчеркивал прекрасную филол. подготовку и образованность Г., наделенного с детства разнообразными талантами и горячо увлеченного филологией, поэзией и музыкой (St.-Petersburg. Zeitung. 1847. № 10). В юности на Г., пробовавшего себя в сочинении стихов, произвело сильное впечатление творчество поэта-романтика Э. Шульце, автора «Цецилии» и «Увядшей розы», читавшего в Гёттингенском ун-те лекции по литературе и древним языкам. Лит. заметки и переводы (напр., «Паризины» Байрона на нем. язык) Г. публиковал в течение всей жизни, в т. ч. в журнале «Oldekop's St.-Petersburg. Zeitschrift». В источниках (ЦГИА СПб. Ф. 13. № 2044) упоминается еще составленное Г. пособие по «латинскому стопосложению» «Doctrina metrica» (или «Elementa artis metricae»; см.: Смирнов. С. 79), которое либо вышло в приложении к «школьной программе», либо осталось в рукописном варианте, как и лекции по истории римск. литературы. Сохранились сообщения об актовых речах Г.: «**Oratio, qua in solemnibus die VI m. Dec. a. 1833 Imperatoris Nicolai I**

nomine insignis in Institutio Primario Paedagogico habuit» (СПб., 1835), «**Quantum momenti accurata cognitio antiquitatum ad scripta omnemque vitam veterum recte intelligendam habeat»** (СПб., 1841) и переводе с новогреч. языка надгробной проповеди 1821 Константина Иконома (Экономида) о замученном турками патриархе Григории («Grabrede auf den ewigdenkwürdigen Patriarchen Konstantinopels Gregorius...». СПб., 1824). Г. освоил до некоторой степени и рус. язык, как можно предположить из сохранившейся переписки 1841 директора ГПИ Ф. И. Миддендорфа с П. А. Ширинским-Шихматовым по поводу несостоявшегося издания Г. «Руководства к переводам с русского на латинский язык» на материале сокращенной истории Н. М. Карамзина (ЦГИА СПб. Ф. 13. № 3585. Л. 28–35). Печать пособия была остановлена по причине «неисправностей» в рус. тексте и отказа Г. от услуг ответственного рус. редактора для их устранения. В ГПИ комментировал традиционных гимназич. авторов (Цицерона, Вергилия, Горация и др.), читал курс римск. древностей, руководил лат. переводами и сочинениями. По отзыву К. П. Победоносцева (Отрывки из школьного дневника. СПб., 1885. С. 3), Г. был вспыльчив, но не злопамятен: на «навравшего» в лат. переводе юного правоведа сначала «ужасно рассердился», затем «смягчился и обрадовал немного поласковее словом». После смерти Г. его вдова Августа, оставшись с двумя малолетними сыновьями, вытребовала в ГПИ свидетельство «для свободного учительства на квартирах», но вскоре покинула Петербург, вероятно, вернувшись в Ригу (внучкой Г. была рижская художница Любовь Гримм, 1882–1958).

Литература: Статистические сведения о личном составе, воспитанниках и хозяйственной части Имп. Училища правоведения за пятидесятилетие его существования. СПб., 1885; *Тютчев И. А.* В Училище правоведения в 1847–1852 гг.: воспоминания

по поводу 50-летнего юбилея Училища // РС. 1885. № 11; Пятидесятилетний юбилей Имп. Училища правоведения. 1835–1885. СПб., 1886; *Сюзор Г.* Ко дню LXXV юбилея Имп. Училища правоведения. 1835–1910 гг. СПб., 1910; Recke und Napiersky Bd. 2. S. 102; Nachträge und Fortsetzungen. Bd. 1. S. 227 ♦ Брокгауз; Венгеров (Источники, Список); Свясов; РБС. Неопубликованные материалы. Т. [2]: Гоголь — Гюне. М., 1997. С. 40); Геннади 2006.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ. Оп. 1. № 3585 — дело и ф. с.), 355 (Уч-ще правоведения).

В. П. Смышляева

ГРИММ

Давид Давидович

GRIMM D. D.

[11(23).1.1864, Петербург — 29.7.1941, Рига], *юрист, педагог, общественный деятель*

Будучи ст. сыном архитектора Д. И. Гримма (1823–1898), Давид Давидович, брат Э. Д. Гримма, предпochел юрид. образование и после частной гимназии Карла Мая поступил на юрид. ф-т Петерб. ун-та. По его окончании (1885) он провёл около года в Берлине, где занимался под руководством Генриха Дернбурга и Лотара Альфреда Перниса (Pernice) и заинтересовался нем. пандектистикой (Pandektenwissenschaft).

Начав службу в Дерпт. ун-те по каф. римск. права (сент. 1889), через два года Г. был переведен в столичное Имп. уч-ще правоведения, в котором позже преподавал «по совместительству» до 1905 (как и в Воен.-юрид. академии). Однако гл. местом службы Г. стала его alma mater — после защиты магист. дис. **«Очерки по учению об обогащении»** (Ч. 1–3; 1891–1893) он начал читать в ун-те спецкурс **«Чтения о некоторых спорных вопросах римского права»** (с 1894), позже получил место экстр. проф. ун-та по каф. римск. права (1899), а с сент.

1901 стал орд. проф. В окт. 1901 был назначен деканом юрид. ф-та.

К началу века относятся основные труды Г. по римск. праву: 24 сент. 1900 он защитил докт. дис. **«Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права»** (степень утверждена 18 дек.), в 1904 вышел его **«Курс римского права»**, переработанный позднее в **«Лекции по догме римского права»** (31910; современное переизд.: М., 2003). С 1894 по 1912 был опубл. ряд статей по римск. праву, предметом которых служили понятия владения, обязанности юрид. норм, объекта и субъекта права.

Римск. право, являясь, казалось бы, самым отвлеченным направлением юриспруденции, обладает также и предельной универсальностью, и неудивительно, что такие разделы, как *Понятие лица, Начало личности, Конец личности, Приобретение и потеря прав, Понятие и виды действий* и т. д. играют весьма существенную роль в процессе построения (по большей части незавершенного) конституционного строя в России и странах Вост. Европы.

После революции 1905 Г. занимался политической и законотворческой деятельностью: в февр. 1907 был избран в Гос. совет Российской империи от ИАН и Имп. ун-тов и оставался его чл. до мая 1917, принимая участие в обсуждении законопроектов. Входил Г. и в Конституционно-демократич. партию, хотя и не был ее активным деятелем, редко посещал заседания Центрального комитета и в основном молчал в ходе последних (Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1912–1914 гг. М., 1994. С. 289, 300).

Важным общественным шагом со стороны Г. было согласие на ректорство в Петерб. ун-те в 1910 (Протоколы заседания Совета Имп. Санкт-Петерб. ун-та за 1910 г. СПб., 1910. № 66. С. 74–75). К этому моменту он уже имел опыт адм. деятельности — дважды назначался

на 4-летний срок на пост декана юрид. ф-та, самого крупного в те времена, где в 1916 обучались 3500 из 6394 общего числа студентов. Однако кроме студ. волнений и часто следовавшего за ними введения полиции на территорию ун-та, ректор сталкивался с противостоянием Совета ун-та и министра народного просвещения (на тот момент Л. А. Кассо). В начале 1911 конфликт обострился: постановлением Совета министров была ликвидирована ун-тская автономия и принят циркуляр «О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений» (ЖМНП. 1911. Апр. С. 41–43). 22 янв. 1911 в гл. здании ун-та были вывешены два красных флага, и 29 янв. Г. распорядился закрыть ун-т в целях предупреждения беспорядков (Протоколы заседания Совета... за 1911 г. СПб., 1911. № 67. С. 39). Подобные происшествия повторялись в ректорство Г. и позже.

В мае 1911 Г. уже был готов уйти в отставку с поста ректора, утверждая, что у него «не хватает ни сил, ни настроения нести ректорские обязанности». Решающим событием стал перевод проф. М. Я. Пергамент в Юрьев / Дерпт в авг. 1911, а затем уход последнего в отставку (Там же. С. 140–141). Г. подал прошение об уходе и 12 сент. 1911 был уволен с поста ректора ун-та (Там же. С. 159–160; подробнее о политике Кассо и принудительном переводе профессоров см.: *Беляева О. М.* Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э. Д. Гримма. Конфликты в профессорской среде // *Диалог со временем.* 2011. Вып. 34. С. 215–236).

В разговорах с друзьями Г. сетовал на волнения и объяснял их «шатанием, которое проявляет Министерство, бестолково распоряжаясь и отменяя бестолковые распоряжения», что «вовсе роняет остатки его авторитета, а в толпе, всегда малодушной, рождает ощущение, что участвовать в движении вовсе уже не так опасно»

(*Пресняков.* С. 718; письмо от 6 сент. 1911). Описывая отношения ун-та и Министерства, тот же Пресняков пишет: «Устали люди от обиды и дикости» (Там же. С. 734; письмо от 29 авг. 1912).

В начале авг. 1913 Г. был переведен в Харьков. Однако как чл. Гос. совета он не мог уехать из Санкт-Петербурга, а потому вышел в отставку как проф., причем Кассо пытался добиться офиц. формулировки «в связи с неисполнением обязанностей на новом месте службы».

После отставки Г. продолжал участвовать в работе Гос. совета (что было решено голосованием в этом органе), а с 1 сент. 1914 преподавал в Александровском лицее на Каменноостровском проспекте. Отставка Г. привлекла внимание общественности и либеральной прессы, сделав его заметной фигурой в партии кадетов. В этот период стало понятно, что полит. расхождения могут привести Г. к отдалению от мл. брата Эрвина. О настроении Г. во время Первой мировой войны известно, что он разделял позицию Милюкова, сформулированную в речи «Глупость или измена?».

Февральская революция принесла изменения в жизнь Петрогр. ун-та. Уже 3 марта 1917 Совет ун-та постановил обратиться в Мин-во с ходатайством о восстановлении в правах профессоров, уволенных в годы царского режима: М. Я. Пергамент, И. А. Покровского, И. А. Бодуэна де Куртенэ и Г. Кроме этого Г. занял пост товарища нового министра народного просвещения А. А. Мануйлова. 14 окт. 1917 он подал прошение о выходе на пенсию. После Октябрьской революции Г. довелось побывать деканом ФОНа (ф-т общественных наук; июнь 1919), арестантом (4 сент. — 10 (?) сент. 1919), редактором газ. «Новая русская жизнь», выходявшей в Гельсингфорсе, представителем П. Н. Врангеля в Финляндии (весна 1920), чл. парижского комитета кадетов (осень 1920), а после возвращения в Финляндию Советское правительство объявило его вдохновителем т. н. Таганцевского заговора (очевидно, как самого заметного эмигранта, жившего тогда в Финляндии).

Последнее обвинение сделало окончательно невозможным возвращение Г. из эмиграции (оба его брата остались в СССР). Г. оставил Россию весной 1920, выехав в Гельсингфорс, где уже находились его жена, сын Иван с женой и внук Дмитрий. С 1922 Г. жил в предместье Праги Вшеноры, став преподавателем и деканом Рус. юрид. ф-та Пражского ун-та и совмещая эту должность с чтением лекций в Рус. науч. ин-те в Берлине. После того как правительство Чехословакии прекратило финансирование Рус. юрид. ф-та (последний выпуск состоялся весной 1929, потом ф-т существовал как отд. ученая корпорация), Г. переехал в Тарту, где преподавал с 1927 по 1934, когда очередному выходу на пенсию (в возрасте 70 лет) помешал полит. кризис в Эстонии: Г. был избран в Национальное собрание, подготовившее Конституцию 1938 года, которая действовала до июня 1940.

Г. умер в Риге, оккупированной нем. войсками.

Литература: *Гримм Д. Д.* Воспоминания. Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг. / подг. текста и коммент. А. В. Воронезцева, М. В. Ковалёва, В. С. Мирзеханова, Т. К. Шор; вступ. ст. М. В. Ковалёва. СПб., 2017; *Томсинов В. А.* Предисловие // Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. М., 2003; *Пресняков А. Е.* Письма и дневники 1890–1927. СПб., 2005; *Ковалёв М. В., Мирзеханов В. С.* Давид Давидович Гримм // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 19–33 ♦ Брокгауз; *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. Т. 2. М., 2007. С. 222–252; Бузескул 2008; Биографика СПбГУ (со справкой об архивах).

С. К. Егорова

ГРИММ Эрвин Давидович

GRIMM E. D.

[27.12.1870(8.1.1871), Петербург — 25.2.1940, Ленинград],
историк, педагог

Младший из трех сыновей архитектора Д. И. Гримма; брат Д. Д. Гримма. В 1887 после окончания частной гимназии Карла Мая Г. поступает на ИФФ Петерб. ун-та, который заканчивает в 1891; в 1894, пройдя магист. испытания, начинает вести свой первый ун-тский курс по истории торговли в Средние века, тогда как магист. дис. Г. планировал посвятить новой истории. Для этого им были предприняты командировки в Берлин, Рим и Париж, чему не помешал перевод на должность прив.-доц. Казан. ун-та, в котором он служил в 1896–1899.

Переход к занятиям антич. историей произошел постепенно: считая термин «Средние века» условным, уже в первых петерб. лекциях Г. предлагает называть период IV–XI вв. «периодом византийско-исламской культуры»; изучение переходного периода III–IV вв., возможно, и подтолкнуло исследователя к вопросу об императорской власти в Римск. империи.

В 1899 после смерти проф. В. Г. Васильевского и увольнения в связи со студ. волнениям проф. Н. И. Кареева и И. М. Гривса на ист. отделении Петерб. ун-та образовались вакансии, одну из которых занял Г. Его магист. дис. была закончена в том же году. В ней Г. опровергает взгляды Т. Моммзена на принципат как систему полит. дуализма (власти сената и императора), отказываясь рассматривать первые три века Империи как единое целое и выделяя «отдельные фазисы конституционного развития, пройденного императорской властью за это время» (**Исследования по истории развития римской императорской власти**. СПб., 1900. Т. 1. С. 11). Защита дис. (магист. диспут) состоялась 29 мая 1900; оппонентами были проф. Ф. Ф. Соколов и прив.-доц. И. И. Холодняк, согласившиеся с основными доводами Г. Уже в сент. 1901 Г. предложил факультету докт. дис., которая представляла собой вторую часть проделанного ранее исследования — в ней Г. рассматривает развитие имп. власти со времени гибели Нерона и до правления Марка Аврелия и приходит к выводу, что принципат этого периода на деле равнозначен монархии, окончательное утверждение которой произошло при Антонинах.

Текст обеих дис. был опубл. под названием «Исследования по истории развития римской императорской власти» (Т. 1: Римская императорская власть от Августа до Нерона. СПб., 1900; Т. 2: Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия. СПб., 1901) — это гл. работа Г. по антич. истории и первое масштабное исследование развития имп. власти в российском антиковедении. Известно, что М. И. Ростовцев находил проделанную работу недостаточной, считая необходимым для решения поставленной задачи проработку исследований также и по администрации, воен. устройству, городской жизни, экон. условиям и финансовому строю римск.

государства (рец.: ЖМНП. 1902. Май. С. 149–172). Впрочем, разногласия с Ростовцевым не помешали присуждению Г. докт. степени 31 марта 1902 (газ. «Новое время» от след. дня сообщала о более чем двухчасовом споре). Другие историки (Ю. А. Кулаковский, Ф. Ф. Соколов и И. И. Холодняк) в целом положительно отзывались о выводах Г. и ожидали продолжения исследований в намеченном направлении.

Работу над римск. материалом Г. оставил столь же неожиданно, как ее начал. Причину этого иногда видят в том, что он добился поставленной цели по написанию обеих дис., «построив свой наиболее известный труд на критике идей Т. Моммзена» (Беляева. С. 317). Не менее важной причиной был, как кажется, переход к новому периоду жизни Г., связанному с преподавательской и особенно адм. деятельностью в Петерб. ун-те.

Став экстр. проф. в 1902 и работая в нескольких учеб. учреждениях (читаемые курсы не всегда совпадали), Г. запомнился слушателям не только как

пылкий оратор с выразительным лицом и эспаньолкой (Н. П. Анциферов; см.: *Беляева*. С. 318), но также свойственным ему удивительным «мастерством группировать и освещать факты» (из воспоминаний О. В. Даниловой, слушательницы ВЖК; цит по: *Беляева*. С. 317–318) и убежденностью, что лекции профессора выиграют, если он «доскажет собственные мысли».

В годы первой рус. революции и последующий за ней период Г. входит в кадетскую партию, публикует полит. статьи; тема революции становится заметной и в ист. работах: «**Мирабо: очерк из истории Великой французской революции**» (М., 1908); «**Революция 1848 г. во Франции**» (Ч. 1–2. СПб., 1908); «**Политические воззрения Ипполита Тэна**» (СПб., 1908).

Период ректорства Г. (1911–1918) описан в справочной и ист. литературе довольно подробно. После ухода в отставку ст. брата Д. Д. Гримма исполняющий обязанности проректора Г. был выбран Советом и не стал отводить своей кандидатуры, как это сделали прежде В. М. Шимкевич и А. Е. Фаворский. В биографиях обычно не учитывается то обстоятельство, что, хотя утверждение ректора произошло позже, сами выборы проходили вскоре после убийства П. А. Столыпина, т. е. в сложной полит. ситуации, грозившей студ. беспорядками. А. Е. Пресняков вспоминает встречу с Д. Д. Гриммом 6 сент. 1911: «Говорили о том, чего ждать. Гримм уверен, что волнения начнутся скоро...» (*Пресняков*. С. 718). Между тем к этому времени Петерб. ун-т едва вернулся к нормальному режиму работы после полит. потрясений начала века. Современник красноречиво описывает эту метаморфозу: «Взоры молодых людей постепенно обратились в сторону науки. <...> Если раньше Белый коридор университета был полон грязи, окурков и по нему расхаживали лохматые и длинноволосые студенты в мятых

фуражках и расстегнутых куртках, то теперь полы вновь были натерты, волосы стали короче, да и все мы приняли более благообразный вид» (*Егоров И. В.* В Петербургском университете // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 114).

А. Е. Пресняков, друг Г., пишет о нем в одном из писем: «Он один сейчас возможен как ректор, сумел себя поставить. Но выдержит ли он между министерством и “левыми” коллегами, когда и то, и эти против него! Жаль парня, а надо держаться» (*Пресняков*. С. 733). Среди напастей, которые пришлось на время его ректорства, в одном ряду называют мин-во Кассо, Первую мировую войну и революции 1917-го, ставя Г. в заслугу сохранение действующей академической корпорации (примером обратного может служить знаменитый массовый уход профессоров Моск. ун-та в янв. 1911). Однако ценой шаткого равновесия между Советом ун-та и МНП стали постоянное напряжение [из письма Преснякова от 25 нояб. 1916: «Эрвин замучен, растрепан, растерян, и едва ли его на то хватит» (Там же. С. 791)], ухудшившиеся отношения с братом Давидом, упреки со стороны леворадикальной прессы в постоянной демонстрации полит. лояльности государству, особенно с началом Первой мировой войны на фоне выраженной в обществе германофобии.

После Октябрьской революции Г. некоторое время возглавлял Петрогр. ун-т, стараясь «уберечь этот культурный и научный центр от разнообразных <...> затруднений» (Записка о жизнедеятельности // Арх. СПбИИ РАН. Ф. 298. Л. 1–2). Хотя еще в 1917 он отправил семью на юг России (его брак в 1912 окончился разводом), Г. продолжал заботиться о двух дочерях. С июня 1918 для него начинается период переездов: Киев, Одесса, Новороссийск, Константинополь, Болгария; с 1920 проф. в Софийском ун-те (подробнее см.: *Беляева*; исследовательнице

также удалось обнаружить и опубликовать рукописную автобиографию Г. за период Гражданской войны и эмиграции).

После высылки в СССР в 1923 Г. поселился в Москве, где сотрудничал с Ин-том востоковедения. В 1930 он возвращается в Ленинград, работает в ОГИЗ, БАН, ИИМК, получает степень д-ра ист. наук: «Волна то опускала его вниз — на библиотечную работу, то снова возносила вверх» (Хоментовская А. И. Пройденный путь // Итальянская гуманистическая эпитафия. СПб., 1994. С. 231). Интересно, что при написании коллективного учебника по истории Средних веков Г. возвращается к Византии и средневековой истории Востока, т. е. к тому материалу, с которого когда-то он начинал свою науч. деятельность. Будучи уже пожилым и больным человеком, Г. был лишен заботы родных, которых отчасти заменил его бывший студент Б. А. Романов. 8 окт. 1937 Г. освобожден от службы в ИИМК «как неблагонадежный», а 27 авг. 1938 арестован по статье 58-6, 10, 11 УК РСФСР. Через год, 16 июля 1939, дело прекращено ввиду подтверждения психич. болезни, после чего Г. находился в психиатрич. больнице им. Фореля по февр. 1940, когда семье Романовых было разрешено «взять больного Гримма на поруки в домашнюю обстановку». 25 февр. 1940 Г. скончался в квартире Б. А. Романова (в некоторых биограф. изданиях ошибочно указано, что он умер в заключении; см., напр.: Томсинов В. А. Предисловие // Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. М., 2003. С. 21. Примеч. 2).

Литература: Панях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000; Пресняков А. Е. Письма и дневники 1889–1927. СПб., 2005; Беляева О. М. Эрвин Давидович Гримм. Судьба ученого на переломе эпох // Исторические записки. 2009. № 12 (130). С. 308–351 ♦ БС Казан. ун-та; НЭС; Фролов 2006; Бузескул 2008; Биографика СПбГУ (со справкой об архивах).

С. К. Егорова

ГУРЕВИЧ Яков Григорьевич

GUREVIČ Ja. G.

[1(13).1.1843 (1841), Одесса —
3(16).3.1906, Петербург; Никольское
кладб. Александро-Невской лавры],
*историк, педагог,
издатель ж. «Русская школа»*

Из некогда состоятельной, но разорившейся семьи. По окончании Одесской 2-й гимназии (1860) занимался на юрид. ф-те Киевск. (с 1861), затем Моск. ун-та (1862–1865). Завершил образование в Петерб. ун-те (1868, кандидат). По выходе из ун-та недолго учительствовал в Новгороде, в 1870 вернулся в Петербург на должность учителя истории Петерб. 1-й гимназии. В 1871–1873 стажировался за границей (Берлин, Бонн), преимущ. в области истории и права. Вернувшись в Россию, служил в открывшемся Петерб. учительском ин-те (1873–1883). В разные годы преподавал также историю на Петерб. ВЖК, в Петерб. 3-й гимназии, Константиновском воен. и Михайловском артиллерийском уч-щах; давал частные уроки в великосветских домах (в т. ч. детям министра Д. А. Толстого). В 1883 приобрел частную гимназию Бычкова (Гимназия и реальное уч-ще Гуревича) и сосредоточился на управлении ею. В качестве прив.-доц. читал лекции по новой истории в Петерб. ун-те (с 1885 по 1888). Постоянно участвовал в совещаниях МНП и Ученого комитета как признанный эксперт по проблемам гимназич. образования. Чл. многих комитетов и общ-в, в т. ч. Имп. человеколюбивого общ-ва, Ист. общ-ва при Петерб. ун-те, Педагогич. общ-ва, Общ-ва для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым, Лит. фонда (казначей), Комитета грамотности. Редактор (с янв. 1890) ж. «Русская школа», посвященного вопросам гимназич. педагогики.

Молодость Г. пришлась на бурные 1860-е, и «впечатления, вынесенные Яковом Григорьевичем из этой жизнерадостной творческой эпохи, гармонировали с его темпераментом» (*Келтуяла В. Я. Г. Гуревич // Памяти Якова Григорьевича Гуревича. 1843–1906. СПб., 1906. С. 5*). Кипучая натура Г. («непременное участие во всякой деятельности»), как и необходимость содержать семью после ранней женитьбы, мало располагали к академ. занятиям (*Латышев. С. 83*). Без явного успеха и недолго он читал лекции по новой истории в ун-те, зато его чувствительность к методу, темперамент и ораторский дар оказались вполне успешными в школьной аудитории: в свое время считался одним из лучших гимназич. преподавателей истории. Вспоминая Петерб. 3-ю гимназию, проф. Н. Я. Чистович (Бывшая 3-я гимназия. С. 95) называет «выдающегося учителя истории Якова Григорьевича Гуревича» и латиниста Э. Э. К е с с л е р а единственными учителями, благодаря которым он полюбил древних авторов и познакомился с антич. миром.

Из публикаций Г. по древней истории известность получил гимназич. учебник **«История Греции и Рима: курс систематический»** (СПб., 1876; ¹¹1914; переработан С. Вознесенским; в разных изданиях также встречались дополнения других авторов, напр., для ⁶1894 раздел об Афинской республике переработал А. Н. Щ у к а р ё в). Комиссией (под руководством В. Г. В а с и л ь е в с к о г о) пособие было удостоено Малой Петровской премии. Оценив достоинства учебника (отличное изложение разделов по истории литературы и искусства, уместное введение антич. общественно-полит. терминологии, отсутствие грубых фактич. ошибок), комиссия отметила около 270 мелких недочетов (книга спешно дорабатывалась автором для конкурса в летние вакации) — от опечаток образца «Апполон» до невнятного перевода

гомеровских цитат; «самым важным недостатком» была признана несоразмерность изложения разных периодов (О третьем присуждении премий императора Петра Первого // ЖМНП. 1876. Июнь. С. 105–123). Неуместную для учебника и несколько архаичную велеречивость автора, «очевидно знакомого с лучшими трудами по истории Греции и Рима», отметил рецензент «ВЕ» (1876. № 12, в объявлениях).

Тематически с антич. историографией связана и статья **«Эпоха Псамметиха: по Геродоту и по Диодору»** (ЖМНП. 1871. Сент.–окт.) — анализ преобразований фараона Псамметиха и его преемников, пустивших в страну «новую струю чужеземного влияния, которую не в силах был уже переварить одряхлевший Египет». В оценке (с оглядкой на работу Х. Гейне) трудов Геродота и Диодора как источников истории Древнего Египта Г. отдал предпочтение Геродоту с его более «критическим, можно сказать, научным отношением к делу».

Другие труды Г. обращены к темам новой европ. истории. Упоминаются (Всемирная иллюстрация. 1893. Т. 49. С. 311) его статьи об истории Первого крестового похода («Zur Kritik der Geschichtschreiber des ersten Kreuzzugs») и статья «Происхождение войны за испанское наследство и коммерческие интересы Англии» (ЖМНП. 1884. Июль–авг.; Окт.; Дек.; отд.: СПб., 1884). Г. — автор учеб. пособий: «Историческая хрестоматия по новой и новейшей истории» (СПб., 1876–1880. Ч. 1–2; ⁵1914) и «Историческая хрестоматия по русской истории» (СПб., 1887–1889. Ч. 1–3, совместно с Б. А. Павловичем); рецензенты отметили некоторую неразборчивость составителя при пользовании различными источниками: «винегрет из авторов» (ВЕ. 1876. № 11). При участии Г. (редактор и автор предисловий) были подготовлены к печати несколько переводов иностр. пособий, в т. ч. «Герои Рима в войне и мире. История Рима в биографиях» Г. В. Штолля (СПб., 1877 и 1896) и «Общий очерк истории Европы» Э. Фримана (СПб., 1880).

Энтузиазм Г.-педагога счастливо сочетался с необыкновенным трудолюбием. В. А. Латышев, коллега Г. («хорошего и веселого товарища») по Учительскому институту, часто видел его входящим в аудиторию с мокрым полотенцем на голове после бессонной трудовой ночи (*Латышев*. С. 82). До последних дней, несмотря на слабеющее сердце, он выдерживал серьезные адм., преподавательские и редакторские нагрузки: «Работоспособность, отзывчивость и энергия в труде были отличительными качествами почившего» (Я. Г. Гуревич: Некролог // ЖМНП. 1906. Апр. С. 197).

Блестящий при некотором многословии оратор-импровизатор, педагог и психолог по призванию, Г. жил с убеждением, что хорошее индивидуальное воспитание может в корне преобразовать детскую личность (см.: **К вопросу о реформе системы среднего образования в особенности же классических гимназий**. СПб., 1900; 1906). К организации занятий в своей гимназии Г. относился творчески и лично входил во все дела, пристально следя за учеб. и воспитательным процессом. Он стремился привлекать квалифицированных преподавателей (в разные годы в его гимназии работали С. Ф. Платонов, О. О. Кёниг, И. Ф. Анненский, П. П. Митрофанов и др.), поддерживал знакомства с многими незаурядными педагогами своего времени, в т. ч. В. Я. Стоюниным и А. Н. Острогорским. Регулярно выезжая за границу, знакомился с зарубежными методиками и с позиций педагога-новатора даже позволял себе критич. замечания по адресу толстовско-дедяновской гимназии (*Максимова С. Н.* Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX — начала XX века. М., 2005. С. 34), впрочем, в серьезных ситуациях решительно присоединялся к мнению МНП («держал нос по ветру и боялся всяких гусей», по выражению Ю. А. Кулаковского — ОР РНБ. Ф. 608. № 906. Л. 134). К воспитанникам

своей «дорогой и аристократической» гимназии (*Ярон Г.* О любимом жанре. М., 1963. С. 20; автор учился в одно время с кн. Феликсом Юсуповым) Г. относился «по-отечески», находил в ней бесплатные места и для «учительских детей».

В течение всей жизни выступал в печати с заметками по проблемам школьной педагогики (в ж. «Учитель», «Педагогический сборник», «Женское образование» и др.), а затеяв издание ж. «Русская школа», отдавал много сил редакторской работе: сам писал значительную часть номера, правил корректуру, вел переписку с авторами. Его кабинет при гимназии служил одновременно и редакцией журнала, а нередко и спальней редактора, т. к. добраться до своей квартиры занятый подготовкой номера Г. успевал не всегда.

Скоропостижная смерть Г. (от сердечного приступа) вызвала многочисленные отклики в печати (частично собраны его близкими в сб. «Памяти Якова Григорьевича Гуревича»).

Склонность к журналистике унаследовали и его дети: Яков (1869–1942?)

помогал отцу с изданием «Русской школы»; Виссарион (1876–1940), участник революционного движения (эсер), публицист, сотрудничал в российских и (после эмиграции) зарубежных изданиях; дочь Любовь, писательница-романистка, в 1891–1898 сама издавала ж. «Сев. вестник».

Литература: *Соловьёв Д. Н.* Пятидесятилетие С.-Петербургской Первой гимназии 1830–1880: ист. записка. СПб., 1880; *Семевский М. И.* Знакомые: альбом. 1867–1888. СПб., 1888; *Добротворский В. А.* Пятидесятилетие Одесской 2-й гимназии: ист. записка (1848–1898). Одесса, 1898; *Георгиевский А. И.* К истории Ученого комитета МНП. СПб., 1902;

Латышев В. А. Некролог Я. Г. Гуревича // Русский начальный учитель. 1906. № 1; *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. М., 2008 ♦ Прозоров; Брокгауз; БС СПб. ун-та; Венгеров (Источники, Список); Воронков; РБС; Свясов; Бузескул 2008.

Архивы: *Личный фонд:* РГАЛИ. Ф. 132 (539 ед.); *Отд. документы и письма:* РГИА. Ф. 733. Оп. 225. № 124 (ф. с. 1894); ОР РНБ. Ф. 248 (А. А. Дернов), 585 (С. Ф. Платонов), 608 (И. В. Помяловский), 621 (А. Н. Пыпин); ЦГИА СПб. Ф. 114 (Петерб. 1-я гимназия), 171 (Гимназия Гуревича); РО ИРЛИ. Ф. 62 (П. И. Вейнберг), 72 (Б. Б. Глинский), 89 (Л. Я. Гуревич), 134 (А. Ф. Кони), 252 (Э. Л. Радлов), 377 (С. А. Венгеров) и др.

В. П. Смышляева

ДАВЫДОВ
Иван Иванович

DAVYDOV I. I.

[15(26).6.1794, с. Зеленцыно, Тверское наместничество — 15(27).11.1863, Москва; похоронен в Новоспасском монастыре],
философ, лингвист, педагог

Из небогатой дворянской семьи (сын коллеж. ас.), рано осиротел. Начальное образование получил дома и в Тверском дворянском уч-ще (1800–1807). Успехами в изучении языков (проживая на квартире учителя И. Геннига, магистра Гёттингенского ун-та, Д. имел возможность дополнительно практиковаться в лат. и европ. языках) обратил на себя внимание попечителя Моск. ун-та М. Н. Муравьева. С 1808, после недолгого пребывания в Академ. гимназии, был принят одновременно на словесное и естественное отделения Моск. ун-та; старшекурсником преподавал греч. язык в Академ. гимназии. По окончании курса (1811, кандидат) начал службу инспектором классов и учителем рус. словесности и математики в Благородном пансионе при ун-те; подрабатывал также письмоводителем в ун-тской б-ке. В 1812–1813 находился с воспитанниками в Казани, где сблизился с кружком проф. Н. И. Лобачевского и В. И. Панаева.

В Казани приступил к подготовке магист. экзамена, который выдержал в Моск. ун-те (1814). Спустя год защитил докт. сочинение **«О преобразовании в науках, произведенном Бэконом»** (Моск. ун-т, 1815; д-р словесных наук). В Моск. ун-те читал дисциплины филос. цикла (адъюнкт этико-полит. отделения с 1817), математику (экстр. проф. каф. чистой математики, 1820). После смерти Р. Ф. Тимковского занял каф. лат. словесности (экстр. проф. 1820; орд. проф. 1822), затем — каф. философии в 1822–1826. Одновременно продолжал преподавание российской словесности и философии в Благородном пансионе до 1826 (инспектор с 1818). Служил еще инспектором в Лазаревском ин-те и Александринском сиротском ин-те (1832–1846). В 1826 по указанию проверяющего ун-т С. Г. Строганова был отстранен от преподавания, с окт. 1827 по 1831 числился проф. математики. После смерти А. Ф. Мерзлякова заместил его на каф. рус. словесности как «орд. проф. красноречия, стихотворства и языка русского» (с 1831); с 1845 засл. проф.; декан словесного отделения в 1837–1846 (с перерывами), проректор (с 1844), почетный чл. Моск. ун-та (с 1847). Инспектор частных учеб. заведений; член редакции «Ученых записок» Моск. ун-та, предс. Комитета для рассмотрения руководств (с 1850) и др. В 1846 по рекомендации С. С. Уварова

заменял Ф. И. Миддендорфа на посту директора ГПИ (РГИА. Ф. 733. Оп. 93. № 171. Л. 9; в деле три ф. с. Д. разных лет); также читал рус. словесность до 1851. Отставленный в связи с закрытием Ин-та в янв. 1859, возвратился в Москву. Тайн. сов. (1840), д. тайн. сов. (1856), сенатор (1859). Акад. АН (1841, по ОРЯС). Чл. ОЛРС (1816; редактор «Трудов ОЛРС» после М. Т. Каченовского) и ОИДР (1823). Почетный чл. Казан. (1849), Моск., Дерпт. (1852) и Харьков. (1854) ун-тов.

О восприимчивом к различным наукам Д. его ун-тский товарищ писал: «Давыдов, по учению и дарованию, был первый между нами» (Дневник И. М. Снегирёва и его воспоминания. М., 1905. Т. 2. С. 278). Впрочем, признавая образованность Д., современники считали его эклектиком и не признавали специалистом «ни в одном из предметов, о которых писал» (Буслаев Ф. Мои воспоминания. М., 1897. С. 119). Д. был учеником И. Буле и Р. Тимковского; за перевод на рус. язык лат. сочинения последнего «О различии греческого и римского просвещения» Д. студентом удостоился зол. медали. Был

он успешен и в естественных науках — слыл хорошим математиком, перевел на рус. язык пособия Л.-Б. Франкёра «Высшая алгебра» (М., 1824) и «Интегральное и вариационное исчисление и исчисление разностей» (М., 1825). В отчете о ревизии Моск. ун-та (1832) Уваров причислил Д. к числу немногих профессоров, которые «стоят на степени желаемого образования по своей науке и владеют способностью передавать свои познания» (Уваров С. С. Избр. труды. М., 2010. С. 296). Лат. словесность (авторов, историю римск. литературы, «теорию лат. слога») и римск. древности Д. преподавал с начала 1820-х параллельно с философией, которой — до катастрофы 1826 — он отдавал предпочтение, намереваясь со временем передать своему ученику М. П. Погодину унаследованную от Тимковского каф. лат. словесности. Для этого Д. настоял на завершении и публикации в 1823 студ. работы Погодина — комментария к избранным стихотворениям Горация. В бедное учеб. литературой время выпустил ряд компилятивных пособий по древним языкам: «Начальные правила греческого языка» (М., 1820; ²1831); «Греческая грамматика» (М., 1821; ²1831); «Речи Цицерона» (М., 1821); «Латинская хрестоматия» (М., 1822); «Учебная книга латинского языка» (М., 1826) и речь «*Commentatio de studiis humanitatis praecipue respectu litterarum Romanorum habita*» (М., 1820).

По воспоминаниям современников, на лат. языке «говорил складно» (Бобров. С. 3). Науч. работы молодого Д. посвящены преимущ. философии: в 1817–1818 он начал читать логику и этику, затем и историю философии. По суждению проф. Д. М. Велланского, «обладал большими философскими дарованиями», но собственной стройной теории не создал, переходя в своих увлечениях от Бэкона к Локку, от Кондильяка к Шеллингу (см.: Там же. С. 22). Современниками вместе с М. Г. Павловым причислялся к первым

моск. шеллингианцам: Ф. В. Булгарин еще в 1846 напоминал властям, что «немецкую философию привезли в Москву из Германии проф. Давыдов и Павлов. В Москве тотчас образовалась огромная партия философов» (Видок Фиглярин. С. 491). Д., как и А. И. Галч, с которым в 1820-е современники его сближали как жертву опалы, развивался в направлении психологизма; в современных обзорах истории мысли в России он выступает как «психологизирующий кантианец» и эстетик, попытавшийся с пропедевтическими целями осуществить синтез вольфианства с учением раннего Канта (НФЭ. Т. 1. С. 578).

Лекции молодого Д. произвели впечатление в Моск. ун-те 1810–1820-х, повлияв на мировоззрение и эстетич. представления многих студентов, в т. ч. П. Н. Кудрявцева, М. Н. Каткова, Ф. И. Буслаева, Д. В. Веневитинова, В. Ф. Одоевского, А. А. Фета, Я. П. Полонского и др. Как пишет историк русской мысли, «Давыдову нельзя отказать в знании истории философии, ни в известной философской проницательности, но все это не дало никаких ценных плодов в смысле творчества. Заслуги Давыдова исчерпываются его влиянием на молодежь» (Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1, ч. 1. С. 136). По оценке А. И. Веденского, инспектор Благородного пансиона Д. оживил «умственную жизнь своих питомцев», пропагандируя учение Шеллинга, снабжая их книгами, устраивая ученые прения, и «имел сильное влияние на все поколение, прошедшее через его руки в этом учреждении, возбуждая в нем, а через него и во всем московском студенчестве стремление и любовь к философии».

Помимо дис. «О преобразовании в науках, произведенном Бэконом» (большая часть печаталась в «ВЕ» за 1815), Д. издал филос. рефераты: «**Опыт руководства к истории философии**» (М., 1820); «**Commentatio de natura**

et indole philosophiae Graecorum et Romanorum» (М., 1820) и «**Начальные основания логики**» (М., 1821; книга вызвала негодование попечителя М. Л. Магницкого, см.: Никитенко. Т. 1. С. 325). В возмущившей Строганова лекции «**О возможности философии как науки**» (М., 1826) пропагандировал нем. науч. систематизацию, отделяя от чистой философии (логика, этика и эстетика) философию прикладную (онтология, космология, пневматология). После упразднения кафедры философии Д. бедствовал (он даже вынужден был продать свою студ. медаль) и, возможно, пережил психол. надлом: от либеральных порывов молодости он успешно пришел к «официальной народности». К философии Д. возвращается теперь редко и без успеха: его статью «**О возможности эстетической критики**» (ОЗ. 1839. № 8) пристрастный к автору В. Г. Белинский (изгнанный Д. из Моск. ун-та) охарактеризовал в письме как опус «пошляка, педанта и школяра» (Белинский. Т. 9. С. 247).

С начала 1830-х обратился к рус. словесности: в современных лингв. изданиях Д. упоминается в числе первых отеч. грамматистов наряду с Н. И. Гречем и А. Х. Востоковым. При описании системы языка опирался на аристотелевскую логику и лат. грамматич. категории (Лингв. энцикл. словарь. М., 2002. С. 247); чуткий к науч. новизне, одним из первых заговорил с кафедры о сравнительном изучении языков, знакомя студентов с именами Ф. Боппа, В. Гумбольдта, Я. Гримма, а в адресованном Мерзлякову «**Взгляде на греческую и русскую просодию**» (Гр. ОЛРС. 1817. Т. 11) защищал рус. гекзаметр, утверждая, что «буквы наши и звуки языка <...> почти все греческие» и, следовательно, близки греческому в произношении (в т. ч. допускал различие долгих и кратких слогов для русского стиха). Его «философскому подходу» к изложению проблем языка вредило многословие, избыточное

цитирование греч. и римск. грамматиков и бессодержательное фразерство, часто преобладающее над «весьма элементарными и немногочисленными положениями» (из отрыва о речи Д. «Опыт о порядке слов»; см.: Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. М., 2010. С. 1028). Как лектор Д. был искусен, «из ничто умел делать содержание лекции» (Из неизданных бумаг С. М. Соловьёва // РВ. 1896. № 2), но также более гладок, чем увлекателен: по воспоминанию Гончарова (Гончаров И. А. СС: в 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 247), «Квинтилиан, Блэр и Баттё не сходили у него с языка, но самому ему не давалась ars oratoria: искры, feu sacré, у него не было», «плавная и наполненная приличия» речь изобиловала ходячими истинами и округлыми фразами, так что его курс словесности недоброжелателями определялся как «ничто о ничем». Впрочем, семинары Д. вел нетривиально: мог раздать студентам чью-нибудь только что защищенную дис. и, выступая от лица ее автора, предоставить им право «разносить крепость в пух и прах». Лекции Д. по теории словесности (по Блэру, «на новых основаниях Шеллинга» и с примерами из рус. и иностр. литературы различных эпох), разобранные и прокоммент. им на семинарах, были изданы по записям студентов: **«Система российской словесности»** (М., 1832). Впоследствии они были дополнены в главном труде Д. **«Чтения о словесности»** (Т. 1–4. М., 1837–1838; ²1837–1843), отразившем давний интерес автора к эстетич. лит. критике и философии языка (в смысле влияния ист. бытия народа на его мировоззрение и язык); труд был ценен педагогами и за ист. взгляд на развитие лит. жанров. По рекомендации ОРЯС выпустил **«Грамматику русского языка»** (СПб., 1849), которую хвалил И. И. Срезневский за знание языка вкупе с умением им пользоваться (Отчет АН по ОРЯС за 1850. СПб., 1851. Прил. 2). Д. принадлежит и **«Опыт общесравнительной грамматики русского языка»**

(СПб., 1852; ³1854), в котором «выразились принципы универсального логического подхода к описанию конкретного языка (школа К. Ф. Беккера)» (Н. В. Кузнецова — РП. Т. 2. С. 74); Ф. В. Булгарин посвятил «вредной» грамматике Д. большую критич. статью, не получившую ценз. одобрения (Видок Фиглярин. С. 586). Как многолетний соратник Уварова, Д. до последних дней выступал защитником российского классицизма (**Об изучении древних языков и преимущественно латинского** // ЖМНП. 1856. Ч. 91. Авг.); в дни сгущающейся реакции его статья **«О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании»** (Современник. 1849. № 3; доп. и разрешена к печати Уваровым) произвела впечатление на общество уже забытым просветительским пафосом (Никитенко. Т. 1. С. 331; Барсуков. Т. 10. С. 529).

Д. писал: «Иные восстают на обучение в университетах и университетских заведениях греческому и латинскому языкам. Новая борьба тьмы со светом — видеть в ученых латинистах будущих кровожадных извергов французской революции <...>. Древняя и новая филология усиливает мысль и развивает нравственные чувства, тем более в условиях православия и резкого ограничения числа семинаристов» (цит. по кн.: Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX вв. М., 2011. С. 166–167).

Несмотря на верноподданнические пассажи, статья Д. вызвала раздражение царя и ускорила отставку Уварова.

Антич. компонент Д. щедро включал и в свои лекции (статьи) по рус. словесности, отчасти предварив поиски «неоэллинистов» начала XX в.: «История древняя представляет собой совершенство форм, история новая — глубину мыслей. Геродот и Ливий относятся к Вико и Гердеру, как Гомер и Софокл к Данту и Шекспиру» (**Чтение о современной литературе: Взгляд на «Историю государства Российского» Карамзина** // ИАН по ОРЯС. 1855. Т. 4. С. 214).

На негативное восприятие современниками Д., чей «обширный ум, бездну познания, знание жизни» (А. Никитенко) признавали многие, влияли его непомерное честолюбие и интриганство. В практической жизни Д. был неразборчив в средствах и рано усвоил «склонность ссорить» (И. Снегирёв), которая с чинами только усиливалась. Он беззастенчиво преследовал вызывавших у него неприязнь студентов (напр., К. А. Коссовича: РС. 1886. № 12. С. 614), коллег, а по адресу начальства не брезговал самой грубой лестью: Уварова в публичных речах сравнивал с «лучезарным солнцем», возбуждающим самого Д., как «Мемнонову статую» (ср. также «**Воспоминания о гр. С. С. Уварове**» [Учен. зап. 2-го отделения Имп. АН. 1856. Кн. 2, вып. 1]); «аттическим беседам» в имении министра Д. посвящал восторженные очерки «**Поречье**» (Москвитянин. 1841. № 9; 1844. № 10; 1846. № 9–11), смешившие Петербург (Барсуков. Т. 6. С. 155–156). К началу 1840-х нравственная репутация Д. — карьериста, который в состоянии «передернуть весь факультет как колоду, всех надуть и всех утопить волнами академического красноречия», сложилась вполне, о его «проделках» сочиняли анекдоты. После рождения сына Д., по слухам, написал несколько высокопоставленным Сергеев, в т. ч. попечителю С. Г. Строганову, С. М. Голицыну и С. С. Уварову, что назвал сына в их честь, чем заслужил расположение и подарки от всех «крестных отцов»; «атеист при Уварове», Д. обернулся богомольцем в министерство Ширина-Шихматова, завел в ин-те «комнатку с образами и лампадами» и старался «случайно» завлечь туда богомольного патрона.

Если и студенты Моск. ун-та «далеко не все любили» Д. (воспоминания о его холодности и мстительности рассеяны по различным мемуарам), то питомцы разночинного ГПИ директора «Ваньку» в большинстве презирали, посвящая

ему ядовитые эпиграммы (Пантелеев. С. 204). Попытки Д. реформировать ГПИ в годы студ. брожения, приблизив его программы к ун-тским, не имели успеха: ин-т был расформирован, а Д. отставлен. Глава студ. оппозиции Н. А. Добролюбов обвинял Д. в псевдопатриотич. демонстрациях и науч. плагиате (Партизан И. И. Давыдов во время Крымской войны // Колокол. 1858. 15 окт.; Добролюбов. Т. 1). Посмертная память снисходительнее к Д. — «человеку примечательному и во мн. отношениях достойному» (Барсуков. Т. 4. С. 309), хотя и полна сожалений о растратенном таланте: «Давыдов был человек, бесспорно, очень даровитый, способный к многосторонней деятельности, могший принести большую пользу науке <...>. Но он посвятил всего себя удовлетворению одной страсти — честолюбию» (Из неизданных бумаг С. М. Соловьёва. С. 13).

Литература: Шевырёв С. История имп. Моск. ун-та. К столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1855; Смирнов А. Краткое ист. обозрение действий ГПИ. 1828–1859., СПб., 1859; Аксаков К. Воспоминание студентства. 1832–1835 // День. 1862. № 39–40; Бобров Е. Литература и просвещение в России XIX в. Казань, 1902. Т. 2; Радциг С. И. Из истории кафедры классической филологии Моск. ун-та // Вопросы классической филологии. Вып. 1. М., 1965; Славяноведение; Каменский З. А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг. М., 1980; Введенский А. И. Судьбы философии в России // Очерки истории. А. И. Введенский. А. Ф. Лосев. Э. Л. Радлов. Г. Г. Шпет. Свердловск, 1991; Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998; Дмитриев М. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998; Философы России XIX–XX столетий; Филол. факультет Моск. ун-та: очерки истории. М., 2005 ♦ БС Моск. ун-та; Брокгауз; Прозоров; Венгеров (Источники, Список); РБС; РП; НФЭ; Серков; Дроздов и Федорченко; Русские филологи XIX; Мурзанов; Геннади 2006; Сайтов и Модзалевский 2006.

Архивы: Личный фонд: Музей истории и реконструкции Москвы.

В. П. Смышляева

**ДАШКОВ
Дмитрий Васильевич**

DAŠKOV D. V.

[25.12.1788 (5.1.1789), Рязанская губ. (по др. данным — Москва) — 26.11(8.12).1839, Петербург; Лазаревская усыпальница [Алекса́ндро-Невской лавры], *переводчик, литератор, гос. деятель*

Из старинного дворянского рода (отец был предводителем дворянства Богородицкого у. Рязанской губ.). Образование получил дома и в Благородном пансионе Моск. ун-та (окончил курс в 1801 с двумя сер. медалями и занесением имени на мраморную доску). В окт. 1801 принят юнкером в Моск. архив Коллегии иностр. дел (с 1804 — переводчик), где сблизился с Д. Н. Блудовым и И. И. Дмитриевым. В 1810 вслед за Дмитриевым, назначенным министром юстиции, переехал в Петербург. В 1810-е играл видную роль в столичной лит. жизни: участник и предс. ВОЛСХН (1810–1812), один из основателей общ-ва «Арзамас» (1815–1817; с прозвищем *Чу!* по любимому в балладах междометию). В сент. 1816 возвратился к службе в МИД: с июня 1817 «чиновник сверх штата», с 1818 — второй советник рус. миссии в Константинополе. В 1819–1821, ревизуя российские консульства на Ближнем Востоке, посетил Грецию. В 1822 вернулся в Россию, оставаясь управляющим делами Константинопольской миссии. Чл. Комиссии по составлению законов (1823). Своим адм. взлетом при Николае I был обязан рекомендации Н. М. Карамзина: статс-секр. и тов. министра внутренних дел (1826), исполнял обязанности управляющего Мин-вом юстиции (1829), министр юстиции (1832–1839; с сохранением звания статс-секр.) и чл. Гос. совета, тайн. сов. (1829). После отставки с поста министра председательствовал в Деп. законов и руководил

II отделением имп. Канцелярии. Почетный чл. Моск. (1829) и Киевск. (1835) ун-тов, чл. ряда науч. и лит. общ-в, в т. ч. ОИДР (1829) и ОЛРС (1829). Почетный чл. Российской академии (1838).

В российское антиковедение вошел как переводчик и один из создателей «русского гекзаметра». Переводы Д. из Греч. антологии поныне сохраняют лит. и филол. ценность как одна из первых удачных попыток передачи греч. эпиграммы «размером подлинника» — элегич. дистихом. Путь Д. к этому лит. труду пролегал через традиционные переложения с франц. языка и поэтич. подражания [среди заметных публикаций — идилия «**Следы золотого века**» (Утренняя заря. 1803. № 2)]. Увлечение антич. поэзией формировалось в атмосфере петерб. лит. салонов, где Д. общался с такими ценителями антич. культуры, как А. Н. Оленин, К. Н. Батюшков, С. С. Уваров, Н. И. Гнедич. Антич. темам посвящен ряд выступлений Д. на заседаниях ВОЛСХН (**Речь Юлия Цезаря к его воину пред Фарсальским сражением: из Лукановой Фарсалии** // Протоколы ВОЛСХН за 1811. № 204) и «Арзамаса», участникам которого он в 1815 читал свои переводы из предназначенных для «занимательного времяпрепровождения общества» «Парамифий» И. Г. Гердера. В 1817 Д. готовил перевод фрагментов Гердера для несостоявшегося сб. «Аониды» (*Майофис М.* Воззвание к Европе. Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М., 2008. С. 402). Вслед за Д. к Гердеру обратились В. А. Жуковск и Уваров и Батюшков; поэтич. итогом знакомства с автором сб. «Blumen, aus der griech. Anthologie gesammelt» (1785; около 680 переложений греч. эпиграмм) станет появление в российской литературе переводной греч. эпиграммы.

Оказавшись в Константинополе, Д. получил возможность выучиться греч. языку. В 1818 он писал Дмитриеву: «Главное

занятие мое здесь, после службы, есть греческий язык. И нужда, и давнишняя охота побудили ему учиться. К счастью нашел я здесь исправного Логиотатоса [Λογιώτατος — наиученейший. — Прим. ред.] в наставники и читаю с ним Омира и Платона. Говорить начинаю, но еще худо» (РА. 1868. № 1. С. 590). Однако, обладая отличными лингв. данными (знал лат., итал., нем., франц. языки), выучил греч. и новогреч. в достаточной степени, чтобы переводить греч. эпиграммы с оригинала.

Одновременно с Д. к этому жанру обращаются Уваров и Батюшков: в 1820 Д. издал (без имен авторов) их совместную брошюру «О Греческой антологии» (СПб.; написана в 1817), в которой наряду с восходящими к Гердеру и Винкельману оценками антологии как «драгоценного памятника» содержался разбор ее изданий и переводов, верных, но «не довольно гибких, не довольно игривых», а также переложения эпиграмм из антологии Гердера на франц. и рус. язык, выполненные Уваровым и Батюшковым. Переводил Д. с издания Ф. Якобса (*Anthologia Graeca*. Vol. 1–3. Lipsiae, 1813–1817), но не пренебрегал и переводческими опытами предшественников (в т. ч. И. Дмитриева, Г. Державина, К. Батюшкова). Д. добросовестно работал с комментариями издателей, о ритмич. вариантах дактилич. гекзаметра консультировался с Гнедичем: «На праздниках я как-то опять принялся за свои греческие надписи, но должен был прочесть полтома комментариев для того, чтобы хорошо понять дюжины две стихов» (из письма к Дмитриеву от 1824 — РА. 1868. № 1. С. 599). В 1825–1828 Д. выпустил переводы 80 эпиграмм: «**Цветы, выбранные из “Греческой антологии”**» (Северные цветы на 1825; Полярная звезда на 1825; Моск. телеграф. 1827. Ч. 17; 1828. Ч. 19); переводы еще двух эпиграмм добавлены из рукописей в сб. «Поэты 1820–1830-х гг.» (Л., 1972). Тематич. предпочтения Д. проявились

в выборе героич. и филос. эпиграммы, в меньшей степени его привлекала поэзия описательная и любовная; среди переведенных авторов — Мелеагр, Феодорит, Филлипп Фессалоникский, Агатий, Алкей Мессенский, Антипатр Сидонский, Антифил, Диоскорид, Аполлонид, Архелай, Гетулик, Леонид Тарентский и др.

Образцы переводов:

Антипатр Сидонский: «Вестник Кронида, почто ты, мощные крылья простерши, / Здесь на гробе вождя Аристомена стоишь? / Смертным вещаю: как я из целого сонма пернатых / Силою первый, так он первым из юношей был. / Робкие к робкому праху пускай летят голубицы; / Мы же бестрашных мужей любим могилы хранить»;

Мелеагр: «Прелести дал Зенофиле Эрот. Хариты — любезность. / Пафия с поясом ей власть над сердцами дала»;

Феодорид: «В бурных волнах я погиб, но ты плыви без боязни. / Море, меня поглотив, в пристань других привело».

Многие из переводов Д. воспроизведены в антологиях XIX (в т. ч. «Древнегреческие поэты в биографиях и образцах» В. А. Алексеева) и XX в.:

«Греческие эпиграммы» (М.; Л., 1935), «Лирика древней Эллады» (М.; Л., 1935), «Античная лирика (М., 1968), «Эпиграммы Греческой антологии» (М., 1999) и др. Успех у публики труда Д. породил моду на антологич. поэзию и повлиял на последующую традицию перевода эпиграммы (от В. С. Печерина до Л. В. Блуменау), поскольку, «во-первых, это было самое большое в то время собрание греческих эпиграмм в русских переводах и таким оно осталось еще долгие годы до выхода в 1935 году сборника переводов Блуменау. Во-вторых, <...> Дашков очень рано осознал необходимость не только обращения к подлиннику, но и филологического подхода к нему» (*Кибальник С. А.* Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. Л., 1990. С. 129, 133). Ценили современники вклад Д., убежденного «карамзиниста», в обновление рус. лит. языка: главными мишенями его ироничной критики была «угрюмая тройка певцов»: Шишков, Шаховской и Хвостов из «Беседы любителей русского слова». В «Разборе “Двух статей из Лагарпа”», возражая против шишковской идеи обеднения современного рус. языка сравнительно со «славенским» (церковнославянским), Д. попытался представить рус. язык в его развитии. На последовавшую за «Разбором» антикритику Шишкова Д. ответил статьей «**О легчайшем способе возражать на критику**» (СПб., 1811), составившей «эпоху в полемике о языке и в истории русской критики» (*Киселёва Л. Н.* [Комментарии к произведениям Д. Дашкова. С. Уварова, Н. Гнедича] // Арзамас. Т. 2. М., 1994. С. 458) и принес ему «между беспристрастными литераторами большую славу» (*Дмитриев*. С. 195). Д. развивает мысль, что «славенский» язык, за который ратует Шишков, мертв, а «нескладное сборище славенских выражений», хотя бы и самого возвышенного стиля, не может быть основой современной речи, и доказывает, что многие красоты древнего языка, пленяющие Шишкова, не что иное,

как кальки с греч. Лингв. представления Д. соответственно эпохе часто наивны: так, он ошибочно приписал отделение рус. языка от славянского татарскому влиянию, а «корнем латинского языка» назвал смешение этрус. и греч. языков (*Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России XIII–XIX вв. М., 2010. С. 755–756), однако само участие Д. в дискуссии о старом и новом языке было полезным для науки и литературы. Во время пребывания на Востоке и в Греции Д. разыскивал в книгохранилищах древние рукописи, кратко описывая находки: «**Афонская гора: отрывок из путешествия по Греции в 1820 г.**» (СПб., 1825); «**Известие о греческих и латинских рукописях в серальской библиотеке**» (СПб., 1825); «**Русские поклонники в Иерусалиме: отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 г.**» (СПб., 1826). Как гос. деятель по условиям эпохи проявился недостаточно: его реформаторские идеи столкнулись с непреодолимыми полит. препятствиями (Почетные члены Моск. ун-та и науч. общ-в при нем. М., 2005. С. 66), так что их итоги измерялись П. А. Вяземским в «гомеопатических дробях» (*Барсуков*. Т. 5. С. 355). Веселый и привлекательный внешне, обладавший «какой-то нравственной силой» (*Вигель Ф.*), Д. легко завоевывал симпатии окружающих, хотя (из-за заикания?) в общ-ве с молодости держался «несколько угрюмо». Был ценен современниками также за эрудицию («следил за всеми отраслями наук и литературы» — *Дмитриев*. С. 281) и «светлый и обширный ум, в котором было много иронического воззрения на жизнь» [*Корф М. А.* Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1899. № 7. С. 27].

Литература: *Блудова А. Д.* Воспоминания. М., 1888; *Поэты 1820–1830-х годов*. Л., 1972. Т. 1; *Эткинд Е.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973; *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина. Л., 1983; *Дмитриев М.* Мелочи из запаса моей

памяти // Дмитриев М. А. Московские элегии. М., 1985. С. 141–302; Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. М., 2001; *Вигель Ф. Ф.* Записки. Кн. 2. М., 2003 ♦ Брокгауз; БС ОЛРС; Прозоров; Венгеров (Источники, Список); Воронков; Свиясов; РБС; РП; Шилов; Геннади 2006; Сайтов 2006; Российская академия наук; Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энцикл. М., 2010.

Архивы: *Личный фонд:* РГИА. Ф. 1630 (525 ед. хр.); *Отд. документы и письма:* ОР РНБ. Ф. 7, 78; РГИА. Ф. 1343 (Оп. 20. № 623. Л. 256–261, ф. с. 1839).

В. П. Смышляева

ДЕЛЯНОВ

Иван Давыдович

DELJANOV I. D.

[30.11(12.12).1818), Москва — 29.12.1897(10.1.1898), Петербург; Воскресенская церковь — усыпальница Смоленского армян. кладб.], *гос. деятель, министр народного просвещения, директор Публичной б-ки*

Граф (титул получил в 1888), попечитель Петерб. УО (1858–1866), директор ИПБ (1861–1882), министр народного просвещения (1882–1898), почетный чл. Петерб. АН (с 1859).

Происходил из древнего армян. рода Деляновых, с XVIII в. состоявших на российской службе (*Господарик*. С. 101). Д. получил начальное домашнее образование, затем окончил гимназию в Москве; из того, что касается изучения древности, особенно преуспел в латыни. Для подготовки детей к поступлению в ун-т отец Д. приглашал «весь свет тогдашней учености» (*Хрущев*. С. 8).

На юрид. ф-те Моск. ун-та товарища-ми Д. были М. Н. Катков и Ф. И. Буслаев, дружбу с которыми он сохранил и впоследствии. По окончании ун-та переехал в Санкт-Петербург. Служил во 2-м отделе И. в. Канцелярии

(1838–1858). Приобрел покровительство графа Д. Н. Блудова. В этот период жизни Д. отличался либеральными взглядами и на протяжении ряда лет был соратником министра народного просвещения Авр. С. Норова (*Господарик*. С. 102).

С 1858 Д. становится попечителем Петерб. УО; ему хорошо удавалась роль посредника между правительством и деятелями высшей школы. Был он чрезвычайно популярен и в среде учащейся молодежи: у него искали защиты от придирчивых требований университетской инспекции (Там же. С. 102).

Прежде чем стать министром, Д. занимал должность директора Публичной б-ки. На этом посту он немало способствовал улучшению ее работы: привел в порядок финансирование, организовал книгообмен, приложил значительные усилия к упорядочиванию фондов, открыл новый читальный зал, при котором была организована также комната для читательниц (*Голубева*. С. 187).

В 1882, по рекомендации М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева, Д. был назначен министром народного просвещения. Мин-вом Делянова в 1887 был основан Рус. ин-т римского права при Берлинском ун-те.

На посту министра Д. продолжал консервативную политику своего предшественника Д. А. Толстого (между Толстым и Деляновым эту должность занимали — менее года каждый — либерально настроенные А. А. Сабуров и А. П. Николаи). Д. сократил прием в гимназии лиц низших сословий [т. н. «циркуляр о кухаркиных детях»: под таким названием его упоминает В. Г. Короленко (*Короленко*. С. 512; опубли. в 1910)]. Доклад об этом был составлен в столь резких выражениях, что при публикации его пришлось несколько раз редактировать в сторону смягчения. По инициативе Д. в 1886 был закрыт прием на все существовавшие в городках России ВЖК. С большим трудом в 1889 удалось восстановить прием лишь

на Бестужевские курсы, при этом число слушательниц было ограничено до 400 человек, а плата за обучение повышена вдвое. Прочие женские высшие учеб. заведения были открыты уже после смерти Д.

При всем этом Д. славился своей безотказностью и постоянно был осаждаем толпой просителей и ходатаев. Такая мягкость была уместна и даже полезна для попечителя УО, т. к. позволяла вникать в нужды вверенных его попечению людей, однако в должности министра народного просвещения она же могла сыграть с Д. дурную шутку, заставляя идти на поводу у людей более решительных и преследующих личные цели. Находясь на посту министра, Д. гл. обр. был подвержен влиянию М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева (*Господарик*. С. 106). Безотказность эта, впрочем, могла быть вполне сознательной. Даже А. В. Эвальд в своем полностью апологетич. очерке отмечает, что Д. осознал эту свою черту и посмеивался над ней (*Эвальд*. С. 947). Такая добродушная самокритика вполне соответствует образу министра, нарисованному выпускником 3-й мужской гимназии, историком,

переводчиком (в частности, он был привлечен Ф. И. Успенским для работы по подготовке переиздания «*Glossarium mediae Graecitatis*» Дюканжа) Борисом Ке-саревицем Ординым (1866 — после 1935):

«Министром народного просвещения тогда был известный Иван Давыдович Делянов, впоследствии граф, статс-секретарь, андреевский кавалер и проч. Хитрейший армянин, человек большой образованности, необычайно со всеми любезный, но полный скептицизма и порой цинизма. <...> Он пленял многих простодушных людей своею доступностью: всем он все обещал, всех принимал отменно любезно, но, конечно, делал только тогда, когда это было легко или нужно по его соображениям. На визитных своих карточках со своими важными титулами он с легкостью неподражаемой писал для каждого просителя, совершенно неизвестного ему, неразборчивым почерком какие-то каракули и с этим ничтожным багажом выпроваживал просителей, низко ему кланявшихся и горячо благодаривших. В его приемной, на Невском пр., в доме армянской церкви, была грифельная доска, на которой, он, для успокоения просителя и скорейшего его удаления, сам мелком быстро записывал фамилию, адрес, о чем просит, и немедленно, по уходе обнадеженного и успокоенного просителя, быстро смахивал свои иероглифы губкою с самым спокойным выражением лица» (*Ордин Б. К.* Из воспоминаний о 3-й гимназии за сто лет // Бывшая 3-я гимназия. С. 123).

Современники и позднейшие авторы отмечают резкие различия во взглядах Д. до вступления на должность министра народного просвещения и после. Объясняется это тем, что он действовал всякий раз в духе «общих веяний» внутренней политики государства. Это не слишком лестно; однако в некрологе, опублик. в февральском номере «ИВ» за 1898, формулировки осмотрительнее:

«Силою вещей Д. был как бы унесен потоком времени от тех основ, коим служил до 1880-х, но было бы жестокой несправедливостью утверждать, что он целиком невозвратно ушел от старого к новому и не делал попыток примирения былого

с настоящим. В течение всего времени своего управления министерством (16 лет) Д. старался постепенно сладить крайности толстовского «классицизма». К 1890 г. касательно изучения древних языков в школах были подготовлены следующие изменения: главнейшею задачей поставлено чтение авторов и перевод их на русский язык, грамматике отведено второстепенное место, упразднены экстермпоралии» (Некролог // ИВ. 1898. Т. 71. С. 644–645).

У Эвальда находим мнение Д. относительно школьного классицизма (С. 942–943); оно сводилось к тому, что классическая образовательно-воспитательная система предпочтительнее уже тем, что она проверена временем. При этом Д. в целом был согласен, что система эта, возможно, кое в чем устарела, но стоял за то, что менять ее надо постепенно и весьма осторожно. Такая осторожность вызывала резкую критику в обществе, и В. Г. Короленко назвал Д. человеком, «много лет лежащим гнилой колодой поперек дороги народного образования» (Короленко. С. 698).

По завещанию, похороны Д. были проведены весьма скромно (Хрущёв. С. 56–64).

Литература: Хрущёв И. П. Памяти графа И. Д. Делянова [с портретом]. СПб., 1898; Эвальд А. В. Воспоминания о графе И. Д. Делянове // ИВ. 1898. Т. 71. С. 930–949; Голубева О. Д. И. Д. Делянов // СРНБ. Т. 1. С. 185–191; Господарик Ю. П. Иван Давыдович Делянов // Высшее образование в России. 2002. № 3. С. 101–118; Короленко В. Г. История моего современника. М., 2012; Некрологи: Биржевые ведомости. 1897. 30 дек.; ЖМНП. 1898. Янв. Отд. 1; ИВ. 1898. Т. 71. С. 637–652; МВед. 1897. 31 дек.; 1898. 2 янв. ♦ Шилов; Любжин.

Архивы: Арх. РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1861. № 50; ОР РНБ. Ф. 244; РГИА. Ф. 1604; Ф. 1343. Оп. 20. Д. 950 (о дворянстве); Ф. 1162. Оп. 6. Д. 167 (о службе 1882–1897).

Иконография: И. Делянов. С фотографии Штейнберга // Мюнстер А. Э. Портретная галерея русских деятелей: в 3 ч. СПб., 1864–1869. Ч. 1 (1865): Сто биографий. Л. 28; ИВ. 1898. Т. 71. С. 639.

Е. Д. Блацук

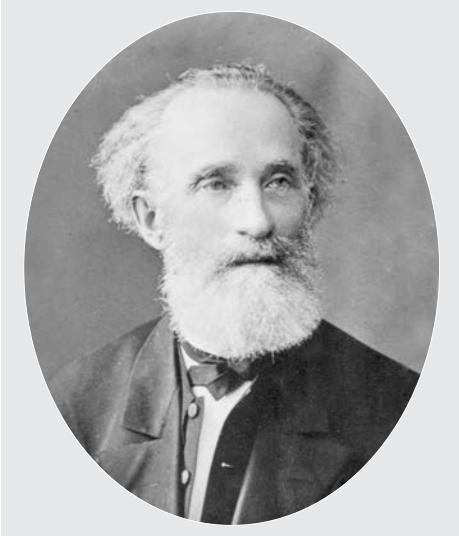
ДЕСТУНИС Гавриил Спиридонович

DESTOUNIS G. S.

[16(28).3.1818, Петербург —
19(31).3.1895, там же;
Смоленское правосл. кладб.],
филолог, историк литературы,
византинист, переводчик

Сын С. Ю. Дестуниса. Начальное образование получил под руководством отца (до 1826 семья проживала в местах службы отца — Смирне и Венеции); с 1834 занимался филологией и историей в Петерб. ун-те. По окончании курса (1838, кандидат) был рекомендован для науч. командировки за границу, которой не мог воспользоваться из-за серьезной болезни. После выздоровления (окончательной реабилитацией был обязан пребыванию в Греции в 1845–1847, во время которого усовершенствовал знание новогреч. языка и приобрел знакомства в афинской науч. среде) приступил к службе в Азиатском деп. МИД (переводчик с 1848). Одновременно преподавал (с перерывами) историю и географию в Смольном ин-те, Александровском мещанском уч-ще (1861–1865, по приглашению К. Ушинского) и Павловском женском ин-те. Факкультативно преподавал новогреч. язык студентам ун-та. В 1860 при поддержке М. Сем. Куторги добился открытия в Петерб. ун-те кафедры византийских древностей и литературы (РГИА. Ф. 733. Оп. 27. № 162), которую занимал до 1879: прив.-доц. (1864), экстр. проф. (1867), орд. проф. (1869). Д-р греч. словесности по совокупности науч. трудов (Петербург. ун-т, 1865). В 1879 вышел в отставку (по болезни). Чл.-корр. АН (1894, по ОКФ), чл. РАО (1856; секр. по слав. отделению в 1857–1859), МАО (1865) и др. науч. общ-в.

В тематике научно-лит. наследия Д. — «патриарха отечественной византистики» (С. А. Жебелев) — отразилось

влияние всех его главных наставников: отца, Куторги и Ф. Б. Г р е ф е. От первого Д. унаследовал любовь к лит. переводу. Второй увлек его ист.-филол. исследованиями: Д. прослушал у Куторги в 1835–1836 курс истории Средних веков, непосредственно после «привлекательного, но поверхностного рассказа» того же предмета Н. В. Гоголем (см. воспоминания Д. о Куторге: ЖМНП. 1886. Июль). Третий заронил в молодом Д. интерес к ист. лексикологии. Базой ист. и филол. занятий Д. на протяжении жизни оставался лит. перевод, прораставший то в добротный ист.-филол. комментарий, то в ист. очерк, то в историко-литературный этюд. Практике перевода оказалась посвящена и одна из первых публикаций Д. «**О переводе “Одиссеи” Жуковским**» (ЖМНП. 1850. Авг. С. 59–98; подпись: Г. С.).

Отметив стилистич. («пышность, идеализация, большая обдуманность <...> выражений») и смысловые отклонения переводчика от греч. текста («не так бы переводил Жуковский, если бы неветшающий гомеровский стих <...> с юности раздавался в ушах его»), молодой Д., однако, не позволяет «филологии

и антикварству» заглушить понимание, что перевод Жуковского, верный «обще-человеческим» поэтич. началам «Одиссеи», обращен не к специалистам, а к широкой публике. «Дельный» отзыв Д., написанный «со знанием дела, с достоинством, с чувством поэтическим», очень заинтересовал В. А. Жуковского, и он справлялся о Д. в письме к П. А. Плетнёву (*Жуковский В. А. ПССиП: в 20 т. М., 2010. Т. 6. С. 666*).

Немало сил Д. отдал кропотливой переработке отцовских переводов визант. историков: в 1860–1862 им было подготовлено к печати первое издание переводов визант. ист. трудов С. Дедуниса («Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан-Византиец», «Сказания Приска Панийского» и «Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами, вандалами и готфами»). В комментарий отца Д. внес немало собственных ист.-лит. наблюдений (напр., о зависимости труда летописца Феофана от сочинения Прокопия Кесарийского, что при повторном издании этих переводов (1876–1891) позволило ему на равных полемизировать с европ. издателями (напр., с К. де Боором о тексте «Хронографии» Феофана). По кропотливости «исторических разысканий на основании сведений, доставляемых не только византийскими, но и арабскими писателями», К. Я. Л ю г е б и л ь назвал этот комментарий «главным трудом» Д. (Протоколы Пб. ун-та за 1-ю пол. 1878/79 академ. года. № 19. С. 59). Многолетнее (и заинтересованное) преподавание истории не сделало Д. «записным» историком, но ист. анализ до конца дней оставался значимым компонентом его комментария; в частности, весьма высоко оценивались его труды по топографии Константинополя: «**Очерки Константинополя**» (Вестн. РГО. 1857. № 1–2), «**Топография средневекового Константинополя**» (ЖМНП. 1882. Янв.; 1883. Янв., с обзором источников с сер. XVI в.), «**Историко-топографический**

очерк сухопутных стен Константинополя» (Тр. VI Археол. съезда. Одесса, 1887. Т. 3), **«Филологическо-археологическая заметка по топографии греческого Царяграда»** (ЗРАО. 1889. Т. 4), особенно их библиогр. разделы (см.: *Беляев Д. Ф.* Byzantina: очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Т. 1. СПб., 1891. С. 2). Как и Люгемилу (на «Историко-филологические исследования» которого он откликнулся доброжелательной рец.: ЖМНП. 1868. Ноябрь.), Д. оказались ближе филол. штудии. Подпитываемый профессиональным и дружеским общением с эллинистами Грефе, Люгемилем и А. К. Наумом, лингв. и литературоведческий опыт Д. нашел свое применение гл. обр. в оригинальных комментариях к переводам. Из его сочинений по ист. языкознанию значительны **«Материалы для рассмотрения вопроса о следах славянства в нынешнем греческом языке»** (ИАН по ОРЯС. 1856. Т. 5; 1860–1861. Т. 9) и **«Живые остатки византийской терминологии»** (Летопись ИФО при Новорос. ун-те. Одесса, 1892. Т. 2). Особенно занимали Д. семантич. трансформации греч. лексики в ее развитии от древнего к современному языку: ценным материалом для подобных исследований, помимо данных сравнительного языкознания, он считал диалекты новогреч. языка (Какими путями нужно исследовать классический греческий мир // ЖМНП. 1868. Дек. С. 887–995). Среди переведенных Д. авторов преобладают писатели визант. и новогреч. — выбор, который поддерживался в 1850-е руководством АН (в лице акад. А. А. Куника, с которым Д. сотрудничал), позже — руководством ППО, для которого Д., «глубоко верующий христианин» (*Васильевский В. Г.* Г. С. Дестунис: Некролог // ЖМНП. 1895. Апр. С. 68), перевел серию паломничеств (некоторые с вступ. очерками и комментарием А. И. Пападопуло-Керамевса): **«Историческое сказание**

инока Комнина и инока Прокла о разных деспотах эпирских и о тиране Фоме Прелумбове Комнине деспоте» (СПб., 1858); **«Ватопедский снимок Птолемеевой географии. Письмо к П. И. Севастьянову»** (Изв. РАО. 1861. Т. 2. № 1); **«Рассказ и путешествие к св. местам Даниила, митрополита Ефесского»** (ППС. 1884. Вып. 8); **«Описание св. мест Безымянного, конец XIV в.»** (Там же. 1890. Вып. 26); **«Описание в стихах Иерусалимских Господских чудес и достопримечательностей, составленное Ефесским протоиереем Пердикою»** (Там же. 1890. Вып. 29); **«Фотия, святейшего архиепископа Константинопольского, о Гробе Господа нашего Иисуса Христа (написанное между 867 и 878) и другие малые его творения на греческом и армянском языках»** (Там же. 1892. Вып. 31; совм. с Н. Я. Марром).

В перипетиях истории Византии — связующего культового звена между античностью и новой Европой — Д. стремился отыскать залог возрождения современной Греции, за судьбой которой следил с глубоким сочувствием (см.: **Очерки возрождающейся Греции** // БдЧ. 1858. № 5). Д. улавливал «через вереницу веков» родство греков XIX в. с гомеровскими героями, стремясь вместе с тем упрочить культурные контакты Греции и России своими очерками о деятелях Греции Нового времени: **«О жизни и трудах Константина Экономоса»** (Странник. 1860. № 7); **«Иван и Феодосий Зигомала, греческие деятели XVI столетия»** (ЖМНП. 1891. Янв.); **«Опыт биографии Георгия Франдзия»** (Там же. 1893. Июнь; по записям самого Франдзия); **«Заметки по исправлении текста в обеих летописях Франдзия»** (Там же. 1894. Янв.). Писал Д. также рец. на труды по современной греч. литературе, напр., на книгу архимандрита Антонина «Поездка в Румелию» (Там же. 1880. Авг.; здесь и комментарий к некоторым

греч. надписям из Румынии), на восп. М. И. Гедеона «Об Афоне» (Там же. 1886. Май), на каталог греч. афонских рукописей С. Лампроса (Там же. 1888. Июль) и др.; сообщал Д. и о новостях российской византистики в афинской периодике, привычно сокрушаясь: «Равнодушие к Византии и даже отталкивание от нее происходит у нас часто от заранее установившегося поклонения всему западному <...>. Односторонние поклонники классицизма <...> часто не видят, что в византийской Греции проявилась глубокая внутренняя духовная жизнь», — писал он в 1893 (цит. по: Шукурова А. Э. Из эпистолярного наследия Г. С. Дедуниса: письма к Ф. И. Успенскому // РНРВ. С. 572).

В 1870-е Д., читавший в ун-те историю греч. литературы, увлекся сравнительно-ист. лит.-ведением, принимал участие в работе ун-тского филол. общ-ва, включал в свои комментарии к прозаич. переводам визант. былин X–XI вв. сравнительный материал из болгарского, сербского и рус. фольклора, пытался по языковым маркерам дифференцировать различные ист. пласты былин и реконструировать их архетипы. Статьи «Об Армуре. Греческая былина византийской эпохи» (ЗИФФ. 1877. Т. 3; и отд. отт.) и «О Ксанфине. Греческая трапезунтская былина византийской эпохи» (Сб. ОРЯС. 1881. Т. 22) свидетельствуют о его знакомстве с трудами представителей мифологич. школы в фольклористике и опытами ист. поэтики А. Н. Веселовского. При анализе текстов былин Д. касался довольно широкого спектра проблем — от хронологич. рамок оформления того или иного варианта былины (выявляемого сопоставлением былинных сюжетов с гомеровскими и древнеслав.) до критики текста и семантич. интерпретаций редких слов (анахронизмов, эвфемизмов). Итоговыми в разработке сравнительно-лит. тем стали «Разыскания о греческих

богатырских былинах средневекового периода» (Сб. ОРЯС. 1883. Т. 34), объединившие перевод с «объяснениями» двух визант. былинных циклов (о Дигене и Порфире) и «**Очерки греческой загадки с древних времен до новых»** (ЖМНП. 1890. Июль–авг.; возможно, они дали толчок к исследованию жанра греч. загадки В. К. Ернштедту). «Кабинетный характер» Д. и слабое здоровье не способствовали успеху в студ. аудитории. Внимательный и терпеливый наставник, Д. тем не менее опекал немногих заинтересованных слушателей, приглашая их домой для консультаций (ЖМНП. 1873. Авг. С. 55) и оставив добрый след в науч. биографии ряда известных филологов и византистов (Успенский, В. Э. Регель, Ернштедт, Беляев). Его доброжелательность, готовность к восприятию чужого мнения отчетливо прочтываются и в многочисленных рецензиях. Науч. занятий не оставлял до конца дней, хотя последние годы тяжело болел и почти не покидал своей квартиры: «Мое здоровье плохо, работаю очень мало, сил не хватает <...>, плету кое-какую веревку, как Ваш преподобный Евфимий» (из письма 1894, см.: ОР РНБ. Ф. 608. № 744. Л. 88). В 1892 Д. передал в ун-тскую б-ку часть архива и собрание новогреч. книг, в 1896 его вдова продала ун-ту остальную часть б-ки. Первой женой Д. была Надежда Александровна (урожд. Крылова), известная в свое время детская писательница и защитница женского образования (о ней см.: РП. Т. 2).

Литература: Г. С. Дедунис: некролог и список трудов // ВВ. 1895. № 1–2; *Завадский-Краснопольский В. Г. С. Дедунис: некролог* // Пед. еженедельник 1895. № 18 (библ.); *Жебелёв С. А.* Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке // ВДИ. 1938. № 4; *Курбатов Г. Л.* Из истории возникновения отечественной школы научного византиноведения // ППС. Вып. 23. 1971; *Белоброва О. А. С. Ю.* и Г. С. Дедунисы: рукописное наследие // АРВ. С. 22–33; *Тихонов И. Л.* Археология в С.-Петербургском университете.

СПб., 2003; Медведев 2006; Крылов А. В., Сорокина Н. М. Имп. Палестинское православное общество и отечественное востоковедение. М., 2007; Успенский Ф. И. Петербургский университет в 1867–1877 гг. // Дела и дни. Пг., 1920. Кн. 1 ♦ Григорьев; Нагуевский; Брокгауз; БС СПб. ун-та (библ.); Прозоров; Венгеров (Источники, Список); БС МАО; РБС; РП; Черняев; Сайтов 2006; Фролов 2006; ПЭ; Бузескул 2008; Российская академия наук; Тункина 2017.

Архивы: Личный фонд: ОР РНБ Ф. 250 (Дедунисы); Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 297 (Г. Э. Зенгер); РО ИРЛИ. Ф. 341 (И. А. Шляпкин), 383 (П. С. Савельев), 497 (Г. Н. Геннади), 677 (Е. А. Бобров); СПбФ АРАН. Ф. 116 (Ф. И. Успенский), 733 (В. К. Эрнштедт).

В. П. Смышляева

ДЕДУНИС

Спиридон Юрьевич

DESTOUNIS S. Ju.

[1782, Ассо(с) на о. Кефалония (управлялся из Венецианской республики) — 30.6(12.7).1848, Петербург; Смоленское правосл. кладб.], дипломат, переводчик

Отец Г. Дедуниса. Грек, сын уважаемого на Кефалонии врача и сенатора Венеции. После начального домашнего образования закончил Благородный пансион Моск. ун-та (в числе его школьных товарищей — Д. В. Дашков и Д. Н. Блудов). С 1802 служил в МИД, начав с Моск. архивной коллегии; в Петербурге состоял при канцелярии мин-ва. С 1818 по 1826 занимал должность генерального консула в Смирне (Измире), откуда был переведен (после начала Греч. восстания) в рос. дипломатич. миссию в Венеции. По возвращении в Россию (в Петербурге с 1826 г.) — переводчик при Правительствующем Сенате (1828–1829) и Азиатском деп. (первый драгоман с 1835). Чл. ВОЛСНХ (1812), ОЛРС (1816–1819), ООИИД (1836; музею этого общ-ва

подарил собранные в Смирне фрагменты барельефов и керамику), Общ-ва изящных искусств и Общ-ва древностей в Афинах (1847). Умер во время эпидемии холеры. Лит. деятельность начинал, как и многие молодые люди того времени, переводя разножанровую европ. литературу. В 1810-е сосредоточился на переводе греч. и новогреч. памятников, став признанным авторитетом в этой обл. Был желанным гостем в салоне А. Н. Оленина, консультировал его по греч. языку (Егунов. С. 171).

В. А. Оленина упоминает, что Д. «секретно» наставлял И. А. Крылова в греч. языке, чтобы поразить Н. И. Гнедича, который, по ее словам, действительно «оцепенел» от произношения Крылова, более верного, чем его собственное (Приютино: антология русской усадьбы. СПб., 2008. С. 703). С. П. Жихарев записал и отзыв «грекофила» Гнедича о Д. (переводчике новогреч. текста: Военная труба. СПб., 1807) как «знающем в совершенстве греч. язык и разумеющем все наречия гомеровского творения» и «настоящем ученом» (Жихарев С. П. Записки современника. Л., 1989. Т. 2. С. 304).

Известность Д. приобрел первым в России полным переводом Плутарха — «Плутарховы сравнительные жизнеописания» (Вып. 1–13. СПб., 1814–1821). Убежденный в благотворном влиянии на юношество этого автора (которым сам переболел в молодые годы), Д. в конце 1800-х подготовил несколько «пробных» переводов из Плутарха и передал их на отзыв И. И. Мартынову. Последний, несмотря на «личный интерес» к Плутарху, поощрил Д., назвав его перевод «очень гладким» (Дедунис. С. 2). В 1810 Д. выпустил «пробный» сборник, включавший биографии Агесилая, Помпея, Алкивида, Кориолана, Кимона, Лукулла, Аристида и Катона Цензора: «Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей» (Вып. 1–2. СПб., 1810; положит. рец. М. Т. Каченовского: ВЕ. 1813. Ч. 68). Продолжая свои занятия Плутархом,

неоднократно выступал с чтением переводов в лит. салонах (напр., читал «О счастье римлян» на заседании ВОЛСНХ в 1812). С 1814 по 1821 вышли из печати все 13 выпусков его перевода с кратким вступлением «**О сочинениях и жизни Плутарха**», в котором переводчик с присущей ему скромностью предупредомлял читателя: «Сколь ни дурен мой перевод, думал я, однако он довольно верен, по возможности близок к оригиналу; достоинство немаловажное, особливо когда позволяется лучших авторов, древних и новых, переводить с французских не всегда хороших переводов <...>. Мои труды помогут какому-нибудь искуснейшему переводчику перевести Плутарха исправнее» (Вып. 1. СПб., 1814. С. LXV–LXVI). В работе Д. использовал лучшее на то время издание Плутарха А. Кораиса (Корая), лат., франц., англ., и нем. переводы Плутарха, придирчиво правил свой текст, прислушиваясь к устной и журнальной критике. К примечаниям, заимствованным у издателей и переводчиков, в процессе работы добавлял и собственные (напр., задетый нелестным суждением Катона Старшего о Сократе, дал развернутую антитезу достойнейшего философа и распущенного Катона). По суждениям, подчеркнута беспристрастность, его сына (*Дестунис*. С. 41–58), не все стилистич. недостатки перевода Д. следует относить на его счет; в излишней лексич. («паки», «токмо» и т. п.), семантич. («непременный» в значении «неизменный» и т. п.) и синтаксич. («попадаться через глаза» и т. п.) архаизации перевода повинна и «эпоха Шишкова», когда «славянщина была в большой силе». Непоследовательность в передаче имен и мифонимов (предпочтение лат., если греч. имя не являлось известным образованной публике) также отражала практику того времени, а обилие опечаток в последних выпусках («ета» вместо «эта», «куцита» вместо «цикута» и т. п.) лежит на совести их редактора: из-за своего назначения в Смирну

Д. держал корректуру лишь первых шести выпусков и до конца дней огорчался обилием опечаток в последующих.

Непосредственным поводом к написанию статьи Г. Дестуниса о переводах отца явился обнаруженный им черновик письма Д. (ст.) в редакцию «ОЗ» — болезненная реакция на мимолетное замечание в журнальной заметке о переводе древнекитайской драмы (ОЗ. 1847. № 12. С. 105): рецензент назвал причиной непопулярности у читателей антич. авторов их плохие переводы («и Плутарх, и Тацит переведены на русский язык, но вспомните, когда, каким слогом и как они изданы!»).

При своем появлении перевод Д. был одобрительно встречен многими современниками: Н. И. Греч назвал его первый выпуск заслуживающим внимания просвещенной публики больше других изданий 1814 (СО. 1814. № 37. С. 135–136), а Оленин сравнил труд Д. по значимости с франц. переводом Амиота (J. Amyot; см.: Археол. труды А. Н. Оленина. СПб., 1881. Т. 1, вып. 2. С. 13). Плутарх Д. воспитал не одно поколение читателей, был настольной книгой декабристов и еще в 1841 волновал Белинского, написавшего В. П. Боткину: «По твоему совету купил Плутарха Дестуниса и прочел. Книга эта свела меня с ума <...>. Обаятелен мир древности. В его жизни зерно всего великого, благородного, доблестного, потому что основа его жизни — гордость личности, неприкосновенность личного достоинства. Да, греческий и латинский языки должны быть краеугольным камнем всякого образования, фундаментом школ» (Белинский. Т. 9. С. 467–468; спустя 7 лет критик в лит. обзоре еще упомянет перевод Д. в числе «замечательно серьезных книг 1814»: Там же. Т. 8. С. 342). Ценили его и историки: М. С. М. Курт о р г а (Новая книга о Перикле. М., 1880. С. 43), посетовав на передачу Д. некоторых фрагментов лишь «в общих чертах», еще вспоминал его перевод как «незабвенную услугу» ист. науке. В 1816 по докладу

статс-секр. МИД гр. И. Каподистрии труд Д. вознаградили 2000 десятинами земли (впрочем, возникшие имущественные разбирательства с Комитетом инвалидов, в чью пользу перевод Д. был издан, свели на нет этот гонорар).

Д. стоял у истоков отеч. византистики: в 1830-е переводил с венецианского издания 1766 юрид. сборник XIV в. (*Ручная книга законов, или так называемое Шестокнижие, собранное отовсюду и сокращенное достопочтенным номофилактом и судьей в Фессалонике Константином Арменопулом*. Т. 1–2. СПб., 1831) и сочинения визант. историков по новому изданию Б. Нибура и И. Беккера «*Coprus scriptorum historiae Byzantinae*». Рукопись последнего перевода была одобрена несколькими академиками, но сам проект (1837–1841) оказался нежизнеспособным, так что при жизни Д. в печати появилось лишь вступление **«Нечто об изучении византийских историков и о переводе их на русский язык»** (ЖМНП. 1841. Окт.; о значении визант. историографии для понимания рус. истории) и перевод отрывка Приска **«Римское посольство к Аттиле: отрывок из сочинений Приска, писателя V в.»** (Там же. 1842. Февр.). После смерти Д. большая часть его перевода визант. историков была отредактирована, прокомментирована и издана сыном: **«Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менаандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец»** (СПб., 1860), **«Сказания Приска Панийского»** (Учен. зап. 2-го отделения АН. 1861. Т. 7, вып. 1) и **«Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами, вандалами и готфами»** (Т. 1–2. СПб., 1862; 1876–1880, 1891). О филол. любознательности Д. свидетельствует его отклик в печати на публикацию редких в то время переводов с санскрита и подробный очерк об авторе новогреч. переводов с санскрита (с приложением

в виде сокращенного перевода одного из памятников с новогреч. на рус. язык): **«О переводах санскритских сочинений на разные европейские языки и о переводах Д. Галаноса, изданных в Афинах на греческом языке»** (ЖМНП. 1847. Апр.). Среди значительных неопубл. трудов Д. в источниках упоминаются еще составленный по поручению Каподистрии, одобренный МНП (на субсидию гр. Н. П. Румянцеве) «Эллино-русский лексикон» (рукопись 1814 не сохранилась) и перевод «Историко-топографического описания Венеции». Немало сил потратил Д. также на изучение спец. литературы о морском праве ради создания первого рус. руководства по этому вопросу, однако представленную в МНП рукопись «еще единственной в России» книги автору было предложено дополнить (трудоемким для него) ист. обзорением специальных трактатов, и Д. предпочел ограничиться публикацией обзорной статьи **«Изложение понятий разных народов о власти над морем»** (ЖМНП. 1846. Май–июнь). По должности он переводил также различные новогреч. документы и книги, в т. ч. **«Ручную книгу православно христианина»** А. Стурдзы (СПб., 1830). В целом Д.-старшему (см. воспоминания о нем Д.-сына: ЖМНП. 1848. Ноябрь.; там же библиография) были в высшей степени присущи благочестие, добросовестность, терпение и редкое трудолюбие — черты, которые унаследовал от отца и сам Г. Дестунис.

Литература: Палеолог М. Г. (Дестунис Г. С.). Некролог С. Ю. Дестуниса // ЗООИИД. 1850. Т. 2. С. 798–804; Дестунис Г. С. Из ученой деятельности С. Ю. Дестуниса. СПб., 1886; Белоброва О. А. С. Ю. и Г. С. Дестунисы: рукописное наследие // АРВ. С. 22–33; *Файнштейн М. Ш.* Из истории отеч. византистики: забытый проект Российской Академии // РНРВ. С. 521–536; Бузескул В. П. Введение в историю Греции. СПб., 2005; Медведев 2006; *Papastathis Ch. K.* Zur Verbreitung der «Hexabiblos» des Harmenopoulos im slavischen Raum // *Balkan Studies*. 1976. Vol. 17. № 1.

Р. 67–78 ♦ Воронов; Брокгауз; Прозоров; РБС; Венгеров (Источники, Список); Свясов; Геннади 2006; Сайтов 2006; ПЭ; Бузескул 2008.

Архивы: Личный фонд: ОР РНБ. Ф. 250 (Дестунисы); Отд. документы и письма: СПбФ АРАН. Ф. 8 (РАН), 733 (В. К. Ернштедт); НБ СПбГУ. № 384. II–396, 397; III–402, 439–443.

В. П. Смышляева

ДМИТРИЕВСКИЙ Алексей Афанасьевич

DMITRIEVSKIĀ A. A.

[11(23).3.1856, ст-ца Дурновская Астраханской губ. — 10.8.1929, Ленинград; Братский участок Никольского кладб. Александро-Невской лавры], *литургист, специалист по христ. палеографии*

Д. закончил церк.-практич. отделение Казан. ДА, где его науч. руководителем был проф. Н. Ф. Красносельцев. В 1894 получил в КДА каф. литургики и церк. археологии, где и преподавал более 15 лет. На киевск. период приходится пик его науч. деятельности. Б. И. Сове, написавший подробную биографию Д., называет его нарицательно «русский Гоар» в честь Иакова Гоара, ученого монаха, жившего в XVII в. во Франции и положившего начало науч. изучению литургич. наследия. Это прозвание Д. получил случайно: ни один учебник по литургии не обходится без ссылок на его труды. В различных журналах им опубликовано множество статей широкой тематики: от практич. богослужения до истории церк. праздников.

Гл. трудом Д. было описание рукописей православного Востока. В 1886 и 1887 он предпринимает два путешествия с целью посещения рукописных собраний в б-ках Константинополя, Афона, Иерусалима и Синайского монастыря св. Екатерины. По результатам этих путешествий он издал **«Описание**

литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока» в трех томах [Т. 1: Τυπικά. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские Типиконы. Киев, 1895; Т. 2: Εὐχολόγια. Киев, 1901; Т. 3 (первая половина). Ч. 2: Τυπικά. Пг., 1917]. Путешествие 1887 описано им в книге **«Путешествие по Востоку и его научные результаты»** (Киев, 1890).

В 1906 Д. становится секр. ППО, а в 1907 с переездом в Санкт-Петербург окончательно оставляет преподавание. До 1917 он работает на благо Палестинского общ-ва, не имея досуга для того, чтобы развить науч. деятельность. Будучи секр. общ-ва, состоял в оживленной переписке с покровительницей ППО вел. кн. Елизаветой Федоровной [частично опубл.: А. А. Дмитриевский и великая княгиня Елизавета Федоровна (несколько штрихов к биографии ученого) // МРВ. С. 241–255]. После революции Д. уезжает в Астрахань, где получает каф. греч. языка. В 1922, после закрытия Астраханского ун-та, возвращается в Петроград и преподает на Высших Богословских курсах вплоть до 1928, когда они прекратили свое существование.

Д. отзывался рецензиями на многие вышедшие труды по литургии; им составлено также большое количество отзывов на работы студентов КДА. В лице Д. российская литургич. наука имела чрезвычайно взыскательного критика. Его разборы всегда тщательны и часто содержат существенные добавления к решению вопросов, предлагаемых авторами обсуждаемых изданий. При этом рецензент не скупится на ядовитые и язвительные замечания, вроде следующего: «Конечно, отрицать труда и в этого рода схолиях нельзя, но труд здесь у издателя скорее мускульный, чем интеллектуальный». Или еще: «Для издателя в действительности и не было никакой надобности делать нового, своего издательского перевода с языка, который, как увидим

ниже, почтенный профессор-ветеран в достаточной мере успел позабыть». От них не свободна даже рец. на книгу его любимого учителя проф. Н. Ф. Красносельцева. Однако наиболее суровая критика касается рукописей, поскольку Д. старался внушить окружающим очевидную для него истину: издание и изучение текстов должно непременно опираться на первоисточники, поскольку никакая науч. работа не может вестись без опоры на палеографию.

Сам Д. от юности посвятил себя именно занятиям рукописями. Его речь перед защитой магист. дис. носит название **«Способы определения времени написания рукописей без определенных дат вообще и богослужебных рукописей в частности»** (Православный собеседник. 1884. № 1. С. 75–92). Д. упорно настаивал на том, что в данный ист. момент развития литургич. науки следует не писать обобщающие курсы и монографии, а издавать в свет литургич. памятники, между тем как сопоставление и анализ самих текстов — дело будущего. Протоиерей Михаил Арранц так определил значение Д. для церк. палеографии: «Заслуга Дмитриевского в том и заключается, что он с энергией посвятил себя этой задаче, прокладывая широкий путь там, где раньше была лишь узкая и тернистая тропинка» (Арранц М. А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия // АРВ. С. 133).

При беглом взгляде на библиографию трудов Д., изданную свящ. Л. Махно (Богословские труды. 1968. Вып. 4. С. 95–107), может показаться, что он был совершенно далек от какой бы то ни было антич. тематики. Однако несмотря на то, что в центре науч. внимания Д. находились евхологии ('молитвословы') и богослужебные уставы, относящиеся по большей части к Средневековью или даже к эпохе Возрождения, он необыкновенно осведомлен в литературе, касающейся жизни ранней (апостольской)

христ. церкви. В этот период становления христианства отчетливо видна его преемственность по отношению, с одной стороны, к антич. греч. культуре и к культуре иудейской — с другой. Сам Д. хорошо осознавал эту связь.

Так, в отзыве на сочинение студента Н. Левитова «Историко-археологический очерк церковно-богослужебных сосудов» (Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1889/1890 учеб. г. Киев, 1891. С. 259–261) Д. настоятельно советует при рассуждении о христ. богослужебной утвари не выпускать из поля зрения не только еврейскую, но и римск. утварь. В рец. на кн. А. Ф. Никитина «Синагоги иудейские как места общественного богослужения» (Киев, 1891), помещенную в ж. «Православный собеседник» (1893. № 4. С. 333–370; № 5. С. 8–23), содержатся интересные рассуждения о римск. базиликах и о др. возможных местах для богослужений у ранних христиан с опорой на соответствующую науч. литературу и свидетельства таких авторов, как Тертуллиан и Епифаний Кипрский

(Там же. № 4. С. 348–350). Д. уделяет некоторое внимание изображениям, найденным вокруг погребения римлян, обращенных в иудаизм, отмечая, что в статуях и настенной росписи можно видеть смешение иудейских мотивов и греко-римск. изобразительных форм, и вскользь говорит о влиянии римско-эллинического искусства на развитие христ. иконографии (Там же. С. 366). Рецензии Д. изобилуют замечаниями филол. характера: он всякий раз готов предложить свой вариант перевода публикуемого или используемого греч. текста, не всегда, впрочем, безупречный, как показал М. Ф. Ястребов, откликнувшийся на одну из рец. Д. (см.: Извлечения из журналов совета Казанской духовной академии за 1905–1906 учеб. г. Киев, 1906. С. 21–54).

Д. обнаружил и впервые опубликовал памятник древнего христ. богослужения «Евхологий IV века Сарапиона, епископа Тмуитского» (Тр. КДА. 1894. № 2. С. 242–274). Этот евхологий имеет очень большое значение для изучения истории раннехрист. литургий.

К 150-летию со дня рождения Д. в марте 2006 в Паломническом центре Моск. Патриархата прошла церк.-науч. конференция «Историк православного Востока и русской Палестины».

Литература: Сове Б. И. Русский Гоар и его школа // Богословские труды. 1968. Вып. 4. С. 39–84; Успенский Н. Д. Из личных воспоминаний об А. А. Дмитриевском // Богословские труды. 1968. Вып. 4. С. 85–89; Акишин С. Ю. Биография проф. А. А. Дмитриевского и характеристика его науч. деятельности // Наследие русских литургистов: А. А. Дмитриевский. СПб., 2008. URL.: <http://andreyblag.ru/images/articles/prosveshenie/iliotropion/izdatelstvo/9/book/akishin.pdf> [содержит список рец. и отз. на труды Д., а также литературу о нем] ♦ ПЭ; Тункина 2017; Фондообразователи.

Архивы: ОР РНБ. Ф. 253; СПбФ АРАН. Ф. 214.

Е. Д. Блащук

ДОБИАШ- РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Ольга Антоновна

DOBIACHE-ROJDESTVENSKY / DOBIAŠ-ROŽDESTVENSKAJA О. А. [19(31).5.1874, Харьков — 30.8.1939, дер. Изори Волосовского р-на Ленинградской обл.; Литераторские мостки Волковского кладб.], *историк, медиевист, палеограф*

Родители Д.-Р. были чешск. происхождения. Отец, Антон Вячеславович Добиаш (1847–1911), получивший образование классич. филолога в Пражском ун-те, переехал в Россию в качестве славянского стипендиата, преподавал древние языки в Харьков. гимназии, а затем стал проф. Неж. ИФИ (см.: Смышляева 2015. С. 155–157). Своих детей, Марию, Ольгу и Александра, отец с детства учил древним языкам. После гимназич. экзамена в 1891 Д.-Р., мечтавшей о продолжении образования, пришлось отложить поступление на четыре года, пока не окончил гимназию ее брат. В 1895 они вдвоем приезжают в Петербург: Д.-Р. поступает на ВЖК, Александр — в Петерб. ун-т.

В период обучения (1895–1899) Д.-Р. посещала лекции по различным периодам истории М. И. Ростовцева, С. Ф. Платонова, Н. И. Кареева, Г. В. Форстена, научным же руководителем ее был И. М. Гревс. Уже на ранних курсах история Средних веков определилась как основная сфера науч. интересов Д.-Р. В 1899 за участие в студ. забастовке она, как и другие, считалась исключенной с последнего курса, однако потом ей было разрешено сдать выпускные экзамены. С 1899 по 1906 Д.-Р. жила преподаванием, сначала частными уроками и занятиями в воскресных школах (при Трубном заводе, Общ-ве молодых девушек, Смоленской школе для взрослых рабочих, Народном доме графини Паниной, затем

в женских гимназиях — Л. С. Таганцевой, М. Н. Стоюниной, а также в Преображенской и Василеостровской). Участвовала в устройении Выборгского и Лесного коммерческих уч-щ. В 1904–1906 была секр. Всероссийского Учительского союза. Сочувствовала и позже на короткое время вступила в кадетскую партию (*Каганович*. Русские медиевисты. С. 90, 107). К науч. работе и преподаванию в высших учеб. заведениях Д.-Р. смогла вернуться в 1907, когда И. М. Гревс предложил ей вести семинар на ВЖК. В февр. 1908 вышла замуж за товарища своего брата, известного физика и впоследствии акад. Д. С. Рождественского (1876–1940), и в том же году они оба уехали в трехлетнюю командировку в Париж.

Годы, проведенные Д.-Р. во Франции (1908–1911) благодаря полученной от ВЖК министерской стипендии, были временем напряженного учения и работы. В Сорбонне она посещала лекции ведущих медиевистов (Ш.-В. Ланглуа, Ф. Лота, Г. Моно, К. Пфистера; дружбу с первыми двумя она сохранила и по возвращении в Россию), а также специалистов смежных специальностей. Кроме Ланглуа, занималась палеографией у Э. Берже в Школе хартий (*École des chartes*), став первой женщиной, допущенной к занятиям в качестве действ. студента (*Ершова*. С. 34), и, по сообщению А. Д. Люблинской (О. А. Добиаш-Рождественская как историк // *Средние века*. 1942. № 1. С. 215), за первый год прочла и списала более 200 хартий и отрывков кодексов Национальной библиотеки и Национального архива. В 1911 успешно защитила и издала дис. «*La vie paroissiale en France au XIIIe siècle d'après les actes épiscopaux*».

По возвращении в Россию Д.-Р. вернулась к преподаванию на ВЖК и в течение трех лет подготовила рус. вариант своей франц. дис. «*Церковное общество Франции. Ч. 1: Приход*», которую издала в 1914 и защитила в 1915, став первой в России женщиной-магистром

по всеобщей истории, и в том же году была принята прив.-доц. Петрогр. ун-та по этой специальности. Несмотря на энергичное преподавание, включавшее целый ряд лекционных курсов по средневековой истории и культуре и занятия по лат. палеографии, уже в 1917 Д.-Р. издала и спустя несколько месяцев защитила докт. дис. «*Культ св. Михаила в латинском Средневековье V–XIII вв.*», став единственной женщиной в России, успевшей защитить до революции докт. дис. по гуманитарным наукам (*Каганович* Б. С. Из переписки О. А. Добиаш-Рождественской 1920-х – 1930 гг. // *Отечественная история*. 1992. № 3. С. 101). Впоследствии вторая дис. будет издана на франц. языке (*Le culte de Saint-Michel et le Moyen Âge latin*. Paris, 1922).

В первые годы после революции Д.-Р. продолжала преподавать, а кроме того подготовила ряд научно-популярных изданий (*Эпоха крестовых походов*. Пг., 1918; *Западные паломничества в Средние века*. Пг., 1924; *Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце*. Л., 1925; и др.). В 1919 была на месяц арестована за связи с кадетской партией. В 1920 создала Кабинет вспомогательных ист. дисциплин при Ун-те, который снабдила книгами из Берлина и Парижа (и впоследствии пополняла в командировках в течение 1920-х). С этого времени собственно палеографич. исследования занимают все большее место в ее работе. С 1922 стала консультантом по западноевроп. рукописям в Рукописном отделении Публичной б-ки, где работала до самой смерти, не только восполняя лакуны в описании собрания, но и устраивая выставки рукописей. В 1923 вышло первое издание «*Истории письма в Средние века*», а в 1925–1929 Д.-Р. издала каталог «*Средневековье в рукописях Публичной библиотеки*», к работе над которым постоянно привлекала своих учеников: В. В. Бахтина, Р. Н. Блох, М. А. Гуковского,

А. Д. и В. С. Люблинских и др. Важность этого труда, по-видимому, повлияла на избрание Д.-Р. чл.-корр. АН СССР (Каганович. Русские медиевисты. С. 118) — опять же, она оказалась первой женщиной в России, удостоенной этого звания.

Несмотря на признание, годы рубежа 1920–1930-х были для Д.-Р. нелегкими: ее неоднократно вызывали на допросы и подвергали обыскам с изъятием писем по подозрению в антисоветской пропаганде из-за науч. кружка по изучению Средневековья, который собирался в 1924–27 у нее дома; по «делу Мейера» был арестован ее любимый ученик В. В. Бахтин. Несмотря на трудности, Д.-Р. работы не прекращала — в частности, в 1931 в Париже выходит подготовленное ею издание «Стихотворения вагантов» («**Les poésies goliardiques**»). Положение несколько поправилось в 1934, когда разрешено было преподавание истории, в ЛГУ открывается ист. ф-т, и Д.-Р. возвращается к преподаванию на родине. В последние годы ее жизни выходит «**Histoire de l'atelier graphique**

de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les Corbeïenses Leninopolitani» (Léningrad, 1934); появляется второе, переработанное издание «Истории письма в Средние века» (1936) и сб. «**Агрикультура в памятниках западного Средневековья**» (Пер. и коммент. под ред. О. А. Добиаш-Рождественской, М. И. Бурского. М.; Л., 1936). Уже постертно будет опубликована «Духовная культура Западной Европы IV–XI вв.» (Добиаш-Рождественская О. А. **Культура западноевропейского Средневековья**. М., 1987). Не успела Д.-Р. завершить и вторую часть каталога древнейших лат. рукописей ГПБ: эту работу доведут до конца ее ученицы [**Древнейшие латинские рукописи (VII–начало IX в.): Каталог. Ч. 2**. Л., 1965; франц. перевод каталога был позднее издан в Париже: **Les anciens manuscrits latins de la bibliothèque publique Saltykov-Ščedrin de Léningrad: VIIIe — début IXe siècle** / trad. X. Grichine. Paris, 1991]. Скончалась Д.-Р. от болезни сердца.

Книга «История письма в Средние века» изначально задумывалась как учеб. пособие для преподавания лат. палеографии, за неимением русскоязычных аналогов, но вскоре превратилась в классич. труд по этой дисциплине. Она охватывает развитие лат. письма от античности и до Нового времени (I–XVII вв.) и снабжена экскурсами, посвященными более частным вопросам (материалы письма, сокращения, использование пунктуации и нумерации в рукописях). За тщательным описанием особенностей рукописей различных периодов заметно стремление представить эволюцию письма как отражение культурных процессов, взаимных влияний и связей, а за техническими деталями увидеть действие человеческой мысли и воли (ср.: Люблинская. Значение трудов... С. 175).

Так, завершая главу о капитальном письме, Д.-Р. пишет: «Весьма примечательно, что, по-видимому, поэма Вергилия была тем

текстом, ради которого преимущественно доживало на пергамене это торжественное и медленное письмо. Как текст Гомера наполняет почти все сохранившиеся литературные греческие папирусы, а Библия — все ценнейшие и древнейшие пергаменные греческие кодексы, Вергилий связал с собою и, быть может, продолжил за его естественные границы применение классического письма» (История...²1936. С. 67).

В исследованиях по римск. литературе нередко цитируются статьи Д.-Р., посвященные рукописной традиции антич. авторов (**По поводу фрагмента стихотворения Катутла в Библиотеке Академии наук СССР** // Докл. АН СССР. Сер. В. 1929. № 4. С. 59–61; **Quelques considérations sur la date du Vatic. 3868 (c), Térence** // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire ancienne*. 1934. Vol. 8. P. 367–368). Статья **«Греческие буквы в латинских рукописях»** (Сб. статей в честь С. А. Жебелёва. С. 434–455) разбирает круг проблем, связанных с передачей греч. вкраплений (отдельных слов и цитат) в произведениях римск. писателей. Для филолога-классика представляю интерес и те работы Д.-Р., которые формально далеки от антич. тематики, не в последнюю очередь за счет отличного владения латынью и внимания к языку в его развитии, за что Д.-Р. одобрял И. М. Гревс (Культура... С. 292). В ее статьях рассыпаны замечания о развитии лат. терминов. Кроме того, в исследованиях Д.-Р. заметна тенденция начинать обзор средневековых реалий с их антич. истоков. Особенность эта могла отчасти восходить к школе Гревса: неудивительно, что первый курс, который он поручил Д.-Р. читать в 1907, назывался «Германия» Тацита как источник для истории раннего Средневековья» (она вела сходный курс и в 1911–1912).

Стремление показать органич. взаимосвязь двух эпох заметно и в позднейших работах Д.-Р. Так, замечательную статью «*Oppletum est oppidum solariis* (по вопросу о часах в раннем Средневековье)» (Культура... С. 7–18) она начинает с разбора мнения

К. Жюллиана, лекции которого слушала в Париже, и, в частности, уточняет его интерпретацию фрагмента 1 Плавта (= Aul. Gell. III, 3, 5), указывая, что слова *oppletum est oppidum solariis* («город наполнен солнечными часами») не могут считаться свидетельством избытка часов в городе, поскольку они произносятся паразитом, отрицающим полезность часов и предпочитающим ориентироваться при исчислении времени на свой желудок (С. 7–8); далее, через параллели у Кассиодора и Боэция, Д.-Р. переходит к средневековому материалу.

Сходным образом в одной из последних работ Д.-Р. «Агро- и зоотехнические фрагменты у Исидора Севильского, в Варварских правдах и у Григория Турского» (Агрикультура в памятниках западного Средневековья. С. 140) переводы отрывков из Исидора снабжены подробными комментариями с внимательным обсуждением антич. его источников — Плиния Старшего, Колумеллы, Варрона, Феста, Сервиевского комментария к «Георгикам» Вергилия, а также «цитируемых (Исидором) в виде украшения» (С. 5) Лукреция, Овидия, Вергилия, Марциала. Д.-Р. так описывала эту работу в письме Е. Ч. Скржинской: «Суп из топора почти готов. Петрушка и морковь к топору — Исидору — взяты из Вестготской правды. Мясо — из Григория Турского и даже... Плиния Старшего, конечно, его заальпийских наблюдений, также отчасти и из Тацита» (Культура... С. 261). Следует добавить, что на этот проект Д.-Р. и ее учеников ощутило влияние оказала работа М. Е. Сергеенко, параллельно с ними готовившей собственный сб. переводов из римск. авторов о сельск. хозяйстве (О сельском хозяйстве: Катон, Варрон, Колумелла, Плиний / пер. М. Е. Сергеенко. М.; Л., 1937; ср.: Агрикультура. С. VIII; подробнее см.: *Жмудь*. С. 7, 10–12); оба проекта велись на базе Ин-та истории науки и техники (Дмитриев. С. 21–22).

Рецензий среди работ Д.-Р. относительно немного, но некоторые из них касаются антич. материала и свидетельствуют

о солидности ее суждения и в этой, не основной для нее, области. Особенно это относится к рец., объединенным под названием «Образы человечества» (Анналы. 1924. № 4. С. 288–291), на книги В. П. Бузескула «Перикл», Д. П. Кончаловского «Аннибал», Д. Н. Егорова «Герих Шлиман». Д.-Р. заботилась о том, чтобы русскоязычные труды становились известны на Западе, и в период с 1928 по 1932 ежегодно публиковала обзор вышедших работ «Arbeiten zur deutschen mittelalterlichen Geschichte in russischer Sprache» в «Jahresberichte für deutsche Geschichte» (Jg. 2–6).

В высшей степени строгая к себе, Д.-Р. бывала строгой и к молодым ученым (напр., свой весьма критич. отзыв на дис. И. В. Арского она заключает: «Я не возражаю против представления этой работы на кандидатскую степень, не возражаю против дарования Вам степени. Но Вы, несомненно, могли бы взять ее с большей честью» — Культура... С. 244). По воспоминаниям учеников, Д.-Р. была превосходным лектором, прививавшим слушателю тщательное отношение к деталям, в т. ч. языковым, но и подталкивающим к тому, чтобы подняться над изучаемым предметом; особенно выделялись ее сосредоточенность на предмете и отсутствие «популизма». Близкая ее ученица Е. Ч. Скржинская так описывала впечатление от лекций Д.-Р.: «Не припомнится мне, чтобы О. А. стремилась научить “любить историю”. Сама она до такой степени и так неизменно была увлечена исторической наукой, что одно это отношение к поистине любимой специальности заставляло ее слушателей видеть необычайную прелесть в истории, в ее глубине и широте, в ее жизненности и высокой поучительности» (Культура... С. 296).

На ВЖК в те же годы, что и Д.-Р., учились сестры Лидия и Нина Кремлёвы, отец которых Н. А. Кремлёв, ректор Казан. ун-та и проф. римск. права, после отставки

в 1886 переехал с семьей в Петербург и читал римск. право в Ун-те в качестве прив.-доц. Его интересы были посвящены правовым аспектам римск. землевладения, что передалось и младшей дочери, вышедшей замуж за А. А. Добиаша, брата Д.-Р. [Матвеева И. Г., Опалинская М. А. Добиаш (Кремлёва) Нина Николаевна // СРНБ. Т. 2. С. 253].

По окончании Бестужевских курсов в 1902 Д.-К. была на два года оставлена на каф. римск. истории, где ей вверили руководство практич. занятиями, дополнявшими курс М. И. Ростовцева. В период между 1904 и 1910 в основном занималась преподаванием в школах и городских уч-щах, но связи с ВЖК не теряла: в частности, она приняла участие в переводе двух нем. монографий по истории и источниковедению Греции и Рима, осуществленном слушательницами ВЖК под руководством их профессоров (Пельман Р. Очерки греческой истории в связи с источниковедением / пер. А. Н. Русановой, Н. Н. Кремлёвой, Е. Л. Бекетовой, с предисл. Э. Д. Гримма. СПб., 1906; Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения / пер. слушательниц Высших женских курсов под ред. Ф. Ф. Зеллинского и М. И. Ростовцева. СПб., 1908). В 1910 Кремлёвой было предложено место помощника зав. библиотекой ист.-филол. семинария при ВЖК, и с этого времени основной ее деятельностью стало библиотечарское дело. В 1924 Д.-К. была принята в Публичную б-ку науч. сотрудником, где работала до 1930. Дата и место смерти неизвестны.

Избранные сочинения: История письма в Средние века: руководство к изучению латинской палеографии. Пг., 1923 (1936 и совр. переизд.); *Analecta Medii Aevi*, fasc. 1–2. Средневековье в рукописях Публичной библиотеки. Вып. 12 / под ред. О. А. Добиаш-Рождественской. Л., 1925–1927; *Analecta Medii Aevi*, fac. 3. Les anciens manuscrits latins de la Bibliothèque Publique de Léningrad, I. V–VIIe siècles. Л., 1929; Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les Corbeiensis Leninopolitani. Л., 1934; Древнейшие латинские рукописи (VIII — начало IX в.): каталог. Ч. 2 / подгот. к печ. Е. В. Вернадской и Т. П. Вороновой под ред. и с предисл. А. Д. Люблинской. Л., 1965 (Les anciens manuscrits latins de la

bibliothèque publique Saltykov-Ščedrin de Leningrad: VIIIe — début IXe siècle / catalogue établie par O. A. Dobiache-Rožděstvenskaja et W. W. Bakhtine, trad. Xénia Grichine. Paris, 1991). Полный список трудов О. Д.-Р., опубликован в 1900–1965, был составлен А. Д. Люблинской и И. С. Шарковой (Труды члена-корреспондента АН СССР О. А. Добиаш-Рожественской // Средние века. 1966. Вып. 29. С. 179–186).

Литература: Люблинская А. Д. Значение трудов О. А. Добиаш-Рожественской для развития латинской палеографии в СССР // Средние века. 1966. Вып. 29. С. 174–178; Гревс И. М. О. А. Добиаш-Рожественская в годы учения (Воспоминания учителя) // Добиаш-Рожественская О. А. Культура западноевропейского Средневековья. М., 1987. С. 289–294; Скржинская Е. Ч. О. А. Добиаш-Рожественская как учитель науки // Там же. С. 295–301; Еришова В. М. О. А. Добиаш-Рожественская. Л., 1988; Дмитриев А. Н. Институт истории

науки и техники в 1932–1936 гг. (Ленинградский период) // ВИЕТ. 2002. № 1. С. 3–36; Каганович Б. С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007; Вольфцун Л. Б. От Корбийского скриптория до века Просвещения: из истории изучения западноевропейской культуры в России. СПб., 2008; Жмудь Л. Я. Изучение античной науки в ИИНиТе на фоне 1930-х гг. // ВИЕТ. 2013. № 3. С. 3–26♦ СИЭ; БРЭ; СРНБ; Портреты историков. Т. 2; Бузескул 2008; Биографика СПбГУ.

Архивы: ОР РНБ. Ф. 254; Арх. РНБ. Ф. 10/1 (некоторые материалы попали в архив акад. Д. С. Рожественского: Арх. АН СССР. Ф. 341).

Описание архива в статье Т. П. Вороновой «Архив Добиаш-Рожественской в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» (Средние века. 1966. Вып. 29. С. 187–190).

М. Н. Казанская

Е

ЕРНШТЕДТ (ЭРНШТЕДТ) Виктор Карлович

JERNSTEDT / JERNSTÄDT /
ERNŠTEDT V. K.

[2(14).12.1854, Петербург —
8(21).8.1902, Петербург;
Смоленское лютеранск. кладб.],
филолог, палеограф

Родился в семье обрусевших выходцев из Скандинавии (отец — швед, литограф и каллиграф, мать — финка). По окончании уч-ща Видемана занимался филологией в Петерб. ун-те (1871–1875). Пед. службу начинал преподавателем древних языков в Петерб. 7-й гимназии (1876–1878) и Петерб. ун-те (1877). Магист. дис. «**Об основах текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга**» (защищена: Петерб. ун-т, 1880). После защиты был (вместе с В. В. Латышевым) командирован в Грецию для археол. и эпиграф. занятий (1880–1882), затем в течение года работал с рукописями в б-ках Италии (1882–1883); впоследствии еще неоднократно выезжал в Европу для палеограф. занятий. По возвращении в Петербург возобновил преподавание в ун-те: прив.-доц. (1883), экстр. проф. (1884), орд. проф. (1891); секр. ИФФ в 1885–1892. Докт. дис. «**Порфирьевские отрывки из аттической**

комедии» (Петерб. ун-т, 1891; премия В. П. Боткина Моск. ун-та, по отзыву А. Н. Шварца). Также вел занятия по греч. языку в Реформатском уч-ще (1888–1892). Чл.-сотрудник (1885), адъюнкт (1893), экстр. акад. АН (1898). Редактор классич. отдела «ЖМНП» (с 1891). Чл. РАО (1885), Петерб. ОКФП, Германск. археол. ин-та (1881), ООИИД (1896) и др. общ-в.

На формирование науч. интересов Е. оказали влияние его наставники К. Я. Люгемиль и историк Ф. Ф. Соколов, а после ун-та — профессиональное и дружеское общение с византинистом В. Г. Васильевским и П. В. Никитиным. В лице Е. по праву видели «одного из первых — если не первого — и лучшего знатока в России греческой палеографии» (С. А. Жебелёв). Впрочем, уже молодой Е. обнаружил отличные способности к конъектуральной критике, навыки которой отточил в общении с видным представителем этого направления А. К. Науком (*Никитин П. В.* Памяти В. К. Ернштедта // ИАН. 1902. Т. 17, № 2. С. 5). Природные качества Е. — вдумчивость, упорство, интеллектуальная опрятность — благоприятствовали его текстологич. штудиям. Но уже в магист. годы, работая в европ. б-ках и архивах, где он обнаружил рукопись Ефрема Сирина XI в., он переориентировался в своих науч. предпочтениях. В первой статье (**Критические заметки на Светония** // ЖМНП.

1876. Окт.) вольностям конъектуральной критики Е. противопоставил строгость современной науч. палеографии, а овладев «филологическим микроскопом», окончательно утвердился в том, что главной задачей филолога-классика является «установление критически проверенных текстов», с учетом как авторского стиля, так и реконструированного рукописного архетипа. В магист. дис. «Об основах текста Андокида...» (ЖМНП. 1879. № 4–5; отд. отт. 1880) и предвещающих ее публикациях (**Observationes Antiphontaeae** // ЖМНП. 1878. Июль) Е. исследовал рукописную традицию малых аттич. ораторов. Для работы со списками он выезжал в МСБ и б-ки Англии: сличив собственноручно два важнейших кодекса А (cod. Crippsianus, XIII в.) и N (cod. Oxoniensis, XV в.), пришел к выводу о приоритете списка N как более свободного от интерполяций, хотя и восходящего к общему с А прототипу. Люгебиль, критикуя некоторые частности, безоговорочно поддержал основные тезисы Е., который «показывает замечательную осмотрительность, остроумие, знакомство как с делом критики вообще, так особенно и с палеографией» (ЖМНП. 1880. Ноябрь. С. 482).

Защите противоположного мнения по этому вопросу (Г. Зауппе) и критике выводов Е. посвящена значительная часть почти одновременно увидевшей свет дис. москвича К. И. Томазини (Об основах для критики текста Динарховых речей. М., 1881).

Ценным приложением к исследованию Е. стало его издание речей Антифонта (**Antiphontis orationes**. СПб., 1880), которое заметили за границей. Авторитетный знаток аттич. прозы К. Г. Кобет в статье «De locis nonnullis apud Antiphontem» (Mnemosyne. 1880. Vol. 8), отметив некоторую небрежность Е. в подготовке I, V и VI речей и не вполне приняв сохранение им рукописных гиагов, оценивал труд Е. очень высоко. Люгебиль в рец. (ЖМНП. 1880. Дек.) также

хвалил исправность греч. текста (основанного на списке N, но учитывающего и другие), освобождение науч. аппарата от хлама незначительных и устаревших *variae lectiones*, а на обещание Кобета привести аргументы в защиту списка А с гордостью наставника возражал, что это будет нелегким делом. Образцовые труды Е. по Антифону остались «не без последствий» для молодых отеч. исследователей (Люгебиль К. Я., Никитин П. В. Записка об ученых трудах В. К. Ернштедта // Протоколы Петерб. ун-та за 1884. С. 27), и сам Е. намеревался возвратиться к этому автору, при всяком случае пополняя библиографию по теме (Куклина И. В. В. К. Ернштедт: обзор научного рукописного наследия // РНРВ. С. 74). Попробовал себя Е. и в ист.-филол. исследованиях: защищая, напр., от критики Г. Лёшке традиционную топографию Саламинского сражения (в проливе — ἐν τῷ στενῶ) в статье «Саламинская битва» (ЖМНП. 1882. Март), остроумно устранял видимые противоречия лит. свидетелей об этом бое у Эсхила, Геродота, Диодора, Фукидида, Эфора и Плутарха.

Впрочем палеограф. анализ оставался для Е. более привлекательным занятием и вскоре принес ему новый успех. В ИПБ поступили рукописи, собранные епископом Порфирием Успенским, при описании которых Е. составил «**Список датированных греческих рукописей Порфириевского собрания**» (Отчет ИПБ за 1883. СПб., 1885). Здесь Е. обнаружил пергамен с фрагментами комедии Менандра «Привидение». Находка стала материалом для докт. исследования «**Порфириевские отрывки из аттической комедии: палеографические и филологические этюды**» (СПб., 1891), в котором Е. сделал тщательное палеограф. описание этой плохо сохранившейся рукописи, включая особенности письма, дал новое прочтение фрагментов с убедительным заполнением ряда лакун и предложил соображения по композиции и реконструкции некоторых сцен. Оппонировавший на диспуте Никитин сказал: «...от некоторых стихов осталась только тень, но пытливость ученого заставила говорить и эту тень». И хотя среди издателей фрагментов Менандра были Кобет (он опирался на сведения, присланные ему когда-то К. Тишендорфом), У. Виламовиц и др., вызвавшие критику Е., пронизательность диссертанта снискала общее одобрение. Ф. Ф. Зелинский в своем отзыве (ФО. 1891. Т. 1) назвал семилетний труд Е. «книгой, которой может гордиться наша филологическая литература», отметив превосходное прочтение ранее изданных и новых отрывков, блистательное восстановление испорченного текста, ценность частных палеограф. наблюдений. Одним из таких является трактовка греч. знака Ρ (с титлом над буквой и под ней) как обозначения рабской маски и костюма в римской комедии (Порфириевские отрывки... С. 220–232). Убедительным представляется и главное — предложенная Е. атрибуция фрагментов.

Защита дис., посвященной памяти Люгебля, стала триумфом автора, как видно из сообщения о диспуте 22 апр. 1891

(ИВ. 1891. № 6. С. 768): «Официальные оппоненты, проф. П. В. Никитин, Ф. Ф. Зелинский, с большою похвалой отозвались о специальном труде В. К. Ернштедта. Неофициально оппонировали С. К. Булич и О. А. Шебоп».

Из работ Е. о рукописях Порфириевского собрания примечательна также статья «**Из Порфириевской псалтыри 862 г.**» (ЖМНП. 1884. Ноябрь) — описание, реконструкция и атрибуция (Африкан) средневековой рукописи гимна во славу воскресшего Христа и его прозаич. перифразы. Остальное науч. наследие Е. представлено гл. обр. небольшими (не более семи страниц) статьями, почти целиком вместившимися в изданный учениками Е. посмертный сб. «**Victoris Jernstedt Opuscula**» (СПб., 1907). Значительная часть этюдов сб. посвящена критике и экзегезе греч. текста различных эпох: «**Греческая рукопись коптского письма**» (ЖМНП. 1884. Май) с палеограф. анализом фрагмента Еврипида и выводом о существовании провинциального, в т. ч. коптского, типа греч. письма; «**К Фукидиду III, 39**» (Там же. 1884. Июнь); «**К Ликургу оратору**» (Там же. 1893. Март) — эмендация $\sigma\omega\tau\eta\rho\iota\alpha$ вместо $\sigma\eta\mu\epsilon\iota\alpha$ в речи Ликурга против Леократа; «**Ακοῆς κρείσσων**» (Commentationes philologicae), где Е. толкует Фукидидову формулу в отношении Перикла как «выше похвал и порицаний». О Е. как многолетнем секретаре классич. отделения РАО рассказывали, что в его время «заседания назначались очень часто» (Веселовский. С. 316). Эпизодически обращался Е. и к интерпретациям эпитаф. текстов из южнорус. раскопок: «**Παίδωσις**» (ЖМНП. 1884. Июль); «**Об одной воспорской эпитаграмме**» (Там же. 1892. Ноябрь); «**К присяге херсонесцев**» (Там же. 1892. Окт.).

Как опытный палеограф, Е. помогал коллегам с описаниями визант. рукописей, а на правах редактора ЖМНП (Е. возглавлял классич. отдел журнала до 1896, когда передал часть поручений своему

ученику Р. Х. Леперу) часто дополнял страницы журнала экзегетич. миниатюрами в 15–20 строк (под криптонимами Е. и В. Е.): «**К Аристофану**» (ЖМНП. 1891. Окт.), «**К Менандру**» (Там же. 1892. Апр.), «**Никита**» (Там же. 1894. Окт.; с дополнением испорченного текста схолиев к «Троянкам» Еврипида именем поэта Никиты), «**Вакхилид XVII, 71**» (Там же. 1898. Май) и др.

Иногда поправки Е. подытоживали публикацию начинающего текстолога (напр. С. А. Селиванова: ЖМНП. 1891. Апр. С. 24). Силевыми доминантами творчества Е. были точность, минимализм и композиционная четкость: версия издателя — ее спорность — собственное предложение — краткая аргументация. Е. учил, что хорошая поправка не нуждается в «разглагольствованиях» (Жебелёв С. А. В. К. Ернштедт: некролог // ЖМНП. 1902. Окт. С. 53), и редко сопровождал свою правку обширным «реальным комментарием» вроде обсуждения процедуры афинских дебатов при толковании темного места в речи Клеона в статье «К Фукидиду III, 39» (ЖМНП. 1884. Июнь). Его «простоте, ясности, пластичности языка, редкой взвешенности каждого отдельного выражения, поразительному соответствию между речью и мыслью» стремились следовать и ученики (Церетели Г. Ф. Памяти В. К. Ернштедта // ЗКОРАО. 1904. Т. 1. С. 5). В последние годы Е. занимался папирусами из собрания ИПБ, но успел издать лишь один из пятнадцати: № 13 с описью документов и книг, в т. ч. с упоминанием «Афинской политики» Аристотеля (**Вещий папирус** // ЖМНП. 1901. Окт.). Изучение новогреч. языка и общение с Васильевским, для которого Е. неоднократно сличал греч. рукописи, подвигли Е. — на фоне наметившегося в 1880-е «патриотического» движения российского эллинизма в направлении к Византии — к занятиям средневековыми рукописями. Для совместного с Васильевским издания сборника воен., нравственных

и житейских наставлений Кекавмена по рукописи МСБ — «**Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regiis libellus**» (ЗИФФ. 1896. Т. 38) он исправил текст, «отличающийся в московской рукописи крайней безграмотностью» (И. С<около>. [Рец.] // ИВ. 1897. № 5. С. 611). Эта editio princeps послужила фундаментом для последующих рец. текста, разве что со временем возобладало мнение, что и «Записки о царских обязанностях», которые Е. и Васильевским приписывались Никулице, также принадлежат перу Кекавмена (Литаврин Г. Предисловие // Советы и рассказы Кекавмена. М., 1972. С. 35–37). Самого Е. из рукописей МСБ заинтересовал сборник визант. пословиц (№ 298), который он, сличив моск. рукопись с мюнхенским кодексом, описал, перевел и проиллюстрировал паремиологическими параллелями из древних и новых языков: «**Забывтые греческие пословицы**» (ЖМНП. 1893. Апр.–май), «**К мирским комедиям Эзопа**» (Там же. 1894. Март). После публикации К. Крумбахера третьего (после К. Вальца и самого Е.) сб. «Пословиц Эзопа» (также по рукописи МСБ), Е. возвратился к нему и дополнил публикацию Крумбахера, распознав начало моск. рукописи в одном из дрезденских фрагментов, когда-то похищенном из МСБ Х. Ф. Маттеи (ВВ. 1901. Т. 8). Завершило эту тему в творчестве Е. посмертное издание «**Речения Эзопа в Москве и в Дрездене**» (Пг., 1916; подгот. Никитиным и Латышевым по черновику Е.). Е. уточнил рукописную традицию «сборников Эзопа», восстановил порядок перепутанных листов рукописи и предложил ряд изящных толкований: напр., перевод пословицы ὁ Χάρων ἐνα λαμβάνει как «Харон берет лишь один обол» (т. е., умирая, ничего с собой не возьмем) вместо варианта Крумбахера «Харон каждого забирает лишь однажды» (С. 34–35). Никитин довел до конца редакцию и двух др. работ из архива Е.: начатые еще А. Куником

«Выдержки Паисия Лигарида из бесед патриарха Фотия» (ЗАН по ист.-филол. отделению. 1907. Т. 7. № 8) и новое (после Маттеи) отеч. издание текста из коллекции МСБ «*Michaelis Andreopoli libri Syntipae*» (Там же. 1912. Т. 11. № 1). В бескорыстном труде коллег по (до)изданию рукописей из архива Е. отразилась симпатия к ученому, в личности которого сочетались «талант с душевной прелестью» и преданность науке: «Наука без любви к ней ничто». Располагали к Е. также присущие ему деликатность и сдержанность; характерно, что, несмотря на свободное владение нем., свои статьи он принципиально печатал только на рус. языке. Заинтересованные ученики (А. Г. Бекштейн, Г. Церетели, Р. Лепер, М. Н. Крашенинников и др.) помнили строгую школу Е. — «профессора для немногих», презиравшего верхоглядство и несамостоятельность мысли. М. И. Ростовцев (Памяти П. В. Никитина // Гермес. 1916. № 17. С. 409–410), характеризуя своих ун-тских наставников (в т. ч. Е.), заключил: «Все они давали мало внешнего блеска как ораторы и лекторы. Но все они органически сочетали строгую западноевропейскую научную школу с чисто русской углубленностью и широтой мышления».

Похожим образом Е. вспоминал С. А. Жебелёв, видевший в нем «не блестящего» лектора, но «незаменимого» руководителя классиков, «которые всегда его очень ценили и у которого они многому научились не только в деле приобретения филологических знаний <...>, но и в смысле выработки правильного, строго научного филологического метода» (ВДИ. 1968. № 3. С. 162).

«Мягкий и отзывчивый на все хорошее», по мнению Г. Церетели, Е. бывал раздражителен: напр., он мог отказаться от участия в Рижском археол. съезде лишь из-за оброненной графиней П. С. Уваровой фразы «о желательности усиления русского элемента» (ОР РНБ. Ф. 585. № 2887. Л. 37). Неровными были его

отношения с Зелинским, который запомнил Е. как «в научном отношении знатока дела, но мало писавшего, в общении немного желчного» (Древний мир и мы. Вып. 4. С. 97). Не выносили Е. и «краснобайства» — не зря Жебелёв в некрологе приводит признание Е.: «Вы громких слов боитесь, а я их ненавижу» (ЖМНП. 1902. Окт. С. 62).

Интерес Е. к древности унаследовали его сын Петр Викторович Ернштедт (1890–1966), палеограф, ученик Г. Церетели, чл.-корр. АН СССР, и дочь Елена, участница семинара Ф. Ф. Зелинского, которая специализировалась в археологии и истории искусства.

Литература: Кусов Н. А. Двадцатипятилетие С.-Петербур. седьмой гимназии. СПб., 1893; Церетели Г. Ф. В. К. Ернштедт // ВВ. 1902. Т. 9, вып. 4; Платонов С. Несколькo воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Кн. 2; Жебелёв С. А. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке // ВДИ. 1938. № 4; РИИ; Куклина И. В. В. К. Ернштедт: обзор переписки с учеными и современниками // МРВ; Вольфцун Л. Б. Этрusская ваза. Судьба Елены Викторовны Ернштедт // Древний мир и мы. Вып. 3. С. 154–173; Бузескул В. П. Введение в историю Греции. СПб., 2005; Басаргина 2008; Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы. СПб., 2008 ♦ Брокгауз; БС СПб. ун-та (библ.); Прозоров; Нагуевский; Венгеров (Источники, Список); Черняев; БС МАО; БС АН 1889–1914; Воронков; КЛЭ; Фролов 2006; Бузескул 2008; Российская академия наук; Биографика СПбГУ; Тункина 2017; Фондообразователи.

Архивы: Личный фонд: СПбФ АРАН. Ф. 733. 93 ед. хр.; Отд. письма и документы: ОР РНБ. Ф. 124 (П. Л. Ваксель). № 1640; Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Оп. 1. № 1774, 2887, 5831; Ф. 608 (И. В. Помяловский). Оп. 1. № 98, 779; Ф. 1000. Оп. 3. № 371; РО ИРЛИ. Ф. 45 (А. Н. Веселовский). Оп. 3. № 345; Ф. 62 (П. И. Вейнберг). Оп. 3. № 200; Ф. 252 (Э. Л. Радлов). Оп. 2. № 539; Ф. 341 (И. А. Шляпкин). Оп. 1. № 1278; СПбФ АРАН. Ф. 35 (В. И. Ламанский), 83 (А. К. Наук), 84 (А. В. Никитский), 107 (Х. М. Лопарёв), 116 (Ф. И. Успенский) и др.

В. П. Смышляева

Ж

ЖДАНОВ

Сергей Николаевич

ŽDANOV S. N.

[16(28).8.1850, Шенкурск
Архангельской губ. — 1(14).9.1903,
Нежин], *филолог*

Из семьи священника, ректора и преподавателя словесности в Шенкурском приходском уч-ще (старший брат Ж. — историк литературы, акад. И. Н. Жданов). Окончил в 1867 Архангельскую Ломоносовскую гимназию (зол. медаль), в 1871 — ист. отделение Петерб. ИФИ (в один год с П. В. Никитиным и В. В. Мусселиусом), куда перешел после непродолжительных занятий в Петерб. ун-те. До заграничной командировки в 1875 преподавал древние языки в Киевск. прогимназии (впоследствии Киевск. 4-й гимназии). По возвращении из-за границы (1878) временно преподавал греч. язык в Петерб. ИФИ и гимназии при нем (заменил командированного в Германию А. Д. Вейсмана), завершая магист. дис. «**К учению о древнегреческом ударении**» (защита: Петерб. ун-т, 1879; магистр греч. словесности). После защиты преподавал греч. словесность в Неж. ИФИ: доц. (1879), экстр. проф. (1880), орд. проф. (1881). Докт. дис. «**Грамматические**

наблюдения и критико-эзегетические заметки» (Петерб. ун-т, 1889). Вышел в отставку в 1901.

Отказавшись (возможно, по обстоятельствам службы) от начальной ист. специализации, Ж. обратился к формальным филол. студиям, со временем сконцентрировавшись на лингво-стилистич. анализе эпич. текста (близок к поискам в этом направлении учеников К. Я. Любеля). В магист. монографии «К учению о древнегреческом ударении» (СПб., 1878) исследовал современные представления о «природе» (гл. I) и «системе» (гл. II) греч. ударения. Взвесив аргументы сторонников музыкального («мелодич.») и динамич. («ритмич.») ударения, остался (несмотря на занятия метрикой в семинаре Ф. Ричля) в стане первых, полагая, что, как и ударение индоевроп. праязыка, «греческое ударение оставалось мелодическим в течение всего классического периода» (С. 29). В гл. II попытался выявить позиционные закономерности ударения для некоторых типов гомеровских слов (в т. ч. простых нарицательных существительных 2-го склонения с суффиксами -о-, -ло-, -ρο-, -ιο-). Соотнося позицию ударения с семантикой (актуальной и исторической, для реконструкции которой привлекал факты сравнительного языкознания) и частеречевой принадлежностью слова, Ж., напр., усматривал корреляцию окситональности

существительных с суффиксом -ο- с использованием их для номинации агенса (олицетворенного инструмента), а бари-тональность с обозначением действия или состояния (С. 75). Для науч. манеры Ж. характерна опора на значительную статистику метрич. и лингв. фактов. Просодич. и грамматич. наблюдения включались им и в экзегетич. заметки: «**О знаках ударения в папирусном списке Алкманова Парфения**» (Изв. Неж. ИФИ. 1881. Т. 6), «**К Еврипидову Ипполиту**» (ЖМНП. 1892. Апр.), «**К Гомеру и Гесиоду**» (Там же. 1892. Сент.), «**К Эсхину**» (ФО. 1892. Т. 3), «**Номерика**» (Изв. Неж. ИФИ. 1900. Т. 18), «**К Менандровой Περίκειρομένης**» (ЖМНП. 1901. Июль) и др. На протяжении 1880-х Ж. опубликовал серию ист.-грамматич. этюдов с критич. экскурсами (Изв. Неж. ИФИ. 1881–1886. Т. 6–9, 11), которые обобщил затем в докт. дис. «Грамматические наблюдения и критико-экзегетические заметки» (М.; Киев, 1889). Наиболее значителен из этюдов первой части — «К учению о грамматическом роде в греческом языке, особенно языке древнейшей поэзии» (отд.: М., 1889), в котором Ж. развил «семасиологические» аспекты магист. дис. на материале гомеровского языка как наиболее приближенного к началам греч. истории. Вторая часть работы представляла собой коллекцию отд. наблюдений над просодией, ударением, морфологией в языке Солона, Ксенофонта, Демосфена и греч. трагиков. В своих интерпретациях просодии и грамматики Ж. отходил от традиционных методов классич. филологии, обращаясь к выводам фольклористов и лингвистов, иллюстрируя изложение примерами из санскрита и славянских языков: напр., возражая Г. Курциусу против развития φή < *sva, предлагал рассматривать частицу φή как рудимент глагольной формы ἔφη по аналогии с малороссийской «мовь» (С. 90). Скептически относясь к глобальным индоевроп. реконструкциям Ф. Боппа и А. Шлейхера,

Ж. полагал, однако, ценными для классич. филологии их выводы по истории отд. языков. В некоторых толкованиях Ж. довольно самостоятелен. Постулируя, напр., в качестве базовых для исхода существительного на -ος значений деятеля, а для -ον — инертности и принадлежности к массе, он весьма субъективно объясняет исключения из этого положения: причину перемены исконного мужского рода νόσος на женский (первоначально болезнь олицетворялась в качестве врага-агрессора) видит в существенном для этого слова «женском» признаке болезни — слабости (С. 18–19).

В обстоятельном разборе этой дис. А. Вейсманом (ЖМНП. 1890. Апр. С. 414–425) выражается сомнение, что проблема грамматич. рода может быть решена удовлетворительно лишь в рамках греч. языка («иначе можно <...> за особенность греческого рода принять то, что ей вовсе не принадлежит») и указывается на зыбкость некоторых семантич. толкований Ж. (если νόσος переменяло род с учетом признака слабости, то «отчего же самая-то сила <...>, понятие прямо противоположное слабости, выражается жен. именами ῥώμη и др.»).

Никитин, оппонировавший на докт. защите Ж., оценил его работу как «полезную по собранному материалу, а отчасти и по результатам его обработки», отметив, однако, неполноту интерпретаций грамматич. и словообразовательных связей (Протоколы Петерб. ун-та за 1889. С. 47). В своих «**Просодических и критических заметках**» (публиковавшихся в ФО с 1893 по 1902) Ж. наряду с просодико-грамматич. толкованиями и правками текста уделял внимание вопросам сравнительного языкознания и ист. поэтики. Им предложен ряд удачных наблюдений о роли поэтич. формул в консервации грамматики и просодии «неканонических» для гомеровского языка форм, напр., ποτ. = voc. θεά, частой в формульных именованных Геры и Афины (ФО. 1897. Т. 13. С. 31–35). В аудитории помимо

интерпретации авторов (предпочитал Гомера, трагиков и Аристофана) читал курсы греч. морфологии, стихосложения, истории греч. литературы.

Среди коллег, несмотря на редкие для отеч. антиковедения конца XIX в. «формальные» темы своих публикаций, Ж. пользовался авторитетом: убежденный «реалист» Ю. А. Кулаковский, узнав в 1885 о неосуществленных МНП планах перевода Ж. в Киевск. ун-т (на место покойного П. И. Аландского), заметил: «Очень, очень жаль, что не сделали этого» (ОР РНБ. Ф. 608. № 905. Л. 96). По метод. вопросам Ж. выступал в печати редко, преимущ. в молодые годы (**Наши учебники греческой грамматики**. Киев, 1874).

Литература: Кизель Н. К., Мазюкевич Вл. И. Ист. записка Архангельской Ломоносовской гимназии (1811–1911). Архангельск, 1912 (список); Пам. книжки ИФИ. 1874, 1887, 1898, 1912 (списки) ♦ Брокгауз; Прозоров; Нежин 1900 (библ.); Венгеров (Список); Латышев; Воронков.

Архивы: Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 297 (Г. Э. Зенгер).

В. П. Смышляева

ЖЕБЕЛЁВ Сергей Александрович

ZHEBELEV / GÉBÉLEV / ŽEBELEV S. A.
[10(22).9.1867, Петербург —
28.12.1941, Ленинград; Литературские мостки Волковского кладб.],
*историк, филолог, эпиграфист,
археолог*

Отец Ж., купец 2-й гильдии А. В. Жебелёв, был родом из г. Вереи Моск. губ., где проживали его родственники по фамилии Жебелёвы-Корсаковы; мать, Е. Е. Костина — петерб. мещанка. После смерти мужа (1876) она с дочерью осталась в купеческом сословии, а Ж. и два

его брата были записаны в мещане. После окончания ун-та Ж. поступил на гос. службу (1891) и стал личным дворянином (**Автонекролог** // ВДИ. 1993. № 2. С. 190). В 1876–1886 учился во 2-й Петерб. гимназии, в 1886–1890 — на ИФФ Петерб. ун-та. По окончании курса оставлен при ун-те по каф. классич. филологии для подготовки к профессорскому званию без стипендии. Магист. дис. «**Из истории Афин. 229–31 гг. до Р. Х.**» (СПб., 1898). Докт. дис. «**АХАЙКА. В области древностей провинции Ахайи**» (СПб., 1903).

Магистр (1898), д-р (1904) греч. словесности. Чл.-корр. Петерб. АН (1914); д. чл. АН СССР (1927); д. чл. Академии художеств (1910); д. чл. ГАИМК (1919–1937); чл.-сотрудник (1892) и д. чл. (1894) классич. отделения РАО; д. чл. МАО (1914); чл.-корр. ИАК (1902).

Вольнонаемный сверхштат. писец (1891–1898), хранитель (1898–1903) Музея древностей при Петерб. ун-те. Выпустил «**Каталог библиотеки Музея древностей**» (СПб., 1896); «**Каталог библиотеки Музея древностей: приобщение I**» (СПб., 1901). Преподавал

бытовую историю в Уч-ще технического рисования барона Штиглица (1891–1903). Проф. истории искусств в Высшем худож. уч-ще при Академии художеств (1894–1905). Преподаватель и проф. ПИФИ (1909–1920). В Петерб. ун-те был приват-доц. (1899–1904), экстраорд. (1904–1913), орд. (1913–1927) проф. каф. классич. филологии, проф. каф. истории античности ист. ф-та (1934–1941). Адм. должности в ун-те: секр. (1905–1909), декан (1918–1919) ИФФ, проректор (1911–1912), ректор (июль–сент. 1919). Читал лекции в ЛИФЛИ (1932–1936). Был секр. классич. отделения (1894–1919), помощником предс. (председательствующий) (1919–1922) РАО; предс. Совета Эрмитажа (1918–1919), тов. предс. РАИМК–ГАИМК (1923–1928), зав. разрядом Эллады и Рима (1920–1929), предс. Библиотечно-библиогр. комиссии 3-го отделения ГАИМК (с 1929). В 1929 введен в разряд древних культур Причерноморья Ин-та истории рабовладельческого общ-ва (ИИРО), с 1934 до 1937 и. о. зав. каф. истории антич. колоний Причерноморья ИИРО (с 1936 — Ин-та истории древнего мира) ГАИМК. С 1937 заведовал сектором Древнего Причерноморья ИИМК АН СССР, а с 1939 — группой Истории древнего мира ЛОИИ. И. о. директора БАН СССР (окт. — нояб. 1928).

В 1941 после начала войны оставался в Ленинграде, руководил Комиссией по делам ленингр. учреждений АН СССР и ИИМК АН СССР (о несостоявшейся эвакуации Ж. из осажденного города см.: **Моя «эвакуация»** // Деятели русской науки. Вып. 2. С. 358–370; *Кольцов А. В.* «Пережитого за истекший месяц я не забуду»: записка акад. С. А. Жебелёва о несостоявшейся «эвакуации» из Ленинграда // Там же. С. 349–357). Умер во время блокады. По свидетельству М. И. Максимовой, в один из дней Ж. «упал от истощения на улице и больше не смог подняться» (Отчет о заседании в ЛОИА АН СССР... С. 150).

В гимназии Ж. учился у латинистов Н. В. Рубинского и О. О. Кёнига; греч. язык ему преподавал О. Ю. Клеменчик. Из гимназии Ж., по его признанию, вынес «хорошие знания обоих древних языков, русского языка и литературы, отчасти истории», хотя математика и физика давались ему плохо (Автонекролог. С. 190).

Преимущественный интерес к изучению древнегреч. мира определился у Ж. к концу первого года обучения на ИФФ. Он слушал курс по критике текста гомеровского эпоса у К. Я. Лягубля, однако гл. своими наставниками в греч. филологии считал В. К. Ернштедта и П. В. Никитина. Благодаря чтению и интерпретации греч. авторов, а также занятиям греч. палеографией у Ернштедта, с которым, по признанию самого Ж., сошелся близко, он освоил «правильный, строго научный филологический метод» [**Из университетских воспоминаний (1886–1890 гг.)** // ВДИ. 1968. № 3. С. 164]. Ж. очень ценил Никитина как замечательного лектора и переводчика греч. авторов, а его строгое отношение к своим профессорским обязанностям рассматривал как недосыгаемый идеал (Там же. С. 165). Прив.-доц. В. В. Латышев, руководивший практич. занятиями по греч. филологии, в т. ч. и переводами с рус. языка на греч., своим методом преподавания казался Ж. и его сокурсникам скорее гимназич. учителем. Однако Ж. считал себя обязанным Латышеву тем, что тот частным образом, вне рамок офиц. занятий, ввел его в курс греч. эпиграфики, когда по совету Ф. Ф. Соколова Ж. обратился к нему, будучи студентом 1-го курса (Там же. С. 165–166). У проф. И. В. Помяловского Ж. слушал курсы по истории римск. литературы и римск. древностям; на его практич. занятиях читались и комментировались лат. надписи. Покойному Помяловскому он позднее посвятил самый последний свой доклад, прочитанный в блокадном Ленинграде. Прив.-доц. Ф. Ф. Зелинский читал

курсы по Овидию, Ливию и письмам Цицерона, предпосылая разбору текстов обширные введения по греч. мифологии, римск. историографии и т. п. На практич. занятиях под руководством Зелинского читались и интерпретировались произведения лат. авторов, напр., «De legibus» Цицерона, и предпринимались попытки перевода рус. классиков (Карамзина и Пушкина) на лат. язык. Ж. посещал занятия по лат. филологии прив.-доцентов О. А. Шебора и В. И. Модестова, а у И. И. Холодняка слушал лекции по ист. классич. филологии в древности и по лат. палеографии (Там же. С. 166–167); его увлекал и курс проф. В. Г. Васильевского, посвященный сравнительной характеристике романо-германского Запада и греко-слав. Востока; под его руководством Ж. участвовал в практич. занятиях по истории Византии (Там же. С. 167).

Своим основным наставником Ж. считал Ф. Ф. Соколова, а себя — учеником «соколовской школы» [**Федор Федорович Соколов (1841–1909): некролог** // ЖМНП. 1909. Сент. С. 17–64; **Столетие рождения Ф. Ф. Соколова** // ВДИ. 1993. № 1. С. 185–194]. Будучи студентом, Ж. в течение трех лет посещал занятия у Соколова на его квартире в ПИФИ, где читались греч. надписи (Из университетских воспоминаний. С. 170). Результатом двухлетнего труда Ж. над объявленной Соколовым «медальной» темой «Об оракулах Асклепия и Амфиарая» стала большая работа, которую Ж. называл «кандидатским сочинением», а Соколов «вполне самостоятельной работой», «**Исследования об инкубации и инкубационных оракулах в Древней Греции**» (1890; СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. № 1. Л. 1–197 об.). Сам Ж. полагал, что это исследование, основанное гл. обр. на анализе надписей из Эпидавра и Оропа, заложило фундамент для всей его последующей науч. деятельности (Из университетских воспоминаний. С. 171).

Ж. считал пройденную им в Петерб. ун-те подготовку достаточной для исследователя, а себя называл «доморожденным ученым», поскольку по окончании ун-та не совершил заграничную командировку (Автонекролог. С. 178). Со студ. лет Ж. был дружен с М. И. Ростовцевым, Я. И. Смирновым и со своим сокурсником Б. А. Тураевым.

С самого начала ученой деятельности Ж. ясно определились три гл. сферы его науч. интересов: полит. история Греции (преимущ. эпохи эллинизма), антич. религия и классич. археология (*Толстой*. С. 162).

Первая печатная работа Ж. (**Из истории диадохов** // ЖМНП. 1889. Ноябрь. С. 13–32) появилась благодаря В. К. Эрншtedту, предложившему ему, студенту 3-го курса, заняться незадолго до того опубл. отрывками из труда Арриана «История преемников Александра». С того времени началось сотрудничество Ж. с «ЖМНП» как автора и редактора, продолжавшееся вплоть до закрытия журнала в 1917. Сам Ж. особенно ценил несколько своих статей по греч. истории, в т. ч.: «**К истории образования после-клизфеновских фил**» (Στέφανος. С. 11–48), «**Zur Geschichte von Lemnos**» (Klio. 1902. Bd. 2. S. 36–44), а также статью памяти А. В. Никитского «**Афина и Афины**» (ЗВОРАО. 1925. Т. 26. С. 255–280).

Свою магист. дис. Ж. посвятил «специальному изучению истории Афин» с момента освобождения от македонской зависимости (229 г. до н. э.) до битвы при Акции (31 г. до н. э.). В работе установлены факты, свидетельствующие о тимократич. характере реформ, проведенных римлянами в сфере гос. устройства Афин после 146 г. до н. э. и нацеленных на ослабление традиционной афинской демократии. Одним из достижений Ж. в этой работе явилось определение хронологии афинских архонтов в конце III в. до н. э. Разработка этой темы была продолжена в статье «**Афинские архонты**

III, II и I вв. до Р. Хр. Устойчивые и неустойчивые основы их каталогизации» (ЖМНП. 1909. Июль. С. 287–314). Важными для исследователя были положительные отклики на его первую книгу (Соколов Ф. Ф. По поводу книги Жебелёва // ЖМНП. 1899. Март. С. 83–103; Никитский А. В. [Рец.] // ЖМНП. 1899. Май. С. 216–259), и от лично не знакомого ему моск. ученого (Schoeffer V. [Rez.] // BPhW. 1899. Jg. 19. № 33/34. S. 1023–1033).

В докт. дис. детально исследовано полит. состояние Эллады с середины II в. до н. э. до конца III в. н. э. и доказано, что в состав провинции Ахайи первоначально входили земли Коринфа, Фив и Халкиды, а затем всей Беотии, Эвбеи и значительная часть общин распущенного в 146 г. до н. э. Ахейского союза; именно эти территории как *agri vestigales* римляне присоединили к провинции Македония. Б. Кайль охарактеризовал книгу «АХАИКА» как «весьма тщательное исследование устройства и древностей провинции Ахайи» (Keil B. Griechische Staatsaltertümer // Einleitung in die Altertumswissenschaft / hrsg. von A. Gercke u. E. Norden. Bd. 3. Leipzig.; Berlin, 1923. S. 430).

Уже в самых ранних публикациях Ж. нашли отражение вопросы древнегреч. религии и культа, особенно религиозного врачевания [см., напр.: **Заметка о местоположении Авата** (Ἀβάτων. — Ред.) в епидаврийской святыне Асклепия // ЖМНП. 1890. Сент. С. 112–116; **К религиозным древностям острова Коса** // Там же. 1892. Дек. С. 117–120; **Об отношении Асклепия к Аполлону** // ФО. 1893. Т. 4. С. 53–62]. Один из разделов своего «кандидатского сочинения» Ж. опубликовал как статью: **«Религиозное врачевание в древней Греции»** (ЗРАО. Новая сер. 1893. Т. 6. С. 369–429). В связи с исследованием обрядов ритуального сна на могиле героя в работе рассмотрена антич. ареталогич. литература чудес

и сакральной практики храмовой терапии. Ж. показывает, что практика врачевания основывалась на рациональной медицине, хотя и была покрыта налетом религиозности.

И. И. Толстой (мл.) отмечает, что Ж. с начала своей исследовательской и преподавательской деятельности был археологом и историком искусства (Толстой. С. 162). Своим «крестным отцом в области археологии» Ж. считал Н. П. Кондакова (Автонекролог. С. 179). Ежегодно с 1893 по 1901 в «ФО» Ж. давал «обстоятельный, систематический, составленный с полным знанием дела обзор археологических открытий» под названием **«Археологическая хроника эллинского Востока»** (Бузескул 2008. С. 254). Большинство его работ в этой обл. посвящены памятникам изобразительного искусства, преимущ. антич. пластике. Ж. всегда отстаивал идею систематич. раскопок т. н. малых городов Боспора. В работе **«Пантикапейские Ниобиды»** (МАР. 1901. № 24) он рассмотрел 25 керамич. и гипсовых фигур ниобид, которые были изготовлены пантикапейскими мастерами и украшали деревянные саркофаги, и в результате отнес фигуры к эпохе эллинизма, связав их с изображениями описанного Павсанием мраморного фриза, украшавшего трон Зевса в Олимпии. В статье **«Три архаические бронзы из Херсонской губернии. I–II»** (Там же. 1907. № 32. С. 1–35), первая часть которой написана в соавторстве с В. К. Мальмбергом, изучены бронзовые статуэтки-подставки в виде одетой и нагой женской фигурки (см.: Гайдукевич В. Ф. Акад. С. А. Жебелёв как исследователь Северного Причерноморья // СА. 1941. Т. 7. С. 8–9).

Как историк, филолог, эпиграфист и археолог Ж. заметно проявил себя в изучении проблем антич. Сев. Причерноморья. Сопоставив свидетельство Диодора (XII, 31) и данные надписей из Милета, он установил милетское происхождение боспорских Археанактидов

(**Возникновение Боспорского государства** // ИАН ОГН. 1930. № 10. С. 799–820); детально изучил разные аспекты хозяйственной жизни в Боспоре (**Основные линии экономического развития Боспорского государства. Ч. 1–2** // ИАН ООН. 1934. № 8. С. 589–607; № 9. С. 661–679). После смерти Ж. был издан сб. важнейших его трудов по сев.-причерноморской проблематике: **«Северное Причерноморье: исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи»** (М.; Л., 1953).

«Наиболее удачливым, хотя и не самым удачным» из исследований Ж. [Гаврилов А. К. Скифы Савмака — восстание или вторжение? (IosPE I² = Syll.³ 709) // Гаврилов 2011. С. 296, примеч. 17] стала статья **«Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре»** (ИГАИМК. 1933. Вып. 70). Ж. обратился к прежде неоднократно изучавшемуся херсонесскому декрету в честь Диофанта (IosPE I² = Syll.³ 709); на основе филол. анализа причастия ἐκθρέψας (стк. 34) постулировал изначально рабский статус Савмака как «вскормленника» Перисада V и сделал вывод, что в Пантикапее произошел не «дворцовый переворот», а восстание боспорских рабов-скифов, одно из звеньев в цепи восстаний II в. до н. э. Эта концепция вписывалась в общий контекст советской ист. науки. Публикацию работы и ее переиздания (ВДИ. 1938. № 3. С. 49–71; Сев. Причерноморье. С. 82–115; **L'abdication de Pairisadès et la révolution scythe dans le royaume du Bosphore** // REG. 1936. Т. 49. Р. 17–37) современники могли расценивать как вынужденный пересмотр автором его науч. позиции и желание проявить лояльность к марксизму и властям. В основе его конструкции, видимо, не было конформистского замысла, но сказались веяния времени. Ж., несомненно, гордился своей работой: не столько ее результатом, сколько методологией — «через

филологическую деталь к историческому факту», в духе «школы Соколова». Конформизм проявился, скорее, «в согласии Ж. на успех у людей, идеологически ему совершенно чуждых» (Гаврилов А. К. Скифы Савмака — восстание или вторжение? С. 295–297).

Эпиграфич. памятники Ж. называл «краеугольными камнями всей науки классической древности». Хотя он и признает, что «ни одной надписи не опубликовал впервые» (Автонекролог. С. 179), в некоторых своих эпиграфич. работах он все же либо предложил новые или уточнил прежние датировки, либо дал новые прочтения, напр.: **«Киренская конституция»** (Докл. АН. ООН. 1929. № 5. С. 77–84); **«Пеан Исилла»** (Там же. № 11. С. 193–200); **«Фрагмент элевсинской надписи»** (ИАН. 1930. Сер. 7. № 4. С. 251–264).

После смерти В. В. Латышева (1921) подготовку по переизд. 2-го тома IosPE предложили Ж., который существенно пополнил свод надписей и несколько изменил его концепцию: он стремился усовершенствовать объяснения, сокращая их по сравнению с editio maior, и снабдить сб. богатым иллюстративным материалом (Гаврилов А. К. К истории КБН и фотоархива // КБН. Альбом иллюстраций. СПб., 2004. С. 395–396 — CIRB. Album imaginum, или CIRB-album). Рукопись тома хранится в СПбФ АРАН (Ф. 727. Оп. 1. № 34). Работа не была закончена Ж., продолжалась в 1950–1952, 1956–1965 и завершилась изданием ЛОИИ и ЛО ИА АН СССР «Корпуса боспорских надписей» (М.; Л., 1965).

Ж. написал большое число некрологов отеч. исследователей античности, востоковедов, византинистов и др.; в их числе (приводим в алфавитном порядке): Д. В. Айналов (1940), Д. Ф. Беляев (1901), Ф. Ф. Гесс (1922), В. И. Гошкевич (1929), В. П. Бузескул (1931), В. К. Ернштедт (1902), В. В. Латышев (1926), В. К. Мясоедов (1916), И. В. Нетушил (совместно с В. П. Бузескулом, 1928), П. В. Никитин (1916 и 1917), И. В. Помяловский (1907), А. В. П р а х о в

(1916), Е. К. Редин (1910), Я. И. Смирнов (1928), Ф. Ф. Соколов (1909 и 1910), А. А. Спицын (1931), И. И. Толстой (ст.) (1916 и 1917), Б. А. Тураев (1921), Ф. И. Успенский (1929), Б. В. Фармаковский (1928 и 1929), И. В. Цветаев (1914), С. П. Шестаков (1941) и А. Н. Шукарёв (1900). Многих из этих ученых Ж. знал лично. Он автор ряда некрологов западноевроп. антиковедов, среди которых: В. Г. Бок (1899), У. Виламовиц-Мёллендорф (1932), А. Гейзенберг (1931), В. Гельбиг (1916), В. Дёрпфельд (1941), Г. Дильс (1928), А. Кирхгоф (1908), У. Кёлер (1904), Д. Компаретти (1927), Э. Курц (1926), Э. Легран (1904), А. Михаэлис (1910), П. Фукар (1927) и А. Фуртвенглер (1907).

Написанные Ж. многочисленные рец., библиогр. заметки и некрологи являются ценным источником по истории отеч. антиковедения (Автонекролог. С. 182; ср.: *Каллистов*. С. 153). В «Автонекрологе», который он написал незадолго до своего 65-летия (1932), воплотилось его желание «дать отчет, прежде всего самому себе», о прожитой жизни и «дать оценку ей, и положительную и отрицательную» (Автонекролог. С. 175). Это важный источник сведений о жизни, деятельности и самооценке его автора (позднее ученик Ж. С. Я. Лурье также сочинил пародийный «Автонекролог»: *Лурье Я. С.* История одной жизни. СПб., 2004. С. 106). Ж. принадлежит и ряд обзорных статей о развитии антиковедения и византиноведения в России.

С 1919 по 1925 Ж. занимался преимущ. популяризацией науч. знаний. Он опубликовал три «жизнеописания великих греков»: «**Александр Великий**» (Берлин; СПб.; М., 1922); «**Демосфен**» (Берлин; СПб.; М., 1922); «**Сократ**» (Берлин, 1923) и шесть книг в серии «Введение в науку» Петрогр. изд-ва «Наука и школа»: «**Древняя Греция. Ч. 1: Эллинство**» (1920); «**Древняя Греция. Ч. 2: Эллинизм**» (1922); «**Древний Рим. Ч. 1: Царский период и республиканская эпоха**» (1922); «**Древний Рим. Ч. 2: Императорская эпоха**» (1923); «**Введение в археологию. Ч. 1: История**

археологического знания» (1923); «**Введение в археологию. Ч. 2: Теория и практика археологического знания**» (1923). Обвинения в «компиляции» и даже «плагиате», выдвинутые против Ж. в связи с «Введением в археологию», вряд ли справедливы, если учесть, что сам автор считал это издание научно-популярным (Автонекролог. С. 183). В изд-ве «Огни» были опубликованы две книги по истории раннего христианства: «**Евангелия канонические и апокрифические: общий очерк**» (1919); «**Апостол Павел и его послания: общий очерк**» (1922).

В круг авторов, которым Ж. посвятил свои труды, входят почти исключительно греч. историки и философы: Геродот, Фукидид, Платон, Аристотель, Полибий, Посидоний, Аппиан, Павсаний etc. Однако исследователь подходит к одному и тому же автору то как филолог (**К вопросу о композиции «Описания Эллады» Павсания** // ЖМНП. 1909. Окт. С. 395–440), то как археолог или историк искусства (**Павсаний. Описание афинского Акрополя. Лекции**. СПб., 1907. Литогр. изд.), как историк (см., напр.: Из истории Афин. С. 84–85, 88, 119–120, 147–152 etc.; АХАИКА. С. 275–276, 283, 293–294, 322–324 etc.), а иногда как критик науч. соч. др. ученых (**Отзыв о работе С. В. Сальникова на тему «Исторические экскурсии в «Описании Эллады» Павсания»** // Отчеты о состоянии и деятельности Петерб. ун-та. 1914. С. 327–331). Из этих же авторов Ж. предпочитал выбирать сочинения для своих переводов. Как переводчик и популяризатор текстов он известен благодаря след. изданиям: «**«Политика» Аристотеля**» (СПб., 1911); «**Платон. Полное собрание творений. Т. 1: Пир. Федр**» (Пг., 1923); «**Т. 5: Евтифрон. Апология Сократа. Критон. Федон**» (Пг., 1923). Ж. основательно переработал один из прежних переводов Ф. Г. Мищенко (Фукидид. История. Т. 1–2. М., 1915).

В 1892 В. В. Стасов привлек Ж. к редактированию труда Н. П. Кондакова

«Византийские эмали. Собрание А. В. Звенигородского» (СПб., 1892). Ж. заведовал классич. отделом «ЖМНП» (1902–1917) и редактировал публикуемые там материалы. Более 20 лет он был редактором «Трудов», затем «Записок» классич. отделения РАО, «Известий» (т. 4–5) и «Сообщений» (т. 1–2) ГАИМК (1925–1928), редактировал статьи отделов изящных искусств и археологии в «НЭС». Благодаря редакторской деятельности Ж. увидели свет сб. статей В. К. Эрнштедта (1907), труды Ф. Ф. Соколова (1910), рус. переводы пособий Р. Пёльмана «Очерк греческой истории и источниковедения» (1910), А. и М. Круазе «История греческой литературы» (1912; ²1916).

За 37 лет работы в различных учеб. заведениях, прежде всего в ун-те, Ж. выработал свой метод преподавания, который «заключался не в том, чтобы научить слушателей науке, а в том, чтобы “ввести” в изучение той или иной науки». Студент должен индивидуально изучать избранную им науч. дисциплину; роль профессора сводится к руководству их занятиями и к облегчению этих занятий (Автонекролог. С. 185). Ж. был пунктуален и требовал того же от своих учеников [Васильев А. Н. С. А. Жебелёв как учитель (личные воспоминания А. И. Доватура) // Жебелёвские чтения — I: тез. докл. науч. конференции. СПб., 1997]. Своим учителем его считали И. И. Толстой (мл.), С. Я. Лурье, И. И. Бикерман, А. И. Доватур.

Жизненный путь Ж. не был гладким. В 1927 он стал д. чл. АН СССР, но его избрание натолкнулось на неожиданное противодействие со стороны востоковедов Ф. И. Щербатского, П. К. Коковцова и В. В. Струве; напротив, В. П. Бузескул и М. И. Ростовцев энергично его поддерживали. Однако уже на след. год Ростовцев, как и др. академики-эмигранты, был исключен из АН, и не в последнюю очередь с согласия Ж., который отрекся от своего давнего друга во время процедуры исключения. Ж. признается: «Я публично

отрекся от него, отрекся, конечно, вынужденно, в силу сложившихся, но несколько не оправдывающих меня обстоятельств и соображений, не делающих чести моему мужеству и являющихся в моих глазах одним из самых мрачных эпизодов моей жизни» (Автонекролог. С. 177).

В преддверии выборов в АН СССР (1928–1929) возникло т. н. дело против Ж. По замыслу его организаторов, оно должно было послужить примером морально-полит. наказания, ожидавшего ученых «старой школы» в случае их неуступчивости нажиму властей. Поводом стал выход 2-го тома трудов Семинария им. Н. П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) в память Я. И. Смирнова. В сб. приняли участие 15 ученых из СССР, в т. ч. и Ж. Том открывался некрологом, написанным Ж. (**Яков Иванович Смирнов** // Seminarium Kondakovianum. Т. 2. Прага, 1928. С. 1–16). Эта публикация вызвала инспирированную властями кампанию нападков на АН и серию выступлений с требованием исключить из Академии Ж. и тех ее членов, которые эмигрировали. Под нажимом властей Президиум АН признал публикацию Ж. неправильной (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1928. № 191. Л. 188–190; Тункина. Академик В. П. Бузескул... С. 27; подробнее см.: Тункина. «Дело» академика Жебелёва. С. 116–161; там же опубл. относящиеся к «делу» архивные материалы). Ж. был вынужден публично покаяться и отмежеваться «от белоэмигрантов и от своего бывшего друга Ростовцева» (Автонекролог. С. 200), что позволило ему сохранить членство в АН. С одной стороны, следствием «дела» стал de facto запрет проживающим в СССР ученым печатать труды в эмигрантской периодике, требование сократить их публикации в зарубежных журналах и чуть ли не прекратить книгообмен; все это привело к оскудению науч. контактов с зарубежными коллегами (ср.: Тункина. «Дело» академика Жебелёва. С. 144). Однако, уступая властям, Ж. стремился

сохранить то, что еще можно было спасти: науч. работу, которая была для него смыслом жизни, возможность заниматься с учениками и, наконец, науч. дисциплину, которая находилась под угрозой упразднения. Ж., его ученик И. И. Толстой (мл.) и С. В. Меликова «оказались ключевыми фигурами в деле спасения остатков петербургского антиковедения, как это было в Москве с С. И. Соболевским и его учениками» [Гаврилов А. К. Классическая филология в СССР (1992) // Гаврилов 2011. С. 284].

На протяжении 30 лет Ж. плодотворно общался с В. К. Мальмбергом, П. Н. Кондаковым, И. И. Толстым (ст.) и Я. И. Смирновым. С 1922 Ж. был дружен и вел переписку с В. П. Бузескулом, после смерти которого (1931) стал фактически его душеприказчиком и способствовал перевозу его архива в Ленинград (Тункина. Академик В. П. Бузескул... С. 21).

В гимназич. годы Ж. приобрел привычку к труду, которая не покидала его до конца дней. Отсутствие лени Ж. считал самым важным положительным качеством своей личности (Автонекролог. С. 193). Основными чертами его характера, по свидетельству М. И. Максимова, были самодисциплина и «строгое регламентирование своего времени»; благодаря им Ж. «удалось развить такую интенсивную и разностороннюю деятельность, которая редко выпадает на долю одного человека» (Отчет о заседании в ЛОИА АН СССР... С. 149; Максимова М. И. Из воспоминаний о С. А. Жебелёве // СА. 1969. № 3. С. 86–90).

По воспоминаниям С. Я. Лурье, Ж. «был резок и даже грубоват», вел себя независимо и пренебрежительно относился к позе и моде. «Профессор Жебелёв <...>, в очках, небрежно одетый, сидит как-то бочком, положив ногу на ногу так, что одна подошва упирается в сидение стула» (Лурье Я. С. История одной жизни. С. 51). Когда в 1915 на юбилее, посвященном 25-летию науч. деятельности Ж., молодой

Лурье выступил с пацифистским докладом о войне у Аристофана, многие из присутствовавших были смущены и шокированы, но юбиляр, «кажется, не ощущал неловкости», потому что он будто бы «совершенно не разбирался в политике» (Там же. С. 63, 95). Но по другим данным, учитель в политике все-таки разбирался и после этого доклада на время порвал с учеником (см.: Гаврилов А. К. Ученые перед лицом первой мировой войны // Гаврилов 2011. С. 271).

Ж. считал себя петербуржцем по рождению, воспитанию и образованию; вся его жизнь и деятельность были связаны с городом на Неве (Автонекролог. С. 190). Он вел жизнь холостяка. Воспитанный в православной семье, Ж. был знатоком и ценителем «хорошей церковной службы и хорошего церковного пения», с удовольствием посещал богослужения в Исаакиевском соборе, а после 1917 — в соборе Воскресения Христова на Крови. В советское время не отрекался от церкви. Увлечение музыкальным театром у Ж. началось в гимназич. годы; оперная музыка от Моцарта до Римского-Корсакова всегда занимала важное место в его жизни (Там же. С. 193–194).

В облике Ж. как исследователя И. И. Толстой (мл.) видел такие черты, как «громадные знания и замечательный, выработанный годами неустанной работы профессиональный навык быстрой ориентировки в гигантской общей и специальной литературе» (Толстой. С. 168). Работа в б-ке с книгой была неотъемлемой частью жизни Ж. Он любил и охотно приобретал книги. В 1942–1943 в фонды БАН СССР поступило ок. 5 тыс. наименований из библиотеки Ж., в т. ч. отеч. и зарубежные издания по антич. истории и классич. филологии. В настоящее время его книжная коллекция хранится в библиотеке СПбИИ РАН.

Предметом изучения Ж., по его признанию, «была античная история и так называемые древности, преимущественно

греческая история и греческие древности» (Автонекролог. С. 180). Однако В. П. Бузескул имел все основания считать, что в лице Ж. «мы видим сочетание филолога-классика, эпиграфиста, археолога и историка» (Бузескул 2008. С. 255). Ж. воспринимал как близкую себе исследовательскую позицию У. Виламовица, который писал: «Я <...> понимал всегда мою науку как нечто единое, и к этому единому подходило всё, что в данную минуту подвертывалось мне под руку» (**Памяти Виламовица-Мёллендорфа** // ИАН ООН. 1932. С. 6). В своих исследованиях Ж. стремился «привлечь всю античную традицию, т. е. источники литературные, документальные и вещественные», и полагал, что «в установлении фактов заложены фундамент, цель и назначение научного знания — узнать истину или, по крайней мере, подойти, приблизиться к ее познанию» (Автонекролог. С. 180). Думается, что тут есть и подспудная полемика с Виламовицем, который, в отличие от Ж., не стремился ограничивать себя изучением одних фактов.

Дошедшая до нас традиция об античном мире, как считал Ж., страдает наличием значительных лакун и неравномерностью сохранности материала, притом часто подаваемого некритически, что обязывает исследователя «дорожить буквально каждой строчкой предания» и исходить из фактов, а не из «теоретических предположений, аналогий и тому подобных вспомогательных средств исследования». Ж. имел обыкновение, заочно полемизируя, к примеру, с Ф. Ф. Зелинским, проносить свой девиз «Мы звезд с неба не хватаем» с «язвительной скромностью» (Гаврилов А. К. С. Я. Лурье и У. Виламовиц: эпизод заочного сотрудничества // Гаврилов 2011. С. 139) и считал себя «фактопоклонником». Он, однако, не отвергал гипотезу как орудие при создании картины прошлого. Ж. разделял мнение тех, кто признает изучение древнегреческой и римской памятников и документов

в оригинале единственно правильной формой научного их исследования.

С 1997 на ист. ф-те СПбГУ регулярно проводятся «Жебелёвские чтения» (науч. чтения памяти акад. С. А. Жебелёва) — конференция по антич. истории, организуемая кафедрой истории древней Греции и Рима и Центром антиковедения СПбГУ.

Литература: Список печатных трудов Сергея Александровича Жебелёва / сост. А. И. Доватур. Л., 1926; Список ученых трудов проф. С. А. Жебелёва // ИАН. 1927. Т. 21, № 18. С. 1546–1557; Биография академика С. А. Жебелёва и список его печатных трудов // ВДИ. 1940. № 1. С. 176–187; Греков Б. Д. Значение работы С. А. Жебелёва «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны // ВДИ. 1940. № 1. С. 173–176; Толстой И. И. Академик С. А. Жебелёв в развитии русской историографии по античности // ВДИ. 1940. № 1. С. 162–168; Каллистов Д. П. «Автонекролог» Сергея Александровича Жебелёва // ВДИ. 1968. № 3. С. 152–158; Отчет о заседании в ЛОИА АН СССР, посвященном памяти акад. С. А. Жебелёва // ВДИ. 1968. № 3. С. 148–152; Академик Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941): библиогр. указ. (К 130-летию со дня рождения) / сост. А. А. Пучков; отв. ред. А. П. Мардер. Киев, 1997; Тункина И. В. «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы. Вып. 2. С. 116–161; Фролов Э. Д. Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) // Портреты историков. Т. 2. С. 16–27 (с библи.); Шишкин В. А. Акад. С. А. Жебелёв и его конфликт с партией и научной бюрократией (1928 г.) // Русская наука в биографических очерках. С. 288–295; Тункина И. В. Академик В. П. Бузескул и судьба его книги «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и нач. XX в.» // Бузескул 2008. С. 11–42; Cinnella. P. 15–27, 98–102, 149–150 ♦ Прозоров; Брокгауз; БС СПб. ун-та; Венгеров (Словарь, Источники, Список); НЭС; Воронков; Фролов 2006; СИЭ; Большая энциклопедия: в 62 т. М., 2006. Т. 16; Бузескул 2008; Биографика СПбГУ; Тункина 2017; Фондообразователи.

Архивы: СПбФ АРАН. Ф. 729 (Жебелёв С. А.). 306 ед. хр.; Ф. 2. Оп. 17. Д. 201 («дело Жебелёва»); РА РАИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 108; Ф. 2. Оп. 5. Д. 109 (личное дело и трудовой список).

В. И. Кащеев

Ж И Л (Л) Ъ
Флориан (Флоран) Антонович

GILLE Florent Antoine de

[8.2.1801, Женева — 11.11.1865, Любек; кладб. Burgtor], *начальник I отделения Имп. Эрмитажа, хранитель антиков и керченских древностей*

Родился в семье хирурга Флорана Тома Антуана Жилия и Франсуазы Мари Паш. Юношей Ж. закончил Академию Кальвина (*L'Académie de Calvin*), где занимался гуманитарными науками. Здесь же в свое время учились Ф. С. Лагарп и Э. Г. фон Муральт, будущий сослуживец Ж. по Эрмитажу. Трудности жизни в Швейцарии после наполеоновских войн и ухудшение финансового положения семьи вынудили молодого человека искать работу за границей. В 1821 Ж. направился в Неаполь, где на раскопках получил свой первый археол. опыт.

По прошествии двух лет через Константинополь и Одессу Ж. прибыл в Санкт-Петербург. Оказавшись без знания языка в незнакомой стране, иностранец получил поддержку у основателя аристократич. пансиона Иоганна фон Муральта (1780–1850) и был рекомендован им В. А. Жуковскому, подбиравшему учителей для детей имп. семьи. В течение 12 лет Ж. преподавал франц. язык, географию и историю цесаревичу Александру Николаевичу и его двум сестрам — Ольге и Марии. Исполнительность, чрезвычайная добросовестность и честность Ж., проявленные за годы службы во дворце, повлияли на решение Николая I определить его на пост начальника I отделения Имп. Эрмитажа, освободившийся после внезапной кончины К. И. Седжера (Charles Sayger, 1788–1840).

В течение двух лет Ж. тщательно изучал каждое из собраний департамента антиков и резных камней, монет, оружия

в Арсенале Царского Села и в Аничковом дворце, а также многотысячную книжную коллекцию и отделение графики. В начале 1843 он подает рапорт министру имп. двора П. М. Волконскому о состоянии дел в отделении с четкими статистич. данными и характеристикой отд. собраний (РГИА. Ф. 1. Оп. 17. Д. 64. Л. 1–4 об.). Отмечая прекрасное по полноте и сохранности собрание резных камней и предметов античности — плоды раскопок на юге России, Ж. пишет о настоятельной необходимости привлечь к этому собранию специалиста-археолога. За неимением такового ему приходится оставить за собой хранение также и этой коллекции и возобновить, опираясь на прежний опыт, занятия археологией с частым посещением раскопок в Крыму и Тамани.

Ж. сразу включился в систематич. описание предметов античности вместе с сотрудниками отдела: Ф. Б. Грефе, Ф. К. Фрейтагом и Э. Г. фон Муральтом, а взяв на себя обязанности хранителя кабинета резных камней, занимался «этим со всем старанием, которого заслуживают эти сокровища искусства» (РГИА. Ф. 472. Оп. 17. Д. 64. Л. 4). Разносторонние обязанности главы отделения по хранению, реставрации и экспозиции, а также исследовательская работа над собранием, подготовка науч. каталогов, альбомов, путеводителей и их публикация фактически составляли полный комплекс музееведческой работы. Руководствуясь здравым смыслом и логикой, Ж. действовал вне каких-либо опробованных ранее методов и принципов: он сам их создавал, на ощупь двигаясь в новой для себя области. Испытывая потребность познакомиться с музейным делом в др. странах, он попросил об увольнении на несколько месяцев для поездки в Европу, указывая на то, что «ученость, почерпнутая из одних только книг, недостаточна» (РГИА. Ф. 472. Оп. 17. Д. 64. Л. 5). Маршрут предполагал посещение б-к, музеев, арсеналов, частных и публичных

галерей шестнадцати городов Германии, Франции, Англии, Швейцарии, Италии и Австрии. За девять с лишним месяцев поездки (1843) Жиллю удалось не только понять, что необходимо предпринять в Эрмитаже для скорейшей каталогизации коллекций и умножения музейного собрания, но и впервые представить императорский музей искусственным знатокам и любителям. Так, он придумал удачный способ показать некоторые предметы эрмитажной коллекции с помощью гальванопластич. оттисков из погребений Керчи, прежде всего — золотой вазы с изображением сидящих скифов; сделаны были четыре оттиска с древней черниговской гривны, а также некоторые зарисовки археол. находок. Выставка (1843, Берлин) имела колоссальный успех и способствовала международной известности рус. собрания.

«Слепки со скифских предметов и несколько рисунков, которые я привез с собой из наших керченских раскопок, вызвали восхищение. Я показал их на собрании Кунст-Ферайн 15 числа этого месяца [авг. 1843 — Ж. Л.] и сообщил по этому поводу детали, которые, кажется, доставили удовольствие художникам и ученым, пригласившим меня. Это чудо, мой князь, как повсюду досуг и мир позволяют воскресить память о мертвых», — писал он Волконскому из Берлина (РГИА. Ф. 472. Оп. 17. Д. 64. Л. 29 об.).

В городах Италии и Берлине специально были устроены выставки привезенных слепков, а в Париже, Лондоне, Турине Ж. делал сообщения об археол. находках в Керчи. После сообщения в Риме президент Istituto di corrispondenza archeologica от имени всех членов общества просил Ж. стать одним из чл. Ин-та, а в Неаполе президент Академии изящных искусств объявил ему, что Академия единогласно избрала его своим чл. (РГИА. Ф. 472. Оп. 17. Д. 64. Л. 83). К итогам поездки следует отнести и установление новых связей в науч. и худож. среде: «Директор музея Берлина господин де

Ольферс-старший пожелал приобрести для музея слепки наиболее редких и замечательных предметов Керчи из нашего кабинета антиков» (РГИА. Ф. 472. Оп. 17. Д. 64. Л. 82 об.); планировался также обмен слепками резных камней, предметами оружейного искусства и книгами с музеями Гааги, Дрездена, Турина.

Вернувшись из путешествия в мае 1844, Ж. проанализировал состояние введенных ему коллекций. К 1847 относится его подробная Записка «О преобразовании 1-ого отделения Эрмитажа» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1. 1847. Д. 4. Ч. 2). Она включала не только характеристику каждого раздела, но и отмечала уровень, на котором эта коллекция находилась в сравнении с подобными европ. собраниями. Записка сопровождалась собственным мнением Ж. о восполнении и экспозиции коллекций вплоть до того, как разместить отдельные предметы.

Указом Николая I Ж. был назначен «членом комиссии о возведении Музеума по части внутреннего украшения» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1. 1847. Д. 14. Ч. 1. Л. 20 об.). Так Ж. стал автором нескольких мебельных гарнитуров, предназначенных для

выставки монет и медалей, а также не имеющих аналогов в России витрин «Зала камей» с новыми вращающимися метал. конструкциями для более удобного обозрения экспонатов. Им же было найдено новое решение для экспозиции мраморного и деревянного саркофагов, антич. ваз, изделий из стекла и дерева (Там же. Л. 14–15). Записки Ж. «О новом образовании Императорского Музеума», «Об образовании 1-ого отделения Эрмитажа», «О чиновниках 1-ого отделения Эрмитажа» (Там же. Ч. 1, 2) обозначили законы существования эрмитажного собрания, а их автор и увлеченный организатор музея снискал славу одного из создателей Нового Эрмитажа и первого музееведа в России. Ее дополнили составленные и изданные им путеводители **«Музей Императорского Эрмитажа: описание различных собраний, составляющих музей, с историческим введением об Эрмитаже императрицы Екатерины II и образовании музея Нового Эрмитажа»** (СПб., 1861); **«Царскосельский Музей с собранием оружия, принадлежащего Государю Императору»** (СПб., 1860) и объемный представительный альбом **«Musée de Tsarskoe Selo, ou Collection d'armes de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies»** (Vol. 1–4. SPb.; Carlsruhe, 1855–1865).

Еще в 1841 Ж. планировал создать иллюстрированный альбом с описанием коллекции керченских древностей (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1. 1843. Д. 26. Л. 1–12), но, несмотря на одобрение царя, в тот момент издание не было осуществлено. Только в 1854 по результатам своих частных поездок на раскопки на юге России и длительной работы с коллекциями Керчи Ж. подготовил двуязычное издание в Петербурге **«Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. Antiquités du Bosphore Cimmerien conservées au musée Impérial de l'Ermitage. Ouvrage publié par ordre S. M. l'Empereur.**

Texte français et russe» (Т. 1–3. СПб., 1854). Текст издания и его редакция принадлежали Ж., а раздел «Надписи» был осуществлен акад. Л. Э. Стефани. Археолого-топографич. отдел трехтомника, по оценке специалистов, крайне беден, но все же и сейчас он «как свод археологических источников не потерял своей научной ценности» (Тункина И. В. О Ф. А. Жиле // Жиль Ф. А. **Письма о Кавказе и Крыме** / сост. и пер. с франц. яз. К. А. Мальбахова. Нальчик, 2009. С. 286).

Смерть Л. А. Перовского, куратора археол. работ в Керчи, и Крымская война приостановили раскопки вплоть до 1860-х. В это же время заканчиваются археол. исследования самого Ж. В своей последней статье по археологии юга России **«Керчь и Таманский полуостров»** (Изв. РАО. 1861. Т. 2. С. 53–56) он старался восполнить лакуну топографич. описаний археол. исследований Керчи и Тамани.

В конце названной статьи Ж. добавляет: «Кстати, об именовании “Куль-Оба” (“холм праха”), данном этому знаменитому кургану в 1830 году». По услышанном им от «туземных Татар предании» этот курган «следовало бы назвать не “Куль-Оба”, а “Батый-Оба” (“холм храброго”) — наименование более приличествующее скифскому царю, которого прах погребен был с таким великолепием и богатством» (Там же. С. 56).

В 1863 по просьбе С. Г. Строганова, куратора раскопок и наставника вел. кн. Николая Александровича, Ж. составил текст двух экскурсий для цесаревича по раскопкам Керчи и Тамани. Конверты с текстами и картами Босфора Киммерийского с обозначением курганов хранятся в б-ке Женевского ун-та, бывшей Академии Кальвина — alma mater Ж. (Bibliothèque de Genève. Ms. rar. 58. Florent Gille).

Ж. был далек от суетной придворной жизни, не искал чинов, повышения по службе и орденов. Он обладал общепризнанными национальными добродетелями швейцарцев — искренностью, неподкупной честностью и открытой манерой

обращения» (*Мументалер Р.* Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской Академии наук в XVIII в. СПб., 2009. С. 196). В письме к Волконскому он называет две побудительные силы в своей жизни: доверие императора к нему и свою всепоглощающую и искреннюю любовь к искусству (Письмо из Турина // РГИА. Ф. 472. Оп. 17. Д. 64. Л. 71 об.).

Образцовый европеец, он импонировал Николаю I своей независимостью (в допустимых пределах), чувством собственного достоинства и наличием мнения, которое он свободно высказывал. Но ни благосклонность Николая I, ни теплые отношения с бывшим учеником, а позднее имп. Александром II, ни чрезвычайные усилия и успехи по созданию Нового Эрмитажа не защитили Ж. от придворных интриг. Импульс лживой молве дал сотрудник музея — Б. Кёне (Bernhard Carl Koehne, 1817–1886), которого Ж. сам пригласил в Эрмитаж из Берлина. Интрига была живо подхвачена чиновниками, тем более что наметилась тенденция к русификации штатов. Поводом стало отстранение Кёне от обязанностей по Минцкабинету, а причиной — оправдавшееся подозрение в его непорядочности (см.: *Спаский И. Г.* Нумизматика в Эрмитаже: очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // *Нумизматика и эпиграфика.* Т. 8. М., 1970) и желание Ж. оградить коллекцию от возможных утрат. Ж. открыл, что «Кёне занимался в Петербурге торговлей редкими монетами и был посредником, услугами которого пользовались любители из высшего общества, желавшие получить у него эти вещи» («Исповедь» Ф. А. Жиль // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. 1826. Д. 1464. Л. 24–25). В Европе первым условием для хранителей медалей в музеях был запрет заниматься «коммерцией подобного рода» и не владеть самому подобным собранием. Если же хранитель имеет такую коллекцию, то, вступая в должность, «он должен от нее избавиться» (Там же. Л. 25 об.). Однако

Кёне был не уволен, а лишь переведен во II отделение Эрмитажа. Ж., уязвленный губительными наветами, желая оставить после себя свидетельство, пишет в 1862 свою «Исповедь» о происшедшем и адресует ее имп. Александру II (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. 1826. Д. 1464. Тетради 1–3). Однако она, по всей видимости, так и не была представлена императору.

Попытки доказать не только виновность Кёне, но и несостоятельность обвинений со стороны последнего оказались тщетными, и Ж., а также сотрудники отделения Э. Г. фон Муральт и В. Е. Кёллер, сын Е. Е. Кёлера, в знак протеста против действий администрации подали прошение об отставке в 1863. Годом позже первый музейный хранитель древностей юга России, определявший «единственный смысл» своего существования в служении Эрмитажу (Там же. Л. 37), оставил Петербург. Он направился в Германию. Здесь в течение многих месяцев он напрасно ожидал от Александра II отклика на свою «Исповедь». 11 ноября 1865 служители отеля «Гамбург» в Любеке нашли в номере 17 тело застрелившегося Ж.

Ж. прожил в России 41 год, из них 39 лет при дворе рус. имп. и 23 года на высочайшем посту в Имп. Эрмитаже. Имя его, безусловно служившего своему делу, Петербургу и России, незабвенно.

[От редакции: Спустя почти 150 лет после смерти Ф. А. Жиль автор статьи нашла место его захоронения на кладб. в Любеке (Burgtor), а в 2016 стараниями Ж. К. Павловой и ее мужа, Д. Ф. О’Нила, на воссозданной могиле была установлена памятная плита.]

Литература: *Яковлева Е. М.* Ф. А. Жиль (1801–1865) // *Сотрудники Имп. Эрмитажа.* С. 62–65; *Тункина* 2002; *Павлова Ж. К.* Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб., 2010 (с полн. библ.); *Она же.* Архивы не горят. Они ждут своего часа. Ф. А. Жиль (1801–1865). Итака, 2017 ♦ *Биографика* СПбГУ; *Тункина* 2017.

Архивы: Archives d’État de Genève (État civil, s. v. Florent de Gille); Universität Zürich. Russlandschweizer Archiv. Datenbank, s. v.;

Zürich. Staatsarchiv (STAZ); Hansestadt Lübeck Archiv. Zivilstandsregister; РО ИРЛИ. Онегинское собрание. 28045. Л. 67, 68, 68 об. (Письма к В. А. Жуковскому 1826–1845; 20 и 29 апр. 1840 г. Ж. высказывается о Е. Е. Кёлеру и акад. Ф. И. Круге); Bibliothèque de Genève. Ms. rar. 58. Florent Gille; АГЭ. Ф. 1. Оп. 1. 1840. Д. 17. Л. 1, 2; Оп. 1. 1847. Д. 14. Ч. 2; Оп. 11. 1683. Д. 1. Л. 61–65; РГИА. Ф. 472. Оп. 32. Д. 976. Л. 3–11 (ф. с.); ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. 1827–1833. Д. 1513 (Переписка с В. А. Жуковским); ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. 1826. Д. 1464 («Исповедь»).

Ж. К. Павлова

ЖОБАР

Иван Клавдиевич (Жан Альфонс)

JOBARD Jean Baptiste Alphonse

[31.1(н. ст.?).1794 / 14.5.1792? / 31.1.1793?, Бесси, Франция — не ранее 1861, ?], *преподаватель греч. и римск. словесности и франц. языка*

Сын мэра г. Бесси, выходца из духовного сословия. Образование получил в коллеже г. Лангра и Митавской гимназии (в Россию приехал гувернером в 1814 с семьей курляндского офицера). С 1817 по 1820 служил учителем франц. языка в Рижской гимназии, затем перебрался в Петербург. Выдержав экзамен в комиссии при Петерб. ун-те (1820), преподавал франц. язык в Смольном ин-те и Петерб. женском уч-ще воен.-сиротского дома. В 1822, по протекции М. Л. Магницкого, был избран орд. проф. Казан. ун-та по каф. греч. и лат. словесности, преподавал, без жалования, «по собственному методу» «основательные начала» франц. языка (после поступления на каф. греч. словесности С. Мистаки в 1823 для Ж. была открыта каф. франц. литературы). Отставленный в сент. 1824 по причине хронических конфликтов с ун-тской «немецкой партией» и ректором К. Фуксом, возвратился в Петербург. Преподавал в Главном инженерном уч-ще (1824–1826), Мариинском ин-те

(1827–1828) и приватно. Вплоть до отъезда из России продолжал препирательства с Казан. ун-том (дело Ж. разбиралось особой комиссией МНП). Утомленный обличениями Ж., С. С. Уваров пытался объявить его сумасшедшим (*Велижев*. С. 296 слл.), но тот добился мед. освидетельствования с диагнозом «совершенно в здравом состоянии рассудка». В янв. 1837 Ж. был выслан из России. Вернулся он в Лангр, где попал под суд по обвинению в убийстве. Оправданный по этому делу, Ж. был приговорен трибуналом к заключению за оскорбительные стихи в адрес судей. В 1839 бежал из Франции, служил домашним учителем в различных городах Австрийской империи, а в 1857 поселился в Италии, где открыл частную школу в Неаполе.

Фигура Ж. любопытна для истории ун-тского классицизма первой четверти XIX в. назначением на должность единственно по расположению попечителя. Избрание Ж. на совете Казан. ун-та было формальностью: «Ловкий француз сумел настолько расположить к себе Магницкого, что тот, невзирая на отсутствие у Жобара необходимого ученого ценза, предложил ему занять в Казанском университете сразу две кафедры — латинской и греческой словесности, притом с усиленным жалованием по обеим (6000 р. в год), с 1000 р. подъемных денег и с казенной квартирой» (*Загоскин*. С. 411). Ж. совершенно убедил попечителя в своей приверженности идеям самодержавия и православия, так что Магницкий спешил доложить о достоинствах своего протеже министру А. Н. Голицыну, столь же, как и Магницкий, озабоченному «заразой неверия и начал возмутительных»: «Между тем как нет ничего труднее, как принудить славных эллинистов дать предпочтение Иоанну Златоусту над писателями языческими, г. Жобар преподавать будет греческую и латинскую словесность совершенно согласно с инструкцією ректору, по евангелиям и писаниям отцов <...>, и будет

исполнять сие не по принуждению, а по собственному чувству» (Там же. С. 411).

Ун-тская карьера Ж. прервалась из-за его склонности к служебным скандалам, тогда как заместивший его столь же малообразованный Мистаки тихо прослужил в ун-те до принятия устава 1835. Высылкой из России Ж. был также обязан страсти к обличениям: не удовлетворенный итогами рассмотрения в МНП своей жалобы, он в 1836 перевел франц. стихами сатиру Пушкина «На выздоровление Лукулла», где министр народного просвещения Уваров представлен в образе сановника, алчущего получить неслетное наследство родственника своей жены (Д. Н. Шереметева). Переведа пушкинское «подражание латинскому» на французский, Ж. правильно разглядел влияние Горация на пушкинские стихи. Свой перевод Ж. отослал не только «благосклонному начальнику» Уварову, но и Пушкину. С запальчивостью задетого человека Ж. намекает и на то, что ему понятна высокая степень зависимости филологич. исследований Уварова от Ф. Б. Г р е ф ф е («professeur Grœff»). Пушкин, уже осужденный светской публикой, двором и даже друзьями за этот памфлет (Никитенко. Т. 1. С. 180), в ответном франц. письме от 24 марта 1836 назвал перевод «прелестным», но просил автора «пожертвовать удовольствием гласности ради мысли оказать услугу собрату» (Пушкин. ПСС: в 16 т. Т. 15. М., 1949. С. 92).

Перипетии своей нерядовой биографии Ж. изложил в рукописных мемуарах («Mémoires inédits sur la Russie, la France, l'Autriche, Rome et Naples»), отрывки из которых публиковались в Австрии и Италии в 1850–1860-е.

Литература: Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 3. Казань, 1903. С. 410–413; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988; Перцов Н. В., Пильщиков И. А. «Бессмертное поношение» (Об одном из последних бурлескных опытов

Пушкина) // Philologica. 2003/2005. Vol. 8/19. С. 57–90; Велижев М. Б. «Безумие» и «закон» в николаевское царствование: Петр Чаадаев и Альфонс Жобар // Лотмановский сборник. Вып. 4. М., 2014. С. 296–306 ♦ Загоскин; БС Казан. ун-та; Венгеров (Список); Михайловский А. И. Преподаватели, учившиеся и служившие в имп. Казанском ун-те (1804–1904): материалы для истории ун-та: в 3 т. Казань, 1901; Иностранцы профессора (со справкой об архивах); EAD.

В. П. Смышляева

ЖУКОВСКИЙ Василий Андреевич

ZHUKOVSKIJ / SCHUKOWSKY /
ŽUKOVSKIJ V. A.

[29.1(9.2).1783, с. Мишенское
Белёвского у. Тульской губ. —
24.4.1852, Баден-Баден;
Некрополь мастеров искусств
Александро-Невской лавры],
поэт, переводчик «Одиссеи»

Античность интересовала Ж. почти всю его творческую жизнь. В 1800, во время учебы в Моск. ун-тском Благородном пансионе, он публикует в ж. «Утренняя заря» (Кн. 1. С. 16–17) стихотворение «К Тибуллу. На прошедший год», а незадолго до смерти, в июле-авг. 1850, работает над переводом двух первых песен «Илиады». Так полвека антич. мотивы, образы и переводы сопровождали поэта и определяли вхождение античности в его поэтич. систему и мировоззрение. Этому способствовало и постоянное формирование особого раздела личной б-ки поэта, включающего около двухсот томов греч. и лат. классиков на многих европ. языках с текстами en regard. Более тридцати различных изданий Гомера (ок. 50 т.), шесть — Софокла, шесть — Вергилия, три — Овидия, три — Еврипида, пять — Эсхила, четыре — Горация, восемь — Цицерона (ок. 40 т.), четыре — Тацита (более 20 т.), два — Плутарха (более 40 т.) — эти

и мн. др. сочинения антич. авторов не просто были прочитаны владельцем б-ки, но и содержали его многочисленные маргиналии, нередко переходящие в черновые наброски переводов.

Три первых обращения к антич. поэзии: «К Тибуллу» (1800), «**Сафина ода**» (1806), «**К Делию**» (1809; вольный перевод Ног. Carm. II, 3) — обозначили направление поисков молодого поэта. Он искал не образцов для подражания, не пытался буквально следовать антич. текстам. Для него главным было включение этой поэзии в мир своих чувств. Ж. не переводит элегию Тибулла, известную по «подражанию» И. И. Дмитриева (Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 8. С. 8), но обращается к римск. поэту как к современнику, наполняя поэтич. рефлексию идеями своего времени. В «Сафиной оде», преодолевая традицию ее многочисленных рус. переводов от Сумарокова до Державина, он ищет прежде всего личный подтекст, связанный с пробуждающейся драматич. любовью к Маше Протасовой. В горацианской оде он делает акцент на идее скоротечности жизни и превратности бытия. Как справедливо замечено,

«кратковременный период “горацианства” Жуковского <...> имел важное значение для последующей русской элегической лирики» (Вацуро. С. 93).

Процесс постижения античности как великого наследия мировой культуры находит свое отражение и в эстетич. исканиях Ж. На протяжении почти семилетия (1805–1811) он создает «**Конспект по истории литературы и критики**». Не случайно «Конспекту» предшествует заметка «Аристотелева пиитика», восходящая к «Лицею» Ж.-Ф. Лагарпа, где Ж. последовательно отмечает мысль о преобразующей роли поэзии. Каждый из разделов «Конспекта»: «Эпическая поэма», «Лирическая поэма», «Сатира», «Драма» — пронизан идеей соотношения древних и новых поэтов. Творчество Гомера, Вергилия, Пиндара, Анакреона, Горация, Ювенала, Эсхила, Софокла, Аристофана, Теренция, Сенеки становится точкой отсчета для рефлексии об ист. пути развития родов и жанров литературы. Особое место в этой своеобразной ист. поэтике первого рус. романтика занимают имена Гомера и Горация. Они для Ж. прежде всего родоначальники эпич. и лирич. поэзии, но вместе с тем и выражение поэтич. гения.

На страницах «ВЕ», редактором которого он становится (1808–1811), Ж. вводит наследие античности в контекст живого лит. процесса. Каждая из его программных статей, обращенных к анализу произведений современных авторов и разговору об эстетич. понятиях, рассматривает античность как точку отсчета и образец худож. вкуса. Так, в статье «**О нравственной пользе поэзии (Письмо к Филалету)**» Ж. развивает идеи антич. калокагатии через понятия «стихотворно-прекрасное» и «стихотворно-истинное». В статье «**О басне и баснях Крылова**» он вписывает феномен рус. баснописца в историю басни, выделяя в ней три этапа, в т. ч. второй, связанный с именами Эзопа и Федра, когда басня «получила бытие отдельное и сделалась одним из действительнейших

способов предложения моральной истины для оратора или философа нравственного». Третий этап, когда «из области красноречия перешла она в область поэзии», он возводит к Горацию. В статье **«О сатире и сатирах Кантемира»** Ж. приводит восходящую к франц. критике линию Гораций — Ювенал.

В театральные рец. («Московские записки», «Радамист и Зенобия», «Электра и Орест», «Рассуждение о трагедии»), в статьях, посвященных общеэстетич. проблемам («О слоге простом и слоге украшенном», «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов», «О красноречии»), Ж. обращается к антич. традиции и, опираясь на авторитет Аристотеля и Цицерона и на поэтику греч. трагиков, а также Катулла и Теренция, пытается дать «определение истинного достоинства стихотворной древности», выявить «различие в действии, теми и другими на нас производимом». В этом отношении особенно характерна одна из поздних статей периода «ВЕ» — **«О поэзии древних и новых»** (1811), опирающаяся на франц. традицию *Querelle des anciens et modernes* и на последующую нем. эстетическую мысль, в т. ч. на Шиллера.

Статьи Ж., опубликованные в 1808–1811, стали в рус. критике и эстетике катализатором осмысления антич. наследия как традиции и одновременно как живого явления. К концу 1811 относится его перевод фрагмента филос. диалога Платона «Федон» с нем. перевода Мозеса Мендельсона «Phädon, oder Über der Unsterblichkeit der Seele», получившего у Ж. заглавие **«Сократовы разговоры о бессмертии души»** и не опубл. при жизни поэта (см.: ПССиП. Т. 7. С. 455–473). Так же как личность Марка Аврелия, философия Сократа была близка рус. романтику в это время.

Ощутимо присутствует античность и в балладах Ж. Среди 39 образцов этого жанра, созданных в течение 25 лет (1808–1833), можно выделить своеобразный цикл баллад на антич. сюжеты:

«Кассандра» (1809), **«Ахилл»** (1812–1814), **«Ивиковы журавли»** (1813), **«Торжество победителей»** (1828), **«Поликратов перстень»** и **«Жалоба Цереры»** (1831), **«Элевзинский праздник»** (1833) — все они, кроме «Ахилла», являются вольными переводами баллад Шиллера. На протяжении всего балладного творчества Ж. соотносит столь важные для него экзистенциальные проблемы свободного выбора и судьбы с антич. мирозерцанием. Неслучайно в единственной оригинальной балладе «Ахилл», написанной в атмосфере Отеч. войны 1812 года, он превращает своего героя в «певца во стане ахейских воинов», изображая его поющим под аккомпанемент лиры. С этим произведением перекликается созданный почти одновременно **«Певец во стане русских воинов»**.

В эпоху обостренного интереса к проблеме национального лиро-эпоса и жанра романт. поэмы Ж. почти одновременно с переводом «Шильонского узника» Байрона и «Орлеанской девы» Шиллера обращается к эпич. поэмам античности. Его **«Цейкс и Гальциона (отрывок из Овидиевых “Превращений”)**» (1819) и **«Разрушение Трои (из “Энеиды” Вергилия)**» (1822) — опыт освоения эпич. стиля. Споры о рус. гексаметре, возникшие еще в эпоху участия Ж. в лит. общ-ве «Арзамас» (1815–1818), получают в этих «отрывках» свое воплощение. Не менее важным было освоение различных сюжетов — любовно-мифол. и историко-героич. — в пространстве национального лиро-эпоса. От антич. баллады Ж. шел к освоению антич. эпопеи.

«Ахиллов сюжет» — один из важнейших сюжетов гомеровского цикла в творчестве Ж. Уже в период своих эстетич. штудий, прежде всего в «Конспекте», он постоянно возвращается к образу гомеровского героя, видя в его судьбе худож. нерв «Илиады».

В начале 1829 он публикует в альм. «Северные цветы» **«Отрывки из Илиады»**

(600 ст.), свою «Малую Илиаду» (Егунов. С. 295), которую вполне можно назвать «Ахиллеидой». В центре ее история «отмщенного Ахилла». В примечании Ж. особенно подчеркивал, что «сей опыт его не должен быть сравниваем и не может выдержать сравнения с переводом Н. И. Гнедича». Хотя Гнедич был недоволен этой публикацией, это не привело к разрыву отношений двух поэтов. В б-ке Ж. сохранилось вышедшее в 1829 издание «Илиады» Гнедича с дарственной надписью «Почтенному другу Василию Андреевичу Жуковскому от Гнедича» (Библиотека В. А. Жуковского: описание / сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981. С. 340. № 2504). В письме к А. И. Тургеневу от 2 сент. 1828 поэт подчеркивал «особенные причины» своего перевода: «Перевожу для детей своих [воспитанников из царской семьи. — А. Я.] отрывки из “Илиады”; и уже перевел довольно» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 247). Эту грань опытов Жуковского нельзя сбрасывать со счета: именно тогда он готовит к печати первые выпуски своего пед. ж. «Собиратель», предназначенного для вел. князей и княжон.

Два номера названного «журнала одного автора», вышедшего в 1829, перенасыщены антич. материалом. Здесь мы встречаем размышления об «Истории» Геродота и Фукидида, выписки из Сенеки, Саллюстия, Теренция, Цицерона о воспитании человека, о «породах и степенях гражданственности». В разделе «Поэзия» Ж. приводит два стихотворения на нем. языке под одинаковым заглавием «*Номег*». Одно является отрывком из стихотворения «*An das Meer*» Фр. Штольберга, другое — четверостишием И. Гердера, которое поэт перевел впоследствии.

Во время трех итал. путешествий (март 1821, март — май 1833, сент. 1838 — февр. 1839) Ж. пытается постигнуть дух римск. античности. Тщательно готовясь к каждому вояжу с вел. кн. Александром Николаевичем, он штудирует путеводители,

труды нем. и франц. историков искусства (К. Фр. Румора, К. Ф. Морица, Г. Г. Шуберта и Хр. К. фон Бунзена — прус. посланника в Риме, который становится его гидом в Риме во время второго путешествия). Впечатления от посещения Колизея, Помпеев, Геркуланума, Везувия, Археол. музея Неаполя, гробницы Вергилия лаконично и емко выражены в дневниковой записи: «прошлое снова пришло». К антич. сюжетам, связанным со вторым итал. путешествием Ж., можно добавить и его опыт перевода фрагмента ист. элегии Ф. Шиллера «**Помпея и Геркуланум**».

Новый этап осмысления античности и прежде всего гомеровского эпоса приходится на 1840-е. В 1841 58-летний Жуковский женится на дочери нем. художника Герхарда Рейтерна Елизавете и переезжает в Германию. В силу различных обстоятельств он уже не сможет возвратиться в Россию и закончит свою жизнь в Баден-Бадене. Эти последние одиннадцать лет его жизни пройдут под знаком гомеровской «Одиссеи». 7 лет 2 месяца 29 дней — таково реальное время работы Ж. над ее переводом, который он считал итогом своей поэтич. деятельности.

Хотя к переводу «Одиссеи» Ж. был подготовлен всей предшествующей творческой жизнью, сам процесс работы был нелегким. В б-ке поэта сохранились издания Гомера и литературы о нем почти на всех европ. языках, в т. ч. переводы П. П. Соколова и И. И. Мартынова, немцев И. Г. Фосса, И. С. Цаупера, Г. Х. Крузиуса, Ф. Видаша, А. Л. В. Якоба, итальянца М. Чезаротти, французов А. Дасье, Э. Фальконе, Ж. Дюга Монтбеля, Э. Бареста, П. Жиго, англичанина В. Купера. Многочисленные пометы свидетельствуют о внимательном и творческом их изучении. Историю создания «Одиссеи» Ж. невозможно представить без подстрочного перевода нем. эллиниста, проф. древних языков в Дюссельдорфе Карла Грасгофа (1799–1874). Процесс своего постижения Гомера Ж. раскрывал

в письмах к друзьям. В архиве поэта сохранилось четыре рабочие тетради, где листы с переводом Грасгофа вклеены так, что соседняя страница оставалась чистой для рус. черного перевода. Для поэта важно было передать «дух и душу Гомера», подарить рус. читателю романт. «Одиссею», что почувствовал и передал Н. В. Гоголь в статье «Об „Одиссее“, переводимой Жуковским».

Работа Ж. над переводом «Одиссеи» сопровождалась многочисленными проектами, связанными с пропагандой антич. наследия в России. В письме к министру просвещения, своему арзамасскому другу С. С. Уварову от 12 сент. 1847, когда еще была только закончена первая часть перевода (песни I–XII), он говорит об особом издании «Одиссеи для юношества». Хотя это намерение по разным причинам не было осуществлено, сохранились его многочисленные следы. Так, в июле 1846 Ж. погружен в создание «сводной повести о войне Троянской».

Особое место в этом замысле занимали «лучшие места из трагиков», переведенные стихами. Сюжеты и образы антич. трагедии рано вошли в творческое сознание Ж. Примерно к 1807 относится его опыт перевода двадцати стихов из трагедии П. Корнелия «Серторий» («Sertorius»): этот набросок был опубл. только в наше время под заглавием «Серторий и Помпей». В 1812–1814 Ж. перевел 49 начальных стихов из трагедии Ж.-Ф. Лагарпа «Филоктет» («Philoctète»), а в 1831–1834 — фрагмент трагедии Софокла «Филоктет» (71 стих под заглавием «Одиссей и Неоптолем»). В рукописи перевода Ж. содержатся материалы, связанные с его размышлениями о трагедиях «Эдип» Вольтера и «Царь Эдип» Софокла, что получило развитие впоследствии — в 1843 Ж. приступил к переложению этой трагедии Софокла.

В конце жизни Ж. серьезно думал о переводе гомеровской «Илиады». До нас дошел перевод первой песни и 718 стихов

второй. Трудно сказать, какую цель преследовал Ж. своим переводом, но, вероятно, опыт создания «Малой Илиады» и особое внимание к «Ахиллову сюжету» позволили бы ему не просто вступить в соревнование с уже умершим Гнедичем, но и дать рус. читателю романт. «Илиаду».

Литература: Шевырёв С. П. Разбор перевода «Одиссеи» Жуковского // Москвитянин. 1849. Ч. 1. № 15. С. 41–48; Гоголь Н. В. Об Одиссее, переводимой Жуковским // ПСС: в 14 т. Т. 8. [М.], 1952. С. 236–244; Кибальник С. А. Антологическая поэзия Жуковского // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 261–272; Янушкевич А. С. В. А. Жуковский: семинарий. М., 1988. С. 44–146 (разд. «Жуковский и античность» и библиограф. по теме); Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского // Аверинцев С. С. Поэты. М., 1996. С. 137–164; Гомер. Одиссея / пер. В. А. Жуковского / изд. подгот. В. Н. Ярхо. М., 2000; Янушкевич А. С. Итальянские впечатления и встречи В. А. Жуковского // Русско-итальянский архив = Archivio italo-russo. Т. 2. Salerno, 2002. С. 277–308; Жуковский В. А. ПССиП: в 20 т. Т. 5: Эпические стихотворения. М., 2010. С. 331–339 (примеч. Н. Болговой к «Цейксу и Гальционе»); С. 350–361 (примеч. А. и М. Янушкевичей к «Разрушению Трои»); ПССиП: в 20 т. Т. 6: Переводы из Гомера. «Илиада» и «Одиссея». С. 370–372, 697–704 (первая публ. «Повести о войне Троянской» и примеч. О. Лебедевой и А. Янушкевича); Янушкевич А. С. Гомер в творческом сознании В. А. Жуковского // Жуковский В. А. ПССиП: в 20 т. Т. 6. М., 2010. С. 375–387; ПССиП: в 20 т. Т. 7: Драматические произведения. М., 2011 (первые публ. текстов «Серторий и Помпей», «Сократовы разговоры о бессмертии души», «Филоктет», «Одиссей и Неоптолем», «Царь Эдип» и примеч. О. Лебедевой); ПССиП: в 20 т. Т. 12: Эстетика и критика. М., 2012. С. 25–175, 457–467 (первая публ. «Конспекта по истории литературы и критики» и примеч. О. Лебедевой и А. Янушкевича) ♦ РП; Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). Т. 1: Журналы (А–В). СПб., 1997. С. 251–286 (ук. содержания ж. «ВЕ» за 1808–1810); Смышляева 2015.

Архивы: Личные фонды: ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1, 2; РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1; Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Онегинское собрание; ОР НБ МГУ; ОРК НБ ТГУ.

А. С. Янушкевич

З

ЗЕЛИНСКИЙ Фаддей Францевич

ZIELINSKI (нем.) / ZIELIŃSKI
(польск.) / ZELINSKIJ Thaddäus /
Stefan Tadeusz

[2(14).9.1859, с. Скрипчинцы, ныне
Корсунь-Шевченковского р-на
Черкасской обл. Украины — 8.5.1944,
Унтершондорф, Бавария; кладб.
в Шондорфе], *энциклопедический
исследователь антич. словесности,
историк антич. и европ. культуры,
поборник нового Возрождения
классич. древности у славян*

Родился под Каневом в имении Грузинских — к этому польск. роду принадлежала мать. Отец — Франц З., получивший юрид. образование в ун-те св. Владимира и принявший православие российский служащий, дорожил тем, чтобы вовремя привить сыну вкус к латыни. После смерти матери (1863) семья переезжает в Санкт-Петербург и З. поступает на классич. отделение Анненшуле (ныне школа № 239 на Кировной ул.). В 1876 оканчивает гимназич. курс у Йозефа Кёнига, преподавателя древних языков, учившегося в Вене у Й. Фалена (Vahlen) и Г. Боница (Bonitz). Замечательный знаток и школьный деятель, Кёниг заботливо возвращал знания подростка, потерявшего в 1873 и отца;

кроме энергичных занятий латынью Кёниг прочел с одаренным гимназистом все трагедии Софокла, показывая ему и то, как звучали хоры. Заметил юношу и бывший в ту пору директором школы Ю. Кирхнер (отец обучавшегося в знаменитой Пфорте Й. Кирхнера, впоследствии автора «Prosopographia Attica»). По их рекомендации З. поступает в Лейпц. ФС, образованную как раз в это время по почину А. И. Георгиевского под эгидой Фр. Ричля (†1876). В Лейпц. ФС приехали тогда и Л. А. Георгиевский, сын поборника реформы А. И. Георгиевского, и С. А. Манштейн — известные впоследствии кураторы отеч. серии коммент. гимназич. текстов.

З. оказался подготовлен к тому, чтобы, оставив Лейпц. ФС, под руководством О. Риббека заниматься классич. филологией — и не только ею — прямо в Лейпц. ун-те (1876–1879); к Риббеку восходит интерес З. к антич. комедии, которая станет темой обеих его дис. Здесь же З. присоединяется к кружку филол. молодежи, сыгравшему формирующую роль в его жизни, в частности и потому, что в числе основателей там помнили Ф. Ницше, приглашенного прямо оттуда на кафедру в Базеле.

В Лейпциге З. дружится с Отто Крузиусом (1857–1918, с 1915 — президент Баварской АН), знакомится с А. Гарнаком, который по рождению и через Дерпт

тоже был связан с Россией; сближается с А. И. Сонни (1861–1922; позже проф. в Киеве), происходившим из протестантов Финляндии; сверстником по Лейпц. ФС был и Э. фон Штерн (1859–1924), позже ставший проф. в Одессе, а затем в Галле.

В 1880 З. защищает в Лейпциге первую нем. дис. на звание д-ра философии: **«Die letzten Jahre des zweiten Punischen Krieges: Ein Beitrag zur Geschichte und Quellenkunde»** (Leipz., 1880. 171 S.; Nachdruck 1985) и получает степень д-ра философии. Лейпц. ФС вкупе с Лейпц. ун-том времен его замечательного процветания послужили З. трамплином в большую науку, но со временем осложнили отношение к нему в России: для тех, кто предпочитал быть ультралояльным рус. подданным, З. как поляк заранее представлял собой нечто подрывное, а как успешливый воспитанник толстовской образовательной реформы — нечто, напротив, почти официозное; З. мог, т. о., раздражать и почвенников, и либералов, тем более что А. И. Георгиевский неделикатно противопоставлял его успехи успехам петербургских ун-тских выпускников.

В 1880–1882 З. продлевают стипендию для занятий историей искусства («археологией») в Мюнхене и Вене, где была и эпиграфика у О. Хиршфельда, а потом — для ближайшего знакомства с Италией и Грецией. После шестилетнего отсутствия З. возвращается в Петербург в 1882. До 1887 он, как полагалось, отдает свой долг, преподавая в своей alma mater Анненшуле, где его учитель Й. Кёниг был уже директором. Наряду с этим З. защищает в Петерб. ун-те магист. дис. **«О синтагмах в древней греческой комедии»** (1883; ЖМНП. 1883. Апр. С. 133–242; Май. С. 311–368) и преподает с янв. 1884 г. в кач. прив.-доц. каф. классич. филол. в Петерб. ун-те (с 1887 — экстраорд. проф.). Поданной З. докт. дис. (сперва в виде рукописи) — **«О дорийском и ионийском стиле в древней аттической комедии»** (ЖМНП. 1885. Янв.; Февр.; Март; Апр.; Май;

Июнь) — оказался недоволен К. Я. Люгемиль, которого не убедил подход, примененный в этой работе. В ответ на это З. подает в Дерпте монографию **«Die Gliederung der altattischen Komödie»** (Leipz., 1885. 399 S.), включившую оба исследования как части. Затем в Петербурге были перепечатаны выдержки из этой книги, снабженные 12 тезисами для защиты на Дерпт. докторском диспуте: **«Studien zur Gliederung der altattischen Komödie: In.-Diss. Dorpat»** (SPb., 1886. 109 S.). Для пушей уверенности в успехе В. Хёршельман показал исследование З. авторитетному Э. Роде, и в 1886, при поддержке дерпт. профессоров Л. Мендельсона и Г. Лёшке (позже прусский академик), З. успешно защищает свою докт. дис. Несколько других сочинений, в частности, **«Quaestiones comicae»** (ЖМНП. 1886. Нояб.; Дек.; отд. отт.: Petropoli, 1887. 126 p.), восполняли посвященный аттич. комедии цикл работ молодого З.

В эти же годы З. женится на Луизе (Елиз. Вас.) Гибель, выпускнице женского отделения Анненшуле и сестре учившегося в Лейпц. ФС К. В. Гибеля (Giebel). С 1887 по 1918 З. преподает в четырех

учреждениях: на каф. классич. филологии ИФФ Петерб. ун-та, где становится орд. проф. в 1896; в ИФИ, который обеспечивал его удобным жильем; на Петерб. ВЖК и на Высших женских ист.-лит. и юрид. курсах Н. П. Раева. З. ведал гуманитарной секцией также и в Санкт-Петербургском общ-ве народных ун-тов, действовавшем с 1906 до прихода большевиков. Многими лит. работами он занимался и ради гонорара, который платили, например, в «ЖМНП». Эта система позволяла ему подобающим образом содержать семью и всех своих детей и собрать отличную домашнюю б-ку. В 1906–1908 З. был избран деканом ИФФ Петерб. ун-та в признании не одних ученых его заслуг, но и примечательного умения посредничать между начальством и студенчеством в гнетущей полит. обстановке — предвести прискорбного будущего.

Несмотря на отягощение, производимое в тогдашней обстановке польским происхождением, к З. довольно рано пришло и офиц. признание. С 1890 он — чл.-сотрудник РАО, а в 1893 — чл.-корр. Ист.-филол. отделения Имп. АН; в 1908 он становится чл.-корр. Баварской АН и тогда же — вплоть до моск. ун-тской катастрофы 1911 г. при либеральном ректоре А. А. Мануйлове — поч. чл. Моск. ун-та; 1910 принес З. звание чл. Гёттингенского науч. общ-ва и проч. В 1916 он избран почетным академиком по Разряду изящной словесности ОРЯС Имп. АН, что показывало признание его лит. дарований, заодно, кажется, маскируя нежелание видеть властителя дум молодежи д. чл. РАН.

В 1919 З. уезжает в Польшу и, обретя польск. гражданство, наносит визиты во многие европ. ун-ты. В годы, которые З. называл *naufragium Petropolitanum*, он становится чл.-корр. Германского археологического ин-та (DAI), иностр. чл. Британской Академии и чл. АН в Кракове, что было небезразлично для размаха его деятельности в Польше. В 1920 он уже читает лекции в Варшавском ун-те, но по ходу советско-польск. войны снова

преподает в Петрогр. ун-те и в других учреждениях города: напр., с осени 1920 по весну 1922 в Ин-те живого слова, связанном с инновационным РИИИ — вольным антиподом академичной, как положено, Академии наук.

После Рижского договора 1921 З. оставляет Россию окончательно. «Репатриировавшись» в Польшу, он становится одним из ведущих проф. Варшавского ун-та, президентом «Интеллектуальной польской Унии» (*Unia Intelktualna*) и почетным д-ром ряда европ. ун-тов. В 1923 умирает его жена, а в 1924 он посещает в Шондорфе на Аммерзее сына Феликса, который с 1920 преподавал в тамошней гимназии (учитель-биолог, увлеченный худож. переводом, что укрепляло его дружбу с рус. учениками отца, напр., с Я. М. Боровским).

В кругу семьи в Шондорфе З. пишет «Автобиографию» (в нем. ориг.: «**Mein Lebenslauf**»), завершив ее летом 1924. Изначально предназначенный для своих, взрослых уже, детей, текст этот представляет не столько академичную, сколько академическую биографию филолога последней трети XIX в., с его *Lehr- и Wanderjahre*, приближаясь к тому, что называют *Bildungsroman*, безупречно точный как раз в отношении становления ученого на фоне ист. обстоятельств, в которых совершался расцвет гуманитарного знания в Европе и в России.

Благодаря энергии польск. коллег (Ханны Геремек, П. Митцнера, Е. Аксера и др.) и центра ОБТА — позже Центр междисциплинарных исследований *Artes liberales* Варшавского ун-та — нем. рукопись «Автобиографии» З. наконец стала известна публике, сперва в польск. переводе: *Zieliński Th. Autobiografia. Dziennik 1939–1944 / podali do druku H. Geremek i P. Mitzner; red. J. Axer. Warszawa, 2005*. Напечатанный здесь же в ориг. польск. «Дневник» — «*Dziennik*» (S. 250–386) сухо отражает проведенные в Германии 1939–1944 гг.; хранился «*Dziennik*» в СПбФ АРАН под названием «Дневник Вероники Зелинской» (Ф. 977. Оп. 1. Д. 21). Рус. перевод

«Автобиографии» выполнен с нем. А. И. Рубаном; комментарии А. И. Рубана с участием В. В. Зельченко (Древний мир и мь. Вып. 4. С. 46–197). Польск. ученые продолжали работу над наследием З. в чреде посвященных ему конференций и публикаций. Наконец появилась и editio princeps нем. оригинала «Автобиографии» — «Mein Lebenslauf» — при участии и под эгидой М. Г. Альбрехта, знаменуя завершение проекта trium nationum.

Деятельность З. в Польше была и востребована, и плодотворна, пока при бомбежке Варшавы в 1939 жилище З. не было разрушено; среди прочего погибла рукопись пятого тома его труда об антич. религии. 80-летний ученый отправился в Рим, рассчитывая найти пристанище в католич. приюте для престарелых; по дороге З. остановился у сына Феликса в гимназич. интернате Ландхайм под Шондорфом в Баварии, где они с дочерью осели. Старца, делавшего ежедневную прогулку у местного озера и собиравшего силы для того, чтобы восстановить пятый том («Religia Cesarstwa Rzymskiego») и дописать завершающий шестой («Chrześcijaństwo antychnie»), наблюдавшие за ним школьники Ландхайма прозвали «der liebe Gott», что, как он заметил, «звучит неплохо» — так в семье стали называть и нарисованный тогда же дочерью Вероникой портрет отца. Скончался З. в мае 1944 в Унтершондорфе, а в июне 1997 — при участии Е. Аксера и его Варшавского центра (с 1991) — на Шондорфском кладб. был установлен бюст ученого. Причастный к рус. традиции через своего отца-композитора М. Г. Альбрехт (Гейдельберг) посвятил дорогой для классиков могиле звучную лат. оду (Mein Lebenslauf. S. 49–50).

Сын З. Феликс до конца жизни учительствовал в Германии; дочь Амата (она же Людмила) осталась в СССР и подвергалась арестам, как и ее муж, В. Н. Бенешевич, который погиб в застенках НКВД (1938), и двое их сыновей-близнецов, Георгий и Дмитрий (1911–1937) — многообещающие

молодые ученые. Дочь Корнелия, по мужу Канокоги, уехала в Японию — там и сохранился ориг. нем. текст автобиографии З.; что касается дочери (Людвики) Вероники, то она стала Антигоной маститого старца в последние годы его жизни и скончалась прежде него. В ходе репрессий погиб сын З. и филолога-классика В. В. Петуховой, отличный филолог и выдающийся переводчик — А(н)дриан Ив. Пиотровский (1898–1938); филологии училась и сестра его Ирина. Меньше известно о сыне Валентине и его матери Л. Ф. Завалишиной, ученице З. (впоследствии Серебрякова). Заботили З. и его с С. П. Червинской (†1978) дочери Тамара (1913–2005) и Ариадна (1919–2012), жившие в СССР (Полоцк, затем Ростов-на-Дону), о чем недавно поведал сын А. Ф. Червинской, российский литератор О. А. Лукьянченко (Новая Польша. 2009. № 7–8. С. 51–59), опираясь на материалы и сведения, собранные матерью: Tadeusz Zieliński... (на s. 55–191 публикуется переписка З. с детьми и некоторых из девяти детей — друг с другом и с учениками З.: наперекор судьбе они вели себя как нечто единое; в этом духе и Я. М. Боровский всю жизнь писал из Советского Союза Феликсу З. и был дружен с Людмилой Фаддеевной Бенешевич до ее кончины).

З. в замечательной степени владел важнейшими европейскими языками, из которых, парадоксальным образом, ни один не был для него родным. Первыми в его детстве были польск. и франц.; укр. и рус. он воспринимал от народной среды; элементы латыни, преподаваемые отцом, были великолепно развиты в петерб. гимназии. Если посвящение в англ. было получено юношей между прочим, то нем. прочно вошел в его жизнь через пансионат Анненшуле как основа для всестороннего обучения и каждодневного общения. Что касается рус. языка и словесности, то они входили в поле зрения выпускника петерб. нем. школы не спеша, с годами все больше и полнее. Изучение древнегреч. в гимназии было увенчано оригинальным сочинением абитуриента З.; показанное Й. Кёнигом

акад. А. К. Науку, оно снискало одобрение строгого выпускника Пфурты. В пору своих *Wanderjahre* З. немалое внимание уделил Италии и итал. языку; путешествуя по Греции, освоил до некоторой степени новогреч. — т. о., оба древних языка З. способен был видеть в перспективе их истории. Писал З. преимущ. на нем., лат., русском и, со временем, на польск., достигнув в этих языках не только свободы выражения, но и лит. притязательности, которые, несмотря на отд. казусы, тешившие его недоброжелателей, в целом были признаны со стороны знатоков соответствующих идиом.

Кроме великолепного знания языков, в основе филол. мощи З. лежит начатое с юных лет целостное освоение великих текстов классич. древности, Нового и Новейшего времени; память его до конца жизни сохраняла впечатляющую их часть. Помимо «Пана Тадеуша», который для З. был «эпониическим», надо назвать Вергилия — его в отрывках читал мальчику на память отец. Еще в большей степени спутником З. на всю жизнь стал Цицерон — знамя польск. республиканского духа, которое З. впоследствии противопоставлял герою Т. Моммзена — Юлию Цезарю (как отметил С. С. Аверинцев, идеализации Цицерона и Ренессанса у З. отвечало «негативное отношение к Византии» — РП. Т. 2. С. 336). Что касается рус. литературы, то З. говорил, будто ограничивает свой интерес к ней едва ли не одним Пушкиным, однако чтение его рус. работ показывает, что к 1890 он вжился в язык рус. культуры и общественной мысли, в обеих непосредственно участвуя. Свидетельствует об этом и положение З., наряду с Вяч. И в а н о в ы м и И. Ф. А н н е н с к и м, в триаде словесников, представивших рус. читателю трех великих аттич. трагиков; и уж конечно не случайность, что искрометным переводом Аристофана эту триаду дополнил ученик З. и к тому же сын — Адриан Пиотровский.

Характер З. и черты его становления гораздо более внятны теперь, когда, кроме «Автобиографии», опубликована часть его переписки и ряд публицистич.

сочинений. Знакомство с этими текстами показывает, что положение З. в России было скорее сложным, чем тяжелым. Этнический поляк, З. учился почти исключительно у немцев, а поскольку русские то и дело выказывали ему свою отчужденность, он надевал на себя маску иностранца в России, который чувствует себя гражданином мира, а служит там, где ему предлагают достойные условия для труда на общее благо. Держался З. не без высокомерия, однако его — пусть весьма высокая — самооценка лишь изредка выходила за пределы его достоинств (Автобиография. С. 172, ср. с. 164).

Тем примечательнее, что в конце очерка своей жизни (loc. cit.), подводя (промежуточный) итог перед самим собой и близкими, З., не страдавший робостью в самооценке, признает известную ограниченность и своих знаний, и науч. проницательности в сравнении «с лучшими», «mit den Besten», т. е., конечно, на фоне *самых* значительных европ. ученых, из чего видно, что совершенную неприступность для критики он не столько ощущал, сколько старательно изображал перед теми, кто не желал признавать его достижений; как ученый он понимал, что кроме осведомленности и порыва необходима образцовая и неизменная трезвость мысли.

Что касается внешнего размаха его творчества, то библиография З., считая переводы его работ с одного языка на другие и множество переизданий особо влиятельных его публикаций, насчитывает, как будто бы, ок. 900 номеров (*Kijas A. Polacy w Rosji...* S. 44–45).

Первая — малотиражная — библиография: Список трудов проф. Ф. Ф. Зелинского, изданный к 25-летию его преподавательской деятельности его учениками (1884–1909). СПб., 1909 (№ 1–312). Вскоре этот список, составление которого связывают с именем А. И. Малена, был продолжен: Перечень трудов проф. Ф. Ф. Зелинского с 1908 г. // Гермес. 1914. № 3. С. 84–87 (№ 313–421). После долгой паузы, вызванной мировой войной и полит. бурями,

появилось выполненное польск. ученицей и переводчицей З. библиогр. описание, которое распространяет перечень на публикации польск. лет: *Pianko G. Prace T. Zielińskiego (1880–1958) // Meander. 1959. Rok. 14. S. 441–461.* Здесь, правда, всего 383 наименования, поскольку автор (иногда — *Piankówna*), имея перед собой более обширную панораму, сосредоточена на выделении главного. Несмотря на обращение к той же задаче в последующие годы (*Garulli*; 396 номеров), полная библиография З. пока не стала достоянием историков науки (*Spuren und Zeugnisse. S. 9–10*); между тем Ф. Новотны (*Novotný. S. 11*) говорит о «более чем 2000» публикаций — видимо, с учетом, помимо науч. журналов, также лит.-общественных журналов и газет. Нетрудно себе представить и то, сколь многочисленны были литографированные курсы лекций, читанных З. там, где он преподавал; напр.: *Проф. Ф. Ф. Зелинский. Общий курс античной словесности / сост. В. И. Ужинский, А. И. Афанасьев-Козлов: пособие к лекциям, читанным студентам Санкт-Петерб. ун-та в 1909/1910 уч. г. 306 с.*

Суммарно и выборочно характеризую труды З., можно бросить взгляд лишь на циклы его исследований, обзоров, рецензий и переводов. В разное время З. занимали едва ли не все жанры антич. литературы и по отдельности — самые славные ее творения. Применительно к гомеровскому *эпосу* З. увлекло то, что теперь было бы отнесено скорее к лит.-ведению в самом гордом смысле слова, а именно выдвинутый З. «закон хронологической несовместимости» (см.: *ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ. Сборник статей по филологии и лингвистике, изданный в честь Ф. Е. Корша. М., 1896. С. 101–122; нем. версия: Philologus. 1901. Suppl. 8, N. 3).*

Опираясь на сделанные некот. учеными наблюдения, З. стремится обосновать положение в духе психол. законов В. Вундта, который оказал (как понятно из рассказа З. о занятиях в Лейпциге: Автобиография. С. 68) существенное науч. влияние на молодого филолога, стихийно

стремившегося раздвинуть границы своей науки во все стороны: с трудами Вундта в руках, откуда законный филол. девиз: *μηδεὶς ἀψυχολόγητος εἰσίτω*, З. надеялся поверить гармонию алгеброй, о чем основатель экспериментальной психологии знал, со своей стороны стараясь учитывать исследования филолога. Опираясь на детальный анализ эпич. композиции, З. постулирует то ли неспособность, то ли нежелание древнего Поэта указывать на *одновременность* описываемых им событий.

Оживившаяся полемика по этому поводу показывает, что в «законе» З. речь идет не об антропологич. фактах, показывающих эволюцию человеческих способностей по ходу трех тысячелетий, а о чертах, присущих древнему складу эпич. повествования, когда автор старается как можно меньше показываться из-за (будто бы непосредственного) описания событий (*Pozdnev M. M. Das "Incompatibilitätsgesetz" Th. Zielinskis: Eine kolumbische Entdeckung // Philologia classica. 2016. Vol. 11. Fasc. 1. S. 6–19*); у Ливия З. тоже наблюдал за схожими явлениями, между тем как у Вергилия, несмотря на подражание Гомеру, этой черты не видно. Иначе говоря, З. энергичски представил особенность, которую при нынешней искусности в нарратологии разглядывают всё пристальнее; как бы ни решался вопрос, З. подтолкнул к продвижению в понимании стиля и приемов греч. эпоса.

Как историк греч. словесности, чувствительный к форме *мифа*, З. видел в нем предтечу эллинских филос. устремлений; кроме того, бытование мифа в различных обл. Греции необходимо ему как исследователю аттич. трагедии ради восстановления сюжетов несохранившихся до нас трагедий. Наконец, З. был привязан к необозримой мифической ткани как дидактик и сеятель культуры и пробовал объединить греч. мифы в некое целое: среди обрушенной жизни конца 1917-го он сплел воедино ряд мифол. гирлянд, собрав их в сб. «Сказочная древность

Элады» (М., 1993; сост., вступ. статья Г. Ч. Гусейнова).

Народно-сказочный реализм получал у З. при этом символистское двойное дно, причем постижение эллинского сказа обогащалось поисками неких первозданных славянских параллелей в стиле, напоминающем, пожалуй, художника М. В. Несетерова. По крайней мере, З. дорожил выразившимся в его мифах-сказках «динамизмом» — показом того, как постигаемые исследователем религиозные представления выступают в виде пружин повествования (Автобиография. С. 160).

Если греч. *лирика* дала повод к появлению ряда переводов в рамках лекционных курсов З. — напр., в его «**Истории литературы времен независимости**» (Ч. 1–2. Пг., 1919–1920), — то занятия греч. *театром* держали ученого в своей власти в течение большей части его жизни.

Выше уже упомянуты исследования З. по истории становления комедийных жанров у эллинов, которые были ведущей темой в пору появления его квалификационных работ, когда структура и происхождение аттич. комедии как жанра и генезис этой сложной худож. формы (особенно применительно к агону-синтагме и парабазе) были подвергнуты им решительному анализу как в формальном, так и в ист. плане; о том, как эти исследования были встречены ближним и дальним ученым миром, рассказывает он сам (Автобиография. С. 115–117); со временем терминологич. каркас, принятый у З., возобладавал в международной науке [*Gelzer Th. Aristophanes 12 // RE. Suppl. 12 (1971). Sp. 1420 ff.*].

Занятия З. аттической *трагедией* — о комедии сказано в хронологич. обзоре — масштабно выразились в сабашниковском издании «**Софокл. Драмы**» (Т. 1–3. М., 1914), судьба которого сложилась счастливее, чем у переводов Вяч. Иванова (Эсхил) и И. Анненского (Еврипид). З., которому был близок и Еврипид, в связи с ранней смертью Анненского взял на себя филол. редакцию сабашниковского Еврипида, что оказалось

сопряжено с неудовольствием наследников и поклонников поэта. На возникшие упреки З. как филолог-словесник отвечал тем, что издает Еврипида, а не Анненского (Театр Еврипида / пер. И. Анненского; ред. Ф. Зелинского. Т. 2. М., 1917. С. IX–XXIII). Культурная значительность этой задачи соединилась у всех троих с идеей Славянского Возрождения (четвертого после времен Карла Великого, романского гуманизма и германского неогуманизма); характерно, что для Вяч. Иванова З. был больше, чем переводчик Софокла: «Софокл оживший латеранский / В аттическом плаще Зевес...» — так через З. обеспечивалась связь времен. Исследования, сложившиеся в русле этих занятий, подытожены мэтром в ряде рус. статей, которые в 1925 были воспроизведены в виде лат. книги, состоящей из трех глав (ожидалось больше): «**Tragodumenon libri tres**. I. De locis tragoediae Graecae rudimentalibus. II. De trimetri Euripidei evolutione. III. De Iphigeniae et Danae mythopoeia tragica» (Cracoviae, 1925. 330 p.).

Вступ. статьи трехтомного издания Софокла позволяли З. вводить читателя в содержание и смысл антич. сюжета, не ограничиваясь при этом одним Софоклом — такие вопросы из года в год обсуждались в домашнем семинаре З., где воспиталась целая поросль ученых-классиков: учившиеся у З. поляки С. Сребрный (кончил Петерб. ун-т в 1912, затем был профессором в Люблине), К. В. Хилнски (Львов, потом Люблин) и В. Клиггер (со временем Познань); обратившийся к изучению Сев. Причерноморья Эрих Диль (Diehl, позже Латвия и Йена); энтузиаст театра и кинематографа А. Пиотровский наряду с будущим театральным режиссером С. Э. Радловым и переводчицей Анной Радловой; историк греч. искусства Елена В. Ернштедт, латинист Я. М. Боровский и др. Как прямых и значительнейших своих учеников З. выделял М. И. Ростовцева и выпускника 3-й гимназии, преподававшего некоторое время в Царскосельской гимназии латиниста и историка-новиста П. П. Митрофанова.

Уже после Towarzystwa Filologii Klasycznej в СПб учениками З. в Польше стали Лидия Винничук, М. Плезя, А. Турын и мн. др. Это тем отраднее, что в советской России, судя по участи родных, З. вряд ли уцелел бы: даже *in absentia* он не мог быть упоминаем вплоть до периода широкой гласности сер. 1980 — конца 1990-х, когда через 70 лет (пере)издание его трудов впечатляющим образом возобновилось.

Как обычно для З., предмет — в данном случае аттич. трагедия — изучалась в различных отношениях и различными способами; однако сам З. весьма содержательно описал суть своих занятий: он изучает «*трагедию* как *трагедию*» (а не как источник для получения каких угодно и сколь угодно ценных сведений, напр., как повод для конъектур или для реконструкции ист. деталей — подходы, характерные для позитивистской филологии). Всего важнее для З. был театр, драматургия, особое воздействие каждой отдельной пьесы на людей.

В аттич. театре З. поклонялся единству слова, музыки и танца, которое прославлял под именем «триединой хореи». Античность и творчество Айседоры Дункан вдохновили учениц З. создать студию музыкального движения под названием «Гептахор» (возможно, приспособлено З. из греч. «гептахорд») — об этом исчерпывающим образом рассказано в кн.: *Руднева С.* Воспоминания счастливого человека. М., 2007. Неудивительно и то, что В. Э. Мейерхольд ездил в Грецию с экскурсией под руководством З., сам З. поспешил принять участие в Ин-те живого слова в Петрограде, выступив при самом его открытии (1918), а А. Пиотровский, разделявший веру авангардистов в безграничную мощь театра, взялся быть худож. руководителем кинофабрики «Совкино» (со временем «Ленфильм»).

Что касается изучения живого слова, то у З. оно давно выразилось во внимании к *ритму* прозы на материале речей Цицерона. На дотошном метрич. анализе, многообразно прилагаемом то к описанию текста, то к эстетике восприятия,

то к поискам критерия, указывающего на фазис в творческом развитии оратора, а значит — на приурочении текстов по времени, основаны обширные исследования З.:

Das Clauselgesetz in Ciceros Reden: Grundzüge einer oratorischen Rhythmik // *Philologus*. 1904. Suppl. 9. S. 589–844; продолжение см.: **Der constructive Rhythmus in Ciceros Reden. Der oratorischen Rhythmik**. T. 2 (Ibid. 1914. Suppl. 13. S. 1–295). Непосредственно научно-психол. сторона дела рассмотрена им в работе: **Der Rhythmus der römischen Kunstprosa und seine psychologischen Grundlagen** // *Archiv für die gesamte Psychologie*. 1906. Bd. 7. S. 125–142; связь с В. Вундтом и в этом случае была обоюдной. Названные сочинения — не единственные у З. в его поисках индивидуальной «ритмич. сигнатуры» главного европ. витии. Неудивительно, что молодые ученики З. превратили имя учителя в мнемонич. формулу для обозначения дорогого его музыкальному чувству дохмия: *Фад-дэй Фран-це-вйч*.

К 2000-летию со дня рождения Цицерона З. приурочил статью «**Цицерон в истории европейской культуры**» (ВЕ. 1896. № 2. С. 661–701), которую рус. публика приняла с должным уважением. Она была расширена в нем. монографии и с восхищением встречена в Европе, неуклонно совершенствуясь при переизданиях: **Cicero im Wandel der Jahrhunderte** (Leipz., ¹1897; Darmstadt, ⁵1967; см.: Автобиография. С. 126 и след.). Культурно-ист. очерк у нас усвоили, но, кажется, без восторга отнеслись к наиболее зрелому варианту этого произведения. Такой же славы не получил не только на Западе, но и в России затеянный З. ради рус. публики коммент. перевод всего ораторского наследия Цицерона (**Полное собрание речей Цицерона в русском переводе** / ред., введ. и примеч. Ф. Зелинского: в 2 т. СПб., 1901. Т. 1: 81–63 гг. до Р. Х.); огорченный равнодушием публики, З. отказался от подготовки второго тома.

Сперва речи переведил В. А. Алексеев, а редактировал и снабжал перевод аппаратом З.; однако начиная с 10-й речи он стал переводить сам, сопровождая каждую речь введением, постраничным комментарием и полезными приложениями в конце исполинского тома. Цицерон представлен здесь по-русски с ошеломляющим речевым богатством, которое было к тому же озаменовано попыткой воспроизвести индивидуальную манеру оратора.

Лит. влияние Рима на Европу З. любил показывать и на примере «Героид», обработанных в союзе с Л. Ф. Завалишиной в виде комментария к великолепному переводу: «**Овидий. Баллады-послания**» (М., 1913).

Конечно, занимали З. и др. лат. авторы. Из публикаций польск. времени, которые в России и менее доступны, и менее известны, можно назвать книгу о Горации «**Horace et la société romaine du temps d'Auguste**» (Paris, 1938). К Титу Ливию З. возвращался не раз: XXI кн. Ливия была отлично приготовлена им для русских, а затем и для польских учащихся; в корпусе рус. переводов этого автора (Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1991. Т. 2. С. 5–59) переиздан перевод этой книги по изданию С. Маркиша (М., 1970).

Вообще изучение общеевропейской, в частности русской, рецепции античности, по З., не сводится к констатации лит. связей в духе сравнительного литературоведения, когда устанавливается очевидная перекличка между произведениями. У З. интертекстуальная наблюдательность покушается на то, чтобы вскрыть некое стихийно-творческое возрождение когда-то явленных поэтам вечных мотивов: возвращение умершего жениха, права мертвой подруги, весть отцу о будущем младенце в час разлуки и т. п. Подобные лит. явления З. относил к «жизни идей», позволяющей наблюдать действие последних в культурном континууме Европы — так обнаруживаются, по З., некие *idées-forces*, мировые идеи (чем бы они

ни были), которые благодаря непрерывности традиции возвращаются в чреде все новых воплощений. Постоянное внимание к классич. прошлому при таком взгляде подталкивает не к установлению зависимости, а к признанию неистребимой возобновляемости классики, ее таинственной культурной силы. Получается исторически чуткая, мыслящая *littérature comparée*, для которой претворение важнее повторения. Этот подход, полюбившийся рус. публике, отражен в сб. статей и докладов З., соединенных в 4-х томах «**Из жизни идей**» (1905–1922):

Т. 1: Научно-популярные статьи; Т. 2: Древний мир и мы; Т. 3: Соперники христианства; Т. 4: Возрожденцы. В летучем силуэте З., созданном М. Ростовцевым (НЭС. Т. 18. Стлб. 900–902), найдена формула, что З. в этих этюдах выделяет «те моменты в современной культуре, в которых наиболее рельефно сказывается ее зависимость от наследия античности».

Лекции и материалы по истории греч. и римск. литературы занимали у З. столь видное место на протяжении всей его жизни, что об этом не приходится здесь говорить — ясно и то, что с сугубо ученой точки зрения интереснее конкретные обстоятельные и новаторские его исследования. Один из обширнейших исследовательских циклов в творчестве З. образует изучение *религиозных форм* античности, среди которых внимание З. останавливали архаизмы гомеровского пантеона или поздний герметизм, как он представлен у Гермеса Трижды Величайшего (Трисмегиста). Из раздумий более или менее последовательного католика, жившего в православном или агностическом окружении, у З. вырос проект труда о религиях греко-римск. мира, включая герметизм, гнозис и древнейшее христианство. Истинным Ветхим заветом христианства З. считал религию эллинов — такова одна из основополагающих формул его ист. построений (**История**

античной религии. СПб., 2014. С. 375, 383). Отсюда титанический проект его «Религий античного мира» (Т. 1–2) / «Religie świata antycznego» (Т. 3–4), где он с широтой науч. подхода стремился сочетать религиозную глубину, которую считал совершенно необходимой для историка религии.

Судьба этого труда не избежала ист. превратностей первой пол. XX в. После выхода по-русски первого и второго томов — «Древнегреческая религия» (Пг., 1918) и «Религия эллинизма» (Пг., 1922) — публикация продолжалась на польск. яз.: третий том в 2-х ч.: «Hellenizm a judaizm» (Warszawa, 1927); четвертый том в 2-х ч.: «Religia Rzeczypospolitej Rzymskiej» (там же, 1933 и 1934). Рукопись пятого тома, погибшую в 1939, З. восстанавливает в виде книги «Religia Cesarstwa Rzymskiego» и дописывает заключительный шестой том «Chrześcijaństwo antyczne». Оба последние тома удалось опубл. лишь много десятилетий после их написания (Тогуи, 1999). О трудной истории столь затянувшегося на десятилетия проекта «Religie świata antycznego» см.: *Plezia. Dziecię niedoli...* S. 181–212. Предпринятое в России издание под редакцией Т. Г. Сидаша [Зелинский Ф. Ф. История античных религий (СПб., 2015–2018. Т. 1–6)] соединяет русскую часть труда З. с переводом польских томов. Польск. ученые не оставляют мысли сделать тщательно сведенное воедино и выверенное в различных отношениях издание многострадального детища З.; труд этот, независимо от правоты или неправоты построений, являет собой *opus magnum* значительного ума и выдающейся культурной воли; но велика и сложность задачи как при создании необходимого для читателя всестороннего комментария, так и в лингвистич. смысле.

Гуманизм во всех своих ликах немислим без *педагогики* и сопряженной с нею *дидактики*; *пропедевтика* занятий классич. древностью занимала З. в смысле понимания природы культуры, эпистемологически и ради правильного обустройства средней школы; раннее вышколивание ученых при этом не

единственная, хотя и ответственная задача, — иначе не хватает жизни для достаточного приближения к неоглядному предмету.

Кроме лекций перед большими и различными по составу аудиториями, были у З. и *privatissima* для круга близких учеников, образовательные экскурсии в Грецию; участие в экзаменационных комиссиях, инспекции и визитации. Среди прочего З. приглашали ради выступлений перед юными слушателями, только еще заканчивающими гимназию. Как серьезно З. к этому относился, видно по циклу из восьми лекций, которому он дал название «Древний мир и мы: лекции, читанные ученикам выпускных классов Санкт-Петерб. гимназий и реальных уч-щ весной 1903», из «ЖМНП» (1903. Авг.; Сент.; Окт.) перепечатаны во втором томе «Из жизни идей» (СПб., 1905).

Эти лекции — редчайший в России случай, когда получившие весьма казенный вид реформы под эгидой гр. Д. А. Толстого нашли полнокровное воплощение в З., который не действовал в угоду циркулярам, а *желал* возвращать молодежь через воздействие классич. авторов и антич. цивилизации; памятью о своем наставнике в Анненшуле, З. с самого начала понимал, что основу пед. успеха создает «учительская радость». Цикл лекций З. скоро получил (и до сих пор не утратил!) славу убедительно выстроенного панегирика классич. образованию, что видно по переводу названного сборника на дюжину языков Европы и многочисленным переизданиям этих переводов. *Accademia Vivarium novum* в Риме вынашивала мысль перевести лекции З. на лат. язык; примечательно, что это же дело, в пору полного изгнания классич. образования из советской школы, затевал в своем семинаре по лат. стилистике А. И. Зайцев. Помимо привязанности к древним, З. давал здесь анализ дидактич. процесса с точки зрения науч. психологии и ставил задачи, исходя из природы человеческого знания. Несмотря на фиаско классич. школы в России и запрет на нее в СССР, представлений З. об этом предмете держались Я. М. Боровский и А. И. Зайцев,

успевший приложить разделяемые им взгляды З. к первой возрожденной в городе на Нева с 1989 классич. гимназии (см. сайт: 610.ru).

История *антич. искусства*, которая играла немалую роль среди первых его публикаций, как полагал сам З., давалась ему хуже: он жаловался на недостаточную, будто бы, зрительную память, которая, как и склонность рисовать, желательна для историков искусства. Между тем помимо основательного знакомства с европ. музеями и с природой Средиземноморья, чувствительность и опыт по этой части у него были и умножались в течение всей жизни, что неизменно питало его тягу к воскрешению классич. мира.

Средоточием артистизма у З. все-таки надо признать худож. слово, в котором он постоянно упражнялся как ценитель, исследователь, искусный комментатор, декламатор, переводчик и вообще автор, сочинения которого строятся на общении с этим словом. Как ни оценивать рус. стиль З. в его худож. переводах, он все-таки неслучайно оказался en petit comité с национально значимыми рус. поэтами, а его науч. проза, хоть и отягощена иногда слишком настойчивым идеологическим пафосом и несколько барочным оформлением, являет некую торжественность и лоск в выражении мысли в противовес аутентичной «мешковатости» рус. стиля (по слову И. С. Тургенева). Представители нем. и польск. лит. традиции, не отрицая отдельных языковых промахов мэтра против их идиом, признают за З. собственный голос в рамках трех национальных традиций, не считая *Latinitas aeterna*.

Переходя от хронологич., а затем тематич. обзора к анализу творчества З. в целом, следует принять во внимание исполинский объем его писаний. Нет столь необходимой в этом случае полной библиографии его публикаций, причем нужна была бы библиография, аннотированная и снабженная аналитич. индексами, — иначе в этом творчестве

легко заблудиться, то и дело проходя мимо самой предпочтительной версии.

С. Сребрный (1890–1962), защитивший дис. еще в 1916 в Петрограде, уже по окончании войны дал содержательный обзор трудов учителя (*Srebrny*), который по энергии, объему и вдумчивости похож на *Meisterstück* самого З. — обзор филол. творчества светоча европ. и петерб. науки: *Johannes August Nauck // Bursian VJahrb. 1893 (1894). S. 1–65.*

Кроме авторской плодовитости, в баснословном изобилии сочинений сказалась особенность судьбы З., который, по согласованной в целом международной формуле, был по крови поляк, по жизни россиянин, а по науке — немец. Соответственно, значительная часть его сочинений предстает в трех обликах — нем., рус. и польск., притом различные языковые варианты нередко отражают различные стадии работы. Важно и то, что в разные периоды жизни З. обращался к различным категориям людей: к сугубым профессионалам (вроде нем. сверстников в Германии или товарищей по Лейпц. ФС, когда они стали преподавать в высших школах России); к образованной публике «толстых» журналов; к молодым людям, оканчивающим гимназии или к новой с последней трети XIX в. молодой женской аудитории; наконец, к польск. молодежи, встречавшей его на вокзале возгласом «*Nabemus raram*» — З. и впоследствии величали Мастером (*Mistrz*).

К этой линии — и как раз в поворотные для З. годы обращения к молодежи — надо отнести участие З. в гимназич. преподавании, в особенности в Николаевской Царскосельской гимназии, куда Анненский и З. привлекли М. Ростовцева с П. Митрофановым и где преподавали также С. О. Цыбульский и др. З. озаменовал эту деятельность четырьмя великолепными выпусками для серии Л. А. Георгиевского и С. А. Манштейна (Автобиография. С. 128): (1) **Тит Ливий**.

Книга XXI: Нашествие Аннибала. Ч. 1–2 (Царское Село, 1890); (2) **Софокл. Царь Эдип** (там же, 1892); (3) **Цицерон. Речь против Верреса.** V кн.: **О казнях.** Ч. 1–2 (СПб., 1896); (4) **Софокл. Трахинянки.** Ч. 1–2 (СПб., 1898).

Помимо объема, есть и внутренняя сложность при оценке текстов З., связанная с действующими в них эпистемологич. предпосылками: в его случае не всегда легко определить, в чем ученый видит предмет своей науки, ее возможности и границы. Все, что писал З., подразумевало не только знания и богатство идей, но и высокое напряжение души.

В этом отношении З. пережил настолько серьезную эволюцию, что можно было бы говорить по меньшей мере о двух Зелинских. Период становления связан с обучением в Анненшуле и Лейпц. ун-те, с нем. профессурой и в основном немецкими же сверстниками. Как выглядел науч. идеал З. к концу этой поры, видно по упомянутому выше развернутому очерку З. о сочинениях А. Наука. Как нередко случается, в последнем слове о почитаемом коллеге автор (иногда незаметно для себя самого) свободнее, чем где-либо, выражает собственный заветный идеал ученого. Это был «первый Зелинский», который позже, обращаясь к более широкой аудитории, пережил, как он признает в «Автобиографии» (С. 119 и след.; 125 и след.), существенную перемену в своем отношении к предмету, когда самый смысл филол. занятий у «второго Зелинского» существенно перестроился.

В обновленном З. «первый Зелинский», конечно, оставался, но уже как часть чего-то большего: *Fachphilologie*, вдохновленная величием описываемой гуманистом фигуры, оказалась внутри гуманистич. филологии, которая жива не столько цеховыми («техническими»), сколько вековыми человеческими ценностями. *Nachleben* антич. произведений включается при таком подходе уже не в виде курьезных добавок при рассмотрении предмета, а по существу. История

идей и мотивов получает неожиданное продолжение, рассматриваются не только действия людей, но и состояния их души; т. н. вечные вопросы не отпугивают, а волнуют. При этом число и качество задач существенно вырастает, а тот, кто за них берется, не успевает рассчитывать, какие из этих задач разрешимы. Знание разрастается, однако рискует своей научностью, потому что и без того трудное дело разом — и непомерно — осложняется, а внятность и доказательность становятся все более размыты. Немудрено, что чувствительное к старым задачам и гордое надежными приемами профессиональное сообщество, существующее со времен филологов Александрийской б-ки, не может легко согласиться на беспорядочное расширение сферы своей ответственности только потому, что это для кого-то соблазнительно.

На становлении человека, вступающего в науку, сильно сказываются особенно резкие споры ученых, которые довелось наблюдать в молодости. Для З. это была научно-мировоззренческая контроверза Ф. Ницше — У. Виламовиц, придавшая идейный вид скорее личному конфликту Ф. Ричль — О. Ян. Начиная с кружка в Лейпциге, где еще витал дух молодого Ницше, З. был из тех, кому ближе сторона Ричль-Ницше-Роде-Крузиус; к тому же Ричль был важен при образовании Лейпц. ФС, и случайно Неж. филиал ИФИ унаследовал великолепную б-ку нем. ученого. Труды З. по аттич. комедии, принесшие ему степень в Дерпте, в Санкт-Петербурге иногда подавались как научно сомнительные, так что З. не мог не оценить ту поддержку, которую оказали ему Т. Моммзен и У. Виламовиц одобрением его сочинений, от которых после этого и в России нельзя было просто отмахнуться. Кроме того, З. мог убедиться в том, как ценно не переносить «партийные» чувства в область науч. оценок, будь то в неправедной хуле или в незаслуженном одобрении.

Понятно, что в научной жизни З., воспитанный начиная с уч-ща св. Анны

в традициях немецкой классич. филологии, был обречен на некоторый диссонанс с филологами, вскормленными рус. образовательной системой, поскольку как раз к концу XIX в. в России складывалось также пережившее нем. влияние, но волей или неволей национально окрашенное науч. самосознание, вступающее в сложные иногда отношения с образованной публикой, с одной стороны, а с другой — с более зрелой академ. средой на Западе. Рус. ученые — может быть, как раз оттого, что они начали не без успеха догонять своих центрально-европ. учителей, — бывали ригористичнее будь то при оценке успехов рационального знания, будь то в равнодушии к чаяниям тех, кто смотрит на науку извне. Осторожность и скепсис, которые безусловно составляют необходимый элемент науч. работы, выступали нередко прямо на первый план исследования или профессиональных оценок. В 1880–1890-е годы в Петерб. ун-те появилось противостояние, в котором — несмотря на внешнее оформление — можно заметить некое торжество этого скепсиса: это было внешне скромное, а по существу горделивое самоощущение собравшейся в Петербурге в последней трети XIX в. группы т. н. *фактопоклонников*.

Учитывая, что у М. Сем. Куторги и Ф. Ф. Соколова не только альфой, но и омегой были античные историографы, Н. П. Кондаков и собравшиеся вокруг него ученики (Я. И. Смирнов, А. Н. Шукарёв, М. Н. Крашенинников, С. А. Жебелёв, М. И. Ростовцев) старались, как можно дальше уклоняясь от историографич. нарратива и примата лит. текстов, ставить науч. задачи так, чтобы подальше уйти от всяческой субъективности. Пусть филология носится с умственностью, которая так ненадежна; не лучше ли объективность, прямо воплощенная в материальных вещах? В эту пору археология через обогатившиеся по всему миру музеи властно заявила о своих правах на общее внимание, а заодно и на достовернейшее знание (см.: Archäologie

und historische Erinnerung. Nach 100 Jahren Heinrich Schliemann / hrsg. von J. Cobet, V. Patzek. Essen, 1992); соответственно, эпиграфика и папирология с характерным для них избытком деловой документации привлекли в ту пору отличные силы и развивались стремительно. «Фактопоклонники» исходили из серьезной методологической озабоченности, но их самоотождествление через понятие «факт» не лишено самоослепления. Акцент ставился на обсуждении вещей — предметов материальной культуры, которую Кондаков, Смирнов, Ростовцев любовно прозвали «хламоведением»; характерно, однако, что эта работа «фактопоклонников» на деле оказывалась весьма сложной, ибо довольно скоро упиралась в толкование, а значит — в соответствующий извод герменевтики, выстраиваемой с помощью все той же словесности. А если включать в рассмотрение и то, что связано с производством предметов материальной культуры, с торговлей и социальной историей вокруг них, от ученого ожидается не меньше пронизательности, чем в работе со словесностью; вещи тоже нуждаются в Слове, хотя его не навязывают. Объективность вещей не в том, что они зримы, а в том, что из них, рассуждая правильным образом, можно извлечь косвенные (неинтенциональные) свидетельства.

Адресатом «фактопоклоннического» скепсиса петерб. группы ориентированных на ист. знание филологов с «археологическим уклоном», видимо, и стал прежде всего З., т. к. рядом с чертами профессионализма в нем видели «чужака», смело доказующего над тем, что невозможно доказать, а следовательно, и высказывать, откуда жебелёвское: «Мы (в отличие от Зелинского. — А. Г.) звезд с неба не хватаем».

К умствованиям в России, где во время взялись за эпиграфику, но не за реконструкцию фрагментов утраченных текстов, относили и Quellenforschung, процветшую в Германии. Исследуя Гомера и Цицерона, равно как и трагедию с комедией, З. посвятил немало усилий не только сохранившимся сочинениям, но и утраченным

шедеврам (упоминают материал по реконструкции пьес Еврипида, которые остались неопубликованными: *Srebrny*. P. 36). З. постоянно исходил не только из сохранившихся произведений, но стремился выстраивать представление и о том, что можно воскресить с помощью трудной, однако способной приводить к ценным итогам реконструкции источников, когда требуется особая выносливость в работе с воображаемым материалом — то, что «фактопоклонники» этого не любили, не освобождает исследователей от обращения к этому методу, вершины которого находят у А. Ф. Э н м а н а.

Что касается З., то он отнесения своего познавательного оптимизма на счет польск. гордыни не пугался и держался духовных богатств своего (католически окрашенного) мировоззрения. Ответ его звучал, как передавали, примерно так: «Ногами на твердой почве фактов со взглядом, устремленным к звездам». В сущности, З. противопоставлял проникнутому скепсисом позитивизму вдохновенный персоналистический универсализм, способный, в частности, и на инновационные исследования, направленные развиваемыми на ходу спец. методиками, — отсюда, в особенности, выявляемые З. «законы», опирающиеся на его сильную исследовательскую волю и интердисциплинарную изобретательность. Познавательный оптимизм З., вопреки наветам, иной раз не просто бывал «положительным», но даже и в крайней степени таковым: проводя анализ статистически, основываясь на числе и мере, З. стремился устанавливать не факты даже, а своего рода научные законы.

В статье «**Vince, sol!**» (*Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей*. СПб., 21905. Т. 2. С. 303–336) — дифирамбе принципам цехового знания — З. выставил ряд принятых и развиваемых им правил мастерства (*Faustregeln*). Он же подбирал конкретные методики, подсчитывая метрич. разрешения в ямбическом триметре аттич. театра, что призвано было установить хронологию

недатированных пьес Еврипида (представительно изложение, приводимое в его краковских «*Tragodumena*», liber II). Мету и весу З. старался применить и при изучении ритма ораторской речи (Цицерон), а метод *рудиментарных мотивов* в аттич. трагедии должен был помочь восстановить утраченные обработки известных в целом сюжетов (**Рудиментарные мотивы в греческой трагедии**. Одесса, 1912; лат. версия: «*Tragodumena*», liber I).

От требовательности к логике своего рассуждения З. не только не отказывался, но умел выстраивать богато развернутую аргументацию, опираясь на которую не раз бивал оппонентов, мечтавших опровергнуть то или иное его утверждение; в его лекциях о значении классич. древности для современного мира это мастерство бросается в глаза — он сам, по счастью, рассказал, что научился этому не без опоры на лейпц. лекции по логике и на новаторскую науч. психологию В. Вундта (*Автобиография*. С. 68).

В ранние годы мечта о безошибочности сильно занимала З. — взять хоть много раз повторенную присказку З. в ответе на недружественную рец. Ф. Бласса: «*Erras, Blassi*».

Пиетет перед строгим в науке А. Науком З. разделял с П. В. Н и к и т и н ы м, повторявшим Наука в русском ключе. Примечательно, что наиболее крупным исследователем в группе «фактопоклонников» оказался М. И. Ростовцев — по всей видимости, как раз потому, что он, с одной стороны, упорно возвращал свои познания о материальной культуре древних, но с другой, преодолевая неловкость перед недоброжелателями З., признавал в последнем одного из своих определяющих науч. наставников. Также и С. Я. Лурье, по общему тону мировоззрения далекий от З., трезвый и крепко привязанный к доказательности, чувствовал притяжение скорее к З., чем к «фактопоклоннику» Жебелёву, предпочитая творческую отвагу скептическому самооскоплению. Выразительно замечание З. против скепсиса, когда тот используется не как контрольный прием, а как (внешне) беспроигрышная

позиция: «dubites licet, dum ne in dubitando acquiescas» (De lege Antimachea scaenica // ЖМНП. 1884. Март. С. 25).

Занимаясь *популяризацией*, З. проявлял отзывчивость в отношении высших запросов образованной публики — это было не упрощение ученых мнений, а, напротив, обогащение и усложнение представлений тех, кто стремится к постижению культуры. З. стремился согласовать своему правилу: и ученому гуманисту прилично способствовать гуманизации общества через гуманитарное знание. З. старался увлекательно излагать лучшее из того, что он узнал от других и понял сам. Для того чтобы понять специфику этих его работ, достаточно сопоставить популярные статьи З. с его же сугубо профессиональными, входящими в любую деталь и на каждом шагу являющимися компетентность рецензиями на труды своих ученых современников.

Рецензии З. бывали огромными и архипедантичными; напр., на «Лекции по истории римской литературы В. И. Модестова» (ЖМНП. 1889. Янв.) — 60 страниц с тщательной проработкой *всякой* детали от общих концепций до опечаток. Критика в десятках его содержательных реценз. нередко задевала и личность автора, однако была сосредоточена на предмете. «Заметки к трагедиям Софокла и к схолиям на них» (ЖМНП. 1892. Июль) содержит 62 страницы сугубо спец. соображений, которые мало напоминают автора предисловий в его же трехтомном (сабашниковском) Софокле.

Знайки отмечали, что у З. сразу понятно, говорит ли он с коллегами по цеху или с образованной публикой: популяризация и профессионализм выступали у него соединенными в виде персональной унии. Тем не менее, приходится признать, что с годами у З. появлялось естественное, хотя и нежелательное в этом случае, смещение: ссылки на чувства и интуицию и смелые (ре)конструкции, особенно в обл. истории

религиозных верований, стали занимать все более заметное место в его писаниях.

Характерно в этом отношении суждение М. П. Нильссона о трудах З. по герметике: приурочение герметических мотивов к эллинским философским школам этот снискавший общее признание специалистов историк греч. религии весьма одобрял, а поэтапное возведение герметизма к аркадским культам — по З. — признал прямой фантазией (Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. München, 1961. Bd. 2. S. 583, Anm. 3).

Нельзя отрицать, что подозрителен в отношении строгой научности тот «великий синтез», о котором З. заговорил сам в конце «Автобиографии» (С. 172): «...в моем случае наука и жизнь переплетаются теснее, чем у других». Об этой черте с восхищением говорили в школе З., что примечательно, ибо достоинством ученого иногда (даже чаще) признают прямо противоположное — опору на интерперсональное в знании. Благодаря ценной для историка науки, ибо эпистемологически чуткой, «Автобиографии» З. можно видеть, что в этом «(великом) синтезе» он и сам склонен был видеть верховный итог своей жизни.

Кроме обширности и разносторонности творчества, в это понятие вошло, как кажется, соединение в его творчестве важнейших для антиковедения науч. дисциплин: филологии с историей в широчайшем понимании той и другой, наряду с вниманием к материальной стороне антич. наследия. Мало того: З. сознавал еще свой долг педагога-гуманиста и роль наставника нескольких поколений на пространствах Восточной и Центральной Европы; он выступил с проповедью освоенной им в целом высокой цивилизации, что воспринималось и другими, и им самим как призвание, а значит, нечто в высокой степени личное и неделимое. Признавая, что универсализм такого рода не каноничен для науч. биографии, в этом сочетании действительно приходится признать особую цель и судьбу.

Помимо правильности суждений, З. дорого было переживание цельности, живость и глубина создаваемых им картин. Совсем не удивительно, если научная сухость попрекала З. тем, что он видит древность «в ярких... даже слишком ярких тонах», — так вопрошивал А. И. Доватур известное ему через Жебелёва или И. И. Толстого (мл.), старательно взвешенное выражение Ростовцева на одном из петербургских юбилеев З. (1909 или 1914). А такой образцово тонкий филолог, как Я. М. Боровский, не отрицая «модернизма и субъективизма», которыми З. попрекали в советское время, считал, что одухотворенность Учителя вполне их искупает.

«Великим синтезом» З. восхищался у Ницше и... *horribile dictum* — у Виламовица, назвав врагов «Диоскурами филологии XIX века» и разглядев скрытые их спором черты сходства обоих (*Wilamowitz // Revue de l'Université de Bruxelles*. 1931/1932. Vol. 37. P. 121–123). Это высказывание обнаруживает в З. проницательного историка идей: названным антиподам был присущ преизбыток персонализма. Конечно, З. понимал, что для ученого цеха Виламовиц значит неизмеримо больше, но Ницше был Зелинскому дорог, как и многим, кого душило заведомо атомизированное знание позитивистов, когда личность исследователя как будто ничего не значит, между тем как научно правдоподобные — реалистические — толкования по определению ведут в атмосферу тривиальности: нетривиальное неубедительно.

Закljučая рассуждение о *синтезе* у З., не забудем, что он сознательно сочетал его с мастерством *анализа*. Понятно, что строгим ученым ближе анализ, но З. понимал, что синтез тоже — род служения. Так, «эйдографический метод», сформулированный З. (Автобиография. С. 128: «трагедию надо объяснять как трагедию, речь как речь, историографию как таковую»), показывает, что есть в области словесных искусств сущности, имеющие каждая свою природу и ценность,

постигаемую переживанием целого. З. прав, предлагая осознать и окрестить эту кажущуюся банальность.

Что касается «великого синтеза», то он наступает, по всей видимости, когда представитель новой цивилизации объединяет ее в себе с воскрешенной им цивилизацией древней и дает им воздействовать друг на друга: обе жизни дионисийски сливаются в персоне гуманиста (ср. статью З.: **Фридрих Ницше и античность** // *Ницше* Ф. ПСС: в 4 т. Т. 1. М., 1912. С. IX–XIII = Из жизни идей. Т. 2. С. 339–346). Иначе говоря, выход за пределы положит. знания у З. случался, но в таких случаях критики заслуживают отдельно взятые проявления его творчества, а нападать по этому поводу на исследовательские принципы З. наивно, тем более что в методологии он смолodu был и зрелым, и изощренным — его рецензии, хорошо обдуманые и меткие формулировки, стройная аргументация, верность избранной области занятий об этом свидетельствуют. В этом можно убедиться, сопоставляя его академ. статью «**Филология**» (Брокгауз. Т. 35А. С. 311–316) и стилизованный «моральный кодекс мыслителя» в «*Vince, Sol!*».

Уважая ун-тскую (она же академ.) науку и науч. критику, не следует забывать, что имеется еще и мудрое требование «единства исследования и школы» — *Einheit der Lehre und Forschung*. И неслучайно оказывается, что лекции З. «Древний мир и мы» в культурном отношении не менее востребованы, чем любое его исследование. Новаторская (в идеале) наука не должна затенять отесненную в «гуманизм» традиционную педагогику — эту *conditio sine qua non* всякой культуры. Слеза, скатывающаяся по щеке З. при чтении заветных пассажей из древних авторов, показывает, что, несмотря на отлично знакомую ему строгость ученого, он держится своего строя чувств, стихийно стремясь увлечь других к тому же.

В русле заботы о педагогике и культурной политике понятно, что З. естественно было соединиться с теми, кто лелеял надежды на новое — наконец, Славянское — Возрождение (см.: Николаев Н. И. Идея третьего Возрождения и Вяч. Иванов периода Башни // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 226–234). Эта концепция была любезна З. и биографически, как попытка взаимного укрепления рус. и польск. потенциала, который, объединившись, сделал бы обе стороны универсальнее. Ради этого Вяч. Иванов и З. прибегли к стилистич. приему, воссоздающему — будто бы — седую древность, пригодную как для славян, так и для эллинов (Гаврилов А. К. Русский Серебряный век и мечты о Славянском Возрождении // Россия и мир в конце XIX — первой половине XX в.: сб. к 85-летию Б. В. Ананьича. СПб., 2017. С. 553–558).

Кроме огромного науч. наследия и ценнейшей «Автобиографии», теперь опубликованы также и многочисленные высказывания З. в бурное время революций и Гражданской войны в России (**Kultura i rewolucja: publicystyka z lat 1917–1922 / przeloz.**, oprac. i wstepem opatrz. H. Geremek. Warszawa, 1999). Одно из справедливых и отлично сформулированных мнений — «сверхнациональная» наука, которая, ни в коем случае не отказываясь от международных ценностей и универсальности человеческого знания, кровно заинтересована в процветании науки в национальном государстве; этот тезис *супранационализма* повлиял, по всей видимости, на М. И. Ростовцева с его идеалом *интер-национальной* (т. е. международной по интеллектуальной природе, но национальной по историческому бытованию) науки.

Говоря о З. в целом, Ростовцев так определил задачу, внутренне стоявшую перед З.: «выяснить основные черты духовного облика античности и связать их с культурой и психологией современности» (НЭС. Т. 18. Стлб. 901). Понятно, что задача не из простых, но Ростовцев, как и его вдохновенный наставник, обладал

тем, что называют «großes Auge»; к тому же он понимал, что в одних случаях подойдет микроскоп, а в других надо прибегнуть к телескопу. З. был из тех, кому наряду с филологической филологией нужна и философская, занимающаяся историей идей и исследованием путей культуры — это опасное расширение, которое грозит дисциплине утратой тождества, подкрепляемого наивысшим образом — исторически.

Подробность настоящего очерка в рамках обширного собрания портретов происходит не только от масштаба фигуры З., но и от трудностей истолкования не столь далекого, но сильно отодвинувшегося времени. Формула, давно к З. подобранная: *ingenium vix in singula saecula cadens*. Его творчество с самого начала наталкивалось на критику, и приходится вдумываться для того, чтобы понять, где полемика оправдана, а где прав З. Чтобы сознательно у него учиться, заимствуя лишь то, в чем заключена его сила, надо ориентироваться среди огромной массы его как следует не описанных обзорных, аналитич., критич. или обобщающих работ и реплик, всякий раз подбирая те жанры его творчества и те произведения, которые уместнее всего в данный момент.

Знаменитая формула З. о месте и значении древности в настоящем: «*не норма, а семья*», не напрасно похожа на притчу.

С какой стороны ни смотри, она дает какой-нибудь примечательный смысл. Прежде всего это значит, что речь не о подражании и послушании, а о свободном постижении цивилизации, которая не зря признана классической — напр., уже потому, что она классически изучена. Кроме того: не жди, что было и будет то же самое — жизнь, пользуясь старым, обязательно вносит обновление, часто нечаянное; для понимания этого нужно опять-таки творческое усилие. Семья умирает, но вырастает десятирицей. Плоды все тех же семян будут во всяком поколении, надо только давать им всходить. Для понимающего взгляда прошлое и будущее едины и живы одно в другом. И если даже плодотворна не сама древность, а то, как она

соединяется с духом историзма, З. наводит тех, кто готов его слышать, на верный путь. Через образ семени восприятие обретает сложность и — по З. — «динамизм» жизни; это не геометрический чертеж, а органика в многомерном пространстве.

З. не совершенный образец, а порыв и движение. Если Авг. Наук, присутствие которого в Петербурге имело для З. великое значение, смолоду ограничил круг идей и приемов, стремясь к ясности и совершенству в той области, за которую считал себя ответственным, то З. до конца не мог найти пределов своему творчеству.

Литература: *Garulli V.* Bibliografia di Tadeusz Stefan Zieliński // *Eikasmós*. 2006. Vol. 17. P. 429–458; *Novotný F.* Tadeusz Zieliński // *Listy filologické*. 1960. Č. 1. S. 1–25 (с рус. резюме: S. 26–27); *Srebrny S.* Tadeusz Zieliński // *Eos*. 1947. Vol. 42. Fasc. 1. P. 5–65 (англ. перевод см.: *Eos*. 2013. Vol. 100. Fasc. extra ordinem editus electronicus. P. 118–163); *Iresione* Vol. 1–2. Leopoli, 1931–1936 (= *Eos*. Suppl. 2 et 8); *Zielinski Th.* Mein Lebenslauf — Erstausgabe des deutschen Originals — und Tagebuch 1939–1944 / hrsg. und eingeleitet von J. Axer, A. Gavrilov und M. v. Albrecht. Unter Mitwirkung von H. Geremek, P. Mitzner, E. Olechowska und A. Ruban. Frankfurt a. M., 2012 (= *Studien zur klassischen Philologie* / hrsg. von Prof. Dr. M. von Albrecht. Bd. 167); *Plezia M.* Z młodzieńczych lat Tadeusza Zielińskiego // *Z dziejów filologii klasycznej w Polsce*. Warszawa, 1999. S. 168 sqq.; *Idem.* Dziecię niedoli — ostatnie dzieło Tadeusza Zielińskiego // *Ibid.* S. 181–235; *Vogt E.* Th. Zielinski 60 Jahre nach seinem Tode // *Eikasmós*. 2006. Vol. 17. P. 423–428; Tadeusz Zieliński (1859–1944): Spuren und Zeugnisse seines Lebens und Wirkens aus süddeutschen Beständen / hrsg. und erläutert. von U. Dubielzig. Torunii, 2009 (= *Xenia Torunensia*. Ser. nov. 1[III] / ed. W. Appel); *Schröder* 2013, passim; *Schröder W. A.* Thaddäus Zielinski im Lichte seiner Autobiographie // *Hyperboreus*. 2015. Vol. 21. S. 305–325; *Cinnella P.* 53–59, 80–88; *Rosyjsko-Polski okrągły stół*. Polsko-rosyjscy intelektualisci w rosyjskiej i polskiej kulturze. K 140 rocznicy urodzin Tadeusza Stefana Zielińskiego (1859–1944) oraz 90 rocznicy śmierci Jana Niecisława Ignacego Boudouin de Courtenay'a (1845–1929).

Akademia Ignatianum w Krakowie. 28 września 2019 roku / Российско-польский научный круглый стол. Польско-русские интеллектуалы в русской и польской культуре. К 140-летию со дня рождения Ф. Ф. Зелинского (1859–1944) и 90-летию со дня смерти И. А. Бодуэн-де-Куртене (1845–1929): программа и материалы. СПб., 2019 ♦ НЭС; КЛЭ; РП; Смышляева 2015; Тункина 2017; Фондообразователи; *DNP Suppl.* 6; *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku // *Słownik biograficzny*. Warszawa, 2000. S. 44–45.

Корреспонденция: *Zieliński T.* Listy do Stefana Srebrnego / ed. G. Golik-Szarawarska. Warszawa, 1997; Tadeusz Zieliński (1859–1944). W 150 rocznicę urodzin. Warszawa, 2011. S. 73–191; *Taхо-Годи Е. А.* «Две судьбы недаром связует неведомая нить». Письма Ф. Зелинского к Вяч. Иванову // *Taхо-Годи Е. А.* Великие и безвестные. СПб., 2008. С. 295–392.

Архивы: Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego (BUW). № 4586 (нем. оригинал «Mein Lebenslauf»); СПбФ АРАН. Ф. 977. Оп. 1. Д. 21 — т. н. «Дневник Вероники Зелинской» (писан самим З. по-польски за 1939–1944); Д. 1–4 (рукоп. материалы по-польски к труду «Religie świata antycznego», т. 5–6).

А. К. Гаврилов

ЗЕНГЕР Григорий Эдуардович SÄNGER G. E.

[13(25).3.1853, Кречевицы
(или Селищенские казармы)
Новгородской губ. — 7.7. (по др.
сведениям 26.7) 1919, Петроград],
филолог, эпиграфист, историк,
деятель образования

Из дворян Курляндской губ. (предки по отцу — выходцы из Саксонии), сын офицера драгунского полка (отец был отставлен в чине генерал-майора, за участие в подавлении Польск. восстания 1863 награжден поместьем в Польше, которое З. унаследовал в 1905). До 1865 воспитывался преимущ. дома (в автобиогр. заметке для С. А. Венгерова

упомянул о занятиях в школах Дрездена и Брюсселя — Рус. интеллигенция. Т. 1. С. 432), в 1865–1868 учился в Пажеском корпусе, экзамены на аттестат держал в Рижской гимназии (1870). С 1870 по 1874 студент ИФФ Петерб. ун-та (выпущен кандидатом). После годичного преподавания в Петерб. 5-й гимназии выехал в Германию как магистрант каф. всеобщей истории Петерб. ун-та. По возвращении из-за границы (1877) получил назначение в Неж. ИФИ: экстр. проф. всеобщей истории, библиотекарь (1877–1880), учен. секр. конференции (1881–1883). Магист. дис. **«Критический комментарий к некоторым спорным текстам Горация»** (защищена: Киевск. ун-т, 1886; магистр римск. словесности). После неудачных попыток перейти на каф. римск. словесности Новорос. и Киевск. ун-тов (назначения не утверждались из-за отсутствия ученой степени) был перемещен (при поддержке Н. А. Лавровского и И. В. Помяловского) в Варшавский ун-т: доц. каф. всеобщей истории (1885), доц. каф. римск. словесности (1886; по смерти К. М. Тресса), экстр. проф. (1887) и орд. проф. (1894); зав. кабинетом гипсовых фигур; декан ИФФ в 1896–1900 и ректор в 1897–1899 (п. д. 1899 см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 137. № 335). Д-р римск. словесности honoris causa Моск. ун-та (1894). Попечитель Варшавского УО (1900–1901), тов. министра (1901), управляющий МНП (1902), министр (1902–1904). Тайн. сов. (1902), сенатор (1904). В янв. 1904 уволен с поста министра, в ноябре 1905 вышел в отставку. Чл.-корр. АН (1907, по РКФ), почетный чл. Петерб. ОКФП. После 1917 обремененный большой семьей З. пытался возобновить службу в качестве внештат. служащего отделения филологии РПБ.

Получил добротную подготовку по древним языкам: в числе его домашних учителей были Э. И. Гафнер и преподаватели Рижской гимназии А. Крангальс

и Г. Ливен. Последнему З. считал себя обязанным пожизненным увлечением римск. поэзией. В ун-те наставником З. в лат. филологии стал И. Помяловский. «Я, — писал З. Помяловскому в 1882, — ежедневно благодарю судьбу, что прошел через Вашу школу и Люгемилеву, а не Фохто-Добиашеву» (ОР РНБ. Ф. 608. № 794. Л. 21). Окончив курс и, возможно, следуя рекомендациям профессоров, З. решил отойти от одиозной уже критики Горация (тема его канд. сочинения): в Германии специализировался по римск. древностям, слушал Г. Дройзена, Г. Трейчке, В. Ваттенбаха, курс эпиграфики у Т. Моммзена. Еще студентом З. посещал эпиграфич. семинары Ф. Ф. Соколова, которому посвятил лат. перевод «Альпухары» А. Мицкевича (ЖМНП. 1895. Июль). В совет Неж. ИФИ представил pro venia legendi сочинение «Эпиграфические заметки» и более 10 лет с успехом читал курс по всеобщей истории и римск. древностям. Наиболее значительна из антикварных публикаций З. актовая речь **«Еврейский вопрос в древнем Риме»** (ВУИ. 1889. № 6; дополнена для печати).

С опорой на антич. источники и мнения германских историков З. изложил в ней «обстоятельства римско-еврейской драмы», с обширными экскурсами в историю религии и внутреннюю политику Иудеи. Применительно к российской действительности (участию польских евреев в восстании 1863) акцентирована религиозная терпимость Рима, пока «брожение не стало угрожать существованию государства»: «Еврейский вопрос стал для Рима тем, что мы называем вопросом об отношении церкви к государству <...>. В глазах истории Риму <...> делает честь, что самую идею государства он тут долго отстаивал чисто оборонительно» (С. 194–195). Критикой работа отмечена как «живо и увлекательно написанная книжка» с «извинительным увлечением в сторону евреев» (ЖМНП. 1890. Февр. С. 387); В. П. Бузескул оценивал труд З. как «интересный», но устаревший «с открытием нового материала, главным образом среди греческих папирусов»

(Бузескул 2008. С. 221). В литературе встречаются упоминания о печатных откликах З. по делу Бейлиса (см.: *Серпинская Н. Флирт с жизнью*. М., 2003. С. 324).

Обращался З. и к проблемам отеч. истории, обычно в контексте русско-польск. отношений: **«Заметки к средневековым латинским текстам»** (ЖМНП. 1905. Май; полемика с проф. Т. Войцеховским о событиях польск. истории), **«Заметки к описаниям Петроковско-го избирательного сейма 1492 г.»** (Сб. статей в честь В. И. Ламанского. СПб., 1905) и др. Но любовь к римск. поэзии не покидала молодого историка. Первым шагом назад к Горацию стала его рец. на гимназич. издание 1881 од Горация Л. А. Миллером: с должным пиететом к близкому по духу дивинатору З. отметил некоторые неточности его реального комментария и стремился собственными интерпретациями показать, «что есть же возможность с меньшим насилием <...> устранять странности традиционного текста оды» (ЖМНП. 1883. Дек. С. 414).

Миллер также уважал в З. ценителя «бессмертного творения Бентли» (с его девизом «*Noli librariorum solos venerari, sed per te sapere aude*») и учитывал некоторые конъектуры З. в своей эдиционной практике (см. рец. А. И. Маленко на миллеровское издание Горация: *ФО*. 1900. Т. 18. С. 14); др. отеч. горациевед О. А. Шенбор в предисловии к своему сб. «Гораций. Избранные стихотворения» (Вып. 1. СПб., 1894) включил труды З. в список лучших сочинений о Горации.

Летом 1883 З. занимался сличением рукописей Горация и Овидия в Риме, а вскоре критика римск. поэтич. текстов становится основной в его науч.-лит. творчестве (многочисленные экзегетич. этюды печатались им в «Изв. Неж. ИФИ», «ВУИ», «ФО», «ЖМНП» и «Гермес»). З. признавал уязвимость этого выбора: «Что конъектуры мои касаются именно Горация, это <...> очень для меня при-
собо-бно. Возня над Горацием так всем

надоела, что от критиков бедного поэта бегут как от зачумленных. И все-таки я рискну примкнуть к этому стану <...>. Прежние занятия постоянно проявляют свою притягательную силу» (*ОР РНБ*. Ф. 608. № 794. Л. 13). В критич. подборки разных лет З. вовлек материал почти всей римск. поэзии (от Акция до Клавдиана), но Гораций навсегда остался его любимцем: **«Несколько поправок к тексту Горация»** (Изв. Неж. ИФИ. 1878. Т. 2); **«Еще несколько заметок о трудных местах у Горация»** (Там же. 1879. Т. 4); **«Новые догадки о порченных чтениях у Горация»** (Там же. 1881. Т. 6); **«Критические заметки к т. н. двум первым книгам Проперция»** (Там же. 1882. Т. 7); **«Эпиграфические и другие заметки»** (Там же. 1884. Т. 9; здесь еще заметны следы длительных занятий автора историей применительно к публикации «*Res gestae divi Augusti*») и др. Решение З. защищать дис. по Горацию не сразу нашло поддержку у коллег. В письме к Помяловскому 1882 (*ОР РНБ*. Ф. 608. № 794. Л. 19) З. так сообщал о переговорах с П. И. Аландским по раннему ее варианту **«Дополнительные разъяснения спорных текстов**

Горация» (Изв. Неж. ИФИ. 1882. Т. 7): «Мне дали понять, что предварительно я должен составить целый догматический трактат филологической критики. Такое требование меня несколько смутило». Ю. А. Кулаковский, «приятель» и оппонент З. на магист. диспуте, много хлопотавший в 1884–1885 о перемещении «такого живого, умного, симпатичного» коллеги в Киевск. ун-т, находил разумным требование Аландского и впоследствии был обескуражен «тоном изложения» З.: «Не могу не сознаться, что часто Зенгер слишком легок, а фельетонный совершенно неуместный тон изложения даже очень меня смущает. Но есть эрудиция и остроумие» (ОР РНБ. Ф. 608. № 905. Л. 129 об.). З. сделал полшага в энциклопедию филологии (39 из 446 страниц дис. отведено «теоретической части» — защите конъектуральной критики), но в целом сочинение «Критический комментарий» осталось собранием около ста слабо структурированных «критических соображений по поводу отдельных мест». Свою задачу отважившийся на противостояние «господствующему теперь направлению» З. обозначил как доказательство законности конъектуральной критики текстов Горация, с учетом интерполированного состояния их дошедших редакций: «Период скромной индуктивной работы все еще не завершился. Мы посему и не стеснялись себя, предлагая известные конъектуры, тем или иным палеографическим воззрением на дело» (Цит. соч. С. XXXIX). Учтя значительные издания Горация (от Бенгли до Кисслинга), но отказавшись от палеограф. аргументации (поиск архетипа для 250 списков З. считал химерой), З. главным инструментом своей интерпретации оставляет дивинацию. Позиция автора вызвала вежливое сомнение оппонентов (Кулаковского и И. Лециуса; см.: КУИ. 1886. № 12), хотя они и признали за автором превосходное знание «Горация и всех вообще» антич. поэтов, «талант дивинатора

и живую фантазию». В отзыве порицалась гл. обр. субъективность З. в его критике Горациева текста при игнорировании палеограф. анализа, как и легковесность дежурного аргумента З.: «Гораций не мог так сказать», что иллюстрировалось тут же нарочито грубым переводом. Лециус впоследствии в объемной рец. на второе издание этой дис., признав З. тончайшим интерпретатором, вторично усомнился в актуальности его гиперкритики (*pruritus coniciendi*) вне обобщающих итогов (ФО. 1897. Т. 13; нем. вариант: *WklPhil.* 1898. № 15), но Кулаковский, задетый реакцией З., на его работы откликов больше не писал. В последующих («живых и весьма правдоподобных») комментариях римск. поэзии З. также редко отступал от традиционной критики текста, расширяя гл. обр. материал исследований вплоть до латыни Нового времени (**К латинским стихотворениям Я. Кохановского** // *Eranos.* Киев, 1906).

Так, чтобы снять с Проперция обвинения в распущенности, толковал его *castas puellas* (I, 1, 5) как конвенциальный фразеологизм для номинации Муз, с которыми поэта поссорил Эрот (**Заметки к Проперцию** // ФО. 1900. Т. 18); находя нелогичным стих Горация (*Epist.* I, 16, 33), предлагал замену *tristisque* на *tenuisque* (*recedo*) — «я возвращаю фасцы и отхожу столь же маленьким человеком, каким был прежде» (**Заметки к латинским текстам** // ФО. 1894. Т. 7); опираясь на поэтич. параллели к *Ciris* 79 (*piscibus* et *canibusque malis vallata repente est*) заменил *-que malis* (и рукописное *rabidis*) изящным *canibus glaucis* по образцу *Aen.* III, 432: *Scyllam et caeruleis canibus resonantia saxa* (**Заметки к латинским текстам** // ЖМНП. 1911. Апр.) и т. п. Рассмотрение гиата и способов его устранения в различных изданиях в серии заметок «**К вопросу о так называемом зиянии у римских поэтов**» (Гермес. 1907–1909) для З. также лишь повод для демонстрации конъектурального остроумия.

Домашним увлечением З. стали переводы на лат. язык новой поэзии (Пушкин,

Лермонтов, Тютчев, Байрон, Мицкевич, Гёте и др.; публиковались и в науч. периодике). В посвященной его второй жене двуязычной книжечке «**Метрические переложения на латинский язык**» (СПб., 1904) хрестоматийная эпиграмма Пушкина на перевод Гнедича выглядит так: «Caelestisne sonat Graiorum lingua renata? / Certe ingens animum commovet umbra senis». В аудитории комментировал Катутла, Горация, Овидия, Валерия Флакка, Стация, Марциала, Клавдиана.

По свидетельству бывшего слушателя, в лекциях З. было рассеяно много остроумных замечаний, любопытных ссылок и аналогий, так что «заметно было присутствие бодрой критической мысли»: «Студенты с живым интересом слушали его лекции и усердно записывали их <...>. На публичном акте 1881 <...> прочел красивую лекцию о Макиавелли <«Il principe»>, от которой многие из студентов были в восторге» (*Круковский А.* Старое педагогическое гнездо // ФЗ. 1911. № 6. С. 824–825; также о популярности З. в студ. аудитории см.: Афанасьев. Т. 1. С. 109).

Светский и обаятельный человек, искренне преданный «древним язычникам», З. не был обделен и деловыми качествами: в должности попечителя Варшавского УО упорядочил частные и открыл новые гос. гимназии; лично проводил открытые уроки в пед. классах гимназий Варшавы. З. критически оценивал отеч. образование: «В душе никого винить я себя не считаю вправе, только бесконечно жаль русского классицизма» (ОР РНБ. Ф. 608. №. 794. Л. 21; 1882). Привлеченный министром Н. П. Боголеповым к работе в МНП над проектом гимназич. реформы, З., возможно, надеялся принести практич. пользу и классицизму. Но без поддержки общественности, видевшей в его классич. пристрастиях залог возврата к экстемпоралиям, провести реформу не решился. Витте, раздраженный союзом «классика-поэта» З. со своим оппонентом

В. К. Плеве, в частном разговоре назвал З. «никудышным администратором» (*Суворин А. С.* Дневник. М., 2000. С. 445), однако чтил в «чистом, честном, но слабом» министре человека «кристальной чистоты, не от мира сего», который «перевел и очень хорошо на латинский язык “Евгения Онегина”» (*Bumme С. Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991. С. 394). После «хождения во власть» З. оставил и пед. деятельность, осуществив давнюю мечту о «безмятежной филологической работе» (см. его письмо от 1897: ОР РНБ. Ф. 608. № 794. Л. 49 об.).

Потеряв к 1918 имение и солидную пенсию, пытался вернуться к службе. Е. В. Тарле хлопотал о назначении З. в Воронежский ун-т; дело близилось к решению, но сил на переезд у истощенного З. уже не оставалось: «Старик совсем расхворался, оголодал, ослабел и ни физически, ни денежно тронуться с места не в состоянии. <...> Он с семьей днями ничего не ест и сидит в нетопленной квартире» (из письма Тарле от 1 янв. 1919; цит. по кн.: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты. Отечественное славяноведение 1917 — нач. 1930-х гг. М., 2004. С. 93). Позже Тарле хлопотал и о сыне З. — искусствоведе Н. Зенгере, сгинувшем в репрессиях 1930-х (Академическое дело 1920–1931 гг. Т. 2, ч. 1. СПб., 1998. С. СХII). Лит. увлечения отца унаследовали дочери З. — М. Г. Ашукина и Т. Г. Зенгер-Цявловская (жена пушкиниста М. Цявловского).

Литература: Рождественский; *Белозёров С. Е.* Очерки истории Ростовского ун-та. Ростов, 1959. С. 74; *Господарик Ю.* Министры предреволюционной эпохи: Г. Э. Зенгер // Высшее образование в России. 2002. № 4; *Михальченко С. И.* Историко-филологический факультет Варшавского ун-та. 1869–1917 гг. Брянск, 2005. С. 44–45 ♦ Нагуевский; Брокгауз; Прозоров; Венгеров (Источники, Список); Черняев; Нежин 1913 (библ.); Воронков; СРНБ; Шилов (библ.); НР; Дроздов и Федорченко; Фролов 2006; Бузескул 2008; Российская академия наук; Мурзанов; Тункина 2017.

Архивы: *Личные фонды:* ОР РНБ. Ф. 297; РГИА. Ф. 1634; *Отд. документы и письма:* ОР РНБ. Ф. 2. № 130 (1917); № 34 (1919); Ф. 608 (И. В. Помяловский); РГИА. Ф. 1405. Оп. 107. № 46; РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров).

В. П. Смышляева

ЗОРГЕНФРЕЙ

Густав Густавович

SORGENFREY Gustav

[14(26).7.1871, Псков — не ранее 1930, Ленинград?], *филолог, педагог*

Из лифляндских немцев, сын офицера. Окончил с зол. медалью Псковскую гимназию и Петерб. ИФИ (1894). Вступив в службу, преподавал древние языки и логику в Петерб. гимназии Человеколюбивого общ-ва (также воспитатель пансиона и библиотекарь) и Реформатском уч-ще (1895–1906). С 1903 наставник-руководитель Петерб. ИФИ, по возвращении из Германии (выезжал для ознакомления с «франкфуртским методом») занял в институте кафедру педагогики (1904–1909). Директор Петерб. 6-й гимназии (гимназии цесаревича Алексея) с 1906; председатель пед. совета женской гимназии Нехорошевой. В 1910-е преподавал древние языки в Женском пед. ин-те и организованном (после 1917) на его базе Первом пед. ин-те, руководил Пед. курсами при Петерб. УО. Активный чл. Петерб. ОКФП. В 1920-е продолжил преподавание (педагогика, лат. и нем. языков) в учеб. заведениях Петрограда (Ленинграда), в т. ч. в трудовой школе № 40, Втором пед. ин-те им. Н. А. Некрасова (1920–1923), в Политехникуме путей сообщения, на общественно-пед. отделении Петрогр. ун-та.

Авторитетный петерб. методист начала XX в., З. в своих представлениях о роли классич. языков для формирования умственных способностей ребенка довольно традиционен (вполне разделял консервативные идеи своего наставника

К. В. Кедрова; см. его отклик: **Памяти К. В. Кедрова** // ФЗ. 1903. № 4–5), как и в надеждах преодолеть кризис школьного классицизма посредством частичного обновления методик преподавания. Положительная пед. программа З. — пропагандиста «франкфуртского метода» калькирована с опыта германских гимназий (гл. обр. гимназии Гёте во Франкфурте-на-Майне) и обсуждена в ряде дискуссий Петерб. ОКФП (долгое время происходивших в стенах возглавляемой им Петерб. 6-й гимназии). З. возражал против сокращения количества часов на изучение греч. языка (с 6-го класса) и введения лат. языка с 3-го класса уже после франц.: «Кажется странным начинать с французского, который образовался от латыни, а не наоборот» (**Вопросы современной школы**. СПб., 1907. С. 33; см. также рец. З. на руководство К. Ноля, предлагавшего преподавание «концентрами»: ФО. 1901. Т. 20). Был подозрителен и к самостоятельности отеч. методистов, считая вредной даже идею преподавания древних языков без опоры на авторитетные иностранные пособия (см. его рец. на «Опыт методики преподавания латинского языка» П. Черняева: Гермес. 1917. № 9–10. С. 163). Судя по отчету П. П. Соколова о совещании преподавателей лат. языка (Гермес. 1908. № 8. С. 248–49), З. был радетелем традиционного для Петерб. ИФИ «грамматического» изучения древних языков (с экстемпоралиями и приоритетом лат. языка), ратовал за привлечение к методологич. руководству гимназич. практикой ун-тских профессоров. Энергичный организатор, он вовлек в методический кружок Петерб. ОКФП немало молодых педагогов. Вместе с А. И. Малениным, А. М. Ловягиным и др. выпускниками Петерб. ИФИ входил в оргкомитет I съезда преподавателей древних языков, на котором выступил с докладом «**Организация преподавания древних языков**» (Тр. I съезда). Подведомственной ему

гимназию стремился сделать «вторым домом» для детей: с привлекательными внеклассными занятиями музыкой, танцами, новыми языками и лит. творчеством, причем задача «дать больше пищи для ума» была возложена им преимущественно на молодых педагогов. После жесткого правления его предшественника на этом посту Я. Г. Мора З. обеспечил известный психол. комфорт ее педагогам и воспитанникам. Заботился он и о приобщении пед. коллектива к современной теории и пед. методикам, поощряя магист. экзамены и публикации своих подчиненных (Буткевич К. Ф., Николаев Л. П. Историческая записка, изданная ко дню 50-летия С.-Петербур. 6-й гимназии. СПб., 1912. С. 51). В пропаганде эстетич. воспитания сближался с практикой А. А. Брока: стремясь придать гимназии «приветливый и приятный вид», разнообразил школьный интерьер репродукциями и слепками антич. произведений искусства. Поощрял театральные и гимнастич. кружки, организовал для воспитанников фехтовальный класс. При З. стали обычными экскурсии учеников гимназии по России и Средиземноморью. Своим подопечным директор З. внушал должное уважение как «существо другой породы» (Гаврилов А. К. Наследие Я. М. Боровского // Боровский Я. М. Opera philologica. СПб., 2009. С. 566). В течение жизни печатал много рецензий на отеч. и иностр. руководства по древним языкам, постоянно выступал в периодике с заметками и брошюрами по вопросам воспитания и образования, в т. ч.: «**Социальная педагогика Платона**» (ЖМНП. 1906. Дек.); «**В средней школе**» (СПб., 1906); «**Воспитательные идеи Платона**» (Гермес. 1909. № 11–15); «**Л. Н. Толстой о греческом языке**» (Там же. 1913. № 3); «**Гр. Л. Толстой о классицизме**» (Там же. 1913. № 8). С 1912 сам выпускал сб. «Новые идеи в педагогике». Высказывался также по проблемам лит. перевода: напр., раскритиковал «звучные» переложения

с франц. источников Д. С. Мережковского (Лит. вестн. 1902. № 4), возможно, из солидарности с отзывом коллеги по Петерб. ОКФП — И. Ф. Анненского (Там же. 1902. № 7). Филол. публикации З. незначительны и посвящены частным темам лат. лингвистики; в небольшой статье «**Ad Ov. Rem. Am.: Codex Etonensis**» (ЖМНП. 1901. Авг.) он (по коллажи Малеина) исследует издательскую судьбу рукописи Овидия XI в. (от Бурмана до Л. А. Миллера). З. — участник известного сб. «Scythica et Caucasia» В. В. Латышева, переводил для него

фрагменты Аврелия Виктора, Витрувия Поллиона, Тита Ливия, Павла Орозия и др. римск. авторов. В соавторстве с учителем Петерб. 3-й гимназии К. Тюлелиевым выпустил пособие «**Римские древности**» (СПб., 1910), переработав учебник «Röm. Altertumskunde» Блоха в духе сжатого иллюстрированного справочника [П. П. Митрофанов раскритиковал авторов рус. варианта пособия за «тяжеловесность изложения с давящим немецким синтаксисом» и неловкость современных аналогий (Гермес. 1911. № 10)]. С Тюлелиевым же выпустил сборник упражнений по лат. синтаксису (**Janua reserata linguae Latinae**. Пг., 1914; см. благожелательную рец. А. Брока: ЖМНП. 1915. № 7; рец. С. О. Цыбульского: Hermes. 1914. № 13–14). Совместно с А. А. Турчиновичем (Библиотека римск. классиков под ред. З. и Турчиновича. Пг., 1915)

выпустил учеб. тексты Цезаря, Горация и Вергилия: «**Quintus Horatius Flaccus. Carmina**», «**Caesar C. Iulius. Commentarii de bello Gallico**» и «**P. Vergilius Maro. Aeneis**» (см. положит. отклики: Hermes. 1915. № 9–10, 17–18).

Поэт В. А. Зоргенфрей приходился З. племянником.

Литература: Семидесятилетие гимназии Имп. Человеколюбивого общества. 1820–1895. СПб., 1898; Отчет о состоянии Шестой С.-Петербург. гимназии за 1908–1909 учеб. год. СПб., 1909; Пам. книжки СПБИФИ. 1912; Афанасьев. Т. 2; Наука и научные работники СССР. Ч. 5: Научные работники Ленинграда. Л., 1934; Профессора Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена в XX в. СПб., 2000; Благово ♦ Прозоров; Венгеров (Список); Воронков; ЕАД.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733. Оп. 225. № 174 (ф. с. 1913); ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петербург. ИФИ).

В. П. Смышляева

И

ИВАНОВ

Вячеслав Иванович

IVANOV Vjač. I./Venceslaus/Venceslao
[16(28).2.1866, Москва — 16.7.1949,
Рим; кладб. Кампо Верано, в 1985
прах перенесен на кладб. Тестаччо],
*поэт, переводчик, теоретик
символизма, автор лит.-филос.
статей, историк религии*

Сын мелкого чиновника. В 1884 окончил 1-ю моск. гимназию с зол. медалью и поступил на ИФФ Моск. ун-та. На первом курсе вместе с учившимся двумя курсами старше С. И. Соболевским был удостоен филол. премии «за особые успехи по древним языкам»; на конкурс И. представил лат. сочинение и работу по греч. языку (Отчет о состоянии и действиях Имп. Московского ун-та за 1884 г. М., 1885. С. 26). По окончании двух курсов И. решил, по совету П. Г. Виноградова (Paul Vinogradov), продолжить свое образование в Германии. В 1886–1891 студент Берлинского ун-та, И. прилежно посещал занятия у О. Гиршфельда, Э. Гюбнера, В. Ваттенбаха, У. Кёлера, А. Кирхгофа, Э. Целлера, Э. Курциуса, И. Фалена и др. Хотя позднее И. предпочитал говорить о себе в первую очередь как об ученике Моммзена, непосредственное руководство его науч. изысканиями осуществлял О. Гиршфельд.

Весной 1891 И. начал работу в Париже над дис. об общ-вах римск. публиканов (откупщиков). В февр. — марте 1892 через Арль, Ним, Оранж, Марсель, Ментону и Геную он проехал в Рим, где продолжил работу над дис., участвуя в науч. жизни Германского археол. ин-та. В Риме И. познакомился с многими учеными: Д. В. Айналовым, М. Н. Крашенинниковым, М. Н. Сперанским, М. И. Ростовцевым, А. И. Кирпичниковым, В. И. Модестовым, Е. К. Рединым, К. Крумбахером, Дж. Б. де-Росси.

В конце 1896 И. представил филос. ф-ту Берлинского ун-та дис. на лат. языке «**De societatibus vectigalium publicorum populi Romani**». Сущность своей концепции И. изложил в автобиографии, приложенной к письму С. А. Венгеру от 14 (27) дек. 1904: «Я пытался в этой работе дать как историческое описание, так и юридическую теорию организации акционерных обществ римских податных откупщиков и пришел к основному выводу о необходимости различения между *societas vectigalium* с характером коллегий и юридического лица, в смысле полуправительственного учреждения, раз навсегда законом конституированного для каждой отдельной провинции, и промышленной *societas*, заключающейся на срок откупа, так что совокупность обществ этого типа в каждой провинции составляла в лице своих полноправных

членов наличность законных socii-общества-коллегий» (Переписка Вяч. Иванова с С. А. Венгеровым. С. 83).

Письмом от 1 янв. 1896 Гиршфельд известил И., что дис. заслужила одобрительный отзыв Моммзена, признавшего ее «diligenter et subtiliter facta» (*Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия*. Переписка: 1894–1903 / подгот. текста Д. О. Солодкой и Н. А. Богомолова при участии М. Вахтеля. М., 2009. Т. 1. С. 514–518). Все менее помышляя о науч. карьере, И. уклонился от экзамена, завершавшего процедуру защиты, и ученой степени не получил. Благодаря настоянию Ростовцева дис. И. была позднее опубл. на родине с посвящением «Ottoni Hirschfeldio magistro» [De societatis vectigalium publicorum populi Romani / scripsit Venceslaus Ivanov. СПб., 1910. (ЗКОРАО. Т. 6)].

В 1895 И. предпринял попытку заручиться поддержкой Вл. С. Соловьёва для публ. своих стихов в России и 22 октября, ненадолго приехав из-за границы, познакомился с ним в гостинице «Англетер» в Петербурге. Но только в 1898 благодаря ходатайству Соловьёва в печати появляются два стихотворения И.: «Дни

недели» (ВВ. № 9) и «Тризна Диониса» (Cosmopolis. № 12). В июне 1900 И. приехал в Петербург из Швейцарии с рукописью книги лирики «Кормчие Звезды», также получившей одобрение Соловьёва. «Кормчие Звезды» вышли в свет в самом конце 1902 (на тит. л. указано: 1903) и были прохладно встречены критикой, осмеявшей и архаич. стиль И., и ницшеанскую проблематику многих стихотворений, и их изощренную метрику и строфику («Сафо» и «К Фантазии» написаны сапфич. строфой, «Пэстумский храм», «Молитва Камилла» и «Довольно!» — алкеевой и т. д.).

Желая сблизить науч. интересы с литературными и охладев к академ. карьере, И. обратился в начале 1900-х к изучению дионисийских культов Древней Греции, к чему его побуждало увлечение идеями Ф. Ницше, пережитое еще в 1890-х. В февр. 1901 И. переехал в Афины, чтобы погрузиться в изучение эллинских культов; в афинском Германском археол. ин-те он посещал лекции А. Вильгельма по эпиграфике и В. Дёрпфельда по археологии. Вернувшись в апр. 1902 в Шатлен, И. продолжил религиозно-этические штудии, а в нояб. поступил вольнослушателем в Женевский ун-т, где в течение зимнего семестра изучал санскрит под руководством Ф. де Соссюра.

С 27 апр. по 13 июня 1903 И. прочел курс лекций по истории дионисийских культов в Рус. Высшей школе общественных наук в Париже, основанной в 1901 М. М. Ковалевским. Вскоре лекции были опубл. под названиями «Эллинская религия страдающего бога» в ж. «Новый путь» (1904. № 1–3; 5; 8–9) и «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния» в «Вопросах жизни» (1905. № 1–2). И. так пояснил Венгеру в 1904 основную задачу этого труда: «...я, с одной стороны, обосновываю свои взгляды на сущность и корни дионисической мистики и экстаза (их колыбелью были, по моему мнению, первобытные тризны),

с другой — пытаюсь осветить живое значение дионисического круга верований и переживаний, своеобразно окрашившего и христианство, для духовной жизни нового человечества» (Переписка Вяч. Иванова с С. А. Венгеровым. С. 84).

В июне 1905 И. приехал в Петербург, чтобы надолго поселиться здесь с семьей, и снял квартиру по адресу: Таврическая ул., 25, ставшую известным лит. салоном («Башней»), где с сент. 1905 по май 1907 проходили многообразные лит. собрания, в т. ч. знаменитые «среды».

В 1903 И. начал работать над драматич. трилогией «Танталида»; ее первую и вторую части должны были составить трагедии «Тантал» и «Ниобея». Считается, что трагедия И. «Прометей» — заключительная пьеса трилогии. В «Предисловии к трилогии» И. подчеркнул, что ставил перед собой «не археологическую и ученую задачу, <...> но общечеловеческую и вневременную» и что избранная форма, преемственная к антич. трагедии, представляется ему «формой будущего, возрожденного народного театра» (Неоконченная трагедия Вяч. Иванова «Ниобея» / публ. Ю. К. Герасимова // ЕРОПД на 1980 г. Л., 1984. С. 185).

«Тантал» был напечатан в 1905 в альм. «Северные цветы ассирийские»; «Ниобея» не была закончена (фрагмент опубл. в 1984 в «ЕРОПД на 1980 г.»); «Прометей» появился в 1915 в «Русской мысли» (№ 1; с назв.: «Сыны Прометея»), а в 1919 вышел отд. книгой в изд-ве «Алконост». Гл. герои трилогии — титаны, олицетворяющие, согласно И., принцип индивидуации и богорочество. Этот опыт «античной» драмы был для И. не просто стилизацией под греч. трагедию, но шагом к глобальному преобразованию театра и возвращению к его религ. истокам. Эти идеи были наиболее последовательно сформулированы И. в статье «Эстетическая норма театра» (Новая жизнь. 1916. № 3. С. 9–21). Неотъемлемыми чертами драмы, по мнению И., должны являться соборность,

героизм и миметизм. Носителем и выразителем идеи соборности как религ. феномена и ключевого элемента трагедии и театра будущего для И. является хор. В трагедиях самого И. хор — это один из гл. героев, непосредственно вовлеченный в действие; тем самым И. ориентировался на Эсхила, чьи трагедии он оценивал выше произведений Софокла и Еврипида как лучше отражающие дионисийский дух драмы.

Со взглядами на современный ему театр тесно связаны воззрения И. на генезис трагедии как жанра. По мнению И., древнегреч. трагедия развилась из дионисийского богослужебного обряда, а в ее основе лежит противоречие между двумя разделенными началами: мужским, олицетворением которого является Аполлон, и женским, которое представлено Дионисом. Постановка трагедии была для греков сакральным обрядом, а не просто способом проведения досуга [О существе трагедии // Труды и дни. 1912. № 6 (нояб. – дек.). С. 1–15]. Значение древнегреч. трагедии как «трагедии духа» для литературы Нового времени И. видел в ее влиянии на жанр романа, «восходящего» у Достоевского «до вмещения в свои формы чистой трагедии». Этой проблематике посвящены статьи И. «Достоевский и роман-трагедия» (1911), «Основной миф в романе “Бесы”» (1914) и итоговая работа «Dostoevskij. Tragödie — Mythos — Mystik» (опубл. в авториз. переводе А. Креслинга: Tübingen, 1932; рус. текст утрачен), во многом предвосхитившие концепцию «полифонического романа» М. М. Бахтина, который высоко ценил творчество И.

Как утверждал И. в статье «“Ревизор” Гоголя и комедия Аристофана» (1926), соборность — важная характеристика не только трагедии, но и комедии. С точки зрения И., гоголевская идея всенародного смеха близка к комедиям Аристофана, а «само отношение между хором комедии и сонмом зрителей одинаково

у Гоголя и Аристофана. Народ комедийного Города и мы, народ, собравшийся на зрелище, — одно и то же» (Театральный Октябрь. Л.; М., 1926. Сб. 1. С. 93).

Формулировки и термины на древних языках, а также производные от них играют ключевую роль в лит.-филос. статьях И. В 1906, требуя от искусства мистич. проникновения в суть вещей, он воспользовался выражением «ab exterioribus ad interiora» (в статье «**Предчувствия и предвестия**» и в предисловии к книге Г. И. Чулкова «О мистическом анархизме»). Два года спустя в статье «**Две стихии в современном символизме**» (1908) поэт нашел более емкую формулу: «a realibus ad realiora», ставшую и наиболее узнаваемым «лозунгом» эстетики И., и девизом рус. символистского движения в целом.

В «Автобиографическом письме С. А. Венгеру» (1917) И. вспоминал, как в последнем классе гимназии вместе с А. М. Дмитриевским перевел «русскими триметрами» отрывок из «Эдипа-царя» Софокла. Сохранившиеся ранние переводы указывают на то, что четкая концепция при передаче метров древней поэзии сложилась у И. не сразу: элегич. дистихом переведены отрывки из «Бхагават-Гиты», гекзаметром — из «Метаморфоз» Овидия (XI, 592–618), рифмованными ямбами переложены два псалма и эпиграмма Марциала (IX, 45).

С конца 1890-х И. выступает как убежденный сторонник передачи даже сложнейших квантитативных строф и размеров их квалитативными аналогами. Свою точку зрения И. обосновал в предисловии к переводу «**Первой Пифийской оды**» Пиндара, воплотившему эти принципы (ЖМНП. 1899. Авг. С. 49–56). Вторым крупным опытом в этом роде стал перевод дифирамба Вакхилида «Тезей», включенный автором во вторую книгу лирики «**Прозрачность**» (М., 1904. С. 167–171; позднейшую, переработанную версию см.: **Дионис и прадионисийство**. Баку, 1923. С. 236–238).

В нояб. 1910 И. начал преподавание древнегреч. и римск. литератур на ВЖК Н. П. Раева в Санкт-Петербурге, для которых им наскоро делались переводы из антич. поэтов (исключительную роль в трудоустройстве И., не имевшего необходимых дипломов, сыграл Ф. Ф. З е л и н с к и й). Часть из тех, что прошли окончательную отделку, И. передал в марте 1911 М. О. Гершензону для М. В. Сабашникова. Между тем В. О. Нилендер под руководством Ф. Е. Корша стал готовить антологию «Греческие лирики в русских стихотворных переводах» для серии «Памятники мировой литературы» изд-ва М. и С. Сабашниковых. Наиболее обширные подборки из Алкея и Сафо, в 1911–1912 переведенные для этого изд-ва, И. решает дополнить и, снабдив статьей и примеч., издать отд. книгой. Сабашников поддерживает этот замысел и выпускает первое издание книги: «**Алкей и Сафо**: собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же» (М., 1914). В 1915 И. публикует второе издание книги, дополнив ее отделом «Новые песни и лирические отрывки Алкея и Сафо, по текстам оксиринских папирусов, обнаруженным во время печатания книги». Выпуск третьего издания «Алкея и Сафо» планировался изд-вом М. и С. Сабашниковых в 1919, но осуществлен не был (напечатан: Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же / науч. ред., сост., вступ. статья и текстология К. Ю. Лаппо-Данилевского; коммент. С. А. Завьялова. СПб., 2018).

На первое издание «Алкея и Сафо» откликнулись В. Ф. Ходасевич (Рус. ведомости. 1914. 25 июня. № 145), В. Я. Брюсов (Отклики. Бесплатное прил. к № 158 газ. «День». 1914. № 23; Изв. Моск. лит.-худож. кружка. 1914. Вып. 7. Сент. С. 46), М. А. Кузмин (Петрогр. вечера. Пг., [1914]. Кн. 3.

С. 234–235), Э. В. Диль (Гермес. 1914. № 19 [145]. С. 460–463) и В. В. Вересаев (ВЕ. 1915. № 2. С. 389–394); на второе изд. есть отклик А. А. Захарова (Гермес. 1916. № 7–8. С. 137–142) и, снова, Э. В. Диль (ЖМНП. 1916. Февр. С. 396–406). Обсуждение в печати выявило спектр проблем, актуализированных новаторским переводом И.: адекватность предложенных качественных аналогов метрам оригиналов; состав предлагаемого широкому читателю корпуса; допустимость произвольного комбинирования фрагментов, интерпретаторских вторжений в древний текст, неоговоренных конъектур; уместность русификации языка перевода; и проч.

Внезапная смерть Корша (16 февр. 1915) побудила Сабашникова просить И. стать редактором большей частью набранной антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах»; однако Нилендер, выполнивший значительную долю подготовительных работ, был крайне недоволен ведущей ролью, которая теперь предстояла И. Дело не сдвинулось с мертвой точки не только из-за конфликтной ситуации, но гл. обр. потому, что для И. этот проект был изначально морально устаревшим. Антология, задуманная Коршем и Нилендером, должна была стать собранием переводов, сделанных в России с конца XVIII по начало XX в.; их поэтика бывала подчас взаимоисключающей.

Некоторая часть переводов, сделанных для «Греческих лириков», была опубл. И. в его книге «Дионис и прадионисийство» (1923; переизд.: Символ. 2015. № 65; с послеслов. и коммент. Г. Ч. Гусейнова). Некоторое количество текстов, оказавшихся в распоряжении Нилендера, было напечатано им без согласования с И. в хрестоматии «Греческая литература в избранных переводах» (М., 1939): стихи Солона, Мимнерма, Феогнида, Гиппонакта, Анакреонта, Алкмана, Ивика, Симонида Кеосского, Вакхилида, народные песни. Почти треть этого корпуса долгое время оставалась неизвестной (опубл.

в статье: *Ланно-Данилевский К. Ю.* Переводы Вяч. Иванова, предназначенные для антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах» Ф. Е. Корша и В. О. Нилендера // РЛ. 2014. № 1. С. 178–205).

В 1911–1917 И. готовил для изд-ва Сабашниковых перевод трагедий Эсхила. Полностью были переведены четыре из них: «Агамемнон», «Хоэфоры», «Эвмениды», «Персы»; не до конца «Семеро против Фив» (стихи 1–777) и «Просительницы» (стихи 1–323). Впервые три фрагмента из «Агамемнона», «Эвменид» и «Персов» были напечатаны в 1920 в хрестоматии Ф. Ф. Зелинского «Древнегреческая литература эпохи независимости» (ч. 2). Целиком, но с обильной редакторской правкой и без указания имени переводчика-эмигранта «Агамемнон», «Хоэфоры» и «Эвмениды» были опубл. в книге «Греческая трагедия: Эсхил, Софокл, Эврипид» (М., 1950). Все сохранившиеся переводы И. из Эсхила были впервые собраны в 1989 в серии «Литературные памятники».

И. сочинял стихи на древних языках, но эти тексты немногочисленны. В статье «**О лиризме Бальмонта**» поэт поместил лат. шестистишие «Cui palmamque fero sacramque laurum?..», написанное катулловым фалекием, в сопровождении рус. версии (Аполлон. 1912. № 3/4. С. 41–42). По-греч. написаны три первых стихотворения цикла «Humaniorum studiorum cultoribus», обращенные к друзьям-гуманистам Г. А. Рачинскому, М. И. Ростовцеву и Ф. Ф. Зелинскому; два заключительных лат. дистиха обращены к жене (**Нежная Тайна. ЛЕПТА.** СПб., 1912. С. 111–113). Повествуя в письме к К. Муту о всебытийственной мистич. формуле «Quod non est debet esse; quod est debet fieri; quod fit erit», «подслушанной» им из потустороннего мира 11 авг. 1908 по пути из монастыря Краснокаменка в Крыму, И. переложил ее в лат. дистих [Ein Echo: Aus einem Brief an Karl Muth // Mesa. 1946. № 2 (autumn). S. 21].

Значительное число текстов И. на латыни — «автоматические» записи посланий к нему Л. Д. Зиновьевой-Аннибал после ее смерти 17 окт. 1907. Они хранятся гл. обр. в двух архивных единицах (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 8. Ед. хр. 25; ОР РНБ. Ф. 304. Ед. хр. 54); во второй из них находится стихотворение «*Densa silva vita haecesse...*» (опубл. Г. В. Обатниным в кн.: Русский модернизм. Проблемы текстологии. СПб., 2001. С. 205). О. Шор, первый биограф поэта, сообщала со слов И. о том, что зимой 1908 стихотворение «*Breve aevum separatum...*» было ему «продиктовано свыше». Оно открывает четвертую книгу центрального поэтич. сборника И. «**Cor Ardens**» (также воспроизведено с нотами музыки М. А. Кузмина в конце тома: *Cor Ardens*. М., 1911 [1912]. Ч. 2. С. [7], [209–211]).

В окт. 1918 И. поступил на службу в культурно-просветительные учреждения советской власти: 15 окт. 1918 он был назначен предс. Бюро историко-теоретич. секции Театрального отдела (ТЕО) Наркомпроса. Эту должность И. рассматривал как возможность претворения в жизнь своих идей о преобразовании театра в духе ранней антич. сцены. В 1919 в «Вестнике театра», офиц. печатном органе ТЕО (№ 26. С. 4), вышли основные положения доклада поэта на Съезде по внешкольному образованию. В них, в частности, И. высказывает мысль, что создание нового искусства «было бы показателем преодоления новой, целостной, органической культурой культуры вчерашнего дня, характеризующейся чертами классовой и индивидуальной обособленности, личного и группового разделения, уединения и разномыслия...».

28 авг. 1920 И. с детьми выехал из Москвы в Кисловодск для восстановления сил в санатории; в начале нояб. он прибыл в Баку, где 19 нояб. был единогласно избран проф. каф. классич. филологии Бакинского ун-та. 22 июля 1921 И. защитил там дис. «Дионис и дионисийство»

на соискание степени д-ра классич. филологии (Баку, 1923; версия девятой главы с назв. «О Дионисе орфическом» была напечатана ранее: РМ. 1913. Кн. 11. С. 70–98). По мнению Ф. Вестбрука, основные идеи И. о возникновении религии Диониса можно свести к ряду синтезов, среди которых геогр. синтез, т. е. слияние материкового и островного культов; мифол. синтез — слияние земли и неба в фиванском мифол. цикле; религ. синтез включает взаимодействие культов Аполлона и Диониса в Дельфах. Еще два синтеза — полит. и мистич. — связаны с орфизмом, которому И. приписывает важную роль в становлении религии Диониса в Греции. И. оригинально интерпретирует понятие катарсиса, принимая некоторые элементы «патологической» теории Я. Бернайса и отождествляя корибантскую практику с трагич. катарсисом (*Вестбрук Ф.* Дионис и дионисийская трагедия: Вячеслав Иванов. Филологические и философские идеи о дионисийстве. München, 2009).

В 1921–1924 И. преподавал в Бакинском ун-те. Согласно офиц. учеб. планам, помимо прочих, он прочел след. курсы: история греч. и римск. литератур, история греч. трагедии, история греч. религии, «Поэтика». И. также читал со студентами Эскила («Эвмениды»), Платона («Федон»), Вергилия («Буколики»), Горация («Ars poetica»), Тацита, Квинтилиана (X книгу «*Institutio oratoria*»). Студентами И. в Баку были литературоведы В. А. Мануйлов, Ц. С. Вольпе, М. А. Брискман, филолог-классик и переводчик М. С. Альтман, историки античности К. М. Колобова и Е. А. Миллиор, филолог-германист М. М. Гухман.

28 мая 1924 И. прибыл из Баку в Москву на Пушкинские торжества; во время пребывания в столице он выхлопотал себе зарубежную командировку от Наркомпроса и срочным порядком вызвал к себе детей. 28 авг. 1924 И. выехал с ними в Рим, встрече с которым посвятил

«Римские сонеты»; в них поэт уподобил себя Энею, а революцию в России — троянскому пожару.

Осенью 1926 И. получил место лектора англ., франц. и нем. языков в павийском Колледже Борромео с весьма скромным жалованьем (до 1930 И. также получал содержание от ЦЕКУБУ). Связанный обещанием не печататься в периодике рус. эмиграции, И. искал возможности участвовать в культурной жизни СССР. Намечавшееся сотрудничество с изд-вом «Театральный Октябрь», которое было основано В. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх, ограничилось лишь публикацией статьи «“Ревизор” Гоголя и комедия Аристофана».

Появление нем. перевода «Переписки из двух углов» И. и Гершензона (Die Kreatur. 1926. № 2. S. 159–199) способствовало вовлечению И. в лит. жизнь Зап. Европы. В ж. «Athenaeum», «Il Convegno», «Il Frontespizio», «Vigile», «Die Kreatur», «Corona» и «Hochland» И. публиковал статьи на итал., франц. и нем. языках; в зап. печати появлялись и его дореволюционные рус. сочинения; их переводы он тщательно редактировал. Наиболее крупные статьи И., посвященные антич. темам: «Vergils Historiosophie» (Corona. 1931. Н. [6]. Mai. S. 761–774; рус. пер. Г. Киришбаума, М. Каменкович: Символ. 2008. № 53/54. С. 155–167) и «Humanismus und Religion: Zum religionsgeschichtlichen Nachlass von Wilamowitz» (Hochland. 1934. Н. 10 (Juli). S. 307–330; рус. пер. К. Ю. Лаппо-Данилевского: Символ. 2008. № 53/54. С. 185–219). Публикации И. привлекли к нему внимание зап. интеллектуалов, со многими из которых у него завязывается переписка (Ш. Дю Бос, С. М. Боура, М. Бубер, Э. Р. Курциус, Ж. Маритен, А. Пеллегрини, Г. Файхингер и др.).

Летом 1934 И. утратил по возрасту место преподавателя в Колледже Борромео и переехал в Рим. В 1936 он отказался от советского гражданства и начал

печататься в эмигрантской прессе; с этого же года преподавал в папской коллегии (семинарии) «Руссикум» и «Папском Восточном институте».

15 мая 1936 по совету Ф. А. Степуна и Н. Н. Бубнова к И. обратился Э. Ландау от имени базельского изд-ва «Benno Schwabe & Co» с предложением опубликовать «Диониса и прадионисийство» на нем. языке, о чем 17 янв. 1937 был заключен договор. До последних дней трудясь над нем. текстом «Диониса и прадионисийства», И. так и не завершил работу. В сокращенном виде девятая и десятая главы немецкоязычной версии были посмертно напечатаны в голландском ж. «Castrum Peregrini»: «Der orphische Dionysos» (1961. № 48. S. 7–32); «Pathos, Katharsis, Tragödie» (1985. № 168/169. S. 96–129). Целиком книга вышла в свет в 2012; ее издатели М. Вахтель и К. Вильдберг дополнили текст, оставшийся от И., переводом ряда примеч. на нем. язык.

В 1940-е И. перевел на церковнослав. и рус. языки ряд католич. молитв и богослужебных текстов для Общ-ва Иисуса, участвовал в подготовке к печати и комментированию изданий (Деяния Св. Апостолов. Послания Св. Апостолов. Откровение Св. Иоанна. Рим, 1946; Псалтирь на славянском и русском языках. Рим, 1950).

Сочинения и переводы: Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Bruxelles, 1971–1987; Эсхил. Трагедии / в пер. Вячеслава Иванова; изд. подгот. Н. И. Балашов, Д. Вяч. Иванов, М. Л. Гаспаров, Г. Ч. Гусейнов, Н. В. Котрелёв, В. Н. Ярхо; отв. ред. Н. И. Балашов. М., 1989 (Лит. памятники); *Ivanov V.* Dionysos und die vordionysischen Kulte / hrsg. von M. Wachtel und Ch. Wildberg. Tübingen, 2012.

Биогр. материалы: Иванов Вяч. Автобиографическое письмо С. А. Венгеру // Русская литература XX века (1890–1910) / под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1916 [1917]. Т. 3, кн. 8. С. 81–96; Зелинский Ф. Ф. Вяч. Иванов // Там же. С. 101–113; Переписка Вяч. Иванова с С. А. Венгеровым / публ. О. А. Кузнецовой //

ЕРОПД на 1990 год. СПб., 1993. С. 72–100; *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост. и подгот. текстов В. А. Дымшица, К. Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995; Вестник Удмуртского ун-та. Спец. выпуск, посвященный Е. А. Миллиор / сост. Д. И. Черашняя. Ижевск, 1995; История и поэзия: переписка И. М. Гр е в с а и Вяч. Иванова / изд. текстов, исследование и коммент. Г. М. Бонгард-Левина, Н. В. Котрелёва, Е. В. Ляпустиной. М., 2006; Vjačeslav Ivanov. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass / hrsg. von M. Wachtel. Mainz, 1995; Davidson P. Vyacheslav Ivanov and C. M. Bowra: A Correspondence from two Corners on Humanism. Birmingham, 2006.

Литература: *Котрелёв Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского ун-та // Тр. по рус. и слав. филологии. [Вып.] 11. Литературоведение. Тарту, 1968. С. 326–339; *Rudich V.* Vyacheslav Ivanov and Classical Antiquity // Vyacheslav Ivanov. Poet, Critic and Philosopher / ed. by R. L. Jackson and L. Nelson, Jr. New Haven, 1986. P. 275–289; *Брагинская Н. В.* Трагедия и ритуал у Вячеслава Иванова // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 294–329; *Топоров В. Н.* Миф о Тантале (об одной поздней версии — трагедия Вяч. Иванова) // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 61–110; *Бонгард-Левин Г. М., Вахтель М., Зуев В. Ю.* М. И. Ростовцев и В. И. Иванов // ВДИ. 1993. № 4. С. 210–221; *Wachtel M.* Вячеслав Иванов студент Берлинского ун-та // Un maître de sagesse au XXe siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps. Paris, 1994. (Cahiers du Monde Russe. T. 35. № 1–2). P. 353–376; *Гаспаров М. Л.* Античность в русской поэзии начала XX века. Пиза, 1995; *Боровский Я. М.* Эсхил в переводе Вячеслава Иванова // Древний мир и мь. Вып. 1. С. 214–220; Скифский роман; *Бонгард-Левин Г. М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам за настоящей наукой» // ВДИ. 2001. № 3. С. 150–184; *Казанский Н. Н.* Вяч. Иванов как переводчик Эсхила // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура: материалы междунар. науч. конференции 9–11 сент. 2002 г. Томск; М., 2003. С. 15–24; *Wachtel M.* [Рец. на кн.: Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 2000] // Russica Romana. 2004. Т. 11. P. 292–293; *Николаев Н. И.* Идея Третьего Возрождения и Вяч. Иванов периода Башни // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006.

С. 226–234; *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов между Римом и Грецией // Античность и русская культура Серебряного века. К 85-летию А. А. Тахо-Годи: предварительные материалы. 2008. С. 57–64; *Вахтель М.* Рождение русского авангарда из духа немецкого антиковедения: Вильгельм Дёрпфельд и Вячеслав Иванов // Там же. С. 48–56; *Тахо-Годи Е. А.* «Две судьбы недаром связует неведомая нить». Письма Ф. Зелинского к Вяч. Иванову // Тахо-Годи Е. А. Великие и безвестные. СПб., 2008. С. 295–392; *Завьялов С. А.* Вячеслав Иванов — переводчик греческой лирики // НЛЮ. 2009. № 95. С. 163–184; *Завьялов С. А., Лаппо-Данилевский К. Ю.* К истории текста Первой Пифийской оды в переводе Вячеслава Иванова // Musenalmanach: в честь 80-летия Р. Ю. Данилевского. СПб., 2013. С. 86–105; *Обатнин Г. В.* Из наблюдений над темой «Вяч. Иванов и перевод» // Лотмановский сборник. М., 2014. [Вып.] 4; *Ермакова Л. Л.* Трагедии Эсхила в переводе Вяч. Иванова: эдиционные проблемы // РЛ. 2015. № 2. С. 215–230 ♦ Свиясов; РП; ПЭ; *Davidson P.* Vyacheslav Ivanov: A Reference Guide. New York, 1996; Русская литература конца XIX — начала XX века; *Дэвидсон П.* Библиография прижизненных публикаций произведений Вячеслава Иванова: 1898–1949 / под ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 2012; Смышляева 2015; Тункина 2017; *Cinnella. P.* 162–164, 250–252.

Архивы: *Личные фонды:* ОР РГБ. Ф. 109; РГАЛИ. Ф. 225; Римский архив Вяч. Иванова; ИМЛИ. Ф. 55; РО ИРЛИ. Ф. 607; ОР РНБ. Ф. 304.

*Л. Л. Ермакова,
К. Ю. Лаппо-Данилевский*

ИВАНОВ Сергей Андреевич

IVANOFF Sergio /
Sergius Andrejewitsch

[9(21).7.1822, Петербург — 10.2.1877,
Рим; кладб. Тестаццо],
*рисовальщик, архитектор,
историк и теоретик искусства*

Родился в семье проф. живописи Академии художеств Андрея Ивановича и Екатерины Ивановны Ивановых; младший из пяти детей. Все родословие И. было

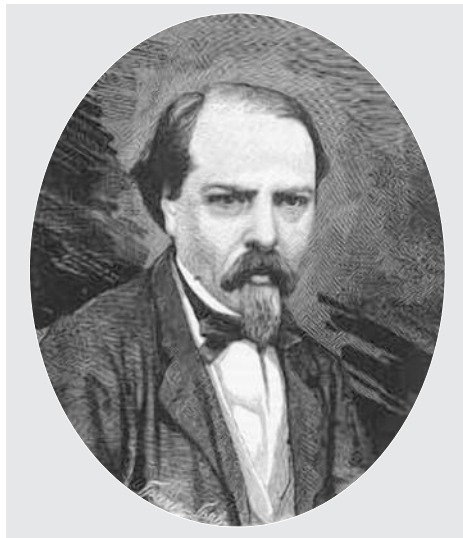
тесно связано с худож. миром Санкт-Петербурга: мать, урожд. Дем(м)ерт (также Диммерт), происходила из семейства потомственных архитекторов; отец входил в штат Академии художеств с 1798, где преподавал в течение 32 лет до тех пор, пока не был оттуда удален собственным распоряжением Николая I. Старший брат И. — художник Александр Иванов, создатель картины «Явление Мессии народу».

И. с 1837 воспитывался при Академии художеств — первоначально в качестве вольноприходящего; затем учился по ист., в конце концов — по архитект. отделению (под руководством проф. К. А. Тона, в 1842–1843). В 1843 окончил курс со званием художника и присвоением 14-го класса.

Уже в ранней юности И. проявил незаурядный талант рисовальщика — как прежде старшего брата, его даже подозревали в том, что он выполняет работы с помощью отца, — и стал адресатом исключительно лестных отзывов академ. начальства (см. письмо А. Н. Оленина к кн. Волконскому от 11 янв. 1842: «У нас в Академии наклеивается такой архитектор, какова еще не имели. Ему теперь осмнадцатый только год, а чувство величавости, il grandioso, в нем уже гнездится...»; цит. по: Собко. Кол. 401).

С дек. 1842 поступил в ученики к К. А. Тону и участвовал в проектах своего наставника — напр., помогал ему при проектировании Благовещенской церкви Конногвардейского полка в Петербурге (на Благовещенской пл., ныне пл. Труда; снесена в 1929). В конце 1844–1845 присоединился к строителям храма Христа Спасителя в Москве, также был назначен помощником архитектора при строительстве Кремлевского дворца; во время своего пребывания в Москве увлекся иконописью и русско-византийским стилем.

Среди товарищей И. отличался скромным нравом и усердием.

Из письма И.-отца старшему сыну в Рим в дек. 1841: «Что же касается до брата твоего, то он давно отучил товарищей своих требовать от него праздника (попойки) при получении им наград академических, в которых никто из них не участвовал ни малейшим образом, а достигал оных он сам своим старанием» (Иванов А. И. Письма к сыну // Рус. худож. архив. 1892. Вып. 5–6. С. 371).

В годы обучения был четырежды удостоен сер. медали — за рисунки с натуры (23 дек. 1839 и 4 мая 1840) и за архитект. композиции (24 дек. 1840 и 10 мая 1841); также получил I сер. медаль за перспективный вид «Академическая парадная лестница» (27 сент. 1840; работа оставлена в Академии художеств как образцовая). Успешно конкурировал на зол. медали: «Проект Гостиного двора в столице» был удостоен II медали (26 сент. 1842), «Проект Публичной библиотеки» — I медали (26 сент. 1843), что давало право на заграничное пенсионерство.

Однако Николай I, не вполне довольный проектом Публичной б-ки, распорядился оставить И. при Академии до

1845; кроме того, И. удерживали в России некрепкое здоровье (ухудшался слух, в 1844 перенес операцию) и нежелание оставлять отца, который овдовел в янв. 1843.

Лишь в начале 1845 (по сдаче проекта фасада Прачечного дома) ходатайство И. было удовлетворено, а право на пенсионерство — реализовано. Получив заграничный паспорт и академ. инструкцию, он 1 июня 1845 выехал в Италию, где в это время проживал его брат, А. А. Иванов; по дороге И. посетил гл. города Бельгии и Сев. Франции; в Париже занимался математикой; осматривал старинные замки по течению Луары и на юге Франции (см.: *Маркина Л. А. В тени великого брата // Третьяковская галерея. 2007. № 2. С. 38–47; инструкция № 509 — предписание для пенсионеров — хранится в римск. архиве И.; см. также рапорты И. из Парижа от 6 нояб. 1845 и позднее).*

Наконец в марте 1846 И. добрался до Италии, где его давно ждали (ср. письмо Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю от 17 янв. 1845; см. также письмо Н. В. Гоголя к А. П. Толстому от 8 янв. 1846). Встреча И. с братом Александром произошла в Риме 26 марта 1846 и носила отчасти анекдотич. характер: А. А., крайне подозрительный по натуре, не сразу признал С. А., которого оставил в Петербурге маленьким мальчиком (см. воспоминания В. В. Стасова в кн.: *Боткин. С. 415–416*); однако после братья жили душа в душу до самой смерти старшего, деля одну комнату. Тем не менее денежные дела свои они вели отдельно, за квартиру платили в очередь, работали в разных мастерских. Образ жизни братьев был скорее замкнутый, и С. А., который относился к старшему брату с бережной нежностью, был единственным confidentом нелюдимого А. А. (см. письмо В. П. Боткина к Д. П. Боткину: РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 2. Ед. хр. 68) и в некотором роде посредником между ним и внешним миром. Так, напр., С. А., по глухоте своей

не любивший театра, регулярно посещал его, сопровождая А. А.

В Риме мл. брат, в немалой степени вдохновляемый старшим, тщательно следил за ходом науч. жизни этого времени.

В. В. Стасов вспоминал: «Только что проходил слух о каких-нибудь новых раскопках в Риме или его окрестностях, Александр Иванов тотчас посылал туда брата Сергея; когда же происходили какие-нибудь новые открытия в катакомбах, он непременно тотчас отправлялся туда и сам, надеясь увидеть новые древнехристианские типы, особенно изображения Христа и Апостолов, занимавшие его всего более (*Боткин. С. 416–417*).

По приезде в Италию И. проводил большую часть времени в б-ках либо в Германском археол. ин-те.; изучал классиков, делал выписки; воспроизводил в альбомах антич. памятники. Науч. занятия И. предпочитал общению с соотечественниками — такими же, как он, пенсионерами Академии. Верно было и обратное: аскетический образ жизни, которого держался анахорет А. А. и перенял от него С. А., встречал среди рус. богемы в Риме непонимание. Так, Ф. И. Иордан, давний друг А. А., вспоминал: «В Риме у нас образовался свой особый кружок, совершенно отдельный от прочих русских художников...» (*Боткин. С. 398*). Из-за этого отношение к братьям складывалось снисходительно-скептическое; в первую очередь это касалось старшего брата, которого модно было считать скучным брюзгой, однако недоброжелательство распространялось и на младшего.

Из воспоминаний морского офицера и художника А. П. Боголюбова, находившего прелесть в гусарском укладе римск. «колонии»: «Проживал здесь в это время и знаменитый Александр Андреевич Иванов, и когда я приехал, то писание его картины было лето девятнадцатое. Он держал себя от нас далеко и строго <...> Проживал при нем его родной брат, таинственный архитектор

Сергей Иванов. Работ его тоже никто не видел, верили в долг и говорили: “У, какой талант! Термы Каракаллы воскрешает — лучше римских древних изобразил!..”» (Искусство. 1957. № 2. С. 77–78; см. также: Боголюбов А. П. Записки моряка-художника // Волга. 1996. № 2, 3. С. 51–63).

Тем не менее, иронию Боголюбова в адрес С. А. едва ли можно назвать уместной: лишь освоившись в Риме, И. начал раскопки терм Каракаллы за собственный счет с целью восстановить их первоначальный облик.

Из рапорта И. от 15 дек. 1846: «Первое время в Риме употребил на рассматривание многочисленных образцовых произведений, как древнеримских, так равно и средневековых зодчих, впоследствии преимущественно уже занялся исследованиями, в существующих развалинах, — чисто-римских произведений» (цит. по: Собоко. Кол. 408–409).

Планомерные работы по изучению терм начались еще в 1820-х, когда граф Дж. ди Вело получил разрешение на частичные раскопки; несколько позднее архитекторы А. де Романис и Г.-А. Блуэ провели методич. исследование руин по гранту Франц. академии [об истории раскопок см.: Выставка «Термы Антонина Каракаллы» в реконструкции архитектора С. А. Иванова (1847–1849). Каталог / сост. проф. Н. И. Романовым, н. с. С. А. Зомбе. М., 1938; *Lanciani R. The Ruins and Excavations of Ancient Rome*. Boston, 1897. P. 532–540]. Детально изучив оригинальную реконструкцию Блуэ (*Blouet G.-A. Restauration des thermes d'Antonin Caracalla, à Rome, présentée en 1826 et dédiée en 1827 à l'Académie des Beaux-Arts*. Paris, 1828), сопоставляя результаты предшественников с собственными наблюдениями, которые были основаны на тщательных обмерах руин, И. предложил свой проект реконструкции (43 рисунка и эскиза: план центральной части здания, половина общего плана, ряд

разрезов; чертежи карандашом и тушью, представления общих видов и деталей акварелью). В этом проекте ему удалось реконструировать древнюю систему отопления бань и способ устройства сводов, а также выдвинуть предположения относительно декора интерьеров; кроме того, он предложил несколько серьезных поправок к проекту Блуэ.

Хотя при реконструкции И. местами находился под обаянием сформированной на тот момент *opinio communis* (так, он, как и его предшественники, предполагал наличие большого бассейна посреди кальдария, что было опровергнуто последующими археол. находками), все же, подмечая существенные мелочи, он догадывался даже о том, чего не знал и не мог проверить. Потому его проект, хотя и несовершенный по недостатку сведений и средств, явился шагом вперед по сравнению с предыдущими реконструкциями. По единодушному свидетельству рецензентов, реконструкция терм Каракаллы — наиболее крупное и ценное исследование И. (см.: *Ростовцев*. С. 478–481); его предположения, как показали исследования 1870–1890-х, оказались в основном верными. К сожалению, И. не успел составить к рисункам пояснительные тексты, однако некоторые заметки о полученных результатах он публиковал в ходе работ (см.: *Иванов С. А. К реставрации Каракалловых бань* // *СО*. 1847. № 10. С. 24; встречается и глухое упоминание об итал. труде И. 1849 г.). В ходе работ И. 1847–1849 были обнаружены прекрасной сохранности мозаики.

Интересно, что в 1820-е К. А. Тон, учитель И., также исполнял реконструкцию терм, однако его план перегружен разнородными деталями, поэтому версию И. следует признать в основном более правильной.

И. не довел еще до конца начатое исследование, когда получил распоряжение вернуться в Россию (все стипендиаты Академии художеств были отозваны в связи

с охватившими Европу революционными настроениями). И. ходатайствовал о дозволении окончить предпринятое исследование, но ему было в том отказано (Сборник материалов для истории Имп. Академии Художеств за 100 лет ее существования: в 3 т. / под ред. П. Н. Петрова и с его примеч. СПб., 1865. Т. 3. С. 101 и 106–107); тогда он принял решение отказаться от стипендии и остаться в Италии за собственный счет.

В конце 1840-х — начале 1850-х И. работал в Помпеях и подготовил проекты реставрации самых значительных открытых на тот момент помпейских памятников (храм Аполлона, вилла Диомеда, дом Пансы и др.). Как и в случае с термами Каракаллы, в исследовании допущены некоторые неточности и просчеты, вызванные недостатком информации. Так, И., вслед за традицией, считал храм Аполлона храмом Венеры (что было опровергнуто после обнаружения атрибутирующей надписи); ошибочно предполагал, что портик храма был одноуровневым и занимал всю ширину здания (об этих и др. случаях см. коммент. А. Май в изд.: *Architektonische Studien...* Н. 2). Однако в целом ряде случаев предположения и выводы И. совершенно верны, а реконструкция выполнена профессионально и представляет безусловный интерес.

В 1854 И. было присвоено звание акад. архитектуры Академии художеств. В это же время А. Иванов, вопреки увещаниям брата и друзей, начал подготовку к поездке в Петербург. Отчасти к этому решению его подтолкнула имп. Александра Федоровна, которая состояла с ним в длительной переписке, в 1857 посетила его мастерскую, пожурив за отсутствие на родине и прислала денег — как ему самому, так и его мл. брату. Благодаря этой именной стипендии в 2000 руб. И. смог совершить путешествие в Грецию, где находился с сент. 1857 по май 1858 и проводил обмеры руин Акрополя, храма Тесея

и театра Герода Аттика в Афинах. Все же, если судить по письму от старшего брата, в котором тот интересуется, сколь велики издержки на «рытье» в Афинах (письмо от окт. 1857; опубл.: *Иванов А. А. Письма к брату* / публ. Е. Гусевой // Советское искусствознание — 74: сб. статей. М., 1975. С. 329–347), И., помимо имп. подарка, пришлось вложить в проект и собственные средства.

Жизнь И. в Греции предстает из дружеской переписки с Мих. Железновым. Большую часть корреспонденции занимают профессиональные соображения И., также — заботы о делах брата; иронически-раздраженно И. рассказывает о курьезном происшествии на Акрополе — прирученные было греч. козы съели у него кожаную сумку с чертежами и инструментом. Об Афинах И. отзывался критически, сравнивая их «с любимым провинциальным итальянским городком» — конечно, не в пользу первых.

«Здесь в Афинах можно умереть с тоски <...> Тесей прекрасен, хотя черен до крайности. Эта чернота, сквозь которую проглядывает желто-оранжевая оттенка, должна нравиться акварелистам; но для здания она все-таки есть грязь, и если бы древние греки воскресли, они бы его вымыли и расписали вновь» (*Железнов. № 3. С. 59. Письмо И. от 1 окт. 1857*).

Одновременно он восхищался антич. архитектурой, называл своими *единственными собеседниками* Иктина, Мнесикла и прочих великих и проводил с ними поэтому довольно много времени; из живых же И. общался с одним только греч. скульптором, который до того пять лет прожил в Риме.

Исследуя руины в Афинах, Олимпии и проч., И. сам срисовывал и измерял большую их часть, т. к. не довольствовался существовавшими изданиями памятников, хотя и учитывал их (*Stuart J., Revett N. The Antiquities of Athens and Other Monuments of Greece. London, 1762; Blouet A., Ravoisie A. Expédition scientifique*

de Morée, ordonnée par le Gouvernement Français. Architecture, sculptures, inscriptions et vues du Péloponèse, des Cyclades et de l'Attique. Paris, 1831; Penrose F. An Investigation of the Principles of Athenian Architecture. London, 1851; с последним И. в своих заметках полемизировал). Множество чертежей, сделанных И. в Греции, свидетельствуют об особой тщательности, с которой он проводил исследования. В отличие от большинства своих современников, применявших для измерений веревки или мерные ленты, И. находил рулетки недостаточно точными, а использовал для обмеров деревянные рейки с делениями. Для того чтобы планируемая реконструкция получилась максимально точной, И. снимал новые и новые измерения, вымеряя по 5–6 однотипных деталей и делая до сотни различных замеров для точного определения профилей — общий план, различные обломы, фасад, капитель и т. п. (подробнее о технологии исследования И. см.: Жебелёв. С. 413–415). Важно, что И. не только переводил на кальки результаты измерений, но пытался подойти к реконструкции аналитически: восстановить разрезы храмов, разрешить вопросы о внутреннем их расположении, об освещении целлы, о размещении статуй и пр. И. интересовался древней живописью и искал ее следы в Эрехтейоне и Пинакотеке.

Архитектурные работы И. в области греч. искусства насчитывают 44 таблицы и 5 тетрадей с заметками (в схемах и разрезах представлены Тесейон, Эрехтейон, храм Ники Аптерос, Пропилеи, Парфенон, храм Посейдона в Пестуме, храм Афины на Эгине, храм на р. Илис, храм Артемиды и Пропилеи в Элевсине, храмы Немесиды и Фемиды в Рамнунте, храм Аполлона в Бассах, храм Зевса в Олимпии: *Architektonische Studien...* Н. 1).

Во время греч. экспедиции И. создал не только достоверную графич. реконструкцию знаменитой Фидиевой статуи

Зевса Олимпийского и ее трона, но и трактат о них, так и оставшийся в рукописи.

В 1858 в Петербурге умер от холеры А. Иванов. Известие об этом застало И. уже в Риме. Он оказался наследником всех архивов брата. В течение двух последующих лет И. занимался проектом надгробного памятника брату, сотрудничая со скульпторами Л. Гульельми и А. Н. Беляевым. Памятник был завершен в 1860, транспортирован в Петербург и установлен на Новодевичьем кладб. (перенесен на Тихвинское кладб. после перезахоронения праха в 1936).

Помимо исполнения этого печального долга, И. принимал деятельное участие в работе Германского археол. ин-та (избран д. чл. в 1859); прочел ряд докладов, материалы которых публиковал в бюллетене ин-та (**Il teatro d'Atene detto di Erode Attico** // *Ann.* 1858. Vol. 30. P. 213–221; **Varie specie di soglie in Pompei ed indagine sul vero sito della fauce** // *Ibid.* 1859. Vol. 31. P. 82–108; **Sulla grande scalinata de'Propilei dell'Acropoli d'Atene** // *Ibid.* 1861. Vol. 33. P. 275–293; **La disposizione architettonica della cella del tempio di Apollo Epicurio a Basse presso Figalia** // *Ibid.* 1865. Vol. 37. P. 43–54).

Прогрессировавшая глухота подстегивала И. к усердной работе. В эти годы он трудился над теоретич. трактатом «Об античных постройках Греции», который должен был стать его *opus magnum*; однако рукопись осталась неопубликованной, как и план реконструкции храма Зевса Олимпийского (хранятся, предположительно, в архивах ГНИМА им. Щусева; см.: *Нащокина*). Не была осуществлена и планировавшаяся поездка в Палестину для знакомства с иудейскими древностями, которыми И. увлекался с давних пор — отчасти вдохновляемый библейскими работами брата, отчасти сам по себе, находя общность между древнееврейск. и антич. архитектур. памятниками.

Пораженный параличом в 1875, И. на оставшиеся два года жизни был обездвижен. Он скончался в Риме и погребен друзьями в Тестацхо. Все коллекции и архивы И., куда входили также бумаги старшего брата, завещаны им Моск. публичному и Румянцевскому музеям (ныне в РГБ). Библиотеку же и капитал И. отказал Германскому археол. ин-ту с тем условием, что на проценты, полученные с капитала, ин-т приложит усилия к изданию в красках этюдов и эскизов, выполненных братом, и затем — к изданию собственных работ И. После издания архив должен был быть передан в Моск. публичный музей, а процент с капитала — употреблен на учреждение в Петерб. АН спец. премии за лучшие сочинения в обл. естественной истории.

Архив И. приведен в порядок усилиями В. Генцена (Henzen), с которым И. был при жизни особенно близок, и В. Хельбига (Helbig), и в начале 1890-х частично опубл. (*Architektonische Studien...* Н. 1–3). Каждый выпуск («Греция», 1892; «Помпеи», 1895; «Термы Каракаллы», 1898), помимо эскизов и чертежей И., содержит рус. и нем. коммент. en regard; «варварский» перевод двух первых тетрадей на рус. язык был отмечен российским рецензентом в числе недостатков издания (Жебелёв. С. 415), и для перевода третьего тома был приглашен М. И. Ростовцев. Он же впоследствии рецензировал этот выпуск (Ростовцев. С. 478–481).

Оба рецензента сходятся в своей оценке наследия И.: хотя многое из того, чему посвящены «Архитектурные исследования», уже опубликовано, они все же имеют большую ценность «по той точности и строгости, с какою <...> проведены», как пишет Жебелёв, сожалел о запоздалой публикации работ. Ростовцев со своей стороны считал, что исследования И. только потому не стали широко известны, что вышли в свет через 30 лет после того, как были сделаны. Германский ин-т не издавал незаконченные рисунки

Иванова, оставленные им в карандаше; однако и они крайне точны. Германские комментаторы с сожалением отмечают, что осталось неоконченным обобщающее сочинение И. по истории греч. архитектуры, которое могло бы стать классич. пособием в этой обл. (*Architektonische Studien...* Н. 1. S. 15).

Таким образом, профессиональный уровень и масштаб работ И. контрастируют с тем почти фантастич. невезением, которое сопровождало его на протяжении всей жизни. Из-за недостатка средств его «археологические» изыскания не были доведены до конца. Проекты реконструкции, которые по сути явились первыми отеч. трудами в обл. антич. архитектуры, основанными на изучении памятника и фактич. материала (*Нащокина*), не получили должного освещения и достойной оценки, хотя значительно превосходили уровень работ современников.

Сочинения: *Architektonische Studien von Sergius Andrejewitch Iwanoff / hrsg. vom Kaiserlich Deutschen Archäologischen Institut. Н. 1: Aus Griechenland / mit Erläuterungen von R. Bonn; Н. 2: Aus Pompeji / mit Erläuterungen von A. Mau; Н. 3: Aus den Thermen des Caracalla / mit Erläuterungen von C. Huelsen. Berlin, 1892–1898.*

Литература: *Боткин М. П.* Александр Иванов. Его жизнь и переписка. СПб., 1880; *Новицкий А. П.* Опыт полной биографии А. А. Иванова. М., 1895; *Жебелёв С. А.* Архитектурные исследования С. А. Иванова: Вып. 1 (Греция) и 2 (Помпеи) // ЗРАО. 1896. Т. 8 (новая сер.). Вып. 3–4, 1. С. 413–415; *Железнов М. И.* Братья Ивановы: воспоминания // Живописное обозрение. 1899. № 1. С. 18–21; № 2. С. 39–41; № 3. С. 55–59; № 4. С. 79–81; № 5. С. 95–96; *Ростовцев М. И.* Архитектурные исследования С. А. Иванова: Термы Каракаллы // ЗРАО. 1901. Т. 12, вып. 3–4. С. 478–481; *Аскарьянц А., Машковцев Н.* Архив А. А. и С. А. Ивановых // ЗОР ГБЛ. 1958. Т. 20. С. 27–28; *Нащокина М. В.* Италия — «больше, чем счастье и радость» // Наше наследие. 2011. № 97. С. 6–23; *Жижина-Гефтер В. Б.* Итальянские этюды С. А. Иванова: к проблеме реконструкции памятников античной архитектуры в первой половине XIX века // Актуальные проблемы

теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 5 / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. СПб., 2015. С. 626–635; Некрологи: *Стасов В. В.* // Новое время. 1877. 23 февр. № 355; Пчела. 1877. № 8; Листок архитект. ж. «Зодчий». 1877. С. 50 ♦ *Петров П. Н., Юндолов А. Е.* Указатель к сборнику материалов для истории Имп. С.-Петербур. Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1887; *Собко Н. П.* Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, зодчих, рисовальщиков, граверов, литографов, медальеров, мозаичистов, иконописцев, литейщиков и проч. с древнейших времен до наших дней (XI–XIX вв.). СПб., 1895. Ч. 2; Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. Leipzig., 1926. Bd. 19. S. 391; Benezit Dictionary of Artists. Oxford, 2006. Vol. 5. P. 84.

Иконография: литографированное изображение надгробия в изд: *Architektonische Studien...* Н. 1; портрет для некролога: Пчела. 1877. № 8. 1-я с. обл.

Архивы: РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 2. Ед. хр. 68; *Письма С. А. Иванова:* РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 2. Ед. хр. 34; ГТГ. Ф. 51. 20 ед. хр.; ГРМ. Ф. 24. 58 ед. хр.; НИМ РАХ. Инв. № А-7218-7219, А-13508.

В. Б. Жижина-Гэфтер

ИВЕРСЕН

Юлий Богданович

IVERSEN Julius Gottlob

[5(17).4.1823, Ревель, ныне Таллин — 13(26).4.1900, Петербург],

нумизмат, хранитель

Минцкабинета Эрмитажа,

коллекционер медалей и монет

Родившийся в семье кандидата теологии и руководителя школы Готлиба А. Иверсена, И., согласно ф. с., «получил образование в Дерпт. ун-те (на филос. ф-те. — С. А.), из которого выбыл по выслушании лекций в течение 4-х лет, со степенью действительного студента, в 1847 году» (РГИА. Ф. 944. Оп. 1. № 11. Л. 47–48). Сохранился и диплом И. (на

нем. и рус. языках), в котором, в частности, говорится, что он «оказал в русском языке, именно в словесном переводе с русского языка на немецкий и в изустном объяснении на сем же языке — хорошие, в письменном — с немецкого на русский — довольно хорошие познания, и, вместе с тем, признан способным производить письменные дела на русском языке — довольно хорошо» (Там же. Л. 11). Впоследствии часть трудов И. будет выходить на рус., а часть — на родном для него нем. языке. Вероятно, все-таки русский язык И. не был безупречен, если в воспоминаниях о нем В. Г. Дружинин пишет, что он «хорошо говорил по-русски, хотя и с акцентом, и прибавлял к каждому двум словам: это-то-то!» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 193; цит. по: *Берестецкая*. С. 74). В хвалебной статье, посвященной И. и его науч. трудам, В. Г. Рихтер так объясняет некоторые несовершенства в его текстах: «Что касается “неточностей”, их надо прежде всего понимать как ошибки корректора, особенно обратив внимание на возможность недостаточного знания русского языка автором — эстляндцем...» (*Рихтер*. С. 555). В янв. 1851 И. был «Советом Императорского Дерптского ун-та удостоен степени и прав кандидата историко-филологического факультета, в чем и дан ему аттестат за № 89» (РГИА. Ф. 944. Оп. 1. № 11. Л. 47–48).

Первая большая работа И. «**Медали на деяния императора Петра Великого в воспоминание двухсотлетия со дня рождения преобразователя России**» (СПб., 1872) не только принесла известность автору, но и поддержала ученую славу Петришуле, как видно из письма министра народного просвещения от 16 дек. 1872 № 13367, направленного Ф. Ю. Ульриху:

Милостивый Государь Федор Юльевич. Государь Император, по всеподданнейшему докладу моему, в 11-й день текущего декабря, всемилостивейше соизволил на явление Высочайшей его Императорского

Величества благодарности как Совету Главного Немецкого училища при Евангелическо-лютеранской церкви св. Петра в С.-Петербурге, за издание по случаю празднования двухсотлетия со дня рождения Императора Петра Великого книги «Medaillen auf die Thaten Peter des Grossen. St. Petersburg, 1872» и поднесение оной Его Величеству, так и составителю сей книги, преподавателю того же училища, Коллежскому Советнику Иверсену. <...> Граф Дмитрий Толстой (РГИА. Ф. 944. Оп. 1. № 11. Л. 27).

Первый труд И. вышел, когда автору было почти пятьдесят лет. Школа помогла И. с изданием этой книги, как это случилось и ранее с небольшимopusом по медальерному искусству «**Beitrag zur russischen Medaillenkunde**» (вышел в рамках Programm der Petrischule за 1870). Для И. изучение медалей долго оставалось любимым, но не основным занятием, большую же часть его времени занимало преподавание древних языков в средних учеб. заведениях Петербурга (гл. обр., в соседнем с Зимним дворцом Реформатском уч-ще и Петришule).

Вероятно, это сочинение сыграло значительную роль в дальнейшей судьбе

И. как ученого — его наконец заметили. В 1877 Имп. Эрмитаж официально приглашает его (сперва как совместителя): «В виду определения к Императорскому Эрмитажу сверх штата, без содержания преподавателя училища св. Петра и Павла, коллежского советника Иверсена, с оставлением его на службе в означенном училище, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство уведомить меня в возможно непродолжительном времени, не встречается ли на сей предмет с Вашей стороны препятствия» (РГИА. Ф. 944. Оп. 1. № 11. Л. 29). Педагог и, вместе, ученый — это почетно для школы в том случае, если он должным обр. исполняет свои обязанности преподавателя и наставника, что с уверенностью можно сказать об И. Неудивительно, что директор незамедлительно отвечал согласием и переслал запрос министру народного просвещения: «Не видя препятствия в столь полезном и подходящем к занятиям учителя Иверсена занятии, я покорнейше прошу на это разрешения Вашего сиятельства» (Там же. Л. 31). Работу свою он выполнял в высшей степени добросовестно и не был к ней равнодушен, что с очевидностью следует из сохранившихся в архивах деловых документов, вроде след. свидетельства от инспектора классов Реформатского уч-ща: «Предъявитель сего, Господин Кандидат Философии, Юлий Иверсен, состоит уже семь лет при Реформатском Церковном Училище в звании преподавателя Латинского языка, и в течение всего времени не только оказал основательные сведения в науках и опытность в деле воспитания, но притом и отличился своей нравственностью, принося заведению существенную пользу» (Документы о службе учителя Главного немецкого училища св. Петра Юлия Богдановича Иверсена, год 1858 // РГИА. Ф. 944. Оп. 1. № 11. Л. 68).

В 1879 И. окончательно оставляет работу преподавателя (ему уже 56 лет, из

которых более 30 он обучал юношество) и поступает в штат Эрмитажа, где до конца жизни будет старшим хранителем Нумизматич. отдела. Здесь И. подготовил и издал ряд монументальных трудов по медальерному искусству, требующих между прочим эрудиции в лат. словесности. Кроме уже упомянутых, это: **«Медали, относящиеся к истории царевича Алексея Петровича и кронпринцессы Шарлотты»** (СПб., 1870); **«Медали, пожалованные Екатериной II некоторым лицам Донского войска»** (СПб., 1870); **«Словарь медальеров и других лиц, имена которых встречаются на русских медалях»** (СПб., 1874); **«Медали в память графа Алексея Петровича Бестужева-Рюмина»** (СПб., 1875); **«Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц»** (СПб., 1877–1896); **«Медали в память членов княжеского рода Голицыных»** (СПб., 1878); **«Медали, выбитые в царствование Александра II»** (СПб., 1880); **«Сатирические медали на события Северной войны»** (СПб., 1890). Он написал множество статей в рус. и нем. журналах (напр., в альм. «Berliner Blätter», «Изв. РАО», «Тр. археол. съездов» и др.), был чл. нескольких общ-в (чл.-корр. Археол. комиссии, чл. РАО, ООИИД, Общ-ва Истории и древностей Прибалтийского края, ОЛДП) и различных комиссий в составе этих общ-в.

Совместно с директором Петришуле Э. Э. Фризендорфом, при котором И. служил, он написал труд по истории прославленной школы со дня ее основания в 1710 до 1887 (**Zur Geschichte der St. Petri-Schule in St. Petersburg** / von E. Friesendorff, J. Iversen. SPb., 1887). Собственно история Петришуле написана Э. Э. Фризендорфом, а И. составил список всех преподавателей, которые когда-либо в ней работали, предлагая не только перечень фамилий, но в хронологич. порядке и краткую справку о каждом: с какого года работает, что преподает, куда

перешел затем (если перешел), в каком ранге состоит, иногда даты рождения и смерти. Это, видимо, способствовало продвижению по службе, в отношении чего тогдашняя бюрократия была весьма щепетильна. Однажды И. стали отказывать в повышении, т. к. для следующего чина не хватало нескольких месяцев; по этому поводу директору было направлено такое письмо:

«Г. Директору Главного Немецкого Училища при Ев. Церкви св. Петра в С.-Петербурге. Учитель Главного Немецкого Училища при Евангелической Церкви св. Петра в С.-Петербурге, коллежский секретарь Иверсен, представленный к производству в следующий чин за выслугу лет, не мог быть включен в общее по округу представление, так как в списках сказано, что Иверсен вне службы не был, между тем в статье о прохождении службы не объяснено, где именно он состоял на службе с 23 января 1852 г., т. е. со дня производства в настоящий чин, по день определения его учителем в Главное Немецкое Училище 1 января 1855 года, а напротив в следующей статье сказано, что Иверсен действительно выслужил по 1 ноября 1858 в чине Коллежского Секретаря 3 года 10 месяцев, следовательно исключено при этом все время, считая со дня производства в чин коллеж. секретаря, по день поступления в Главное Немецкое Училище. Если по этому Иверсен находился в продолжении упомянутого времени вне службы, то в статье о прохождении службы следует также объяснить, что он прекратил тогда-то свои занятия по званию Домашнего Учителя в таком-то частном доме. Сверх того, необходимо иметь в таком случае удостоверение полицейского начальства о поведении Иверсена за время нахождения его в отставках. Время же состояния его в звании преподавателя при Реформатском Церковном Училище в Санкт-Петербурге, что видно из возвращаемого при сем свидетельства, выданного Иверсену из этого Училища, не может быть зачислено ему в службу, ибо учителя означенного училища в действительной службе не считаются» (РГИА. Ф. 944. Оп. 1. № 11. Л. 70).

В конце концов директор И. Б. Штейнман каким-то обр. выправил бумаги и добился для И. чина тит. сов. со старшинством менее чем через два месяца (Там же. Л. 73–74).

Сохранились прошения И. о разрешении на поездки в Германию, во Францию и др. — в каникулярное и (иногда) в учеб. время (последнее случилось ради сопровождения тяжело больной жены для лечения). Такие прошения никогда не встречали отказа, хотя бывало, что И. уезжал по несколько раз в год (РГИА. Ф. 944. Оп. 1. № 11. Л. 109–137).

Мнения коллег о деятельности И. были самыми различными — от восторженно-восхищенного (*Рихтер*. С. 555–558; *Трутовский*. С. 757) до снисходительно-критич. (*Спасский*. С. 172), однако все отмечают его доброжелательность и готовность помочь. По словам В. Г. Дружинина, он был человеком добродушным и общительным, а также весьма обеспеченным: имел собственный дом (Гороховая ул., 31) и собирал свою нумизматич. коллекцию (см.: *Берестецкая*. С. 74). Позже богатая коллекция монет и медалей вместе с б-кой была выкуплена у его сына и находится теперь в Эрмитаже (АГЭ. Ф. 47. Оп. 5. № 116; *Спасский*. С. 173). Собирал И. и жетоны, «начиная от расчетных марок пивных и кончая собачьими номерами городских управ» (Там же). Тогда это казалось комичным, но со временем получило ист. интерес.

У И. было несколько детей; его сын, известный медик и ученый Юлий Юльевич Иверсен, служил в Обуховской больнице; в частности, он содействовал внедрению препарата 606 (препарат Эрлиха) в России.

Литература: *Трутовский В. К.* Юлий Богданович Иверсен // ИВ. 1900. Т. 80. С. 757; *Штерн Э.* Юлий Богданович Иверсен // ЗО-ОИИД. 1901. Т. 80. С. 16–17; *Спасский И. Г.* Нумизматика в Эрмитаже: очерк истории Минцкабинета — отдела нумизматики //

Нумизматика и эпиграфика. 1970. Т. 8. С. 123–234; *Рихтер В. Г.* Памяти Ю. Б. Иверсена // Собрание трудов по русской военной медальстике и истории. Париж, 1972. С. 555–558; *Берестецкая Т. В.* О русских нумизматах по «Воспоминаниям» В. Г. Дружинина // Очерки по истории отдела нумизматики: нумизматический сборник. Ч. 12. М., 1993. С. 70–80 (Труды ГИМ; вып. 83) ♦ БС МАО; Брокгауз; *Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В.* Словарь нумизмата / пер. с нем. М. Г. Арсеньева. М., 1982. С. 97; Сотрудники Имп. Эрмитажа. С. 68–69; Тункина 2017; Биографика СПбГУ (со справкой об архивах); Album Dorpat; DBBL; EAD.

С. Э. Андреева

ИКОНОМ(ОС) / ЭКОНОМИД Константин

IKONOMOS / ΕCONOMIDES Κ.

[27.8(8.9).1780, Царицана, или Дзаридзана, Фессалия, Оттоманская империя — 8(20).3.1857, Афины],
*греч. церк. деятель, богослов
и филолог, борец за свободу Греции*

Иконом(ос) — изначально прозвание Константина по его церк. должности; в России его называли также К. Экономович; в европ. графике: Konstantin(os) Oiko-, Eсо- или Ikonomos, Oikonomides; по-греч. Κωνσταντῖνος Οἰκονόμος ἔξ Οἰκονόμων, или Οἰκονομίδης. Род. в фессалийском местечке Царицана (Τσαριτσάνη). Отец И. — эконом Элассонской епархии, основательно обучил сына лит. греч. языку; француз. языку его учил грек, получивший образование в Германии. Уже в детстве И. сочинял гекзаметры в подражание Гомеру, а двенадцати лет назначен чтецом (анагностом) Царицанской церкви. И. странствовал по Фессалии и Македонии, проповедуя и постепенно поднимаясь по церковной иерархии (диакон, пресвитер, затем иерокирик). В 1806 в связи с восстанием в Фессалии Али-паша Тепеленский / Янинский заключает И. в тюрьму в Янине, своей

столице, откуда тот был выкуплен богатым доброжелателем. Константинопольский патриарх Григорий V (Ангелопулос) объявляет И. наместником митрополита в Фессалии. Преподавание в Царицанской школе, потом (1809–1819) в знаменитой Филол. гимназии Смирны принесло И. общегреч. известность; среди его учеников был Сивини(с), личное имя которого передают по-разному — важнее то, что впоследствии он напишет жизнеписание своего учителя. В Стамбуле, кроме титула οἰκονόμος, И. стали называть и «главным проповедником» Патриаршего дома. В эти же годы в Вене изданы его (греч.) труды: Катихизис (1813), риторика по Аристотелю (1813), трактаты по грамматике и поэзии (1817).

Новый период жизни И. начался в 1821 вместе с Греч. восстанием и последовавшей за этим отчаянной борьбой. Трагедия И. о Константине XI Палеологе, павшем в бою с Мухаммедом II, погибает в рукописи, а И. бежит в Одессу, куда вскоре привозят тело замученного турками Григория V (см. воспоминания А. С. Стурдзы об этом событии: *Œuvres posthumes <...> d'A. de Stourdza. Souvenirs et portraits. Paris, 1859. P. 64–70*). Знамениты слова И. из надгробной речи патриарху: «Пусть узнает вся вселенная, что Магомет пал, а Еллины живы» [паралл. текст на греч. и рус. яз.; пер. И. Артинов. М., 1821; три речи этого рода объединены в сб. **«Слова, говоренные в Одессе на греческом языке в 1821 и 1822 годах»** (СПб., 1829)].

Как воспитатель детей греч. семьи Мурузи, с потерями бежавшей от турецкого преследования, и как соратник А. С. Стурдзы, с которым он останется связан до конца жизни, И. после Одессы оказывается в Санкт-Петербурге (с 1821 по 1832), где становится одним из ходатаев за национальное греч. государство, своим неутомимым пером содействуя укреплению филэллинских настроений в России.

Поддержку рус. царя и внимание общ-ва заслужила в особенности попытка И. показать необыкновенную близость рус. и греч. языков. По предложению А. С. Шишкова за свои труды, связанные с историей греч. языка и словесности, И. в 1828 избран чл. Академии Российской; в 1830 он становится почетным чл. Моск. ун-та, а в 1835 — чл. конференции СПбДА (*Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 392*). По просьбе Каподистрии И. составляет проект ДА в Афинах. В 1832 И. отправляется домой через Германию, где его избирают чл.-корр. Прусской АН. В Италии он получает аудиенцию у папы Григория XVI и знакомится с кардиналами-филологами — Анджело Майи и Дж. Меццофанти. С 1834 И. живет в Афинах, где выступает как один из деятелей прорус. партии, все определеннее ведя борьбу за охранение православного канонич. строя и все резче противопоставляя православие каким бы то ни было новым течениям.

Лит. и ист. занятия И. были разнообразны: помимо сочинений по церк.

истории и культурной политике, он принимает оригинальные ист.-филол. исследования. В течение многих лет И. был одной из самых видных персон православного мира; самый дом его в Афинах сравнивали с академией. Монография об И. на фоне идей А. Кораиса (*Papaderos A. Metakenosis: Griechenlands kulturelle Herausforderung durch die Aufklärung in der Sicht des Korais und des Oikonomos. Meisenheim a. Glan, 1970*) выясняет развитие взглядов И. на мировую и греч. культуру. Тщательное издание корреспонденции И. (*Κωνσταντίνος Οικονόμος ὁ ἐξ Οἰκονόμων. Αλληλογραφία / επιμέλεια Κ. Λάππας, Ρ. Σταμούλη. Τ. 1–2. Αθήνα, 1989–2002*) — показывает масштабы его деятельности. Большой крест ордена Спасителя от греч. короля И. получает на смертном одре. На похороны И. весь город оделся в траур, а сам он в церк. облачении посажен для прощанья в высокое кресло: он и умерший словно бы поучал.

Рус. связи И. многообразны. Он взаимодействовал и переписывался со множеством ученых деятелей — рус. или живших тогда в России. С самого начала к И. в России обращались по всяческим вопросам: так, гр. А. Ф. Ланжерон спрашивал его, можно ли употребить некоторых из прибывших в юж. край греков «ежели не для преподавания наук, то по крайней мере для упражнения, посредством разговоров, в греческом языке» [*Архимандрит Антонин (Капустин)*. Донесения из Константинополя (1860–1865). М., 2013. С. 142; коммент.: С. 211–212]. Особенно тесными были отношения И. со Стурдзой и его семейством, включая наблюдательную сестру Стурдзы Роксандру (она же граф. Эдлинг); после кончины Стурдзы И. написал его биографию (*Ἀλέξανδρος ὁ Στοῦρζας. Βιογραφικὸν σχέδιασμα. Αθήνησι, 1855*). Сочинением, вызвавшим волну интереса в рус. общ-ве, стал труд И. о родстве греч. и рус. языков [*Δοκίμιον*

περὶ τῆς πλησιεστάτης συγγενείας τῆς Σλαβόνο-Ρωσικῆς γλώσσης πρὸς τὴν Ἑλληνικὴν, συνταχθὲν ὑπὸ τοῦ Οἰκονόμου etc. Κωνσταντίνου πρεσβυτέρου τοῦ ἐξ Οἰκονόμων γενεαλογουμένου etc. (gr. et ross.) Μ. α–β. Τ. α–γ. Ἐν Πετροῦπόλει, 1828. Рус. заглавие этого труда: **Опыт о ближайшем родстве языка славяно-русского с греческим, сочиненный экономом вселенского патриаршеского престола etc. пресвитером Константином Экономидом**. Перев. свящ. Гавриилом Меглинцким etc. СПб., печат. по определению и на иждивении Российской Академии, 1828].

Это сочинение, созданное стремительно (до своего приезда И. рус. языка не знал), должно было обосновать представление, что рус. язык некоторым образом вышел из греч. или, иначе, будто оба они когда-то составляли некое особое единство. Чтобы поубедительнее заявить свой тезис, автор проявляет немалую ученость и неослабную изобретательность, используя следы подлинного древнего родства индоевроп. языков, заимствованную в рус. из греч. и — очень широко — лишь кажущуюся родственной лексику обоих языков. Индоевропеистика в ту пору только становилась на ноги (*Graefe F. Lingua Graeca et Latina cum Slavicis dialectis in re grammatica comparatur. Petropoli, 1827*), а рус. литераторам нравилась мысль о некоей несравненной близости рус. языка с самим греческим, что отлично вписывалось в идею т. н. Греческого проекта. У И. рус. язык выступал, правда, как плохо расслышанный соседями-славянами язык греч., а произошло это языковое недоразумение где-то в сев. Греции, в обл. между эолийской Фессалией и Македонией (в родных, кстати, местах исследователя).

Науч. критика неприемлемого в лингв. отношении «Сродства» имела место уже у Ю. И. Венелина (так звался в России

закарпатский русин Георгий Хуца), а позже — у писавшего об И. критически С. И. Смирнова, проф. Моск. ДА (Константин Экономос и сочинение его о родстве Славяно-русского языка с Еллинским // Годичный акт в Моск. духовной академии. 1 окт. 1873 г. М., 1873–1874. С. 19): «Нельзя не признаться, что в большинстве случаев это сближение [греч. и рус. языков. — А. Г.] страдает крайними натяжками». Другое дело, что интерес к истории балканских языков и симпатия к борьбе греков с турками вполне подходили к рус. филэллинизму. В пору радушной рецепции в России сборника «Простонародные песни нынешних греков с подлинником, изданные и переведенные в стихах, с прибавлением Введения, сравнения их с простонародными песнями русскими и примечаний Н. Гнедичем» (СПб., 1825) И. участвовал в издании своими советами, воспринимаясь как авторитет среди рус. писателей (Гнедич, Пушкин, Лермонтов, Белинский и др.).

Др. труд И., имевший некоторый отклик среди наших эллинистов и выражающий идеи, до сих пор влиятельные среди самих греков, — это его сочинение о произношении древнегреч. языка «*Περί τῆς γνησίας προφορᾶς τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης βιβλίον*» (СПб., 1830). Тогда же с греч. оригинала (*non vidi*) была сделана рус. версия: «**Наставление об истинном произношении некоторых греческих букв, извлеченное из книги о сем же предмете греческого священника Экономоса Ивана Мартыновым**» (СПб., 1831). И. полемизирует здесь с т. н. реконструируемым произношением — *pronuntiatus restitutus* — по Эразму, доказывая, что греч. язык и в древности звучал в общем так, как нынешние греки говорят теперь. Но если система, постепенно сложившаяся при передаче греч. гласных, действительно показывает также и ранние примеры итацизма, это не может переменить ист. реконструкцию «эразмитов» в главном;

мнение греков могло помочь европейцам разве что осознать, что эразмово произношение, вполне уместное в Европе по своему дидактич. удобству, и само не является досконально научным. В итоге умеренные исследователи с обеих сторон пошли на уступки, признавая, что надо различать произношение греч. в разное время и всякий раз учитывать сложные отношения между фонологией, фонетикой и орфографией.

Значение И. как филолога позже сказало в вопросе, важном для рус. культуры, когда развернулись споры вокруг новых переводов Библии. Полностью Синодальное издание вышло после отчаянной борьбы только в 1876, причем существенным оказался вопрос о соотношении др.-евр. и греч. текста Ветхого Завета (это было уже после выезда И. из России, в 1840-е). Исторически сложившийся подход к решению этой задачи у православных шел от греч. Септуагинты. В виде ответа Лондонской б-ки общ-ву, стоявшему за новые переводы Ветхого Завета с др.-евр., в т. ч., между прочим, и на новогреч., И. создает и публикует четырехтомный труд о Септуагинте: «*Περί τῶν ἑβδομήκοντα ἑρμηνευτῶν τῆς Παλαιᾶς θείας γραφῆς*» (Αθήναι, 1844–1849), где он не только отстаивал церк. авторитет «Перевода 70 толковников», но и высказал яростное отрицание авторитетности др.-еврейск. текста в масоретской редакции (авторитетнейший *codex Leningradensis*, воспроизводимый полностью как *Biblia Hebraica Leningradensia*). Существенной предпосылкой обширного труда И. является тезис о подлинности «Письма Аристеея», будто бы восходящего к первой пол. III в. до н. э. (ныне в науке общепринятым является взгляд, по которому это псевдоэпиграф, созданный в конце II в. до н. э.). И. решительно возражал против распространения Библии на новогреч. языке, раз уж грекам она доступна в своем наиболее авторитетном виде — том самом, в каком она

явилась по-греч. и бытовала в руках апостолов. Внутренне сходную позицию (часто — опираясь на положения И.) отстаивали ультраконсервативные критики Синодального перевода, напр., Феофан (Говоров, 1815–1894), который ядовито называл этот перевод «Синодальным сочинением» и мечтал сжечь его на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге, раз оно опирается на масоретский текст. Напротив, один из участников Синодального перевода, проф. МДА гебраист П. И. Горский-Платонов, рассмотрев кропотливую аргументацию И., показал фатальные изъяны и огорчительные неточности в его методе. Основываясь на перепроверенных филол. подсчетах, Горский-Платонов заключает свою критику так: «...нежелательно мне, чтобы образ Экономоса остался у читателей с теми чертами, которые выяснились приведенными примерами. Для некоторого сглажения их считаю нужным заметить, что Экономос слишком привязан был к той идее, которая в более близкое к нам время получила название филеллинизма» (Православное обозрение. 1877. Т. 1. С. 69–104, 260–284, 681–702).

Действительно, связи И. с деятелями рус. культуры были разнообразными, часто плодотворными. Еще бар. Г. А. Розенкампф консультировался у него по поводу православного канонич. права [публ. И. П. Медведева в сб.: ΚΑΤΕΥΘΛΙΟΝ: In memoriam Nikos Oikonomides / εκδ. επιμ. Σπύρος Ν. Τρωιάνος. Αθήνα, 2008 (Forschungen zur Byzantinischen Rechtsgeschichte. Athener Reihe; 15)]. Письма С. Ю. Дестуниса показывают дружеские отношения между обоими греч. деятелями, связавшими свою судьбу с Россией (Αλληλογραφία. Т. 2. № 209 и 300). Не говоря о Гнедиче, И., как можно догадываться, находился в поле зрения Пушкина, для которого — как и для Дж. Байрона — древний Тиртей и современные греч. бунтари не были отделены друг от друга непроходимой

стеной. Священнослужитель и эрудит, И. воспринимался в стиле Евгения Булгариса (1719–1809); характерно, что, указывая в 1864 рус. властям, на кого бы им опереться, архимандрит Антонин Капустин в похвалу своему кандидату говорит, что может его «сравнить из греков только с покойным Икономом» [Архимандрит Антонин (Капустин). Донесения из Константинополя. С. 142; коммент.: С. 211 и след.].

Восприятие И. в России оказалось связано с филэллизмом в его рус. обличи. Мысль о глубоком влиянии греч. языка и словесности на др.-рус. словесность и язык справедлива, хотя И. принял за дело с односторонним увлечением. Тем не менее, как случается в культурной истории, ошибочные построения в случае их преодоления бывают плодотворны. Через полстолетия науч. взгляды И. на предметы, связанные с ролью греч. культуры, были в России оценены более зрело, освобождены от излишней злободневности и подготовили, в частности, ист. перспективу при оценке таких деятелей, как Константин Иконом.

Литература: Дестунис Г. С. О жизни и трудах Константина Экономоса // Странник. 1860. № 7. С. 1–23; Гаврилов А. К. Константин Икономос (Экономид) — борец и ученый // Spicilegium Byzantino-Rossicum: сб. статей к 80-летию чл.-корр. РАН И. П. Медведева. М.; СПб., 2015. С. 66–81; Tischendorf K. in: Augsburger Allgemeine Zeitung. 1857. 10 April. (рус. пер.: Сев. пчела 1857. № 87. С. 1); Patsavos Lewis J. Konstantinos Oikonomos of the Oikonomoi // Post-Byzantine Ecclesiastical Personalities / ed. by Nomikos M. Vaporis. Brookline, MA, 1978. P. 69–85 ♦ РБС; Смышляева 2015; Μεγάλη Ελληνική Εγκυκλοπαίδεια. Αθήνα, [1932]. Т. 18.

Архивы: Gennadius Library (Афины); письма А. С. Стурдзы и И.); Archiv der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften (BBAW). PAW (1812–1945). II–III–115, den 30. Okt. 1832 — 13. Dez. 1832 (документы, связанные с выборами И. в прусскую АН).

Иконография: Живописная русская библиотека. 1858. № 3.

А. К. Гаврилов

ИОНИН

Александр Осипович (Иосифович)

IONIN A. O.

[11(23).11.1834, Петербург —
21.12.1882(2.1.1883), там же;
Смоленское правосл. кладб.],
филолог

Из семьи «канцеляриста» (работника типографии АН). Окончил с похвальным аттестатом Ларинскую гимназию (1853) и классич. отделение Петерб. ун-та (1857, кандидат; студ. д.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 7073). С 1859 сверхштат. учитель древних языков Ларинской гимназии. С мая 1862, причисленный к МНП, был командирован на два года за границу для приготовления к профессорскому званию; вернувшись в 1864, выдержал магист. экзамен. Преподавал лат. язык в Петерб. 3-й гимназии (1865–1868) и Петерб. ИФИ (1867–1875): экстр. проф., секр. конференции ин-та (1869–1871). В 1873–1875 был приглашен для преподавания в Петерб. ун-т: читал на младших курсах лат. грамматику и римск. древности. В 1875 вышел в отставку по болезни; его единственная дочь Мария еще в 1899 была курсисткой (см. прошение вдовы: ЦГИА СПб. Ф. 439. № 159; там же ф. с.).

Декан ИФФ И. И. Срезневский сожалел, что подававший науч. надежды И. (единственный «классик» на своем курсе) по стечению обстоятельств «отложил приобретение высших ученых степеней» (*Помяловский*. С. 59), видимо, с молодости не обладая необходимым для напряженной науч. работы здоровьем. Как ученик Н. Б л а г о в е щ е н с к о г о (*Семевский* М. Н. М. Благовещенский. Полувековая годовщина его ученой и общественной деятельности // РС. 1892. № 2. С. 533) тяготел к ист.-лит. занятиям: его незавершенная магист. дис. была посвящена влиянию греч. поэзии на

творчество Горация. Во время командировки в Берлин и Бонн (см.: Извлечения из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию // ЖМНП. 1863. Февр. Отд. II. С. 137–140; Апр. Отд. II. С. 141–149) добросовестно пополнял науч. багаж, слушая критику текста у М. Гаупта, ист. грамматику у Ф. Ричля, комментарий к Тациту у Л. Шопена, историю греч. литературы и археологию у О. Яна.

Печатные труды И. неизвестны, если не считать магистрантских отчетов в «ЖМНП»: был одобрен, в частности, его отчет о курсе энциклопедии и методологии классич. филологии, в котором И. подробно излагал, как А. Бёк толкует понятия грамматич., ист., индивидуальной и «генерической» (жанровой) экзегезы (**О филологической герминевтике. Отчет о слушании лекций проф. Бёка** // ЖМНП. 1863. Нояб.),

возможно, в противовес синхронно опубликованным скандальным отзывам о берлинской школе А. Г. Новосёлова и В. И. Модестова — И. занимался в Бонне в те же годы (см. *Модестов В. И. Заграничные воспоминания* // ИВ. 1883. № 2. С. 392). В петерб. гимназиях пользовался репутацией отличного латиниста — «прекраснейшего преподавателя, глубокого знатока древней филологии, приобретшего огромное влияние на учеников» (Аничков. С. 206). Помяловский вспоминал: «То, что высказывал Ионин, было им передумано, облечено в надлежащую форму и поражало своей простотой и отчетливостью. Особенно важна была эта ἀκρίβεια в грамматических объяснениях и определениях, которые у Ионина были образцовыми» (БС СПб. ун-та. Т. 1. С. 287). Считался также знатоком римск. литературы — охотно

цитировал наизусть Горация, Тацита, Сенеку, в аудиторном переводе умел передавать стиль оригинала. В жизни был скромен и бескорыстен: в отставке, когда «недуг препятствовал выходить ему из дому, собирал около себя приходящих учеников, которых даром обучал латыни» (*Помяловский*. С. 62).

Литература: Пам. книжки СПбИФИ. 1874, 1887 и 1892, 1898 (списки); *Помяловский И. В. А. О. Ионин: некролог* // ЖМНП. 1883. Янв.; Пятидесятилетие С.-Петербург. Ларинской гимназии. 1836–1868. СПб., 1886; Бывшая 3-я гимназия ♦ БС СПб. ун-та; Прозоров; Венгеров (Словарь, Источники, Список); Черняев; Сайтов 2006; Биографика СПбГУ.

Архивы: Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 608 (Помяловский). Оп. 1. № 462, 821, 4899; ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петербург. ун-т). Оп. 3. № 7073 (студ. дело); Ф. 53 (Петербург. ИФИ). Оп. 1. № 32, 164, 278, 340, 373, 794; Ф. 439 (Петербург. третья гимназия). № 159.

В. П. Смышляева

К

КАЛЬ

Алексей Федорович

КАНЛ / KALL Alexis

[29.1(10.2).1878, Петербург —
7.9.1948, Лос-Анджелес, США,
кладб. Hollywood Forever],
филолог, историк музыки

Из семьи провизора. По окончании Петерб. 1-й гимназии (1888–1896) занимался на ИФФ Петерб. ун-та; с 1899 неоднократно выезжал за границу (Германия, Италия, Тунис, Лейпциг, Париж, Брюссель) для сбора материалов по истории антич. и европ. музыки. После выпуска (1901) был оставлен при каф. истории и теории искусств (в 1903 двухлетний срок магистратуры К. был продлен; см.: Протоколы Петерб. ун-та за 1903. С. 97). Стажировался преимущ. в Лейпц. ун-те; слушал курсы В. Вундта; там же в 1902 выдержал у П. Кречмера экзамен по истории музыки («первый русский доктор истории музыки») и защитил дис. «Die Philosophie der Musik nach Aristoteles» (1903; д-р философии), переработав вариант, подготовленный еще в Петербурге. Возвратившись в Петербург, сдал экзамен на право преподавания истории искусств. Прив.-доц. Петерб. ун-та с 1906: читал курс истории музыки, руководил ун-тским драматическим кружком (с 1909). В разные годы преподавал древние языки

и историю искусств в Петерб. 1-й (1904) и 6-й (1903–1908) гимназиях, Александровском лицее (1909–1917), Пед. академии, Мариинской женской гимназии и на Высших курсах Лесгафта. Чл. Петерб. ОКФП (1906). Предс. общ-ва ревнителей классич. музыки им. А. Рубинштейна, глава правления консерватории Петерб. общ-ва народных ун-тов. С 1918 жил в США, занимаясь преподаванием игры на фортепиано и музыковедением.

Ученик незаурядного гимназич. педагога Ф. А. Лютера, которому К. посвятил свою дис. и благодарные слова в речи на диспуте. Гимназич. и ун-тский товарищ поэта И. И. Ореуса (Коневского). К. с юности был увлечен литературой и музыкой (имел музыкальное образование и аккомпанировал себе на лекциях и вечерах); в письмах Ореуса фигурировал под дружеским прозвищем Флорестан, использовавшимся впоследствии К. и как криптоним (Писатели символистского круга: новые материалы. СПб., 2003; по указ.). В ун-тские годы испытал также сильное влияние ярких лекторов культурологического направления А. В. Прахова и Ф. Ф. Зелинского. Занятия историей музыки (прежде всего новой европ.) стали основными в его науч.-лит. биографии: с юности К. сотрудничал как рецензент с различными музыковедческими изданиями (преимуществ. «Русской музыкальной газетой»

и журналом «Театр и искусство»). Целью своей науч. деятельности (см. письмо Н. Ф. Финдейзену: ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 2. № 1429. Л. 10 об. и 11) в молодости ставил «добиться какого-нибудь успеха» в обл. истории музыки, «вести историю музыки как строго научный предмет в университетский курс» и написать (по-немецки) большую «Историю русской музыки» с приложением музыкальной хрестоматии. Основным науч. трудом К. осталась дис. **«Die Philosophie der Musik nach Aristoteles»** (Leipz., 1902), устремленная к выявлению единства принципов аристотелевской и современной музыкальной эстетики при сопутствующем уточнении семантики базовых терминов (гармония, мелодия, ритм и др.) в высказываниях Аристотеля о музыке. Реже К. касается фрагментов др. антич. трактатов о музыке — пифагорейских и позднеримских. В постоянном диалоге и эпизодич. полемике с авторитетами в обл. антич. музических искусств (гл. обр. с Ф.-А. Гевартом, автором «Histoire et théorie de la musique de l'Antiquité», и Р. Вестфалем) К. суммирует представления Аристотеля

(по отд. главам «Политики», по его «Поэтике» и по приписываемому Аристотелю сочинению «Проблемы») о месте вокальной и инструментальной музыки в системе бытия и искусства с точки зрения предложенной философом теории раздражения, рассматриваемой с учетом ее роли в этич. воспитании граждан. Хотя К. не оставлял преподавания древних языков и выступал с лекциями по истории древней культуры (напр., **«Зарождение театра из культа Диониса»** в Виленской 2-й гимназии; см.: Гермес. 1908. № 4. С. 107), в его увлечениях преобладал интерес к наследию музыкальной романтич. школы (особенно близко К. было творчество Р. Шумана и Ф. Шопена). Пропаганде произведений ее представителей он посвятил многочисленные рец. и выступления, в т. ч. циклы лекций в Общ-ве народных ун-тов (**«Романтизм в музыке»**, **«Эпоха романтиков в истории музыки»**, **«История происхождения современной западноевропейской музыки»**). В сообщениях о публичных выступлениях, с которыми К. выезжал и за пределы Петербурга, неизменно подчеркивается его компетенция и дар слова, а кроме того, «широкое музыкальное образование, позволившее ему дать к своей беседе художественные музыкальные иллюстрации» (Гермес. 1916. № 10. С. 245). Исследователь-энтузиаст, К. обращался к сюжетам отеч. фольклора: напр., в поисках истоков легенды о граде Китеже он ездил в Нижегородскую губ., руководствуясь сочинениями писателя Мельникова-Печерского (антич. параллелями этого сказочного сюжета К. считал описания подземного мира у Гомера и Вергилия).

К. с гимназич. времен был дружен с Игорем Стравинским, а в 1939–1940 тесно сотрудничал с ним как секретарь, антрепренер и переводчик (*Стравинский И. Ф.* Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Т. 3. М., 2003).

Брат востоковеда и нумизмата Евгения Федоровича Каля (1863–1891) и художника Федора Федоровича Каля (1865–1923).

Литература: «Наставникам, хранившим юность нашу»; *Буткевич К. Ф., Николаев Л. П.* Ист. записка, изданная ко дню пятидесятилетия С.-Петерб. шестой гимназии. СПб., 1912; В. Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. М., 1994; *Colin Slim H.* Unknown Works and Music, 1939–1944, by Stravinsky, for His Longtime Friend, Dr Alexis Kall // *Words and Music: Essays in Honor of A. Porter.* Hillsdale; NY, 2003. P. 300–319 ♦ Брокгауз; Воронков.

Архивы: *Личный фонд:* UCLA Library Special Collections. 601; *Отд. документы и письма:* ОР РНБ. Ф. 816 (Н. Ф. Финдейзен); ЦГИА СПб. Ф. 11 (Александровский лицей), 114 (Петербург. первая гимназия), 458 (Петербург. шестая гимназия).

В. П. Смышляева

КАРИНСКИЙ Михаил Иванович

KARINSKIJ M. I.

[4(16).11.1840, Москва —
20.7(2.8).1917, дер. Большая
Субботиха, ныне Кировской обл.;
Успенский Трифонов монастырь,
Вятка (ныне — Киров)], *философ,
логик, историк философии*

Родился в семье священника. Выпускник духовной семинарии (1858) и МДА (1862); магист. дис. «**Египетские иудеи при Птоломеях**». Доц., а затем проф. СПбДА (1869–1884) сначала — каф. метафизики, а с 1874 — каф. истории философии. В 1871–1872 стажировался в ун-тах Йены и Гёттингена; в Гейдельберге слушал Э. Целлера. В 1880 за дис. «**Классификация выводов**» (одним из рецензентов и оппонентов был М. И. Владиславлев) получил степень д-ра философии в Петерб. ун-те. За этим сочинением последовал труд

«**Об истинах самоочевидных**» (СПб., 1893), оригинальность и ценность которого признавали российские коллеги К., о чем между прочим свидетельствует полемика с А. И. Введенским. Преподавал философию и логику на Педагогических курсах и ВЖК (1882–1889). Почетный чл. основанного в 1897 Филос. общ-ва при Петерб. ун-те.

Наследие К. в обл. классич. древности связано с изучением идейной атмосферы александрийской диаспоры (**Египетские иудеи** // ХЧ. 1870. № 7, 9; отд.: СПб., 1870; **Подложные стихи в сочинении иудейского философа Аристовула** // ЖМНП. 1876. Янв.). Уже в этих ранних работах, посвященных тому, как иудейство вступило в борьбу с язычеством на египетской земле, критика отмечала хорошее знание древнегреч. и столь полезное для дела знакомство К. с древнееврейским языком (*Радлов С. Т.*).

Неудивительно, что К. занимали идейные течения поздней античности, ради изучения которых он написал работу «**Аполлоний Тианский**» (ЖМНП. 1876. Ноябрь.). Особенно весом его вклад

в изучение философии досократиков (**Темное свидетельство Ипполита о философе Анаксимене** // ХЧ. 1881. № 9–10; **Связь философских взглядов с физико-астрономическими в древнейший период греческой философии** // Там же. 1883. № 5–6). Если бы последняя из названных работ была опубликована на одном из западно-европ. языков, изучение досократиков могло бы пойти иным и более плодотворным путем — исследование до сих пор не превзойдено и не имеет аналога.

Досократикам посвящена и монография К. **«Бесконечное Анаксимандра»** (СПб., 1890), которая первоначально вышла в трех выпусках ЖМНП (1890. Апр. С. 314–378; Май. С. 74–119; Июнь. С. 223–263). К. исходит из представления о том, что бесконечное Анаксимандра мыслилось не чисто абстрактной бесконечностью, но реально существующим предметом телесной природы, и пытается уточнить это представление. Задача эта крайне сложна, поскольку сочинение Анаксимандра не сохранилось, а сведения о его взглядах отрывочны и порой противоречивы: сплошь и рядом приходится обсуждать не только то, что сказали об Анаксимандре Аристотель и Феофраст, но и что они при этом имели в виду. Неясно бывает и то, почему древние комментаторы Аристотеля придали его и Феофраста словам то или иное значение и насколько все это соответствует логике вещей. К. показывает, что Аристотель не видит у Анаксимандра учения о вечном существовании неизменных по своей природе элементов (какое он видит у Анаксагора и Эмпедокла). В представлении Аристотеля бесконечное Анаксимандра является телом однородным, но не «простым» (как у Анаксимена, у которого посредством сжатия и разрежения происходят видоизменения первоначала), а «составным», способным выделить из себя разнородное. К. далее приходит к выводу, что Аристотель отождествлял бесконечное Анаксимандра с веществом, которое является чем-то средним между огнем и воздухом. В связи с этим К. делает интересный экскурс о философии Архелая, который, по его заключению, в качестве

первоначала постулировал вещество, промежуточное между воздухом и водой. Остается, правда, не вполне ясным, до какой степени сам К. готов солидаризоваться с тем пониманием бесконечного Анаксимандра, которое он устанавливает для Аристотеля. Более решительным образом К. проясняет логическую связь между бесконечным Анаксимандра и его идеей вечного движения. В заключительной части К. высказывает ряд соображений об ист. значении философии Анаксимандра. Всю работу отличает тщательность аргументации, последовательность в подходе к материалу, детальное рассмотрение свидетельств. К. пишет внятно, избегая неясности при выражении тонких филос. идей; сам выбор слов в его переводе антич. свидетельств способствует прояснению взглядов греч. мыслителей.

Сохранился курс лекций К., читанный им в Петерб. духовной семинарии (**Лекции по истории древней философии**. СПб., 1889). Ценна редакторская работа К. по изданию классически сжатого изложения Э. Целлера «Очерк истории греческой философии» (СПб., 1886).

В заключении пространной статьи Э. Л. Радлова о К. (*Радлов*. С. 54) историк античной логики и этики дает такую оценку творчества К., который в тот момент находился в лучшей поре своей жизни: «...вклад М. И. Каринского в развитие человеческой мысли настолько значителен, что его имя будет упоминаться наряду с крупнейшими мыслителями, занимающимися логикой и гносеологией».

Литература: *Радлов Э. Л.* Ученая деятельность профессора М. И. Каринского. СПб., 1895 (54 с.; о классической древности: с. 5–12). Хронику основных событий жизни и творчества К. и библиогр. трудов см.: Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX в.): М. И. Каринский, В. Н. Ивановский, Н. А. Васильев / под ред. В. А. Бажанова. М., 2012 ♦ *Философская энциклопедия*. Т. 2. М., 1962; НЭС; ПЭ (со справкой об архивах).

Д. В. Панченко

КАРПОВ**Василий Николаевич**

КАРПОВ V. N.

[2(13).4.1798, с. Хреновое, ныне Воронежской губ. — 3(15).12.1867, Санкт-Петербург; Никольское кладб. Александро-Невской лавры],
философ, переводчик

Сын священника, К. получил духовное образование: шестнадцать лет был принят в Воронежскую духовную семинарию, которую окончил в 1821 и поступил в КДА. Интерес к философии (особенно немецкой) проявился у К. еще в семинарии под влиянием И. Я. Зацепина и развился в Академии под руководством И. М. Скворцова. Благодаря хорошему знанию языков (особенно древнегреч. и нем.) К. по окончании академ. курса в 1825 был оставлен преподавателем в КДА. Достаточно ровно продвигался по академ. лестнице: в 1827 получил степень магистра в той же КДА, в 1829 стал бакалавром франц. языка, а в 1831 — бакалавром философии. Через два года в СПбДА занял каф. философии.

Преподавание его представляло собой «полный курс наук философских»: в разные годы К. читал лекции по философии и ее истории, логику, психологию; при необходимости заменял проф. греч. языка и физики. По воспоминаниям учеников (см. некролог Д. Щеглова: *Голос*. 1867. № 348; перепеч. в: *Памяти Карпова...* С. 230–247), К. был интересным преподавателем, увлекавшим слушателей живым рассуждением: «Нередко имели место ученые беседы учителя с учениками, наподобие тех, какие он хорошо изучил у Платона; в таких случаях <К.> особенно воодушевлялся, и это приводило его к убедительнейшим импровизациям» [цит. по: *Арх. Августин (Никитин)*]. Василий Карпов: очерк жизни и деятельности (к 200-летию со дня рождения русского философа) //

Вече. 1998. Вып. 11. С. 61]. Занимался К. и об издании учеб. пособий: в частности, за годы преподавания К. опубликовал «**Введение в философию**» (СПб., 1840) и «**Систематическое изложение логики**» (СПб., 1856), а также перевел с нем. первую часть «**Истории философии древних времен**» (СПб., 1839) Г. Риттера, которая, по его мнению, единственная «приблизительно <удовлетворяла> необходимым условиям науки» (С. VI–VII). Эти книги, как и отд. статьи, обращены были в первую очередь к слушателям духовных академий и духовенству. От предложенного ему преподавания философии в Петерб. ун-те К. отказался, обосновав это решение недостаточной филос. подготовкой слушателей (*Миртов*. С. 712).

К. опубликовал ряд стихотворений в ж. «Странник» под псевд. Хреновской («**Ясли**», «**Глумление над крестоносцем**», «**Нигилист**» и др.). Под его редакцией в 1858–1863 гг. были изданы приложение к ж. «ХЧ» отд. переводы из визант. историков (Вриенния, Киннама, Анны Комнины, Пахимера) и «Церковной истории» Евсевия (о работе над этими

переводами см.: *Карпук*. С. 57). Помимо своих преподавательских обязанностей, К. заведовал в 1834–1854 6-кой Академии, а также привлекался к ревизии семинарий и уч.-щ. В 1851 награжден орд. св. Анны 3-й степени; с 1859 д. стат. сов. Отец шестерых дочерей и сына.

Гл. трудом К. стал перевод Платона: на тот момент, когда К. к нему обратился, на рус. языке выходили только «Законы» в переводе В. И. Оболенского (1827) и «Филеб» в переводе Н. А. Полевого (1826), если не считать устаревших переводов И. И. Сидоровского и М. С. Пахомова в XVIII в. Первые два тома переводов К. появились в 1841–1842, они включали в себя «Протагора», «Эвтидема», «Лахеса», «Хармида», «Эвтифрона», «Менона», «Апологию Сократа» и «Критона». К вступающему перед издателями и переводчиками вопросу о расположении диалогов Платона К. подошел с точки зрения их тематики, как явствует из очерков, которыми он предваряет их: вначале он ставит диалоги, в которых обсуждается вопрос добродетели в общем, затем те, которые содержат «отдельное раскрытие нравственных истин Сократовой философии» (Ч. 2. СПб., 1842. С. 71), а завершается второй том двумя «биографическими» диалогами, показывающими, как следовал принципам добродетели сам Сократ во время судебного процесса над ним. Несмотря на хорошие отзывы, последующие тома увидели свет нескоро: стесненность в средствах сделала продолжение издания невозможным на долгое время (Сочинения Платона. Ч. 1. СПб., ²1863. С. XXIII). К. продолжал переводить, публикуя некоторые «разговоры» в науч. журналах — так, в «ЖМНП» за 1857–1858 появились «Алкивиад», «Федр», «Иппиас Меньший». Второе собрание сочинений Платона (за исключением «Писем» и уже переведенных «Законов») в четырех томах появилось уже под конец жизни К. в 1863 в типографии ж. «Странник», в котором К. выполнял редакторскую работу;

после его смерти в 1879 ученики издали пятый и шестой тома.

На представление К. об основных качествах перевода, а также о необходимости краткого введения к каждому диалогу оказало влияние нем. издание Ф. Шлейермахера, появившееся в 1804–1810. К. использует его принципы уже в первом издании своего перевода 1841; не изменяет он им и впоследствии: «Думая, что нехорошо делать менее, когда есть возможность сделать более, я решился предстать на суд своих читателей не только как переводчик, но вместе как критик и отчасти как комментатор Платоновых сочинений» (Т. 1. С. VII). Предварив каждый диалог очерком на 8–10 с., где резюмировалось развитие разговора, К. выявлял логику, которой в своих вопросах следует Сократ, и давал общую оценку, а за ней и приблизительную датировку сочинения; кроме того, он старался определить степень вмешательства Платона в рассуждение учителя. Переводчик особо оговаривает, что его предисловия вызваны не ученым тщеславием, а заботой об удобстве читателя (Т. 1. С. VIII), позволяя ему не только охарактеризовать каждый диалог, но и показать его место в творчестве Платона, что являлось ценностью для публики, которая впервые знакомилась с философом на рус. языке. Определенное науч. значение имели и два очерка общего характера, которыми К. предварил издание диалогов: «**Жизнь Платона**» (Т. 1. С. 1–20) и «**О сочинениях Платона**» (С. 21–56); кроме того, чтобы вызвать по возможности широкий интерес к своему переводу, К. издал очерк философии Платона, делающий особый акцент на сходстве мысли философа с христ. идеями (Странник. 1864. Т. 2. № 6. Отд. 3. С. 73–114).

В своем переводе К. старался в точности передавать греч. оригинал — «чтобы сочинитель переведенной книги узнал в этом переводе действительно свое сочинение» (Т. 1. С. V; на его понимание

задач переводчика, разграничение точного и «перифрастич.» перевода, оказала несомненное влияние лекция Шлейермахера «Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens», 1813). Там, где возникала необходимость в уточнении, могло в скобках добавляться пояснительное слово или же отд. сноска в тех случаях, когда реплика содержала не вполне явный намек. Перевод снабжен сжатым комментарием, в основном касающимся греч. реалий или текстологии: последний тип сносок основывался на коммент. изданиях Э(с)тьенна, Шлейермахера, Аста, Штальбаума [сам К. отмечает в предисловии: «Их глубокоим исследованием я обязан более, чем собственным своим усилиям» (Сочинения Платона. Т. 1. СПб., 1841. С. XXXV)]. В целом же при работе К. принимал во внимание более 60 изданий и переводов Платона (Там же. С. XXIII–XXXV). Цитаты из Гомера приводятся в переводах Н. И. Гнедича и В. А. Жуковского.

Пояснения К. замечательны живым восприятием платоновского мира и стремлением приблизить его к современности. Иногда особенности греч. выражения он иллюстрирует параллелями из рус. языка: например, ἀνθρώπος ἀνέφραξεν τὴν θύραν «слуга открыл дверь» (Prot. 314e) К. сопоставляет с «русским обычаем называть слугу человеком» (Там же. С. 342, примеч. 34), а упоминание пояса Гиппия (Hipp. Min. 368 c) поясняет так: «Древние греки обыкновенно подпоясывались по кафтану, и щеголи между ними с особенною заботливостью выбирали себе пояс, вероятно потому, что, обозначая и стягивая талию, он более других нарядов возвышал стройность и красоту стана. К поясу привешивалась бутылочка с маслом (λίχουθοί). Без этих бутылочек Греки столь же редко выходили из дому, сколь редко наши современники выходят без папиросниц» (ЖМНП. 1858. Июнь. Отд. 2. С. 17, примеч. 10).

Следует заметить, что, несмотря на пояснения данного рода, К. не стремился

приблизить стиль своего перевода к живой современной речи, что особенно заметно в тех случаях, когда греч. выражению было сложно подобрать стилистико-семант. аналог: в таких случаях переводчик, как правило, отдавал предпочтение тому выражению, которое ближе греч. тексту, не зная ни на употребительность, ни на разницу в стилистич. регистре. Например, выражение ὄρθρος βαθύς (Crit. 43a) К. передает как «глубокое утро» (очевидно, по аналогии с выражением «глубокая ночь»), тогда как позднейшие переводы предпочитают более привычное рус. уху выражение «раннее утро» (см., например: Критон / пер. С. А. Жебелева // Полное собрание творений Платона: в 15 т. Пб., 1923. Т. 1. С. 95). Кроме того, некоторые пассажи обнаруживают влияние церк. текстов (τὰ ἄνω и τὰ κάτω неоднократно переводятся как «горнее» и «дольнее»; θεμιουργός как «зиждитель»; слово «Бог» неизменно пишется с заглавной буквы и т. д.). Такая окраска, как кажется, неслучайна. Статья 1864 показывает, что К. воспринимал Платона как предтечу христианства и стремился таковым и преподнести его своим читателям: «Высоким помыслам Платонова гения, по их близости к догматике, а особенно к ифике христианской, предназначено жить не в школах и не являться в форме учебников, как некогда жил и являлся Аристотель, а вселяться в домашние общества, приводить умы христиан к истинам веры и доброй нравственности путем здорового философского исследования, и т. о., по выражению одного отца Церкви, быть Агарью относительно к Сарре» (Странник. 1864. Т. 2. № 6. Отд. 3. С. 74). Использование архаич., несущих церк. коннотации выражений должно было подчеркнуть близость Платона и христ. мысли; в то же время, оно закономерно вызвало упреки позднейших читателей: «Язык, каким перевел Карпов Платона, язык тяжелый, местами запутанный, не говоря уже о том, что красота стиля подлинника в переводе

не только не выражена, но даже и не почувствована» (Жебелёв С., Радлов Э. Предисловие // Полное собрание творений Платона. Т. 1. С. 3).

Переводом Платона К. заполнил важнейшую лауну: даже Г. Г. Шпет, критически оценивавший филос. вклад К., признавал, что перевод этот — «бессмертная заслуга перед русской философией» (Сочинения. М., 1989. С. 176). В. Г. Белинский закончил свою рец. на вышедшие первые два тома словами: «Перевод г. Карпова именно такой, какого только нужно желать в наше время: верный и точный до буквальности, носящий на себе отпечаток того языка, с которого он сделан; но от того русский язык в нем нисколько не изнасилован и не лишен своей естественности. Перевод изящный более обогатил бы нашу литературу, чем познакомил бы нас с Платоном. Такой перевод может быть важен для нас только после перевода г. Карпова; но и тогда мы читали бы его *texte en regard* с переводом г. Карпова, имея последний под рукою, так сказать, для проверки первого. Честь и слава человеку, скромно, в тиши кабинета, наедине, совершающему свой труд, который был бы истинным подвигом для целого ученого сообщества» (Белинский. Т. 5. С. 321). Со временем перевод все более воспринимался как устаревший и в стилистич., и в науч. отношении. Через 20 лет после выхода последних томов Платона в переводе К. в Москве вышел первый том «Творений Платона» в переводе В. С. Соловьёва (1899), а второй был издан уже после его смерти М. С. Соловьёвым при содействии С. Н. Трубецкого (1903). В Петрограде–Ленинграде новое издание выходило в свет в 1922–1929 в изд-ве «Academia» (получившем название как раз в честь планируемого издания Платона) в переводе А. Н. Егунова («Законы»), С. А. Жебелёва («Евтифрон», «Апология Сократа», «Критон», «Федон», «Пир», «Федр»), А. В. Болдырева («Гиппий Большой», «Менексен»), Н. Н. Томасова

(«Парменид»), Я. М. Боровского («Гиппий Меньший», «Ион»), Н. В. Самсонова («Филеб»), А. М. Болтуновой («Клитофон»). Следует отметить, что оба эти издания, работа над которыми велась коллективом специалистов, остались незавершенными, тогда как К. сумел один довести свой труд до конца.

Избранные труды: *Putter G.* История философии древних времен. Ч. 1 / пер. В. Н. Карпов. СПб., 1839; Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором С.-Петербургской Духовной академии Карповым. Ч. 1–2. СПб., 1841–1842; Ч. 1–4. СПб., 21863; Ч. 5–6. СПб., 1879; Взгляд на движение философии в мире христианском // ЖМНП. 1856. Ч. 92; Избранное. СПб., 2004; Сочинения: в 3 т. Мелитополь, 2013. Т. 1.

Литература: Памяти Карпова, заслуженного профессора С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1868; Памяти русского философа Василия Николаевича Карпова, профессора С.-Петербургской духовной академии, по случаю столетия со дня его рождения. СПб., 1898; *Высокоостровский А. К.* Покойный профессор Карпов как почитатель сократо-платоновой философии // ХЧ. 1893. № 3–4. С. 389–395; *Карпук Д. А.* Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917): к 190-летию журнала «Христианское чтение» (часть 1) // ХЧ. 2011. № 6. С. 41–89; *Миртов Д. П.* Заслуги В. Н. Карпова для русской философской мысли // Там же. С. 708–731 ♦ Брокгауз; РБС; Венгеров (Источники); Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962; РП.

М. Н. Казанская

КАСТОРСКИЙ Михаил Иванович

KASTORSKIJ M. I.

[30.10(11.11).1807, с. Кандаурово, ныне Пучежский р-н Ивановской обл. — 6(18).6.1866, Царское Село; Казанское кладб.], *историк, филолог*

Родители неизвестны, полутора лет оставлен матерью на могиле отца (поэтому г. р. иногда значится 1809), взят на воспитание

дьячком Троицкой церкви Ив. Дмитриевым. Костромскую духовную семинарию, где он получил свою фамилию и где его соучеником оказался будущий славист и палеограф А. В. Горский, К. окончил в 1828. Образование он продолжил за казенный счет в ГПИ, возобновленном с 1828. Круг антиковедческих дисциплин включал лат. язык, классич. словесность, древнюю географию, римск. право, «мифологию и древности». Классич. словесность вел Э. фон Гафнер (адъюнкт с 1834), но особенно среди проф. выделялся молодой Н. Г. Устрялов, писавший по рус. истории. Здесь К. составил сочинение о Нероне по Светонию и Тациту, высоко оцененное учителями. К блестящему выпуску 1836 вместе с К. принадлежал правовед Н. Д. Иванишев, историк славянства, учредитель Киевск. археогр. комиссии.

Увлечение К. культурой славян сформировалось уже в пору его студенчества: романтич. идеология слав. возрождения в большой мере определяла науч. деятельность учителей и товарищей, и нет оснований считать появление этого интереса К. лишь «ответом на запрос со стороны правительства» (РБС. Т. 8. С. 544). Учреждение в 1835 каф. истории литературы слав. наречий шло навстречу настроениям общ-ва. Филол. одаренностью отмечены опубликованные К. в год окончания ин-та **«Письма леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны»** (Пер. с англ. М. К. СПб., 1836). Переписка Джейн Вигор [леди Рондо], интересное изложение интриги с Долгоруковой, стали популярным чтением. Переводчик был верен стилю деловой переписки, и цензор изъял у леди лишь несколько вольных мест. Из живых языков в ин-те изучались нем. и франц.; англ. К. выучил самостоятельно.

Лучшие выпускники командировались в Германию для продолжения обучения

и подготовки к профессорству по плану Уварова заменить иностр. проф. в рус. ун-тах (вместе с К. и др. поехал химик А. А. Воскресенский). С 1 июля 1836 К. — в Берлинском ун-те. Слушал лекции по истории Л. Ранке, Ф. фон Раумера, философию у гегельянца Г. А. Габлера и Карла Мишле (он же Михелет). Как и юрист Иванишев, учившийся у самого Ф. К. Савиньи, К. начал с общей и профессиональной подготовки, участвуя, кроме вышеперечисленных курсов, в филол. семинаре Авг. Бёка, но уже через год все учеб. время отдал слав. культуре. Вместе с Иванишевым в 1837 переехал в Прагу, сблизился с исследователями славянства и проводниками слав. гуманизма, с Вацлавом Ганкой, стал учеником Ф. Й. Шафарика, которого всегда цитирует с пиететом, хотя понимает его ошибки в атрибуции фальсифицированных слав. писателями «источников». Изучил чешск., словацк., польск., сербохорватск. языки. Судя по сочинению, К. овладел всеми языками слав. востока от церковнослав. до украинск.; также цитирует по-литовски и по-венгерски.

В Петербург вернулся 1 сент. 1838, сформировав науч. предпочтения, к которым классич. филология принадлежала в меньшей степени, чем слав. Публикует обширный очерк **«Новейшая чешская литература»** (ЖМНП. 1838. Апр. С. 617–653) и переводит с сербск. из сб. песен Караджича («Песни западных славян» Пушкина вышли двумя годами раньше). Обязанный в 1839 прочесть «пробную» лекцию на каф. слав. наречий, пишет доклад **«Влияние Каролингской династии на славянские племена»** (Там же. 1839. Окт. С. 17–60). Трактует рунич. «Надпись на Варашевом камне», обнаруживая знание не только рунич. алфавита, но и шведск. языка (Там же. 1840. Ч. 25. С. 43–45). Подготовил для получения докт. степени **«Начертание словянской [sic!] мифологии»** (СПб., 1841), труд, который признается гл. достижением К. как первое науч. исследование верований древних славян. Автор видит себя соперником Гримма, «творца немецкой мифологии», но не стремится снабдить славян мифами. Массив источников тщательно выверен, опровергаются романтизирующие фальсификации: «Бамбергский кумир Чернебога есть создание воображения Яна Коллара» (Цит. соч. С. 183). Ценны внимание к этимологии, вскрытие языческих атавизмов в народной поэзии, исследование причин исчезновения сев. славян. Как и Шафарик, К. считал «славян» антич. народом (венеды), «участвовавшим вместе с германцами в борьбе с древними римлянами» (Там же).

Зато выражены у К. и недостатки, носившие скорее аналитич. характер. Он смешивает метафору с мифотворчеством, приписывает славянам исконную устную мифол. традицию (Цит. соч. С. 18), не отмечает проекции германской мифологии, проникновения в слав. фольклор финск. и германских образов, близости древнеслав. и римск. религий (абстракция, синкретизм). Сравнительный метод признан

порочным, т. к. он «смешивает оттенки поверий народных» (Там же. С. 11): слабым упреком прикрито умаление дедуктивной стороны в пользу индуктивной. Лекции самого К. отличались явственным вниманием к фактам.

Академ. карьера К. началась 22 дек. 1838 назначением адъюнкт-проф. каф. всеобщей истории Петерб. ун-та. Сперва читал только всеобщую историю на юрид. ф-те, затем к этому присоединились слав. филология и слав. древности (1839–1843; в должности адъюнкта каф. истории и литературы слав. наречий; экзамен на докт. степень в 1839 держал в один день с Воскресенским, товарищем по ин-ту), римск. история и всеобщая история для историков, филологов и философов (1841–1849; секр. филос. ф-та), всеобщая история в Дворянском полку (с 11 окт. 1839), древняя география на филол. ф-те (1846), имп. период римск. истории, средняя и новая история. Его лекции по всеобщей истории получили известность и были изданы (1848). В 1850 назначен экстр. проф. каф. всеобщей истории. После 1854 читает ист. курсы разным аудиториям, в т. ч. в 1857–1858 всеобщую историю в своей alma mater (вскоре ликвидированной), рус. историю в Петерб. ун-те с 1857, где он заменил Устрялова. К. — непреременный участник экзаменационных комиссий и магист. диспутов, оппонент дис. и проч. При такой напряженности учеб. процесса понятен малый объем наследия.

Славой типичного службиста, «не имевшего влияния на своих слушателей» (Брокгауз. Т. 28. С. 701), «не умеющего возбуждать интереса ни к своему предмету, ни к самостоятельной работе» (РБС. Т. 8. С. 544) обязан более гротескной, чем убедительной карикатуре Д. И. Пиретова, изобразившего в ун-тских воспоминаниях К. под именем Креозотова. Все проф. — не один К., но и Срезневский, и Костомаров — дают Писареву советы «стать идиотом», между тем как ун-т

готовит его к «кретинизирующей деятельности». Над Креозотовым смеются (К. был невзрачной внешности), он читает театрально, «разыгрывает» свои «синие тетрадки». Любую историю он знает, при этом, досконально, дает совет начинающему читать источники и энциклопедии (а не прагматич. современную историографию, как хотелось бы автору); его возражения на магист. диспутах «очень бесплодны и микроскопически мелки», обнаруживая, впрочем, «что специальный вопрос, разработанный магистрантом, известен ему по источникам, во всех мельчайших подробностях». Неумение увлечь учащихся «самостоятельной работой» выведено автором статьи в «РБС» (там же) из сообщения о провале затеянного К. коллективного перевода Страбона, за который студенты взялись бодро, но вскоре бросили: описательная география оказалась скучна. Между тем Писарев необыкновенно увлекся гомеровской религией, а затем написал канд. дис. об Аполлонии Тианском; тема предложена Иронианским (псевдоним М. М. Стасюлева и ч а), учившимся ранее у К. Эту дис. (издана в 1861) К. счел достойной зол. медали; отметил лит. достоинства. Узнав, что написано без черновиков, «с особенною признательностью пожал мне руку и растроганным голосом проговорил, что даже Пушкин “Капитанскую дочку” писал сначала начерно». Т. о., К. учитель не был лишен известного остроумия. Требовательность К.-экзаменатора (знать «факты, годы, миры», дословно цитировать антич. историков) отмечает Стасюлевич, сдавший ему экзамен на докт. степень, между тем как Ф. Н. Устрялов студ. экзамен у К. выдержал без труда (ИВ. 1884. Т. 16. № 7. С. 112) — очевидно, к докторантам проявлялась бóльшая строгость. М. И. Семевский, учившийся в Дворянском полку, вспоминает, что К. «знакомил слушателей с основными источниками отечественной истории, каковы летописи, акты и мемуары» (РШ.

1893. № 5–6. С. 66). В рукописи остались лат. переводы из рус. первоначальной летописи (Г р и г о р ь е в. С. 220). Его лекции отличала точность в передаче источников, верность формальной стороне языка (долго объяснял церковнослав. формы). Анализа и аналогий избегал, оттеняя противоположную манеру М. Сем. Курги, которого часто заменял или читал параллельные курсы. Он был предтечей «фактопоклонничества» и мог повлиять на «фактопоклонников» через посредство Ф. Ф. Соколова, слушавшего его в 1858 в ГПИ и затем в ун-те. В отставку К. вышел в 1861, причем передал ИФФ свои коллекции антиков (кабинет древностей с нумизматич. кабинетом).

Третьим и наиболее близким к классич. филологии делом жизни К. была подготовка двуязычного издания «**Категорий**» Аристотеля (СПб., 1859), а пробой пера в переводе филос. текстов стал «**Феог, разговор Платона о воспитании**» (Рус. пед. вестн. 1857. Т. 1. С. 228–305); неопубл. остался перевод аристотелевой «**Метафизики**» с комментариями (Григорьев. С. 220). Выбор «Категорий» обличает оппозицию туманному идеализму: польза философии видится К. в схематизации мысли. Изложив предварительно историю философии до Аристотеля (с опорой на кн. 1 «Метафизики»; Платона критикует с позиции аристотелизма, хваля его как писателя), К. верно объясняет «Категории» как записи для лекций, составившиеся в течение нескольких лет. Он пишет о своем долгом интересе к Аристотелю и о терминологич. неопределенности рус. филос. языка. К. продумывает каждое понятие, исповедуясь читателю в своих сомнениях: «Как ни желал я передать слово *субстанция*, *усия* (οὐσία. — М. П.) словом русским, но должен был наконец прибегнуть к термину латинскому, впрочем, искони употребительному. Назвать *усию* сущностью? Но это будет не то: слово *сущность* (essentia) исключает ближайшим образом *форму*: напр.,

сущность тяжёлого дела может быть очень невелика, а форма — целые стопы. <...> Не перевести ли словом *существо*? Существо значит и *сущность* (напр., существо дела в том), значит, оно будет и *сущее*; но эти два значения так различны, что всякий раз надобно понять, в каком значении мы хотим употребить его. <...> Ближе подходят слова *бытность* или *суть*, когда последнее берется в виде имени существительного, но и *бытность* и *суть* очень слабо очерчены по своей форме, лишены определенной образности. Мы имеем слово производное в *имени существительном*; оно грамматически соответствует субстанции: но как сделать из этого прилагательного *существительное имя*, выражающее и форму и сущность сущего? Увы! да будет субстанция!» (Категории Аристотеля. С. 11). Правоту первого рус. переводчика «Категорий», вопреки позднейшим, здесь, как и в др. случаях, вполне можно отстаивать: ὑποκειμενον К. переводит «субстрат». Недостатки также заметны: схоластич. подход с допущением трюизмов (значение Аристотеля — в систематизации науч. знания), латынь ради латыни (лат. переводы ряда мест в комментариях ничего не проясняют), отсутствие ссылок на современную науч. литературу. Имя И. Беккера не звучит, хотя текст дан с опорой на его издание (но без нумерации, которую и в зап. Европе приняли не сразу).

Находясь в отставке, К. ничего не создал. Оппозиционных взглядов он был чужд, о чем свидетельствует не только факт публикации в «Педагогическом вестнике», но и цензурство после увольнения из ун-та: в Петерб. Цензурном комитете состоял с 5 мая 1862 по 1 сент. 1865. Имел чин коллеж. сов., до переезда в Царское Село владел деревянным домом в Орловском пер. (Цылов Н. Атлас 13-ти частей С.-Петербурга. СПб., 1849. С. 170). Могила сохранилась на Казанском кладб., у вост. стены церкви, памятник из черного гранита. К его

наследию, помимо перечисленного, принадлежит пространная, поэтически написанная с цитированием больших стихотворных отрывков рец. на три сборника сербск. песен (ЖМНП. 1840. Ч. 28. Отд. 6. С. 71–98), любопытная заметка об одном франц. авантюристе времен падения Константинополя «**Иезуит до иезуитов**» (Рус. слово. 1859. № 2. Отд. 3. С. 1–7) и речь на годовичном акте ун-та 8 февр. 1852 о древнейшей истории Закавказья по антич. источникам (ЖМНП. 1852. Окт. Отд. 2. С. 1–28).

Литература: Пыпин А. Н. Русское славяноведение в XIX столетии // ВЕ. 1889. Кн. 9. С. 275–276; Петровский М. П. М. И. Касторский (1809–1866): библиогр. заметка // РФВ. 1900. № 3–4. С. 279–290; Писарев Д. И. Наша университетская наука // Собр. соч.: в 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 127–227; Никулина М. В. М. И. Касторский // Славяноведение. С. 177–178 ♦ Григорьев; Брокгауз; РБС; Масанов; Фролов 2006.

Архивы: РГИА. Ф. 777. Оп. 2-1862. Д. 62 (о цензурстве); ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2441, 2486, 4701; Ф. 14. Оп. 2. Д. 172, 263, 602; Оп. 3. Д. 5947, 15882; Ф. 139. Оп. 1. Д. 4806, 5370, 5516, 6066 (ун-тские акты).

М. М. Позднев

КЕДРОВ Константин Васильевич

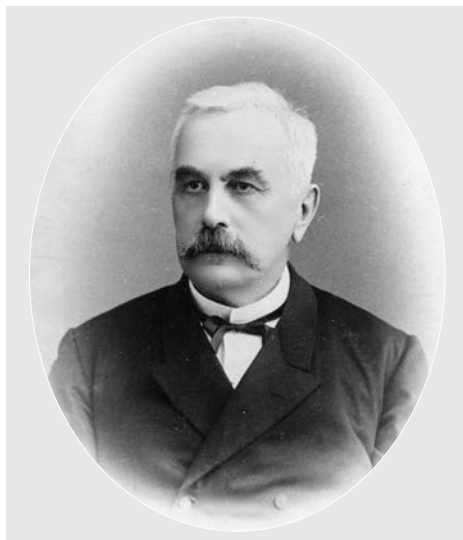
KEDROV K. V.

[1827 (1828?), Гатчина Петерб. губ. — 1(14).5.1903, Петербург; Новодевичий монастырь],
филолог, педагог

Из семьи священника. Начальное образование получил в Гатчинском воспитательном доме, в котором его отец служил законоучителем и настоятелем церкви. В 1839–1847 учился в ГПИ (начинал с малолетнего отделения), по окончании курса (зол. медаль) был направлен в Новгородскую гимназию учителем греч. языка и истории (1848–1852).

Возвратившись в Петербург, поступил учителем древних языков в Петерб. 3-ю гимназию (1852–1867); преподавал — гл. обр. рус. язык и историю — в Мариинском ин-те (1857–1861, с 1862 по 1872 инспектор там же) и в Уч-ще правоведения (1860–1863). С основания Петерб. ИФИ занял в нем каф. греч. словесности (экстр. проф. — 1867; орд. проф. — 1872), а после смерти И. Б. Штейнмана стал вторым директором ин-та (1872–1903). Чл. попечительского совета Петерб. ВЖК, Учеб. комитета при Синоде (1867–1903) и Совета министра народного просвещения (1894). Член Ист. общ-ва при Петерб. ун-те и Петерб. ОКФП. Тайн. сов. (1880).

Воспитанник Ф. И. Миддендорфа, К. вполне усвоил пед. практику ГПИ — о «принципах Миддендорфа» вспоминал еще на 25-летнем юбилее своего директорства в Петерб. ИФИ (Юбилей К. В. Кедрова // ФО. 1897. Т. 12. С. 150). Приглашенный в помощь В. Х. Лемону и у су (в связи с увеличением количества часов греч. языка), зарекомендовал себя одним из лучших методистов Петерб. 3-й гимназии: «Классы К. В. привлекали особое внимание воспитанников, так как он всегда старался возможно более напирать на самостоятельную работу своих слушателей <...>. Обладая сам замечательной логичностью речи, энергичный преподаватель заставлял вдумываться в каждое выражение, подмечал малейшую неточность перевода, происходящую от упущения синтаксической тонкости, и тем, совершенно незаметно для учеников, развивал их как научно, так и умственно» (Аничков. С. 135–136; влиятельный Н. М. Аничков также был учеником К. и, несомненно, способствовал впоследствии служебному продвижению наставника). К. не занимался науч. исследованиями; по отзыву Ф. Ф. Зелинского (Автобиография // Древний мир и мы. Вып. 4. С. 122), это был «филолог-классик без научных притязаний, человек твердого

характера и строгий законник». К. сделал успешную адм. карьеру благодаря преподавательской репутации и полит. лояльности, а также своим знакомствам в МНП и великосветских семьях: в числе его частных учеников были сыновья Александра II, покровительствовала К. и попечительница Мариинского ин-та вел. кн. Елена Павловна. На посту директора Петерб. ИФИ зарекомендовал себя истовым исполнителем, неукоснительно заботящимся о порядке и дисциплине во вверенном ему учреждении: «Покойного называли “справедливцем” (ἀνήρ δίκαιότατος), а один из его сослуживцев прекрасно применил к нему стих Горация *incorrupta fides nudaque veritas*» (Зорге-Фрей Г. Памяти К. В. Кедрова // ФЗ. 1903. № 4–5. С. 5). Придирчиво следил К. не только за студентами, но и за преподавателями, наблюдая за качеством лекций и даже манерой общения со слушателями: напр., возражал против обыкновения историка С. Ф. Платонова здороваться со студентами за руку: «Вы нам студентов портите» (Васенко П. Г. Мелочи прошлого быта. СПб., 2004. С. 86).

Отношение коллег к педанту-директору было неоднозначным: его решительность и служебное рвение вызывали невольное уважение, но мелочная слежка по разным поводам раздражала: П. В. Никитин, ректор ун-та и «сам по себе очень добросовестный и благовоспитанный человек», которому К. уже не решался делать замечания, иногда забавлялся тем, что нарочно при К. после звонка к началу лекции задерживал преподавателей разговорами в профессорской (Там же. С. 87). К. «отечески» занимался устройством быта воспитанников, следил за питанием и режимом (вплоть до обхода спален в ночное время), вел назидательные беседы с теми из воспитанников, которые «даром ели царский хлеб», и поощрял «тружеников», к которым прежде всего причислял филологов-классиков. «Заботливое отношение К. В. к питомцам института не прекращалось вместе с выходом их из стен института: каждый из них в случае какой-нибудь невзгоды, мог смело рассчитывать на его горячую и справедливую помощь, если только он в этой невзгоде был правым» (50-летний юбилей К. В. Кедрова // РШ. 1898. № 1. С. 331; в авторе заметки, подписанной А. М., можно предположить А. И. Маленина, лично получавшего поддержку К.: оставленный магистрантом «без стипендии», он жил, с разрешения директора, бесплатно в пансионе Петерб. ИФИ). А. В. Никитский, не рискнувший служить под руководством расположенного к нему К., вспоминал, что при уважении к честности и доброжелательности директора Петерб. ИФИ все и всегда чувствовали зависимость от его «единой сильной воли» (ВДИ. 1972. № 4. С. 187). Ю. А. Кулаковский в рассказе о «таинственной» ревизии Киевск. ун-та также отметил, что проводивший ее К. «держался очень просто» (ОР РНБ. Ф. 608. № 908. Л. 10). Выпускникам ун-та, однако, Петерб. ИФИ «эпохи Кедрова, с его железной дисциплиной, монастырскими общезнаниями

и автократическим управлением», представлялся казарменным учреждением (Ростовцев. С. 97), а закрепощенность его учащихся («институтков») достойной сочувствия. В качестве чл. Совета министра К. выполнял различные поручения МНП, оказывая влияние на образовательную политику министерства. В 1879, напр., порекомендовал Д. А. Толстому отложить учреждение заграничного археол. ин-та, пока для него не будут подготовлены квалифицированные кадры (Басаргина Е. Ю. Проекты создания русских археологических институтов за рубежом // ВДИ. 2008. № 4. С. 206). Активно участвовал в работе комиссии по гимназич. реформе 1890-х, заслужив «лестную репутацию деловитого человека» и сокрушая «все предложения болтуна Гуревича — с успехом» (см. письмо Платонова 1890 в кн.: Письма русских историков. С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков. Омск, 2003. С. 226). На службе, несмотря на прогрессирующую болезнь, оставался до последней минуты жизни (умер во время конференции). На смерть его широко, но официально (с учетом его статуса и личной закрытости), откликнулась петерб. периодика.

Литература: Смирнов; Пам. книжки СПбИФИ 1874, 1887 и 1892, 1898 (списки); Статистические сведения о личном составе, воспитанниках и хозяйственной части Имп. училища правоведения за пятидесятилетие его существования. СПб., 1885 (список); Юбилей Константина Васильевича Кедрова // ФО. 1897. Т. 12 (подпись: Ст. Ст.); *Зоргенфрей Г. Г.* К. В. Кедров (некролог) // ЖМНП. 1903. Янв.; Бывшая 3-я гимназия ♦ Брокгауз; Венгеров (Источники, Список); Черняев; Дроздов и Федорченко; Сайтов 2006; Фёдоров.

Архивы: Отд. документы и письма: ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петербург. ИФИ). Оп. 1 № 45, 340, 406, 513; Ф. 439 (Петербург. 3-я гимназия). Оп. 1. № 165; ОР РНБ. Ф. 377 (И. П. Корнилов). № 768, 1886; Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Оп. 1. № 3113, 4154; Ф. 608 (И. В. Помяловский). Оп. 1. № 846; РО ИРЛИ. Ф. 419 (А. Д. Галахов). № 41.

В. П. Смышляева

**КЁЛЕР (КЕЛЕР)
Егор Егорович (Г. К.)**

КОЕНЛЕР / КÖHLER
Heinrich Karl Ernst

[26.8.1765, Вексельбург, Саксония —
22.1(3.2).1838, Петербург],
*эпиграфист, археолог, историк
антич. искусства*

Родился в семье юриста. Сначала по желанию отца закончил юрид. ф-т в Виттенберге (1783), но, заинтересовавшись классич. филологией и историей искусств, с 1787 — уже вопреки отцовской воле — занялся изучением филологии и археологии в Лейпциге (Фус. С. 4–5). Здесь его учителями были: Хр. Д. Бёк (1757–1832) — проф. лат. и греч. литературы (Encyclopaedia Britannica. Cambridge, 1911. Vol. 3. P. 607–608) и Фр. В. Райц (1733–1790) — проф. классич. языков и поэзии, возглавлял Археол. коллегию (о нем см.: Aus Sibirien — 2011: науч.-инф. сб. к 75-летию А. В. Христея. Тюмень, 2011. С. 56–57). Некоторое время после этого К. работал в королевских б-ках Дрездена и Берлина (*Гинзбург*. С. 93). Отец лишил непокорного сына всякой поддержки, и К. вынужден был наниматься домашним учителем. В 1791 он прибыл в Петербург по рекомендации проф. Э. Экка в качестве домашнего учителя в купеческую семью. Не без помощи барона А. Л. Николаи (секр. вел. кн. Марии Федоровны, супруги Павла I) К. получил доступ в имп. собрания древностей. В 1793 он составил рукописное описание антиков, находившихся в Царскосельском дворце; 17 нояб. 1793 датировано прошение К. к Екатерине II, в котором он просит принять его рукопись (*Гинзбург*. С. 94–95). В 1797 К. поступает на гос. службу в т. н. Польскую б-ку, которая прибыла в Петербург в 1795 и требовала разбора и приведения в порядок. Позднее она легла в основу собрания ИПБ (*Моричева М. Д.*

Библиотека Залуских и Российская национальная библиотека. СПб., 2001).

В 1798 при содействии А. Л. Николаи К. переходит на службу в Эрмитаж — библиотекарем и смотрителем Кабинета антиков и медалей. В обязанности К. входило хранение, пополнение и описание коллекций. Этим назначением он был обязан в частности двум своим статьям: «**Über das Kaiserliche Museum zu Zarskoe Selo**» (Journal von Russland. 1794. Bd. 1. S. 337–355, 403–412; Bd. 2. S. 3–16); «**Bemerkungen über die Russisch-Kaiserliche Sammlung von geschnittenen Steinen**» (Ibid. 1795. Bd. 1. S. 3–35; перепеч.: Köhler's gesammelte Schriften. SPb., 1853. Bd. 6. S. 3–29; Ibid. SPb., 1851. Bd. 4. S. 3–21). В этих первых исследованиях К. резко нападает на признанных авторитетов в обл. антич. искусства — И. Лессинга и И. И. Винкельмана, а в обл. нумизматики — Й. Х. Эккеля и Э. К. Висконти (Фус. С. 5).

На должности хранителя б-ки К. всемерно содействовал новым поступлениям книг и памятников древности в коллекцию Эрмитажа. В 1802–1804 К. составил первые описи Минцкабинета, хранящиеся

в отделе нумизматики ГЭ (*Гинзбург*. С. 92). К. занимался изучением не только имп. собраний антиков и медалей: одним из первых он осознал важность изучения древностей Сев. Причерноморья и побуждал рус. ученых обращаться на эту обл. больше внимания (***Lettre sur plusieurs médailles de la Sarmatie d'Europe et de la Chersonèse Taurique*** // *Nova Acta*. 1805. Т. 14. Р. 99–130).

Из-за постоянных работ по каталогизации К. недоставало времени для науч. занятий; кроме того, нелегко было содержать большую семью с восемью детьми (Тункина. 2002. С. 74); досаждали и частые столкновения с Придворной канцелярией по вопросам финансирования б-ки. В итоге К. в 1817 подает прошение об отставке из Эрмитажа (*Гинзбург*. С. 95). Этот род угрозы подействовал, и материальное положение его улучшилось. К. остался заведовать I отделением Эрмитажа, а также получил длительный отпуск для путешествия за границу. В 1817–1819 он совершил продолжительное путешествие по Германии, Франции и Италии, осматривал музеи, изучал худож. коллекции и устанавливал связи с европ. любителями древностей. В Париже К. приобрел собрание из 40 боспорских монет и некоторые картины для Имп. Эрмитажа. Однако лучшего места для службы К. не нашел и вернулся в Петербург (Тункина 2002. С. 76). Дневник этого путешествия хранится в РНБ (ОР РНБ. Ф. 956, IV Q 181. Л. 1–243 об.).

С 1803 К. был чл.-корр. АН, а с 1817 ее д. чл.; состоял почетным чл. Академии художеств, а также Берлинской, Мюнхенской, Стокгольмской, Римск., Венской академий и др. ученых общ-в за границей (Фус. С. 4). В 1823 К. в числе прочих — наряду с С. М. Броневским, создателем Феодосийского музея, П. И. Кёпеном и И. П. Бларамбергом — был избран в д. чл. ОИДР (Тункина 2002. С. 140).

Еще в 1802 К. подготовил первое описание Минцкабинета. В разные годы

им составлены каталоги антич., визант., западноевроп. монет, которые и поныне хранятся в б-ке отдела нумизматики ГЭ. В 1804 он провел археол. раскопки на Маячном полуострове, объезжая Крым по высочайшему повелению и при финансовом содействии Александра I. Во время того же путешествия К. был найден памятник не упоминавшейся ранее в антич. источниках боспорской царицы Комосарии (или Камасарии). Из надписи на пьедестале (КБН 1015) впервые стала известна титулатура царей Боспора. Этому памятнику К. посвятил специальное исследование [***Dissertation sur le monument de la reine Comosarye***. SPb., 1805; по-рус.: ***Кёлер Е. Е. Рассуждение о памятнике царицы Комосарии*** // Архивно-нумизматич. сб., изданный Г. И. Спасским. М., 1850. С. 99–132; здесь же впервые были опублик. несколько надписей, хранившихся в таманской церкви Покрова Пресвятой Богородицы: КБН 1043, 1045, 1046, 1049 (Тункина 2002. С. 70, 73)].

В 1816–1817 К. составил для Придворной конторы описи антич. и рус. монет, а также начало описи «разным антикам» (АГЭ. Ф. 1. Оп. I–1816. Д. 10. Л. 1–2).

К. по праву можно считать одним из основоположников методики в российской археологии. В 1820-х вместе с Ф. И. Кругом, Ф. Б. Грефе и Х. Д. Френном К. занимался разработкой инструкции для новой археол. поездки в Крым и на Тамань, в которой значительное место уделялось методам ведения раскопок (Тункина 2002. С. 78). В это время К. часто говорил в АН о необходимости охраны археол. памятников и о возможных к тому способах (см.: ЗООИИД. 1894. Т. 17. С. 3–4). В 1821 состоялось второе науч. путешествие К. в Крым, в ходе которого были проведены раскопки в Ольвии и найден декрет в честь Протогена (IosPE I², 32). Во все время путешествия К. вел дневник, который сейчас хранится в СПбФ АРАН [подробнее об этом путешествии

см.: Тункина И. В. Академик Е. Е. Кёлер о Березани, Ольвии и ольвийской периферии в дневнике экспедиции Императорской Санкт-Петербургской Академии наук 1821 г. по Новороссийскому краю // Мнемон. СПб., 2014. Вып. 14. С. 407–418; Она же. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера (Новые архивные материалы) // ВДИ. 2013. № 1. С. 197–214]. Достоинство упоминания также и то, что во время этой поездки К. впервые заинтересовался амфорными клеймами. Наряду с Бларамбергом и Кёппеном, К. был одним из первых ученых в Европе, обративших внимание на науч. ценность клейм на амфорных ручках, поставив в качестве основных задач их изучения выяснить их назначение и место производства. Материалы об этом предмете также можно найти в упомянутом дневнике К. Хотя качество его прорисовок и не отвечает науч. критериям нынешнего времени, однако они представляют несомненную ценность для истории изучения клейм (Тункина 2002. С. 348–349).

По возвращении в Петербург К. приступил к изданию своего главного труда под названием «Серapis». В этом сборнике статей, посвященных различным обл. антиковедения, К. собирался подвести итог обоим своим крымским путешествиям, намереваясь выпустить четыре тетради. При жизни он успел издать лишь две: первую — в 1821, а вторая была по недоразумению уничтожена в типографии после выпуска. К счастью, К. разослал оттиски статей из первых двух тетрадей европ. ученым. Когда Л. Э. Стефани в 1850-х занялся публикацией трудов К., он собрал вторую тетрадь из этих разосланных оттисков. В третий том он включил то, что осталось после пожара Зимнего дворца 17 дек. 1837 от рукописи К., приготовленной им к публ., «**Ausführliche Anleitung zur genauern Kenntniss der Gemmen des**

Alterthums» (Леонтьев. С. 83). Примечательно, что до вступления в АН К. почти никогда не подписывал своих сочинений и печатал их в небольшом числе экземпляров, которые просто раздавал (Фус. С. 6). Это обстоятельство сильно затруднило издание его трудов, принятое АН и порученное акад. Стефани в 1850–1853 (Köhler H. **Gesammelte Schriften** / hrsg. von L. Stefani. SPb., 1850–1853. Bd. 1–6).

Актуальной во времена К. была проблема локализации антич. городов, чем современники К. стали заниматься наперебой. Он вступил в полемику о том, где располагался театр воен. действий за наследство Перисада (Diod. XX, 22–24), и посвятил этому вопросу отд. статью (**Du château royal du Bosphore et de la ville Gargaza dans la Chersonèse Taurique** // *Mém. AS.* 1824. Т. 9. Р. 649–692 = **Das königliche Schloss des Bosphorus und die Stadt Gargaza auf der taurischen Halbinsel** // *Gesammelte Schriften.* SPb., 1850. Bd. 2. S. 133–217). Спор шел о том, относится ли события, описанные Диодором (и соответственно крепость Гаргазу), на европ. или азиатскую сторону пролива. К. придерживался в этом вопросе той же точки зрения, что и С. Сестренцевич-Богущ, К. Маннерт и И. М. Муравьев-Апостол, и считал, что речь идет о Европ. Боспоре; к «азиатской» версии склонялись Август Бёк, И. А. Стемпковский и А. Б. Ашик (Тункина 2002. С. 378–380). К. размышлял также и о локализации острова Ахилла (**Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin** // *Mém. AS.* 1826. Т. 10. Р. 531–820) и пришел к выводу о наличии двух островов Ахилла в Причерноморье, так как некоторые древние авторы помещали его в море напротив дельты Дуная, имея в виду остров Фидониси, а др. на остров Березань близ устья Борисфена (Тункина 2002. С. 382; 405).

Еще одним увлечением К. была нумизматика: он внес значительный вклад

в изучение херсонесских и ольвийских монет (Gesammelte Schriften. Bd. 1–2; ср.: СПбФ АРАН. Ф. III. Оп. 1. Д. 337. Л. 89–101).

Отметим и то, что К. занимали не только высокие вопросы искусства: среди его статей есть также работа о рыболовном промысле (Τάριχος, **ou Recherches sur l'histoire et les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale** // Мém. AS. 1832. Т. 1. Liv. 4–5. Р. 347–490).

Значителен вклад К. в становление охраны археол. памятников со стороны правительства. Высказанное К. уже после первой поездки в Крым беспокойство по поводу отношения к археол. памятникам и находкам на юге России не было ни обосновательным, ни безрезультатным: после вторжения грабителей в открытый в 1830 курган Куль-Оба (это произошло по недосмотру градоначальника Керчи И. А. Стемповского) был, не без вмешательства К., издан в 1831 запрет на вскрытие древних гробниц без офиц. разрешения правительства.

У современников К. оставил по себе двойственные впечатления. С одной стороны, он пользовался неизменным уважением среди ученых как в России, так и в Европе. А. Бёк называет его основоположником изучения боспорских древностей (SIG. 1843. Vol. 2. P. 157 sq.), среди европ. антиковедов он был известен как «петербургский археолог» par excellence (*Morgenstern*. S. 8). Другие считали, что К. не оставил обширного сочинения, которое могло бы занять место в ряду с первоклассными произведениями великих ученых Нового времени. Как писал П. Леонтьев, «слава его и так велика, но большая доля славы принадлежит ему за то, что он мог бы сделать, нежели за то, что он сделал» (*Леонтьев*. С. 84). Подробный разбор творческого наследия К. можно найти в его биографии, написанной К. Моргенштерном по поручению АН (*Morgenstern*).

Приходится отметить еще одно существенное для истории науки обстоя-

тельство. По мере того как значение К. росло, он постепенно «монополизировал» археологию в России, не желая допускать к ней менее маститых провинциальных коллег. И. В. Тункина внимательно разбирает взаимоотношения главного столичного археолога и его провинциальных коллег-любителей (И. А. Стемповский, И. П. Блаرامберг, П. Дюбрюкс и отчасти П. И. Кёппен, который, хотя и жил в Петербурге, оказался ближе, скорее, к ним, чем к К.) и выделяет два различных периода. Первый период, длившийся до 1822/23, характеризуется снисходительно-покровительственным отношением со стороны К., пока и одеситы, и керчане со своей стороны относились к К. с неизменным почтением, бескорыстно отсылая в Петербург списки вновь найденных эпитафич. памятников, неизвестные ранее монетные типы, керамич. клейма, словом, доставляли ему сведения о всех новых находках древностей в Причерноморье. Второй период начался с 1822, когда одесские любители древностей предоставили новый археол. материал для публ. Д. Рауль-Рошетту (в конце 1822 Рауль-Рошетт стал почетным чл. Петерб. АН) в Париж. Когда же в 1823 П. И. Кёппен опубл. в Вене целый труд о причерноморских древностях (*Köppen P. Alterthümer am Nordgestade des Pontus*. Wien, 1823), К. воспринял это как публикацию «в обход него»; вдобавок Кёппен предоставил А. Бёку для его Корпуса (SIG) свои копии причерноморских надписей — такого грубого вторжения в свою вотчину К. уже не мог простить. Отличавшая его с молодости едкая насмешливость, которую он пускал в ход в науч. полемике, более не оставалась в рамках науч. этики. Не зря остроумный Бларамберг прозвал К. «M-r Colège» (Тункина 2002. С. 388). Его критич. замечания в адрес коллег-археологов, трудившихся на юге России, привели к тому, что науч. деятельность там замерла, а созданные труды остались и до сих пор по большей

части остаются неизданными (Там же. С. 386). Примечательно и то, что, в отличие от своего коллеги по АН ориенталиста акад. Х. Д. Френа, К. не имел учеников и не оставил после себя науч. школы (Там же. С. 389).

Литература: Фус П. Н. Отчет о трудах и действиях Имп. Академии наук за 1838 г. // ЖМНП. 1839. Ч. 22. С. 4–8; Леонтьев П. М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // Прописки: сб. статей по классич. древности. М., 1851. Кн. 1; Ирмшер И. Русские исследователи античности в Берлинской Академии // ВДИ. Вып. 2. М., 1967. С. 112–123; Гинзбург Г. И. Г. К. Келер и библиотека Эрмитажа // Древний мир и мы. Вып. 2. С. 92–98; Тункина 2002; Morgenstern K. H. K. E. Koehler. Zur Erinnerung an den Verewigten // Recueil des Actes de la séance publique l'Académ. Imp. des sciences de S.-Pétersbourg. 1839. P. 71–140 ♦ Брокгауз; Прозоров; Венгеров (Источники); Фролов 2006; Российская академия наук; НР; Бузескул 2008.

Архивы: см.: Гос. Эрмитаж. Личные архивные фонды. Вып. 1. СПб., 1992.

Е. Д. Блацук

КЁНИГ (КЕНИГ)

Иосиф Иосифович

KÖNIG Joseph

[26.12.1845, дер. Шварцвассер, или Šterná Voda, Австрийская империя, ныне в Оломоуцком крае Чехии — 22.5(4.6).1910, Петербург; Смоленское лютеранск. кладб.], филолог, педагог

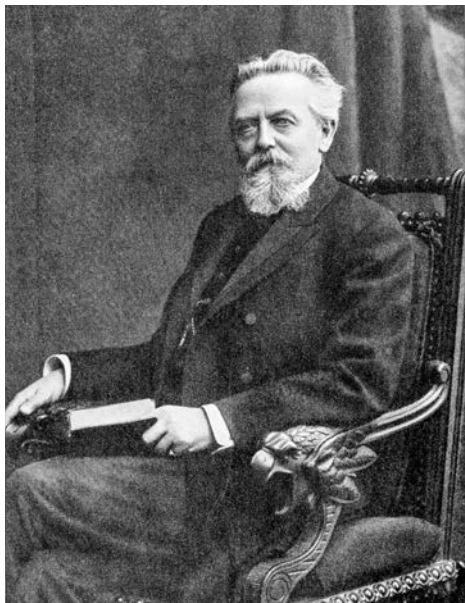
К. окончил гимназию в Троппау (1865) и поступил в Венский ун-т, где изучал классич. филологию и юриспруденцию. По окончании курса (1868) К. был принят домашним учителем в семью графа Э. Г. Штакельберга, рус. посла в Париже. После смерти Штакельберга К. переехал со своими воспитанниками в Петербург, затем совершил с ними ряд познавательных

путешествий (Франция, Англия, Сев. Америка). В 1873 сдал экзамен в Дерпт. ун-те на звание ст. учителя древних языков и на след. год получил приглашение из Петербурга преподавать древние языки в Уч-ще при церкви св. Анны. С 1874 К. преподавал лат. и древнегреч. языки, а также филос. пропедевтику, психологию и логику, с 1884 до конца жизни возглавлял школу (Годовой отчет... С. 1–2; Ефимов. С. 9; Бударagina. С. 105).

В должности директора К. продолжил линию своего предшественника и покровителя в первые годы учительства Ю. Б. Кирхнера, который сам избрал и подготовил К. себе в преемники. Училищный и Церк. советы кандидатуру одобрили; трудность заключалась в австрийском подданстве К. Однако после переписки Кирхнера с попечителем петерб. УО К. был утвержден директором Уч-ща (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. № 7125. Л. 3 и след.).

За четверть века директорства К. (1884–1910) количество учеников в школе увеличилось на треть: с 1153 до 1733 (во всех отделениях), число классов выросло с 29 до 38, число оканчивающих курс главного уч-ща поднялось с 36 до 88 человек. Школьные помещения были надстроены и расширены, усовершенствована система вентиляции, сделаны гардеробные, на деньги, собранные выпускниками, был построен просторный гимнастич. зал (Ефимов. С. 9). Все расширения и улучшения производились не в ущерб качеству образования — К. был прежде всего прекрасный педагог. Ф. Ф. Зелинский, окончивший Анненшule, считал, что К. сыграл решающую роль в его дальнейшей науч. и преподавательской деятельности.

«Учитель, который до сих пор кое-как учил нас латыни, был назначен инспектором в русскую гимназию, и его часы были отданы молодому австрийцу, только что прибывшему в Петербург, ученику Хартеля и Фалена — Йозефу Кёнигу. Вместе с прочим наследством своего предшественника

он получил также и наши первые латинские статьи — о “Ромреіана” Цицерона — в качестве каникулярного чтения. На одном из первых уроков после нового года они были подвергнуты новым учителем критике и розданы ученикам. Я был немало удивлен, когда на первом месте было названо мое имя. Неудивительно, что с тех пор латинский язык сделался моим любимым предметом. Во втором полугодии читали Саллюстия; я до сих пор вижу перед собой чистые тетрадки, разлинованные на четыре части и приготовленные для чтения: две средние колонки для перевода, левая крайняя для моих заметок, крайняя справа для комментариев Кёнига. Наконец появился учитель, который был мне необходим: хороший знаток, при том энциклопедически образованный, элегантно проводивший занятия, живой, интересный; и самое главное — все его существо излучало учительскую радость. То значение, которое имел для меня Дитман на нижней ступени обучения, приобрел теперь Кёниг, в соответствии с увеличением масштаба, на ступени верхней» (*Зелинский Ф. Ф. Автобиография // Древний мир и мы. Вып. 4. С. 57–58*).

Перед выпускными экзаменами К. предложил талантливому ученику продолжить обучение классич. филологии в Лейпц. ФС, на что тот охотно согласился (Schröder 2013. S. 108, 119–120). Ученик и учитель сохранили близкие отношения до самой смерти последнего: в 1885 К. пригласил Зелинского преподавать в alma mater, отметив в отчете, что «для преподавания латинского и греческого языков в двух старших классах была привлечена ценная сила в лице бывшего питомца училища — д-ра Ф. Зелинского, который одновременно занимает место доцента по кафедре классической филологии в здешнем университете» (Годовой отчет Уч-ща св. Анны. СПб., 1885. С. 79–80); в 1910 Зелинский написал замечательный некролог своему учителю (Josef Koenig // Годовой отчет... С. 3–18).

Несмотря на многолетнюю пед. деятельность, К. не устал от преподавания, не утратил энтузиазма, что видно из отзывов учеников его последних лет:

«Каждый, имевший счастье читать под руководством директора Кёнига произведения Горация и Софокла или слушать его введение в философию, психологию и логику, сохранит драгоценное воспоминание об этих минутах. Силою своего таланта он овладевал вниманием класса, и сообщаемые им сведения, благодаря образцовому, проникнутому вдохновением изложению, воспринимались молодежью с глубоким интересом и горячей благодарностью»; ср. также кратчайшую формулировку: «Он был увлекательный учитель» (Годовой отчет... С. 1–2).

За время директорства К. также навел порядок в училищной канцелярии (собственно, создал ее), тем самым освободив преподавателей от несвойственных им обязанностей, и очень щепетильно обращался с бюджетом школы.

В Анненшule К. поставил со своими учениками «Электру» и «Эдипа в Колоне» (на древнегреч. языке) и составил краткий отчет о спектаклях.

«Спектакли произвели на исполнителей очень сильное, неизгладимое впечатление: они их воодушевили, вызывая сильный подъем духа. Исполнитель Электры в 1877 г., ныне профессор классической филологии в Киеве, совершенно преобразился во время подготовлений к исполнению своей роли, получив сильный подъем духа. Зрители были каждый раз глубоко проникнуты игрой воодушевленных исполнителей. После представлений я получил много писем от бывших на спектакле лиц, например, от академика Шифнера, с выражением исполнителям глубокой благодарности за их увлекательную игру» (Представление греческих трагедий в мужском училище при ев.-лютеран. церкви св. Анны // Гермес. 1909. № 1. С. 29–30).

К. в начале своей пед. деятельности сформулировал, а затем последовательно воплощал в жизнь принцип: «В постоянном контакте с родительским домом, предпочитая воспитание образованию, не допуская рутины и не гонясь за модой, следовать прогрессу педагогической науки» (Бударагина. С. 107).

На 25-летие директорства (праздновать которое он отказался) К., ранее отмеченный наградами, получил орден св. Анны 1-й степени. На похоронах К. присутствовало огромное количество народа: родные, ученики, их родители и выпускники, представители нем. общин и средних учебных заведений, должностные лица. Через год родственники, бывшие ученики и коллеги установили на кладб. памятник с лат. надписью: *Iosepho Koenig scholarum ad Sanctae Annae rectori collegae discipuli amici pietatis erga. 1845–1910* (Йозефу Кёнигу, ректору училища при [церкви] св. Анны, благоговейно коллеги, ученики, друзья. 1845–1910) (Бударагина. С. 105–107; там же фото).

Литература: Годовой отчет Училища св. Анны. СПб., 1911; *Ефимов Д. Г.* Краткая история Аннешуле — ФМЛ 239. СПб., 2002; Бударагина.

С. Э. Андреева

КЁНИГ (КЕНИГ) Осип Осипович (Иосиф Иосифович)

KÖNIG Ossip

[25.12.1831, Штутгарт, Вюртемберг — 14(26).3.1894, Петербург; Митрофаньевское лютеранск. кладб.],
правовед, преподаватель древних языков

По окончании Штутгартской гимназии занимался в Тюбингенском и Гейдельбергском ун-тах. Дис. «**De jure privato quod dicitur internationale**» (защита: Гейдельбергский ун-т, 1853; д-р римск. права). В 1858 был рекомендован руководством МНП на вакантную каф. римск. права Харьков. ун-та (с условием выдержать в течение года испытание на учен. степень). Сдал устный экзамен на степень магистра уголовного права (окт. 1859 — март 1860), но избранная им тема магист. дис. «О лицах, участвующих в обязательствах по римскому праву» одобрения конференции не получила, и с разрешения попечителя ун-т объявил новый конкурс на замещение каф. Вследствие возникшего конфликта К. оставил Харьков (апр. 1861), чтобы обратиться за поддержкой в МНП. Добился разрешения министра остаться в Петербурге «до защиты диссертации», а затем и командировки на полтора года в Италию для изучения древностей. Дис., однако, не представил и по возвращении из-за границы (1866) был зачислен сверхштат. учителем лат. языка в Петерб. 5-ю и 2-ю гимназии. Последняя вскоре стала его основным местом службы (1866–1894): учитель лат. языка, надзиратель и воспитатель пансиона. Также вел часы греч. языка в гимназии Гуревича.

В некрологе (Всемирная иллюстрация. 1894. Т. 51. С. 283) засл. преподаватель Петерб. 2-й гимназии К., «пользовавшийся большой популярностью педагог, знаток

латинского языка», назван «автором многих сочинений юридического характера», что, вероятно, относится к мемориальным преувеличениям. Доступные источники указывают на три публикации К.: дис. «De jure privato quod dicitur internationale» (Heidelberg, 1853), критич. отзыв о речи проф. Станиславского «**О влиянии христианства на развитие семейного права, преимущественно у римлян**» (БдЧ. 1861. № 1) и статья «**Савиньи и его отношении к современной юриспруденции**» (РВ. 1863. № 4). В гимназии помимо грамматики лат. языка и толкования римск. авторов (предпочтительно Ливия, Цицерона и Горация) К. читал курс древностей, уделяя в комментарии спец. внимание юридич. аспектам римск. государственности. В последние годы жизни готовил к печати лекции по истории Рима, но «успел исполнить только половину своего предприятия» (Новое время. 1894. № 6515). По свидетельству его гимназич. ученика С. А. Жебелева (О. О. Кениг: некролог // ФО. Т. 6. 1894. С. 176), с возрастом «ученый, добрый и симпатичный наставник» К. не утратил ни науч. любознательности, ни пед. азарта, помимо элементарных грамматич. сведений сообщал гимназистам полезные сведения из сравнительного языкознания и собственные наблюдения «над духом латинского языка и строем римской речи»: «Особенно интересно и поучительно было поставлено у О. О. чтение древних авторов: здесь он попутно знакомил учеников с латинской синонимикой и фразеологией, не говоря уже о том, что давал самые обширные и строго научные реальные толкования».

Жена — Августа Аманда Амалия Кизерицкая, по-видимому, родная тетья Г. Е. Кизерицкого.

Литература: Курганович А. В., Круглый А. О. Историческая записка 75-летия Санкт-Петерб. Второй гимназии. СПб., 1894. Ч. 2; Иванов К. А. Пятидесятилетие Санкт-Петерб. Пятой гимназии. 1845–1895. СПб., 1896; Тихомиров П. К. Ист. записка 75-летия

Санкт-Петерб. Второй гимназии. СПб., 1903 (библ.); Юридический факультет Харьковского ун-та за первые сто лет его существования, 1805–1905 / под ред. М. П. Чубинского и Д. И. Багаля. Харьков, 1908; Воробьев Н. Е. Вторая Санкт-Петерб. гимназия. 190 лет истории. СПб., 1997 ♦ Брокгауз; Языков; Венгеров (Источники, Список); Сайтов 2006; ЕАД.

Архивы: Отд. документы и письма: ЦГИА СПб. Ф. 174 (Петербург. 2-я гимназия).

В. П. Смышляева

КЁППЕН (КЕППЕН)

Петр Иванович

КЕРРЕН Pet(e)r

[19.2(2.3).1793, Харьков — 23.5(4.6).1864, Алушта], историк, археолог, географ, статистик, этнограф, библиограф, исследовавший, в частности, антич. памятники Сев. Причерноморья

Отец К., Иоган Фридрих Кёппен (Иван Иванович), бранденбургский уроженец, один из немцев, вызванных в Россию в XVIII в. Екатериной II, был гл. врачом во всех учрежденных тогда больницах Харькова.

Начальное домашнее образование К. продолжил в Харьков. гимназии. В 1809 поступил в недавно открытый (1805) Харьков. ун-т и окончил его в 1814 со степенью магистра правоведения. Во время обучения в ун-те К. посещал среди прочего занятия по лат. словесности и классич. языкам (у знатока греч. яз. Х. Ф. Роммеля, который был приглашен в Харьков. ун-т из Марбурга), а также лекции по истории римск. права, читавшиеся на латыни.

По окончании ун-та К. переселился в Петербург и поступил на службу в почтовый деп. Благодаря близости с бывшим проф. Харьков. ун-та Л. Якобом и известным рус. языковедом Ф. П. Аделунгом (1768–1843) К. познакомился со многими представителями науки и литературы.

В 1816 стал д. чл. ВОЛРС (СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 5).

В 1816 К. опубликовал компилятивное сочинение по материалам книги «Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands von A. C. Lehrberg» (СПб., 1816), а в 1818 — перевод «Источников римской истории» Иоганна фон Мюллера, чем обратил на себя внимание известного мецената и собирателя древностей канцлера Н. П. Румянцева. Это знакомство позволило К. получить место чиновника особых поручений при министре внутренних дел О. П. Козодавлеве. Совмещая службу с изучением памятников, К. собирал для Н. П. Румянцева сведения об археол. памятниках Причерноморья. Эти сведения он изложил в «Краткой записке о поездке по Кавказу и в Крым» (1820). Во время поездки по Крыму К. был совершенно очарован природой полуострова и позднее признался: «Тогда же родилось во мне желание сделаться некогда постоянным жителем той прелестной страны» (**О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических**. СПб., 1837; б. п.).

С методикой раскопок антич. памятников К. ознакомился в Керчи у П. Дюбрюкса. В бумагах К. хранится копия дневника Дюбрюкса 1816–1819 «Description des fouilles faites à quelques tumulus de Kerche». Там же хранится и неполный перевод этого дневника «Описание рытий в некоторых курганах (пригорках) при Керчи» (Тункина 2002. С. 148–149). К. был одним из первых исследователей Ольвии. В 1819 в Одессе он познакомился с И. П. Бларамбергом, директором археол. музеев в Одессе, Феодосии и Керчи, осмотрел его знаменитый кабинет древностей и скопировал ряд ольвийских надписей.

Вернувшись в Петербург, К. занялся систематизацией собранных во время поездки науч. материалов. Их результаты нашли отражение в неопубл. обширной статье «**Ольвия. Древний город на реке Буге**» (СПбФ АРАН. Ф. 30. Д. 42),

написанной К. в 1819–1820. К исследованию прилагался план городища и его окрестностей, который был впоследствии издан (**План города Ольвии с окрестностями**. СПб., 1821). Работа в целом осталась, однако, неизданной, несколько списков ее сохранились в архивах Петербурга и Киева. Рукописный «Ольвийский сборник» К., центральную часть которого составляет один из вариантов статьи об Ольвии, был передан в архив Одесского общ-ва истории и древностей. Значительная часть этого архива затем оказалась в Киеве, в Ин-те рукописей Центральной науч. б-ки им. В. И. Вернадского Национальной АН Украины (ИР ЦНБ. V. 715. Л. 21–109).

В статье К. разбирает множество вопросов. Рассматривая все доступные источники, он доказывает, что Ольвия являлась крупнейшим торгово-посреднич. центром между антич. миром и варварскими племенами Причерноморья. На основе анализа письменной традиции о Причерноморье К. приходит к выводу о торговом характере греч. колонизации Причерноморья и ведущей роли Милета

в этом процессе. Время основания Ольвии К. относит к 655 до н. э., согласно Псевдо-Скимну (804–812) и периплу Анонима (PPE 86). В наст. время на основании сопоставления письменных свидетельств и археол. материала примерным временем основания города принято считать первую четверть VI в. до н. э. (*Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса в VII–I вв. до н. э. М., 1989. С. 34–36; *Русяева А. С.* К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. 1998. № 1. С. 160–169).

В вопросе о названии города К. придерживался ошибочной точки зрения, ранее высказанной Д. Рауль-Рошеттом (*Raoul-Rochette D.* Histoire critique de l'établissement des colonies grecques. Paris, 1815. Vol. 3. P. 315) о двух разных городах — Борисфене и Ольвии.

Говоря о локализации Ольвии, К. приводит историю изучения этого вопроса и подробно описывает городище. Именно этот фрагмент был издан Н. Н. Мурзакевичем в примеч. к статье «Митрополит Евгений и академик Кёппен» (ЗОИИД. 1872. Т. 8. С. 405–407). К. был среди многочисленных корреспондентов митрополита Евгения Болховитинова, знатока и поклонника античности. Свой очерк об Ольвии К. отправил митрополиту Евгению на рец., и тот сделал к нему ряд ценных замечаний.

Упоминает К. и самые примечательные погребенные памятники Ольвии, которые отмечены им на опубл. плане. В путевых заметках и дневниках ученого зафиксирована важная археол. информация о поселениях ольвийской с.-х. периферии: планы, описания, сведения о случайных находках и размерах городищ и селищ. К. старался привязать упоминаемые в источниках скифские племена и гидронимы к современной ему карте. Кроме того, К. делает попытку перечислить важнейшие здания древнегреч. города на основании письменной традиции и эпиграфич. памятников. При

работе с археол. данными К. приводит подробные сведения о местах находок.

Очерк должны были иллюстрировать два плана, помещенные в приложении: «План крепости Ольвии» (был снят самим К.) и «План всего города и ближайших окрестностей онога». Многие материалы, касающиеся нумизматики, К. заимствует у И. П. Бларамберга и одесского любителя древностей полковника И. А. Стемковского. Раскопки второй пол. XX в. подтвердили многие наблюдения, которые К. приводит в своем очерке (*Папанова. С. 76, 78*).

Изданию очерка помешали различные обстоятельства. После рец. митрополита Евгения К. начал заново переделывать текст; в это же время (1822) вышел ряд работ об антич. памятниках Сев. Причерноморья (И. А. Стемковского, Е. Е. Кёллера, И. П. Бларамберга), и К. счел бессмысленным продолжать работу (*Папанова. С. 76*).

Характерной чертой деятельности К. было стремление установить отношения с известными археологами, историками, антиковедами, хранителями музеев. Для деятельной натуры К. канцелярская служба была тяжела. После смерти министра внутренних дел О. П. Козодавлева (1819) он вскоре вышел в отставку (1822) и отправился в длительное путешествие за границу. В Вене в сент. — окт. 1822 он знакомится с возвращавшимся из Парижа на родину И. А. Стемковским, который помог молодому коллеге оценить труд Д. Рауль-Рошета о древностях Боспора (*Raoul-Rochette D.* Antiquités grecques du Bosphore-Cimmérien. Paris, 1822).

Результаты поездок в Новороссию нашли отражение в двух книгах К., вышедших в Вене в 1822–1823. Первая брошюра о древностях сев. берега Понта (*Alterthümer am Nordgestade des Pontus.* Wien, 1823; впервые опубл.: Wiener Jahrbücher der Litteratur. 1822. Bd. 20. S. 259–351; рус. пер.: **Древности северного берега Понта.** М., 1828) явилась

развернутой рец. на упомянутый выше труд Д. Рауль-Рошетта. В ней К. одним из первых пишет о цели клеймления амфор. При работе он пользовался коллекцией клейм, собранной И. П. Бларамбергом. Некоторые клейма были изданы впервые. Здесь же были впервые опубл. десять надписей из Ольвии, а также две феодосийские надписи (КБН 14 и КБН 1140).

Вторая брошюра К. явилась ответом на резкую критику Е. Е. Кёлера (*Köhler H. K. E. Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien // Gesammelte Schriften. SPb., 1850. Bd. 1. S. 81–234; Beurteilung einer Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus, von Peter von Köppen // Serapis. SPb., 1823. Th. 2. S. 5–44*). Книга К. получила высокую оценку И. А. Стемпковского, который охарактеризовал этот труд как многосторонний и глубокий, содержащий множество новых и важных сведений, касающихся археологии Сев. Причерноморья.

На обратном пути в Германии К. завел знакомство с филологом-энциклопедистом А. Бёком, который показал путешественнику первые листы корректуры своего корпуса греч. надписей (SIG) и попросил разрешения у коллеги воспользоваться его прорисовками эпиграфич. памятников Юж. России. К. предоставил А. Бёку свои копии многих эпиграфич. памятников Причерноморья, а также свел его с И. Бларамбергом, который с того времени регулярно отправлял списки с надписей в Берлин. То, что Бёк имел возможность быстро получить сведения о новых надписях из Причерноморья, объясняет столь быстрое появление этого материала в SIG.

Вернувшись в Петербург в 1824, К. вновь поступил на гос. службу и стал чиновником Деп. народного просвещения, где сблизился с новым министром этого ведомства вице-адмиралом А. С. Шишковым (1754–1841). Вскоре К. стал редактором-издателем первого рус.

библиогр. ж. «Библиографические листы» (6 янв. 1825 — 28 мая 1826; вышло 43 номера; о содержании журнала см.: *Бернштейн С. Б.* «Библиографические листы» П. И. Кеппена // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т. 41. № 1. С. 47–58). Одна из статей этого издания, а именно «**Критическое исследование о Кирилле и Мефодии**» [Библиографические листы. 1825. № 8 (4 марта)], вызвала донос М. Л. Магницкого: К. будто бы пишет против постановлений православной церкви. Оскорбленный К. составил «**Логические и исторические объяснения**» против обвинения Магницкого.

За К. вступился и Н. П. Румянцев, который написал А. С. Шишкову: «Защитите, пожалуйста, препозелные “Библиографические листы”, издаваемые Кёппеном, от того гонения, которое поднял на них Магницкий. Ежели он в своем представлении успеет, какому же осуждению подвергнемся мы за границу, когда ученые сведают, что у нас сочинение Добровского о Кирилле и Мефодии под запрещением единственно потому, что сей ученый и почтенный муж повествует обстоятельства жизни их не так, как описаны они в нашей Минеи-четьи. Охраните нас от такого позора...» (Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке, с объяснениями и примечаниями И. Срезневского. СПб., 1873. С. 231). После скандала, вызванного доносом, несмотря на то, что суд вынес оправдательный приговор, К. прекратил издание «Библиографических листов».

В 1826 К. стал чл.-корр. АН в СПб. по разряду истории и древностей, а в 1827 выхлопотал себе перевод из МНП в МВД, ведавшее сельск. хозяйством, так как душа его стремилась в Крым, как это видно из писем (см.: *Мыц Л. А.* Крымские письма П. И. Кеппена 1829 г. // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических: сб. науч. тр. Киев, 2004. С. 9–18). В 1829 К. приобрел в Крыму близ Алушты имение Карабах; в 1830 занял пост помощника гл. инспектора шелководства,

садоводства и виноделия юж. губерний, женился на дочери своего старшего друга Аделунга и переселился в имение. Здесь с ним произошло несчастье: К. следил за починкой дороги, проходящей мимо Карабаха, и при обтесывании камня осколок выбил ему левый глаз.

В сент. 1837 у К. в имении Карабах несколько дней гостил В. А. Жуковск и й. В своем дневнике поэт записал: «В Алуште встреча с Кеппеном. Темною ночью по крутизне спуск к Карабагу. Поэтический милый домик на самом живописном месте» (цит. по: *Маркевич* А. Н. В. Гоголь и В. А. Жуковский в Крыму // ИТУАК. 1902. № 34. С. 28–29).

В это время К. продолжал собирать многообразные материалы о Крыме: они были обобщены в «Крымском сборнике», который планировался как четырехтомник, однако вышел только первый том «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» (СПб., 1837).

В «Крымском сборнике» К. затронул вопросы топографии Юж. побережья — центральной части Тавриды. К сб. была приложена подробная карта Юж. берега Крыма, составленная на основе карты генерала Мухина 1816, и указатель к ней (Указатель к карте Южного Крыма, принадлежащей к Крымскому сб. Петра Кёппена. СПб., 1836; материалы по составлению сб. и указателя к карте хранятся в: СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 329, 467).

К. с молодости вращался в научно-лит. среде и был знаком с А. С. Пушкиным. Сохранился адрес Пушкина, записанный им для К., а в РО ИРЛИ хранится альбом К. с автографами Дельвига, Кюхельбекера, Жуковского, Гнедча и др. известных людей пушкинского круга.

К. очень занимала необходимость детального описания археол. памятников и локализации топонимов Тавриды. Осенью 1833 — весной 1834 по поручению и на средства гр. М. С. Воронцова он тщательно обследовал горную часть полуострова, где первым обнаружил

и описал следы укреплений антич. и визант. времени. В «Крымском сборнике» К. составил первое краткое описание городища Харакса в Ай-Тодоре, раскопки которого предпринял в 1849 гр. Андр. Павл. Шувалов (см.: *Кондараки* В. Х. Универсальное описание Крыма. СПб., 1875. Ч. 15. С. 87).

В 1830-х К. принимал участие в анализе памятников, найденных на городище Неаполя Скифского. Он опубликовал план Неапольского укрепления, а детальную информацию о городище можно найти в его неизданных «Материалах для ближайшего познания горной части Крыма: Путевые заметки (1833–1834)» (СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 344).

Приглашенный С. С. Уваровым на должность директора нем. «Санкт-Петербургских ведомостей», К. в 1834 вернулся в столицу. Однако для возвращения были и другие причины. Добровольное затворничество в имении и «отлученность от научного света» стала тяготить К., к тому же не хватало средств на содержание троих детей. На этой должности он пробыл до дек. 1835.

В 1837 К. был избран адъюнктом, в 1839 — экстр. акад., в 1843 — орд. акад. Имп. АН по каф. статистики, а позднее стал одним из основателей РГО (1845). Еще в 1825 К. получил докт. степень Тюбингенского ун-та; всего же он был членом 28 науч. обществ.

Несправедливо обвиняемый Е. Е. Кёлером в науч. неосновательности, а также настойчиво побуждаемый к занятиям слав. древностями вместо антич., К. в зрелом возрасте перестал публиковать работы по классич. археологии и эпиграфике Причерноморья (см.: *Тункина* 2002. С. 442–443). Однако, как свидетельствуют документы его личного фонда, К. продолжал собирать сведения об археол. памятниках. Начиная с 1852 из-за болезни ученый проводил большую часть года в Крыму и 23 мая 1864 скончался в своем имении Карабах.

По смерти К. завещанные им рукописи поступили в БАН. Среди них по археологии: 1) Могилы вблизи Керчи (сюда же принадлежат некоторые бумаги и рисунки Дюбрюкса); 2) Боспор и Пантикапея; 3) древности Крыма; 4) планы древних укреплений в Крыму; 5) виды крымских укреплений. Из бумаг по географии и статистике следует упомянуть «Материалы для ближайшего познания горной части Крыма» (несколько тетрадей).

Литература: *Кёппен Ф. П.* Биография П. И. Кёппена // Сб. ОРЯС. 1911. Т. 89. С. 1–170; *Тункина И. В.* Кёппен как исследователь Ольвии (Становление археолога) // Археол. вести. 2000. № 7. С. 357–372; *Назарчук В. И.* Ольвийский сборник П. И. Кёппена // Летопись Причерноморья: археология, история, литература, нумизматика. № 3. Херсон, 1999. С. 19–30; *Сухова Н. Г., Красникова О. А.* К биографии П. И. Кёппена (1793–1864) // Деятели русской науки. Вып. 1. С. 31–61; Тункина 2002; *Пананова В. А.* Академик П. И. Кёппен и Ольвия // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических: сб. науч. тр. Киев, 2004 ♦ Брокгауз; РБС; Прозоров; БСЭ; БРЭ; Бузескул 2008; Тункина 2017.

Архивы: СПбФ АРАН. Ф. 30; ИР ЦНБ. V. 715.

Е. Д. Блащук

КЁРБЕР (КЕРБЕР)

Эдуард Юлиевич

KÖRBER Eduard

[17(29).10.1848, Аренсбург, ныне Курессааре, Эстония — 11(24).2.1913, дер. Рабитицы, ныне Волосовского р-на Ленингр. обл.], *филолог*

Из дворян. Сын учителя прогимназии в Аренсбурге (о. Эзель). Окончил ее курс в 1867 и классич. отделение Дерпт. ун-та в 1870 (кандидат, сер. медаль 1869 за сочинение «*De Lucani usu syntactico*»). Выдержал экзамен на звание ст. учителя древних языков при Дерпт. ун-те в 1871.

С февр. 1872 служил в Петербурге: учитель нем. и древних языков в ГНУ св. Петра и учитель греч. языка в Петерб. 1-й гимназии (с марта 1875, засл. учитель 1890; см. п. д. 1902: РГИА. Ф. 735. Оп. 137. № 651). По выслуге 30 лет (1902), уволенный из штата ГНУ св. Петра и Петерб. 1-й гимназии, еще преподавал нем. язык в гимназии Петерб. ИФИ (1902–1907; также воспитатель; см. п. д. 1913: РГИА. Ф. 740. Оп. 22. № 402). Вышел в отставку по болезни.

Как ученик Я. Кремера и К. Паукера, вероятно, К. специализировался в лат. грамматике. Серьезными науч. исследованиями не занимался, но, являясь сотрудником и казначеем Петерб. ОКФП в 1890-е и 1900-е (см. отчеты разных лет: ФО. 1898. Т. 15; 1899. Т. 17; ЖМНП. 1908. Июль), выступал на заседаниях общ-ва с рефератами новых пособий по древним языкам. В программах ГНУ св. Петра на 1874 и 1883 он напечатал краткие стилистич. заметки «*De M. Annaei Lucani poetae usu syntactico*» и «*De P. Ovidii Nasonis relegationis causis commentatio*», не представляющие науч. интереса (в последней, по замечанию рецензента, автор даже не исполнил обещания заголовка, приведя лишь скудные биограф. цитаты без самостоятельных выводов — Bursians Jber. 1882. Bd. 31. S. 157), изредка (очевидно, при посредничестве коллеги по гимназии Э. А. Верта) рецензировал учеб. пособия для «ЖМНП». Вместе с Вертом К. перевел (обогадив текст «плодами многолетней опытности») на рус. язык «Греческую грамматику» Э. Курца и Э. Э. Фризендорфа (СПб., 1890–1895), хотя разговорным рус. языком владел не вполне свободно: его «неполное знание русского языка» отмечалось в отчетах комиссий, ревизовавших преподавание древних языков в петерб. гимназиях, и в воспоминаниях бывших учеников: «Учитель греческого языка К. говорил нам о быстроперых орлах <...>, предлагал заключить слово в “коврижки”» (Чухман А. А. Очерки по истории 321 средней школы.

СПб., 2007. Ч. 2. С. 41); раздраженно о «лично порядочных», но «убийственно преподававших древние языки» немцах Петерб. 1-й гимназии вспоминал и акад. Вернадский, выпускник 1881 (Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 24, 26).

По мере сил К. старался увлечь учеников классич. древностью (П. Н. К р а с н о в вспоминал «грека» К. как «любителя перемежать спряжение греческого глагола с рассказами об олимпийских богах») и поощрял их лит. занятия: были изданы выполненные под его руководством старшеклассниками переводы из Софокла: «Смерть Аякса. Содержание трагедии Софокла» (СПб., 1886), также фрагменты переводов в хрестоматии В. А. А л е к с е в а «Древнегреческие поэты в биографиях и образцах».

Иногда смешивается с др. выпускником Дерпт. ун-та Эдуардом Львовичем Кербером (род. 1840), в 1872–1896 преподававшим нем. язык в Кронштадтской гимназии.

Л и т е р а т у р а: *Соловьёв Д. Н.* Пятидесятилетие Петерб. первой гимназии. 1830–1880. СПб., 1880; *Будагов М. Л.* Семидесятилетие Благородного пансиона и Петерб. первой гимназии. 1817–1892. СПб., 1895; *Petrischule* ♦ Нагуевский; Прозоров; Венгеров (Список); *Album Dorpat*; EAD.

А р х и в ы: *Отд. документы и письма:* ЦГИА СПб. Ф. 272 (ГНУ св. Петра).

В. П. Смышляева

КЕССЛЕР

Эрнест Эрнестович

KESSLER Ernst Karl Theodor

[17(29).8.1842, Дерпт, ныне Тарту — 8(20).5.1896, Петербург], *филолог*

По окончании Дерпт. гимназии (1850–1859) занимался филологией в Дерпт. ун-те и на ун-тских пед. курсах (1860–1864, кандидат). Пед. службу начал учителем лат. языка в гимназии Биркенру (близ

Вендена) (1864–1865) и Могилёвской гимназии (1865–1873). С 1873 служил в Петербурге: учитель лат. языка в гимназии Гуревича и Петерб. 3-й гимназии, с 1895 преподавал также в гимназии Петерб. ИФИ.

Авторитетный латинист и автор одного из лучших отеч. пособий по лат. грамматике — «**Синтаксис латинского языка**» (СПб., 1874 и многочисленные переизд.), снискал за эту работу Малую Петровскую премию и одобрительные рец., в т. ч. отзыв Я. Г. М о р а (ЖМНП. 1879. Июль). Здесь он переработал материалы германских учебников Ф. Эллендта, М. Зейферта, К. Цумпта и др. Функции лат. падежей и глагольных наклонений изложены в «Синтаксисе» традиционно, но проиллюстрированы — в эпоху мертвящих экстемпоралий! — параллелями живых рус. конструкций. Иногда К. включал в грамматич. комментарий и «самобытные» наблюдения: напр., в разделе «О замене русских существительных и наречий глагольными перифразами» образца *Romae esse* = «пребывание в Риме», *se non nolle dixit* = «согласие свое изъявил» и т. п. Необходимость замен объясняется им бедностью «устремленного к определенности» лат. языка отвлеченными «существительными» (цит. по: СПб., 1888. С. 202). Адресованность учебника рус. школьнику особенно отмечалась рецензентами: «Покинувши чересчур узкую колею немецкого языка, г. Кесслер движется свободно в области русского мышления <...>. По отношению к своим источникам книга Кесслера вполне высвободилась из чуждых оков и, будучи изложена чистым, строго литературным русским языком, она представляет пособие, превосходящее все доньше изданные по немецким оригиналам грамматики», — писал Ю. Стовик (ФЗ. 1875. № 2. С. 16–17). В отзыве комиссии по Петровским премиям (в составе В. Х. Л е м о н и у с а, И. В. П о м я л о в с к о г о, Г. И. Л а п ш и н а, А. И. И о н и н а), помимо регулярных экскурсов автора

в рус. грамматику («русский язык служит для автора масштабом не только в расположении, но и в выборе грамматического материала»), подчеркивается «ясность при объяснении самых трудных случаев» (ЖМНП. 1875. Июнь. С. 64). Впоследствии К. переработал свое пособие в синтаксич. часть учебника **«Краткая грамматика латинского языка»**, выдержавшего 22 издания до 1917; морфология в этом учебнике изложена П. А. Сидоровым, коллегой К. по гимназии. Участвовал К. также в составлении известного пособия Н. В. Санчурского «Краткий очерк римских древностей», а в соавторстве с В. М. Краузе (возможно, бывшим учеником К. по Могилёвской гимназии) издал сб. **«Упражнения в переводе с русского на латинский с примечаниями для высшего класса гимназий по Radke's Materialien...»** (СПб., 1881). Как авторитетный методист привлекался к обсуждениям учеб. программ и пособий в Петерб. ОКФП (см.: ЖМНП. 1879. Июль. С. 247). Принадлежал к редким латинистам-«прогрессистам», о которых ученики вспоминали с единодушной симпатией: при неуклонной строгости, не поступаясь достоинством и не заискивая, умел внушать любовь к своему предмету и давал отличные знания (см. воспоминания Чистовича, Шляпкина, Набокова, Ордина в кн.: Бывшая 3-я гимназия).

Здесь же приводится портрет К.: «Небольшого роста, широкоплечий, с умным лицом, обрамленным довольно густыми волосами, с большим умным лбом и строгими, иногда на мгновение вспыхивающими остроумием или насмешкою глазами, обыкновенно серьезно смотревшими сквозь большие золотые очки» (из воспоминаний Б. Ордина; Там же. С. 119). Д. С. Мережковский (С. 114), беспощадный критик большинства своих гимназич. наставников, для одного К. сделал исключение в «Старинных октавах»: «Честнейший немец Кесслер-латинист, / Заросший волосами, бородатый, / На вид угрюм, но сердцем добр и чист, / Как древние Катоны, Цинциннаты / И Сцевольты;

большой идеалист, / Из года в год, отчаяньем объятый, / Всем существом грамматике любя, / Он нас терзал и не щадил себя».

В отклике на его внезапную (от сердечного приступа) смерть проф. полит. экономии П. И. Георгиевский назвал К. «образцовым преподавателем, высокочестным, сердечным и справедливым человеком» и предлагал учредить стипендию имени К. (Новое время. 1896. № 7256).

Литература: Пам. книжки СПБИФИ 1887 и 1892, 1898 (списки); *Георгиевский А. И.* К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения // ЖМНП. 1900. Дек.; *Созонов М.* Историческая записка о Могилёвской мужской гимназии за столетний период ее существования. 1809–1909. Могилёв, 1909 ♦ Венгеров (Источники, Список); Воронков; Album Dorpat; EAD.

В. П. Смышляева

КИЗЕРИЦКИЙ Гангольф Егорович

KIESERI(T)ZKY Reinhold Gustav
Gangolf von

[18(30).9.1847, Феллин,
ныне Вильянди, Эстония —
28.12.1903 (10.1.1904), Петербург],
искусствовед, хранитель в Эрмитаже

Из лифляндских немцев, дворянского рода, сын судьи. Образование получил в частном пансионе, затем занимался классич. филологией в Дерпт. ун-те (1867–1873), в 1876 получил степень магистра (дис. «*Nike in der Vasenmalerei*» изд.: Dorpat, 1876). Преподавал в гимназии Феллина (ныне эст. г. Вильянди) латынь и греч., но уже с дек. 1876 начал подготовку к профессорскому званию (1876–1880, Мюнхен). С 1880 помощник хранителя Отделения древностей Эрмитажа, с 1886 — ст. хранитель, начальник I Отделения. Ученый хранитель музея классич. археологии Имп. АН (1880–1894).

Чл.-корр. (1878), д. чл. (1889) Германского археол. ин-та в Берлине, археол. ин-тов в Риме и Афинах (1889), чл. ООИИД (1896) и др.

К. рано увлекся антич. искусством. В 1871, будучи еще студентом, он получил зол. медаль за работу «**Über die Beziehungen Kaiser Hadrians zur griechischen Kunst**»; в дальнейшем продолжил образование по классич. филологии. Во время подготовки к профессорскому званию, которая заняла четыре года (положенный двухлетний срок был продлен), К. учился в Мюнхене у Г. Брунна, который в наибольшей степени повлиял на его науч. становление; К. считал его своим гл. наставником и поддерживал переписку с ним из Петербурга — несколько писем находятся в Bayerische Staatsbibliothek. В своих поездках в Грецию и Италию К. познакомился с В. Гельбигом, А. Мау, И. Генценом, У. Кёлером.

В 1879, после смерти помощника хранителя Отдела древностей Эрмитажа И. Д. Дёля (J. Doell), директор А. А. Васильчиков, еще раньше познакомившийся с К., в письме к министру народного просвещения Д. А. Толстому предложил «уступить» в Эрмитаж готовившегося к преподаванию в ун-те молодого ученого на место помощника Л. Э. Стефани — хранителя Отдела древностей. Такое положение К. занимал в течение шести лет (1880–1886). В 1884 он дважды выезжал за границу для получения коллекций, приобретенных Эрмитажем: в Берлин за коллекцией терракот, которая включала в т. ч. знаменитые танагрские статуэтки из продававшегося собрания П. А. Сабурова, и в Париж — за коллекцией памятников средневекового искусства А. П. Базилевского. Устроенные К. в Эрмитаже временные выставки новоприобретенных коллекций имели большой успех и способствовали его авторитету как музейного работника. Вскоре на К. было возложено иное поручение того же рода, хотя оно и лежало вне основной

сферы его деятельности: перемещение коллекции Царскосельского Арсенала в Эрмитаж. За этот труд К. был награжден орденом св. Владимира 4-й степени.

С 1886, после Ф. Ж и л я и Л. Стефани (последнему К. написал некролог для ADB), К. занял пост старшего хранителя. В 1889 он посетил Крым и Черноморское побережье Кавказа, в 1891 — осмотрел основные центры раскопок в Греции (афинский акрополь, Микены и т. д.), объехал вост. побережье Эгейского моря. В этой же поездке он познакомился с сотрудником Г. Ш л и м а н а В. Дёрпфельдом.

За время службы К. в Эрмитаж поступали вещи из известных частных собраний: кн. Ф. А. и М. А. Голицыных (1886); гр. А. Д. Блудова; Г. А. Черткова (1888). В 1894 в Отдел древностей поступили антич. материалы из расформированного Археол. музея АН; в 1900 — коллекция керченского землевладельца А. В. Новикова, состоящая из вещей, скупленных у местных торговцев древностями; в 1901 — коллекция министра финансов А. А. Абазы, в т. ч. замечательная «Пелика с ласточкой» круга Евфрония, которую Абаза в свое время выиграл в карты у ее прежнего владельца графа Н. Г. Гурьева. К. живо участвовал в пополнении собрания Эрмитажа, ходатайствуя о приобретении целиком или частично коллекций керченских древностей и отд. предметов, в т. ч. напрямую у тех, кто нашел их. Средства удавалось получить не всегда; случалось и так, что МИДв отказывало в покупке той или иной коллекции. Нередко приходилось вести торг — так, при покупке собрания одесского купца Ю. Х. Лемме К. снизил цену приобретения с 60 тыс. р. почти в два раза.

В последние десятилетия XIX — начале XX в. собрание Эрмитажа непрерывно пополнялось материалами археол. исследований на юге России: в музей ежегодно поступали сотни предметов из раскопок некрополей городов Боспорского царства, из Херсонеса и курганов антич. эпохи

в степях Причерноморья. Этим отчасти объясняется интерес К. к памятникам искусства Сев. Причерноморья. В течение ряда лет он трудился над каталогом Никопольского зала, в котором вокруг Никопольской вазы из Чертомлыкского кургана разместилась большая часть находок из степных курганов Сев. Причерноморья, в т. ч. предметы скифского искусства, а также древности из Сибири и др. мест, в частности, Хотана. К. сделал первую публикацию собрания древностей из этой обл. в юго-зап. Синьцзяне, поступившего в Эрмитаж (**Хотанские древности из собрания Н. Ф. Петровского** // ЗВОРАО. 1895. Т. 9, вып. 1–4. С. 167–190). Многолетней была и его работа над каталогизацией всех известных к тому времени антич. надгробий из Сев. Причерноморья (впервые он обратил внимание на этот материал еще при подготовке к поездке по Крыму и кавказскому побережью в 1889). С антич. памятниками Сев. Причерноморья связана и первая с начала службы в Эрмитаже командировка К.: в 1882 он приехал в Афины для сравнения зол. медальонов из кургана Куль-Оба с мраморной статуэткой Афины Парфенос из Варвакиона, копией II в. н. э., дающей наиболее полное представление о статуе, созданной Фидием в 438 до н. э. для Парфенона — результатом стала не утратившая своего значения и сегодня, возможно, его лучшая работа. В Афинах К. женился на Анастасии-Каролине фон Гельдрейх, дочери директора афинского Ботанического сада, гречанке по материнской линии (*Зелинский Ф. Ф.* Автобиография // Древний мир и мы. Вып. 4. С. 91).

Большую часть жизни К. посвятил работе над каталогами музея, чем до него много занимался С. А. Геденов. Свой, основанный на каталоге последнего, «**Музей древней скульптуры**» (СПб., 1896) К. постоянно обрабатывал и дополнял (4-е изд., в которое были помещены не только описания 432 предметов, но и их фотографии и рисунки, вышло в 1901).

В последнее десятилетие своей жизни К. трудился над составлением каталога древностей Никопольского зала. Ему не удалось закончить этот каталог — не хватало описания около двадцати предметов и введения: ежедневные обязанности в Эрмитаже, большой объем работы в связи с увеличивающимся потоком новых археол. находок вкупе с порой чрезмерными усердием и педантичностью, свойственными К., не оставляли достаточно времени для этой работы. Сходной была история и другого монументального свода, предпринятого К., — корпуса антич. надгробных рельефов из южной России. И этот практически завершенный труд, в силу указанных особенностей характера К., был доведен до публикации уже после смерти автора нем. археологом К. Ватцингером, написавшим предисловие (*Kieseritzky G., Watzinger C.* **Griechische Grabreliefs aus Südrussland.** Berlin, 1909). Искусствоведы и археологи и сейчас обращаются и к этому своду, и к каталогу скульптуры Эрмитажа, и к основательной статье К. о подвесках с головой Афины из Куль-Обы (особенность подхода К. к изучению зол. рельефов состояла в том, что он рассматривал гипсовые слепки с них, что несколько приближало к мраморному оригиналу).

Ревниво относившийся к ценностям, хранившимся в Эрмитаже, К. не считал необходимым развитие образовательного направления, невзирая на многократно возросшее число посетителей — их он рассматривал в первую очередь как возможную угрозу экспонатам. После смерти К. несколько ценных предметов из новоприобретенных (в их числе знаменитая «Пелика с ласточкой») обнаружилась на полке шкафа за книгами: вероятно, он спрятал их от посторонних глаз, желая самостоятельно исследовать впоследствии.

Помимо ежегодных отчетов о раскопках в «*Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts*», К. публиковал статьи и небольшие заметки: «**L'Ermafrodita Costanzi**» (Ann. 1882);

«*Athena Parthenos der Ermitage*» (MDAI AA. 1883. Bd. 7. S. 291–315); «*Гатчинская Афродита, статуя Императорского Эрмитажа*» (Вестн. изящных искусств. 1887. Т. 5, вып. 1. С. 86–95); «*Apollo von Naukratis*» (Jahrbuch. des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts. 1892; анализ найденной в Египте фигурки Аполлона); «*Der Apollo Stroganow*» ([Б. м.], 1892); серия статей в сб. «Художественные сокровища России»: «*Античные маски из собрания М. П. Боткина*» (1901. Т. 1. № 2. С. 11–18), «*Аттические золотые драгоценности IV в. до н. э.*» (1901. Т. 1. № 4. С. 51–52), «*Греческие золотые украшения V и IV вв. до н. э. (из некрополей Боспора)*» (1901. Т. 1. № 3. С. 33–35), «*Афродита Морская (из собр. Эрмитажа)*» (1901. Т. 1. № 3. С. 35), «*Дионисий Эрмитажный*» (1901. Т. 1. № 5. С. 65–67), «*Эллинистические бронзы: Артемиды, Геракл и Кекроп (из собр. Эрмитажа)*» (1901. Т. 1. № 4. С. 49–50).

После смерти К. обнаружилось, что дела Отделения в значительной степени находятся в беспорядке — недоверчивость К. привела к тому, что он один имел полное представление о происшедшем; проведенная проверка, впрочем, показала, что все вещи на месте. На посту хранителя К. сменил Е. М. Придик, который до этого возглавлял отделение греч. и римск. монет.

Литература: *Половцов А. В.* Крупная утрата. Гангольф Егорович Кизерицкий. 1847–1903. М., 1904; *Polowzow A.* Zum Gedächtnis an G. von Kieseritzky // ВИА. 1906. Jg. 28. S. 102–109; *Придик Е. М.* Памяти Г. Е. Кизерицкого // ЗКО-РАО. 1907. Т. 4. С. 265; *Тихонов И. Л.* Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г. Е. Кизерицкий // Мнемон. СПб., 2012. Вып. 11. С. 419–438; *Kalashnik Yu. G.* von Kieseritzky and the Classical Department of the Hermitage // *Hypoboreus*. 2013. Vol. 19. P. 229–238; *Чёрный Б.* Dix lettres de Gangolf Kieseritzky à Salomon Reinach // ВДИ. 2017. № 2. С. 414–429 ♦ СИЭ; Сотрудники Имп. Эрмитажа; Тункина 2017; *Album Dorpat*; DBBL.

Д. Д. Кондакова

КИРХНЕР Юлий Богданович

KIRCHNER Julius

[29.12.1823, Магдебург —
22.3.1907, Наумбург],
филолог, педагог

К. занимался в ун-те в Галле теологией и филологией, в 1847 стал д-ром философии. Отслужив домашним наставником в семье гр. Э. Г. Штапельберга, в 1850 поступил в Ревельскую Домскую школу инспектором, затем стал ст. учителем, ст. инспектором и директором. В 1860 К. переехал в Петербург и преподавал лат., греч. и нем. языки в Уч-ще при церкви св. Анны, и с 1863 по 1884 служил в нем директором (DBBL).

По воспоминаниям Ф. Ф. Зелинского, «доктор Юлиус Кирхнер был филолог богословского чекана — в Германии XVIII в. такие были правилом, не знавшим исключений, но уже в XIX столетии это встречалось редко, — в действительности, вполне достойный уважения тип. Высокого роста, с правильным красивым лицом, обрамленным серыми волосами и бакенбардами, он являл собою воплощенное дружелюбное достоинство; казалось немислимым, чтобы кто-либо отважился надерзить ему» (*Зелинский*. С. 58–59). То же, но чуть более сдержанно — как требуют рамки жанра — пишет в отчете за 1884 преемник К. по Анненшуле Иосиф Кёниг: «Самая наружность его уже внушала каждому невольное уважение, то же действие производил неотразимо на каждого его характер» (Годовой отчет... С. 74).

К., став директором, специально ездил в сев. Германию (1867) для осмотра лучших учеб. заведений; по возвращении ему удалось найти средства и организовать строительство нового гимназич. здания по последнему слову гигиены (см.: *Лалаев М.* Главное немецкое училище

Святой Анны, в новом его здании // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб., 1868. С. 1213; *Ефимов*. С. 8. Здание на Кирочной ул., д. 8а сохранилось и сегодня принадлежит физ.-мат. лицу № 239).

Уже будучи директором Анненшуле, К. преподавал нем. язык и литературу, а также лат. и греч. языки. Ф. Ф. Зелинский читал под его руководством Гомера и Горация в последнем классе и аккуратно отмечал, что «преподавание как раз не было сильной стороной Кирхнера, при всем величайшем к нему уважении» (*Зелинский*. С. 59). Пед. коллектив Анненшуле, без сомнения, с почтением относился к К., что видно, напр., из письма училищного совета попечителю петерб. УО: «15 марта 1884. Директор училища при Ев.-лютеранской церкви Св. Анны, д. с. с. Юлий Богданович Кирхнер заявил Училищному Совету желание выйти в отставку по расстроенному своему здоровью. Совет, не видя возможности противиться столь категорически высказанному намерению, с искренним сожалением должен был согласиться на желание директора Кирхнера оставить училище к концу текущего учебного года, т. е. в начале июня месяца сего 1884 года, о чем в свое время Совет училища будет иметь честь донести Вашему Превосходительству» (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. № 7125. Л. 2). Училищный совет выразил просьбу утвердить новым директором Анненшуле И. И. Кёнига, выбранного самим К. (как показала дальнейшая история Уч-ща при церкви св. Анны, в выборе преемника К. не ошибся). Известно, что К. помогал своим воспитанникам не только во время обучения, но и после окончания уч-ща (см., напр.: *Зелинский*. С. 59; *Годовой отчет...* 1885. С. 74; То же. СПб., 1907. С. 73–74).

Мнение о том, что И. И. Кёниг стал директором в 1884 *после смерти* К. (*Ефимов*. С. 9), ошибочно (см.: ЦГИА СПб.

Ф. 139. Оп. 1. Д. 7125; *Годовой отчет...* 1911. С. 2).

Оставляя директорское место, К. благодарил и тех, кто был все эти годы с ним рядом, и удачно сложившиеся обстоятельства его жизни: «Отчет за истекший учебный год является для меня последним звеном в целом ряде годов служебной моей деятельности. Оглядываясь теперь на нее с невольным движением сердца, я чувствую потребность выразить наполняющее меня чувство благодарности за благодать Божию, ниспосланную мне в это время, за благоволение высшего начальства, которым я всегда пользовался, за поддержку со стороны училищного и церковного советов и за доверие и признательность моих сотрудников и сотрудниц, родителей и воспитанников, также и за пределами школы, — которые мне сопутствовали. Должность, подобная той, которую я теперь покидаю, конечно, сопряжена с большим числом забот, столкновений и трудных, запутанных вопросов; во всем этом не было недостатка и в течение моей с лишком двадцатилетней деятельности» (*Годовой отчет...* 1884. С. 86). К. получает весьма солидную по тем временам пенсию — 2000 р. в год. Выйдя в отставку, он продолжает интересоваться жизнью школы и помогать по мере возможности и педагогам, и ученикам. Последние годы К. с семьей прожил в Германии.

Сын К. Иоганнес Кирхнер (1859–1940) — знаменитый эпиграфист, автор фундаментального труда «*Prosopographia Attica*» (DBBL).

Литература: *Годовой отчет* Училища св. Анны. СПб., 1884, 1885, 1907, 1911; *Ефимов Д. Г.* Краткая история Анненшуле — ФМЛ 239. СПб., 2002; *Зелинский Ф. Ф.* Автобиография / пер. с нем. А. И. Рубана; коммент. А. И. Рубана при участии В. В. Зельченко // *Древний мир и мы*. Вып. 4. С. 46–197 ♦ DBBL; EAD.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 139.

С. Э. Андреева

**КЛАС(С)ОВСКИЙ
Владимир (Владислав)
Игнатьевич**

KLASSOVSKIJ V. I.

[1815, Тамбов — 28.1(9.2).1877,
Петербург; Митрофаньевское кладб.],
педагог, писатель

Из дворян Тамбовской губ. По происхождению поляк; рус. язык, согласно свидетельству современников, не был для него родным (*Татищев*. С. 71). Ф. И. Буслаяв, учившийся вместе с К. и всю жизнь друживший с ним, вспоминает, что «детство свое до шести или семи лет он провел в женском монастыре у своей тетки, монахини; она была француженка и говорила с ним всегда только по-французски, — потому он отлично знал этот язык. Затем его взял к себе в мужской монастырь его дядя, который с ним говорил большею частью по-латыни, что дало ему отличную подготовку для изучения римских классиков» (*Буслаяв*. С. 22).

К. окончил филос. отделение Моск. ун-та в 1836, до 1843 преподавал лат. и рус. языки в различных учеб. заведениях Зап. УО (Гродненской губ. гимназии, Слонимском дворянском уч-ще, Динабургской гимназии), одновременно занимаясь науч. работой («по распоряжению министра народного просвещения командирован для отыскания в архивах Гродненского уездного суда древних свитков, грамот и рукописей, достойных замечаний»), переводами и составлением учеб. пособий (ЦГИА СПб. Ф. 6. Оп. 1. № 224. Л. 8–15).

В 1843 К. переехал в Москву и в течение нескольких месяцев служил в 3-й Моск. гимназии, но вскоре подал прошение об увольнении от службы по состоянию здоровья и отправился за границу для лечения (Там же. Л. 8–15). По др. сведениям, К. увлекся анархич., атеистич.

и революционными идеями и уехал за границу, «где прожил около пяти лет и состоял в сношениях преимущественно с людьми такого же образа мыслей; но тяжелая, продолжительная болезнь и неожиданное выздоровление произвело на него такое сильное впечатление, что он совершенно отказался от прежних взглядов и впал в мистицизм; впоследствии, однако, он успел выработать более спокойное и здоровое мирозерцание» (РБС. Т. 8. С. 729). По воспоминаниям Ф. И. Буслаява, К. попытался покончить с собой из-за несчастной любви и во избежание скандала был отправлен попечителем моск. УО за границу (*Буслаяв*. С. 26–27). Результатом пребывания К. в Италии стала книга **«Помпея и открытые в ней древности, с очерком Везувия и Геркуланума»** (СПб., 1848) с планами и рисунками, тираж которой немедленно разошелся; впоследствии она была еще несколько раз переиздана. Согласно рец. В. Гаевского, «прекрасная наружность этой книги вполне соответствует ее внутренним достоинствам» (ЖМНП. 1849. Сент. С. 287). К. дает подробный ист. очерк, анализируя места из авторов, описывает реалии, дополняет издание большими подробными картами и многочисленными иллюстрациями; в предисловии он приводит список науч. трудов по теме на нескольких европ. языках. Книга написана простым и ясным языком, с основательным знанием дела и любовью к предмету исследования.

В 1849 К. возвращается в Россию, женится и получает место преподавателя рус. языка и словесности, а затем истории и слав. языка во 2-м Кадетском корпусе, с 1855 служит в Пажеском корпусе наставником-наблюдателем и учителем, позднее также зав. 6-кой и чиновником для иностр. переписки; преподает вел. князьям и княжнам (ЦГИА СПб. Ф. 6. Оп. 1. № 224. Л. 8–15; К. Б. С. 3). Как видно из монографии С. С. Татищева,

К. был близок к имп. двору, обучал рус. языку и словесности вел. князей; известно, что его воспитанники относились к своему учителю с большим почтением, а он не раз навещал их во время пребывания за границей (*Татищев*. С. 70; ср., с другой стороны, резко критич. оценку методов преподавания К. вел. князьям, данную Я. К. Гротом и Н. П. Грот: *Баллакин А. Ю.* Разыскания в области биографии и творчества И. А. Гончарова. М., 2018. С. 190–193).

К. был ярким педагогом, страстно влюбленным в дело преподавания. Знаменитый анархист Петр Кропоткин вспоминает о К., у которого он учился в Пажеском корпусе:

«Первая лекция В. И. Классовского явилась для нас откровением. Было ему под 50; роста небольшого, стремителен в движениях, сверкающие умом и сарказмом глаза и высокий лоб поэта <...> Он должен был преподавать нам грамматику, но вместо скучного предмета мы услышали нечто совсем другое <...> Одни из нас наваливались на плечи товарищей, другие стояли возле Классовского. У всех блестели глаза. Мы жадно ловили его слова <...> В сердцах большинства кипело что-то хорошее и возвышенное, как будто пред нами раскрывался новый мир, о существовании которого мы до сих пор не подозревали. На меня Классовский имел громадное влияние, которое с годами лишь усиливалось <...> Западная Европа и, по всей вероятности, Америка не знают этого типа учителя, хорошо известного в России. У нас же нет сколько-нибудь выдающихся деятелей <...> в области литературы или общественной жизни, которые первым толчком к развиту не обязаны были преподавателю словесности» (*Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 2018. С. 73–74).

К. знал пять живых и два древних языка, написал множество справочных пособий (по рус. грамматике и правописанию, по пунктуации в европ. языках, по стихосложению) и учеб. пособия по лат., старослав. и рус. языкам. Учеб.

пособия К. не всегда вызывали одобрение у рецензентов, гл. обр. из-за тяжеловесности слога: «Главный недостаток его заключается в языке, вообще вычурном, тяжелом, часто неправильном и по местам совершенно уклоняющемся от склада и тона, свойственных русской речи; такой язык может быть крайне затруднительным не только для малолетних, но и для довольно взрослых воспитанников» (ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2721. Л. 3). Тем не менее по сути они признавались безусловно полезными, — так было с рец. (ЖМНП. 1867. Март. С. 764–765) на его пособие «**Латинская просодия**» (СПб., 1866).

К. отличался большим трудолюбием. Помимо учебников, справочников и книг общекультурного содержания, он написал ряд гимназич. пособий по древним языкам. Под редакцией К. и с его комментариями вышли Вергилий («Энеида»), Буколики и «Георгики»), Гораций («Оды», «Послание к Пизонам»), Саллюстий («Заговор Катилины») и «Югуртинская война»), Тацит («Агрикола», «Германия» и 1-я кн. «Анналов»), Федр («Басни»), Цезарь («Записки о галльской войне» и «Записки о гражданской войне»).

Современники вспоминают о К. как об умном деликатном человеке, никогда не гнавшимся ни за чинами, ни за большими деньгами (*К. Б.* С. 13–14), «из таких натур, которые более обречены на то, чтобы волноваться и страдать, а не радоваться и спокойно наслаждаться жизнью» (*Буслаев*. С. 25).

Литература: *К. Б.* В. И. Классовский (Некролог). СПб., 1877; *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897; *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича: в 2 кн. / подгот. текста С. С. Атапина, В. М. Лупановой; вступ. статья Н. А. Малеванова // Великий князь Александр Александрович: сб. документов. М., 2002. С. 5–442. ♦ РБС; Брокгауз.

С. Э. Андреева

КЛЕМЕНЧИЧ Осип Юрьевич

KLEMENČIČ Jožef

[22.3.1848, дер. Ковор, ныне в общине Тржич Гореньского р-на Словении — после 1906, Петербург?], педагог

Сведения о семье и раннем детстве К. пока не обнаружены. По окончании гимназии в Люблине К. поступил в Венский ун-т (1868); среди его преподавателей были известные филологи А. Г. Гофман фон Фаллерслебен (Hoffmann von Fallersleben), И. Фален (Vahlen) и В. Гартель (Hartel). В Россию К. приехал в качестве славянского стипендиата при МНП; впоследствии принял российское подданство, перешел из католичества в православие и женился; рано овдовев, воспитывал один троих своих детей и сироту-племянника.

В 1872 К. поступил на службу в 2-ю Петерб. гимназию преподавателем древ. языков; через год прошел испытания в Петерб. ун-те на звание учителя древ. языков в гимназиях, получил свидетельство и был зачислен в штат. К службе К. относился с прилежанием, нареканий от начальства не имел, своевременно получал чины и был награжден многими орденами: св. Станислава 1-й, 2-й и 3-й степени, св. Анны 2-й и 3-й степени и св. Владимира 3-й и 4-й степени (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16243. Л. 5–19; см. также: *Тихомиров П. К.* Историческая записка 75-летия С.-Петербур. Второй гимназии. Ч. 3: 1881–1905. СПб., 1905, s. v.).

К петерб. периоду жизни К. относится написание нескольких учебников и учеб. пособий по древ. языкам (**Латинская грамматика для низших и средних классов гимназии.** СПб., 1878; **Упражнения в переводах с русского языка на латинский для средних классов гимназий и прогимназий. Синтаксис**

простого предложения. СПб., 1879; **Упражнения в переводах с русского языка на латинский для средних классов гимназий и прогимназий.** СПб., 1881; **Греческая хрестоматия для низших классов гимназий.** СПб., 1886; **Греческая грамматика для гимназий.** СПб., 1887–1889; **Вокабулярий и грамматические объяснения к первой и шестой рапсодии Одиссеи.** СПб., 1889; *Смирнов И. А., Клеменчич О. Ю. Учебник латинского языка.* СПб., 1887). В пособиях К. заметно внимание к ученику, стремление облегчить жизнь тем, кому выпало с детства изучать древ. языки. Впрочем, это не шло в ущерб качеству учеб. материала: предложения и тексты его пособий всегда осмысленны, связаны с древ. историей и культурой, либо представляют собой законченные высказывания, обычно нравственного характера.

В «ЖМНП» опубликованы три рец. на пособия К. (ЖМНП. 1887. Сент. С. 13–16, 17–18; 1889. Авг. С. 57–58); все они положительные.

В 1895 К. перешел на службу в Кронштадтскую гимназию (должность инспектора), через два года он стал ее директором. На время директорства К. пришелся революционный 1905-й, когда всюду прекращались занятия, многих учеников исключали, другие оставались на второй год. «Тревожный для всей России 1905–1906 учебный год прошел для Кронштадтской гимназии сравнительно благополучно: благодаря тому расположению, каким пользовались среди учеников директор О. Ю. Клеменчич и <...> инспектор В. И. Вознесенский, жизнь гимназии быстро вошла в свою обычную норму, и учебный год закончился довольно успешно: из 320 учеников гимназии осталось на 2-й год только 23 человека» (Краткий очерк 50-летия Кронштадтской мужской гимназии. 1862–1912. Кронштадт, 1912. С. 13). Через год К. подал в отставку по причине, как он сам писал, «едва ли излечимой нерв-

ной болезни, приобретенной на службе» (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16243. Л. 4). Кронштадтская гимназия, благодаря К. и его предшественнику Н. А. Козеко, из весьма посредственной провинциальной школы превратилась в достойное учеб. заведение.

Литература: Чуркина И. В. Югославянские стипендиаты Славянского учительского института в Петербурге (1866–1882) // Славянское возрождение. М., 1966. С. 132; Басаргина 2004. С. 25 ♦ Прозоров.

С. Э. Андреева

КОЗЬМА (первонач. Кузьма) Петрович ПРУТКОВ

KOZ'MA PRUTKOV

[11(23).4.1801, в дер. Тентелевой близ Сольвычегодска — 13(25).1.1863, Петербург], *маска поэта-чиновника, под именем которого публиковали свои пародийные сочинения несколько литераторов*

Из создателей Козьмы Пруткова (далее К. П.) наиболее известен Алексей Константинович Толстой (1817–1875); а в сложении образа К. П. принимали участие двоюродные братья Толстого — Жемчужниковы: Алексей Михайлович (1821–1908), Владимир М. (1830–1884) и Александр М. (1826–1896); их мл. брат, художник Лев М. Жемчужников, написал в 1853–1854 живописный портрет поэта. Отмечалась эпизодич. роль и некоторых др. лиц (*Берков П. Н.* Козьма Прутков, директор Пробирной палатки и поэт: к истории русской пародии. Л., 1933. С. 17–19). Творцы К. П. принадлежали к высшему обществу по рождению, воспитанию и по образованности, включавшей знакомство с классич. древностью.

Сочинения, подписанные именем К. П., впервые появились в 1854 в «Литературном ералаше» (прил. к «Современнику»)

под заглавием «Досуги Кузьмы Пруткова», а в 1884 В. Жемчужников подготовил первое ПСС К. П. (*Бухштаб Б. Я.* Русские поэты: Тютчев, Фет, Козьма Прутков, Добролюбов. Л., 1970. С. 162–163); здесь появились и «Биографические сведения о Козьме Пруткове». Исправленное и многократно переизданное СС в 1933 увенчалось первым науч. изданием (подг. П. Н. Берковым). Жизнеописание К. П. известно нам по «Некоторым материалам для биографии К. П. Пруткова», включающим в себя «Материалы для моей биографии», под заглавием «Сборник неоконченного (d'inachevé)». Первоначальное имя Кузьма со временем было заменено более «героическим» Козьмою (ср. Cosimo).

Со вступлением на гражданскую службу К. П. переселился в Петербург. Вершиной его карьеры стал, как будто бы, чин д. стат. сов. и должность директора Пробирной палатки — небольшого ведомства в ведении Министерства финансов. Исследователи подчеркивают, что такая должность официально не существовала: Пробирная палатка принадлежала деп. горных и соляных дел и управлялась обер-контролером проб в скромных чинах (*Козьма Прутков.* ПСС / вступ. статья, подг. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. М.; Л., 1965. С. 19). Поселившись в столице, К. П. всего себя отдает службе и сочиняет в особенности законопроекты, из которых задушевнейшим оказался текст «О введении единомыслия в России». Свою кончину он упредил стихотворением, которое так и подписано: «Предсмертное».

Свой творческий метод К. П. формулирует в «Письме известного Козьмы Пруткова неизвестному фельетонисту...». Анализируя произведения др. поэтов, он пришел к «синтезису»: желая славы, он пишет подражания тем, кто уже достиг ее. Среди лит. жанров, к которым К. П. обращается в своем творчестве, — лирика, драма, эпиграмма, ист. проза, афоризмы, басни; мелькают произведения, мотивы и образы, взятые из античности. Парад

Алексей Толстой

Алексей Жемчужников

антикизирующих банальностей находим в программном стихотворении «Честолюбие» (1854), где приведен перечень «общих» мест и расхожих представлений об антич. культуре:

Дайте силу мне Самсона; / Дайте мне Со-
кратов ум; / Дайте легкие Клеона, / Огла-
шавшие форум; / Цицерона красноречье, /
Ювеналовскую злость, / И Эзопово увечье, /
И магическую трость! / Дайте бочку Диогена;
/ Ганнибалов острый меч, / Что за славу
Карфагена / Столько вый отсек от плеч! /
<...> Для значения инова / Я исхитил бы
из тьмы / Имя славное Пруткова, / Имя
громкое Козьмы!

К середине XIX в. европ. культурой уже был пережит и классицизм, и ложноклассицизм, и сильно политизированный филэллизм, и некоторый отход от них в романтизме и реализме с их нажимом на индивидуализированную стихию новых народов. Вехой в формировании культы классич. древности стал И. И. Винкельман, чья концепция в России была рано принята и прочно укоренилась (об этом: *Lappo-Danilevskij K. Yu. Gefühl für das Schöne. Johann Joachim Winkelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken*

in Russland. Köln; Weimar; Wien, 2007). Со временем умозрительные концепции стали уступать место положительным знаниям, а взамен восторженному поклонению древним и желанию подражать им и с ними соревноваться пришел культурно-ист. интерес, расширение внимания к классич. цивилизации в целом, включая ее бытовую сторону с учетом характерных достоинств и недостатков, соответственных ист. времени. Развитие науки об античности, археологич. находки и проч. способствовали тому, что винкельмановская идея «благородной простоты и спокойного величия» (*edle Einfalt und stille Größe*) превратилась в пережиток ушедшей эстетич. эпохи, который теперь вызывал улыбку. Повлияло на восприятие античности и укрепление классич. образования в России XIX в. Еще с первых десятилетий XIX в. по почину С. С. У в а р о в а в гимназич. программу кроме латыни вошел и древнегреч. язык. В николаевское правление это новшество отступило, чтобы после начала «Великих реформ» вернуться в обличье устава Д. А. Толстого (*Pozdnev M. Aufstieg und Niedergang des Schulklassizismus in*

Владимир Жемчужников

Александр Жемчужников

Russland im 19. Jh. // Hyperboreus. 2015. Vol. 21. P. 195–216).

Всеобщее и, соответственно, упрощенное поклонение античности вошло в канон как в отношении к литературе, так и к другим искусствам. В этой обстановке не могло не становиться все заметнее влияние школьного обихода: «античность» превращалась в собрание наскучивших штампов, причем принуждение к изысканному приобретало формы, опасно напоминающие массовую культуру. Насмешка скрывающихся за персоной К. П. пародистов во многом и направлена как раз на стереотипные представления об антич. искусстве и на творчество поэтов, доводивших до крайности свой антич. «идеал». При этом сами создатели К. П. обнаруживают недурное знание классич. древности, умея подшутить, когда нужно, и над собою. Самая служба К. П. в Пробириной палатке могла, кстати, намекать на антич. сравнение здравого ума с пробирным камнем по Феогниду (417) или Пиндару (Ρυθ. 10, 67). Каким бы образом авторы ни пришли к такой метафоре, очевидно, что, подобно тому как в Пробириной палатке

испытывалась доброта серебра и золота и налагались пробные клейма, так и в творчестве «отцов» К. П. директором Палатки пробовалась на зуб и получала критич. осмысление современная рус. поэзия. Именно поэту в корпусе сочинений К. П. выделяется ряд «античных» произведений κατ' ἑξοχήν, напр., «Письмо из Коринфа», «Древний пластический грек», «Философ в бане, или Спор древних греческих философов об изящном» — драматич. сцена в стихах «из древнегреческой классической жизни», где, отстаивая свои, не чуждые пошлости представления о прекрасном, мудрецы ощутило отступают от Винкельмановой величавости. В стихах К. П. вышучивается поэзия, основанная на эстетич. принципе «искусство ради искусства», и творчество поэтов-антологистов, подобных А. А. Фету или А. Н. Майкову. Излюбленной мишенью авторов К. П. становится поэт-романтик (он же видный чиновник Министерства финансов) В. Г. Бенедиктов, и не случайны, как и не безопасны, посвящения последнему как «сослуживцу» (напр., «Аквилон»). Особенного внимания создателей К. П.

удостоился и Н. Ф. Щербина, автор «Греческих стихотворений» (Одесса, 1850) и «Новых греческих стихотворений» (М., 1851). Два указанных сб. не исчерпывают антич. тему в творчестве Щербины, но в них в наибольшей степени проявилась та манера, которую столь удачно пародировал К. П. в стихотворении «Моя богиня». Щербина обращался к Левконое (имя взято из *Hor. Carm. I, 11*) с гексаметрами:

Члены елеем натри мне, понежь благородное тело / Прикосновением мягким руки, омоченной обильно / В светло-янтарные соки аттической нашей оливы. / Лоснится эта рука под елейною влагой, как мрамор, / Свеже прохладной струей разливаясь по мышцам и бедам...

У К. П. («Философ в бане»):

Полно меня, Левконая, упругую гладить ладонью; / Полно по чреслам моим вдоль поясницы скользить. / Ты позови Дискотема, ременно-обутого Тавра...

Примечательно, что переработка у пародистов оказывается ближе к антич. реалиям, чем было у поэта-филэллина: для массажных процедур древние действительно держали слуг-мужчин (иатралиптов).

Другой пример наивного упоения классич. древностью у Щербины («Письмо»):

Здесь от речи отвыкли уста: / Только слухом живу я да зреньем... / Красота, красота, красота! — / Я одно лишь твержу с умилением.

К. П. («Письмо из Коринфа», первоначальный подзаголовок: «Греческое стихотворение») не преминул отозваться:

Померанцы растут предо мной, / И на них в упоенье гляжу я. / Дорог мне вожделенный покой. / «Красота! красота!» — все твержу я.

Попытки греков XIX в. притязать на то, чтобы в них видели древних эллинов, и, следовательно, на то, что они более других имеют право гордиться антич. культурой как собственным достоянием (это заметно в творчестве Щербины), не могло не

вызывать насмешек. Между тем довольно близкое знакомство в России с греками, которые иной раз мало соответствовали возведенным в перл творения древним эллинам, началось в ходе «греческого проекта» Екатерины, когда многие греки стали рус. подданными. Российская поддержка в войнах греков за независимость послужила в дальнейшем существенной стороной в развитии русско-греч. отношений, параллельно с расцветом европ. филэллинизма. Энтузиасты рус. филэллинизма настаивали на особой близости рус. и греч. культур даже и помимо православия (напр., К. Икономос). У А. К. Толстого, который имел «западнические» историософские взгляды, греческо-визант. проект не вызывал симпатий.

В 1824 г. франц. филолог Клод Форьель издал сб. «*Chants populaires de la Grèce moderne*» с современными греч. песнями, которые он перевел на франц. язык. Посвященные Греч. революции и полные героич. пафоса песни греков вошли в моду как в Европе, так и в России. В 1820-е их переводил Н. И. Гнедич, а в 1840–1860-е Н. Щербина и А. Майков все еще писали подражания им. Не удивительно, что и в творчестве К. П. является «Новогреческая песнь»: «Спит залив, Эллада дремлет...». Темы доблести и вольности звучат здесь в пародийном ключе:

В поле брани Разорваки / Пал за вольность как герой. / Бог с ним! Рок его такой. / Но зачем же жив Костаки, / Когда в поле Разорваки / Пал за вольность как герой?!

Фамилия Разорваки (как указывает Бухштаб, в изд. 1884 вместо *Разорваки* был вариант *Раскоряки*; см.: ПСС. 1965. С. 435) ранее встречалась у К. П. в водевиле «Фантазия» (поставлен в 1851, впервые опублик.: ПСС. 1884). Фемистокл Мильтиадович Разорваки, несмотря на гиперболизированно героич. имя, созвучное известным именам петербургских богатеев Родоканаки и Бенардаки, определен как «человек отчасти лукавый

и вероломный»; не упустим из виду, что и в представлении «Опрометчивый турка» (1863), которое так и не было закончено К. П., действие происходит в доме г-жи Разорваки, вдовы.

Еще один пример дегероизации греков, равно как и греч. имен, — встречается в наброске, называемом «Некоторые материалы для биографии К. П. Пруткова», где чиновник, осматривая лазарет в одном воспитательном заведении и услышав от больного слово «понос», замечает: «А! Греческая фамилия» — как видим, ассоциация с греч. словом *πόνοϋς* — труд, страдание — оказывается сильнее всего другого.

Мимо поэзии Козьмы Пруткова не прошло и вездесущее представление о неистребимой греч. мудрости вместе с расхожими сведениями из истории антич. культуры. Без этого не обходятся у К. П. даже «Военные афоризмы»:

Не нам, господа, подражать Плинию, /
Наше дело выравнять линию.

Мудрость Сократа угодила в сб. «Плоды раздумий»:

Век живи — век учись! И ты, наконец,
достигнешь того, что, подобно мудрецу,
будешь иметь право сказать, что ничего
не знаешь.

Или (со стилизацией под XVIII в.):

Никто, по Сенекину сказанию, не может
оказать добродетели в другом случае, как
в несчастьи.

Киник Диоген Синопский с его бочкой не покидает умственного горизонта К. П.:

...Хотя твой лоб — пустая бочка, / Но всё же
ты не Диоген («Эпиграмма № III»).

Ср.:

...Дайте бочку Диогена («Честолюбие»),

а в «Плодах раздумий» опять же глубокомысленное:

Пустая бочка Диогена имеет также свой вес
в истории человеческой.

Представление об антич. истории как о вневременном образце подталкивает носителей высокой культуры к уподоблению современных деятелей древним героям. И если декабристы, старавшиеся в своих мечтах относиться к отечеству подобно (идеализированным) римлянам, не вызывали насмешки, то уж чиновник, нарядившийся в тогу, непременно ее заслуживал, как это видно по картине П. А. Федотова «Свежий кавалер» (1846). Как отзвук чего-то похожего у К. П. появляется поручик, который «бескорыстием был равен Аристиду», зато «умом был равен Аристотелю» (из «Церемониала погребения в Бозе усопшего поручика и кавалера Фаддея Кузьмича Пруткова»). О нечистых на руку чиновниках при дворе Александра Македонского из «Гисторических материалов...» прозорливо напоминает фрагмент: «Видно, что и в древности немалую к писанию склонность имели и в плутоватости почасту упражнялись» и т. д.

Хотя, согласно «Некоторым материалам для биографии К. П. Пруткова», дотошно установлено, что К. П. не учился древним языкам, тем не менее он обнаруживает школьные знания латыни. Датируя свою рукопись, он иной раз пишет в скобках словарную форму лат. слова «год», не забывая сообщить заодно и форму родит. падежа: *annus, i*; — пусть это нелепо в документе, зато так привычно в школьном обиходе. Разумеется, тут же идут в ход крылатые лат. термины и выражения, вроде жестокосердного речения *in anima vilis* в «Военных афоризмах», т. е. «устраивая опыты на живом» (не зря это словосочетание так полюбилось юристу В. И. Ульянову). Эпиграфом стихотворения «Катерина» служит начало одного из самых «школьных» лат. текстов — первой «Катилинарии» Цицерона. Знаменитые слова римск. оратора о том, как в Сенате «кончается терпение» в отношении Катилины, в стихах К. П. изобретательно подхвачено последней строкой: «Из терпенья, Катерина, / Ты выводидь

наконец!», а комич. впечатление создается за счет созвучия обаятельного для чувствительных душ женского имени с образом записного врага отечества.

В ряде произведений К. П. можно увидеть и шутивное указание на реалии жизни древних; кроме приведенного выше примера с *иатралиптами*, взять — из «Спора древних греческих философов...» — и такое: «Я ж охотно треплю / Отрока полные щеки». Пристальное внимание к антич. традиции видно и в стихотворении «Древней греческой старухе, если бы она добивалась моей любви (подражание Катулле)». Это популярный в антич. сатире мотив, известный из Аристофана, од и эподов Горация, из эпиграмм Марциала или романа Апулея и др. (см., напр.: Aristoph. Eccl. 976 sqq.; Hor. Epod. 8; Carm. I, 25; Apul. Metam. I, 12 sqq. etc.). Примечательно, что указание на Катулла скорее должно было сбить читателя с толку, поскольку у поэта естественности намеки на этот мотив можно увидеть разве что с натяжкой (89; 90; 110; 113). В оперетте из трех картин «Черепослов, сиречь Френолог» (калька с греч. пародирует старинные рус. заимствования на фоне возобладавших западных) Петра Федотыча П., батюшки К. П., действующие лица образуют хор, в партии которого действительно слышна дикция хоров греч. трагедии: «...Судбины гнет / Мышленья срезал колос...». Об увлечении антич. литературой и ее рус. переводами и подражаниями (начиная с Гнедича и Жуковско) свидетельствует появление таких эпитетов, как «ременно-обутый Тавр», «крутобедрый гений вод» и др.

Все это показывает, что создатели К. П. не только имели подготовку в классич. языках, но и были хорошо знакомы с обширным классицистич. материалом. Старший из братьев Жемчужниковых, Алексей, сначала воспитывался дома, а затем учился в 1-й Петерб. гимназии; средний, Александр, провел несколько лет в 1-м Кадетском корпусе; младший,

Владимир, получив начальное домашнее образование, учился на юрид., а затем на ИФФ Петерб. ун-та. А. К. Толстой также получил домашнее начальное образование, частью которого были древние языки. В поэме «Портрет», показательной с точки зрения преподавания классич. древности в середине XIX в., Толстой карикатурно изобразил немца-гувернера, который преподает древние языки и, толкуя античность в духе Винкельмана, сам изображает греч. статую: «...А вот теперь я Аполлоном стану» — / И походил тогда на обезьяну», что намекает, как будто бы, на *locus classicus* у Винкельмана, который, описав статую Аполлона Бельведерского, сообщает: «Я забываю обо всем при взгляде на этот шедевр искусства и сам принимаю величественную позу, чтобы стать достойным предмета созерцания» (*Винкельман И. И. История искусства древности. Малые сочинения.* СПб., 2000. С. 275).

При этом сам А. К. Толстой с детства проявлял интерес к антич. поэзии, так что в его собственном творчестве то и дело сказывается античность в том или ином виде, напр., в пародийно-иронич. духе при обращении к цензору Ф. И. Толстому («В твоём письме, о Феофил...»), где появляется воспетая Лессингом эллинистич. композиция: «Не мню, что я Лаокоон, / Во змей упершийся руками, / Но скромно зрю, что осажден / Лишь дождевыми червяками». Однако в стихах «Про подвиг слышал я Кротонского бойца...» и вещах из цикла «Крымские очерки» проглядывает привязанность к классич. древности «не на шутку» (*Успенская А. В. Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи.* СПб., 2008. С. 207–231). Видно, что ирония А. К. Толстого (как и К. П.!), пробуждается тогда, когда он видит литераторов, обращающихся к антич. культуре без надобности и без вкуса. Примечательно в этом отношении его замечание к стихотворению А. С. Пушкина «Ответ». На пушкинские строки: «Здесь нет ни ветрености милой, / Ни муз, ни

Пресни, ни харит», Толстой отозвался двустийшим: «Когда бы не было тут Пресни, / От муз с харитами хоть тресни» — Толстой, иначе говоря, понял, что Пушкина не упрекнуть в классицистич. штампе, потому что тот, хоть и прибегает к дежурной антич. образности, разбавляет клише «демократической» (и даже очень!) Пресней, увертываясь благодаря этому от классической нежити.

А. К. Толстой называл себя классиком «до известной меры», без включения классицизма в ранг тодашней гос. «скрепы». Высоко ценя антич. культуру, он признает, что классич. образование должно оставаться достоянием просвещенного интереса. Примечательно, что пародии Козьмы Пруткова живут и переиздаются даже тогда, когда источники их оказались полузабыты.

Литература: Сукиасова И. М. Язык и стиль пародий Козьмы Пруткова (Лексико-стилистический анализ). Тбилиси, 1961; Гаврилов А. К. Государственный классицизм Екатерины II // Гаврилов 2011. С. 50–64 ♦ РП (Жемчужниковы, Толстой).

Архивы: РГАЛИ. Ф. 639 (Арх. Жемчужниковых). Оп. 1–4; РО ИРЛИ. Ф. 301 (Арх. А. К. Толстого). 14 ед. хр. 1824–1875; РО РГБ. Ф. 101 (Арх. А. М. Жемчужникова). 316 ед. хр. 1836–1911; ОР РНБ Ф. 779 (Арх. А. К. Толстого). 15 ед. хр. 1852–1897.

А. В. Павлова, А. К. Гаврилов

КОНДАКОВ

Никодим Павлович

KONDAKOFF / KONDAKOV N. P.

[1(13).11.1844, слоб. Халань, ныне Чернянского р-на Белгородской обл. — 17.2.1925, Прага; Ольшаны], историк искусства, византинист, археолог

Учился в церк.-приход. уч-ще, затем с 1853 по 1861 во 2-й Моск. гимназии с особым классом древнегреч. языка,

в 1861–1865 — на ИФФ Моск. ун-та. Магист. дис. «Памятник Гарпий из Малой Азии и символика греческого искусства: опыт исторической характеристики» (Одесса, 1873; защищена в Моск. ун-те). Докт. дис. «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» (Одесса, 1876).

Магистр (1873), доктор (1877) истории и теории искусства. Чл.-корр. (1892), орд. акад. сверх штата (1898), орд. акад. (1900) ИАН; д. чл. Академии художеств (1893). Чл.-сотрудник (1878), д. (1886) и поч. (1896) чл. РАО; д. чл. МАО (1867–1889; вновь с 1899); д. (1908) и поч. (1915) чл. ИППО. Награжден более чем 50 дипломами науч. общ-в, ун-тов и академий разных стран. Кавалер ордена Почетного Легиона 2-й степени (1916).

По своему социальному положению К. происходил из купцов; его отец Павел Иванович, отпущенный на волю крепостной крестьянин, записанный купцом 3-й гильдии, был «главноуправляющим» именными кн. Трубецких и жил с семьей в их доме в Москве. Своего отца К.

характеризует как «человека кристально честного, скрупулезно добросовестного, нестерпимо бережливого» (**Воспоминания и думы**. М., 2002. С. 36; Prague, 1927). У родителей К. было 11 детей; выжили, кроме него, трое его братьев. Мать умерла от туберкулеза ок. 1856. После окончания гимназии К. получил чин 14-го класса. Женился (1865) на Вере Александровне Гиляровой (1839–1913), двоюродной сестре драматурга А. Н. Островского. У К. и его жены было двое приемных сыновей.

Преподаватель рус. языка в 1-й и 3-й Моск. женских гимназиях, затем во 2-й Моск. гимназии; преподавал рус. историю и археологию в Моск. школе живописи и ваяния, рус. язык и словесность в Александровском воен. уч-ще, логику и психологию в частном пансионе Дюмушель (1865–1870). И. о. доц. (1869–1874), доц. (1874–1877), экстраорд. (1877), орд. (1877–1888) проф. каф. теории и истории изящных искусств ИФФ Новорос. ун-та. Орд. (1888–1894), засл. (1894–1897) проф. каф. теории и истории искусств ИФФ Петерб. ун-та. Проф. ВЖК в Петербурге (1890–1891). В 1888–1893 был старшим хранителем Эрмитажа и составил указатель: «**Императорский Эрмитаж. Указатель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения**» (СПб., 1891). Помощник предс. (1916–1918), предс. (1918–1922) РАО. В эмиграции проф. Софийского ун-та (1920–1922), в 1922–1925 читал лекции в Карловом ун-те (Прага).

С целью изучения памятников искусства «Запада и греческого Востока» К. совершил поездки в след. места: Германия, Богемия, Швейцария (1867); Крым (1870); Франция, Англия, Италия (1872); Кавказ (1873–1874); ряд городов Европы (1875) и Крым (1876); Карлсбад (1877); Кубань, Крым (1878); Турция, Египет (1880); Синай (1881); Италия, Франция, раскопки на юге России (1882–1883); Турция (1883–1884); Константинополь (1885–1886); города Европы (1887); Крым (1888); Крым, Кавказ, Европа (1889); Крым (1890); Сирия и Палестина

(1891); Франция, Италия (1892); Франция, Италия, Крым (1893); Швейцария, Франция, Крым (1894); Швейцария (1895); Испания, Швейцария (1896); ряд древних городов России (1897); Афон, слав. земли (1898); Македония, Владимирская губ. (1900); Владимирская губ. (1901); ряд древних городов России (1902); Италия, Швейцария (1903); Швейцария, Италия (1905); Швейцария, Италия, Владимирская губ. (1906); Италия (1907, 1910, 1911, 1913); Италия, Москва, Украина (1914) (Мир Кондакова. С. 357–358). Итогом поездок стали публикации: «Путешествие на Синай в 1881 году: из путевых впечатлений. Древности Синайского монастыря» (Одесса, 1882); «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине» (СПб., 1904); «Македония: археологическое путешествие» (СПб., 1909) и др.

В московской гимназии К. учился в одном классе со своим ст. братом Михаилом, был «примерного и тихого поведения». Лат. язык ему преподавал П. И. Певницкий, а греч. — А. Н. Робер. По признанию К., в первых двух классах любимым его предметом была математика; с благодарностью он вспоминал учителя рус. языка В. П. Шереметевского, под руководством которого гимназисты поставили «Женитьбу» и «Ревизора» Гоголя (Воспоминания и думы. С. 45–48, 52–56). В эти годы К. с увлечением читал выпуски «Пропилей» П. М. Леонтьева, труды П. Н. Кудрявцева и др. рус. и нем. историков (Там же. С. 62). Т. о., интерес к изучению истории определился у К. еще до поступления в ун-т.

Разрешение учиться на ИФФ Моск. ун-та К. получил, когда ему было 16 лет. Своим основным ун-тским учителем считал Ф. И. Буслаева, у которого слушал курсы по рус. и иностранной литературе и которого считал «настоящим западником», «европейцем в истинном смысле этого слова» (Там же. С. 72). На становление К. как исследователя повлияли работы Буслаева: «О влиянии христианства на славянский язык: опыт истории языка по Остромирову евангелию» (М., 1848);

«Общие понятия русской иконописи» (М., 1866) и др. От него же К. воспринял почтительное отношение к трудам И. И. Винкельмана по истории антич. искусства (см.: *Клейн*. С. 658). Под влиянием Буслаева К., окончив ун-т, занялся изучением христ. искусства. Курс ранней истории Рима (по Б. Г. Нибуру) и коммент. чтение «De vita Iulii Agricolaе» Тацита вел проф. П. М. Леонтьев, которого К. называет «знаменитым оракулом в истории русского классицизма» и ставит в один ряд с профессорами Т. Н. Грановским, П. Н. Кудрявцевым, Д. Л. Крюковым и С. В. Ешевским (Воспоминания и думы. С. 78–82). Слушал К. и курсы проф. греч. словесности А. И. Меньшикова (толкование трагедий Эсхила) и О. И. Пеховского, слависта О. М. Бодянского, лекции по истории древней и новой философии у проф. П. Д. Юркевича, по истории искусств у К. К. Гёрца. В ун-те К. охотно общался со студентами-сокурсниками В. О. Ключевским, которого уважал за «серьезность и трудолюбие», и блистательным Ф. Е. Коршем.

В 1866–1869 по окончании ун-та К. много преподавал, так что заниматься историей искусства мог только в летние месяцы. Для изучения классич. археологии, которой он первоначально определенно интересовался, посетил Эрмитаж в Петербурге и Музей гипсовых слепков в Берлине (1867). По признанию К., он относился к своим обязанностям «со всем старанием», но преподавание не доставляло ему удовольствия и отвлекало от занятий наукой (Там же. С. 122). В 1869 К. принял предложение занять каф. в Новорос. ун-те и с радостью покинул Москву. Взяв в ун-те годичный отпуск, зиму 1870–1871 провел в Москве для подготовки и сдачи магист. экзамена (в Моск. ун-те).

Дольше длился в жизни К. *одесский период* (1869–1888). 9 сент. 1871 он прочел вступ. лекцию «**Наука классической археологии и теория искусства**» (опубл.:

ЗНУ. 1872. Т. 18. С. 1–42), где доказывал необходимость для историка искусства изучать в качестве образца, прежде всего, классич. искусство, стили и школы которого исследованы лучше всего. Вскоре К. включился в обычную для одесских ученых большую работу по обследованию антич. памятников Сев. Причерноморья и детально изучил некоторые из них (см., напр.: **Мраморный рельеф из Пантикапея** // ЗООИИД. 1877. Т. 10. С. 16–25, ил.). Как чл. ИАК (1876–1891) К. провел раскопки в Керчи, Херсонесе, Тамани и др. местах; известен и как исследователь, сделавший археол. открытия в бо-спорских курганах. Вместе с коллегами в 1876–1878 К. участвовал в раскопках погребений греков и скифской знати на некрополе Нимфея. В 1888 под руководством К. начались систематич. раскопки Херсонеса, которые непосредственно на городище проводил его помощник К. К. Косцюшко-Валюжинич (см.: *Романчук А. И.* Н. П. Кондаков и начало систематических раскопок в Херсонесе // Мир Кондакова. С. 253–260). В 1883–1888 создал при Новорос. ун-те Музей изящных искусств и Музей слепков и заведовал ими. К. был хорошо знаком с проф. ИФФ: филологами-классиками Л. Ф. Во е в о д с к и м и В. Н. Юргевичем, славистами В. И. Григоровичем и И. В. Ягичем, историком Ф. К. Бруном и др. (Воспоминания и думы. С. 140–148, 165). Но круг его общения ограничивался почти исключительно представителями естеств. и точных наук, среди которых особенно известны И. М. Сеченов, И. И. Мечников, А. О. Ковалевский и деятели физ.-мат. ф-та (см.: Там же. С. 66, 148–163). Позднее К. сетовал, что студенты в Одессе не интересовались предметами, по которым он читал лекционные курсы; он «сурово относился к России и не верил в государственную способность русских людей» и считал, что в Петербурге «работают лучше, чем в Москве» (*Муромцева-Бунина*. С. 349).

Очевидно, это умонастроение повлияло на его решение связать свою дальнейшую жизнь с Петербургом.

Петербургский период К. приходится на 1888–1917. В ун-те К. преподавал de facto только четыре года (1888–1892), а с 1888 заведовал тамошним Музеем древностей. Здесь вокруг К. сложился кружок его учеников, именовавших себя «фактопоклонниками», в который входили: А. Н. Шукарёв, Д. В. Айналов, Е. К. Редин, Я. И. Смирнов, С. А. Желёв, М. И. Ростовцев и Б. В. Фармаковский. С кружком были связаны также Б. А. Тураев, Г. Ф. Церетели и др. Позднее Ростовцев вспоминал, что посредством этого кружка он воспринял «его [К. — В. К.] энтузиазм к древности, его любовь к памятникам, его метод к строгому и точному знанию» (*Ростовцев М. И. Странички воспоминаний // Никодим Павлович Кондаков. 1844–1924: к 80-летию со дня рождения. Прага, 1924. С. 23–29; Воспоминания и думы. С. 211–216*). К. принял участие в выработке устава Академии художеств (1893). Он один из инициаторов создания Комитета попечительства о рус. иконописи, ставившего целью возродить традиции иконописания в России. В 1901 К. назначен управляющим делами комитета, а возглавил его гр. С. Д. Шереметев. Вместе с Шереметевым К. посетил иконописные центры Мстёру, Холуй и Палех (см.: **Отчет управляющего делами Комитета академика Н. П. Кондакова о поездке его летом 1901 г. в иконописные села Владимирской губ.** // Изв. Комитета попечительства о рус. иконописи. СПб., 1902. Вып. 1. Прил. 6. С. 83–90; Воспоминания и думы. С. 180–190). По его инициативе в нескольких селах Владимирской и Курской губ. открыты иконописные мастерские. Предпринял важное издание для практики использования иконописцами — «**Лицевой иконописный подлинник: исторический и иконографический**

очерк. Т. 1: Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» (СПб., 1905) (см.: *Савельев Ю. Р. Образ Н. П. Кондакова в переписке С. Д. Шереметева и Н. В. Султанова // Мир Кондакова. С. 150–184*).

По причине легочного заболевания с конца 1890-х К. подолгу жил в Ялте. Избран гласным ялтинской думы; по его предложению А. П. Чехов был введен в состав Пушкинской комиссии (1899), созданной в Ялте для организации юбилейных мероприятий в честь поэта. Знакомство и общение К. с Чеховым нашло отражение в их дружеской переписке: сохранились 9 писем Чехова и 16 писем, 2 записки и телеграмма К. (Письма Н. П. Кондакова А. П. Чехову // публ. и примеч. Н. И. Гитович // ИАН СССР. Отд. лит. и яз. 1960. Т. 19, вып. 1. С. 32–40; *Кызласова И. Л. Из переписки А. П. Чехова и Н. П. Кондакова // Чеховские чтения в Ялте. Чехов сегодня. М., 1987. С. 94–100*). В доме-музее А. П. Чехова в Ялте имеется фотография К. с сыном Петей и Чеховым (1899), сделанная на даче К. О работе «**Современное положение русской народной иконописи»** (СПб., 1901) Чехов отозвался: «Ваша книжка об иконописи написана горячо, даже местами страстно, и поэтому читается она с живейшим интересом» (Письмо Н. П. Кондакову от 2 марта 1901 г. // *Чехов А. П. ПССиП: в 30 т. Письма: в 12 т. М., 1980. Т. 9. С. 213*). К. (в Ялте), по лаконичному замечанию Чехова, «раздражительно насмешлив и ходит в шубе» (Письмо В. М. Соболевскому от 19 янв. 1900 г. // Там же. С. 18). Чехова, по словам Муромцевой-Буниной, К. «очень ценил и любил» (*Муромцева-Бунина. С. 358*).

После Февр. революции К. переехал из Петрограда на юг: Одесса (1917), Ялта (1917–1918), Одесса (1918–1920). Читал лекции в Новорос. ун-те, был помощником редактора, соредактором газ. «Южное слово», созданной в Одессе

командованием Добровольческой армии, привлек к редактированию И. А. Бунина. Заметки писателя под названием «Окаянные дни» дают представление о трудностях, с которыми должен был столкнуться К., живя тогда в Одессе. 27 мая (9 июня) 1919 Бунин записал: «Был Н. П. Кондаков. Говорил о той злобе, которой полон к нам народ и которую “сами же мы внедряли в него сто лет”» (Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 148). Именно здесь К. продиктовал свои неоконченные мемуары «Воспоминания и думы», доведенные до конца 1880-х; позднее к основному тексту были добавлены страницы о событиях 1897–1912, а также 1915.

Период эмиграции, продлившийся до конца жизни К., начался в февр. 1920, когда вместе с Буниным и его женой ученый выехал в Константинополь, затем в Софию (поездка подробно описана: Муромцева-Бунина. С. 351–356). С апр. 1922 К. жил в Праге. Трудности беженства, а потом эмиграции с пожилым К. разделила бывшая курсистка Е. Н. Яценко, ставшая его секр. и экономкой и неотлучно находившаяся с ним с весны 1917 до его смерти [см.: Тункина И. В. Академик Н. П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // МРВ. С. 641–765]. В Софийском ун-те (1920–1922) читал курс, посвященный раннехрист. и визант. искусству. Здесь слушателями К. были не студенты, а музейные работники и ун-тские коллеги-историки (см.: **Письма проф. Н. П. Кондакова к проф. В. Н. Златарскому** / публ. Х. Манолакева // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Прага, 1995. Ч. 2. С. 669–674; Манолакев Х. Русская эмиграция в Чехии и ее болгарские рефлексии: Никодим Павлович Кондаков и Болгария // Там же. С. 662). В Праге, «в истинно культурной среде, в старом университете», где у К.

была возможность «читать и печатать на русском языке», он задумал создать «общее и цельное историческое построение <...> на основе культуры, быта и параллельного анализа художественной формы и идейного содержания в памятниках» (Копецкая Л. Л. Н. П. Кондаков и чешская среда // Мир Кондакова. С. 193–194. Письмо к проф. И. Поливке от 3 июля 1921). С этой целью К. разработал и прочитал курс «О роли восточноевропейских славянских и кочевых народностей в истории образования общеевропейской культуры». Его слушали не столько чешск. студенты, сколько «подданные бывшей Российской империи», сам же он, напротив, избегал общения со многими коллегами-соотечественниками, чувствуя себя комфортнее в «пражской космополитической среде», которая сложилась вокруг дочери первого чехословацкого президента Т. Г. Масарика — Алисы и в салоне «Русский очаг» гр. С. В. Паниной, где нередко появлялись такие «избранные русские», как кн. Н. Г. Яшвиль и П. А. Сорокин, иностр. ученые: итальянец А. Муньос, румын Н. Йорга, болгарин В. Златарский, чешск. художник А. Муха и др. европ. знаменитости (Савицкий И. П. Академик Н. П. Кондаков в Праге // Там же. С. 203). В Праге К. вел дневник. Похоронен в православной части Ольшанского кладб. — некрополе русской эмиграции, позднее останки помещены в крипте храма Успения Богоматери там же.

Первые науч. труды К. — рец. на работы зарубежных ученых — написаны по почину Буслаева и опубл. в «Сборнике, изданном Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее» (М., 1866. Отд. 2). Истории антич. изобразительного искусства посвящена упомянутая выше магист. дис. К. «Памятник Гарпий из Малой Азии и символика греческого искусства», в которой исследован надгробный памятник с рельефами из Ксанфа в древней Ликии, показано

влияние Востока на греч. искусство, прослежены ликийская мифология в ее развитии и вопросы символики антич. искусства. Книга получила высокую оценку коллег. В работе **«Греческие терракотовые статуэтки в их отношении к искусству, религии и быту»** (ЗООИИД. 1879. Т. 11. С. 75–179) К. сопоставил терракоты Керчи и Тамани со статуэтками Греции и Италии, а также дал их трактовку в свете погребальных обрядов и представлений греков о загробной жизни. Совместно с И. И. Толстым он издал **«Русские древности в памятниках искусства»** (Вып. 1–6. СПб., 1889–1899; текст написан К.). Материалы первых двух из них (**«Классические древности Южной России»**. 1889. 145 рис.; **«Древности скифо-сарматские»**. 1889. 147 рис.) привлекли внимание к антич. и скифо-сарматским памятникам многих отеч. любителей старины и легли в основу всех послед. исследований в этой обл. науки в России и за рубежом.

В книге «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» показано, что изобразительное искусство Византии не застыло в своем развитии, как считалось прежде, а представляет собой живой процесс и имеет высокую худож. ценность. К. демонстрировал, что Византия подлинно была наследницей антич. мира и влияние античности имело место не только в IV–VI вв., но и позднее. К. — автор фундаментальных трудов по истории древнерус. и древнегруз. искусства (см.: *Вернадский Г. В.* О значении научной деятельности Н. П. Кондакова // Воспоминания и думы. С. 246–249).

Особенно ценными являются его труды, посвященные истории иконы: **«Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения»** (СПб., 1910; ²1911); **«Иконография Богоматери»** (Т. 1–2. СПб., 1914–1915);

рукопись 3-го тома под названием **«Итальянская Мадонна»** и права на ее издание К. продал Ватикану; до сих пор этот текст не опубликован. После смерти исследователя издана **«Русская икона»** (Т. 1–4. Прага, 1928–1933; также на англ. яз.: **The Russian Icon** / with a Pref. by E. H. Minns. Oxford, 1927). Задолго до этого Чехов писал ему: «...если бы нашелся человек, который написал бы историю русской иконописи! Ведь этому труду можно было бы посвятить целую жизнь» (Письмо Н. П. Кондакову от 2 марта 1901 г. С. 213).

По признанию К., в ранней молодости он был «страстным любителем литературного чтения» и «знал почти наизусть Гоголя», хотя позднее отрицательно относился и к Гоголю, и к рус. писателям-романтикам (Воспоминания и думы. С. 35). В гимназии. годы ему была свойственна «привязанность к некоторым друзьям» и «пламенная религиозность», в силу которой он «не только прислуживал в церкви, но и пел на клиросе, порою вместо дьячка» (Там же. С. 60). В годы учебы в ун-те регулярно посещал представления в Малом и Большом театрах, в т. ч. с участием Аделаиды Ристори (1861). К. отрицательно относился ко всему немецкому и был франкофилом. Он переводил романы Г. Флобера на рус. язык и написал рассказ «Сон археолога». Многие свои науч. труды К. не писал собственноручно, а диктовал, чем можно объяснить некоторые недостатки его стиля: с одной стороны, сжатость и монотонность описаний, с другой — длинноты и повторы. Кн. Яшвилль создала живописный портрет К. в последние месяцы его жизни (Архив Ин-та истории искусств Академии наук Чешск. Республики), а Муромцева-Бунина оставила словесный его портрет: «Высокий, плотный, с большой седой головой, с суровым, умным лицом, в тяжелой и очень добротного качества одежде <...>. Говорил низким басом, резко, уверенно и отчетливо. <...> Во всем — в людях,

вещах, еде — он прежде всего ценил доброкачественность» (*Муромцева-Булнина*. С. 348–349).

После смерти К. по замыслу кн. Яшвиля и Т. Н. Родзянко в Праге создан *Семинарий им. Кондакова* — *Seminarium Kondakovianum*. Кроме застрельщиков сюда вошли ученики и последователи мэтра: проф. Г. В. Вернадский и А. П. Калининский (оба стали руководителями семинара), Н. П. Толль, Н. М. Беляев, М. А. Андреева, Г. А. Острогорский и Д. А. Расовский (*Грохова В.* Деятельность института им. Н. П. Кондакова в Праге и его международное значение // *Мир Кондакова*. С. 219–223). Семинарий (с 1931 Археол. ин-т) им. Н. П. Кондакова — одно из самых значительных рус. науч. учреждений за границей — возник и существовал благодаря поддержке Чехословацкой Республики и президента Т. Г. Масарика [*Басаргина Е. Ю.* Археологический институт им. Н. П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*): по материалам архивов Праги // *МРВ*. С. 766–811; *Росов В. А.* Семинариум Кондаковианум: хроника реорганизации в письмах. 1929–1932. СПб., 1999].

Науч. заслуги К. поражают своей значительностью. Он открыл новый раздел в изучении мирового худож. наследия, — историю визант. искусства, показал, что для визант. искусства чрезвычайно важны национальные особенности и видоизменения общего стиля. К. заявил о необходимости изучать кроме целого также отд. части «византийского круга» (см.: *Айналов Д. В.* Академик Н. П. Кондаков как историк искусства и методолог // *Воспоминания и думы*. С. 333–334); наконец, К. развил иконографич. метод, который стал ведущим в изучении искусства Средних веков во 2-й пол. XIX в. Впервые в отеч. искусствознании К. последовательно применил принцип сюжетно-тематич. группировки материала, который лег в основу его метода. Правда, этот метод

в том виде, как он сложился в трудах К., оказался неспособным к изменениям, вызванным новыми веяниями в науке: в его исследованиях так и не появился тот целостный стилистич. анализ произведений искусства, который сложился в европ. искусствознании к концу XIX в. (*Кызласова И. Л.* Начальный этап в становлении иконографического метода Н. П. Кондакова // *ВВ*. 1980. Т. 41. С. 221–233).

К. сделал много для развития археол. исследований в России, в т. ч. для изучения антич. и скифо-сарматских памятников. В. В. Стасов назвал его «архистратигом русской археологии». К. был уверен, что «археологическая наука станет самостоятельной и решающей, когда, изучив памятники ради них самих, она поставит их в узле путей своего исследования, но, не ограничиваясь эстетическим анализом, осветит эти памятники изнутри их самих и извне данными быта, культуры и политической жизни» (*Лазарев В. Н.* Никодим Павлович Кондаков. 1844–1925. М., 1925. С. 19). В начале 1920-х Жебелёв обоснованно считал, что «современное поколение русских археологов может считаться прошедшим Кондаковскую школу» (*Жебелёв С. А.* Введение в археологию. Ч. 1: История археологического знания. Пг., 1923. С. 134). К. выдвинул идею о том, что «смешивание собственных (местных) и чужих форм способно привести к созданию чего-то нового» в культуре и искусстве. Эту концепцию, которую Л. С. Клейн назвал «комбинационизмом» (*Клейн*. С. 664–665), развивали ученики К.: Ростовцев на примере Боспора и Скифии, а Фармаковский на материале архаич. скифской культуры Кавказа. Многие теоретич. положения и исследовательские приемы К. претерпели существенные изменения или признаны спорными в современном искусствознании и науке об античности, однако ряд идей и достижений исследователя лег в основу существующей сегодня науки.

Литература: Библиографический список трудов Н. П. Кондакова // Никодим Павлович Кондаков. 1844–1924: к 80-летию со дня рождения. Прага, 1924. С. 75–85; *Вернадский Г. В.* Библиографический список трудов Н. П. Кондакова // Сб. статей, посвященный памяти Н. П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение. Прага, 1926. С. XXXIV–XL; *Он же.* Дополнения к списку трудов Н. П. Кондакова // Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием им. Н. П. Кондакова. Прага, 1927. Т. 1. С. 315–316; *Кызласова И. Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). М., 1985; *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992; Никодим Павлович Кондаков, 1844–1925. Личность, научное наследие, архив: к 150-летию со дня рождения. СПб., 2001; *Муромцева-Бунина В. Н.* Н. П. Кондаков (К пятилетию со дня смерти) // Воспоминания и думы. М., 2002 [Prague, 1927]; *Варнеке Б. В.* Материалы для биографии Н. П. Кондакова / публ. И. В. Тункиной // Диаспора: новые материалы. Париж; СПб., 2002. Вып. 4. С. 72–152; Библиография. Труды Н. П. Кондакова. Основная литература о Н. П. Кондакове // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2004. С. 360–368; *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России. Вторая пол. XIX — первая треть XX в. СПб., 2010; *Клейн Л. С.* История археологической мысли. СПб., 2011. Т. 1; Клейн 2014. С. 541–565; *Кызласова И. Л.* Академик Н. П. Кондаков: поиски и свершения. СПб., 2018 ♦ Брокгауз; БС СПб. ун-та; Венгеров (Словарь, Источники, Список); Прозоров; НЭС; Воронков; СИЭ; Фролов 2006; Большая энциклопедия: в 62 т. М., 2006. Т. 23. С. 28–29; Бузескул 2008; Имп. Археол. комиссия; Тункина 2017.

Архивы: СПБФ АРАН. Ф. 115 (Кондаков Н. П.). 9 описей, более 9 тыс. ед. хр. (в 1931 поступил из БАН, куда был передан ст. сыном К. С. Н. Кондаковым в 1920); ОР РНБ. Ф. 194. (Арх. Н. Н. Глубоковского, в числе корр. которого и Н. П. Кондаков — 10 писем, 1904–1912); Kondakov Institute in Prague. Box 16 b Register to the Vladimír Konkordovich Abdank Kossovskii Papers; Literární archiv Památníku národního písemnictví (Литературный архив Музея национальной литературы в Праге). № 165/42 (Личный фонд Н. П. Кондакова).

В. И. Кащеев

**КОНСТАНТИН
КОНСТАНТИНОВИЧ
[РОМАНОВ, лит. псевдоним К. Р.],
вел. кн.**

KONSTANTIN KONSTANTINOVICH
[K. ROMANOV], grand-duc

[10(22).8.1858, Стрельна —
2(15).6.1915, Павловск; похоронен
в Петропавловском соборе],
организатор науки, поэт, переводчик

Почетный чл. и президент СПбАН (1889–1915), предс. РАО (1892–1915), почетный попечитель Пед. курсов при Петерб. женских гимназиях (1889–1915); почетный чл. Королевской Шведской АН (1902); почетный чл. Петерб. (1891), Каз., Моск. (1895), Киев. (1896) ун-тов и Академии художеств (1895); почетный чл. ППО (1882), ООИИД (1889), Имп. Рус. ист. общ-ва (1892), РАИК (1895), Моск. археол. ин-та (1908) и мн. др. ученых общ-в и организаций.

В основательном домашнем образовании К. К., к которому были привлечены такие яркие фигуры, как С. М. Соловьёв и И. А. Гончаров, места древним языкам не нашлось (отец К. К., вел. кн. Константин Николаевич, хотя и советовал сыну читать Марка Аврелия, но, будучи предс. Гос. совета по нар. образованию, не выказал сочувствия «классич.» реформе Д. А. Толстого): юношу готовили к флотской карьере. Тем не менее рано проявившиеся лит. и худож. интересы К. К. периодически обращали его внимание к «античному миру с обожествленной им телесной красотой» (**Критические отзывы.** Пг., 1915. С. 409) и к раннехрист. древностям. Во время плавания по Средиземному морю на фрегате «Светлана» шестнадцатилетний К. К. посетил Помпеи (дневник от 31 июля 1875: «Я увлекся и стал сам отгребать лопатой мелкие камни и песок и открыл фреску, изображающую вазы и урны»; цит. по: *Кузьмина Н. Л.*

Августейший поэт К. Р. Стихи разных лет. Личность. Творчество. СПб., 1995. С. 15–16), Рим и Афины, где его сестра и близкий друг вел. кн. Ольга Константиновна в 1867 стала женой греч. короля Георга I. В 1880–1882 во время службы на фрегате «Герцог Эдинбургский» К. К. побывал в Палестине и Египте; в этих и последующих путешествиях он неизменно уделял время «археологическим прогулкам» и музеям древностей. В мае 1911 К. К. осматривал раскопки Херсонеса, в марте 1914 посетил Рус. археол. ин-т в Константинополе. По характеристике П. В. Никитина, «в чрезвычайно широкий круг его образованности археология <...> входила постольку, поскольку в археологию входит история искусства» (Басаргина 2004. С. 366).

В лит. наследии К. К., который с 1882 много публиковался под акронимом К. Р., использование условно-античных мотивов не выходит за стандартные рамки, установленные вкусами эпохи — образцом для него служил значительно более разносторонний А. Н. Майков. Такова поэма «**Севастиан-мученик**» (отд. изд.: СПб., 1888) с ее картинами пышного упадка римск. жизни и набором неизбежных топонимов: «Там белеет храм Капитолийский, / Древний форум стелется под ним; <...> / Колизей возносится безмолвный, / Авдали, извилистой каймой, / Тибра мутные струятся волны / За Тарпейскою скалой». О цикле антологич. эпиграмм, в которых царскоесельский быт имп. фамилии облекается в антич. одежды («**Гекзаметры**», 1888), К. К. писал Гончарову: «Возымел дерзость попытать свои силы на стихах в подражание древним; с подлинниками я не знаком, но стараюсь догадываться о них по таким же подражаниям у Пушкина, доверяясь его классическому чутью» (К. Р. Избранная переписка / изд. подгот. Е. В. Виноградова и др. СПб., 1999. С. 153; там же, с. 289–291, 298 — отклик А. А. Фетя, дающего К. К. урок гекзаметрич. версификации). В янв.

1910, услышав от М. И. Ростовцева о найденной в Нимфее греч. эпитафии Гликарии, К. К. перевел ее стихами (по подстрочнику Ростовцева, консультируясь при этом и с П. В. Никитиным); этот перевод, с предложенными Ростовцевым поправками, вошел в науч. статью о памятнике (*Ростовцев М. И., Шкорпил В. В.* Эпиграмма из Эль-Тегеня // ИАК. 1910. Вып. 37. С. 14–22).

Перевод «**Ифигении в Тавриде**» Гёте (1908–1910; опубл.: К. Р. Стихотворения 1900–1910. СПб., 1911) и стихотворная мистерия о Страстях Христовых «**Царь Иудейский**» (первые подступы — 1885, написано в 1910–1913; отд. изд.: СПб., 1914) потребовали от К. К. кропотливых филол. и ист.-археол. изысканий, отразившихся в многостраничном корпусе примечаний. Компилятивные комментарии К. К. лишены какой-либо науч. оригинальности: «в них он только собирает чужое — свое мнение он оставляет для себя — и хочет выбрать только истинно ценное» (*Никольский Б. В.* Дневник. 1896–1918 / изд. подгот. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 1. С. 204);

они показывают, тем не менее, основательное знакомство с международной науч. литературой и широту интересов. Изучая источники Гёте, К. К. последовательно сопоставляет его пьесу с драмами трех греч. трагиков, а ради «Царя Иудейского» штудирует Иосифа Флавия и Тацита, Л. Фридендера и Г. Буассье, как свидетельствуют записи о прочитанном в изд.: *Дневник вел. кн. Константина Константиновича* (К. Р.). 1911–1915 / сост., предисл., коммент. В. М. Хрусталёва. М., 2013. С. 98, 125, 137–138, 141 и др. К. К. составляет объемные, изобилующие ссылками и компетентные справки об археологии римск. Иудеи, правовых и религ. обычаях, христ. символикe и т. д.; опыт литературоведческой интерпретации этих примечаний как «самостоятельного текста»: *Петроченков В. В.* Драма Страстей Христовых: К. Р. «Царь Иудейский». СПб., 2002. С. 230–240. При этом К. К. широко пользовался консультациями специалистов: П. В. Никитина (обмен письмами, посвященный «Ифигении»: Басаргина 2004. С. 415–423), Ф. Е. Корша (который то вводил его в тонкости антич. метрики, то разъяснял, что «у римлян не было понятия *жид*»; их переписку см.: Бумаги вел. кн. Константина Константиновича и членов его семьи / сост., предисл., коммент. Т. А. Лобашковой. М., 2013. С. 735–811), Б. В. Никольского (читавшего лекции сыновьям К. К.). История сотрудничества Ростовцева с К. К. в работе над «Царем Иудейским» прослежена в ст.: *Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев и вел. кн. Константин Константинович // Скифский роман.* С. 233–247. Как ясно из этой публикации, пространные ответы Ростовцева на настойчивые вопросы К. К. не только вошли целыми абзацами в его комментарии, но местами были переложены им в стихи: «У египтян / На пиршествах разряженным гостям / В чертог веселья мумию приносит, / Напоминанье о грядущей смерти...» и т. д. Единственный спектакль, в котором сам К. К. исполнил роль Иосифа

Аримафейского, был сыгран в Эрмитажном театре 9 янв. 1914; постановки мистерии на общедоступных подмостках были запрещены Синодом.

В историю рус. антиковедения и византистики К. К. входит в первую очередь как многолетний президент Имп. АН (см.: *Соболев В. С.* Августейший президент. Вел. кн. Константин Константинович во главе Имп. АН: 1889–1915. СПб., 1993) и предс. РАО. Значительная часть его деятельности на этих постах связана с добыванием средств на науч. проекты, экспедиции и публикации. Открытие Рус. археол. ин-та в Константинополе (1894; Басаргина 1999. С. 31), основание «Византийского временника» (1894; *Медведев 2006.* С. 143–145), приобретение на личные средства Николая II Пурпурного Евангелия VI в. для ПБ (1895; *Медведев П. А.* Из Сармисахлы в Петербург: из истории Пурпурного Евангелия // *История в рукописях и рукописи в истории.* СПб., 2006. С. 347–362), афонская (1898) и македонская (1900–1901) экспедиции под руководством Н. П. Кондакова [чьи монографии «Памятники христианского искусства на Афоне» (СПб., 1902) и «Македония: археол. путешествие» (СПб., 1909) вышли с посвящением К. К.] и мн. др. начинания оказались возможными благодаря его деятельной поддержке. Видевший одну из своих задач в освобождении АН от «немецкого влияния», К. К. лично участвовал в продвижении ряда акад. кандидатур, в т. ч. В. Г. Васильевского, вступив ради этого в аппаратную борьбу с главой «немецкой партии» К. С. Веселовским (Басаргина 2008. С. 222); неизбрание в д. члены АН таких крупных филологов, как Л. А. Миллер, В. Э. Регель, Ф. Ф. Зелинский, стало следствием этой политики.

Литература: *Нелюбин Г. К. Р.:* критико-биографический этюд. СПб., 1902; *Языков Д. Д.* Августейший поэт (К. Р.). М., 1903; *Стечкин Н. Я. К. Р.* (25 лет поэтической деятельности). СПб., 1904; Сборник памяти вел.

кн. Константина Константиновича, поэта К. Р. Париж, 1962; *Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце: из хроники нашей семьи*. СПб., 1993; *Завьялова Л., Орлов К.* Вел. кн. Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: история семьи. СПб., 2009; *Черников А. П.* Поэт рода царского: судьба и творчество Константина Романова. Калуга, 2011; *Чернышева-Мельник Н. К.* Р. Баловень судьбы. СПб., 2015; *Вострышев М. И.* Судьба венценосных братьев: дневники вел. кн. Константина Константиновича. М., 2016 ♦ *Словарь ОРЛС; Брокгауз; Гранат; ЛЭ; КЛЭ; РП; БРЭ; Русская литература конца XIX — начала XX в.; Тункина 2017; Бем А. Л.* Рукописи князя Константина Константиновича, поступившие на хранение в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук // ИАН. Сер. 6. 1917. № 11. С. 764–799; *Иванова Т. Г.* К истории архивного фонда великого князя Константина Константиновича в Пушкинском Доме // ЕРОПД на 1998–1999 г. 2003. С. 23–48; *Длужневская Г. В.* Фотографии из Мраморного дворца: собрание великих князей генерал-адмирала Константина Николаевича и <...> Константина Константиновича // Петербургская Академия наук в истории академий мира. Т. 2. СПб., 1999. С. 286–308.

Архивы: ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1 (дневники за 1874–1915, в значит. части неопубл.); РО ИРЛИ. Ф. 137 (рукописи, переписка, коллекция автографов); СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. № 297; Ф. 6 (документы, связанные с деять-стью президента АН); ИИМК РАН. Ф. 45 (коллекция фотодокументов).

В. В. Зельченко

КОССОВИЧ

Игнатий Андреевич

KOSSOVIČ I. A.

[1808 (1811?), Полоцк — 15(27).10.1878, Варшава],
филолог, поэт-любитель.

Брат *К. Коссовича*.

Сын белорусского униатского священника. По окончании Главной духовной семинарии при Виленском ун-те (1830, магистр богословия) был прикомандирован для усовершенствования в древних

языках к Петерб. ун-ту (1830–1832). С 1833 по 1835 проф. греч. языка и церк. красноречия в Белорусской греко-униатской семинарии; затем преподавал в Кромской (1835–1838), Смоленской (1838–1841) и Моск. 1-й (1841–1849) гимназиях; в 1842–1847 учитель лат. языка в Моск. сиротском ин-те. Инспектор Рязанской (1849–1850) и Владимирской (1850–1861) гимназий. С сент. 1860 по апр. 1862 находился в отставке, службу возобновил в качестве преподавателя древних языков Петерб. 6-й (апр. — сент. 1862) и Ларинской гимназий (1862–1868). С 1868 преподавал греч. словесность в Варшавском ун-те: лектор, доц., экстр. проф. (1872), орд. проф. (1873); одновременно вёл лат. язык в Варшавской 1-й гимназии. Докторская дис. «*Horatius lyricus poeta atque qui sui aevi homines, quibuscum vixisse ac negotia habuisse illi obtigisset, fuissent*» (защищена: Киевск. ун-т, 1871; д-р римск. словесности). В науч. занятиях часто следовал за увлечениями и занятиями старшего брата: «Свободное время от службы я посвящаю переводам то из санскритского, то из английского <...>. Я еще намерен, если буду жив, перевести Эсхила, Софокла и Еврипида <...> и помогать брату в переводе Магабгараты» [из письма 1851: ОР РНБ. Ф. 850. № 317. Л. 7–8; выпустил, по видимому, перевод нескольких эпизодов этой поэмы — в списке трудов п. д. 1861 (РГИА. Ф. 735. Оп. 9. № 92) указал перевод поэмы «Наль и Дамаянти» (М., 1851)]. Как и Каэтан, кроме древних знал несколько новых языков. Хорошо освоив практику греч. и лат. языка еще в семинарии, отставал от выпускников университетов по части филол. подготовки, над которой дружно иронизировали его критики. Рецензенту «ОЗ» Б. Ордынскому (1847. № 1) показали наивными большинство аргументов в защиту греч. языка речи К. «*Рассуждение о важности греческого языка*» (М., 1846), начиная со ссылки на завет Квинтилиана (I, 1, 12) о пользе

(для римск. юношей) изучения «всех отраслей человеческих знаний» в греч. подлиннике. Пособие К. **«Греческий глагол в своем развитии»** (М., 1846) тот же рецензент в сопоставлении с новейшими германскими грамматиками оценил как трудолюбивое воспроизведение «заветных старых доморощенных учебников», указав на замалчивание роли фонетич. законов в формообразовании глагола, архаичность представлений автора о природе аугмента, производимого из «каких-то небывалых слитий» и громоздкость построенных им парадигм, в которых не дифференцированы аттич. и поэтич. формы. Сочувственными отзывами был встречен лишь лексикографич. труд К. — **«Греческо-русский словарь»** (М., 1847. Т. 1–2; ²1848). Инициатива его составления принадлежала Каэтану (написавшему статьи от α до $\epsilon\iota\varsigma$), но основную работу по словарю выполнил К. Актуальный для своей эпохи словарь издали на казенный счет (даже оплатили труд составителя по 30 руб. за лист) и поощрили половинной Демидовской премией по «ходатайству ученого эллиниста» Ф. Б. Грефе (он журил К. гл. обр. за непоследовательность этимологич. разделов в словарных статьях и ограниченность фонда имен собственных, см.: ЖМНП. 1848. Авг. С. 36; Отчет о XVII присуждении Демидовской премии. СПб., 1848). В обстоятельной рецензии «ОЗ» (1847. № 12. С. 83–91) словарь К. выгодно (по «точности и определительности») сравнивается с устаревшими лексикографич. трудами С. Ивашковского и И. Кронеберга, «всех главных ошибок которых К. избежал», и невыгодно — с нем. словарем Папе. Похвалив ясность словарных толкований (минимум синонимии), ориентацию составителя на достойные образцы (словари Пассова, Якобица, Зейлера и др.) и незначительное число опечаток, рецензент порицал неоправданный лаконизм некоторых статей (статья «ὄδῃ» у К. занимает 3 строки, у Папе — 40),

неразъясненные сокращения и неполную адаптацию значений к рус. языку (напр., отсутствие варианта перевода с частицей «бы» в статье «ἄν»).

Вплоть до выхода труда А. Д. Вейсманна словарь К. оставался лучшим отеч. изданием в этом классе (Э. А. Верт — ЖМНП. 1879. Апр. С. 137). По примеру брата К. переработал для гимназии грамматику Р. Кюнера (**Элементарная грамматика латинского языка**. СПб., 1863); пособие также выдержало несколько изданий. В «варшавский» период уделил больше внимания ист.-лит. и стилистич. занятиям (с юности имел тягу к сочинительству домашних стихотворений и лит. переводу). Помимо запоздалой дис. (ВУИ. 1871. № 4–6), защита которой являлась условием его назначения в Варшавский ун-т, — обычно корректный в своих оценках Г. Э. Зенгер в письме 1882 (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 794. Л. 19) охарактеризовал ее как работу, которую «позорно признать кандидатской диссертацией», — К. попробовал себя в качестве переводчика Эсхила (**Прометей в цепях** // ВУИ. 1872. № 6; 1873. № 1; В. А. Алексеев в рец. на перевод Л. Н. Дурдуфи той же трагедии отозвался о переводе «известного санскритолога» К. (смешивая его с братом): «Перевод, конечно, верен; но поэтического таланта у Коссовича не было. Стихи, которые произносит Прометей и которыми оканчивается трагедия, в переводе Коссовича напоминают блаженной памяти XVIII век» (ФЗ. 1893. № 4. С. 3). Любительский характер носили и попытки К. переводить Горация, хотя в статье **«Горацианские лирические размеры, их применение к русской метрике»** (ВУИ. 1874. № 3 и отд.), отразившей некоторые темы дис., автором было выдвинуто прогрессивное для той поры предложение о ритмич. воспроизведении антич. строфики, вопреки распространенной практике «жертвовать размером для точности мысли». Сам К. иллюстрирует возможность передачи

антич. стоп и метров буквально — напр., образцами четырех пеонов предлагает «гладенькие», «милашечка», «незабудка», «подстерегал».

Ода I, 38 в переводе К.: «Мальчик, я персидских не знаю сборов, / Все гирлянды пышные мне противны! / Не ищи усердно, где расцветает / Поздняя роза. / Кроме мирта мне ничего не надо, / Позаботься, мирт чтоб был. Он к лицу нам, / Пьющим виноградный сок под густою / Сению вяза».

В 1875 (ВУИ. № 2–3) К. опубликовал еще антикварные очерки («по Безену»): «Римская древность», «История римской литературы» и, возможно, «Олимпийские игры у древних греков» (П. Н. Черняев не нашел последнего очерка в ун-тских изданиях Варшавы; см.: Гермес. 1916. № 15–16. С. 331). Древность оставалась для К. объектом искреннего почитания, и это чувство он стремился привить ученикам; по воспоминанию И. Н. Михайловского (Нежин 1913. С. 47), К. годами у себя на квартире бескорыстно занимался греч. языком с желающими. О педагогике позднего К. очевидцы отзывались, впрочем, сдержанно: выпускник Петерб. ун-та И. В. Ястребов, назначенный на кафедру лат. словесности Варшавского ун-та, по приезде (1877) написал своему наставнику И. В. Полюскому, что ему нетрудно было завоевать расположение студентов на фоне К.: «как человек он добрый, да устарел» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 1483. Л. 12 об.).

Литература: Пятидесятилетие Санкт-Петерб. Ларинской гимназии. 1836–1868. СПб., 1886; *Гобза И.* Столетие Моск. Первой гимназии. 1804–1904 гг.: краткий исторический очерк. М., 1903; Историческая записка Рязанской 1-й мужской гимназии. 1804–1904. Рязань, 1904; *Захаров В. А.* Историческая записка о Владимирской губернской гимназии за время 1835–1904 годов. Владимир, 1909; *Буткевич К. Ф., Николаев Л. П.* Историческая записка, изданная ко дню пятидесятилетия Санкт-Петерб. Шестой гимназии (1862–1912). СПб., 1912; *Михальченко С. И.* Историко-филологический

факультет Варшавского университета. 1869–1917 гг. Брянск, 2005 ♦ Прозоров; Нагуевский; РБС; Венгеров (Список).

Архивы: РГИА. Ф. 733. Оп. 225. № 231 (ф. с. 1863); ЦГИА СПб. Ф. 458 (Петерб. 6-я гимназия).

В. П. Смышляева

КОССОВИЧ

Каэтан Андреевич

KOSSOVIČ K. A.

[2(14).5.1814 (1815?), Полоцк — 26.1(7.2).1883, Петербург; Смоленское правосл. кладб.], филолог, востоковед, библиотечкарь. Брат *И. Коссовича*.

Сын белорусского униатского священника. Обучение начинал в Полоцком уч-ще пиаристов (Ordo scholarum piarum), после закрытия которого (1828–1829) занимался в базилианской школе — «безмундирной», но с программой гимназии; затем в губернской гимназии (1830–1832) Витебска. Еще до завершения гимназич. курса по ходатайству попечителя Т. И. Карташевского, детей которого К. репетировал по лат. языку, он был принят казеннокоштным студентом в Моск. ун-т (1832–1836), откуда вышел кандидатом. По окончании курса перебивался частными уроками, затем поступил ст. учителем греч. языка в Тверскую гимназию (1839–1843). В 1843 возвратился в Москву: преподавал в Моск. 2-й гимназии (1843–1849) и Лазаревском ин-те (1845–1847). Потеряв надежду на ун-тскую кафедру и получив отказ в заграничной стажировке (несмотря на хлопоты С. П. Шевырёва), К. в окт. 1849 переселяется в Петербург, где М. А. Корфу и Д. Н. Блудову удалось выхлопотать ему должность библиотекаря ИПБ (первоначально числился «редактором ученых работ, с содержанием и правами библиотекарям оной приюченными», с 1853 — зав. отделом книг на

восточных языках): приводил в порядок собрание книг, участвовал в организации выставок, публиковал «библиографические заметки» о редких экземплярах коллекции «Россика» в «ОЗ» (1854–1859). Службу в ИПБ («поистине драгоценную как с науч. стороны, так и по личному сочувствию») не оставлял до 1881 (в некоторые периоды числился вне штата и «без содержания»); в 1851 и 1864 выезжал за границу (для работы с санскритскими и авестийскими рукописями и ознакомления с опытом европ. б-к; во время первой поездки навестил в Бадене В. А. Жуковскогo). Периодически для заработка возвращался к частному преподаванию греч. языка. С 1854 читал факультативно санскрит студентам ГПИ и Петерб. ун-та (с 1858 в штате), где вел занятия и по греч. языку. Прив.-доц. (1858), экстр. проф. (1860), орд. проф. санскритского и зендского языков (1866). Почетный чл. Харьков. ун-та, совет которого (по предложению П. А. Лавровского) присудил ему в 1864 степень д-ра honoris causa по сравнительному языкознанию. Чл.-корр. ИАН (1857); участвовал в работе комиссии МНП по пересмотру ун-тского

устава; член РАО, РГО, Парижского и Лондонского азиатских общ-в, Германского восточного общ-ва и некоторых других; тайн. сов.

Отличался уникальной лингв. памятью: англ., итал., исп., чешск., лит., нем., араб., перс. языки выучил самостоятельно, отказывая себе в самом необходимом ради приобретения руководств для этих занятий; по воспоминанию его однокашника М. Маркса (РС. 1886. № 12. С. 612), др.-еврейский, к примеру, К. учил в Витебске по библейским книжкам с лат. переводом, пылившимся на полке их квартирного хозяина, и выучил «лучше раввина».

Маркс описывает школьные печали К., бедного, «неуклюжего и неопрятного мальчика с угрюмым лицом» — от побоев школьника-гувернера «за математику» (она не давалась К., между тем как прочие предметы он сдавал на «отлично») до ун-тского карцера и «беспощадной эксплуатации» его дарований покровителями (Там же).

Освоив лат. язык в Витебске, в Моск. ун-те К. увлекся греч. (окончил первым на курсе по этому предмету). По свидетельству И. Бычкова, «сотни стихов бессмертного певца Илиады удерживались его счастливой памятью» (И. Б. К. А. Коссович. С. 36). Один из первых (наряду с Р. Ленцем и П. Я. Петровым) российских санскритологов. Обращение к санскриту (К. слушал «лекции по санскритской литературе» у молодого Шевырёва) первоначально было также продиктовано желанием глубже изучить «источники греко-римского мира», но затем К. предпочел «мудрость Востока» «чувственной» античности; он писал Шевырёву, что «Аид и Олимп представляют совершенную аналогию Яме и Индре», но «до миров Брагм и Вишну греческая религиозная мудрость не возвысилась» (ОР РНБ. Ф. 850. Оп. 1. № 318. Л. 129 об.). Среди однокурсников выделялся необычным поведением и склонностью к уединенным занятиям; на лекциях

он обычно читал принесенные с собой книги, был даже оставлен на 2-м курсе, но быстро исправил положение; этим он раздражал некоторых профессоров: «На него все смотрели с удивлением, говорили: “Коссович не занимается”; а он между тем глотал один древний язык за другим <...>. Филологическое призвание заговорило в нем» (Аксаков К. С. Воспоминания студентства 1832–1835 гг. // Московский университет в воспоминаниях современников. 1755–1917. М., 1989. С. 193). Ф. И. Буслаев (Мои воспоминания. М., 1897. С. 28–29), учившийся курсом ниже и испытывавший влияние К., вспоминал его как «натуру цельную, наивную, в себе самой сосредоточенную, всем довольную, но без малейшей тени личного эгоизма» и как запойного читателя: «Когда я поступил в университет, он доканчивал чтение латинских авторов и все остальное время пребывания в университете употребил на чтение греческих». О наслаждении от чтения «Илиады» с молодым К., для которого «выше Илиады и санскритских поэм ничего не было», вспоминал Б. Н. Чичерин (Русское общество 40–50-х гг. XIX в. М., 1991. Ч. 2. С. 18). В студ. годы был близок кружку Н. В. Станкевича и знаком с В. Г. Белинским, который с уважением относился к молодому полиглоту и если в рец. на «Московский литературный и ученый сборник на 1847» (Современник. 1847. № 6; авторство не вполне надежно) улыбнулся по поводу перевода К. санскритской драмы «**Торжество светлой мысли**» (с обильно впечатанными переводчиком в рус. текст санскритскими словами), то более по адресу славянофилов и «тени Тредиаковского». По мнению ориенталиста акад. С. Ф. Ольденбурга (РБС. Т. 9. С. 302), переводы санскритских драм, выполненные К. в 1840-е, «почти все прекрасны». В 1840-е К., мечтавший специализироваться в индо-иранских языках, пережил немало разочарований, несмотря на поддержку ценивших его лингв. эрудицию и «чистую душу

младенца» моск. славянофилов, особенно Шевырёва, который за секретарские услуги предоставил «перебивавшемуся как немногие» К. стол и квартиру, и А. С. Хомякова, племянникам которого К. давал уроки. Оба хлопотали об учреждении каф. сравнительной филологии в Моск. ун-те для К., «живущего для науки и добрых дел»; Шевырёв объяснял неудачу этих стараний тем, что наставник К. покойный Д. Крюков «наказал на К.» попечителю, «и он тому верит» (Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин. М., 2009. С. 249). С. Г. Строганов, впрочем, рекомендовал К. за границу в 1843 вместе с П. М. Леонтьевым и О. И. Пеховским (в прошении попечителя К. упомянут как магистрант «для восточных языков»), но не получил одобрения МНП (РГИА. Ф. 733. Оп. 32. № 103. Л. 4 об.). Хомяков подарил К. ценный санскритский словарь Вильсона и, чтобы вызволить его из гимназич. рутины, устроил, при поддержке Блудова, сначала учителем в дом гр. Дашковой (вдовы Д. В. Дашковой), затем в ИПБ (Барсуков. Т. 10. С. 347–49). В период гимназич. преподавания К. выпустил для учеников перевод пособия Р. Кюнера «**Элементарная грамматика греческого языка**» (М., 1843; СПб., 1869), которое считал лучшим руководством по этому предмету: «Я испытал это в продолжении моего двухлетнего педагогического опыта. Самая скучная обыкновенная грамматика <...> для учеников моих сделалась самой интересною, и этим я обязан Кюнеру»; «заинтересованные» тверские гимназисты, узнав о трудностях К. с изданием грамматики, организовали подписку и собрали средства для этой цели (см. недатированное письмо Шевырёву: ОР РНБ. Ф. 850. Оп. 1. № 318. Л. 110–111).

К. Я. Люгебиль в рец. на 3-е издание «Элементарной грамматики» (Учитель. 1867. № 9–12. С. 162–74), не разделяя восхищения К., счел ее методически перегруженной («большая книга — большое зло»)

и устаревшей в лингв. плане, особенно в разделе синтаксиса, вменив К. в вину, что тот не поправил устаревшие термины и определения.

В Москве же К. начал составление «Греческо-русского словаря» (доведя его до εἰς), завершеного впоследствии братом (М., 1847–1848; половинная Демидовская премия). В целом «труды К. по греческому языку были исключительно учебного, а не ученого характера», а главным его науч. подвигом стало пробуждение в науч. российском сообществе интереса к востоковедению: «Коссовичу, хотя он не оставил после себя учеников по своей специальности <...>, принадлежит видное место среди первых пионеров русского ориентализма» (С. Ольденбург — РБС. С. 302). Естественным для К.-лингвиста был интерес к сравнительно-ист. методу в языкознании (**Филологические замечания** // Изв. ОРЯС. СПб., 1853. Т. 12; включают отзыв К. о книге А. Гильфердинга «Сравнение языка славянского с санскритским», в котором он рассматривал сравнительную этимологию древнерус. и рус. областных слов образца «трава», «жадати», «млеко», «скала», «гость» и др.), но языковая реальность была ему ближе теории. С 1850-х он сосредоточился на ориенталистике, используя древние языки для редких уроков и переводов (в отчете ИПБ за 1852 упомянут его перевод с лат. языка сочинения «De ducibus Sarmaticis». — см.: Грин Ц. И., Третьяк А. М. Публичная библиотека глазами современников. СПб., 1998. Т. 1. С. 274–275). К моменту переезда в Петербург считался авторитетным ориенталистом, обладающим «сверх хорошего пера также языками: еврейским, греческим и латинским, а из новейших: немецким, французским, итальянским, английским, новогреческим, польским и чешским со сведениями и в арабском» (из рекомендации Корфа — СРНБ. Т. 1. С. 283–284), но и пять лет спустя, как видно из письма Шевырёву (ОР РНБ.

Ф. 850. № 318. Л. 41 об., 50), К. жил не столько жалованием (63 руб. серебром и 125 руб. квартирных в год), сколько «санскритскими иллюзиями» и надеждой на кафедру: «Победа, радость, счастье <...>. В ближайшую пятницу я начинаю курс санскритского языка в здании Педагогического института».

В 1854, по поручению АН, К. начал составлять «**Санскрито-русский словарь**», но столь «несвоевременная для России» (*Ольденбург*) затея (словарь санскрита О. Н. Бётлингга вышел в Петербурге в 1877) утасла после трех выпусков (публиковались в приложениях к «Изв. АН по ОРЯС» за 1854–1856). К. стоял у истоков рус. иранистики: «первым из ученых филологов не только дал полный и обстоятельный отчет о содержании и значении памятников Зенда, но и сделал их доступными общему изучению» (Отчет Петерб. ун-та за 1882. С. 6). Из его работ, посвященных толкованию и переводу «Гат», известны «**Decem Sendavestae excerpta**» (Paris, 1865) и собрание клинописных памятников эпохи Ахеменидов «**Inscriptiones palaeopersicae Achaemenidarum**» [СПб., 1872; этот труд, «весьма хорошо принятый за границей и у нас, причинил покойному вместе с тем и тяжкие огорчения, следствием коих был упадок сил и энергии и, наверное, сокращение дней его жизни» (*Гаркави А.* Памяти К. А. Коссовича. СПб., 1884. С. 4)]. Если антиковедам К. казался лингвистом, то востоковеды считали его более «филологом, чем лингвистом», проникавшим в смысл там, где другие объясняли лишь формы и отдельные слова (ЖМНП. 1869. Дек. С. 11).

В последние десятилетия К. возвратился к занятиям гебраистикой: перевел «**Еврейскую грамматику Гезениуса**» (СПб., 1874) и дополнил ее «**Еврейской хрестоматией, со ссылками на грамматику Гезениуса и глоссарием еврейско-русским**» (СПб., 1875). Уже тяжело больной, занимался переводом Библии.

Последней значительной публикацией К. стал комментированный лат. перевод «Песни песней» (*Canticum canticorum*. СПб., 1879), о котором лестно отозвался митр. Исидор (РА. 1909. № 1. С. 170); работа К. над книгой пророка Даниила была прервана смертью. Не являясь ярким лектором и увлеченным педагогом, К. вызывал у слушателей неизменное уважение преданностью делу и ученостью (Пантелеев. С. 191). Близко знавшие труженика К. ценили в нем также легкого, радушного и незлобивого человека, умевшего «в каждом находить только хорошие черты» и не жалевшего средств на помощь нуждавшимся (И. Б. С. 41).

Литература: И. Б. К. А. Коссович: некролог // ЖМНП. 1883. Март; Историческая записка 75-летия Витебской гимназии. 1808–1883. Витебск, 1884; Историческая записка о 50-летию Московской Второй гимназии. 1835–1885. М., 1885; *Рогозников И. К.* биографии Коссовича // ИВ. 1888. № 2; *Бартенев П. И.* Коссович и Хомяков // РА. 1890. № 9; *Шофман А. С.* К. А. Коссович как востоковед // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1963. Сб. 6; *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982; *Плетнёв П. А.* Статьи. Стихотворения. Письма. М., 1988; *Чичерин Б. Н.* Воспоминания (Русское общество 40–50-х гг. XIX в. Ч. 2). М., 1991; *Даўгяла Г. І. К. А. Касовіч:* вядомы і незнаёмы. Минск, 1994; Почесні члени Харківського університету. Харків, 2008 ♦ Григорьев; Брокгауз; БС СПб. ун-та (библ.); Прозоров; Языков; Венгеров (Источники, Список), Багалей; СРНБ; Сайтов 2006; Бузескул 2008; Тункина 2017.

Архивы: *Личные фонды:* ОР РНБ. Ф. 384 (20 ед.); ОР РНБ. Ф. 850. № 318. Л. 37 (дата рождения; в ф. с. указаны и др. даты; на надгробии было написано: «на 71 году»); *Отд. документы и письма:* РНБ. Ф. 120 (Бычковы), 244 (И. Д. Делянов), 377 (И. П. Корнилов), 380 (М. А. Корф) и др.; РГИА. Ф. 733. Оп. 225. № 231 (ф. с. 1883); Ф. 853 (В. В. Григорьев); РО ИРЛИ. Ф. 152 (П. И. Лерх), 297, 341 (И. А. Шляпкин), 383 (П. С. Савельев) и др.; ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петерб. ун-т).

В. П. Смышляева

КОЧУБЕЙ Василий Викторович, кн.

КОТШОУБЕУ В. / КОЇШУБЕJ V. V.

[1(13).1.1812, Петербург — 10(22).1.1850, там же?; усыпальница Николаевской церкви родовой усадьбы Кочубеев в с. Диканька под Полтавой], чиновник МИД, нумизмат

К. был сыном кн. Виктора Павловича Кочубея (1768–1834), гос. канцлера и предс. Гос. совета, и Марии Васильевны Васильчиковой (1779–1856). Первоначальное образование получил дома; по состоянию здоровья с 1824 по 1826 жил в Одессе, где заинтересовался нумизматикой и начал приобретать древние монеты.

В 1827 поступил на службу в МИД; исполняя дипломатич. поручения, К. много раз бывал за границей (Германия, Британия, Турция) и там значительно пополнил свою нумизматич. коллекцию. В 1843 вышел в отставку; в 1845–1848 служил в Канцелярии наместника на Кавказе гр. М. С. Воронцова; с 1848 — помощник попечителя Петерб. УО. Скончался от туберкулеза.

Сначала К. собирал вообще все древние монеты. Познакомившись с Е. Е. Кёлером, пользовался его советами и сосредоточился по преимуществу на греческих монетах, а с конца 1840-х приобретал только монеты Боспорского царства и греч. городов Сев. Причерноморья; эта коллекция по полноте считалась второй после Эрмитажного собрания. Разнообразные коллекции К. помещались в доме А. Д. Мурузи (Литейный пр., 24), которым К. владел в последние два года жизни. По поручению К. в Париже были напечатаны 20 таблиц наиболее редких монет его собрания. Текст к таблицам поручено было составить петерб. нумизмату Б. В. Кёне. Однако издание вышло уже после смерти коллекционера: «Описание

музеума покойного кн. Василия Викторовича Кочубея (составлено по его рукописному каталогу) и исследование об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора Киммерийского» (в 2 т. СПб., 1857; годом ранее по-франц., в 3 т.).

Литература: Некролог // ЖМНП. 1851. Июль. С. 40–42; Тункина 2002 ♦ Брокгауз; РБС; Тункина 2017.

А. И. Рубан

КОШАНСКИЙ (КАШАНСКИЙ) Николай Федорович

KOSCHANSKY / KOŠANSKIJ
Nicolaus

[1784 — 22.12.1831(3.1.1832),
Петербург; Смоленское правосл.
кладб.], *филолог, педагог, переводчик*

Из дворян Моск. губ. Учился в Благородном пансионе, затем на филос. и нравственно-полит. ф-тах Моск. ун-та

(вольнослушатель 1798, студент 1800–1803; кандидат, зол. медаль по филос. ф-ту). Студентом последнего курса преподавал риторику в Благородном пансионе; там же и в ун-тской гимназии по завершении курса служил учителем древних языков. После окончания магист. экзамена (1805, магистр философии и изящных искусств), по рекомендации попечителя М. Н. Муравьева, начал готовиться к науч. командировке в Италию (не состоялась из-за начала военных действий в Европе). Материалы для докт. дис. «*Illustratio mythi de Pandora et antiquae artis operum ad eum spectantium*» (защита: Моск. ун-т, 1807; д-р философии и свободных искусств) собирал преимуществ. в Эрмитаже и Академии художеств. После защиты дис. вернулся к преподаванию в учеб. заведениях Москвы (Благородный пансион, Екатерининский ин-т, гимназия Воспитательного дома, ин-т Виллерса), давал и частные уроки. Чл. Моск. цензурного комитета (секр. с 1809) и Комитета испытаний для чинов VIII и V класса. В 1811 подал прошение о назначении преподавателем в открывающийся Царскосельский лицей, в котором прослужил до 1828: проф. росс. и лат. словесности, чл. конференции; замещал директора в 1814 и 1823. Участвовал в работе Комитета для рассмотрения учебных книг, употребляемых в Пажеском и Кадетском корпусах (1823) и Комитета по учеб. пособиям МНП (1827). Чл. ОЛРС (1819) и Человеколюбивого общ-ва. С 1824 занимал должность директора Ин-та слепых. Умер во время эпидемии холеры — «на 48 году», как написано на могильной плите.

Науч. пристрастия К. определились лит.-эстетич. традицией Моск. ун-та и эпохой становления российской литературы: в пансионе учился одновременно с В. А. Жуковским, в ун-тские годы сблизился с увлеченными поэзией и античностью З. Буринским, Р. Тимковским и М. Милоновым. Их лит. опыты поощрялись П. Сохацким («Наставникам,

хранившим юность нашу». С. 264) и И. Буле: в недолговечных изданиях последнего — «Моск. ученые ведомости» и «Журнал изящных искусств» — К. был главным сотрудником и переводчиком. Дебютировал в печати поэтич. подражаниями и переводами франц. беллетристики (об этом этапе его творчества см.: *Малеин*; *Зубков Н. Н.* — РП. Т. 3). В историю классич. филологии вошел как переводчик и педагог. Из переводов К. с древних языков имели отклик подражание Вергилию «**Эклога Амарилла**» (Новости русской литературы. 1803. Ч. 8) и сб. «**Цветы греческой поэзии**» (М., 1811), включавший переводы идиллий Биона и Мосха, отрывка из рукописи XVI в. (изданной Х. Ф. Маттеи в 1805 под заглавием «*Clytemnestrae, tragœdiae Sophoclis, fragmentum ineditum*») и шестой песни «Одиссеи», с параллельным греч. текстом, «историческими, критическими, эстетическими и тому подобными примечаниями», этюдами о рецепции греч. поэзии новой Европой и Россией. Издание «Цветов» отвечало просветительским задачам времени и салонной моде на буколический жанр. Малеин оценивал поэтич. переводы К. как «легкие» и приближенные к подлиннику (*Малеин*. С. 15), но А. Егунов отказал им в стилистич. подобии оригиналу, признав, впрочем, за александрийским стихом и ямбами К. некоторую выразительность (*Егунов*. С. 125, 127).

Образец перевода К. («На смерть Адониса» Биона): «Где ты, Адонис, где ты несчастный? / Лейтеся слезы ручьем, / Плачьте, Эроты, по нем! / Умер, Адонис, умер прекрасный...».

Изящно изданный сб. К. получил известность и, может быть, вдохновил на сочинения в буколическом жанре Батюшкова («Дружество») и Пушкина («Земля и море»). Любя поэзию, К. поощрял лит. занятия лицеистов: «Друзья — поэты! Лицей есть храм Весты, в котором не гаснет огонь поэзии святой; он горит невидимо,

и его питает добрый гений (genius loci). Кто молод и чувствителен, тому непростоительно не быть поэтом» (из отклика К. на выпуск журнала «Лицейский цветник»; цит. по кн.: *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899. С. 270). Бытовала версия о влиянии К. на поэзию юного Пушкина (*Черняев П.* Влияние школы, обстановки и эпохи на развитие в А. С. Пушкине любви к античному миру // *Гимназия*. 1898. № 6. С. 1), т. к. с именем К. в памяти лицеистов связан один из первых поэтич. триумфов Пушкина.

«Как теперь вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, окончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: “Теперь, господа, будем пробовать перья — опишите мне, пожалуйста, розу стихами”. Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел два четверостишья, которые нас восхитили» (*Луцин И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 44). Сохранились и отзывы К. о «довольно хороших» успехах поэта в лат. языке и «не столь твердых, сколь блистательных» в русском (см. в кн.: А. С. Пушкин. Документы к биографии. СПб., 2007).

К. выступал первым критиком лицейской поэзии, но его правка по риторич. лекалам казалась юным поэтам уже архаичной, как видно из стихотворения 1815 Пушкина «Моему Аристарху», которое, по мнению пушкинистов, обращено к К. (Пушкинская энциклопедия. Вып. 1. СПб., 2009. С. 360); благоговееющему перед Аристархом Самофракийским «гонителю» юный поэт советует умерить «ученый вкуса гнев». От словесности К. был ненадолго отвлечен попечителем Муравьевым, планировавшим его продвижение по кафедре археологии и истории искусств. Прежде чем надежда на открытие кафедры рухнула (со смертью Муравьева в 1807, на которую К. откликнулся в печати: ВЕ. 1807. № 19), он выдержал магист. экзамен на степень и перевел франц. археол. пособие А. Миллена «**Руководство к познанию древностей**» (М., 1807), дополнив его

собственными соображениями о значении археологии, программой курса археологии, разбором «Истории искусства древности» Винкельмана и характеристикой нескольких российских музеев, в т. ч. Эрмитажа и Кунсткамеры. Другим итогом «искусствоведческого» периода К. явилось докт. сочинение «*Illustratio mythi de Pandora et antiquae artis operum ad eum spectantium*» (М., 1806; одобрительная рец. Буле: Моск. учен. ведомости. 1807. № 9), в котором К. исследовал отражение мифа о Пандоре, Прометее и Эпиметее в антич. памятниках искусства. Ненадолго возвратился к истории греч. искусства К. еще в очерке биографий художников «**Взгляд на историю искусств**» (Современователь просвещения. 1821. № 4–6; особенное внимание к творчеству Фидия). Как преподаватель лат. языка издавал пособия и тексты римск. авторов, начиная с «**Правил, отборных мыслей и примеров латинского языка с кратким словарем**» (М., 1806) и «**Таблиц латинской грамматики**» (М., 1809; ²СПб., 1817). Особенно успешной в ряду его методич. изданий оказалась «**Латинская грамматика по Бредеру**» (М., 1811; ¹¹СПб., 1844) с обстоятельным морфологич. и синтаксич. комментарием, хрестоматией и словарем (3-е изд. в 1823 было отмечено бриллиантовым перстнем); перевод нем. пособия в соответствии с практикой того времени был вольным и достаточно творческим: «По тону руководства видно, что К. отнюдь не имел в виду рассматривать латинский язык как мертвый <...>. Большинство примеров взято не из античного мира, а из современной автору жизни, например, *cerevisiae sapor vel dulcis est, vel amarus* <...>. Кажется, эти примеры составлены автором самостоятельно» (Малеин. С. 12). «Грамматика» К. служила многим поколениям гимназистов; еще Чернышевский упоминал о занимательности ее хрестоматии (Чернышевский Н. Г. ПСС. В 16 т. М., 1949. Т. 2. С. 403). Дополнением к «Грамматике»

стали «**Басни Федра**» (СПб., 1814; ²1832); подобранные с учетом «детского возраста», даже они ревнителям просвещения «казались не совсем благонамеренными» (Григорьев. С. 34). Лат. текст сборника дополнен пояснением имен из мифов, переводом трудных мест и словарем; приведены и сопоставления антич. басни с ее современным изводом (И. И. Дмитриев, И. А. Крылов). Функции хрестоматии выполняли еще коммент. издания лат. текстов «**К. Непот. О жизни славнейших полководцев с текстом, примечаниями и словарем**» (СПб., 1816; ⁴1849) и «**Сокращение священной истории**» (СПб., 1818), выполненное по образцу «*Epitome Historiae Sacrae*» Ш.-Ф. Ломона (L'Homonde). Комитет для рассмотрения учеб. пособий (Воронов. Ч. 1. С. 196–97) одобрил среди прочего выполненный К. перевод антикварной энциклопедии «**Эшенбург И. Ручная книга древней классической словесности, содержащая: I. Археологию. II. Обзорение классических авторов. III. Мифологию. IV–V. Древности греческие и римские**» (СПб., 1816–1817. Т. 1–2; библиография и приложения дополнены переводчиком). Для своего времени были полезны и некоторые публикации К. по российской словесности: напр., в письме «**О русском синтаксисе**» (Тр. ОЛРС. 1819. Т. 15) К. отметил ряд промахов новой академ. грамматики (Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. XIII–XIX вв. М., 2010. С. 1032). В Царскосельском лицее К. слыл записным оратором; имел он и певческий талант (Дневник И. М. Снегирёва и его воспоминания. М., 1905. Т. 2. С. 282). Известной высокопарности речей К. соответствовал его внешний облик: «мягкость и вместе с тем торжественность в голосе, приветливость взгляда, спокойствие и как бы некоторая самоуверенность в движениях» при «высоком, стройном росте и красивых приятных очертаниях лица» («Наставникам, хранившим юность нашу». С. 266). В Царском Селе он стал

помощником директора Малиновского и, оказавшись единственным профессором среди педагогов, «не скупал преподаванием начальных правил грамматики» (Там же. С. 273).

Охлаждение руководства МНП к К. современники объясняли его запоями (Записка гр. М. А. Корфа 1854 г. // Императорский Лицей в памяти его питомцев. СПб., 2011. С. 208). В 1814 его даже пришлось заменить «по болезни» А. И. Гал и ч е м. Объявивший в 1814 войну пьющим педагогам министр А. К. Разумовский, «любитель одной науки ботаники, при которой он допускал необходимость латинского языка» (Из записок Н. И. Греча // РА. 1871. № 6. С. 256), после этого эпизода разочаровался в своем протеже, и возвращение К. в классы произошло только при А. Н. Голицыне.

Лат. язык у лицеистов успеха не имел, а средства воздействия на благородных бездельников у К. были минимальны, так что с годами он примирился с положением вещей, как видно из воспоминаний М. Белухи-Кохановского (РС. 1890. Т. 65. С. 841–842): «В большинстве случаев уроки его (их было два в неделю) заключались в вызове поочередно всех 25 и ответы: “Господин профессор, ничего не знаю” <...>. Н. Ф. удивительно хорошо читал и был страстным поклонником Пушкина, с особенным мастерством читал его произведения. Вот и мы, еще большие поклонники Пушкина, узнав о каком-нибудь новом его произведении, дружно приготавливались к латинскому уроку. Кошанский приходил в восторг; тогда по окончании урока мы гурьбою обступали его с назойливой просьбой: Николай Федорович, будьте так добры, привезите будущий раз такое-то новое произведение Пушкина и прочтите нам». Лицеисты добром вспоминали своего вдохновенного наставника (*Кобеко Д. Имп. Царскосельский лицей. Наставники и питомцы.* М., 2008. С. 223). В последних трудах — «**Общей риторике**» (СПб., 1829;

¹⁰1849; о нахождении, расположении и изложении материала) и изданной посмертно А. Х. В о с т о к о в ы м «**Частной риторике**» (СПб., 1832; ⁷1849; о функциональных стилях лит. письма — повествовательном, эпистолярном, ораторском и др.) К. объединил свой опыт словесника и латиниста, дополнив жанровую иерархию антич. риторик (Аристотель, Цицерон, Квинтилиан) иллюстрациями из современной рус. литературы. «Общая риторика» охарактеризована П. А. Плетнёвым как «дельная, умная, хотя и очень педантская книга» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетнёвым. СПб., 1896. Т. 3. С. 195), однако архаичность самой дисциплины предопределила ее прохладный прием лит. критикой (СО. 1830. № 8; Моск. телеграф. 1831. № 5); известен иронический отклик В. Г. Белинского (Белинский. Т. 8. С. 513): «Всякая риторика есть наука вздорная, пустая, вредная, педантская, остаток варварских схоластических времен; все риторика, сколько мы ни знаем их на русском языке, нелепы и пошлы; но риторика г. Кошанского перещеголяла их всех». Выражение «говорить по риторике Кошанского» еще в 1860-е оставалось речевой формулой.

Литература: *Шевырёв С. П.* История Московского университета. М., 1855; *Селзнев И.* Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие. СПб., 1861; *Малеин А. Н.* Ф. Кошанский // Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1901; *Любавин М. А.* Лицейские учителя Пушкина и их книги. СПб., 1997; *Грот К. Я.* Пушкинский Лицей. СПб., 1998; *Соколов В. Д.* Рядом с Пушкиным. Т. 1. М., 1998; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988; *Busch ♦ Нагуевский; Прозоров; Брокгауз; Венгеров (Источники, Список); БС ОЛРС; РБС; КЛЭ; РП; Свиясов; Серков; Геннади 2006; Сайтов 2006.*

Архивы: Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрание отд. поступлений), 539 (В. Ф. Одоевский).

В. П. Смышляева

КРАСНОВ

Платон Николаевич

KRASNOV P. N.

[5(17).4.1866, Петербург — 25.4.1924, Ленинград], *переводчик, лит. критик*

Из высококультурной казачьей семьи. Сын известного историка Н. И. Краснова и брат «атамана Всевеликого войска Донского» Петра Ник. Краснова (1869–1947). По окончании Петерб. 1-й гимназии (1876–1884) обучался на физ.-мат. ф-те Петерб. ун-та (1884–1888; в 1887 перевел лат. мемуар К. Гаусса «**Общие исследования о кривых поверхностях**»), но от карьеры математика отказался после сдачи магист. экзамена (см. студ. д.: ЦГИА СПб.. Ф. 14. Оп. 3. № 23963). С 1889 служил чиновником, первоначально Воен. мин-ва, затем Мин-ва путей сообщения, много времени отдавая лит. и редакторской деятельности (участник «Пятниц Случевского»). После 1910 по невыясненным причинам прекратил все лит. занятия, сосредоточившись на службе в Управлении железной дороги. Оставался на ней и после 1917 (конторщик Октябрьской железной дороги). В 1922–1924 преподавал вне штата классич. языки в Петрогр. ун-те.

Увлечением древними языками и античностью был обязан атмосфере классич. гимназии (ученик Э. А. Верта и Э. Ю. Кёрбера) и общению со своим дядей М. И. Гавриловым, также совмещавшем чиновничью карьеру с лит. досугом. С 1884 публиковал в «ЖМНП» переводы антич. поэтов (Тибулл, Овидия, Катулла, Марциала, Вакхилида, Горация) и рецензии.

Возможно, участвовал в ун-тских лит. общ-вах. Учившийся почти одновременно с К. в гимназии и ун-те В. И. Вернадский, нелестно отзываясь о гимназич. преподавании древних языков, отмечал сильное влияние на его поколение проф. О. Миллера, объединившего в своем лит.

общ-ве «все живые силы студенчества того времени» (Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 24–26, 32). С ун-тской средой К. сближали кроме наставников также брат, проф. ботаники А. Н. Краснов, и первая жена — рано умершая поэтесса Е. А. Бекетова (тетка поэта А. Блока).

Первые переводы К. следуют традиции вольных переложений ямбич. размерами; в некоторых случаях К. передавал ямбами даже дактилич. стихотворения.

Образец перевода из Катулла (43): «Так вот подруга Формиана, / Вот слава всех окрестных сел, / Я ничего в ней не нашел, / Ни строгой правильности стана, / Ни черных пламенных очей, / Ни уст с пленительной улыбкой...»

Заметным достижением К. стал сб. «**Элегии любви Альбия Тибулла**» (М., 1901; переводы отд. элегий печатались ранее в «ЖМНП»: 1884. Ноябрь.; 1885. Август.; 1886. Февр.; Дек.; 1887. Июнь) с вступ. статьей о традиции рус. Тибулла и биографией поэта, в которую автором прямолинейно перенесены элегич. истории Делии и Немезиды [под влиянием известной речи Ф. Е. Корша «Римская элегия и романтизм» (М., 1899)]. Большинство элегий и «Триумф Мессалы» К. передавал уже гекзаметрами и элегич. дистихом, лишь поэзию Сульпиции «в видах разнообразия» — рифмованным стихом. Всегда доброжелательная к К. «классическая» критика (напр., Г. Г. Зоргенфрей — Лит. вестник. 1902. № 6) оценила переводы К. едва ли не выше фетовских.

Образец перевода К. (Тибулл I, 3): «Тут я внезапно приду — извещать тебя раньше не буду, — / Чтоб показаться тебе гостем, посланным с небес. / Ты мне навстречу беги, как была, без сандалий на ножках, / Бросив свои волосы виться по полным плечам... / О поскорей бы Аврора младая на розовых конях / Счастьем сияющий день, радостный нам принесла».

Из выполненных К. переводов греч. поэзии внимание привлекли эпиграммы

Платона, в которых он следует стилистически строгой традиции Д. В. Д а ш к о в а и В. С. П е ч е р и н а, напр.: «Мы, эретрийцы с Эвбеи, покоимся мирно близ Сузы / Горе! От нашей земли как мы далеко теперь» (**Стихотворения, приписываемые Платону** // ЖМНП. 1887. Дек.). Отд. эпиграммы были включены В. А. А л е к с е е в ы м в хрестоматию «Древнегреческие поэты в биографиях и образцах» (СПб., 1895), откуда перешли в антологии XX в., в т. ч. «Греческие эпиграммы» (М.; Л., 1935), «Греческая эпиграмма» (СПб., 1993), «Эпиграммы Греческой антологии» (М., 1999). Публикация перевода **«Софокл. Аякс»**, выполненного нерифмованным пятистопным ямбом (ЖМНП. 1904. Апр.–май), прошла незамеченной; лишь А. А. Б р о к похвалил его мимоходом (рец. на кн. Н. Ильинского: ЖМНП. 1914. Июль. С. 93); в современных оценках перевод также отнесен к «достаточно любительским с точки зрения русского языка» (*Ярхо В. Н. Ф. Ф. З е л и н с к и й* — переводчик Софокла // Софокл. Драмы. М., 1990. С. 518). В середине 1890-х К. выпустил в «Дешевой библиотеке» Суворина переводы **«Избранные письма Сенеки к Люцилию»** (СПб., 1893) и **«М. Аврелий. К самому себе. Размышления»** (СПб., 1895). Прозаич. переводы К. не лишены смысловых неточностей и стилистич. лакировки — «Краснов, не являясь филологом-профессионалом, а только знатоком древних языков и поклонником античности, не мог и не хотел заниматься филологическим дон-кихотством» (*Гаврилов А. К. Марк Аврелий в России // Марк Аврелий Антонин. Размышления. СПб., 1993. С. 163*). Вместе с тем они дают, однако, достаточное представление об оригинальных произведениях. Воспроизводятся и в наши дни: «Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий» (М., 1995), «Луций Анней Сенека. Письма о жизни и смерти» (М., 2011). В биогр. серии Ф. Павленкова К. опубликовал также ист.-лит. очерк **«Люций Анней**

Сенека, его жизнь и философская деятельность» (СПб., 1895; включен в сб. «Сенека. Декарт. Спиноза. Кант. Гегель: Биографические повествования». Челябинск, 1996; 2000). Опираясь на нем. и франц. источники (из отеч. историков литературы в библиографии упомянут В. И. М о д е с т о в), К. рисует образ толерантного по природе и эпикурейскому воспитанию философа-стойка, цельного и обаятельного гуманиста, «светлого луча на темном фоне разврата и продажности эпохи императоров». Протестуя против «неспособности германского духа понять романскую добродетель», К. защищает Сенеку от традиционных обвинений в интриганстве и корыстолюбию: «Неужели можно вменить в преступление человеку, что он не оставляет лежать свой капитал мертвым?». Мнения рецензентов об этой биографии разошлись: по впечатлению Н. А. Г е л ь в и х а, образ Сенеки в ней чрезмерно идеализирован: «Краснов вводит читателя в античность через парадный вход, избегая заднего двора, и характеризует Сенеку в основном положительно» (ФО. 1896. Т. 10. С. 31), а рецензенту «Русской мысли» (1896. № 1. С. 8) образы римск. стойка и его эпохи, напротив, показались бледными и недостоверными. Обращался К. также к переводам европ. поэзии (Байрона, Шекспира, Гейне и др.; частично представлены в сб. К.: **Из западных лириков**. СПб., 1901). Опубликовал немало популярных статей по вопросам педагогики и истории рус. литературы (о творчестве Фета, Тютчева, Полонского, Пушкина и др.). Редактор однотомных полных собраний сочинений Пушкина (СПб., 1901) и Жуковского (СПб.; М., 1909) с жизнеописаниями поэтов. В течение многих лет К. выступал как лит. критик (под различными криптонимами: К. С-ский, К. Мариинский, С. Полянин, С. Полякин, Шмелёв и др.): в книжках «Недели» ему принадлежит большинство рец. на книги антич. тематики. Н. Т. Ашимбаева

(РП. Т. 3. С. 135), впрочем, находит критич. оценки К. (особенно творчества декадентов) довольно поверхностными и банальными, «стоящими в ряду расхожих суждений легкой газетной критики». Перу К. принадлежит еще ряд очерков по социальным и экономич. вопросам; наиболее значительный из них: **«Сибирь под влиянием рельсового пути»** (СПб., 1902).

Литература: Будагов М. Л. Семидесятилетие Благородного пансиона и Петерб. Первой гимназии. 1817–1892. СПб., 1895; Сухарев Н. П. Н. Краснов: биограф. очерк // Новый мир. 1902. № 79 ♦ Прозоров; Венгеров (Источники, Список); РП (библ.); Воронков; Свиясов; Шруба; Филол. ф-т 2008.

Архивы: Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров); ОР РНБ. Ф. 118, 124 (П. Л. Ваксель), 459 (Максимовы), 703, 763, 874 (С. Н. Шубинский); ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петербург. ун-т; Оп. 3. студ. д. № 23 963), 114 (Петербург. 1-я гимназия).

В. П. Смышляева

КРАУЗЕ Владимир Маркович

KRAUSE V. M.

[1858, г. Красный, ныне поселок Смоленск. обл. — до 1905, Иркутск?],
филолог, переводчик, литератор

Сын провизора. По окончании Могилёвской гимназии (1877) недолго занимался в Неж. ИФИ (1877–1878), из которого перевелся в Петерб. ИФИ (1878–1881). После выпуска преподавал древние языки и логику в Омской гимназии (1881–1884); в эти же годы принимал участие в экспедициях по Сибири (чл. РГО с 1885); затем в Казан. 3-й гимназии (1884–1886). С 1886 служил в Варшаве — первоначально в Прагской гимназии (предместье Варшавы), затем в канцелярии генерал-губернатора. С 1889 по 1892 занимал

должность инспектора Рижского УО, затем вышел в отставку и пробовал себя в профессиональной журналистике: в 1894–1896 выступал редактором ж. «Семьянин». В 1897 вернулся на пед. службу (инспектор Петерб. 7-й гимназии), но через год был привлечен к суду по уголовному делу (РГИА. Ф. 733. Оп. 166. № 35) и выслан в Иркутск.

Обширный список выпущенных К. изданий и переводов древних авторов, пособий, худож. сочинений указывают на целеустремленность и трудолюбие, не подкрепленные, впрочем, лит. и науч. одаренностью, а также критичностью к собственным трудам. О первых его публикациях рецензенты отзывались поощрительно. В отклике на составленный «по образцу прекрасных немецких словарей Аутенрита <G. Autenrieth> и Зейлера» **«Гомеровский словарь к “Илиаде” и “Одиссее”**» (СПб., 1880; доп. к словарю опубл.: ЖМНП. 1881. Янв.) и, очевидно, под присмотром Г. К. Шмидта (благодарность последнему выражена в кратком введении), И. Мейер (ЖМНП. 1881. Сент.) не поспешил на перечисление огрехов на страницах этого — еще студенческого — труда, в частности, на колебания при передаче окончаний имен собственных вроде Гефестос, но Патрокл; Хариса, но Хариты, а также эразмовой и рейхлиновой манеры произношения и т. п. Вместе с тем рецензент заключал, что составитель занимался словарем «с любовью и с пониманием своей задачи». Рецензент 2-го доп. изд. словаря (СПб., 1896; в 2012 «Либрокомом» выпущено 3-е изд. этого словаря, помеченное вторым) Г. Г. Зоргенфрей (ФО. Т. 13. 1897) к неясностям смысла, «шатаниям в произношении собственных имен» и непроверенным ссылкам отнесся строже. В 1881 Э. Э. Кесслер поддержал К. (возможно, своего бывшего ученика по Могилёвской гимназии) авторитетным участием в совместном сб. **«Упражнений в переводе с русского на латинский**

с примечаниями для высшего класса гимназий по Radtkes Materialien zum Übersetzen ins Lateinische» (СПб., 1881; по нему еще в 1901 со студентами Варшавского ун-та занимался О. Базинер, см.: ВУИ. 1902. № 6). Назначенный в глухую провинцию, К. не оставил лит. занятий, издав «в точном переводе на русский язык» части поэм Гомера (**Поэмы Гомера. «Илиада» и «Одиссея»**. Ч. 1. Омск, 1884) и «Батрахомиомахию» [**Война мышей и лягушек. Поэма, приписываемая Гомеру, Пигреса**. Омск, 1884; перевод, «не обладающий литературными достоинствами» (ЖМНП. 1886. Авг. С. 66)]; работа над прозаич. переводом Гомера была продолжена им в Казани. К началу 1890-х переводческая плодовитость К. вызвала уже дружное неодобрение: ун-тские и лит. критики были единодушны в иронич. оценке переводов К., указывали на пробелы его филол. подготовки и недостаток лит. вкуса.

Дополнительный повод для насмешек давали и «громогласные» вступления К.: так, предваряя перевод кн. I «Илиады» (**Поэмы Гомера. I: Илиада. Рапсодия первая**. СПб., 1893. С. I–III), К. заявил, что Н. И. Гнедич лишь извратил «поэму высокопарным штилем и ходульным пафосом» и что «русская литература не имеет до сих пор ни одного мало-мальски удовлетворительного перевода», предложив далее неуклюжий собственный вариант: «Злобу воспой, о богиня, Пелеевича Ахиллеса / Гибельную — ту, которая тьмы навлекла на ахейцев страданий, / Много душ сильных в жилище Аида низвергла, / Их же самих обрекла растерзанью позорному псами, / Также пернатыми всякими...». Этот опыт соперничества с Гнедичем в обзоре «Сев. вестн.» (1894. № 4. С. 45–46) был оценен как «полное невежество плюс крупная наглость», а сам К. как «еле грамотное, зазубрившееся латынью, завистливое и бездарное ничтожество». Уничжительна и рец. В. А л е к с е в а? в «Новом времени»

(1894. № 6464). Ф. Аристархов (ФО. 1894. Т. 6. С. 187–195), который подверг критике перевод К. **«Софокл. Филоктет»** (Пантеон литературы. 1893. № 2 и отд.) за искажение смысла (напр., ст. 1113–1115: «О увидеть бы / Схитрившего столько же времени / В доле горькой моей»), за языковые нелепости и тяжеловесный ямб с неправильными цезурами и иктами на безударных словах (602: «которые мстят за́ / преступные дела»); рец-т советовал переводчику не воскрешать Тредиаковского и «при отсутствии чутья к стихотворной форме» остаться при прозе, а не издавать «пародии на стихи». «Бесталанным произведением» назвал этот перевод и В. Аппельрот в отзыве на хрестоматию Алексеева (ФО. 1895. Т. 9. С. 39; подпись: Вл. А.).

В Казани К. задумал масштабную гимназич. серию «Греческие и латинские классики» («Scriptores Graeci et Latini cura Volodimeri Crause in usum scholarum editi»), надеясь, очевидно, привлечь к проекту известных филологов (прежде всего, своих наставников по Петерб. ИФИ); но лишь О. А. Шебор предоставил ему

свои избранные оды Горация (СПб., 1890). Сам К. подготовил для этой серии (без заметных новаций) несколько текстов греч. прозаиков, в т. ч. «Платон. Лакет, диалог о мужестве» (Казань, 1885), «Демосфен. Политические речи I–XVII» (Казань, 1886), «Геродот. История. II, V–IX» (СПб., 1890) и «Речь Ликурга против Леократа» (СПб., 1891). В библиогр. обзорах и рец. (ЖМНП. 1886. Июнь. С. 25–26; 1890. Авг. С. 73 и др.) одобрялись аккуратность редакции текста (по германским изданиям) и живо написанные вступления, но была отмечена неряшливость комментария и «лексикончиков». Руководством МНП настойчивость К. неоднократно поощрялась: некоторые из его изданий рекомендовались для использования в гимназиях, в 1885 К. получил командировку в Париж для изучения рукописи «Батрахомиомахии» [от этой попытки науч. деятельности осталась небольшая статья «Палатинская рукопись *Batrachomyomachiae*» (ЖМНП. 1887. Июль)]. По службе К. не раз переводился с повышениями. В письме 1888 И. В. Помяловскому (ОР РНБ. Ф. 608. № 893. Л. 1) К. ссылался на положительную оценку своих «усилий» Н. М. Анничковым. О неприглядных сторонах характера К. — высокомерного и злопамятного инспектора с манерами «пошлого» нищееанца, надоедавшего учителям «хуже инфлюэнцы» — в «Педагогических воспоминаниях» рассказывает директор Рижской Александровской гимназии Е. Белявский (М., 1905. С. 159–164). В течение всей жизни К. печатался и в общественно-лит. журналах (эконом., геогр., ист. очерки, фельетоны, святочные рассказы и пр.), попробовал себя даже в роли драматурга: комедия «*Ксантиппа жена философа*» (Казань, 1886) и драматич. тетралогия «*Агариста; Мегакл*» (Рига, 1892).

Предположительный год смерти К. в изданиях Петерб. ИФИ (Пам. книжки СПбИФИ. 1912; Латышев) весьма разнится: 1901 и 1910 (опечатка?).

Е. Белявский в «Педагогических воспоминаниях» упоминает о К. уже как «окончившем дни свои позорным образом на острове Сахалине».

Литература: Пам. книжки СПбИФИ 1887 и др.; Белилин В. А. Двадцатипятилетие Казанской Третьей гимназии. 1871–1896. Казань, 1896 ♦ Венгеров (Список); Латышев (библ.); Воронков.

Архивы: Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский).

В. П. Смышляева

КРАШЕНИННИКОВ Михаил Никитич

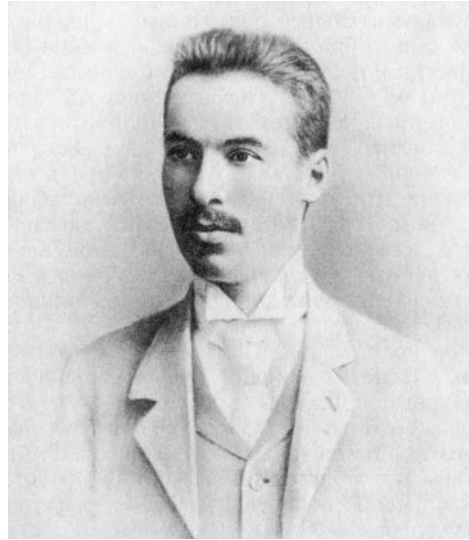
KRASCHENINNIKOV /
KRAŠENINNIKOV M.

[4(16).1.1865, Великий Новгород — 21.1.1932, Семипалатинск, Казахстан], филолог, эпиграфист, византист

Из семьи учителя. Начальное образование получил в приходском и уездном уч-щах Череповца. С 1875 по 1883 обучался в Кронштадтской гимназии (зол. медаль). Отказавшись от направления в Лейпц. ФС, поступил на ИФФ Петерб. ун-та (1883–1887). По окончании курса был оставлен при каф. классич. филологии для приготовления к профессорскому званию. Магист. дис. «*Римские муниципальные жрецы и жрицы*» (защита: Петерб. ун-т, 1891). В 1892–1894 стажировался в обл. эпиграфики и палеографии (Италия; выезжал за границу в 1896 и 1897–1898). После защиты докт. дис. «*Августалы и сакральное магистерство*» (Петерб. ун-т, 1895) и недолгого преподавания в Петерб. ун-те (прив.-доц.) получил приглашение в Юрьевский ун-т (янв. 1896, на место В. Гёршельмана): экстр. проф., орд. проф. (1898) по каф. древнеклассич. филологии и истории литературы, декан ИФФ (1907–1915); исполнял также

должность ректора в 1914–1915. Чл. РАО (1896). Летом 1918 в числе рус. профессоров Юрьевского ун-та эвакуировался в Воронеж: проф. каф. классич. филологии, затем общего языкознания (зав. кафедрой) Воронежского ун-та. Преподавал также в местном филиале Моск. археол. ин-та (1920–1922). В сент. 1929 вышел на пенсию, спустя год был арестован по делу «монархической организации краеведов». Осужден и выслан на пять лет в Казахстан, умер в ИТЛ (дата и место смерти указаны по статье: *Акиншин, Немировский*. С. 34).

Обращению К. к эпиграфике и палеографии способствовали науч. успехи его наставников И. В. Помяловского и В. К. Ернштедта; в автобиогр. справке К. причислял к «ближайшим учителям» еще П. В. Никитина и К. Я. Люгебилья (БС Юрьев. ун-та. С. 437). Внимание профессоров привлекли уже студ. работы К., получившего золотые медали за сочинения «Африка под римским владычеством» и «Г. Азиний Поллион как государственный деятель и литератор». Магист. труд К. «Римские муниципальные жрецы и жрицы» (СПб., 1891; нем. резюме в форме отклика на заметку Ф. Ф. Зелинского см.: *Philologus*. 1892. Bd. 51) заслужил уважение не только отеч. эпиграфистов. «Прекрасным сочинением школы Помяловского» назвал его И. В. Нетушил (ОР РНБ. Ф. 608. № 1054. Л. 31), а Ю. А. Кулаковский по прочтении труда К. недоумевал, «на чем оппоненты могли создать диспут» (РНБ. Ф. 608. № 907. Л. 32). В первой его части («Классификация и титулатура муниципальных жречеств») на основании эпиграф. источников (по изданиям Моммзена, Гербста и Дессау) К. представил перечень жрецов (понтифика, авгуры, фламины, гаруспики, жрецы имп. культа и культов др. божеств) с уточнением их функций; во второй («Общие черты муниципальной жреческой организации») очертил компетенции и некоторые характеристики (пол, возраст, социальное

происхождение) муниципальных жрецов. В заключении поместил значительный список собственных «новых чтений». Оппонировавший ему Зелинский (ЖМНП. 1892. Янв.) оценил дис. как «выдающееся и драгоценное сочинение» и, преодолев предубеждение против ее избыточной фактографичности, хвалил «многодержательную простоту и спокойную dignitas» труда К. Сомнения по поводу постулируемых К. различий столичного и муниципального культа оппонент отнес на счет «загадочной подчас сжатости» изложения (во избежание «профанации» К. и впоследствии предпочитал обходиться без перевода и концептуальных выводов). После некоторых замечаний к толкованию терминов (вроде *sacerdos publicus*) Зелинский заключил: «На каждой странице нашей книги можно найти результаты, с которыми римская эпиграфика и в особенности молодая еще наука об организации римского государства должны будут считаться» (С. 238). Нашло одобрение специалистов и обоснование временем Веспасиана закона об учреждении культа императора в Нарбонской Галлии

и Бетике — «**Über die Einführung des provinziellen Kaiserkultes im römischen Westen**» (Philologus. 1894. Bd. 53). После первых успехов К. получил возможность совершенствовать эпиграф. практику в архивах Европы. В Италии 1892–1894 он подружился с Вяч. И. Ивановым, которого поддерживал в работе над «историко-антикварной» диссертацией (Бонгард-Левин Г. М. В. Иванов: «Я пошел к немцам за настоящей наукой» // ВДИ. 2001. № 3. С. 155, 162), за этим последовало охлаждение, вызванное сватовством К. к бывшей жене поэта.

Перспективного эпиграфиста поддерживали: Помяловский способствовал зарубежным командировкам К., а Ернштедт — его публикациям; в «ЖМНП» 1890-х регулярно выходили написанные в своеобразном стиле отчеты К. о науч. занятиях в форме «**Эпиграфических этюдов**»: «**I. К прозаическим надписям**» (1892. Дек.), «**II. К метрическим надписям**» (1893. Май–авг.), «**III. К прозаическим надписям**» (1895. Май–июнь).

Эпиграфич. этап биографии К. увенчивала дис. «Августалы и сакральное магистерство: исследование в области муниципального права и древностей» (СПб., 1895; отклики на диспут: Новое время. 1895. № 7074; Новости. 1895. № 307; ИВ. 1896. № 1). Основной тезис работы в формулировке автора: «В сакрально-юридическом отношении магистерство явилось коррелятом жречества <...>, в социально-политическом — оно было суррогатом общественной магистратуры или жречества для целой массы обездоленного населения, в политико-экономическом отношении оно являлось одним из главных источников муниципальных доходов» (С. 138). Эти выводы читателям предлагалось извлечь из специальной эпиграфич. части сочинения.

На сей раз Зелинский отнесся строже к «догматическому методу изложения» К.: титулатура сакральных магистратов не столь очевидна, как в случае жрецов,

к тому же «произвольно» расширена автором, потому требует пояснений в тексте. Высказал он претензии и к «внешней физиономии» книги — сложности выносок, шрифтов, цифровых обозначений: «Есть много неудобочитаемых книг; но их неудобочитаемость является последствием неспособности или неряшливости авторов. У г. Крашенинникова совсем не то; обладая ясным, логически вышколенным умом, он потратил много времени и труда на то, чтобы читателю было как можно труднее разобраться в его книге» (ЖМНП. 1896. Февр. С. 413). К промахам Зелинский отнес еще привлечение делоских и кампанских параллелей, гипотезу об участии рабов в сакральном магистерстве, некоторые этимологии и «неудачные покушения» К. на остроумие (ЖМНП. 1896. Февр.; см. также отзыв Зелинского и Помяловского в прил. к «Протоколам Петерб. ун-та за 1895» с высокой оценкой третьего раздела работы и сожалениями о не «особенно приличной полемике» и «заносчивом тоне» К.). На докт. диспуте резче обозначилась склонность К. к эпатажу; по отзыву расположенного к «темпераментному» ученику Ернштедта, К. «как войдет в раж <...>, то хоть святых выноси» (цит. по: Куклина И. В. В. К. Ернштедт: обзор переписки с учеными и современниками // МРВ. С. 432). Прямее высказался Б. В. Варнеке (Варнеке. 2013. № 4. С. 137): вызывающая «наглость» К. настроила против него и др. участников диспута. Неприятное впечатление усугубилось напечатанным после защиты «ответом» Зелинскому: «**Странный ученый, или Как и кем иногда пишутся “ученые” рецензии**» (Учен. зап. Юрьев. ун-та. 1896. № 4), который был напичкан ядовитыми выпадами. «Антикритика» К. не унизила ее адресата — Зелинский впоследствии поминал К. как «хорошего ученого, но страшно тщеславного» и даже лестно противопоставлял его двум другим своим хулителям В. И. Модестову и Н. И. Новосадскому (см.:

Древний мир и мы. Вып. 4. С. 148), зато повредила репутации самого К. Его наставникам, прежде всего Помяловскому, приходилось заглаживать и др. эскапады К., который то грозился из-за отсрочки с ординатурой оставить Юрьев, чтобы не «служить игрушкой для г. Аничковых» (ОР РНБ. Ф. 608. № 894. Л. 55), то просил замолвить за него словечко перед тем же Аничковым по поводу заграничной командировки (Там же. Л. 57 об.). Раздражение от подобных выходов К. воспрепятствовало его перемещению на петерб. каф. в 1896 и 1901, несмотря на поддержку Помяловского и Ернштедта (см. архив С. Ф. Платонова: ОР РНБ. Ф. 585. № 2887. Л. 46 об.).

О той же вспыльчивости свидетельствует сердитая заметка в конце этюда К. «Влюбленность и ее лечение в древности и теперь: психопатологический этюд» (Юрьев, 1899): задетая вольностями доклада на эту тему «жалкая кучка местных обывателей» — по выражению К. — «подняла гвалт», а само выступление спровоцировало отклик «анонимного пасквилянта».

В Юрьеве К. нашел сочувствие своим занятиям у Л. Мендельсона, однако их сотрудничество оказалось недолгим: после смерти выдающегося дерпт. коллеги К. доработал для печати его труд «Aristeae quae fertur ad Philocratem epistulae initium...» (Юрьев, 1897). Увлеченный «утраквист», комментировавший как греч., так и римск. авторов, К., подобно другим отеч. специалистам по лат. эпиграфике (И. В. Цветаев, И. И. Холоняк), испытал разочарование от невостребованности этих занятий в России. Продолжая публиковать эпиграфич. заметки (в их числе см. обстоятельную рец. на издание Холодняком лат. эпитафий: **Новый сборник произведений латинской эпиграфической музыки** // ЖМНП. 1898. Март–апр.), К. все чаще обращался к занятиям визант. палеографией. Лат. палеографией К. стал заниматься еще с нач. 1890-х гг., о чем свидетельствует

помещенная в Στέφανος статья «**К вопросу о годе рождения Теренция**» (о палеограф. равноценности *vicesimum* и *trigesimum*), как и «**Неизданное письмо Иоанна Грозного к императору Максимилиану II**» (ЖМНП. 1896. Янв.–февр.; издание лат. рукописи с переводом на рус. язык и комментариями).

Что касается замысла издать труды Прокопия Кесарийского, которым К. интересовался еще в период своей работы над докт. дис., то здесь, может быть, сказалось впечатление от 2-го изд. «Истории войн» Прокопия в переводе С. Ю. Дестуниса. В 1890-е К. сличает рукописи Прокопия (в т. ч. не включенные еще в науч. оборот Ватиканскую и Парижскую), публикует комментарии к ним (полемика с Я. Хаури, отдавшим приоритет флорент. кодексу, слишком интерполированному, по мнению К.) и в ряде статей предлагает собственную стемму рукописного предания Прокопия: «**О рукописном предании “Тайной истории” Прокопия**» (ВВ. 1895. Т. 2); «**К рукописному преданию “Ἐπὲρ τῶν πολέμων” Прокопия Кесарийского**» (Commentationes philologicae); «**Procopiana I–II**» (ЖМНП. 1898. Май–июнь; 1899. Сент.–окт. — список конъектур к тексту Прокопия); «**К критике текста второй тетрады “Ἐπὲρ τῶν πολέμων” Прокопия Кесарийского. Введение: краткий обзор рукописного предания и стемма рукописей**» (ВВ. 1898. Т. 5) и др. Издание корпуса текстов Прокопия К. начал с «Тайной истории» («Arcana historia» или «Anecdota») — «**Procopii Caesariensis opera omnia. Vol. V: Anecdota quae dicuntur**» (Учен. зап. Юрьев. ун-та. 1899. № 2, 4 и отд.). В рецензиях отмечались систематичность, палеограф. и критич. мастерство издателя, «обнаруживающего весьма близкое знакомство с языком и стилем издаваемого им автора и тот дар дивинации, который так необходим при воссоздании текста, часто искаженного

невежественными переписчиками» (С. П. Шестаков — ВВ. 1900. Т. 7. С. 701). За этим условно пятым томом собрания должно было последовать издание «Истории войн», которое не состоялось: «Произведено было сличение чуть ли не всех рукописей Прокопия, но их обработка затянулась, а тем временем в 1906 появилось лейпцигское издание J. Naury с учетом обнаруженного им в 1898 древнейшего и лучшего кодекса» (*Жебелёв С. А.* Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в современной науке // ВДИ. 1938. № 4. С. 17). В автобиогр. справке 1902 К. еще оптимистично излагал перспективы своего издания Прокопия: «Третий и четвертый <тома>, содержащие “De bellis libri V–VIII”, заканчиваются печатанием и выйдут в свет в 1903 году; сверх того печатается и первый том “De bellis libri I–II”» (БС Юрьев. ун-та. С. 438); следы его работы сохранились и в фондах СПбФ АРАН (Медведев 2006. С. 114).

Рукописями «эксцерптов» Константина Багрянородного К. занялся, видимо, с намерением опубликовать их; он начинал сличать кодексы уже во время командировки 1897, выписывал некоторые из них в Юрьев, но не довел работу до печати, опубликовав ряд статей о рукописной традиции «эксцерптов» при «неуклонной полемике» с издателем К. де Боором: «**О рукописном предании Константиновых извлечений о послах**» (ВВ. 1901. Т. 8; 1903. Т. 10), «**К истории вопросов о рукописном предании константиновских извлечений περὶ πρῶσεων**» (ЖМНП. 1905. Окт.; 1906. Янв.–февр.) и др.

К. отдал дань и агиограф. публикациям в статьях «**Joannis Hagioclitae de passione Sancti Basilii**» (Юрьев, 1907) и «**Sancti Abramii, archiepiscopi Ephesii, sermones duo**» (Учен. зап. Юрьев. ун-та. 1911. № 9–12). С начала 1900-х главным науч. жанром К. становятся критико-экзегетич. «сатуры» — собрания

толкований мест из лат. и греч. авторов (Солон, Аппиан, Катулл, Полибий, Плиний Старший, Прокопий и др.). Под общим заглавием «**Varia**» (I–LXV) они публиковались в «ЖМНП» за 1896, 1898, 1902–1904, 1913 и 1916. Большею частью это текстологич. размышления К. по поводу различных пассажей из авторов, о которых ему приходилось рассуждать в аудитории или за письменным столом. Эти этюды свидетельствуют о его палеограф. эрудиции, но и о неугасимом обличительном пафосе — в эти годы его мишенью остается де Боор.

В прогрессирувавшем творческом кризисе К., помимо неблагоприятных для эпиграфиста провинциальных условий и ухода из жизни поддерживавших его Ернштедта и Помяловского, отразились и некоторые черты личности самого К., на неорганизованность которого жаловался его коллега по Юрьеву Г. Ф. Церетели (см.: *Фихман И. Ф.* Г. Ф. Церетели в петербургских архивах: портрет ученого // АРВ. С. 243). Профессорская карьера К. в Юрьеве сложилась в целом успешно: заведование кафедрой, деканство, замещение должности ректора, когда ему случилось бороться с планом эвакуации Юрьевского ун-та в Пермь, что напоминало ему «укоренение пальмы в тундре» см.: «**Речь по вопросу об эвакуации Юрьевского университета**» (Юрьев, 1916). Переезд в Воронеж, послереволюционная разлука, отсутствие науч. литературы, большая часть которой осталась в Эстонии, вечные реорганизации учеб. программ (когда К. приходилось разрабатывать новые для него курсы по языкознанию, истории западноевроп. литературы, этнологии), видимо, окончательно погасили его науч. энтузиазм, хотя Церетели и слал товарищу в Воронеж материалы для работы над совместным изданием хроники Петра Александрийца, чем оба они занимались еще в Юрьеве (*Медведев И. П.* В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // АРВ. С. 387).

Не осуществилось и задуманное К. издание сочинения Константина Багрянородного «Об управлении государством», которое он надеялся предпринять совместно с С. Н. Введенским (1867–1940) — преподавателем и библиотекарем Воронежского ун-та и краеведом Черноземья в 1920-е. Приглашением на работу в Ватиканскую б-ку, переданным ее префектом Дж. Меркати через Церетели, К. уже не мог воспользоваться, хотя молодым и мечтал после отставки «сложить свои кости» в Риме. Воронежским студентам запомнился необычной для провинции эрудицией и оригинальностью, включая «слабость» к кошкам.

В июне 1929, вынужденный публично объясниться за недостаточную насыщенность своих лекций марксизмом и марризмом, К. выступил с прощальной «издевательской» речью; по его собственному признанию, он «не оставил без соответственных выражений и опровержений» ни одного замечания оппонентов, так что «публике в тот вечер пришлось немало посмеяться» (*Акинъшин, Немировский*. С. 44). В тех обстоятельствах выступление К. было воспринято его коллегами с раздражением: Введенский в письме от 15.7.1929 (ОР РНБ. Ф. 585. № 2474. Л. 15 об.) опасался, что «утративший связь с реальной жизнью» К. «много попортил» своими сарказмами профессорам бывшего Юрьевского ун-та; приходится отметить, однако, что как раз общ-во краеведов, возглавляемое самим Введенским, через полгода увлекло их обоих в пучину репрессий.

Литература: Веселовский; Петухов; Античная эпиграфика в СССР за 20 лет (1917–1937) // ВДИ. 1938. № 4; *Акинъшин А. Н.* Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Русская провинция. Записки краеведов. Воронеж, 1992; Скифский роман; *Анфертьева А. Н.* М. Н. Крашенинников: к портрету ученого и человека // РНВ. С. 375–419 (библ.); *Акинъшин А. Н., Немировский А. И.* Михаил Никитич Крашенинников — историк литературы и педагог // Вестн. Воронежского гос. ун-та.

Гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 33–47; *Медведев И. П.* Об одном неосуществившемся проекте издания житий Константина Великого в «Византийском временнике» // «Albo dies notanda lapillo»: коллеги и ученики Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005; *Старостин Д. Н.* Рукописное наследие М. Н. Крашенинникова и практика издания византийских текстов в дореволюционной России // *Byzantinoslavica*. 2008. Т. 1–2. С. 21–38 ♦ Прозоров; Брокгауз; Венгеров (Источники, Список); БС Юрьев. ун-та; Петухов; Черняев; Воронков; Бузескул 2008; Воронежская энциклопедия. Воронеж, 2008. Т. 1; Тункина 2017.

Архивы: *Личные фонды:* СПбФ АРАН. Ф. 1117; *Отд. документы и письма:* СПбФ АРАН. Ф. 36 (П. В. Никитин), 84 (А. В. Никитский), 192 (В. Н. Бенешевич), 733 (В. К. Эрнштедт), 107 (Х. М. Лопарёв) и др.; ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петерб. ун-т); РГИА. Ф. 740 (Деп. общественных дел); ОР РБН. Ф. 585 (С. Ф. Платонов), 608 (И. В. Помяловский).

В. П. Смышляева

КРЕШЕВ Иван Петрович

KREŠEV I. P.

[1824, Петербург — 21.3(2.4).1859, там же; Большеохтинское Георгиевское кладб.], журналист, переводчик, поэт

Из дворян. С 1831 обучался в Петерб. 2-й гимназии, с 1839 — в Петерб. ун-те (вольнослушатель филос. ф-та, затем студент юридического; см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. № 4772; Оп. 3. № 6009). По окончании курса (1845, д. студент) жил лит. заработками, сотрудничая в многочисленных, вплоть до третьесортных, журналах и газетах, где выступал во всех жанрах — от фельетона до подписей от лица Марьи Петровны к «модным картинкам». Непосильный труд (поддерживал больных сестер и мать) и бедность рано подорвали его здоровье; он закончил жизнь в отделении умалишенных Обуховской больницы.

Лит. способности К. были замечены в гимназии: И. С. Тургенев, посещавший вечера у П. А. Плетнёва, вспоминал, что о стихах К. на них говорили еще в 1837 (Литературные салоны и кружки первой половины XIX в. М., 2001. С. 182). С 16 лет публиковал свои опыты и переводы в лит. альманахах. Хорошее знание лат. языка он получил у Н. Ф. Белюстина и И. М. Грацилевского, а позже имел возможность пополнить свой филол. багаж на семинарах Ф. К. Фрейтага в ун-те. Поэтич. талант К. всю жизнь подпитывали его переводы из римск. поэзии, что отразилось в мотивах и стиле оригинальной лирики К. — таковы стихотворения «Фавн», «Гроб Анакреона», «Теокрит», «Дриада» и др. «Ориентация на антологическую лирику <...> придает стихам К. пластическую уравновешенность и некоторую книжность; лирические сюжеты он берет из античного мира или из области искусства» (*Немировская* Ю. А. — РП. Т. 3. С. 151). Переводы од Горация, из которых лишь немногие были опубл. в «БдЧ» и «СО» при жизни переводчика, стали для «литературного раба» желанным отдыхом от поденщины; впрочем, именно они получили признание у лит. критиков и ун-тских филологов. По оценке их издателя Н. В. Гербеля (см. его вступ. статью к сб. **«Переводы и подражания И. П. Крешева»**. СПб., 1862), переводы К. выросли из «не утраченных впечатлений доброшкольного времени и подавленной жизни»; лучше других в «Переводах и подражаниях» представлен Гораций (19 од и 2 эпода). По оценке издателя (Там же. С. 1), «более удачных переводов Горация не было в нашей литературе. Даже талантливый Фет стоит в этом отношении ниже скромного поэта, неизвестного большинству читателей». Высоко оценивал переводы К. его последователь П. Ф. Порфиоров (Лирические стихотворения Квинта Горация Флакка. СПб., 1902. С. 12–13), осуждая

лишь пристрастие К. к звучной рифме. Близкий Фету по свободной переводческой манере, К. не воспроизводил полиметры Горация и сглаживал его смысловые «грубости». Присуждая Фету Пушкинскую премию за перевод Горация (см.: Отчет о присуждении Пушкинской премии в 1884. СПб., 1884), комиссия, с участием И. В. Пойаровского, отметила, что некоторые переводы Фета уступают крешевским. Я. К. Грот хвалил К. за «внимательное изучение подлинника», за владение стихом и «поэтическое чутье»; «по близости к подлиннику, по выдержанности тона, по легкости и гармонии стиха переводы К. далеко оставляют за собой переводы предшественников», писал он, прибавляя, впрочем, что превосходство К. над Фетом «отмечается лишь в немногих местах» (Присуждение Пушкинской премии в 1884 // ЖМНП. 1884. Дек. С. 73). По суждению А. В. Успенской (Античность в русской поэзии второй половины XIX в. СПб., 2005. С. 224–225), К. понимал Горация хуже Фета; известно, однако, что Фету в толкованиях лат. текста помогали отличные латинисты.

Образец перевода К. (ода I, 9): «Смотри как пеленой снегов белеет темя / Соракта: слабые леса, склонясь, едва / Густого инея поддерживают бремя, / И льдом закована речная синева. / Смягчи же стужу, друг! На очаге вели / Раскинуть хворосту, да не скупясь диоту / Сабинского вина достань из-под земли / Четырехлетнего. А лишнюю заботу / Оставь богам...»

Переводы К., изящные и стилистически приближенные к лучшей современной поэзии, считались образцовыми вплоть до начала XX в., когда стали утверждаться идеалы «буквального» филол. перевода; некоторые из них воспроизводятся в современных приложениях к изданиям римск. поэзии (*Гораций*. Оды. М., 1970 и др.). Перевел К. также несколько элегий Проперция и стихотворение

Катулла (11: «...Пускай блесит она средь новых / Друзей; для сердца не избрав / Ни одного, пускай в оковах / Растрит их сладостью отрав, / Но пусть моей любви воспетой / Не ждет, сразив ее виной... / Так блекнет в поле цвет, задетый / Неосторожной бороной»). Переводил К. и поэтов Нового времени — Байрона, Гёте, Шиллера. Среди нужды и унижений «литературного пролетария», в т. ч. со стороны покровителей-редакторов (некоторые эпизоды отношений К. и А. А. Краевского приводятся В. Г. Белинским в письмах Боткину и Анненкову — см.: Белинский. Т. 9. С. 663, 672), судьбоносным для К. оказалось сближение в последние годы жизни с известным востоковедом и литератором О. И. Сенковским. Воодушевленный вниманием светила своей университетской юности (о лекциях Сенковского, «звезды первой величины» на ИФФ Петерб. ун-та, высоко отзывались В. В. Григорьев и Н. М. Благовещенский — см.: Григорьев. С. 74 и примеч. 120), К. даже приступил к изучению вост. языков. Смерть Сенковского и обвал связанных с его покровительством надежд оказались непосильным испытанием для уже расстроенного сознания К.; удар был усилен напечатанной в «Иллюстрации» (1858. № 13) уничижительной критикой на его воспоминания «**Лепта на треножник памяти О. И. Сенковского**» (СО. 1858. № 11).

Литература: Крешев И. П.: некролог // Рус. инвалид. 1859. № 75, 77; П. А. Анненков и его друзья: литературные воспоминания и переписка 1835–1885 гг. СПб., 1892. Т. 1; Busch ♦ Григорьев; Нагуевский; Брокгауз; Венгеров (Источники, Список); РБС; Черняев; Воронков; РП (биб.); Свиясов; Геннади 2006; Саитов 2006.

Архивы: Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Ф. 134 (А. Ф. Кони), 583 (А. В. Старчевский); ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петерб. ун-т); ОР РНБ. Ф. 179 (Н. В. Гербель), 438 (Лит. фонд).

В. П. Смышляева

КРУГ Филипп Иванович

KRUG Johann Philipp

[29.1.1764, Галле (Халле), Бранденбург — 4(16).6.1844, Петербург; Смоленское лютеранск. кладб.], нумизмат, историк, археолог, специалист в обл. рус. и визант. хронологии

Детство и юность провел в родном Галле, принадлежавшем тогда Пруссии. Образование получил на богословском ф-те местного ун-та. В 1787 поступает на службу в семью маркграфа, отпославшегося к боковой линии Бранденбург-Шведта, в качестве домашнего учителя и чтеца. С 1791 — домашний учитель детей польск. полковника Курциуса в г. Калиш. Вместе с Курциусом, принявшим после второго раздела Польши рус. подданство, К. в 1794 переезжает в Россию. В 1795–1801 получает в Москве место учителя в доме гр. Е. Ф. Орловой, вдовы И. Г. Орлова. С 1803 в Петербурге; с 1805 — помощник хранителя б-ки Эрмитажа и адъютант по каф. рус. истории в ИАН. С 1805 по 1837 К. также заведует коллекцией рус. монет и медалей в Минцкабинете Эрмитажа под начальством Г. К. Кёлера. С 1807 — экстраорд. акад., с 1815 — орд. акад. ИАН. В 1817 назначен гл. хранителем б-ки Эрмитажа, но отказался от места. В 1832 получил чин д. стат. сов. Умер в 1844 от ушибов, попав под экипаж. Перед смертью передал свои рукописные материалы по истории Древней Руси А. А. Кунику.

Еще в детстве К. увлекся нумизматикой и начал собирать коллекцию монет и медалей: сначала только медных, потом, когда он стал так или иначе располагать необходимыми для этого средствами, — серебряных и золотых. Переехав в Россию, К. по предложению одного из родственников гр. Орловой обменял свое собрание на коллекцию рус. монет и с тех

пор коллекционировал только их. Именно изучение собственного собрания побудило его к самостоятельным занятиям рус. и церковнослав. языками, археологией и рус. историей. Об этом рассказывает А. А. Куник (Е.-Е. Kunick) во введении к изданной им книге К. «**Forschungen in der älteren Geschichte Russlands**» (Th. 1–2. SPb.; Leipz., 1848; SPb., 1848. Th. 1. S. X–XIII; сокращенный рус. перевод «Введения» Куника см.: *Биярский*. С. 10–12). Служа в семействе гр. Орловой, К. имел достаточно времени для своих ученых трудов, а также располагал доступом к богатой б-ке покойного И. Г. Орлова, в которой хранилось много церковнослав. и рус. рукописей, в т. ч. подаренных Екатериной II. Кроме того, К. завел многочисленные знакомства с коллекционерами, любителями и знатоками рус. древностей: проф. Моск. ун-та Ф. Г. Баузе, гр. А. И. Мусиным-Пушкиным и др. В конце концов К. задумал написать сочинение о рус. нумизматике и решил ехать в Петербург именно для того, чтобы ознакомиться там с Минцкабинетом Эрмитажа и некоторыми частными собраниями.

Первоначально К. не собирался оставаться в Петербурге надолго: по окончании своего труда о нумизматике он хотел вернуться на родину. Однако открывшиеся перед ним новые перспективы в науч. карьере заставили его переменить свое намерение. В 1804 было принято решение открыть в ИАН каф. рус. истории. По совету акад. А. К. Шторха К. представил в ИАН свое сочинение на нем. языке «**Einleitung in die Münzgeschichte des Russischen Reichs. Erster Zeitraum, vom Anfange des Staates bis auf die Regierung Wladimirs des I-ten**» (SPb., 1805). Эта работа доставила автору место адъюнкта на вновь создаваемой кафедре. В 1807 она вышла также в рус. переводе под названием «**Критические разыскания о древних русских монетах**». Книга получила положительные отзывы со стороны как российских (Н. М. Карамзин), так и иностр. (И. фон Миллер, А. Коцебу и др.) ученых; в их числе был и А. Шлёцер, высокая оценка которого была наиболее лестной для автора (см. подробнее: *Kunick*. Op. cit. S. XXXIV–LXXXVI; *Биярский*. С. 24–40; РБС. Т. 9. С. 452). В работе К. затронул многие важные вопросы древнейшей рус. хронологии. После того, как в 1806 К. представил в АН продолжение этого труда (**Рассуждение о гривне. Ч. 1: О гривне как ожерелье древних руссов**), он переключается с нумизматич. исследований на хронологические. В 1806–1807 К. делает в ИАН доклады: «Об источниках Нестора», «Проверка некоторых чисел в русских летописях», «Поправка хронологии в русских летописях первой половины XII в.». К сожалению, от большинства трудов К. в области рус. хронологии сохранились лишь отрывки (см.: *Kunick*. Op. cit. S. CCXXVI, CCXXXIV–CCXXXVI).

В 1810 издан гл. науч. труд К. «**Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere**

Geschichte Russlands». Было сделано два перевода книги на рус. язык, А. Федотовым и Д. И. Языковым: «Критический опыт в объяснении византийской хронологии, в особенности относительно к древней русской истории» (ОР БАН. Осн. хранение 27.1.60, инв. № 1705). Автор, однако, не позволил публиковать их до внесения сделанных им дополнений; в итоге они так и не были изданы. Этим трудом К. внес значительный вклад в пересмотр существовавших в науке взглядов на визант. и древнерус. хронологию; он, напр., точно определил дату крещения кн. Ольги в Константинополе (S. 214, 267–282), обосновал подлинность договора византийцев с кн. Олегом (S. 19, 79, 108–112) и т. д. Также и эта работа заслужила высокие оценки в период. печати (см.: *Kunick. Op. cit. S. XCVIII–CXXXIX*; РБС. Т. 9. С. 452–453). К сожалению, в России труд К. не нашел такого же признания, хотя некоторыми итогами его изысканий воспользовался, в частности, Н. М. Карамзин при написании «Истории государства Российского» (см. *Kunick. Op. cit. S. CXXXI*; *Биллярский. С. 50–52*).

Подобное невнимание к его трудам обижало и огорчало К. Оно стало одной из причин того, что после появления своего *opus magnum* он больше не напечатал ни одного большого сочинения, хотя продолжал науч. изыскания. Спокойный и тихий по складу характера, К. не был честолюбив; он не любил вступать в публичную полемику, отстаивая свои взгляды, и ограничивался обменом мнений в переписке и частных беседах. Еще одной причиной была высокая требовательность ученого к себе, а с приближением старости он уже был не в состоянии работать с прежним напором. Центральное место в исследованиях К. в последние десятилетия его жизни заняло изучение вопроса о происхождении варягов. Он тщательно проанализировал данные рус., визант., скандинавских, арабск. и западноевроп. источников, открыв несколько ранее

неизвестных свидетельств. Результаты этих исследований были опубл. только после смерти ученого А. А. Куником («*Forschungen in der älteren Geschichte Russlands*»). В итоге многие достижения К. долгое время оставались неизвестными науч. миру: напр., еще в 1806 он установил, что первоначальным источником «Повести временных лет» являлась «Хроника» Георгия Амартола; лишь в 1826 к тому же выводу независимо от К. пришел П. М. Строев.

К. входил в кружок знаменитого мецената канцлера гр. Н. П. Румянцева, был его другом и доверенным советником в науч. вопросах. Напр., он убедил Румянцева выделить средства на публикацию ряда важных визант. источников, в частности, «Истории» Льва Диакона, изданной в Париже К. Б. Газе (см.: *Медведев 2006. С. 33–60*). При поддержке К. по инициативе Румянцева и директора ИПБ А. Н. Оленина петерб. филолог-эллинист Д. П. Попов сделал первый рус. перевод сочинения Льва Диакона (изд. в 1820; см. *Медведев И. П. К истории создания первого русского перевода Льва Диакона // АΝΤΙΑΣΡΟΝ: к 75-летию академика РАН Г. Г. Литаврина / под ред. И. С. Чичурова. СПб., 2003. С. 86–98*). Одним из друзей К. был прославленный мореплаватель И. Ф. Крузенштерн, за которого К. неоднократно ходатайствовал перед Румянцевым.

Незадолго до смерти Румянцева подарил К. свою коллекцию рус. монет, стоившую больших денег. После кончины графа К. было предложено место директора Румянцевского музея, от которого он отказался в пользу А. Х. Востокова [подробнее о взаимоотношениях К. и Румянцева см.: *Румянцева 2016; Kunick. Op. cit. S. CLXI–CCX*; Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории // *ЖМНП. 1850. Ч. 65. Янв. С. 1–34* (рус. перевод извлечения из «Введения» Куника); *Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981*].

В 1829 К. участвовал в снаряжении археол. экспедиции П. М. Строева, которая стала поводом для основания Археогр. комиссии; именно он предложил выделить на экспедицию деньги, пожертвованные АН перед смертью гр. Румянцевым. К. содействовал приглашению в АН таких ученых, как А. Х. Лерберг, Х. Д. Френ, М. П. Погодин, А. М. Шёгрэн, Н. Г. Устрялов. Он руководил учеными занятиями А. И. Тургенева, которого намеревался предложить АН в адъюнкты по каф. рус. истории. И хотя по настоянию отца Тургенев вынужден был оставить науку и поступить на службу в Министерство юстиции, до конца жизни К. между ним и Тургеневым сохранялись дружеские отношения. К. дружил и много переписывался с И. Ф. фон Эверсом. Он содействовал получению Эверсом места проф. в Дерпт. ун-те и стремился сделать его чл. АН (см. подробнее: *Kunick*. Op. cit. S. XCLVIII–CLVII; *Биларский*. С. 63–68). В 1816 К. издал сочинения еще одного своего умершего друга, акад. А. Х. Лерберга (на нем. языке; рус. перевод Д. И. Языкова был опублик. в 1819).

К. неоднократно получал от частных лиц предложения о продаже своего собрания рус. монет и медалей, но отвергал их, желая сохранить целостность коллекции и тем самым — ее значение для науки. По этой причине он оставил ее АН, написав в завещании: «Мне приятно представить доказательства, что есть и иностранцы, которые, посвятив себя на службу этой стране и ученым исследованиям об ее истории и отношениях, приобретают искреннее участие к результатам сих исследований, а таким образом и к самой стране» (цит. по: *Биларский*. С. 70). В свою очередь, в 1847 ИАН учредила в память о К. премию за сочинение по визант. истории, средства для которой были получены с продажи двойных экземпляров монет из коллекции Минцкабинета.

Литература: *Биларский П. С.* Очерк биографии академика Круга // ЖМНП. 1849. Ч. 64. Ноябрь. С. 9–40; Дек. С. 41–78; *Медведев И. П.* Академик Филипп Иванович Круг и его архив // Русская наука в биографических очерках. С. 179–188; *Он же.* Письма Карла Бенедикта Газе в архиве академика Ф. И. Круга // МРВ. С. 522–583; Бузескул 2008.

Архивы: СПбФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1–2 (личный фонд).

В. К. Хрусталёв

КРЫЛОВ Александр Лукич

KRYLOV A. L.

[12(23).8.1798, Смоленская губ.? — 31.5(12.6).1853, Петербург; Волковское правосл. кладб.],
филолог, статистик, цензор

Из семьи священника. По окончании Смоленской духовной семинарии начинал обучение в ГПИ, после его преобразования перешел в Петерб. ун-т, который окончил в 1823 (зол. медаль; кандидат). Как и др. однокурсники (А. И. Брут, И. М. Грацилевский, И. Я. Соколов), был после выпуска привлечен «исправлять должность» в ун-те, опустевшем после «дела профессоров» 1821: лектор географии и всеобщей истории (под рук. А. А. Дегурова), адъюнкт каф. всеобщей истории (1829), орд. проф. каф. статистики (1833); в числе др. «неостепененных» профессоров был уволен в декабре 1835 при реорганизации Петерб. ун-та по новому уставу. Адъюнкт каф. лат. словесности ГПИ при проф. Р. Жилле и А. И. Гримме (1830–1834); учен. секр. ин-та (1830–1831). Преподавал греч. язык в Петерб. 3-й гимназии (1823–1825) и лат. язык в гимназии Воспитательного дома. С 1828 по 1850 сотрудник Петерб. ценз. комитета: секр., с 1831 цензор. Также служил (с 1837) в статист. отделе МВД, редактируя (до 1842) журнал этого ведомства.

В студ. годы обратил на себя внимание способностями и усердием. На студ. чтениях в февр. 1823 выступал с докладами сразу по нескольким дисциплинам: «О торговых путях древних азиатских и африканских народов», «Общее понятие древних о земном шаре и земле обитаемой» и «De scientia antiquitatis, eius ambitu et summa» (Маяковский и Николаев. С. LXVI). В соответствии с ун-тскими нуждами 1820-х специализировался в обл. истории и статистики. Первым начал читать в Петерб. ун-те всеобщую историю на рус. языке «по учебникам Кайданова, Коха, с дополнением из Милло, Гиббона»: изгнанный Д. П. Руничем проф. Раупах читал ее на лат. языке и с сильным нем. акцентом, осложнявшим восприятие для большинства слушателей; Дегуров, ссылаясь на то, что может читать лишь на лат. или франц. языке, с 1822 отказался от чтения лекций (Маяковский и Николаев. С. LXXXIX). Слушавший у К. курс древней и средневековой истории в 1830–31 В. В. Григорьев, впрочем, отзывался о «парафразе Кайданова и Коха» в исполнении К. сдержанно (Григорьев. Примеч. 118). Древней филологией после выпуска К. занимался факультативно, но о его неплохой филол. подготовке свидетельствует перевод объемного словаря Ф. Роста **«Краткий словарь греческого языка, составленный преимущественно для изучения слов и удобного обозрения производства оных»** (Т. 1–2. СПб., 1831–1832) и этимологич. сочинения **«Изыяснение некоторых непонятных в русской истории слов, занятых из Константина Багрянородного»** (СО. 1828. Т. 20). Хорошо отзывался о «дельном преподавании» К. греч. языка его ученик Г. И. Лапшин (Из воспоминаний о Третьей Санкт-Петербургской гимназии // ЖМНП. 1873. Окт. С. 96); отзыв Ф. Булгарина о К. как «посмешище студентов и профессоров» (*Видок Фиглярин*. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделении. М., 1998. С. 543) объясняется ценз.

«обидами» его составителя со стороны К. и его начальника С. С. Уварова. Чтение и комментарий фрагментов греч. и римск. историков К. включал в свои лекции по всеобщей и российской истории.

При почти полном отсутствии доступной учеб. литературы он, как и др. преподаватели той поры, обращался к изданию фрагментов своих лекций в качестве введений к курсам истории, географии и статистики: «Руководство к изучению российской географии, изданное для кантонистов» (СПб., 1826), «Исторические записки» (СПб., 1830; 28-страничное введение к лекциям по всемирной истории с характеристикой источников и периодизацией), «Предварительные уроки, читанные студентам Санкт-Петербургского университета при начатии преподавания общей статистики европейских государств» (СПб., 1833). В качестве штат. статистика МИД подготовил к печати «Ведомость о народонаселении России по уездам губерний и областей» (СПб., 1850; подп.: А. К.). Как цензор (в т. ч. многих сочинений по антич. филологии и истории — В. А. Модестова, Н. И. Гнедича, Ф. Лоренца и др.) отличался осторожностью, вполне объяснимой незащищенностью разночинца в николаевскую эпоху.

На трусость К. жаловался Пушкин (см. письмо 1836: *Пушкин А. С.* ПСС. М., 1949. Т. 15. С. 255), очевидно, в связи с запретом, поддержанным Уваровым, статьи о Радищеве (Пушкинская энциклопедия. СПб., 2009. Т. 1. С. 447); А. Панаева, по отзывам Некрасова, также характеризует К. как «страшно трусливого» цензора-страдальца: «Он иногда не разрешал рассылать подписчикам уже отпечатанную книжку, потому что ему приходило в голову, что Некрасов схитрил и восстановил зачеркнутые им фразы, или ему казалось, что пропущенная им статья грозит ему опалой, и он снова перечитывал все статьи» (*Панаева А. Я.* Воспоминания. М., 1986. С. 189).

А. Никитенко (Никитенко. Т. 1. Ук.), назвав К. «трусливейшим» из своих коллег по ценз. комитету («одно его имя

страшно для литературы»), неоднократно упоминает и о «неудачливости» дозволенный К. В 1849 К., напр., получил «строгое внушение» и едва не лишился должности за пропуск в печать «Руководства по всеобщей истории» проф. ГПИ Ф. Лоренца (ч. III), в котором, несмотря на заведомую лояльность автора, МНП отыскивало «вредные места» (*Георгиевский А. И.* К истории Ученого комитета МНП // ЖМНП. 1900. Нояб. С. 35).

Литература: Маяковский и Николаев; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988 ♦ Смирнов; Воронов; Григорьев; Аничков; Брокгауз; Прозоров; Венгеров (Словарь, Источники); РБС (библ.); Геннади 2006; Сайтов 2006; Фёдоров; Цензоры.

В. П. Смышляева

КУЗМИН

Михаил Алексеевич

KUZMIN M. A.

[6(18).10.1872, Ярославль — 1.3.1936, Ленинград; Литераторские мостки Волковского кладб.],
поэт, прозаик, критик, драматург, переводчик, композитор

Из дворян. Предки по отцовской линии служили в армии и на флоте. Отец, А. А. Кузмин (1812–1886), морской офицер, выйдя в отставку д. стат. сов., жил с семьей в провинции; мать — Надежда Дмитриевна (в девич. Фёдорова); по материнской линии в роду был франц. актер Офрен (наст. имя и фам. Жан Риваль), в 1785–1804 живший и выступавший в Петербурге; через него К. считал себя родственником Т. Готье.

В 1874, в связи с новым назначением отца К., семья переезжает в Саратов; здесь он начинает учиться в гимназии (приготовит., 1-й и 2-й класс). В 1884 К. поступает в Петерб. 8-ю гимназию (окончил в 1891); с 1887 началась его дружба и переписка

(длилась до 1926) с учившимся в той же гимназии Г. В. Чичериным (впоследствии сов. правительств. деятелем).

В гимназии К. начал изучать древние языки — с каким успехом, нам неизвестно: документы в ЦГИА СПб не выявлены или частично утрачены. Учителем древних языков в 1890-е был Д. В. Ильцевич. Довольно точный портрет учителя, под именем Даниил Иванович, мы находим в повести К. «Крылья» (1905; опубл.: 1906; отд.: 1907). Симптоматично, что в путешествии по Италии героя сопровождает его учитель греческого.

После болезни и ухода из Консерватории путешествие К. в Египет весной 1895 послужило, если не считать лит. впечатлений, первым его соприкосновением с миром античности, преимущ. эллинистической и римской. Впечатления скажутся, когда в 1905 К. создаст одно из самых популярных своих произведений, написанное для голоса и фортепиано, но изданное впервые в 1906 без музыки, — цикл «**Александрийские песни**». На первоначальную основу наложился и сильные впечатления от посещения летом 1897 Италии. Это отражено в переписке с Г. В. Чичериным, частично опубликованной. Так, в письме от 16 апр. 1897: «Великолепны в Риме и старинные мозаики во многих церквах и исключителен по интересности христианский музей при St. Jean de Lateran [правильнее Saint-Jean-de-Latran; итал. San Giovanni in Laterano. — *ред.*]; чудные саркофаги, барельефы; совсем особый мир. И какой новый свет для меня на 1-ое христианство, кроткое, милое, простое, почти идиллическое, соприкасающееся с античностью, немного мистическое и отнюдь не мрачное: Иисус везде без бороды, прекрасный и мягкий, гении, собирающ-ие> виноград, добрые пастыри, есть саркофаг с историей Ионы, чистый шедевр грации и тонкости. И катакомбы — только обычай; есть языческие подземные гробницы и еврейские

катакомбы, ничем не отличающиеся от христианских, и богослужение совершалось там только по необходимости, во время гонений, а не из склонности к мрачной обстановке. Мозаики IV века — совсем другое — тут и аскетизм, и мистицизм — пахло востоком» (*Богомолов, Малмстад*. С. 65). На его восприятие античности в целом, по его собственному признанию (Дневник 1934), огромное влияние оказала знаменитая книга Э. Роде, друга Ф. Ницше (*Rohde E. Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. Freiburg; Leipz., 1894*). 12 дек. в дневнике 1934 г. отмечено: «Вещи стимулирующие, дающие нам толчок к открытию целых миров, иногда бывают совершенно ничтожны. Так мне открылась античность, играющая такую центральную роль в моем самосознании и творчестве, через романы Эберса, и подлинные сокровища Эсхила и Теокрита действовали на меня значительно слабее. Именно “Император” и “Серапис”. Влияние их можно проследить не только на “Александрийских” песнях”, но вплоть до последних лет» (Дневник

1934). Религ. искания К. сопровождались широким чтением греч. и лат. христ. литературы — от философов до житийных легенд, от ортодоксальных до неканонич. и еретич. памятников. С особым вниманием К. изучает теологию гностиков [цикл «София. Гностические стихотворения (1917–1918)» в сб. «Нездешние вечера» (Пб., 1921); ср. устное признание К., относящееся к 1930-м (*Петров*. С. 158): «По-настоящему я знаю только три предмета <...>. Один период в музыке: XVIII век до Моцарта включительно, живопись итальянского кватроченто и учение гностиков»].

Интерес к античности проявился в первый период творчества К., который можно назвать «музыкальным», т. е. 1890–1907. Один из первых опытов (январь 1896) на антич. тексты, с музыкой и переводом — предсмертное стихотворение императора Адриана «*Animula vagula blandula*» (пер. опубл.: Приношение М. Кузмину: к 140-летию со дня рождения / ред.-сост. П. В. Дмитриев. СПб., 2012. С. 7). Сохранилась нотная копия с примеч. Г. В. Чичерина: «Кузминский античный пессимизм в легком изяществе. Легко, легко... Чичерин»» (ОР РНБ. Ф. 400. № 101). Не дошла до нас музыкальная пьеса, в списке сочинений за 1904 означенная как «Адриан Эросу». Среди названий несохранившихся вокальных пьес: «Гимн Антиноя» (сент. 1897); «Воскресший Адонис» (окт. 1898) — обе, вероятно, на собственные слова. Зато сохранилась опера «Алексас» (1899) на текст К. (клавир, автограф — ОР РНБ. Ф. 400. № 34). Большое лат. либретто вокального сочинения «*Amor Christi*» (1896), сохранившееся среди писем К. к Чичерину, представляет собой монтаж из трактата «О подражании Христу» Фомы Кемпийского.

В то же время К. перелагает на музыку тексты рус. поэтов, связанные с антич. темой: у Пушкина взяты «Арион» (май 1898; РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. № 14. Л. 105 об. – 107) и «Не розу Пафосскую»

(январь 1899; Там же. Л. 123 об.–124 об.); у А. Н. Майкова — «Антиной» (январь 1899), циклы «Альбом Антиноя» и «Из Аполлодора Гностика» (музыка К. нам не известна); у Вяч. Иванаова — стих. «Виноградник Диониса» (1904) и др. В начале XX в. К. создает оперы: «Гиацинт и Аполлон» [май–октябрь 1901: ОР РНБ. Ф. 400. № 35; клавир (копия) без оконч.]; «Евлогий и Ада», впоследствии назв. «Комедия из александрийской жизни» (май–август 1904; автограф: ЦММК. Ф. 171. Оп. 88. № 7652; клавир); «Гармахис» (сентябрь 1905; автограф: РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. № 17; клавир, не закончено). Пишет он и вокальные циклы «Харикл из Милета» (июль–сентябрь 1904; автограф: ГПБ. Ф. 400. № 95) и «Александрийские песни» (апрель–октябрь 1905).

Музыкальное наследие К. получило свою оценку еще при его жизни. Б. В. Асафьев в своей заметке 1920 г. пишет: «Говорить о Кузмине поэте и прозаике, минуя его деятельность не только как чуткого музыканта, но и как даровитого композитора — неоправимая ошибка». Вместе с тем, оценивая природу музыкального дарования К., он констатирует: «Вкусы строгого мастера, а выполнение по капризам дилетанта» (*Глебов И.* Музыка в творчестве М. А. Кузмина // Жизнь искусства. 1920. 12 октябрь № 580). В отношении «Александрийских песен» показателен отзыв музыковеда и музыкального критика, который замечает: «...у Кузмина — гипертрофия в смысле пресловутой “музыкальной правды”, в смысле превалирования разговорности над мелосом...» [*Беляев В.* Новости музыкальной литературы // Вестн. театра и искусства. 1922. № 11 (7, 8, 9 февраль). С. 4].

К. — автор ряда прозаич. произведений на антич. и визант. сюжеты: «Повесть об Елевсиппе» (1906); «Тень Филлиды» (1907); «Флор и разбойник» (1908); «Подвиги Великого Александра» (1909); «Рассказ о Ксанфе, поваре царя Александра, и жене его Калле» (1913); «Девственный Виктор: византийский рассказ» (1918); «Два чуда» (1919); «Невеста: римский рассказ» (1920);

«Римские чудеса» (1922). В предполагаемом Собрании сочинений (1918) К. один из прозаич. томов должен был называться «Античное и византийское». Название серии «Новый Плутарх» изд-ву «Странствующий энтузиаст» предложил, вероятно, именно К. Вторая книга в этой серии была задумана как жизнеописание Вергилия под назв. «Златое небо» (две первые ее главы, демонстрирующие основательное погружение К. в Ливия и Саллюстия, опубл. в сб.: Абракасас. Вып. 3. Пг., 1922); с вергилианскими мотивами связаны также стихотворения «Эней» (1920) и «Родина Вергилия» (1921). Обширные списки спец. науч. литературы, составленные К. для работы над «Подвигами Великого Александра» и «Златым небом» (Библиогр. источники в рабочих тетрадях М. Кузмина из собрания Пушкинского Дома / публ. А. Г. Тимофеева и К. Трибла // ЕРОПД на 2005–2006 гг. СПб., 2009. С. 680–685, 687–690) подтверждают справедливость слов В. Н. Петрова: «Основу его образованности составляло знание античности, освобожденной от всего школьного <...>, воспринятой <...> в первую очередь через большую немецкую филологию» (*Петров.* С. 153).

В своем оригинальном поэтич. творчестве К. легко пользуется именами древнегреч. богов и героев, равно как и римск. императоров или героев греко-римск. мифологии в целом, но очевидно, что вдохновение его питала более поздняя, а не классич. эпоха античности. Две го-рацианские стилизации 1909 г. остались в рукописи (*Кузмин М.* Стихотворения. Из переписки / сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. М., 2006. С. 47–49). Образами Троянской войны проникнута «ода» «Враждебное море» (1917), заканчивающаяся двумя ист. реминисценциями: из Геродота (VII, 35) и «Анабасиса» Ксенофонта (IV, 7, 24). Примечательно, что в стихотворной «кантате» «Св. Георгий» происходит контаминация библейского сюжета с антич. мифом о Персее

и Андромеде, а в большом стихотворении «Пламень Федры» (1921), напротив — сложная контаминация антич. мифа с христ. вероучением.

Занимается К. и переводами антич. авторов. В 1912 он переводит начало «Мифологической библиотеки» Псевдо-Аполлодора. Сохранились рукопись перевода К. и корректурный оттиск первой книги «Аполлодора Афинянина библиотеки» (типография «Якорь» со штампом «18.IV.12» — РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 27). С открытием в изд-ве Сабашниковых в 1911 серии «Памятники мировой литературы», к которому издательство привлекло нескольких писателей, в т. ч. Вяч. Иванова и К., связан план перевода трех комедий Аристофана («Осы», «Лягушки» и «Облака»). Договор с К. был заключен в 1912, редактировать это издание должен был М. О. Гершензон. Однако в 1913 рукописи К. не представил: договор был продлен на 1914, но переводы так и не были завершены, и издание не осуществилось. Между прочим, именно переводы Аристофана упоминаются в мемуарной книге Г. Иванова «Петербургские зимы» (Париж, 1928) в главе, посвященной К.

Особое место в творчестве К. занимает Апулей. Это (1) раннее стихотворение «Апулей» (1908); (2) «Апулеевский лесок» в пьесе («лирич. поэма для музыки с объяснительной прозой») «Лесок» (1921; изд. «Неопалимая купина», 1922) — последний среди трех «Лесков» (частей), использующий мотивы из «Золотого осла»; (3) 12 мая 1917 К. подписал договор с изд-вом Сабашниковых на перевод «**Золотого осла (Метаморфоз)**» Апулея (РГБ. Ф. 261. Карт. 8. Ед. хр. 27), который, наверное, не был тогда завершен, хотя и значится в авторском списке переводов за 1917 год; опублик. он позже (Л., 1929) и выдержал несколько изданий. Сделанные С. П. Маркишем исправления перевода К. в серии «Лит. памятники» (1956) при переиздании под ред. М. Л. Гаспарова

в изд-ве «Худож. литература» 1988 (сер. «Библиотека античной литературы») были устранены — сходным образом Гаспаров подходил к правке *А н н е н с к о г о З е л и н с к и м* в переводах Еврипида.

Психея (пришла к К., вероятно, из Апулея), как и Орфей, — самые частые антич. образы, будь то в поэтич. творчестве К., будь то в его критике. Образ Психеи — светлого начала в человеке — воплощен в позднем сочинении К., пьесе «**Смерть Нерона**» (1929), сюжет которой двойтс: одна сюжетная линия (развертывающаяся и линейно, и вспято) дает нам образы героев, современников К.; другая, «историческая», представляет события из жизни Нерона, причем К. пользовался «Жизнеописанием двенадцати цезарей» Светония (его выписки и сюжетный план пьесы: РГАЛИ. 232. Оп. 1. № 42).

Весьма примечателен перевод К. из «Илиады» Гомера «**Прощание Гектора с Андромахой**»: «Быстро он достигнул своих родимых покоев...» с предисловием «Несколько слов о переводе» (напечат.: Звезда. 1933. № 6. С. 69–73), где он, в частности, отмечал: «Для меня же “Илиада” — живой и простой рассказ о племени и людях, все благородство и “царственность” которых заключается в их органичности, свободе и простоте, как движения полинезийских дикарей. Мне хотелось достигнуть простоты, торжественности и суровой нежности, достойной этих органических натур». Экспериментальный стих перевода М. Л. Гаспаров охарактеризовал так: «Это — самый свободный из известных мне русских гексаметров» (М. Л. Гаспаров. О нем. Для него: статьи и материалы. М., 2017. С. 220). Первоначальный замысел был переводить «Илиаду» прозой и стихами вместе с А. И. Пиотровским (Пиотровский — прозу, К. — стихи), но этот план не осуществился (*Богомолв, Малмстад*. С. 478. Примеч.)

Выступая как лит. критик, К. касался и антич. тем. Такова рец. на книгу «*Алкей и Сафо*. Собрание песен и лирических

отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступит. очерком его же» (М., 1914 // Петрогр. вечера. Кн. 3. [Пг., 1914]. С. 234–235). Любопытно замечание из этой рец.: «Притом если Эберс изобразил нам Сафо буржуазной матерью, то Вяч. Иванов представил нам лесбосскую поэтессу в виде институтской “синявки” или женщины-профессора. Сами выражения исследователя в своей эlegantности граничат с комизмом: “Как настоятельница девичьей религиозной общины и вместе с тем глава художественной школы, Сафо должна была одновременно развивать воспитательную и академическую деятельность. В ее институт для благородных девиц присылались богатые девушки из разных мест колониальной и островной Греции. Приобретя в этом высшем учебном заведении утонченное образование, они возвращались в семьи или выходили замуж. Время прохождения курса делилось” и т. д. Может быть, это ирония, но не думается, так же как не кажется, что эта смешная правда поколеблет поэтическую легенду <...> Притом только на очень внимательный глаз заметна разница между Алкеем и Сафо, разница, так тонко отмеченная в предисловии самим же переводчиком. С удовольствием мы видим скорее всего Вяч. Иванова, теперь соединившего былую крепость “Кормчих звезд” с таинственной нежностью, почти простотою “Нежной тайны”».

В критике К. антич. тема возникает прежде всего в связи с театром. В 1911 статья К. «**“Орфей и Эвридика” Кавалера Глюка**», помещенная в декабрьской книге ж. «Аполлон» (№ 10. С. 15–19, перепеч. с изм. в сб. К.: Условноности: Статьи об искусстве. Пг., 1923) предваряла постановку Вс. Мейерхольдом оперы К.-В. Глюка на сцене Мариинского театра (премьера 21 дек. 1911, художник А. Я. Головин). К. несколько раз возвращается к этой опере в своих критич. статьях: «**Театр неподвижного действия**» (Жизнь искусства.

1919. 20 мая. № 141; перепеч.: Условноности. С. 57–58), «**Орфей**» (Красная газета, веч. вып. 1926. 15 марта. № 63), «**Возобновление “Орфея” (Академическая опера)**» (Красная газета, утр. вып. 1926. 16 марта. № 61. Подп.: К.). На мотивах оперы (и оформления спектакля) построено и стихотворение К. «Мечта любви, тоска о милой жизни...» (1924), названное в списках собственных произведений «Орфей». В 1928 К. переводит либретто оперы К. Монтеверди «Орфей» для исполнения в концерте Ленингр. филармонии (5 дек. 1928, дирижер В. А. Дранишников), и сам, под редким псевдонимом М. А., пишет анонс предстоящего исполнения (Красная газета, веч. вып. 4 дек. 1928. С. 4; перепеч. в кн.: *Дмитриев П. В.* М. Кузмин: разыскания и комментарии. СПб., 2016. С. 433).

Определенный интерес, отражающий понимание К. природы театра в отношении к постановкам антич. авторов, представляют собой критич. выступления 1918–1919 на страницах газ. «Жизнь искусства», вызванные представлением на арене цирка Чинизелли трагедией Софокла «Царь Эдип» с Ю. М. Юрьевым в главной роли. К. откликнулся на это событие статьей «**Царь Эдип**» (Жизнь искусства. 1918. 14 нояб. № 13). В другой рец., на ж. «Гермес» за первое полугодие 1918, в частности, отмечено: «Для театра особенный интерес представляет статья Пиотровского о подлинной принадлежности Еврипиду трагедии “Пирифой”, прославляющей даже загробную верность в дружбе; параллели между текстами Шекспира и биографиями Плутарха, сделанные Штифтаром; в высшей степени похвальный отзыв постановки “Близнецов” Плавта в Народном доме и критика Цыбульского по поводу представления “Эдипа-царя” в цирке...» (Жизнь искусства. 1918. 25 нояб. № 22). С основными положениями С. О. Цыбульского К. вел в 1918–1919 полемику в статьях «**Об археологии, открытом воздухе**

и Шекспире: По поводу “Эдипа-царя” и предстоящего “Макбета”» (Жизнь искусства. 1918. 25 дек. № 45; перепеч. с изм. и без подзаголовка: Кузмин М. Условности. С. 70–72) и «**Счастливым археолог**» (Жизнь искусства. 1919. 27 мая. № 147; перепеч.: Условности. С. 73–75).

Еще современниками была замечена тяга К. к античности и мастерство в достижении желаемого впечатления «подлинности», будь то стихотворение, проза или перевод. Е. А. Зноско-Боровский, автор первой творческой биографии К., отмечает: «По прихоти своего воображения Кузмин переносит нас то на Восток, в древнюю Элладу, в Рим, в Александрию, XVIII век, странствует с героями из одной страны в другую и одинаково хорошо чувствует себя как в современном городе, так и в какой-нибудь деревушке вблизи Галикарнаса, в избе старообрядца или во дворце царя-язычника. С такой же легкостью меняет он и формы своих произведений и готов пользоваться как всеми изощренностями современной поэзии, так и сдержанной наивностью стародавних прозаических образцов» (Зноско-Боровский Е. О творчестве М. Кузмина // Аполлон. 1917. № 4/5. С. 26–27). Говоря о мире идей К., исследователи Серебряного века отмечают «пристальный интерес писателя к гностицизму, возникшему на заре христианской эры и сочетавшему в себе элементы самых различных религиозно-философских и мистических учений, к александрийскому периоду античной истории, когда различные культуры народов средиземноморского региона слились в многосоставное единство» (Лавров А. В., Тименчик Р. Д. «Милые старые миры и грядущий век»: штрихи к портрету М. Кузмина // Кузмин М. Избр. произведения. Л., 1990. С. 8).

При сильном и неиссякающем интересе К. к античности естественно было искать у него общения с «античниками» — таково знакомство с А. Н. Егуновым

[Михаил Кузмин: Жизнь подо льдом (Дневник 1929 г.) / публ., предисл. и коммент. С. В. Шумихина // Наше наследие. 2010. № 93–94. С. 101], который несомненно дорожит «Александрийскими песнями» и «Подвигами великого Александра» К. и учитывает их в предисловии к «Эфиопике» Гелиодора (М.; Л., 1932). Еще в 1923 К. подружился с Л. Л. Раковым, тогда студентом ист. ф-та, а впоследствии ученым секр. Эрмитажа, директором ПБ, репрессированным в сталинское время до и после Отеч. войны, одним из авторов пародийной биогр. энциклопедии (Андреев Д. Л., Парин В. В., Раков Л. Л. Новейший Плутарх: иллюстрированный биографический словарь воображаемых знаменитых деятелей всех стран и времен. М., 1990). Некоторую роль в этом «абсурдопедическом» создании сокамерников сыграла задуманная когда-то К. серия «Новый Плутарх».

Литература: Кузмин М. Дневник 1905–1907 / предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000; Кузмин М. Дневник 1908–1915 / предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005; Кузмин М. Дневник 1934 года / ред., вступ. статья и коммент. Глеба Морева. СПб., 1998; Кузмин М. Стихотворения / сост., вступ. статья, подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. СПб., 1996; Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин. Искусство. Жизнь. Эпоха. СПб., 2007 (новейшая биография К.); Петров В. Калиостро: воспоминания и размышления о М. А. Кузмине // Петров В. Турдейская Манон Леско: история одной любви. Воспоминания. СПб., 2016. С. 127–181; Тимофеев А. Г. «Итальянское путешествие» Михаила Кузмина // Памятники культуры. Новые открытия. 1990. С. 40–55 ♦ РП.

Архивы: Личные фонды: РГАЛИ. Ф. 232; ОР РНБ. Ф. 400; ЦГАЛИ СПб. Ф. 437; ГЛМ. Ф. 111; ИМЛИ. Ф. 192; Отд. материалы: РГБ. Ф. 1, 386 и др.; ЦГИА СПб. Ф. 17 и ф. 361; РО ИРЛИ. Ф. 172 и др.

П. В. Дмитриев
при участии В. В. Зельченко

**КУЛЬМАН
Елисавета (Елизавета)
Борисовна**

KULMANN Elisabeth

[5(17).7.1808, Петербург —
19.11(1.12).1825, там же;

Смоленское правосл. кладб.,
в 1931 прах и памятник перенесены
в Некрополь мастеров искусств
Александро-Невской лавры],
переводчица, поэтесса

Из многодетной семьи отставного капитана; предки отца — выходцы из Эльзаса, въехали в Россию в XVII в. После ранней смерти отца большая семья сильно нуждалась; два брата К. пали на войне с Наполеоном. Рано проявившиеся уникальная лингв. память и поэтич. талант девочки были поддержаны домашним образованием под руководством матери и К. Ф. Гро(с)сгейнриха, друга покойного отца и наставника К. в древних языках. Его стараниями обратить на одаренного ребенка внимание ученого и лит. мира К. обязана своей славой после смерти от скоротечной чахотки, развившейся после простуды в петерб. наводнение 1824. На мраморном надгробии (не сохранилось), украшенном надписями на разных языках, была и лат. эпитафия: «Prima Rossicarum operam dedit idiomati Graeco, undecim novit linguas, loquebatur octo, quamquam puella poetria eminens» («Первая русская, учившаяся по-гречески, знала одиннадцать языков, говорила на восьми; несмотря на юные лета, выдающаяся поэтесса»).

С раннего возраста К. увлекалась сочинением стихов и переводами. Наряду с новыми языками (включая редкие для Петербурга тех лет исп., португал. и новогреч.) освоила и древние: к двенадцати годам читала Цицерона, Непота и Горация, позже занялась и греч. Увлеченный воспитанием гениального ребенка,

Гроссгейнрих рассылал высокопоставленным особам и литераторам ее лит. опыты, но их первые публикации появились уже после смерти К. (на средства АН были напечатаны в 1833 в Петербурге «**Пии-тические опыты Е. Кульман**»; 2-е изд. под загл. «Полное собрание русских, немецких и итальянских стихов Е. Кульман» — 1839; 31841). В трогательной статье цензурировавшего первое издание «Опытов» А. В. Никитенко (Жизнеописание девицы Кульман // БдЧ. 1832. Т. 8; цит. по Полн. собр. 1839) упоминается (С. VIII, XII) об особенной любви К. к греч. поэзии и языку: «Казалось, изучение греческого языка было для нее легче, нежели изучение других. Не прошло и четырех месяцев, как она могла уже читать Евангелие от Матвея <...>. Скоро за ним она могла уже переводить Анакреона на русский, немецкий и итальянский язык. Любимый Гроссгейнрихом Гомер стал и ее настольной книгой, также ей нравилась высокая поэзия Гесиода, Пиндара и Софокла».

Чтение греч. классики определило антологич. стилистику и оригинальность стихов К. Лучшим в ее творчестве обычно признают переводы анакреонтики (*Глоцер В.* — РП. Т. 3. С. 224) и сб. лирич. импровизаций «**Венок**» (на темы мифов о превращениях — «Мак», «Нарцисс», «Лавр», «Роза», «Ирис» и др.), которые принесли К. царскую награду (бриллиантовый фермуар от Елизаветы Алексеевны) и благосклонную оценку Гёте (1821), предрекшего тринадцатилетней девочке почетное место в литературе. Переводы 26 анакреонтич. стихотворений на рус. и нем. языки в первой книге «Опытов» (предпочтительно трех-четырёхстопным нерифмованным ямбом) К. замкнула обращением к Анакреону с извинениями за перенос «нежнейших цветов Геллады» на рус. поля и «эпилогом», в котором признавала, что, хотя ее подражания «принялись, росли красиво, черты природные сохранив», передать в них «природный блеск» греч. поэзии она не смогла.

Образец рус. и нем. переводов К.: «Анакреон! мне девы / Твердят: ты уж не молод! / Вот зеркало, смотри-ко; / Исчезли постепенно / С чела густые кудри. / Остались или исчезли / С чела густые кудри / Не знаю. То лишь знаю, / Что старику тем боле / Прилично веселиться, / Чем ближе стал он к Паркам».

«Es sagen mir die Weiber: / Anakreon, Du ältest; / Nimm und besieh im Spiegel, / Wie viel der Haare fehlen, / Wie deine Stirne kahl ist. / — Ob viel von meinen Haaren / Noch da sind oder nicht sind, / Das weiss ich nicht: nur weiss ich, / Es müsse um so mehr sich / Der Greis des Lebens freuen, / Je näher ihm die Parze».

Ядро второй книги «Опытов» составили «стихотворения Коринны», навеянные чтением Пиндара и советом Гроссгейриха «воскресить» погибшие стихи соперницы и соотечественницы поэта. Стилистику третьей книги («Памятник Беренике») определило знакомство К. с модной в лит. салонах начала века буколич. поэзией Биона, Мосха, Каллимаха и Феокрита. Владелица небольшого цветника, К. с особенной любовью передавала прочувствованные ею пейзажные мотивы греч. лирики: «Заря в покрове алом / Является у дверей / Туманного рассвета. / Восточное полнебо / Оделось облаками / Янтарными, златыми. / Пары молодой дубравы / Вздываются столпами. / Как озеро стелются / Испарины подола. / Весь воздух, разгораясь / Амброзиею дышит...» («К Мирто»).

В отличие от признания лингв. дарований К., отношение современников к ее поэзии было неоднозначным. Никитенко ставил ее очень высоко, но Белинский (Белинский. Т. 1. С. 468) не признал за К. даже версификаторского дара, хотя защищал поэтессу от ее неловкого «почитателя» Тимофеева — автора «фантазии» «Е. Кульман» (1835) — как «явление необыкновенное <...>, просто какое-то чудо природы», «странное и прекрасное отступление ее от своих обычных законов». В конце жизни К. отдала дань входившему в моду жанру поэтич. сказки,

обращаясь к сюжетам сказок братьев Гримм, рус. былин и восточных легенд. Поэтич. наследие К., овеянное печалью о краткости ее жизни, получило известность в Германии, где была издана нем. часть ее сб. «**Sämmtliche Dichtungen**» (Leipz., 1847, расшир. изд-е петерб. сб. 1835 г. под тем же назв.; неск. переизд-й). Памяти К. посвящен вокальный цикл («Семь песен Е. Кульман») Р. Шумана. Никитенко, со слов Гроссгейриха, нарисовал привлекательный портрет К., неунывающей и трудолюбивой помощницы матери: «Она часто, смеясь, сравнивала себя с дочерьми древних царей, которые сами ходили с сосудами черпать воду из реки» (Никитенко. С. XXIII).

Литература: Гроссгейрих К. Е. Кульман и ее стихотворения. СПб., 1849; Некрасова Е. С. Елизавета Кульман // ИВ. 1886. № 12; Ганзбург Г. Статьи о поэтессе Елисавете Кульман. Харьков, 1998; Файнштейн М. Ш. Писательницы пушкинской поры. Л., 1989; Царицы муз: русские поэтессы XIX — начала XX вв. М., 1989; Свясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII — начала XX веков. СПб., 2003; Miltner F. Dichtungen von E. Kulmann. Heidelberg,

1875 ♦ Брокгауз; Венгеров (Источники, Список); Черняев; РБС; КЛЭ; РП; Свиясов; Сайтов 2006; Геннади 2006.

Архивы: Личные фонды: РГАЛИ. Ф. 245; Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Ф. 583; ОР РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский).

В. П. Смышляева

КУТОРГА Михаил Семенович

K(O)UTORGA / KUTORNA M. S.

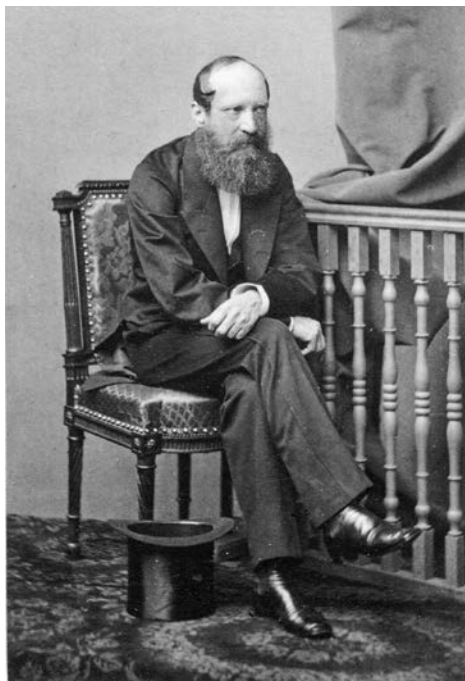
[6(18).11.1809, г. Чериков, ныне Могилёвской обл. Беларуси — 21.5(2.6).1886 (по др. сведениям 26.5/7.6), имение Борóк (или Борки), ныне Могилёвской обл.], основоположник критич. изучения истории Древней Греции в России, теоретик исторического развития

Из семьи канцелярского служащего Семёна (Симона) Мартиновича Куторги. Потомственное дворянство получил вместе с братом в 1841. Первая жена К. — А. Г. Устрялова, сестра историка Н. Г. Устрялова, с которым, по отзывам, К. не был дружен в силу несходства характеров и различий в полит. взглядах. Семья переехала в Петербург в 1813 и после смерти отца в 1817 испытывала материальные трудности. Начальным образованием К. после отца занимался ст. брат Степан (1805–1861), впоследствии проф. кафедр зоологии, минералогии и геогнозии Петерб. ун-та.

В письме к брату (не отправленному в связи с кончиной последнего) К. писал: «Если бы ты не спас меня, когда я в детстве тонул в пруде Летнего сада, то давно бы и костей моих не осталось. Если бы ты, в течение всех летних каникул, не сидел бы целые дни надо мною и не учил бы меня, то я был бы разве уездным учителем, а не русским историком, как меня еще недавно назвали печатно» (ОР РНБ. Ф. 410. № 84. Л. 1 об.).

С 1823 К. учился в 3-й Петерб. гимназии; в 1827 поступил на словесное отделение ИФФ Петерб. ун-та и, по окончании первого года обучения, вместе с четырьмя др. первокурсниками и братом Степаном, студентом 3-го курса, направлен в учрежденный в 1827 Профессорский ин-т при Дерпт. ун-те, где он провел более четырех лет (1828–1833), о чем см.: *Мадиссон Ю. К.* Молодой Куторга (к вопросу о возникновении русской исторической науки об античности) // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1956. Вып. 43. С. 3–37. Официально он специализировался в обл. древней и рус. истории, однако почти сразу отдал предпочтение изучению истории Древней Греции под руководством Фр. Крузе (Fr. K. H. Kruse, 1790–1866) — профессора всеобщей и рус. истории в Дерпте, автора труда по ист. географии Греции «Hellas, oder Geographisch-antiquarische Darstellung des alten Griechenlandes» (Bd. 1–2, 1825–1827). Помимо офиц. занятий К. участвовал в домашнем семинаре профессора.

Первый реферат К. был посвящен географии гомеровской Трояды («Regni Troiani imprimis secundum Homerum descriptio», 1829; ныне считается утерянным). Крузе оценил эту работу высоко, между прочим, за соображения о (спорном по сей день) местоположении горных вершин Котил и Гаргара, и отправил в мин-во как свидетельство успехов рус. стипендиатов. Из реферата 1830 в том же семинаре выросла дис. К. об аттич. филах. Вместе с др. стипендиатом-антиковедом, М. М. Луниным, К., по настоянию проф. классич. филологии К. Моргенштерна, совершенствовался в знании древних языков под руководством проф. И. В. Франке (1792–1830), а затем — преподавателя Дерпт. гимназии Ф. К. Фрейтага, впоследствии проф. Ришельевского лицея и Петерб. ун-та. Свое обучение в Дерпте К. завершил сдачей экзамена на степень (rigorosum) и защитой дис. «**De antiquissimis tribubus Atticis earumque**

cum regni partibus nexu» (Dorpati, 1832; 15 дек. 1832) — «О древних аттических филах и их связи с областями [Афинского] царства». Основное внимание в работе уделено происхождению четырех доклизфеновских («ионийских») фил в Аттике (Гелеонты, Гоплеты, Аргадеи, Эгикореи), при этом К. подверг критике имевшую сторонников «кастовую» теорию Авг. Бёка (1812), согласно которой «ионийские» филы представляли собой объединения профессионально-сословного характера, наподобие египетских и индийских каст.

Дис. К. отличает характерное для него вдумчивое толкование источника, нередко приводившее его к выводам теоретич. характера. Отметив спорность этимологий, из которых делался вывод о будто бы профессиональном характере фил, К. указал на тенденциозность сообщений антич. авторов о наличии в древнейших

Афинах кастового деления и на несоответствие этого деления с четырьмя «ионийскими» филами; кроме того, К. опирался на этимологич. значение $\varphi\lambda\lambda\acute{\eta}$, которое подразумевает родовое, а не профессиональное образование. Сам К. объяснял происхождение фил при помощи мифич. предания о разделе Аттики между сыновьями царя Пандиона и предполагал, что ионийские завоеватели, делившиеся на родовые филы, придя в Аттику, поселились в тех четырех областях, которые сложились ранее в силу естественного геогр. деления. Привлекало К. и толкование леммы из «Ономастикона» Поллукса (VIII, 109 *Bethe*), согласно которой четверем названиям «ионийских» фил предшествовали три другие серии названий, последовательно сменявшие друг друга во времена легендарных царей Аттики. Посредством остроумной перестановки в тексте Поллукса К. пытался установить параллелизм между «ионийскими» именами фил, их теофорными названиями и геогр. обл. Аттики (Диакрия, Паралия, Месогея, Акте), доказывая, что в действительности три серии названий фил у Поллукса существовали одновременно, а те из них, которые (отчасти) ассоциируются с профессиями, не древнее теофорных и геогр.

Несмотря на высокую оценку дис. ее руководителем Крузе, К. по результатам выпускного экзамена был удостоен не докт., а только магист. степени: Моргенштерна не вполне удовлетворила латынь его устного ответа. По-видимому, эта неудача привела к временному отходу К. от занятий греч. историей: он испрашивал у мин-ва разрешения писать докт. дис. по рус. истории под руководством акад. И. Ф. Круга в Петербурге, думая приложить свои силы к изучению визант. источников по истории России, но, по решению мин-ва, вместе с др. дерпт. выпускниками должен был продолжить свою подготовку в Берлине, где и находился с июня 1833 по конец зимнего семестра

1834/1835. В отчете за первый семестр К. сообщал о занятиях историей Средних веков и о намерении вскоре представить труды на эту тему, заодно высказывая неудовлетворение берлинскими специалистами по Средневековью и Новому времени, включая Л. Ранке; К. просил разрешения продолжить командировку в Мюнхене или Париже, чтобы учиться у Гизо, Тьерри и др. медиэвистов ради подготовки труда о феодальной системе Франции. После отказа он подал повторное прошение о возвращении в Петербург для занятий рус. историей под руководством акад. Круга (апр. 1834), опять безуспешно. Заболев оспой по дороге из Италии, где он побывал в 1834, К. вынужден был остановиться в Вене и после выздоровления работал в б-ках Вены, а на обратном пути — в Мюнхене.

Встречающиеся в литературе указания, будто К. был учеником Нибура и Бёка, ошибочны: Нибур умер в 1831, еще до начала командировки К. в Берлин; в отчетах К. нет и упоминаний о посещении занятий Бёка, который занимал каф. классич. филологии (лекции последнего слушали два др. дерпт. стипендиата — М. М. Лунин и В. Л. Печерин; см.: ЖМНП. 1834. Ч. 1. Янв.—март. С. 253–254). С Бёком, чье сочетание филол. методов и ист. интересов должно бы импонировать К., сближения не произошло, вероятно, не только из-за временного охлаждения К. к антиковедению, но и в связи с резкой критикой Бёка в дерпт. дис. К.; прохладны были и отношения Бёка с Крузе; во всяком случае, сам Бёк о работах К. впоследствии отзывался неодобрительно. В последний семестр в Берлине К. слушал лекции по археологии Э. Герхардта, ученика Бёка, специалиста по антич. вазам. В целом командировка, судя по отзывам самого К., оказалась полезна прежде всего возможностью работать в б-ках и хранилищах рукописей.

Официально командировка завершилась в июне 1835, в разгар реформирования С. С. У в а р о в ы м ун-тской системы. По новому Уставу 1835 проф. и адъюнкты должны были либо иметь докт. степень,

либо в течение года защитить дис.; часть мест, освободившихся в результате увольнений, была зарезервирована для возвращавшихся из-за границы стипендиатов мин-ва (ЖМНП. 1835. Ч. 4. Апр. С. LXXXIII–LXXXIV). После чтения пробной лекции по истории Средних веков К. был (с янв. 1836) зачислен в Петерб. ун-т как преподаватель древней и средневековой истории, сменив в этом качестве Н. В. Гоголя.

По свидетельству будущего ученика К., «привлекательным, но поверхностным рассказом веяло от Гоголя, а от К. слышалась строгая наука <...> К. излагал преимущественно историю внутреннего развития государств; события же внешние предоставлял студентам проходить по пособиям, на которые он указывал. Настаивая на необходимости изучения истории по источникам, он знакомил нас с известнейшими сборниками хроник и документов» (*Дестунис*. С. 4). Лекции К. в 1837 слушал И. С. Тургенев, возможно, не без его влияния решивший продолжить занятия древними языками и историей, наряду с философией, в Берлине; предполагалось участие К. в его заграничном путешествии в 1838 (Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу 1838–1844. Ч. 1 / подг. текста В. Ю. Лукиной // И. С. Тургенев: исследование и материалы. СПб., 2009. С. 509, 523, примеч. 523).

Cursus honorum К. в Петерб. ун-те: адъюнкт (1835), экстраорд. (1839), орд. проф. каф. всеобщей истории (1844). В 1836–1848 читал древнюю и средневековую историю на филол. ф-те (Григорьев. С. 127, 218). Преподавал и в других учеб. заведениях; служил в ИПБ (1842–1844), но вскоре оставил службу там «по состоянию здоровья и желанию сосредоточиться только на работе в университете» (*Михеева Г. В.* — СРНБ. С. 298).

Итоги занятий в берлинской командировке отражены в первой монографии К. на рус. языке «**Политическое устройство германцев до VI столетия**» (СПб., 1837), из которой видны увлеченные

занятия антич. и германским материалом и попытка решить вопросы, связанные с соц.-полит. укладом, на основании сопоставлений и соображений языкового характера. К. формулирует здесь свое понимание основных задач ист. науки: (а) критич. установление фактов на основании источников, (б) выяснение законов ист. развития, (в) «драматургическое» описание событий. Г. Дестунис (Цит. соч. С. 6) писал, что К. обратился к германским ин-там в надежде найти в них, благодаря большому богатству источников, разъяснение трудностей, связанных с племенным устройством греков, но затем от обширных изысканий в обл. позднейших средневековых ин-тов отказался. В своей след. книге **«Колена и сословия аттические»** (СПб., 1838) он вернулся к теме дерпт. дис. и тем самым — уже навсегда — к занятиям древнегреч. историей.

Книга «Колена и сословия аттические» — значительно расширенное по сравнению с дерпт. дис. исследование — принесла К. степень д-ра философии. На диспуте, состоявшемся 27 июля 1838, офиц. оппонентами были: законовед П. Д. Калмыков, товарищ К. по Дерпту и Берлину, и Н. Г. Устрялов; участвовали также министр С. С. Уваров, богослов А. И. Райковский и историк Ф. К. Лоренц. Несмотря на отсутствие специалистов по теме, диспут ознаменовал начало петерб. исторического антиковедения и торжество уваровской ун-тской реформы. Диссертант отвечал оппонентам на трех академ. языках — лат., нем. и рус. Старший коллега К. по ун-ту и друг Пушкина, П. А. Плетнёв, одобрил смелую разработку темы и положительное влияние нем. учености, критиковал промахи лит. изложения, а также выдвигание на докт. защиту темы магист. дис. (Современник. 1838. Т. 11. С. 38–50. Отд. «Критика»; Сочинения и переписка П. А. Плетнёва. СПб., 1885. Т. 1. С. 396–403). Сам К. позже определял свой взгляд на историю

«колен» (фил) как универсально-ист., видя его главный итог в том, что расселение «колен» изучено у него в качестве общей закономерности.

В конце 1838 К. впервые посетил Париж, где встретился с Ф. Гизо. Поездка способствовала появлению франц. издания книг К. об аттич. филах и общественном строе германцев в одном томе [*Essai sur l'organisation de la Tribu dans l'antiquité* / trad. du russe par M. Chopin. Paris, 1839; Жан-Мари, он же Иван Ив., Шопен (1798–1870) известен как популяризатор рус. литературы во Франции]. Остроумная критика кастовой теории и попытка установить общие закономерности развития древнейших полит. ин-тов на основе широкого круга источников по истории различных народов, благодаря франц. переводу, принесли обеим монографиям К. не только широкое и долговременное признание, но и критику. В авторитетном компендии по древностям (*Wachsmuth W. Hellenische Altertumskunde. Bd. 1. Halle, 1844. S. 355–356, 368*) работа К. об аттич. филах была названа основополагающей по этой теме. Дж. Грот, союзник К. в полемике с «кастовой» теорией, видел его заслугу в демонстрации «фундаментального сходства» общественного строя древних греков, римлян, германцев и славян, одновременно критикуя рус. исследователя за излишнее доверие к традиции при реконструкции древнейшей истории Аттики (*Grote G. History of Greece. London, 1847. Vol. 3, part II: Continuation of Historical Greece. Ch. 10. P. 83*).

Собрание и учет материала по истории племенной организации различных народов сделали оба исследования К. востребованными далеко за пределами антиковедения (Г. Спенсер, Л. Морган и др.). Дж. Грот, как рассказывали, встретил К., с которым не был знаком лично, словами: «Чего вы, русские, ездите за границу, когда у вас есть Куторга?» (Пантелеев. С. 188; со слов В. Г. Васильевского).

Интерпретация К. «ионийских» фил как родовых образований, сложившихся в рамках геогр. обл. Аттики еще до прихода ионийцев, не получила поддержки в науке, как и аналогичные предположения, выдвигавшиеся позже (см. о них: *Lambert S. D. The Phratries of Attica. Ann Arbor, 2001. P. 15*). Зато «кастовая» теория, в опровержении которой К. сыграл весомую роль, к концу XIX в. была окончательно отвергнута (о месте трудов Куторги в этой дискуссии см.: *Шеффер Вал. Афинское гражданство и народное собрание. Основы государства и деления граждан в Афинах. Ч. 1. М., 1891. С. 217–291; Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. 2. München, 21895. S. 98–107*). К началу XX в. концепция самого К. вышла из науч. обихода; кроме появления новых источников, сыграла роль и критика прямолинейных концепций «естественного» роста общ-ва из семьи, поставившая под сомнение фратрии и филы как образования, предшествующие государству (*Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. 1. Stuttgart; Berlin, 21907. S. 10, 14*; более осторожно: *Busolt G. Griechische Staatskunde. München, 1920. Bd. 1. S. 129, 134. Anm. 3*). Тем не менее, современный франц. представитель этого критич. направления считает работы К. сохраняющими науч. интерес (*Roussel D. Tribu et cité: études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. Paris, 1976. P. 169*). С учетом современного состояния вопроса взгляды, высказанные К., следует признать упрощенными, но не во всем ошибочными.

После успеха первых науч. трудов К. с характерной для него прерывистостью творчества не сразу приступил к новой работе. В конце 1830-х — начале 1840-х он выступает как публицист, склонный к обобщениям и не чуждый риторики. Его статьи имели успех. Эссе **«Исторические воспоминания путешественника. I: Версаль»** (ОЗ. 1839. Кн. 6. С. 30–58), написанное вслед за посещением Парижа, увлеченно рисует эпоху Людовика XIV, но показывает разочарование современной Францией (С. 54). Рассуждения в позднейшей расширенной редакции того же эссе, **«Исторические очерки. I: Людовик XIV»** (Современник. 1843.

Т. 29. С. 5–41, 161–195), напоминают о несущественных планах К. по истории феодальной системы Франции. В. Г. Белинский, давно знакомый с К. через П. Г. Редкина, товарища К. по Дерпту (Письмо к В. П. Боткину от 22 ноября 1839 // Белинский. Т. 9. С. 290), назвал очерк «лучшей ученой статью “Современника”» этого года (Русская литература в 1843 году [1844] // Белинский. Т. 7. С. 56).

Новая крупная тема К. — социальная и полит. история Афин классич. эпохи — была также намечена в лекции, обращенной к широкой публике (**О поэтической и философской стороне афинской образованности**: речь, читанная 25 марта 1843 г. на торжественном годовичном акте в Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1843). В ней подчеркивается образцовое значение греч., особенно афинской культуры, для современной цивилизации и европ. полит. развития. Тема получила развитие в спец. труде о раннем периоде афинской демократии: **«История Афинской республики от убийства Иппарха до смерти Мильтиада»** (СПб., 1848). Это сочинение К. находится в русле наметившейся в науке того времени положительной тенденции при оценке антич. демократии — либеральная по духу «История Греции» Грота, сыгравшая решающую роль в этом повороте, стала выходить в 1846, причем 3-й том этого труда, покрывающий период, о котором писал здесь К., вышел только в 1847.

Книга К. изображает борьбу молодой демократии с тиранией внутри и врагами извне, с преобладанием внешнеполит. и воен. истории. Написанная в нарративном ключе, с опорой на источники и со вниманием к деталям сохранившейся традиции, новая книга К. учитывала последние труды в обл. ист. топографии, филологии и др. Она получила доброжелательный, хотя и малосодержательный отзыв «Разбор сочинения г. профессора М. Куторги под заглавием: “История Афинской республики”, составленный г. профессором Блумом»

(на нем. яз.: Девятнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 17 апр. 1850 г. СПб., 1850. С. 191–202). Книга была удостоена Демидовской премии на 1848; в науке заметного следа она не оставила.

В эту пору от К. ожидали общей истории «Афинской республики», написанной «в духе Грота» — замысел, который был им надолго отложен, возможно, как раз ввиду большого успеха труда англ. историка, выходявшего в эти годы. И хотя в 1848 К. был избран чл.-корр. ист.-филол. отделения Петерб. АН по разряду ист. и полит. наук, однако вскоре начались гонения против классицизма — власти усматривали в нем одну из причин западноевроп. революций, так что объявление в газетах о выходе «Истории Афинской республики» К. было запрещено цензурой. К. должен был прекратить чтение лекций по древней истории и с этого времени читал только историю Средних веков и Нового времени — читал он занимательно, не вдаваясь в науч. сторону предмета, от которого давно отошел.

С утратой возможности преподавать любимый предмет и с недостатком подготовленных учеников связано, очевидно, появление в конце 1840-х домашнего «семинария» К. для студентов, выбравших историю в качестве специальности, в чем угадывается пример его дерпт. наставника Крузе. К. предлагал участникам вопросы для изучения, а работы их обсуждал и «таким образом на деле знакомил молодых людей с приемами и правилами исторической критики» (Записка В. В. Бауера // Григорьев. С. 216; *Скворцов А. М.* «Вечерние беседы» как начальный этап становления ученого в антиковедческой школе М. С. Куторги // *Мир историка: историогр. сб. Вып. 7 / отв. ред. В. П. Корзун.* Омск, 2011. С. 179–192). С 1848 по середину 1855 защищают магист., а затем докт. дис. ученики К.: В. М. В е д р о в, М. М. С т а с ю л е в и ч, Н. А. А с т а ф ь е в, В. В. Б а у е р.

Предлагая ученикам сравнительно узкие темы из полит. истории Афин классич. эпохи, К. требовал тщательного изучения источников (см.: *Скворцов А. М.* Подготовка и защита магистерских диссертаций в XIX в.: опыт учеников М. С. Куторги // *Мнемон.* СПб., 2010. Вып. 9. С. 451–468). Науч. принципы К. — «критика» историка как условие объективного исследования, в конечном счете нацеленного на установление «исторических законов» — не только были применены на деле его учениками, но и отстаивались ими в теоретич. плане. В 1850–1851 молодой Стасюлевич при поддержке К. вступил в полемику с Т. Н. Грановским и его учениками, противопоставив увлекательной и общественно значимой историографии «московской школы» строгий метод ист. науки, которая уже в постановке задач призвана следовать своей собственной логике (см.: *Малинов А. В., Прохоренко А. В.* *Философия истории в России.* СПб., 2010. С. 159–162).

Для самого К. период 1840–нач. 50-х в науч. отношении не был плодотворным. Популярный этюд о Перикле (**Исторические очерки. II: Перикл.** Статья первая // *Современник.* 1850. Т. 19. № 2. Отд. II. С. 65–84) остался неоконченным, т. к. был частью ставшего несвоевременным замысла писать историю афинской демократии. К. возвращается к более ранним (и более «академическим») темам: во фрагменте Дикеарха он находит следы учения о происхождении государства из семьи через фратрию, род и филу (*Die Ansichten des Dikäarchos über den Ursprung der Gesellschaft, nebst der Erklärung seines Fragments bei Stephanos von Byzanz s. v. πάτρα* // *Bull. AS.* 1851. Т. 8. P. 65–71).

К. снова возвращается к лемме Поллукса о древних названиях фил (*Beitrag zur Erklärung der Vier ältesten attischen Phylen.* Lu le 31 mai 1850 // *Ibid.* S. 87–96); публикует обещанное еще в «Истории Афинской республики» исследование реформы Клизфена [*Kritische Untersuchungen über*

die von dem Alkmäoniden Kleisthenes in Athen eingeführte Staatsverfassung. 1: Über die Vertheilung der Bürgerrechte an die Metöken // Bull. AS. T. 10. № 23, 24. Lu le 21 jan. 1853; рус. версия: Пропилеи. М., 1853. Кн. 3. Отд. 1. С. 145–187. Продолжение не появилось; все три нем. работы позже переизд.: MGR. T. 1 (1849–1855). SPb., 1855. P. 62–70, 71–82, 358–409].

Эссе о Л. Ранке воспроизводит уже знакомые по прежним работам К. суждения о методологии и развитии ист. знания. К. ставит Ранке выше других в решении двух задач ист. науки — в критике источников и в постижении законов ист. развития, отмечая хорошо известную слабость нем. историка в отношении третьей задачи — «драматургического» воссоздания «картины протекшего времени» (**Очерк новейших историков Западной Европы. I: Леопольд Ранке.** Статья первая // БдЧ. 1850. Т. 99, кн. 2. Отд. III. С. 114).

Лишь с приближением Великих реформ, с восстановлением антиковедения в его законных правах появляется новая крупная науч. работа К. **«Персидские войны: критические исследования событий этой эпохи древней греческой истории»** (1858; половинная Демидовская премия 1859). Хронологически этот труд продолжает «Историю Афинской республики», но практически не касается истории государственности, а сосредоточен на источниковедческих вопросах, относящихся к заключительной части греко-персидских войн и к началу Пентеконтаэтии. К. защищает здесь давно отвергнутую теорию, согласно которой афинский год до 432-го начинался зимой, в месяце Гамелионе, и в связи с этим пересматривает датировку ряда событий; разбирая спорные моменты в биографиях полит. деятелей и в истории восстания Египта против персов (критич. и в целом справедливая оценка этих гипотез дана в отзыве Ф. К. Лоренца: Разбор сочинения М. С. Куторги под заглавием «Персидские

войны, критические исследования событий этой эпохи древней греческой истории» // Двадцать восьмое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 5 июня 1859 г. СПб., 1859. С. 141–148). Опубликованное здесь же исследование «трапезитских, или банкирских домов» показывает новую обл. интересов К. — экон. историю.

Деятельного участия в пробудившейся с середины 1850-х общественной жизни К. уже не принимал. При обсуждении нового ун-тского устава он оказался в одиночестве, отстаивая обязательность классич. языков для историков и защищая «ретроградный» принцип, согласно которому «ни один новейший историк ничего не значит в сравнении с Фукидидом» [Никитенко. Т. 2. С. 21 (30 апр. 1858); см. также: Т. 2. С. 83 (7 апр. 1859)]. В 1859 К. воспринял как оскорбительный один инцидент во время его лекции, и хотя формальное примирение со студентами состоялось, к ун-тским занятиям К. остыл (*Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М., 2001. Гл. 9).

Снятие запрета на командировки за границу после смерти Николая I позволило К. возобновить прерванные науч. контакты. К. организует науч. командировки своих учеников [*Скворцов А. М.* Заграничные командировки как этап профессиональной подготовки антиковедов (на примере научной школы М. С. Куторги) // Мнемон. СПб., 2012. Вып. 11. С. 403–418]. Установив сотрудничество с парижской Академией надписей, К. по совету франц. коллег — Б. Сен-Илера, Ф. Ле Ба, Ж.-П. Россиньоля — приступает к публикации «Персидских войн» по-французски, в виде отд. частей. Известный франц. филолог Э. Эггер (чл.-корр. Петерб. АН Emile Egger, в России его чаще именовали Эмиль Эгге), с которым К. состоял в переписке, зачитывает в 1860–1861 на заседаниях парижской Академии надписей «мемуары» К. — о персидской партии, о хронологии мидийских войн,

о беотийских поселениях, о Р. Бентли. Издаваемые в трудах Парижского ин-та эти работы К. становятся предметом науч. обсуждения, что положительно сказывается и на его науч. производительности в это время.

Франц. перевод основной части книги о персидских войнах («Recherches critiques sur l'histoire de la Grèce pendant la période des guerres médiques», 1861) получил, впрочем, неодобрительный отзыв нем. рецензента под криптонимом Sch. (Historische Zeitschrift. 1862. Bd. 7. S. 176–178; автор — Leop. Schmidt — установлен по письму Иосифа Шиховского М. С. Куторге от 22 февр. / 6 марта 1862 — ОР РНБ. Ф. 410. Д. 190. Л. 3–4). Отмечая солидную ученость автора, рец. не согласился ни с его гипотезой о том, что до календарной реформы Метона (432 г. до н. э.) афинский год начинался зимой, в месяце Гамелионе, ни с другими положениями книги, которые опираются на ту же гипотезу. Сам Бёк заметил, что К. выдвигает против него (см.: Recherches. P. 25) тот же аргумент, что некогда К. Ф. Герман, и не знает ответного возражения Бёка (Boeckh A. Kleine Schriften. Bd. 4. S. 95; к истории вопроса ср. loc. cit. и S. 85. Anm. 1). К. критика не убедила; впоследствии он вновь вернулся к защите той же — давно и, по-видимому, справедливо отвергнутой в науке — гипотезы [О дне и празднике нового года у афинян пред Пелопоннесской войной, с объяснением одной оропской надписи: ист. исследование. СПб., 1865 (Прил. к ЗАН. 1865. Т. 8. № 5)].

Критике подверглось и то доверие, с которым К. относился к т. н. *Письмам Фемистокла*. Этой теме посвящена спец. работа К., в которой он, не оспаривая тезис Р. Бентли о неаутентичности этих писем (Examen de la dissertation de Richard Bentley sur l'authenticité des lettres de Thémistocle. Paris, 1861), доказывал, что сочинитель писем все-таки основывался на ранних и надежных источниках (суждение К. «против Бентлия» см. в его посмертно изданных трудах: СС. Т. 2. С. 5, примеч. 2). Работа получила иронич.

ответ В. Риббека (*Ribbeck W. Bentley und die Briefe des Themistokles // RhM. N. F. 1862. 17. Jhrg. S. 202–215*), но вопрос остается спорным по сей день (сходная точка зрения — независимо от К. — нашла защитника сто лет спустя: *Lenardon R. J. Charon, Thucydides, and «Themistokles» // Phoenix. 1961. Vol. 15. P. 28–40*).

Большой успех выпал на долю исследования К. об афинских траpezитах, которую нередко называют первым науч. трудом по антич. банковскому делу: «Essai historique sur les trapézites ou banquiers d'Athènes précédé d'une notice sur la distinction de la propriété chez les Athéniens» (Extrait du Compte-rendu de l'Académie des sciences morales et politiques. Mémoire lu à l'Académie des sciences morales et politiques dans la séance du samedi 24 septembre 1859. Paris, 1859; ср.: «Персидские войны...». Разд. 3). В заслугу К. ставят, в частности, правильное толкование афинских понятий «видимое» и «невидимое» имущество (οὐσία φανερά / ἀφανής) не в смысле «движимое» и «недвижимое» (так А. Бёк и К. Ф. Герман), а «признанное или непризнанное государством (с точки зрения налогообложения)» (*Hasebroek J. Zum griechischen Bankwesen der klassischen Zeit // Hermes. 1920. Bd. 55. S. 114; ср.: S. 124, 157*).

Вслед за работой в парижских б-ках К. совершает за счет мин-ва путешествия в Грецию, Малую Азию и Египет (конец 1859 — конец мая 1860; ОР РНБ. Ф. 410. Д. 31, 33) и повторно — в Египет и Грецию в февр.–нояб. 1861 (Там же. Д. 43. 6.07.1861 — черновик прошения о продлении командировки; Там же. Д. 40. Дневник путешествия по Египту и Греции, март–нояб. 1861). В частности, К. занимается ист.-геогр. изысканиями в Беотии: его заслугой считается установление местонахождения города Галы, с опорой на исследование местности наряду с указаниями Страбона и Павсания (**Les villes de Cyrtanes et de Corcia. Les ruines**

d'Halae // *Revue archéologique*. 1860. Nouv. sér. Vol. 2. P. 390–395; cf. *Bölte F. Halai* // *RE*. 1912. Bd. 7. Sp. 2227–2228).

Плодами своего двукратного посещения Платей в 1860 и 1861 К. поделился с Й. Х. Ф. Бэрм, включившим их в свой комментарий к Геродоту (*Bähr J. Ch. F., Creuzer G. F. Herodoti Musae*. Vol. 4. Lipsiae, 1861. P. 298). Неостывающий интерес к ист. геогр. показывает и рец. К. на труд К. К. Гёрца «Археологическая топография Таманского полуострова» (РВ. 1870. Кн. 12. С. 789–811) с замечаниями о недооценке автором указаний антич. источников. Возможно, что и планировавшаяся поездка в Троию (Письмо К. П. Белецкого-Носенко 29.7.1868 г. // ОР РНБ. Ф. 410. Д. 104. Л. 11) связана была с желанием проверить на месте свои кабинетные разыскания времен дерпт. юности. К тому же К. увлечен надписями, которые он мало принимал во внимание в более ранних работах; теперь у него сложилось обыкновение списывать тексты всех надписей, имеющих отношение к теме занятий, независимо от того, изданы они или нет.

Неблагоприятная для занятий обстановка в Петерб. ун-те [студ. волнения, вследствие которых ун-т был закрыт 20 дек. (с. ст.) 1861, чтобы открыться вновь лишь осенью 1863] и частые отлучки К., увлекшегося исследованиями, путешествиями за границу и поездками в свое имение Борок, способствовали растущему взаимному отчуждению К. и коллег по ун-ту, вследствие чего К. был забаллотирован при выборах на должность проф. в янв. 1864. В итоге Совет ф-та предложил К. продолжить преподавание в качестве почетного чл. ун-та (Никитенко. Т. 2. С. 402; ср.: С. 409), а мин-во назначило К. проф. вне штата. В этом качестве он прослужил в Петерб. ун-те до 1869. В повороте ун-тского антиковедения к ист.-филол. направлению в 1860-е роль К. уже менее заметна: в 1864–1866 древнюю историю читал В. В. Бауер, а с 1867 — Ф. Ф. Соколов (Григорьев. С. 368, 370). В янв.

1866 К. был избран управляющим 3-го (Классич.) отделения РАО, но вследствие болезни не мог исполнять свои обязанности; в 1869 он сложил их с себя в связи с новой поездкой за границу.

Закончившая свой век в 1848 уваровская система позволила К. воплотить в жизнь свой талант ун-тского наставника будущих ученых и педагогов. Тем не менее, часто высказываемое суждение о том, будто он создал петерб. (и даже российскую) антиковедческую школу, следует считать преувеличением: в обл. древней истории ученики К. не оставили заметного следа, вскоре перейдя в другие обл., напр., медиевистику или историю Нового времени, а то и вообще оставив науч. работу. В создании непрерывной науч. и пед. преемственности ист.-филол. направления в петерб. антиковедении решающую роль сыграли младшие по возрасту филологи: Н. М. Благовещенский, К. Я. Люгебиль и И. В. Помяловский, вместе с историками В. В. Васильевским и, особенно Ф. Ф. Соколовым, которые не были в прямом смысле учениками К. Недолгая жизнь «школы К.» объясняется отчасти полит. условиями времени (гонения на классицизм николаевской эпохи, а затем время либеральных реформ, когда античность на время утратила свою притягательность как неактуальная) и более частными обстоятельствами (самолюбивый характер К., болезни и постепенное разочарование в преподавании). Гл. причиной, однако, были ограниченные возможности для специализации по древней истории в ун-тах того времени вплоть до начала 1870-х: история древнего мира, еще недостаточно выделившаяся в самостоятельную дисциплину из лона «всеобщей истории», оставалась в основном лекционным курсом. В этом она заметно уступала классич. филологии, которая благодаря классицистич. реформам Уварова и особенно Толстого получила преимущества — значительное

количество преподавателей и возможность проводить спец. занятия, в частности, по таким бурно развивавшимся тогда «вспомогательным дисциплинам», как источниковедение, эпиграфика и палеография: становясь все более необходимыми для развития ист. знания, эти дисциплины произрастали прежде всего из филологии. Сам приверженец филологически ориентированного ист. исследования, К. способствовал росту вспомогательных дисциплин и повороту филологов к ист. тематике. За К. остается, т. о., немалая заслуга родоначальника критического, основанного на источниках направления в преподавании и изучении антич. истории в Петерб. ун-те; благодаря его ученикам оно также ощутимо окрепло в медиэвистике и в истории Нового времени.

В конце петерб. периода в творчестве К. появляются новые науч. темы и вместе с ними историософская концепция, показывающая определенный сдвиг от либерального «западничества» к весьма своеобразному варианту почвеннического классицизма или, скорее, «гуманистич. почвенничества»: России для достижения успехов, сопоставимых с западной цивилизацией, необходимо обрести основу для самобытного культурного развития, которое в конечном счете зависит от успехов «чистого», т. е. неутилитарного науч. знания. Непременное условие этого — творческое усвоение античности, в первую очередь древнегреч. наследия, по аналогии с Возрождением на Западе.

Эта концепция впервые отчетливо изложена во вводной лекции к курсу по источниковедению и методологии ист. знания (Лекции всеобщей истории в С.-Петербургском университете. Вступ. лекция 5-го окт. 1864 г. Введение в историю древней греческой образованности // ЖМНП. 1867. Янв. С. 154–172). Здесь намечены важнейшие идеи и темы, получившие развитие во всех последующих работах К.: надежность антич.

исторической традиции и опасности радикальной науч. критики; опровержение благодаря новейшим археол. открытиям взглядов о всецело самобытном расцвете греч. культуры (с одновременным предостережением неумеренным поборникам самобытного русского пути); наконец, фундаментальная противоположность идей, лежащих будто бы в основе вост. и древнегреч. культур — величия и красоты греч. Древнегреч. культура, перейдя в Рим, а затем в Византию и, наконец, к слав. народам, «вновь выступила на историческое поприще в XV столетии и произвела тот умственный переворот, который носит название Возрождения». Во всемирном значении и, одновременно, уникальности древнегреч. культуры К. усматривает фундаментальную ценность классич. образования: современное движение против древних языков и литературы как «бесполезных» подрывает изучение греч. истории, которое «возможно только при знании языка», а с нею вместе и мировой истории, а значит — исключая постижение «законов постепенного хода человечества» (Цит. соч. С. 167).

Оценка значения эллинизма для рус. культуры у К. соединяет универсализм с почвенничеством. Распад антич. мира, берущего начало в греч. культуре, на Зап. и Вост. части Римской империи, их завоевание германцами и славянами и усвоение первыми римск., а вторыми греч. культуры, дает русским преимущество в их «корнях», в силу превосходства греч. культуры над римской. К. рекомендует начинать образование не с лат., а с греч. языка; он надеется, что изучение древней Греции «обогатит нас новыми идеями и пробудит в нас такую же умственную деятельность, какая была в эпоху Возрождения в Германии» (С. 171). Благодаря этому наука, содержание, цель и средства которой универсальны, приобретает по форме «народное направление». С этими новыми убеждениями (а может быть, и с прохладным откликом на его франц.

публикации) связан, очевидно, отказ К. от дальнейших публикаций на зап. языках: «наука излагается и всегда должна излагаться не на каком другом, а только на языке отечественном» (С. 172); отсюда же его переход к жанру науч. публицистики, рассчитанной на отеч. читателя. К. начинает публиковаться в офиц. «ЖМНП» и в «РВ» М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, с которыми он прежде сотрудничал в «Прописях», а теперь сблизился на почве консервативного классицизма.

В 1869, завершив службу в Петерб. ун-те, К. выдвинул свою кандидатуру на вакантное место орд. проф. каф. всеобщей истории Моск. ун-та и с третьей попытки набрал необходимые для избрания две трети голосов (ЖМНП. 1869. Сент. С. 59–61). Переход К. в Москву в либеральных кругах связывали с именем филолога-классика П. М. Леонтьева, который к тому времени приобрел одиозную репутацию в ун-тской среде (*Аноним*. [М. М. Стасюлевич?]. Московские «компрачкосы» // ВЕ. 1869. Т. 4. Май–июнь. Кн. 5–6. С. 914–916; *Кареев*. С. 119).

В Моск. ун-те в 1869–1874 К. читал лекции по древней истории филологам первых двух курсов вместе с юристами (специализация по истории появилась в 1872), а также ист. критику студентам третьего и четвертого курсов (см. *Языков*. С. 566; *Лукьянов* С. М. О Вл. С. Соловьёве в его молодые годы: материалы к биографии. Т. 1. Пг., 1916. С. 140–141). Несмотря на репутацию сподвижника Леонтьева, рейхлиновское произношение греч. слов, а также «щекотливое самолюбие» (*Кареев*), К. сумел и в Москве завоевать симпатию аудитории. Историю Греции он читал, как и ранее, выборочно, с подробным разбором отд. тем на основании источников; новым было использование топографич. материала, почерпнутого, в частности, из собственных путешествий. К. не избегал рассказов о своих достижениях: на экзамене надлежало знать, что в XIX в. первыми по пути персов через Фермопилы

прошли генерал Т. Гордон (1837), а затем сам К. Впрочем, запомнилось слушателям и то, как К. упоминал о случаях, когда его догадки были опровергнуты послед. исследованиями (*Языков*. С. 566; *Кареев*. С. 119–120).

Пед. манера К. обескуражила его студента Н. И. Кареева, когда на вопрос, что читать по греч. истории, тот назвал лишь античных историков. Однако только отчасти эта установка объясняется его презумпцией доверия к традиции, действительно (и чрезмерно) выдвигавшей им на первый план в эти годы. В большей степени за этим стоит пед. правило, которое вряд ли устарело: начинающий историк должен усвоить основные сведения из лекционного курса и приобрести навык работы с источником, не погружаясь раньше времени в науч. полемику, которую он до времени не способен понять по существу. Достоинства этого подхода — подразумевалось, конечно, чтение источников в оригинале — нельзя не признать, как бы ни трудно было этому следовать.

В конце 1860-х К. задумывает труд по истории ист. знания (см: ЖМНП. 1869. Сент. С. 59–61) от его становления в древней Греции до современной эпохи. При этом подчеркивалось — в русле борьбы с гиперкритицизмом — раннее наличие в Греции письменности и раннее появление — в отличие от Востока — науч. историографии, т. е. такой, которая стремится к установлению истины (СС. Т. 2. С. 19–20).

С перерывами эта работа, оставшаяся незавершенной, продолжалась до конца жизни К. Отд. части: «Об историческом развитии понятия истории от древнейшей эпохи на Востоке до нашего времени» (ЖМНП. 1868. Февр. С. 283–297; Март. С. 848–872); «О достоверности древнейшей греческой истории» (1872); «О различных видах бытописания у древних эллинов» (1872; обе последние опубл. посмертно: СС. Т. 2); «Водворение на Западе изучения эллинизма с эпохи Возрождения» (1884; опубл. под названием: Водворение в Западной Европе изучения эллинизма // ЖМНП. 1891. Май. С. 78–120; Июнь. С. 216–251 = СС. Т. 1. С. 1–76).

В начале 1870-х К. обратился к новой теме. Его монография **«Влияние Востока на развитие эллинской образованности»** (1872–1877), изданная посмертно (С. Т. 2. С. 439–613), написана под воздействием новейших археол. открытий, а также под впечатлением от знакомства с памятниками в Греции и на Востоке во время собственных путешествий. Также и эта тема ведет к историософским выводам о сочетании заимствованных и исконных черт в рус. действительности: подобно тому, как древнегреч. культура достигла самобытности благодаря творческой переработке заимствованных с Востока достижений, Россия, получив импульсы от зап. цивилизации, должна встать на путь самостоятельного, в первую очередь научного, развития через обращение к своим эллинским истокам, что и принесет ей осознание собственных начал (О науке и ее значении в государстве. Статья первая // РВ. 1873. Т. 104. № 2. С. 10).

Не уставая убеждать в спасительном для России значении классич. образования и противостоянии требованиям «полезности» науки и школы, К., публиковавшийся в «РВ», неизбежно стал мишенью для нападок со стороны либеральных и западных коллег, отождествлявших его позицию с М. Н. Катковым и П. М. Леонтьевым — вдохновителями начатой в 1871 толстовской реформы, с которыми К. в самом деле был издавна лично связан. В действительности вера К. в значение классич. образования в первую очередь для выработки самостоятельного, науч. склада ума была далека от веры гр. Д. Толстого в классицизм как мощное средство против свободомышлия. В статье «О науке и ее значении в государстве» (С. 5–30) К. протестовал против западного направления, упрощенно сводя его к стремлению усваивать в готовом виде достижения зап. цивилизации; лишь запальчивостью партийной борьбы, однако, можно объяснить, что его

оппоненты не увидели в его словах неколебимую приверженность европ. идеалу чистого, незаинтересованного науч. знания, традицию и ин-ты которого России предстояло только выработать, идя по тому же пути, что и Зап. Европа.

Гл. средство для этого — классич. образование. «Учение <...> не усвоение разнородных, применимых к жизни сведений и не навык или ловкость в обращении с отвлеченными предметами; словом, не есть обучение, а развитие самостоятельного умственного труда и строгой последовательности мысли. Это достигается классическим учением, которое благотворно по той именно причине, что делает человека способным к занятию наукой. До последнего времени мы шли в этом отношении путем совершенно противоположным тому, которому следуют западные европейцы; у нас почти нет приверженцев классического учения, и наоборот, огромное число его противников. Но антиклассическое учение, состоя в усвоении хотя разнообразных, но весьма поверхностных сведений, есть полнейшее отрицание науки, и вредно всего более потому, что лишает человека навсегда возможности занятия наукой» (Там же. С. 29–30).

Резкий ответ на статью был дан М. М. Стасюлевичем (В. 1873. Т. 41. С. 451–463; под псевд. Д. Е.): тот, давно разойдясь с прежним наставником в общественных и образовательных вопросах, увидел в ней лишь апологию толстовской реформы, с которой вел непримиримую борьбу («греко-римское крепостное право»); отзыв содержал обидный (и не во всем беспорядный) разбор ошибок в переводах из антич. и новых авторов и критику передержек в апологии науки; анонимный ответ на критику (самого К.?) опубл. в «РВ» (1873. Т. 105. С. 487–488). Полемика вызвала в Моск. ун-те неприятный резонанс, ибо, по слухам, в написании ответной статьи Стасюлевича участвовали коллеги К., историк В. И. Герье и филолог-классик Ф. Е. Корш (*Кареев*. С. 120); это, возможно, ускорило уход К. на покой.

В 1874 К. вышел в отставку и переехал в свое имение Борок, где жил до конца безвыездно. Здесь он мог пользоваться собранной им в течение жизни б-кой, сокровищами которой охотно делился с учениками; в момент продажи с аукциона после смерти владельца она насчитывала 2807 названий (см.: Каталог библиотеки М. С. Куторги. СПб., 1906; *Фролова О. Э.* Издания Этьеннов из собрания М. С. Куторги в РНБ // Мнемон. СПб., 2005. Вып. 4. С. 456–457). Это книжное собрание и, главное, обретенный теперь досуг позволили К. завершить начатые труды и создать ряд новых. В Борках К., не раз переживавший разочарование в ходе своих исследований, дважды прошедший через огорчения на своем пед. поприще, испытал длительный и непрерывный научный подъем, продолжавшийся почти до самой его кончины (см. предисловия к посмертному изданию сочинений К. его племянника: **Собрание сочинений Михаила Семеновича Куторги** / с портр. автора; под ред. Мих. Степ. Куторги. Т. 1. СПб., 1894; Т. 2. СПб., 1896).

Планы большого труда по истории афинской демократии были в известной мере осуществлены К. в форме монографий об ее отд. периодах и аспектах. Объединяющей идеей этих работ стала гипотеза о постепенном развитии афинской демократии, после ее окончательной победы при Клисфене, в установившуюся при Перикле «политию», или «равноправную гражданскую общину», в которой власть большинства была уравновешена избранием на высшие должности представителей бывшей знати, превратившейся в прослойку образованной элиты, носительницы наследственных добродетелей. В этой форме правления каждый гражданин получил возможность прямо участвовать в общественных делах (голосовать, быть судьей и пр.) и был обязан заниматься ими, не имея права передавать кому-либо свои полномочия; так была достигнута

наивысшая из возможных в древности степень равенства (К. не забывает, что последнее касалось лишь сравнительно небольшого числа свободных равноправных граждан); в «политии» господствует не большинство, но закон (ЖМНП. 1891. Дек. С. 349–353).

Концепция «политии» была намечена уже в статье «Борьба демократии с аристократией в древних эллинских республиках перед персидскими войнами» (РВ. 1875. Т. 120. № 11. С. 5–61) и получила дальнейшее развитие в рец. К. на книгу его ученика П. И. Люперольского. Несмотря на продолжительную дружбу с последним, К. подверг резкой и пристрастной критике взгляды Грота о наивысшем развитии демократии в эпоху Перикла, которым следовал Люперольский (РВ. 1880. Т. 145. № 2. С. 811–852). Обоснованию той же концепции служат три большие работы К. (опубл. посмертно): «Из неизданных сочинений. О правительственной деятельности афинских граждан и понятиях древних эллинов о службе» (1880–1881) // ЖМНП. 1891. Дек. С. 343–392; в более полном виде: СС. Т. 1. С. 77–152; «О существовании в Греции особого самостоятельного вида республиканской формы правления, именуемого Политиею» (дек. 1884 — май 1885); «Историческое происхождение афинской Политии» (май 1885 — апр. 1886). В СС (Т. 2. С. 197–438) две последние работы объединены издателем под общим названием: «Афинская Полития: ее состав, свойство и всемирно-историческое значение». Прервав работу над историей «политии» в Афинах для того, чтобы изучить вопрос о положении афинских рабов и метеков, К. возвратился к основной теме в конце 1884 и почти успел завершить задуманное: работа была прервана последней болезнью весной 1886 (СС. Т. 2. С. IV, примеч. 2).

Сама концепция «политии» по К. не получила и не могла получить поддержки в науке. По мнению В. П. Бузескула, это был оригинальный, подчас даже странный, взгляд (Бузескул 2008. С. 104). В самом деле, К. не проясняет, в чем он усматривает конституционные новшества, приведшие к ограничению власти демоса и усилению аристократии при

Перикле; он игнорирует то, что плата гражданам за исполнение обязанностей в суде, введенная как раз в это время, способствовала, напротив, дальнейшей демократизации; ошибочно и утверждение К. (он следовал здесь Бёку), будто большинство магистратур в Афинах выполнялось гражданами безвозмездно. Что касается термина «полития», то попытки К. найти его у антич. авторов применительно к афинскому строю игнорируют полисемию этого слова: в цитируемых им примерах оно имеет свои обычные значения — «государственное устройство», «совокупность граждан», но не особую форму правления.

Аристотель — единственный писатель, который пользуется термином «полития» в специфич. значении промежуточной формы между олигархией и демократией, где гражданские права принадлежат «среднему» классу, обладающему средствами для приобретения гоплитского вооружения. Однако Аристотель, разумеется, не относил этот строй к Афинам Перикла (для него они были примером чистой демократии). К этому аристотелевскому понятию несомненно восходит идея К. о политии, хотя под его пером она принимает несвойственные Аристотелю черты правления народа, добровольно избирающего на высшие должности представителей образованного класса — плод по меньшей мере спорной экзегезы, подсказанной полит. пристрастиями.

Искусственная концепция «политии» отражает не только умеренно-либеральные предпочтения К., но и его движение «вправо» в полит. смысле; ранее он определенно понимал полит. строй классич. Афин как демократию («История Афинской республики»). Новая трактовка навеяна, кажется, усиленно развиваемой в это время М. Н. Катковым и «РВ» идеей российского дворянства как «передового ряда народа» и силы, связующей монархию и народ в противоположность франц. аристократии, не выполнившей подобного назначения накануне революции

[Неведенский С. (Шегловитов С. Г.). Катков и его время. СПб., 1888. С. 449–450; Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978. С. 130].

Между тем в ходе работы над историей афинской «политии» К. встретился с частным вопросом о различии почетных «гражданских» и низших «служебных» магистратур, исполнявшихся рабами и бедными гражданами (СС. Т. 1. С. 100–146). Это привело его к углубленному и занявшему время с конца 1881 по июнь 1884 изучению статуса афинских рабов и метеков в Афинах; итогом этих занятий стала монография (более 400 с.) **«Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике»**, самый значительный науч. труд последнего периода его жизни (1-я гл. напечатана посмертно: Исследования по истории государственных учреждений Афин // ЖМНП. 1892. Июль. С. 24–65; Авг. С. 97–134; Окт. С. 258–297; Ноябрь. С. 318–346; полностью: СС. Т. 1. С. 153–560).

Концептуально работа связана с общими взглядами К. на афинскую «политию»: признавая необходимость рабского труда для расцвета культуры, он не закрывал глаза на тяжелое положение рабов, отмечая в то же время человеколюбивое отношение к ним в Афинах. К. сблизил статус афинских рабов с положением крепостных в России и подчеркивал отличие тех и других от северо-американских рабов. Преувеличивая приток новых граждан из числа рабов и метеков в IV в до н. э. (СС. Т. 1. С. 504), К. видел и в этом одну из привлекательных черт афинской «политии».

Это «первое масштабное исследование социальной стратификации рабского населения в классических Афинах», по Э. Л. Грейс (Казакевич), основанное на анализе множества лит. и эпиграфич. источников, не было своевременно учтено ни на Западе из-за языкового барьера, установленного самим ученым

при выборе языка, ни в России из-за слабого еще в ту пору интереса к соц.-экон. истории, а впоследствии — из-за идеолог. диктата в советское время.

Только с ослаблением давления появляются первые серьезные отклики на этот труд К. (Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 18–20; Казакевич Э. Л. Были ли рабами οἱ χωρὶς οἰκοῦντες? // ВДИ. 1960. № 3. С. 23–42). Несмотря на недостатки, связанные с характерным для К. преувеличенным «доверием» к источникам, и приток нового материала, монография сохраняет и сейчас интерес благодаря отд. интерпретациям (см. общую оценку: Heinen H. — Handwörterbuch der antiken Sklaverei / hrsg. von H. Heinen. CD-ROM-Lieferung 1–3. Stuttgart, 2010).

Итог своих историософских размышлений К. подвел в письме к Г. С. Дестунису от 7 янв. 1883 (СС. Т. 1. С. VII), сведя воедино основные темы своих работ последних десятилетий и указывая на великую, по его мнению, роль эллинского наследия для прошлого и будущего России. Значение культуры классич. Афин равно велико как для Зап., так и Вост. Европы, для христианства и гуманизма. Как вершина гос. развития греков, «полития» способствовала появлению двух новых идей — свободы гражданской и свободы мысли. Эти идеи обеспечили греч. цивилизации полит. и культурные успехи и тем самым ее всемирно-ист. значение; распространившись на Восток вместе с завоеваниями Александра, они же подготовили мир к принятию христианства; вновь воспринятые Зап. Европой в эпоху Возрождения, они «доставили ей всеми нами признаваемое <...> первенство». Понимая классич. традицию как альфу и омегу современной *европейской* культуры, К. видит в ней основное средство для обретения самостоятельного *национального* развития.

Думается, однако, что конкретные исследования последних лет его жизни, особенно монография о рабстве, имеют

большее значение для науки, чем дорогие сердцу К. идеи политики и русского почвенного классицизма. Примечательно, что часть свободного времени в Борках К. уделял общественной деятельности, выступая как почетный мировой судья Мстиславля. Умер К. в своем имении в мае 1886. Работы последнего периода (1872–1886), изданные посмертно в двух томах, его племянник, Мих. Степ. Куторга, поделил на главы, снабдил заголовками, иногда отличающимися от авторских, а также примеч., в т. ч. ссылками на литературу, вышедшую после смерти автора, и в особенности — на текст новонайденной тогда «Афинской политики» Аристотеля (ed. princ. 1891). Общее название, которое К. (мл.) дал собранию трудов К. — **«Афинская гражданская община по известиям эллинских историков»**, — не покрывая всей тематики поздних трудов К., вполне соответствует гл. предмету интересов историка. Третий том, который должен был содержать материалы из архива К. и его биографию (СС. Т. 1. С. 79–80), не был издан из-за ранней смерти его племянника и душеприказчика.

В почтительном к памяти ученого отзыве (ЖМНП. 1895. Апр. С. 438–455) Ф. Г. Мищенко отдал должное тщательности, с которой К. анализировал источники, пластичности его изложения, силе аргументации и любви к своему предмету. К недостаткам он отнес склонность к отступлениям, неудачные архаизмы и неологизмы при передаче греч. терминов, а также во многом устаревшую методологию (Там же. С. 450–451), в особенности доходящее до крайности отрицание конъектуральной критики и гиперболизированное доверие к источнику, выходящее за пределы вероятия. С этой оценкой трудно не согласиться: научное значение К. определенно состоит не в защите антич. традиции против «гиперкритицизма» — в их декларативной форме оба подхода принадлежат скорее научной

моде, чем практич. методологии, — но в последовательном применении критич. метода при изучении источников в его трудах, равно как и в импульсах, шедших от его преподавания.

Литература: Чумиков А. А. Петербургский университет полвека назад: воспоминания бывшего студента (Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830–1840 гг.) // РС. 1881. Т. 30. № 2. С. 367–380; Дестунис Г. С. Михаил Семенович Куторга: воспоминания и очерки // ЖМНП. 1886. Июль. С. 3–14; Языков Д. Д. Воспоминания о М. С. Куторге // ИВ. 1886. Т. 25, кн. 9; Алпатов М. А. Мировоззрение М. С. Куторги и его концепция истории древней Греции // ВДИ. 1955. № 3. С. 179–198; Константинова А. Д. Жизнь и научная деятельность М. С. Куторги // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 2. Казань, 1967. С. 80–122; Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990; Кудрявцева Т. В. М. С. Куторга и петербургская историческая школа: о преподавании истории в Петербургском университете в 20-е — начале 30-х гг. XIX в. // Россия в контексте мировой истории: сб. ст. / отв. ред. А. А. Фурсенко. СПб., 2002. С. 408–430; Георгиев П. В. Русский панславизм 19 века и античная демократия: концепция политики М. С. Куторги // Уч. зап. Казан. ун-та. 2008. Т. 150, кн. 1. Сер. Гуманитарные науки. С. 214–218; Скворцов А. М. Научная школа в отечественном антиковедении: М. С. Куторга и его ученики: автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 2012 ♦ РБС; Брокгауз; Григорьев; Фролов 2006; Бузескул 2008; Рубан, Басаргина 2015.

Архивы: ОР РНБ. Ф. 410 (М. С. Куторга; выписка из метрической книги, материалы родословной, служебная и личная переписка); СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 1154 (Куторга М. Программа лекций всеобщей истории 2-го курса 1864/65 учеб. года); ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4536 а. Л. 386. (1868 г., прошение о командировке за границу); Д. 5279 (программа второй части древней истории для студентов 2–4 курсов ИФФ, 1853/54 учеб. год); РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290 (о защите магист. дис.); Оп. 147. Д. 259. Л. 88–96 (о переходе М. С. Куторги в Москву и о повторном голосовании, устройством Леонтьевым); Оп. 225. Д. 255 (ф. с. М. С. Куторги).

А. Л. Верлинский, Н. А. Кузнецова

КУТОРГА Михаил Степанович

KUTORGA M. Step.

[8(20).4.1853, Петербург? —

9(22).4.1905, Петербург;

Никольское кладб.

Александро-Невской лавры],

филолог-классик, педагог

Сын известного петерб. проф. геологии и минералогии Степана Семеновича Куторги и племянник Михаила Семеновича Куторги. Начальное образование К. получил в Ларинской (4-й Петерб.) гимназии (при директоре И. Ф. Кнорринге и инспекторе К. В. Кедрове), затем поступил на ист.-филол. ф-т Петерб. ун-та. Выбор ф-та, вероятно, обусловлен влиянием дяди-эллиниста (когда умер отец, К. еще не было 10 лет). После окончания ун-та со званием кандидата (практически только на «отлично»; ЦГИА СПб. Ф. 3. Оп. 1. № 2422. Л. 13), К. приступил к преподаванию.

К. был землевладельцем: ему принадлежало поместье в 100 дес. в Мстиславском у. Могилёвской губ. [см.: Архив РНБ.

Ф. 1. Оп. 1. № 34. Л. 6–18; ЦГИА СПб. Ф. 3. Оп. 1. № 2422. Л. 7–12; по др. сведениям, имение это принадлежало его дяде — см.: ОР РНБ. Ф. 410 (Куторга М. С.). № 137]. Он был, однако, очень небогат и служил всегда в двух-трех местах одновременно: преподавал древние языки и историю в гимназии Имп. человеколюбивого общества и Екатерининском ин-те, а также в 3-й Петерб. прогимназии (здесь он одно время исполнял должность директора), в 10-й и 5-й Петерб. гимназиях. Дело преподавания, судя по всему, он вел добросовестно, своевременно получая чины и награды (Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. № 34. Л. 6–18).

Последние годы К. связаны с ИПБ, куда он поступил в 1889 библиотекарем с заведованием отделом филологии. Возможно, в б-ку К. и определился для того, чтобы подготовить издание многолетнего труда дяди (Собрание сочинений Михаила Семеновича Куторги / под ред. Мих. Степ. Куторги. Т. 1. СПб., 1894; Т. 2. СПб., 1896). С дядей К. был весьма дружен, проводя с ним все свои отпуска в имении Борок Могилёвской губ., где Михаил Семенович прожил безвыездно последние 12 лет своей жизни и написал историю «Афинской гражданской общины по известиям эллинских историков». Монументальный труд дяди К. разделил

на главы, снабдил подзаголовками, выверил и добавил ссылки, т. е. сделал его не только доступным, но и удобным для чтения. Написал он и хвалебное предисловие к труду дяди, называя его «первоначальником в нашем отечестве науки об эллинстве» (СС. Т. 1. С. 7).

Много внимания К. уделял и общественным делам: был попечителем Парадинской церковноприходской школы Мстиславского у. и почетным мировым судьей (в Могилёвской губ.); состоял д. чл. РАО.

В одном из писем Куторге (ст.) Н. А. Астафьев писал о племяннике: «Михаил Степанович прекрасный молодой человек, не зараженный глетворным современным духом, напротив, религиозно даже настроенный...» (ОР РНБ. Ф. 410. № 99. Л. 23–24).

Филолог, историк, общественный деятель, любитель древностей и преподаватель лат. и греч. языков, хранитель превосходных семейных традиций, К. в последние годы своей жизни страдал от неизлечимой болезни (сухотка спинного мозга), которая раньше срока свела его в могилу.

Литература: СРНБ; Биографика СПбГУ (со справкой об архивах); Тункина 2017.

С. Э. Андреева

Научное издание

СЛОВАРЬ
ПЕТЕРБУРГСКИХ
АНТИКОВЕДОВ

XIX – начала XX века

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ I

А – К

Ответственный редактор *А. К. Гаврилов*

Редактор *Н. Ю. Меньшенина*
Компьютерная верстка *А. Б. Левкина*

Подписано в печать 29.08.2021. Формат 70 × 100¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,6. Тираж 250 экз.
Заказ № 018.

Отпечатано в типографии «Арт-Экспресс»

ISBN 978-5-4391-0712-4

9 785439 107124